

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

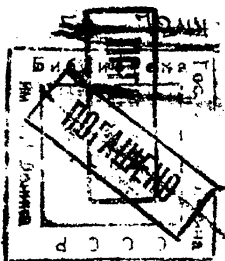
137
257
1920

ДЕНИКИН Ю ДЕНИЧ ВРАНГЕЛЬ

М Е М У А Р Ы
ДЕНИКИН, ЛУКОМСКИЙ,
РАКОВСКИЙ, ВОРОНОВИЧ,
СКОБЦОВ, ОБОЛЕНСКИЙ,
ВАЛЕНТИНОВ, ГОРН И ДР.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

СОСТАВИЛ С. А. АЛЕКСЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

Редактор Г. Е. Рейхберг
Техн. редакт. В. Дахнов
Выход—июль

Отпечатано в 8-й типографии „Мо-
полиграф“, Москва, улица, Фридриха
Энгельса, д. 46, в количестве
5,000 экземпляров, Уполномочен-
ный Главлита № В-1557
С-4-45 Огиз № 138
Зак. № 1713
28½ п. л.

★

2010512531

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
С. А. Алексея	5
Предисловие Н. Л. Мещерякова	7

Часть I.

Расцвет и конец Деникина.

Ген. А. И. Деникин. Национальная диктатура и ее политика . . .	19
Ген. А. С. Лукомский. Деникин и Антанта	74
Д. Скобцов. Драма Кубани	116
Н. И. Штиф. Добровольцы и еврейские погромы	140
Н. В. Воронович. „Зеленые“ повстанцы на черноморском побережье .	159
К. В. Герасименко. Махно	207

Часть II.

Юденич и Северо-западное правительство.

Василий Горн. Гражданская война на Северо-западе России . . .	242
---	-----

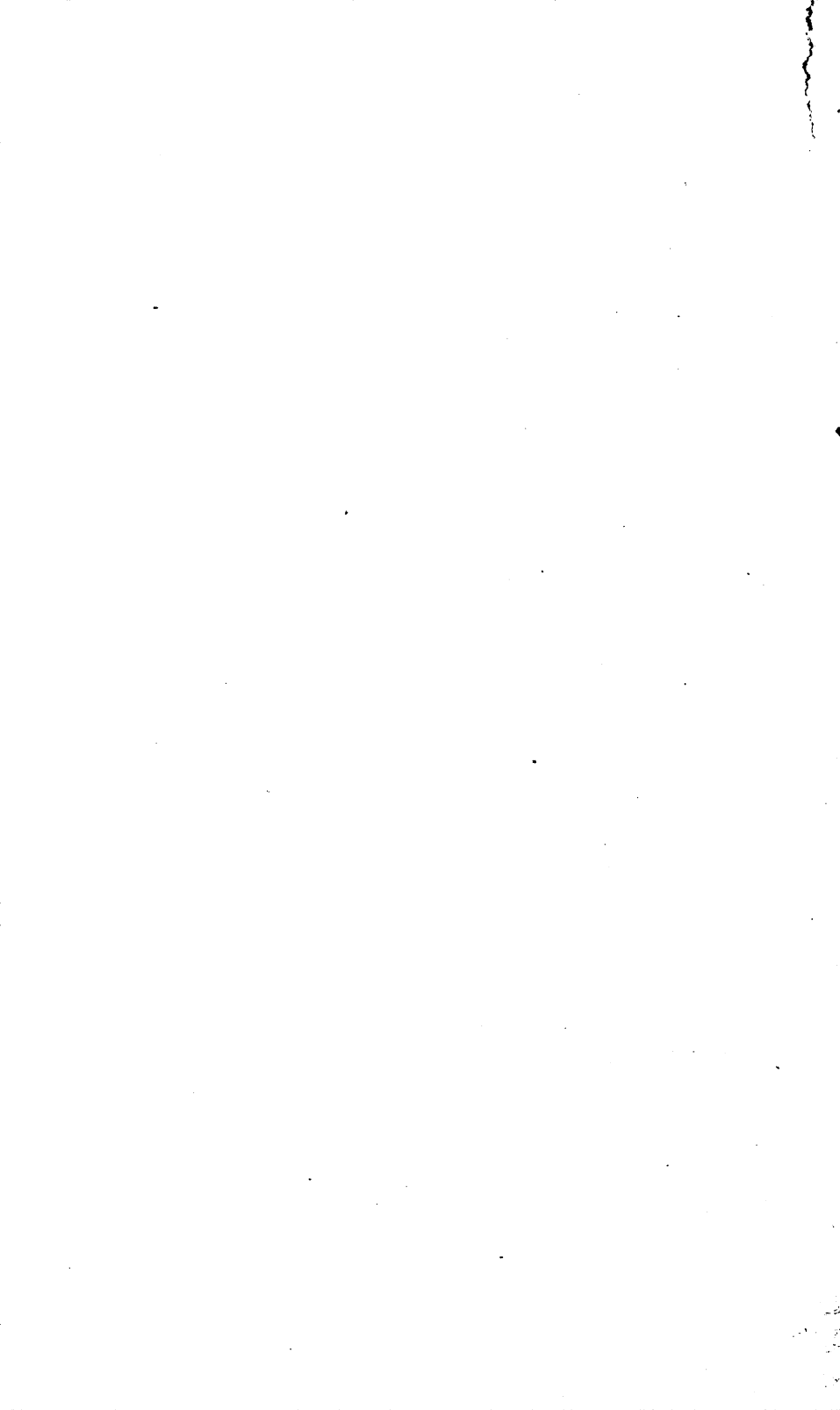
Часть III.

Врангелевщина.

А. А. Валентинов. Крымская эпопея	329
В. Оболенский. Крым при Врангеле	359
Г. Раковский. Конец белых	379

Приложения.

Летопись событий гражданской войны	425
Именной указатель	442

С. А. АЛЕКСЕЕВ

Сергей Александрович Алексеев, почину которого обязано выходом в свет настоящее издание, принадлежит к тому поколению русских марксистов, работа которого началась в середине 9-х гг. С. А. родился 19 февраля (ст. ст.) 1878 г. в г. Курске в семье артиллерийского чиновника. Окончив в 1896 г. Ковенскую гимназию, С. А. поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, принимал деятельное участие в студенческих кружках самообразования, помогал работе тогдашнего «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»—и летом 1897 г. был в первый раз арестован. Просидев в Доме предварительного заключения свыше года, С. А. должен был расстаться с Петербургом и перебраться в Харьков, где ему удалось вновь поступить в университет. Однако, весной 1899 г. в связи с студенческими «беспорядками» С. А. был исключен из университета и должен был на долгие годы проститься с академическими занятиями. Исключение из университета не сопровождалось высылкой из Харькова, благодаря чему С. А. продолжал принимать деятельное участие в работе местного партийного комитета, членом которого состоял, и в связи с этой работой вновь подвергся аресту в 1901 г., вновь просидел более года в тюрьме и был затем выслан из Харькова. Поселившись в Саратове, С. А. работал в редакции «Саратовского дневника» затем должен был перебраться в Уральск, где работал в редакции «Уральца», из Уральска переселился не надолго в Ростов-на-Дону, а в 1904 г. поселился в Одессе. Здесь С. А. организовал первое по времени в России легальное издательство социал-демократической литературы под фирмой своей жены Е. М. Алексеевой, которой позже пришлось отсидеть год в тюрьме по судебному приговору за эту издательскую деятельность. В 1905 г. издательство было переведено в Петербург, переименовано в книгоиздательство «Новый мир» и стало партийным издательством меньшевиков. «Новый мир» выпустил огромное количество социал-демократической литературы, главным образом переводной, при ближайшем участии С. А., как заведующего, редактора и переводчика. С 1905 по 1918 г. С. А. проживал почти безвыездно в Петербурге, занимаясь, главным

образом, литературной работой, не покидая и партийной деятельности. В 1908 г. он вернулся к университетским занятиям, на этот раз благополучно завершившимся получением университетского диплома. В 1918 г. С. А. покинул Петербург и уехал с семьей в Киев, где оставался до осени 1922 г., когда ему удалось перебраться в Москву. Как опытный литературный работник с выдающимися организаторскими способностями, С. А. был приглашен на ответственную работу в Социально-экономическом отделе Госиздата, в котором работал в течение многих лет. Москва произвела решительный переворот в политическом мировоззрении С. А. Раньше, с самого раскола партии в 1903 г. и вплоть до 1918 г., С. А. был меньшевиком, затем под влиянием уроков жизни все более и более отходил от меньшевизма, о разрыве с которым заявил печатно, а в последние годы своей жизни стал убежденным коммунистом, хотя меньшевистское прошлое и мешало формальному вступлению его в ВКП(б). Замысел выпустить историю гражданской войны в форме систематизированных выдержек из мемуаров белогвардейцев, к которым С. А. относил и меньшевиков, был порожден именно этим коренным переломом в его политическом мировоззрении.

С. А. был плодовитейшим литературным работником,—к сожалению, вынужденным обстоятельствами тратить почти все свои силы на переводы и компиляции. Впрочем на его долю выпала благодарная задача перевода многих произведений самого Маркса и некоторых классиков марксизма («Нищета философии», «Коммунистический манифест» и др.). Его переводы всегда точны и сделаны с большим знанием научной терминологии.

Написанная им для издательства «Молодая гвардия» История Октябрьской революции должна была начать серию самостоятельных исторических работ, которые С. А. обдумывал и выполнял бы, не помешай тому роковой недуг—рак желудка, сведший С. А. 18 апреля 1930 года после операции в могилу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

к первому изданию

Предлагаемый читателям пятый том воспоминаний белогвардейцев является последним, заключительным томом этой серии. В пятом томе читатель найдет интересный материал по истории гражданской войны и белогвардейских движений, относящихся ко многим районам СССР и к очень разнообразным периодам. Отрывки из мемуаров Деникина, Лукомского и Скобцова рассказывают о том периоде, когда Деникин стоял во главе всех контрреволюционных сил Юга России. Воспоминания белогвардейцев Оболенского, Раковского и Валентинова касаются Крыма времен Врангеля. Горн рассказывает о временах Балаховича и Юденича в Пскове и Петроградской губ. Герасименко обрисовывает в своих воспоминаниях фигуру Махно. Воспоминания Вороновича рисуют картину развития «зеленого» движения в Сочинском округе. И наконец отрывки из статьи Штифа знакомят читателя с картиной еврейских погромов, которые учиняла белогвардейщина. Незатронутыми в пятом томе остаются только Сибирь и северный район, которым посвящен IV том.

Сравнивая картины белогвардейского движения в различных районах его действия, сравнивая далее их с тем, что рассказывалось в предыдущих томах, в статьях других авторов, невольно приходишь к выводу о поразительно однообразном характере всех этих движений. Во всех этих движениях, описанных и зарисованных различными авторами, ясно сквозит одно и то же классовое содержание движения, повсюду встречаешь одни и те же ошибки, которые приводят повсюду к одному и тому же результату—к разгрому белогвардейского движения. Приходящий на место разбитого генерала новый вождь (например, Врангель на место Деникина) видит эти ошибки. Он пытается хотя бы для видимости устранить их, но классовый характер движения оказывается сильнее. Он ярко пробивается во всей политике с самого начала, и чем дальше идет это движение, тем решительнее сходит оно на старые рельсы слепой, зверски-ожесточенной борьбы за помещичьи классовые интересы. И в результате дело кончается новым разгромом движения.

Интересно далее однообразие выводов относительно белого движения на основе изучения материалов, авторами которых являются контрреволюционные деятели самых разнообразных политических направлений—от монархиста до эсера. Все они

одинаково ярко рисуют классовый буржуазно-помещичий характер белогвардейщины и—поскольку они касаются этой стороны дела—классовый рабоче-крестьянский характер побеждающей их революции.

В настоящем предисловии мы хотим отметить только некоторые наиболее яркие и характерные черты белого движения, красной нитью проходящие через это движение на всем его протяжении, где бы оно ни развивалось.

Прежде всего нужно отметить наблюдаемое повсюду стремление скрыть этот классовый, буржуазно-помещичий характер, и стремление притом вполне сознательное. Всюду белогвардейщина стремится представить в виду свое дело, как защиту интересов всего народа, как защиту интересов демократии.

«Необходимо помнить, что в то время вся правая компания сознательно гримировалась под «демократизм» и обычно тщательно скрывала свое подлинное лицо»,—говорит Горн о северо-западной белогвардейщине.

«Становилось все яснее, что для правого большинства мы были нужны, как некоторое прикрытие»,—говорил один из цитируемых Деникиным «левых» демократов его «Особого совещания».

Ни там, ни тут белогвардейщине не удалось скрыть под демократической маской свое подлинное лицо. И тем не менее Врангель возобновляет эту попытку, хотя с первых же шагов для всякого наблюдателя ясно, что и она кончится таким же провалом.

«В своих речах,—говорит Валентинов,—Врангель обещал в вопросах, касающихся внутреннего устройства Крыма и России, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности. Была провозглашена беспощадная борьба с канцелярщиной и рутинной. Началась стремительная замена одних лиц и учреждений другими. Фактически, впрочем, дело сводилось лишь к калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних. Был упразднен знаменитый «Осваг», составлявший целую эпоху в период политики Особого совещания, но вместо одного «Освага» расплодилось чуть ли не дюжина маленьких «осважнют», представлявших в подавляющем большинстве случаев скверную креатуру своего родоначальника.

Немудрено, что все эти попытки реформаторства, хотя бы самого скромного и убогого, кончаются полной неудачей. Деникин, Врангель и другие, ставшие наверху вожди, выдвигавшие лозунги реформы, были простым слепым орудием в руках тех классов, которые стояли за их спиной и которые на деле руководили всем движением.

«За войсками следовали владельцы имений, не раз насильственно восстанавливавшие, иногда при поддержке воинских команд, свои имущественные права, сводя личные счета и мстя»,—пишет в своих записках Деникин.

«В некоторых местностях, где уже наступало некоторое успо-

коение, некоторые землевладельцы возвращались в свои поместья и вносили вновь элементы брожения непомерным вздутием арендной платы»,—говорит в другом месте тот же Деникин.

Не надо думать, что помещики действовали в этих случаях самовольно, что они шли против намерений и действий своего правительства. Нет, они только на деле осуществляли то, что путем новых законов и «предписаний» постанавляли эти белогвардейские правительства. Так, например, тот же Деникин, который как будто не одобряет действий помещиков 23 марта 1919 года, послал на имя председателя организованного им «Особого совещания» предписание «приступить немедленно к обсуждению мер для возможного восстановления промышленности и к разработке рабочего законодательства, приняв за основу его восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий», т. е. возвращение этим владельцам взятых у них революцией фабрик и заводов. Помещики в своей сфере только выполняли это «восстановление законных прав владельцев», которое предписывал Деникин.

Не надо думать, что помещики, следовавшие за армией, сколько-нибудь расширительно толковали «предписания» Деникина. Они буквально выполняли то, что предписывал им Деникин и созданные им органы.

Возьмем, например, «земельное положение», составленное при Деникине комиссией Колокольцева. Оно по характеристике Деникина в основе своей имело следующие положения:

«Помещичья земля свыше известной нормы передается добровольно или отчуждается в собственность крестьян за выкуп. Норма, не подлежащая отчуждению, частновладельческих земель, в зависимости от местности,—от 300 до 500 десятин. Целый ряд изъятий в отношении культурных и заводских хозяйств еще больше уменьшал общую площадь переходящих к крестьянам земель. Отчуждению не подлежали земли городов, земств, монастырей, церковные, духовных учреждений, ученых и просветительных обществ. По мере занятия отдельных местностей должны были немедленно вступать в распоряжение своими угодьями казна, банки, города, церкви, монастыри, перечисленные выше учреждения, а также во многих случаях частные собственники... Наконец, положение предусматривало, что земельные органы приступят к отчуждению только по истечении трех лет со дня восстановления гражданского мира во всей России».

Проект Колокольцева был переработан. Но и после этого он оказался также построенным в интересах помещиков. Была только несколько понижена норма во всяком случае оставляемых за помещиков земель.

«Но даже это творение—акт отчаянной самообороны класса—вызвало смятение в правых организациях»,—пишет Деникин.—«На проект Колокольцева, ставший известным Совету государственной обороны, последний отозвался немедленно письмом Кривошеина и постановлением от 14 июля: «Налагаемое

законопроектом принудительное перераспределение владения возбуждает серьезные опасения в том, что проведение его в жизнь породит тяжелые продовольственные последствия для государства и экономическое обессиление его». Совет успокаивал себя только тем, что в течение трехлетнего срока «непреложные законы экономического развития укажут на правильный путь для будущего русского сельского хозяйства», и рекомендовал ограничиться возобновлением деятельности Крестьянского банка и созданием землеустроительной и землемерной организаций, которые «внесут в деревню успокоение вернее и скорее, чем самые красноречивые обещания».

Деникин как будто не одобряет этой борьбы «правых организаций» за помещичью землю. А между тем сам же выставляет эти помещичьи требования в своей «декларации», составленной Астровым. Вот что содержат пункты 3 и 4 этой «декларации»:

3) «Сохранение за собственниками их прав на землю. При этом в каждой местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату...

4) «Отчуждению не подлежат земли казацки, надельные, леса, земли высокопроизводительных сельскохозяйственных предприятий, а также земли, не имеющие сельскохозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских и иных промышленных предприятий».

На противоположном конце России—в Северо-западной области—мы видим те же стремления помещиков и такое же поощрение этих стремлений со стороны «северо-западного правительства».

«На нашем Северо-западе,—пишет Горн,—земельный вопрос с самого начала появления белых у власти принял уродливые, вредные для движения формы. В верхах армии, и еще более в ее обозе, двигалось много помещиков, и чего мудреного, что, будучи материально заинтересованы в сохранении своего землевладения, они считали большевизмом санкционирование всех крестьянских захватов, происшедших за время революции».

Но и на Северо-западе помещики действовали не самовольно. И здесь они только осуществляли «приказы», издаваемые белогвардейским правительством, предварительно заставив это правительство издать такие «приказы».

Об этих «приказах» подробно рассказывает Горн в своих записках.

Так издан был, например, «приказ № 12», который обязывал крестьян вернуть помещикам все движимое имущество, которое они у них захватили.

За № 12 последовал «приказ № 13», которым белогвардейское правительство пыталось вернуть помещикам и землю, взя-

тую у них крестьянами, т. е. полностью восстановить старое помещичье землевладение. Вот как характеризует этот приказ цитируемый Горном Богданов:

«Творцы приказа № 13 вполне недвусмысленно, с солдатской прямолинейностью заявили, что на место отпавших органов советской власти должны стать прежние ее владельцы (т. е. помещик, крупный земельный собственник, церковь, монастырь и пр.), которым и должна уплачиваться аренда за землю, причем его (приказ № 13) постарались сейчас же распространить на всех граждан, которым было разрешено собрать в 1919 году урожай на обработанных и занятых ими землях. Пунктом 4-м прежнему владельцу возвращалась усадьба, т. е. жилой дом с необходимыми постройками и площадь, занятая садом и огородом. Покосы также (пункт 8). Другими словами, частновладелец по приказу № 13 восстанавливался полностью: за пахотную землю получает аренду (большого творцы приказа здесь сделать не могли, ибо земли были обработаны и засеяны); усадьба поступает в его полное распоряжение; непахотными угодьями он распоряжается по своему усмотрению (хочет сдает, хочет не сдает в аренду). Наконец приказом № 12 ему дается право получить обратно живой и мертвый с.-х. инвентарь».

«Практика применения приказа № 13 дала не менее плачевные результаты, чем применение приказа № 12. Наиболее ретивые из частных владельцев стали требовать выселения из имений засеваемых там батраков и малоземельных крестьян со всем их с.-х. скарбом и передачи бывших имений по принадлежности. Все без исключения частные владельцы пожелали получить аренду за пахотную, выгонную и покосную земли. Многие стали добиваться аренды не только вперед за 1919—1920 г., но и за годы революции, когда никаких уплат не производилось... «Канцелярии комендантов и земельных органов оказались заваленными новыми делами. На деревню посыпались допросы, дознания, аресты с вызовами за десятки верст, с обвинением порогов, потерей рабочего времени, обвинениями в сочувствии или принадлежности к коммунистам, приводившими иногда обвиняемых к смертной казни».

Наученный несколько горьким опытом своих предшественников в разных концах России, а в особенности печальной судьбой Деникина, Врангель попытался пойти на уступки зажиточному крестьянству. Это зажиточное крестьянство он задумал сделать своей социальной базой. В его руки должна была перейти земля, и оно должно было стать защитником частной собственности.

Но проведение этой реформы было поручено помещикам, которые вовсе не хотели даром расставаться со своей землей. Они хотели продать ее и притом за хорошие деньги. Прежде всего они начали саботировать выработку нового аграрного закона. «Большинство комиссии решительно отвергло принцип принудительного отчуждения и сводило реформу к содействию крестьянам в покупке земель у помещиков». Врангель назна-

чил для выработки закона вторую комиссию, но и в нее вошли те же помещики, что и в первую.

«Намерения большинства комиссии,—говорит в своих записках Оболенский,—были совершенно ясны: считаясь с обстоятельствами, провозгласить реформу, но осуществление ее отложить на возможно долгий срок, а там—видно будет. Они надеялись, что если Врангелю удастся победить большевиков и силою штыков утвердить свою власть в России, то вопрос о земельной реформе будет снят с очереди, и все останется по старому».

Наконец закон был выработан. «В основу этого закона,—пишет Раковский,—был положен принцип принудительного отчуждения и выкупа. Новые собственники земель должны были уплатить за них правительству одну пятую ежегодного урожая или же соответствующую сумму в течение 25 лет. Этими платежами правительство хотело удовлетворять бывших землевладельцев. Закон составлен был очень казуистично, написан суконным канцелярским языком, для населения совершенно непонятным».

«Нужно сказать,—пишет Оболенский,—что выкупные платежи действительно были исчислены слишком высоко, ибо одна пятая урожая с десятины превращалась при трехпольной системе в три десятых с десятины посева, а при распространенной в Крыму залежной системе в половину, а то и более».

Итак, помещики, которые выработали врангелевский закон, решили сделать из передачи земли крестьянам очень выгодное для себя дело. Крестьяне должны были ни за что, ни про что в течение 25 лет платить помещикам, по признанию Оболенского, половину урожая с десятины посева. Но, чтобы вполне оценить всю выгодность для помещиков выработанного ими аграрного закона, надо принять во внимание, что они были в то время в совершенно безвыходном положении, что им угрожала полная потеря земли, что земля в то время потеряла всякую ценность. «В то время,—пишет Оболенский,—рыночная стоимость земли была крайне низка. Земля являлась, пожалуй, самым дешевым товаром, и я знаю целый ряд случаев покупки земли в Крыму за бесценок».

Крестьяне поняли задуманный обман. «Неудивительно,—пишет Раковский,—что население настолько отрицательно отнеслось к этому аграрному закону, что во многих волостях как в Крыму, так и в северной Гаврии, крестьяне совершенно уклонились от выборов в волостные земельные советы».

Ню стремления во что бы то ни стало восстановить дореволюционное старое обнаруживались не только в области аграрной. Те же попытки реставрации видим мы во всех решительно областях жизни и во всех уголках, где белогвардейщине удавалось хотя бы на короткое время установить свою власть. Так было, например, в Сочинском округе.

«После прихода добровольцев в Сочинский округ,—пишет Воронович,—все демократические организации—городская дума,

Земский комитет, профессиональные рабочие союзы,—были распущены, а не успевшие во-время скрыться члены этих организаций были арестованы по обвинению в государственной измене».

«Все управление округом перешло к военным властям, которым были подчинены начальник округа и участковые пристава, на каковые должности были назначены опытные чины прежней жандармерии и полиции. Затем была сформирована государственная стража из бывших стражников, полицейских урядников и городских. Новое начальство принялось энергично за восстановление «порядка и законности» и прежде всего начало сводить свои личные счета с населением, вымещая на нем все выпавшие на их долю за время революции обиды и унижения».

Немудрено, что такая безудержная реставрация скоро вызвала со стороны населения резкий отпор.

«Недолго продолжалось,—говорит Воронович,—равнодушное отношение крестьянства к новой власти, которая вскоре возбудила к себе жгучую ненависть крестьян. Ненависть эта была вызвана, во-первых, назначением на административные посты старых полицейских взяточников, во-вторых, начавшимися реквизициями кукурузы, фуража, лошадей и повозок и, в-третьих, безобразным поведением новых властей и преследованием крестьян за пользование частновладельческими участками, хотя большинство этих участков было передано в пользование крестьянам учрежденным при Временном правительстве Земельным комитетом».

Таково же было положение дел во всех областях, занятых белогвардейцами.

«В области практического управления,—признает даже Деникин,—дело обстояло хуже, нося внешнее признание реставрации. Управляющий внутренними делами Чебышев ставил губернаторов почти исключительно из числа лиц, занимавших эти должности до революции, желая «использовать их административный опыт». Это были люди... по психологии и мировоззрению, навыкам, привычкам столь далекие, столь чуждые совершившемуся перевороту, что ни понять его, ни подойти к нему они не могли. Для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возратить и в формах, и в духе. За ними следом потянулись низшие агенты прежней власти, одни—испуганные революцией, другие—озлобленные и мстящие».

Точно то же повторялось и в противоположном конце России—в Псковской области.

29 мая 1919 года эстонцы заняли Псков. «Немедленно после этого,—говорит Горн,—подняли голову правые элементы, и среди купечества пошел разговор, что не мешало бы собрать Думу не Временного правительства, а царскую, существовавшую до революции; затем заметное беспокойство обнаружила еврейская часть населения: откровенно стали грозить погромом черносотенцы».

«Гласные уездного земства—крестьяне—не сидели в Пскове... И Хомутов договорился о восстановлении земства с оставшимися в породе помещиками—бывшими гласными прежнего царского земства. Состав уездной земской управы, за исключением ее председателя, человека умеренных взглядов, оказался чернее черного, а большинство членов управы от дряхлости—совсем нетрудоспособными».

Так было и в Крыму во времена Врангеля, хотя к этому времени белогвардейцы, казалось бы, должны были кое-чему научиться от ряда своих прежних неудачных попыток реставрации. По словам Валентинова, «политические авантюристы всех рангов и калибров, экс-министры Особого совещания, голодные, оказавшиеся на мели осваивники, случайные репортеры вчерашних столичных газет—все это дни и ночи напролет сочиняло обеими руками рецепты спасения России».

«Что касается организации административного управления,—говорит Раковский,—то после Деникина положение не улучшилось, а ухудшилось. Как Крым, так и северная Таврия были наводнены отбросами старой царской администрации. В этом отношении наблюдалась картина полной реставрации, вплоть до того, что администраторы носили даже свою дореволюционную форму».

«Руководящую роль в Крыму играли крайние реакционеры. В тесном союзе с ними находятся хищники и акулы—аферисты, которые в мутной крымской воде получили богатый золотой улов. Больше, чем когда-нибудь, теперь приобретают влияние представители черносотенного духовенства, которые с осени начинают вести особенно яростную монархическую агитацию. Устраиваются «дни покаяния» с трехдневным постом. Темная масса электризуется погромными проповедями и речами Веньямина, Булгакова, Малахова, членов всяких национальных общин и т. д. Священники типа Востокова призывают к «дроблению еврейских черепов».

Даже тогда, когда летом 1920 г. врангелевцы при помощи десанта всего на несколько дней овладели небольшим кусочком Кубанской области, они немедленно начали ту же политику самой безудержной реставрации.

«В своем докладе на общеказачьем съезде Винников, выступавший в качестве заместителя кубанского атамана, разбираясь в причинах неудачи, указывал на то, что представители главного командования, прибывшего на Кубань, были одержимы манией так называемой «твердой власти». Беспричинно злобствовавшие против казачества, они дали простор своим чувствам при первой же встрече с казачьими станицами и сразу изменили отношение местных казаков к десантным войскам. Злоба и месть были положены в основу управления... Генерал Черепов, высадившийся со своим отрядом у станицы Анапской, созвал казаков и объявил им:

«Ну, кончились все ваши круги и рады и выборные атаманы. Довольно накружидись и нарадовались. Пора и твердую власть установить!»

«Проходя мимо здания станичного управления (в станице Таманской) он (полковник Крыжановский, земельный собственник Таманского отдела) встретил старика, который не отдал ему чести, и приказал выпороть его. Старик был одним из уважаемых граждан станицы. Конечно, население после таких выступлений прибывших из Крыма представителей власти стало с ужасом прятаться от них, и в станицах появились пустые избы».

«В органах гражданского управления царил полный хаос. Между «филимоновскими» и «иванисовскими» атаманами отделов происходили крупные столкновения. В станицах начались крупные реквизиции, учащались насилия. Вместо напряженной организационной работы представители гражданской власти сводили личные счёты между собой, занимали лучшие дома, выпивали и закусывали, распевая кубанский гимн».

Таким же насилиям и издевательствам со стороны озлоблённых белогвардейцев подвергалось во времена Врангеля и население Крыма.

«Имуществом, судьбой и даже жизнью в Крыму распоряжались взяточники, грабители, мошенники и бандиты, объединившиеся в организации, именуемые контрразведкой,—пишет Раковский».

«Чиновники высокомерны, продажны, неспособны и бесчестны,—отмечают в своих корреспонденциях представители иностранной печати, благожелательно настроенные по отношению к Крыму.—Они ничего не поняли в совершившемся, и в их глазах старая жизнь возобновляется после некоторого перерыва».

«Обыски и аресты, в особенности среди антибольшевистски настроенных рабочих, принимали характер какой-то вакханалии. Аресты производились чаще всего под предлогом сочувствия большевикам, причем это сочувствие выражалось, например, в том, что рабочие жаловались на дороговизну, на невозможные условия существования. Профессиональные союзы ожесточенно преследовались. Создалось в конце концов прямо невыносимое положение».

«Озлобленно преследовались и кооперативы, которые являлись могущественными конкурентами крымским хищникам-спекулянтам, в числе которых были и лица, занимавшие высокие административные посты вплоть до министерских».

«Население буквально стонало от произвола коменданта, администрации, от полной беззащитности, от распущенной, ничем и никем не сдерживаемой офицерской и солдатской вольницы. Защиты у деревни не было никакой. Крестьянин был абсолютно бесправным существом, находился, можно сказать, «вне закона».

«Надзиратели и стражники,—писал в своем рапорте полковник Бородин,—пьянствуют, дебоширят, бьют морды крестьянам, берут взятки, обещая за это освобождение от мобилизации и освобождение от ареста. Под арест же сажаются крестьяне не только без достаточных к тому поводов, но и с целью вымогательства. Пристава смотрят сквозь пальцы на преступные деяния

своих низших органов административной власти, сами участвуют в попойках и в сокрытиях преступлений. Пристава, надзиратели, стражники, волостные старшины и старосты бездействуют и пристрастно относятся к зажиточным крестьянам, от которых можно кое-что получить дегтишкям на молочишко. Это вызывает, у крестьян в лучшем случае безразличное, в худшем—яркое враждебное отношение вообще к власти генерала Врангеля».

«Военно-полевые суды свирепствовали в тылу. Свирепствовали они и на фронте и в завоеванных областях. Людей расстреливали и расстреливали. Еще больше их расстреливали без суда. Генерал Кутепов прямо говорил, что «нечего заводить судебную канитель; расстрелять и все».

Те же картины насилия, жестокости и произвола описывает Горн в своих воспоминаниях о Псковской области.

«То, что творил в Пскове Балахович и его присные, пишет он,—я думаю, превзошло все меры жестокости белых, где-либо и когда-либо содеянные».

«Вешали людей во все время управления белых Псковским краем. Долгое время этой процедурой занимался сам Балахович, доходя в издевательстве над обреченной жертвой почти до садизма. Казнимого он заставлял самого себе делать петлю и самому вешаться».

«Балахович приказал выкопать из могил, устроенных в центре города, в кадетском саду, похороненных там с почестями красноармейцев. Осклизлые гробы, частью вскрытые, с полуогнившими покойниками, стояли после этого в саду, целый день. Приходили из деревень какие-то бабы и жалобно плакали возле гробов».

«Грабежи были одной из язв всех белых армий. Наша армия, тоже не избегла этого зла с той только разницей, что любители поживы здесь преимущественно «грабили награбленное», т. е. национализированное большевиками чужое добро, или обворовывали общественное и государственное имущество...»

«Грабеж производился отнюдь не для удовлетворения элементарных и вопиющих нужд армии, а просто по распущенности прав и по жажде крупной наживы со стороны военно-начальников. После взятия белыми города Павловска там «нашлись люди, которые решили использовать приход белых с целью свести счеты со своими личными врагами, коих оговорили перед белыми, а те без долгих разговоров их перевешали. В числе казенных не было ни одного коммуниста».

«Создавались дутые обвинения в большевизме, преимущественно в отношении зажиточных людей, и жертве предстояла только одна дилемма: или откупись, или иди на виселицу. Более состоятельные крестьяне отделялись карманом, а за мешавшаяся в Энгельгартовских сетях беднота расплачивалась жизнью».

Наряду с насилиями и произволом все авторы без различия их политического направления указывают на самое безудержное воровство, которое безнаказанно царило во всех белых армиях.

«В области тылового быта и тыловых нравов,—говорит Оболенский,—мы все время эволюционировали в одну сторону,—в сторону усиления всякого рода бесчестной спекуляции, взяточничества и казнокрадства. Смена вождей и руководителей военных действий и гражданской полиции нисколько на этом не отражалась. Если при Врангеле тыловой разврат был еще значительно больше, чем при Деникине, то только потому, что Врангель был после Деникина, а не наоборот».

То же подтверждает и Раковский:

«В гражданских и военных органах управления, среди высших чинов администрации совершенно безнаказанно изо дня в день происходили у всех на виду грандиозные хищения, творилась невообразимая вакханалия, взяточничество, совершались подлоги и т. д. Взятки брали почти за все, от низших до высших. Взяткой никто не брезгал; разница была только в цифрах: один брал меньше, другой больше. Законным путем почти ничего нельзя было добиться. Воровали все. Не воровал только тот, кто не мог этого делать или был исключительным по честности человеком».

Понятно, что крестьяне и рабочие, наиболее страдавшие от всех этих насилий и произвола, занимали резко враждебную позицию по отношению к белым.

«Правящие круги не имели никакой связи с широкими массами населения Крыма и северной Таврицы,—говорит Раковский.—Народ чуждался того дела, к которому безуспешно то уговорами, то беспощадными репрессиями пытались привлечь его. Воевать с большевиками в рядах белых крестьянство не желало. Население чуть ли не поголовно уклоняется от мобилизации и уходит к зеленым. Зеленоармейское движение развивается до таких пределов, что «зеленовцы» серьезно угрожают крупным пунктам, как Евпатория, Ялта, Феодосия».

Естественно также, что при таком резко враждебном или в лучшем случае вполне пассивном отношении широких кругов населения к белогвардейскому делу у правящих элементов белогвардейщины не могло быть веры в успех этого дела. «На фронт смотрели с чисто обывательской точки зрения, думая в сущности только о том, как бы жить за спиной армии и спокойно заниматься своими делами»,—говорит Раковский. «От учреждений при самом беглом знакомстве с ними получалось самое грустное впечатление. Во всем проскальзывала полная бессистемность. Всюду наблюдалось полное отсутствие веры в свое дело».

Этот недостаток поддержки со стороны широких кругов населения приведет в конце концов генерала Лукомского к выводу, что без помощи иноземного империализма белогвардейщине не удастся одержать победу над революцией и восстановить старые царские порядки.

«Без интервенции в той или иной форме, а может быть и оккупации отдельных районов России дело не обойдется»,—говорит Лукомский.—Но необходимо помнить, что работа по вос-

становлению России должна производиться русскими руками лишь при содействии великих держав».

«Работа должна производиться русскими руками», — пишет Лукомский. Но мы уже видели, в какие грабежи, издевательства, насилия, жестокости выливается эта работа, производимая русскими белогвардейскими руками. А по мнению Лукомского ко всему этому должна еще присоединиться иностранная «оккупация отдельных районов России», т. е. военный режим и насилия заграничных оккупантов. Ничего лучшего обещать своей стране и своему народу русские белогвардейцы не могут.

Все граждане СССР, а в особенности трудящиеся, это хорошо запомнят.

Н. Мещеряков

ЧАСТЬ I

РАСЦВЕТ И КОНЕЦ ДЕНИКИНА

ГЕН А. И. ДЕНИКИН.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА И ЕЕ ПОЛИТИКА ¹.

I.

Особое совещание: состав и общее направление политики.

На юге России, на территории, освобождаемой Добровольческой армией, без какой-либо прокламации, самым ходом событий, установилась диктатура в лице главнокомандующего.

Основной целью ее было свергнуть большевиков, восстановить основы государственности и социального мира, чтобы создать тем необходимые условия для строительства земли соборной волею народа. Жизнь стихийным напором выбивала нас из этого русла, требуя немедленного разрешения таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие, окончательное разрешение которых я считал выходящим за пределы нашей компетенции. Худо ли, хорошо ли и что целесообразнее,—это вопрос другой,—но диктатуре национальной, к осуществлению которой стремились на Юге, свойственны иные задачи и иные методы, чем диктатуре бонапартистской.

«Непредрешение» и «уклонение» от декларирования принципов будущего государственного устройства, которые до сих пор вызывают столько споров, были не «теоретическими измышлениями», не «маской», а требованием жизни. Вопрос этот чрезвычайно прост, если подойти к нему без предвзятости: все три политические группировки противобольшевистского фронта—правые, либералы и умеренные социалисты—порознь были слишком слабы, чтобы нести бремя борьбы на своих плечах. «Непредрешение» давало им возможность сохранять плохой мир и идти одной дорогой, хотя и вперебой, подозрительно оглядываясь друг на друга, враждуя и тая в сердце—одни республику, другие монархию, одни Учредительное собрание, другие Земский собор, третьи «законопреемственность».

Неужели спасение России не стоило того, чтобы на время отложить эти споры?

¹ Из книги: А. И. Деникин «Очерки русской смуты», т. IV, изд-во «Слово», Берлин, 1925 г.

Что касается лично меня, то такая постановка вопроса несколько не смущала мою совесть и была вполне искренна уже потому, что я решил твердо—и говорил об этом не раз,— что за формы правления я вести борьбы не буду.

Личный элемент в вопросе о диктатуре—тема для меня вообще слишком деликатная. Я коснусь одной только стороны ее.

В конце 1918 и в начале 1919 г. на роль диктатора и верховного главнокомандующего выдвигался, как известно, определенными кругами, преимущественно правыми, вел. кн. Николай Николаевич. Живя в Крыму, в Дюльбере, он оставался центром внимания этих кругов, из которых к нему обращались не раз, первоначально—с просьбой о возглавлении армий украинской, южной и астраханской¹. Все эти предложения великий князь отвергал, справедливо видя в этом явную авантюру. Другие группы правых, в том числе «Государственное объединение», признавая в принципе верховное возглавление вел. князя весьма желательным, считали выступление его тогда на политическую арену несвоевременным и в местном масштабе не соответствующим. Его авторитет приберегался ими до того момента, когда все четыре фронта—Колчака, Деникина, Юденича и Миллера—приблизятся к Москве... Оттого подчинение мое адм. Колчаку в конце мая 1919 г., укреплявшее позицию всероссийского масштаба, занятую Верховным правителем, встречено было правыми кругами несочувственно. Что касается прочих политических групп, левее стоящих, там к возглавлению движения великим князем относились отрицательно.

Я лично в непосредственных сношениях с великим князем не состоял. В Дюльбере его посетил официально генерал Лукомский и встретил там весьма радушный прием. Вообще вел. князь держал себя в отношении южной власти с величайшим тактом, стремясь не давать ни малейшего повода к каким-либо политическим осложнениям.

Весною 1919 г., когда обозначилась прямая угроза Крыму со стороны наступавших с севера большевиков, местопребывание там императорской семьи сделалось невозможным, о чем мною было сообщено в Крым. Незадолго до отступления наших войск к Акманая все лица императорского дома на английском военном судне выехали за границу. Вел. кн. Николай Николаевич поселился в С.-Маргерита, в Италии. Вскоре после вторичного овладения нами Крымом до моего сведения дошло, что он томится на чужбине и жалеет, что не может жить в России... По моему поручению ген. Лукомский 7 июля сообщил вел. князю, что в данное время для него представляется полная возможность безопасного пребывания на южном берегу Крыма. В начале сентября был получен ответ, что вел. князь «отказывает себе в счастье вернуться на родину, так как приезд его в Россию неминуемо повлечет за собой всевозможные толки о выступлении его

¹ «Монархический блок», союз «Наша родина», гетман—накануне падения и др.

как политического деятеля, чем еще больше осложнится общее положение дел». Впрочем, им не исключалась возможность жить в Крыму «частным лицом на общих основаниях по водворении полного порядка». Но въезд в Россию был обусловлен «совместным решением этого вопроса адм. Колчаком, ген. Деникиным и союзниками»... Мы получили ответ этот в октябре, когда на южном фронте назревала опасность, а на восточном уже созрела, и вопрос о переезде затих.

Прочие лица императорской фамилии¹, находившиеся на юге, в политической жизни никакого участия не принимали. Вел. князь Андрей Владимирович обращался ко мне в ноябре 1919 г., выражая желание «вступить в ряды войск, борющихся за освобождение России». Я вынужден был ответить, что «политическая обстановка в данное время препятствует осуществлению его патриотического желания». На службе состоял только герцог Лейхтенбергский (младший) в черноморском флоте, в чине капитана II ранга; был дружен со Слащевым, который хотел использовать его для своих особых целей, до военного переворота включительно. Но безуспешно.

* * *

Особое совещание функционировало первоначально применительно к утвержденному 18 августа 1918 г. ген. Алексеевым положению и проекту нашей «конституции», выработанной для установления взаимоотношений с казачьими войсками. Жизнь раздвигала эти узкие рамки, облекая Особое совещание всеми функциями власти исполнительной и законодательной. Только 2 февраля 1919 г. было утверждено и опубликовано «Положение об Особом совещании при главнокомандующем В. С. Ю. Р.», в основу которого положено, в известной степени, совмещение круга деятельности совета министров и старого Государственного совета².

¹ Вдовствующая императрица жила в Крыму до первой эвакуации его. Вел. князья Борис и Андрей Владимировичи, выреченные полковником Шкуро из Кисловодска, и мать их вел. княгиня Мария Павловна жили в Анапе. Вел. княгиня Ольга Александровна жила также на Кубани, в одной из станиц.

² Важнейшие статьи «Положения»:

1. При главнокомандующем, для содействия в делах законодательных и административных, состоят Особое совещание и нижеследующие ведомства (перечень их ниже).

3. В области управления подчиненными начальники Управлений, управляющие Отделами законов и пропаганды пользуются правами министров, применительно к учреждениям министерств (Св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1892 г.).

9. В области законодательства и верховного управления Особое совещание является совещательным органом при главнокомандующем.

10. На обсуждение Особого совещания поступают: 1) все законодательные предложения, за исключением касающихся тех предметов, кои предусматриваются статьями 96 и 97 Основных законов; 2) все правительственные мероприятия общего государственного значения; 3) все предложения о замещении высших гражданских должностей центрального и местного управления за исключением должностей начальников Управлений...

Дела, подлежащие рассмотрению Особого совещания, вносятся в оное

Ни этим Положением, ни каким-либо другим государственным актом не определялось существо власти главнокомандующего, и только косвенно неограниченность ее вытекала из сопоставления отдельных статей законоположений. Точно так же не предусматривался в законодательном порядке вопрос преемства власти—ни гласно, ни тайно. Только осенью 1919 г., под влиянием постоянных настойчивых сведений о готовящихся на мою жизнь покушениях, я считал себя обязанным указать своего преемника. Я составил «завещание-приказ» вооруженным силам Юга о назначении главнокомандующим моего начальника штаба, генерал-лейтенанта Романовского. Этим актом я готовил ему тяжкую долю. Но его я считал прямым продолжателем моего дела и верил, что армия, хотя в среде ее и было предвзятое, местами даже враждебное отношение к Романовскому, послушается последнего приказа своего главнокомандующего. А признание армии—все. Приказ этот в запечатанном конверте лежал в моем нестораемом шкафу, и о существовании его знали, кроме меня, только два человека: сам И. П. Романовский и генерал-квартирмейстер Плюшевский-Плющик. Когда я сказал им об этом обстоятельстве, Романовский не проронил ни слова, и только на лице его появилась скорбная улыбка. Словно подумал:

«Кто знает, кому уходить первым...»

Я вполне уверен, что оба они сохранили тайну. Но некоторые изошренные умы проникали интуитивно за ее покровы. Так, когда в конце октября был отдан приказ о назначении на должность одного из двух «помощников главнокомандующего» генерала Романовского, неофициальная контрразведка Отдела пропаганды, установившая тайное наблюдение за главнокомандующим¹, требовала от своего агента в Таганроге «разведать и быть все время au courant: как относятся к назначению ген. Романовского и как расценивается этот шаг в политическом отношении в кругах ставки? Значит ли это, что ген. Романовский будет заместителем главкома?»

Слух пошел, и борьба, веденная против Романовского, усилилась.

* * *

Совмещение законодательных² и правительственных функций в лице Особого совещания, напомилавшее до известной

главнокомандующим, председателем Особого совещания, начальниками Управлений...

На внесение в Особое совещание законодательных предположений начальники Управлений... испрашивают предварительное разрешение главнокомандующего.

11. Постановления Особого совещания представляются председателем его на утверждение главнокомандующему.

В состав Особого совещания входили еще по должности: 1) начальник штаба главнокомандующего; 2) главный начальник снабжений и 3) главный начальник военных сообщений. Кроме того—без портфеля—несколько государственных и общественных деятелей.

Для разгрузки от маловажных дел было образовано малое присутствие, состоящее из помощников начальников ведомств.

¹ Выяснилось впоследствии. Об этом позже.

² По существу Особое совещание было органом законосовещательным.

степени конструкцию Временного правительства, отвечая духу чистой диктатуры, имело и свои большие неудобства. Помимо естественного переплетения закона и правительственного распоряжения, переплетения, ослаблявшего силу и устойчивость закона, это совмещение заключало всю законодательную работу в четыре стены Совещания, ослабляя связи ее с общественностью, заменяя трибуну «Освагом» и лишая Совещание должного авторитета. Зачастую необходимость мероприятия и причины, его вызвавшие, оставались неясными для массы, вызывая беспричинную подозрительность, искажая его смысл и цели. Даже меры, уже принятые и осуществляемые, ввиду технических затруднений не скоро становились известными в стране. Та политическая борьба, которая свойственна парламенту и которая велась среди политических организаций Юга, невольно врывалась сквозь стены Особого совещания вместе с прениями по законодательству, претворяясь там в борьбу внутреннюю и поселила рознь. А эту рознь в преувеличенном и извращенном виде разносила стуотая молва, возбуждая глухое недовольство в обществе и в армии. Наконец, работа законодательная и административная—в общих и частных заседаниях Совещания, в бесчисленных комиссиях и в ведомственных управлениях—была непосильна для членов Совещания. Она утомляла их и терзала нервы, приковывала к месту нахождения правительства и отрывала от действительной жизни в крае, от непосредственной осведомленности в делах подчиненных органов.

Чтобы услышать «глас народа», приходилось не раз важнейшие законодательные предположения раньше утверждения их давать в печать. Насущная потребность связи со страной чувствовалась многими и вызывала в свое время различные предложения. Я говорил уже о первой негласной попытке Родзянко, еще в мае 1918 г., воскресить 4-ю Государственную думу, с присоединением к ней трех предшествовавших составов. В ноябре того же года он выступил уже гласно с призывом «к русским людям»—создать Национальный совет в составе всех четырех Дум, Всероссийского церковного собора и Совета республики при Временном правительстве, как «носящих символ законно избранных государственных учреждений». В качестве Национального собрания предлагал свою организацию в конце октября 1918 г. Совет государственного объединения... Было и вовсе странное для настроений Юга стремление Юго-восточного комитета членов Учредительного собрания под главенством Шрейдера провести в качестве верховной власти и вместе с тем законодательного органа—уфимский «Комуч» (конец октября 1918 г.).

Все эти комбинации были совершенно искусственны или носили узко политический характер, не могли иметь почвы и авторитета в стране и не отражали бы ее мнения. Вместе с тем принятие какой-либо из них еще более затрудняло бы возможность нашего объединения с казачьими областями, на которые еще не была потеряна надежда.

Идея создания особого законосовещательного учреждения имела своих последователей и в Особом совещании. Так, Н. И. Астров в марте 1919 г. сделал заявление об образовании Совета из представителей местных самоуправлений; управляющий Отделом законов К. Н. Соколов в мае представил мне записку об учреждении такого же органа, но «из лиц по назначению главнокомандующего», причем Особому совещанию в обоих случаях оставались бы функции совета министров.

Разделяя взгляд на необходимость представительного законосовещательного органа, я предполагал создать его из выборных представителей казачьих областей, горских округов и освобожденных от большевиков губерний; состав его предполагалось дополнить членами по назначению—из числа людей науки и практики, включая широко и видных представителей таких демократических учреждений, как кооперативы, профессиональные союзы и т. д. Но до лета 1919 г. казачьи области не шли на государственное объединение; земское подожжение, могущее дать базу для выборов, все еще выработывалось, возбуждая бесконечные споры; территория, подчиненная командованию, была невелика, и могла бы дать представительный орган интеллектуально не выше губернского земского собрания.. Когда же с июня наши пределы расширились до Днестра, Десны и Волги и, с другой стороны, когда «конференция Южно-русского союза»¹ выходила как будто на путь соглашения, в духе моих предположений был выработан комиссией проект «Высшего совета», созыв которого зависел только от срока окончания конференции. А она затягивалась безнадежно. Я хотел было назначить созыв, не дожидаясь соглашения с казаками; посоветовался с Особым совещанием, которое отнеслось к этому предположению отрицательно.

Конференция спорила о духе, о форме, о словах; главным образом саботировали ее кубанские делегаты во главе с И. Макаренко, до тех пор, пока армии не покатались от Орла к Дону и далее к Кубани, когда весь вопрос потерял свое значение.

Что дал бы нам Высший совет в области устройства страны, неведомо. Считая и ныне образование его для того времени психологически и политически необходимым, я, однако, не уверен, не прибавил ли бы он только лишнего звена в той цепи соборных опытов, которая началась Демократическим совещанием и Советом республики.. Тем более, что три главнейших течения общественной мысли, представленные на Юге—Совет государственного объединения, Национальный центр и Союз возрождения России², невзирая на усилия многих своих членов,

¹ В составе представителей командования Дона, Кубани и Терка.

² Общество государственного объединения России возникло в Екатеринодаре в марте 1919 г. Председателем совета его был вначале Н. И. Львов, потом Кривошеин. Общество явилось как бы областным отделом образовавшегося в Киеве «Всероссийского». Все члены Всероссийского совета государственного объединения во время своего пребывания в Екатеринодаре входили в состав местного совета.

не находили обыкновенного ни общего языка, ни общего пути¹.

Особое совещание никогда не пользовалось расположением русской общественности и навлекало на себя суровую критику и тогда и теперь. При этом оно находилось всегда под двойным обстрелом: по обвинению, с одной стороны, в «черносотенстве», с другой—в «кадетизме». Формулы одинаково сакраментальные и «вины» одинаково непростительные в глазах разных политических группировок. Прежде всего было бы справедливым разложить историческую ответственность Особого совещания. Давая в свое время определенные указания по кардинальным вопросам законодательства и управления и утверждая все законоположения, прежде всего разделяя эту ответственность в полной мере я. Во-вторых, невзирая на отсутствие парламентаризма, общественное начало было далеко не чуждо Особому совещанию: все важнейшие законоположения, прежде чем попасть на рассмотрение совещания, вынашивались в недрах двух основных политических организаций и в группе кадетской партии, по существу, впрочем, растворившейся в Национальном центре. Их мнения преломлялись в прениях Совещания, в котором участвовали и видные представители организаций. Только Союз возрождения не имел там своего голоса, хотя косвенно принимал известное участие в обсуждении дел путем редких, правда, собеседований со мной и личных отношений с руководителями Национального центра. И если в общем направлении политики Юга, в той средней линии—равнодействующей политических течений,—к которой стремился я и которую в конце концов, с уклоном вправо, проводило Особое совещание, организованная общественность неповинна, то во многих важных мероприятиях и ответственных назначениях есть немалая доля ее участия. Теперь, после всяческих переоценок и превращений, соблюдается часто библейский обряд омовения рук, и прошлое как-то забывается...

Всероссийский национальный центр из Москвы перенес свою деятельность в Киев, а в начале 1919 г. — в Екатеринодар. Во главе стоял М. М. Федоров.

Союз возрождения России переходил последовательно из Москвы в Киев, Одессу и Екатеринодар. После Одессы первое время организация эта расстроилась, представляя лишь немногочисленное общество отдельных видных членов Союза — Мякотин, Титов, Руднев, Пешехонов и др.

¹ Для характеристики политических групп Национальный центр и Совет государственного объединения прислали мне списки лиц, желательных для назначения в Высший совет. В список национального центра были включены, кроме деятелей, примыкавших к нему, представители торгово-промышленных групп и Союза возрождения России. Вообще, в списке преобладал общественно третий элемент, политически—кадеты и умеренные социалсты.

В списке Государственного объединения были исключительно государственные и общественные деятели правого направления. В обоих списках фигурировали имена следующих лиц: Н. Н. Львова, П. Б. Струве и В. В. Шульгина.

Личный состав Особого совещания¹ слагался по признакам деловым, а не политическим, поскольку это зависело от меня: по условиям своей жизни и военной службы, главным образом на окраинах, я имел ранее очень мало соприкосновения с миром государственных, политических и общественных деятелей и поэтому испытывал большое затруднение в выборе людей на высшие посты управления. Вначале мною практиковалась такого рода проверка: когда предлагали кандидатуру «справа», я навел справки «слева», и наоборот. Потом этот порядок оформился, и все предположения о замещении своего состава и высших постов были возложены мною на Особое совещание, председатель которого представлял мне результаты выбора. Иногда мнения разделялись, и мне предлагали двух кандидатов. Я останавливал свой выбор на том, который казался мне выше по своему

¹ К июлю 1919 г. состав Особого совещания был следующий:

1. Председатель ген. А. М. Драгомиров — беспартийный, правый.
2. Нач. военного управл. ген. Лукомский — беспарт., правый.
3. Нач. морск. управл. вице-адм. Герасимов — беспарт., правый.
4. Нач. штаба ген. Романовский — беспарт., либерал.
5. Главный нач. снабж. ген. Санников — беспарт., правый.
6. Главн. нач. военн. сообщ. ген. Тихменев — правый, член Сов. государственного объединения.
7. Испр. должн. нач. управл. иностр. дел А. А. Нератов — правый, член Сов. государств. объединения.
8. Нач. управл. вн. дел Н. Н. Чебышев — правый, член Нац. центра, впоследствии перешел в Сов. государств. объединения.
9. Нач. управл. юстиции В. Н. Челищев — либерал, член Нац. центра.
10. » » земледелия В. Н. Колокольцов — правый.
11. » » финансов М. В. Бернацкий — беспарт., бывш. р. д.
12. » » торг. и пром. В. А. Лебедев — беспартийный.
13. » » прод. С. Н. Маслов — правый, октябрист.
14. » » путей сообщ. Э. П. Шуберский — бесп., член Нац. центра.
15. Нач. управл. народн. просв., и. д., И. И. Малинин — либерал, член Нац. центра.
16. Нач. управл. испов. (назн. позже) кн. Г. Н. Трубецкой — правый, член Совета государств. объединения.
17. Государств. контролер В. А. Степанов — кадет, член Нац. центра.
18. Управл. Отд. зак. и пропаганды К. Н. Соколов — кадет, член Нац. центра.
19. Управл. делами Особого сов. С. В. Безобразов — беспартийный, правый.
20. Член Особого сов. без портфеля Н. П. Астров — кадет, член Нац. центра.
21. Член Особого сов. без портфеля М. М. Федоров — кадет, пред. Нац. центра.
22. Член Особого сов. без портфеля И. П. Шипов — правый.
23. » » » » » Д. И. Никифоров — правый.
24. » » » » » Н. В. Савич — октябрист, член Сов. гос. объединения.

К этому времени вышел из состава член Особого совещания В. В. Шульгин; ген. Санникова сменил позже ген. Картажи; Чебышева — В. П. Носович; Колокольцова — А. Д. Билимович; Лебедева — А. И. Фснин; Шуберского — В. П. Юрченко.

В работах Особого совещания принимал участие П. И. Новгородцев, по причинам личного свойства не включенный официально в его состав, бывавший в нем редко и работавший главным образом в Национальном центре и кадетской группе.

удельному весу, а ближайшие отчеты политических организаций комментировали этот факт—одни с удовлетворением, другие с неудовольствием—как результат влияния одной из групп и «перемены правительственного курса». Существовало, однако, и ограничение круга лиц, допускаемых в состав Совещания и на высшие должности, оно относилось к крайним правым и ко всем социалистам. Я считал, что эти фланги могут быть в Совете, но не в правительстве. Этот взгляд разделяло и Особое совещание. Впрочем, некоторые члены Совещания предлагали мне включить в состав его без портфелей, для создания известного декорума, «безобидных социалистов». Я считал, что этот шаг не поможет делу, не прибавит популярности Совещанию в левых кругах, а в правых вызовет только озлобление. Решение это находилось в полном соответствии с позицией социалистов: центральные комитеты с.-д. и с.-р. объявили Добровольческую армию силой враждебной, а с.-р. готовили даже террористические акты против вождей белого движения. Что касается самой умеренной организации—Союза возрождения, то и он оставался непримиримым в отношении военной диктатуры и в силу этого обстоятельства весной 1919 г. признал невозможным вхождение своих членов даже в состав Национального центра.

Особое совещание по своему общему облику делилось на три группы: 1) беспартийную, но определенно правую группу генералов¹; 2) политических деятелей правого направления; 3) либеральную группу,—в составе четырех кадетов и примыкавших к ним—Бернацкого, Челищева, Малинина, Носовича, отчасти и ген. Романовского². Существовали различные оттенки в умонастроениях членов каждой из этих групп; при решении различных вопросов указанные рамки то раздвигались, то суживались, но общее течение политической жизни Особого совещания вылилось ярко в два русла—правое и либеральное. Если первое (большинство) представляло из себя довольно однородное целое, связанное общностью мировоззрения и психологии, то во втором (меньшинстве), наоборот, даже небольшая кадетская группа не отличалась обычным до того времени единством. Довольно распространенная версия справа о «кадетском засильи» лишена основания. «У нас не было ни лидера³»,—говорит один из к.-д.,—ни центрального комитета. Внутренняя спайка под давлением событий стала слабеть. Намечались различные течения, которые смущали и разойтись по которым мы не хотели. Партийная дисциплина при бывших условиях, конечно, не могла существовать. У нас состоялось соглашение,

¹ Чтобы пояснить политический облик двух генералов, последовательно занимавших пост председателя Особого совещания,—Драгомирова и Лукомского,—можно указать, что до известной степени первый был близок по взглядам к В. В. Шульгину, а второй—к А. В. Кривошеину.

² По условиям своей прямой должности в Особом совещании участвовал редко.

³ Кадеты предлагали мне вызвать П. Н. Милокова, но армейские настроения не допускали участия его в правительстве.

о том, что в Особом совещании мы не можем быть связаны мнением маленькой группы к.-д., собравшейся в Екатеринодаре. Отдельные члены партии в Особом совещании и других учреждениях (напр., Донской круг) действовали за свой страх и риск, за счет своего понимания слагавшихся условий и собственной совести».

Как бы то ни было, в Особом совещании осуществилась та коалиция двух политических направлений, к созданию которой после октябрьских дней стремились многие, в том числе Милюков в киевский период его деятельности. Эта коалиция соответствовала как будто соотношению слагаемых элементов белого движения на Юге и во всяком случае представляла предельный уклон «влево», допускаемый настроением армии и близких ей кругов. Вне этой комбинации представлялись две возможности: однородное правое или однородное либеральное правительство. Первое было бы спокойно принято армией, но еще более недоброжелательно в стране, в особенности в казачьих областях; оно имело бы в своем распоряжении, вероятно, элементы волевые и признанное возглавление в лице Кривошеина. Но успех такого правительства и прочность его были весьма сомнительны, особенно принимая во внимание ту психологию и то игнорирование огромного социального сдвига, которые проявляли до крушения Юга даже умеренно-правые круги. Создание правительства второго типа было просто неосуществимым: в силу настроения офицерства, того натиска из правых кругов, который подрывал бы его существование и которому мирный по природе своей русский либерализм противостоять не мог.

Я должен, однако, оговориться. Собственно офицерство политикой и классовой борьбой интересовалось мало. В основной массе своей в классовом отношении оно являлось элементом чисто служилым, типичным «интеллигентским пролетариатом». Но связанное с прошлым русской истории крепкими военными традициями и представляя по природе своей элемент охранительный, оно легче поддавалось влиянию правых кругов и своего, сохранившего авторитет, также правого по преимуществу старшего командного состава. Немалую роль в этом сыграло и отношение к офицерству социалистических и либеральных кругов в наиболее трагические для офицеров дни 1917 года и особенно Корниловского выступления. Эти влияния в известные моменты выводили из равновесия в общем аполитичное наше офицерство.

Таковы предпосылки появления на свет «коалиции» и «средней линии» в политике Юга.

Политика эта потерпела крушение.

Помимо личных ошибок правительства и правителя, в этом печальном исходе ясно обозначилась одна из причин его: возможная для мирного строительства в условиях нормальной жизни страны, полезная, без сомнения, для организации противобольшевистского движения и расширения фронта его участников

коалиция, в качестве силы действенной, правящей, оказалась трудно применимой в дни революции, в дни борьбы.

Особое совещание, состоявшее из лиц, преданных родине, но по-разному понимающих ее интересы, не могло работать с должным единодушием.

После крушения Вооруженных сил Юга один из правых членов Особого совещания поделился со мной своими мыслями о причинах неудачи, постигшей нашу политику, «своей критикой и самокритикой»:

«По составу Особое совещание делилось на два политических лагеря, в нем боролись два мирозозерцания.

Эта борьба прежде всего влияла на подбор лиц, когда считались не только с технической подготовкой, но главным образом с политическим тяготением. Наружно для нас все было прикрыто государственными лозунгами, большинство знало закулисную сторону. Обе стороны (Совещания) не свободны от греха.

Политика, проводимая аппаратом, заключавшим элементы для внутреннего трения, могла быть только компромиссной. Каждая из составных частей Особого совещания при обсуждении любого законопроекта социального значения стремилась отстоять свое мирозозерцание и, сознавая, что не в силах провести его целиком, пыталась убедить другую на известные уступки.

Наша политика была поэтому осторожна, но лишена творческого авантюризма, решительности и напора. Она казалась недостаточно демократичной одним и слишком слабой против непомерных домогательств черни — другим. Она не удовлетворила ни одно из течений, боровшихся с оружием в руках.

Даже военная диктатура, для того чтобы быть сильной и устойчивой, нуждается в поддержке могущественного класса, притом активного, способного за себя постоять, бороться. Наша же средняя линия вызвала опасение одних классов, недоверие других и создала пустоту в смысле социальной опоры вокруг.

В результате — диктатура пролетариата и выпущенной из тюрьмы братии мы не смогли противопоставить диктатуры здорового и достаточно сильного класса, а масса была еще апатична, не подготовлена, чтобы активно с оружием в руках стать на защиту своих идеалов.

Правда, над всем доминировала идея диктатуры, которая теоретически должна давать общую линию поведения и направления. Но ясно, что Особое совещание могло эти указания усиливать или ослаблять при проведении в жизнь, мало того: оно могло влиять и влияло».

Действительно, «диктатура», проводя одни направляющие линии прямо и непреклонно, в других — считалась с мнением Особого совещания, самоограничивая путем такой «внутренней» конституции свои неограниченные права. Постановления Совещания служили, во всяком случае в моих глазах, мерилom того, что можно было провести в жизнь без потрясений при тогдашних условиях и тогдашних исполнителях, причем необходимо заметить, что ни одно особое мнение либеральной группы не было оставляемо без внимания. Впрочем, в постановлениях Особого совещания такие эпизоды официального протеста, заявляемого лишь частью группы, бывали не часто — обыкновенно находился компромисс. Иногда либеральная группа доводила до моего све-

дения в частном порядке через начальника штаба¹ о спорных сторонах принятого уже Особым совещанием решения. Только несколько лет спустя я узнал о мотивах такой постановки вопроса, для меня совершенно неожиданных:

«Мы избегали навязываемого нам положения официальной оппозиции и, лояльно поддерживая диктатуру, не хотели разводиться около нее внутреннею распрю. Первоначально мы действительно практиковали прием подчас «особых мнений». Эти особые мнения оказались, однако, весьма опасными и возымели довольно неожиданные последствия. Часть их была поддержана главнокомандующим. В результате по всей правой линии вспыхнуло резкое раздражение. Положение оказалось опасным — не для нас, а для главнокомандующего. Разлетелся слухи о том, что главнокомандующий идет по указке кадет и в частности двух кадет Особого совещания. До нас это злобное раздражение дошло в виде зловещих слухов о возможных покушениях на главнокомандующего... Мы решили прекратить систему «особых мнений» и прибегать к ним только в экстренных случаях, что и делалось».

Конструкция Особого совещания и соотношение в нем сил делали положение оппозиции весьма трудным.

«Развивать в нем большую работу, — пишет один из членов оппозиции, — в духе, не отвечающем правым устремлениям, было довольно праздным занятием... Были ли мы, однако, безучастны к этому явлению? Искали ли выходов? Утверждаю, что выходы искали, положением чрезвычайно тяготились... Прежде всего мы стремились внести некоторое равновесие в Особое совещание и усилить в нем гражданский элемент, усилить нашу группу в Совещании с целью выправления его, как говорилось, «правого крена»... Помню, как после одного из заседаний, изведенный пререканиями по одному из очередных спорных вопросов и видя, что пререкания проистекают из исключаящих друг друга политических непониманий, я обратился к... (двум правым членам Совещания) с заявлением: «Кончим же это беспечное и вредное топтанье на месте. Берите на себя ответственность, мы отойдем и не будем больше пререкаться. Нужно, чтобы дело двигалось. В застой его гибель. Нужно выбирать курс и действовать». Мои собеседники согласились, что положение тягостно, но отвергли мысль о том, что мы должны разойтись. Становилось все яснее, что для правого большинства мы были нужны как некоторое прикрытие...»

В конце концов, автор письма пришел к решению:

«Мы не можем повлиять на ход правой политики, которая все более укрепляется в Добармии. Это для меня ясно. Ставлю себе, однако, задачу хотя бы несколько смягчать неизбежные резкости в условиях военного окружения, военной диктатуры, в пору гражданской войны. Знаю, что эта задача весьма неблагоприятная, но уходить из Добармии не буду».

Коалиция была необходима, а элементы, ее составлявшие, — органически несродны. В этом был глубокий трагизм положения.

И, наконец, отметая первенство причин социального и политического характера в неудаче движения, третий весьма видный участник Особого совещания — правый, военный — говорит:

«Что касается того, какие течения преобладали в утвержденных главнокомандующим решениях Особого совещания, — это вопрос спорный. Впрочем, это и не существенно. Дело не в правой или левой политике, а в том, что мы совершенно не справились с тылом».

¹ Так как стены имели глаза и уши, то эти посещения становились достоянием молвы и в глазах известных кругов ставились в большую вину ген. Романовскому.

Как бы то ни было, тяжелый воз правления шел в гору по ухабистой дороге и притом на тугих тормозах. Обе стороны винили в этом друг друга.

* * *

Программа правительства не объявлялась. Две речи, сказанные мною в Ставрополе и на открытии Кубанской рады, исчерпывали официальное изъяснение нашей идеологии и политического курса; они служили темой для пропаганды, политических дискуссий и экспорта за границу¹.

В их неопределенности и «непредрешениях» различные секторы русской общественности, одни с тревогой и подозрительностью, другие с признанием и надеждой, видели маскировку, скрывающую «истинные» побуждения и намерения. Из кругов умеренно социалистических и либеральных, из Крыма, Киева, Одессы, от Русского политического совещания из Парижа шли все более настойчивые предложения «раскрыть лицо Добровольческой армии». Между тем «непредрешения» являлись результатом столько же моего убеждения, сколько и прямой необходимости.

В самом деле: «Борьба с большевизмом до конца», «Великая, Единая и Неделимая», «автономии и самоуправления», «политические свободы»,—вся эта ценная кладь могла быть погружена на государственный воз явно при общем или почти общем (кроме федералистов и самостийников) сочувствии. Казалось, что с одной этой кладью под трехцветным национальным флагом можно будет довести его до Москвы, а если там при разгрузке произошло бы столкновение разномыслящих элементов, даже кровавое, то оно было бы во всяком случае менее длительным и изнурительным для страны, чем большевистская неволя... Но идти дальше этого было уже труднее: в некоторых случаях пришлось бы вскрывать разъедавшее нас разномыслие.

Однажды, осенью 1918 г., по поводу толков о необходимости декларации мои оба ближайших помощника сказали мне, что работать под лозунгом Учредительного собрания они считают для себя невозможным. Это было убеждение, широко распространенное в военной среде и правых кругах, где понятия «учредилка» и «учредиловцы» встречали презрительное отношение. Но и в либеральных кругах в то время признание Учредительного собрания было далеко не безоговорочным. На кадетском съезде в Екатеринодаре мы слышали, например, из уст Милокова такие слова: «Я против предрешения как форм, так и способов создания новой власти. Идея народовластия и свободного волеизъявления народов более чем поколеблена... Необходима крайняя осторожность по отношению к Учредительному собранию...»

¹ В телеграмме Сазонову от 2 января 1919 г. я писал: «Мы боремся за самое бытие России, не преследуем никаких реакционных целей, не поддерживаем интересов какой-либо одной политической партии и не покровительствуем никакому отдельному сословию. Мы не предрешаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю».

Оставляя в стороне другие паллиативные решения, оставалось декларировать кому-либо «самозарождение» или «законопреемственность», чтобы в минуту порвать слагавшееся с таким трудом, весьма непрочно шитое единство военно-общественного фронта.

Это отношение к идее Учредительного собрания под влиянием разнообразных причин со временем начинает вновь меняться, вероятно, не столько по убеждению, сколько по тактическим соображениям. Так, на заседании представителей Государственного объединения, Национального центра, Союза возрождения и бюро «Советов объединенных земств и городов юга России»¹, представлявшем первую попытку объединения более широкого общественного фронта, возбужден был и этот вопрос; протокол заседания говорит:

«Учредительное собрание как суверенный орган государственного строительства, возникающее на основе народного волеизъявления, — признано приемлемым в принципе, но не по наименованию членами всех представленных организаций. Члены Земско-городского объединения, Союза возрождения и Государственного объединения в лице Е. Н. Трубецкого² признают его категорически, оставляя и название. Член Государственного объединения Масленников считает неизбежным установление самого органа народного волеизъявления, не предвешая его названия. Член Национального центра М. Федоров считает вопрос о наименовании несущественным, но предпочитает название «Народного собрания», настаивая при этом главным образом на установлении того момента выборов, который дал бы уверенность в разумном исходе голосования»³.

Пока мужи совета таким образом искали путей, чтобы обойти не то острые углы взаимных отношений, не то друг друга, в армии эти трения находили также отклик, но гораздо более элементарный: одни проливали кровь, не мудрствуя лукаво, другие заявляли:

— Мы за «учредилку» умирать не будем...

Поэтому я призывал армию бороться просто за Россию.

* * *

С большими еще трудностями проходил другой важный вопрос — аграрный. После долгих мук, споров, взаимных уступок Особое совещание подошло, наконец, к основным его положениям. В двадцатых числах марта 1919 г. состоялись заседания под моим председательством, окончательно установившие руководящие основания. Это было еще очень немного, но по крайней мере дело сдвигалось с мертвой точки. Когда возник вопрос,

¹ Бюро выделилось на симферопольском съезде.

² Только его лично. В собрании присутствовали еще члены Совета государственного объединения В. Бобринский, А. Хрипунов, Л. Масленников.

³ Из протокола заседания 3 января 1919 г. Харьковское совещание партии Народной свободы в ноябре 1919 г. высказалось за «доведение страны до Всероссийского представительного собрания», против «попыток немедленного объявления постоянной формы государственного устройства» и против немедленного по свержении большевиков созыва Учредительного собрания.

в какой форме объявить о принятом решении во всеобщее сведение, один из членов Совещания высказал взгляд, что объявлять не следует вовсе; к нему присоединилась большая часть правых членов Совещания. Я выразил свое удивление и заявил, что принятые положения считаю обязательными, и они будут опубликованы в ближайший день. «Декларация», как результат этого обсуждения, составлялась в Национальном центре и принадлежит перу Н. И. Астрова. Я изменил ее редакцию, оставив сущность, и придал форму предписания на имя председателя Особого совещания¹. Оно гласило:

В день отдачи предписания ген. Драгомиров передал мне просьбу председателя Совета государственного объединения Кривошеина—повременить с выпуском его до представления проекта Государственного объединения, так как «такой государственной важности акт требует особого, подобающего случаю изложения». Ждать дольше я не хотел, и предписанию дан был ход.

¹ От 23 марта 1919 г. № 45.

«Государственная польза России властно требует возрождения и подъема сельского хозяйства.

Полное разрешение земельного вопроса для всей страны и составление общего для всей необъятной России земельного закона будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю.

Но жизнь не ждет. Необходимо избавить страну от голода и принять неотложные меры, которые должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому совещанию надлежит теперь же приступить к разработке и составлению положений и правил для местностей, находящихся под управлением главнокомандующего вооруженными силами Юга России.

Считаю необходимым указать те начала, которые должны быть положены в основу этих правил и положений:

1. Обеспечение интересов трудящегося населения.
2. Создание и укрепление прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель.
3. Сохранение за собственниками их прав на землю. При этом в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах неизъемой собственности.

4. Отчуждению не подлежат земли казачьи, надельные, леса, земли высокопроизводительных сельскохозяйственных предприятий, а также земли, не имеющие сельскохозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских и иных промышленных предприятий; в последних двух случаях—в установленных для каждой местности повышенных размерах.

5. Всестороннее содействие земледельцам путем технических улучшений земли (мелиорация), агрономической помощи, кредита, средств производства, снабжения семенами, живым и мертвым инвентарем и пр.

Не ожидая окончательной разработки земельного положения, надлежит принять теперь же меры к облегчению перехода земель к малоземельным и поднятию производительности сельскохозяйственного труда. При этом власть должна не допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благо государства».

В полученном *post-factum* проекте Кривошеина пункт, касающийся непосредственно аграрного вопроса, был изложен в такой форме: -

6. «Безотлагательная разработка мероприятий, имеющих главнейшею целью обеспечить интересы широких народных масс и быстрый рост производительных сил страны. В этих видах между прочим:

а) в области аграрных задач — постановка земельного дела на началах децентрализации в соответствии с особыми хозяйственными условиями отдельных районов; всемерное содействие образованию и скорейшему развитию мелкой земельной собственности; отмена ограничений в праве распоряжения крестьянскими наделными землями; широкое поощрение добровольных соглашений о переходе земли в крестьянские руки; создание примирительных земельных комиссий и принудительное, за справедливый выкуп, отчуждение земли во всех случаях, когда государственный интерес этого требует».

Так или иначе, провозглашен был столь страшный для многих принцип принудительного отчуждения.

Первым последствием издания аграрной декларации было крупное столкновение между Государственным объединением и Национальным центром. Я уехал в Чечню, а декларация не появлялась в печати целую неделю. Задержка, повидимому, произошла потому, что в это время в совместном заседании обеих групп шел горячий спор о целесообразности и своевременности издания декларации. Совет государственного объединения устами главным образом Кривошеина доказывал: «Неправильно усиливать вновь рознь в антибольшевистском лагере, где и без того элементы мщениия играют большую и фатальную роль... Одни будут обвинять власть в демагогии, в стремлении их ущемить в угоду демократическим течениям, будут доказывать антигосударственность и экономическую нецелесообразность меры, которую будут считать направленной против их классовых и личных интересов. А так как влияние этих элементов в армии и чиновничестве значительно, то последствием будет будирование против власти среди лагеря, на который она вынуждена опираться... С другой стороны, официальный документ, который не может обещать больше, чем уже дано большевистским декретом о земле, дает оружие для агитации и пропаганды с левой стороны—с.р. и тайных агентов большевиков...» Представители Национального центра возражали, что «с одними офицерами воевать больше нельзя, что нужно привлечь на свою сторону солдата или сделать его, по крайней мере, не враждебным... Необходимо немедленно парализовать агитацию, которую ведут большевики, будто новая власть идет восстанавливать старый режим, возвращать земли помещикам, мстить и наказывать... Наконец, что нужны доверие и поддержка европейской демократий...»

Обе стороны не пришли к соглашению и расстались еще большими врагами.

Появление аграрной декларации усилило те настроения, которые были созданы подготовительной борьбой. Так, например, газета «Великая Россия», руководимая тогда Н. Н. Львовым,

после бурного заседания редакционной коллегии, на котором обсуждалось отношение к декларации, в конце концов напечатала ее в рубрике текущих дел (в «Особом совещании») без всяких сопроводительных комментариев. Сильно и убежденно высказался тогда М. В. Родзянко, остерегавший меня «от опасного шага издания земельного закона (моей) единоличной властью»:

«Я отлично отдаю себе отчет, — писал он мне, — что крестьянский класс в России должен быть наделен землей за счет крупного землевладения... Но нельзя признать право за случайно собранным Особым совещанием превосходить право неизбежного будущего Учредительного собрания, которое одно только вправе коснуться наиважнейшего права каждого гражданина — права собственности... Связанные с законопроектом сложные финансовые меры могут вызвать окончательное расстройство в наших поколебленных финансах... Наконец, если законодательство, касающееся земельной реформы, пойдет по такому пути, то неизбежно окажется, что армия ваша, адм. Колчака, ген. Юденича, Северная и др. могут его разрешить на различных основаниях, и тогда в этом гужеч, наболевшем вопросе страна будет заведена в такой тупик, из которого ее не выведет никакое Учредительное собрание...»

Эти взгляды, не слишком, впрочем, противоречившие духу декларации, разделялись и Союзом возрождения, который также считал, что «окончательное разрешение аграрного вопроса может последовать лишь по воссоединении России и только властью Учредительного собрания», и что «ныне возможны только временные меры для урегулирования земельных отношений». Но при этом Союз считал необходимым «предоставить крестьянам пользование той землей, которая находится в их фактическом владении». Этот же взгляд правительством адм. Колчака был проведен фактически в жизнь в Сибири, где, правда, земельные отношения не имели вовсе той остроты, как в Европейской России¹.

Нелишним будет привести и тот взгляд, который высказывало в те дни лицо, шедшее на смену власти. В конце марта ген. Врангель говорил: «Полагаю, что требования части общества, обращенные к армии, о провозглашении ее программы ошибочны. Армия по своей природе своей вне политики. Политической программы у армии не может быть. Мы должны завоевать порядок, при котором народ, освобожденный от гнета и произвола свободно выскажет свою волю».

* * *

Несравненно легче проходил рабочий вопрос, не вызывая ни такой страстности, ни такого разномыслия, как аграрный. В тот

¹ «Все, в чем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собрать урожай. Вместе с тем правительство принимает меры для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время, воспользовавшись в первую очередь частновладельческой и казенной землей, уже перешедшей в фактическое обладание крестьян. В окончательном же виде вековой земельный вопрос будет решен Национальным собранием». Из декларации Российского правительства, изданной 8 апреля 1919 года.

же день, 23 марта, на имя председателя Особого совещания было мною послано предписание:

«Русская промышленность разрушена совершенно, чем подорвана государственная мощь России, разорены предприятия и лишены работы и хлеба миллионы рабочего люда.

Предлагаю Особому совещанию приступить немедленно к обсуждению мер для возможного восстановления промышленности и к разработке рабочего законодательства, приняв в основу его следующие положения:

1. Восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий и вместе с тем обеспечение рабочему классу защиты его профессиональных интересов.

2. Установление государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства.

3. Повышение всеми средствами производительности труда.

4. Установление 8-часового рабочего дня в фабрично-заводских предприятиях.

5. Примирение интересов работодателя и рабочего и беспристрастное решение возникающих между ними споров (примирительные камеры, промысловые суды).

6. Дальнейшее развитие страхования рабочих.

7. Организованное представительство рабочих в связи с нормальным развитием профессиональных обществ и союзов.

8. Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женского и детского труда, устройство санитарного надзора на фабриках, заводах и в мастерских; улучшение жилищных и иных условий жизни рабочего класса.

9. Всемирное содействие восстановлению предприятий и созданию новых в целях прекращения безработицы, а также принятие других мер для достижения той же цели (посреднические конторы по найму и пр.).

К обсуждению рабочего законопроекта надлежит привлечь представителей как от предпринимателей, так и от рабочих. Не ожидая окончательной разработки и осуществления рабочего законодательства, во всех случаях текущей жизни и административной практики в меру возможности применять эти основные положения и, в частности, оказать государственное содействие к обеспечению рабочих и их семейств предметами первой необходимости за счет части заработка».

«Рабочая декларация» была принята обществом и печатью также без особой страстности. В екатеринодарский период борьбы торгово-промышленный класс не имел в кругах близких к армии и Особому совещанию, таких сторонников своих интересов, как аграрии.

В результате обеих деклараций образованы были две комиссии: для разработки земельного вопроса—под председательством начальника управления земледелия Колокольцева, и для разрешения рабочего вопроса—под председательством М. М. Федорова.

* *
*

Настойчивые пожелания о необходимости общей политической декларации правительства Юга для Западной Европы приходили от Русского политического совещания из Парижа и от екатеринодарских иностранных представителей. В. Маклаков подсказывал и общие основные начала ее: «временный характер военной власти, имеющей целью по восстановлению единства и порядка обеспечить свободное выражение народного суверенитета (?)... В земельном вопросе—правовое урегулирование со-

вершающегося стихийного процесса... Утверждение самобытного устройства и развития народностей в пределах органически единой России в формах автономии или федерации» и т. д.

В начале апреля председатель Особого совещания генерал Драгомиров доложил мне, что ген. Бриггс настойчиво просит объявить декларацию, которая могла бы рассеять предубеждение о реакционности южной власти, создавшееся в демократических кругах Европы, и дала бы возможность искренним друзьям Добровольческой армии оказывать ей более серьезную помощь. Ген. Бриггс предложил и проект декларации, которая могла бы, по его словам, «удовлетворить английскую рабочую партию»¹. По существу почти все положения этого проекта были приемлемы и в той или другой форме объявлялись командованием; но внесенные в проект «Национального собрания» шли значительно дальше «непредрешения»... И то обстоятельство, что оно не вызвало протеста в правом секторе Особого совещания, означало уже большой сдвиг.

10 апреля была составлена в несколько измененной мною редакции и послана английскому, французскому и американскому представителям нота, подписанная мною и всеми членами Особого совещания².

¹ Проект декларации:

«Наши враги утверждают, что мы — реакционная сила, ведущая борьбу для восстановления старого режима.

Эта неправда.

Мы, главнокомандующий вооруженными силами Юга России и члены Особого при нем совещания, имея в виду опровержение возводимого на нас обвинения в реакционности, торжественно объявляем, что мы преследуем нижеследующие цели:

1. Уничтожение большевистской тирании и восстановление порядка.
2. Восстановление могущественной единой и неделимой России.
3. Созыв Национального собрания на основах всеобщего и тайного голосования.
4. Установление широкого местного самоуправления в областях, которые того пожелают.
5. Немедленные земельные реформы в соответствии с нуждами каждой местности.
6. Гарантии полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.
7. Рабочее законодательство, обеспечивающее трудящиеся классы от эксплуатации их капиталом или государством».

(Текст в переводе с английского).

Позднее, этот проект был известен заблаговременно французским и американским представителям. В английском тексте фраза «Народное собрание» имела начертание «National Assembly»; во французском — «Assemblée Nationale» — понятие, имевшее совершенно определенный смысл — Учредительное собрание (1789 и 1871 гг.).

² О последнем просил усиленно Бриггс:

«Прошу вас довести до сведения вашего правительства о том, какие цели преследует командование вооруженных сил Юга России в вооруженной борьбе с советской властью и в государственном строительстве:

1. Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правого порядка.
2. Восстановление могущественной единой, неделимой России.
3. Созыв Народного собрания на основах всеобщего избирательного права.

Вряд ли эта декларация имела какое-либо влияние на изменение международного положения Юга. В отечественных же политических кругах она не удовлетворила никого. Органы важнейших противобольшевистских группировок высказались сдержанно, но явно несочувственно. «Великая Россия» нашла, что обещаний дано слишком много, и «исполнение их принадлежит самой жизни русской, такой бурной, такой взбаламученной, что нет никакой возможности предвидеть, в каком реальном размере будет осуществлена эта декларация...». «Утро Юга» находило, что сказано слишком мало и слишком неопределенно, в особенности в части, касающейся Народного собрания, в рамки которого «может вместиться даже Булыгинская дума»... А «Свободная Речь» в изысканных, но туманных выражениях отдала предпочтение «простым, но исполненным патриотического одушевления и не отравленным партийным буквоедством» словам, сказанным ранее¹, в сравнении с декларацией, «вызванной дружественной любознательностью союзников». И успокаивала умы взыскующие: «не приспело еще время, не сложилась еще та обстановка, при которых можно пустить в обращение новые, отлитые пытливым проникновением в туманную даль, отчетливые представления».

Можно было подумать, что и те и другие являются обладателями верного средства спасения страны, но таят его до времени под спудом, не желая открыть своей тайны непосвященным.

Создавался понемногу политический тупик, из которого могли вывести только победы армии.

II.

Особое совещание: гражданское управление и самоуправление рабочее и аграрное законодательство.

Вопрос о национальностях и связанный с ним—о территориальном устройстве Российского государства—разрешался в полном единомыслии мною и всеми членами Особого совещания: единство России, областная автономия и широкая децентрализация. Наши отношения к западным лимитрофам выражались только в декларативных заявлениях; с Украиной, Крымом, Закавказскими республиками и казачьими областями нас связывали многочисленные нити во всех областях жизни, борьбы и управления. Эти взаимоотношения были очень трудны и ответственны, а среди управлений Особого совещания не было органа, который мог бы руководить ими: управление иностранных дел старалось всемерно уклониться от этого дела, полагая, что приня-

4. Проведение децентрализации власти путем установления Областной автономии и широкого местного самоуправления.

5. Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

6. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом.

¹ «Непредвещения» — речь моя на открытии Кубанской рады.

ние в свое ведение сношений с новообразованиями послужит косвенным признанием их суверенитета; управление внутренних дел по всей своей структуре и психологии было непригодно к такого рода работе. В конце концов сношения с новообразованиями вел лично я совместно с председателем Особого совещания при посредстве его канцелярии и при содействии начальника штаба и начальника военного управления—в части, касающейся военных обстоятельств и военного представительства¹. На еженедельных заседаниях Особого совещания, под моим председательством, я знакомил членов его с принятыми мерами и зачастую обращался за советом, не встречая никогда сколько-нибудь серьезных расхождений².

Областное автономное устройство предполагалось не только в отношении территорий, населенных инородцами, но и русских. В январе 1919 г. по инициативе В. В. Шульгина возникла «комиссия по национальным делам»³, бюджет которой был отнесен за счет В. С. Ю. Р. Целью своей комиссия поставила сбор и разработку материалов для защиты русских интересов на мирной конференции и для выяснения отношений России к национальным движениям, а также исследование вопроса об автономном устройстве ее, в частности, Юга. Работы комиссии отразились на административном подразделении территории В. С. Ю. Р. на области⁴. В плане предстоящего устройства страны нам представлялась последовательная цепь самоуправлений от сельского схода до областных дум, снабженных в период подготовительный расширенными значительно правами губернских земских собраний и получающих впоследствии функции местного законодательства из рук будущего Народного собрания. Но линия фронта далеко еще не выражала пределов фактического распространения войны. Вся небольшая вначале территория Добровольческой армии являлась по существу театром военных действий. Это обстоятельство побуждало к принятию исключительных мер для временного усиления и централизации власти на местах. Временные положения «о гражданском управлении и о государственной страже», выработанные Особым совещанием по схемам Национального центра и выпущенные в марте 1919 г., должны были считаться с этим обстоятельством и поневоле органичивать общественную инициативу. Трем ступеням административной лестницы—главноначальствующему, губернатору и начальнику уезда, по принадлежности—был предоставлен над-

¹ Любопытно, что в правительстве адм. Колчака этот вопрос также вызывал сомнение: он был разрешен вначале возложением сношений с новообразованиями (в том числе с правительствами Юга, Севера и Юденичем) на министерство иностранных дел, а с осени 1919 г. — на министерство внутренних дел.

² События на Кубани осенью 1919 г., связанные с казнью Калабухова, протекали без участия Особого совещания.

³ Председателем был избран В. В. Шульгин. В трудах комиссии принимали участие проф. И. А. Линниченко, М. А. Ляпунов, А. Б. Билльевич, П. И. Новгородцев и др.

⁴ Харьковская, Киевская, Новороссийская и Сев. Кавказ.

зор за состоянием и деятельностью всех правительственных установлений¹ и мирных самоуправлений. Гражданская стража, имея полувоенную организацию, находилась в двойном подчинении — местным гражданским начальникам и, через командиров губернских бригад, «командующему государственной стражей» — помощнику начальника управления внутренних дел, на которого возлагалось высшее руководство деятельностью стражи по предупреждению и пресечению преступлений. Главноначальствующий, кроме высшего надзора за управлением нескольких губерний или области, имел в своем подчинении войска и должен был согласовать действия военных и гражданских властей. Ему представлялись исключительные права и принятие чрезвычайных мер в случаях, угрожающих государственному порядку.

С восстановлением и утверждением порядка и полного успокоения в губерниях с начальствующими должны были быть сложены все чрезвычайные полномочия, и отпадало действие исключительного положения.

Это устройство, удовлетворявшее правые и либеральные круги, вызвало жестокую критику в революционной демократии. Она находила в идее такого управления только «административное усмотрение, полицейскую опеку и произвол»; мы видели в нем необходимые условия, обеспечивающие интересы борьбы и армии. Она считала это реставрацией; мы — временной мерой, должнствующей расчистить путь для утверждения покоя и нормальных форм самоуправления.

В конце концов центр тяжести вопроса был не столько в системе, сколько в людях...

Но жизнь перевернула вверх дном все наши умозаключения и не оправдала ожиданий: наше гражданское управление не внесло законности и порядка, возбуждив большое разочарование в населении.

На высших ступенях гражданской иерархии в должности главноначальствующих находились генералы, командовавшие армиями в данных районах; это положение имело свои достоинства и недостатки, тождественные с совместительством в дореволюционное время должностей генерал-губернатора и командующего войсками округа. При них были помощники по гражданской части и «советы» представителей ведомств. Имея функции только высшего надзора, деятельность главноначальствующего проходила на виду и была доступна в известной мере прямому воздействию центра. Но дальше, в области практического управления, дело обострялось хуже, нося внешние признаки реставрации. Управляющий внутренними делами Чебышев ставил губернаторов почти исключительно из числа лиц, занимавших эти должности до революции, желая «использовать их административный опыт». Это были люди — некоторые, по крайней мере, — быть может,

¹ Для главноначальствующих и губернаторов — за исключением судебных мест и контроля; для начальников уездов — за исключением, кроме того, учебных заведений.

вполне подготовленные, но по психологии и мировоззрению, навыкам, привычкам столь далекие, столь чуждые свершившемуся перевороту, что ни понять, ни подойти к нему они не могли. Для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возродить и в формах и в духе. За ними следом потянулись низшие агенты прежней власти—одни, испуганные революцией, другие, озлобленные и мстящие. Приходили они в районы, для них незнакомые, пережившие уже не один режим, с населением, потерявшим уважение к закону и власти и недоверчивым, с жизнью, выбитой из колеи, насыщенной взаимными обидами и классовой враждой. Уезды кишели шайками «зеленых», всевозможных атаманов и остатками рассеявшихся красноармейцев, до крайности затруднявшими передвижение и общение губернских и уездных властей с деревней. Управление внутренних дел, как оказалось, централизовало в своих руках все формирование отрядов государственной стражи, для особого подбора их, и даже назначения низших полицейских агентов, благодаря чему по многим неделям губернии оставались без полицейской охраны. Катившиеся по краю—театру войны или ближайшему ее тылу—войсковые части и своевольные начальники нарушали распоряжения гражданских властей. Жизнь гражданской администрации, как и всего служилого элемента Юга, была неприглядной благодаря нищенскому содержанию и толкала на искушение. Наконец, изменчивость боевого счастья бросала целые территории из рук в руки и многим администраторам не было зачастую времени устроить свой район. Только Ставропольская и Черноморская губернии были в наших руках более года; в них правили часто сменявшиеся военные губернаторы, в назначении которых управление внутренних дел не было повинно; но и там дело обстояло так же плохо, если еще не хуже.

— Нет людей!

Эта жалоба не сходила с уст интеллигенции и со страниц печати. В. Шульгин с горечью писал о том явлении, что «в гражданском управлении выявилось русское убожество, перед которым цепенеет мысль и опускаются руки... Ряды старых работников страшно поредели, а новых нет как нет...» С ним соглашалась вполне «Свободная Речь», но при этом добавляла: «Нет людей... Но там ли их ищут, где надо?.. Пока о местах и влияниях спорят люди, зараженные прошлым, будь то сановники или «самовлюбленные Нарциссы обществности», ничего путного получиться не может... Главное внимание должно быть обращено на более молодые поколения... Надо хотеть и уметь искать...»¹

Нельзя сказать, чтобы мы не искали.

Много раз я обращался к управлению внутренних дел с требованиями изменить систему комплектования гражданской администрации, привлечь общественных деятелей, земских и городских, местных людей, пользующихся уважением и авторитетом... Однажды летом, после повторного резкого напоминания,

¹ Август 1919 г.

ко мне пришел Пильц временно замещавший Чебышева, и доложил, что ввиду моего приказа он обратился с письмом к лидерам либеральных организаций и к некоторым видным общественным деятелям с просьбой указать лиц, могущих заместить открывающиеся посты начальников губерний. Прошло 2—3 недели и. . . не отозвался никто. Это было тем более странным, что Чебышев и сменивший его в июле в должности начальника управления внутренних дел Носович—оба были назначены на рекомендации либеральной группы, именно Национального центра.

Положение создавалось довольно безотрадное.

Наши противники слева вышли не только людей, но и систему. В противовес единоначалию выдвигалась децентрализация власти путем передачи ее местным самоуправлениям или «полубуржуазным советам». Это расхищение власти имело уже место в опыте Временного правительства, когда самозародившиеся «общественные», «революционные» комитеты и «Советы р. и с. депутатов» произвели полный хаос в управлении, порвав всякие связи мест с центром. Этот опыт был повторен отчасти и с таким же неуспехом самарским «Комучем». Наконец, его же ввела в широких размерах советская власть с первых дней своего существования и с первых же дней начала упорную борьбу против «самовластия мест», пока путем давления, подлогов, подтасовок не обратила выборное начало в фикцию, посадив на местах своих послушных и всесильных агентов.

Такой опыт в районах с колеблющимся настроением, где даже сама идея борьбы не пользовалась всеобщим признанием, представлялся невозможным.

Положение на местах и общее состояние нашего тыла становилось между тем катастрофическим.

* * *

В силу указанных раньше причин законы выходили из Особого совещания с большим опозданием.

Серию компромиссов между двумя крыльями Совещания открыло Положение «об упрощенном управлении городским хозяйством» и таком же управлении для земства. Впредь до новых выборов деятельность земских собраний и городских дум, изживших себя и с 1 января потерявших юридическое право существования, не восстанавливалась, и все обязанности их возложены были на управы в составе последнедействовавших, избранных по закону Временного правительства. Но губернаторам предоставлено было право устранять из состава их тех лиц, которые будут признаны несоответствующими своему назначению. Так как последние управы были почти сплошь социалистического состава, часто даже с уклоном в сторону большевизма, то губернаторы довольно широко пользовались своею властью, переходя, вероятно, не раз пределы государственной необходимости.

Закон об общественном управлении городов, выработанный комиссией Астрова, сохранял демократические принципы, был

принят общественным мнением благожелательно и только в среде левых социалистов вызвал обвинение в стремлении власти «урезать права органов самоуправления, стеснить свободу общественной деятельности».

Закон этот был утвержден мною в марте, опубликован только в мае и, вследствие задержек, чинимых управлением внутренних дел, первые выборы в городах происходили только в сентябре.

Земское положение постигла худшая участь. Никогда еще разница двух мирозерцаний не была столь велика, как в этом вопросе. С самого начала рассмотрения вопроса в комиссиях Особого совещания между двумя крыльями его начались сильнейшие трения.

«Мы тратили время и нервы, — говорит либеральный член Совещания, — на споры и отражение ожесточенных натисков справа в вопросе о том, каким может быть теперь земство. Исходя из положения «о культурном значении для деревни просвещенного помещичьего класса», они требовали построения земских учреждений с этим элементом в основе. На заявления наши, что этого класса уже нет, что он разбит в процессе революции, что земство в новой эпохе должно быть неминуемо демократическим, наши оппоненты доходили до крайней степени раздражения».

Волость являлась первоосновой государственного устройства новой России, предрешающей состав всех высших представительных органов страны, и тем социальным базисом, на который должна была опереться временная власть в период борьбы. Помещичий дворянский класс в силу неизбежных исторических причин уходил... На кого же опереться? Либеральное меньшинство требовало принятия законопроекта, близкого к созданному Временным правительством. Правое большинство остановилось на курьяльной системе выборов¹. «Одни намечали будущим правящим классом, — говорит один из правых членов Особого совещания, — хозяйственного мужика и откровенно исповедывали это. Другие не говорили откровенно о своем идеале, но прямая, тайная и всеобщая подача голосов ведет к господству пролетариата и «лиц либеральных профессий». Вопрос ставился ясно и грубо: Колупаев или Тимошенко?»². И в зависимости от всей старой психологии, выработанной десятками лет предреволюционного времени, ответ был ясен для каждой из сторон».

Ввиду полного рахождения Особого совещания вопрос был сдан в согласительную комиссию под председательством Носовича и вышел из нее в виде компромиссного решения: курьяльная система отвергалась, но вводился цепз — уплаты минимальной ставки земских сборов. Опасаясь, что введением прямого подушного обложения земство может расширить выборное право до всеобщности, правые категорически отклонили компромисс. В

¹ 1-я курья — платящие минимальную ставку земских сборов; 2-я — лица, владеющие двойным наделом 1861 г. или уплачивающие соответствующую сумму сборов. Вторая курья облегчала возможность проведения в земство помещиков. •

² Тимошенко — известный кубанский демагог, соц.-рев., докатившийся до большевизма.

середине августа я сделал попытку примирить непримиримое и назначил заседание под своим председательством, предоставив обеим сторонам пригласить на него сторонних лиц по их усмотрению. На этом заседании правое крыло было значительно усилено Кривошеиным, всецело поддерживавшим курьезную систему. «С проведением аграрной реформы Россия делает прыжок с пятого этажа на мостовую. Надо подостлать соломой, чтобы не разбилась». Кривошеин коснулся и общего направления нашей политики, считая ее «левый уклон» и непровозглашение в свое время «единственно спасительных лозунгов» чреватых опасными последствиями. Я ответил более резко, чем полагалось для официального заседания, что весной 1918 г. производилось сильное давление с целью провозглашения этих лозунгов, и если бы это было сделано тогда, то мы были бы побеждены давно уже, а я не имел бы возможности беседовать с Кривошеиным в Ростове о государственном устройстве России.

Соглашение не состоялось. Споры продолжались. Я разрешил их, к сожалению, слишком поздно, утвердив закон в духе постановления комиссии Носовича:

— Ни Колупаев, ни Тимошенко, а некто третий, чей облик не отразился еще ясно в зеркале бытия.

* * *

С апреля шли работы по составлению двух важнейших социальных законопроектов.

Комиссия М. М. Федорова к июлю разработала ряд либеральных законопроектов о профессиональных союзах, рабочих комитетах, об органах охраны труда, о 8-часовом рабочем дне, о примирительных камерах и страховании рабочих. В конце августа в Ростове было созвано совещание с участием представителей от промышленников и рабочих для рассмотрения этих законопроектов. Рабочая делегация тотчас после открытия заседания пожелала огласить резолюцию «Южного совета профессиональных союзов» — организации, всецело захваченной с.-д. меньшевиками, отошедшими временно от чисто политической работы и перенесшими ее в область профессионального движения. Резолюция гласила:

«Лишь при режиме демократической республики, лишь при последовательном проведении принципа всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для рабочего класса и его организаций открывается возможность успешной борьбы как за ближайшие, так и за конечные цели рабочего движения, и создаются условия действительной охраны интересов трудящихся и защиты государственной властью интересов большинства населения».

Исходя из этих положений, рабочая делегация считает совершенно безнадежной всякую попытку сколько-нибудь удовлетворительно разрешить сложные вопросы социального законодательства в обстановке непрерывной гражданской войны и полного отсутствия законодательных учреждений признанных свободной волей населения».

На этой фразе Федоров прервал докладчика, лишив его слова, после чего делегация рабочих покинула совещание. Состояв-

шійся через несколько дней съезд профессиональных организаций Сев. Кавказа одобрил поведение делегатов—«товарищей, стойко стоявших на своем ответственном посту», и призывал всех «товарищей сплотиться вокруг своих классовых организаций и не идти ни на какие ухищрения реакции—разбить единство рабочего класса путем подкупа части рабочих и фальсификации (?) их общественного мнения».

Было ясно участие в этих действиях и постановлениях Москвы. Оно подтвердилось впоследствии попавшей к нам инструкцией коммунистическим организациям Юга: «...Необходимо принять меры, чтобы соглашение между правительством и рабочими не состоялось, учитывая всю важность последствий для правительства Деникина, если бы этот первый шаг увенчался успехом. Данный случай является благодарной почвой для продемонстрирования классового антагонизма...».

Пришлось комиссии продолжать свои работы об устройстве судьбы рабочих без их участия. Работы эти протекали в обстановке ведомственных трений. Причем, по словам Федорова, «обнаружилась тенденция членов комиссии... к пересмотру законопроектов по существу... и ко внесению поправок, направленных к ограничению прав рабочих; и в этом отношении замечания представителей ведомств шли значительно дальше пожеланий промышленников».

В результате часть законопроектов была утверждена мною только в конце ноября, другая не была закончена до эвакуации Ростова. Рабочее законодательство постигла та же участь, что и многие другие наши начинания: они осуществились слишком поздно.

* * *

Комиссия Колокольцева приступила к разработке земельного вопроса, привлекая многочисленных сведущих людей и со стороны. В комиссии наметились сразу три течения: левое, с-р. типа, с определенным устремлением к полной ликвидации помещичьего хозяйства, крайне-правое, стремившееся выиграть время и отстаивать интересы класса, наконец, среднее, искавшее путей для введения стихийного процесса в русло государственных интересов. Повидимому, ведомство Колокольцева принадлежало ко второму течению... Еще в процессе подготовительной работы мне приходилось обращать внимание на внесение проектов, в корне расходящихся с духом декларации.

«Правые, — говорит один из участников комиссии, — были идеологами и страстными, убежденными защитниками восстановления помещиков на их землях. Люди писали на бумаге свои чаяния и мечты, не считаясь с тем, что можно было сделать в новых условиях и чего сделать было уже нельзя. Они представляли цифры и неопровержимые данные, касающиеся теории вопроса... Вот государственный интерес, — говорили они, — и нам нет никакого дела до того, что кто-то говорит о революции. Революция пройдет. Россия останется. Наше решение должно быть для России, а не для революции».

Колокольцевская комиссия закончила свои работы в начале июля. «Земельное положение», составленное ею, в общих чертах имело следующие основания: помещичья земля свыше известной нормы продается добровольно или отчуждается в собственность крестьян за выкуп; норма не подлежащих отчуждению частновладельческих земель, в зависимости от местности,—от 300 до 500 дес.; целый ряд изъятий в отношении культурных и заводских хозяйств еще больше уменьшал общую площадь переходящих к крестьянам земель; отчуждению не подлежали земли городов, земств, монастырей, церковные, духовных учреждений, ученых и просветительных обществ. По мере занятия отдельных местностей должны были немедленно вступать в распоряжение своими угодьями казна, банки, города, церкви, монастыри, перечисленные выше учреждения, а также, во многих случаях, частные собственники—как, например, землями, неиспользуемыми захватчиками, или «находившимися в чужом пользовании, в течение времени не большего, чем необходимо для одного озимого и одного ярового урожая»...

Наконец, Положение предусматривало, что земельные органы приступят к отчуждению только по истечении трех лет со дня восстановления гражданского мира во всей России!..

Проект этот был мною отвергнут. Колокольцев оставил пост. Проект передан на рассмотрение новой комиссии под председательством начальника управления юстиции Челищева.

Замечательно, что даже это творение—акт отчаянной самообороны класса—вызвало смятение в правых организациях. На проект Колокольцева, ставший известным Совету государственного объединения, последний отозвался немедленно письмом Кривошеина и постановлением от 14 июля: «...Намечаемое законопроектom огульное принудительное перераспределение владения возбуждает серьезное опасение в том, что проведение его в жизнь породит тяжелые продовольственные последствия для государства и экономическое обессилие его». Совет успокаивал себя только тем, что в течение трехлетнего срока «непреложные законы экономического развития укажут на правильные пути для будущего русского сельского хозяйства». И рекомендовал ограничиться возобновлением деятельности Крестьянского банка и созданием землеустроительной и землемерной организации, которые «внесут в деревню успокоение вернее и скорее, чем самые красноречивые обещания!»... А Совет всероссийского союза земельных собственников утверждал даже, что «по сведениям, идущим из деревни, народ сознает ныне глубокую моральную разницу между своим и чужим и относится к захвату, как к действию преступному и не могущему быть терпимым при восстановлении законной власти».

Не видели или умышленно закрывали глаза?

Были, впрочем, и редкие исключения: в Харькове союз земельных собственников в августе принял резолюцию о необходимости скорейшего издания земельного закона в духе моей дек-

ларации, ввиду того, что дальнейшая проволочка может вызвать опять брожение среди крестьян.

Тем временем проходил сбор урожая, и необходимо было дать временные нормы для надлежащего его использования. Злополучный «третий сноп», введенный еще в период нашего походного законодательства на клочке Ставропольской губ. для урожая 1918 г., сохранился в неприкосновенности. В Особом совещании был составлен и мною утвержден ряд положений, имевших тройную цель: обеспечение сельскохозяйственного производства, сохранение принципа собственности и по возможности меньшее нарушение сложившихся в деревне взаимоотношений. Закон об урожае оставлял его за посеявшим и требовал уплаты аренды владельцу в размере $\frac{1}{3}$ хлеба, $\frac{1}{2}$ трав и $\frac{1}{6}$ корнеплодов; закон о посевах на 1919/20 г. вменял в обязанность лиц, «в действительном пользовании коих земли находится», пахать и сеять, обещая «обеспечить интересы засевицков при сборке урожая»; закон об аренде предоставлял фактическим обладателям земли (захватчикам) продолжать пользование ею на 1920 г. по договору или без договора, ограничивая известными пределами подсытинную арендную плату. Последующими законоположениями уменьшались нормы натурального арендного взноса ($\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{10}$) и облегчалась возможность дальнейшего пользования землей, подводя под «право захвата» некоторые юридические обещания.

Правый член Особого совещания, одинаково уважаемый за прямоту и искренность обоими флангами, впоследствии говорил: «Из всех мер Особого совещания наиболее неудачной, наибольшей ошибкой были законы о хлебном налоге¹ и о «третьем снопе». Оба эти закона вышли из правого крыла Особого совещания и вполне на его совести». Это вмешательство власти в острые аграрные взаимоотношения не встретило тогда достаточно сильного отпора в несоциалистической общественности Юга. «Третий сноп» вызывал в буржуазной печати горячие споры о нормах, о деталях, но за редкими исключениями эти споры не колебали принципа. Не раз, когда я приносил в Особое совещание свои мучительные сомнения о правильности такого нашего курса, я слышал не только справа, но иногда и слева совершенно бесспорные юридически истины, что отношение российских законов к захватам гораздо суровее и что колебание принципа собственности грозит большими потрясениями... Наконец, «демократический» Дон и сугубо «демократическая» Кубань в своем законодательстве об использовании урожая 1918/19 г. придерживались тех же принципов, что и «реакционное» Особое совещание²...

¹ См. ниже.

² Приказы донского атамана от 5 июля 1918 г. и кубанского краевого правительства от 13 июня 1918 г. Согласно последнему, например, в случае, если запашка—владельца, а семена—посевщика, последний получал пол-урожая. Если то и другое владельца, то урожай целиком переходил к последнему, а незаконный посевщик получал оплату своего труда. В июле 1919 г. донским правительством издано постановление, в силу которого захватчик уплачивал владельцу земли «арендную плату, существовавшую осенью 1918 г.».

А тем временем за войсками следовали владельцы имений, не раз насильно восстанавливавшие, иногда при поддержке воинских команд, свои имущественные права, сводя личные счеты и мстя. И мне приходилось грозить насильникам судом и напоминать властям их долг—предупреждать новые захваты прав, но не допускать самочинного разрешения вопроса о старых. В местностях, где уже наступило некоторое успокоение, некоторые землевладельцы возвращались в свои поместья и вносили вновь элементы брожения непомерным вздутием арендной платы..

Комиссия Челищева перерабатывала земельный проект при участии нового начальника управления земледелием проф. А. Билимовича, в значительной степени под его влиянием. Но со времени подчинения моего адм. Колчаку самая возможность издания земельного закона стала спорной по существу.

Телеграммой от 28 августа, определявшей пределы моей власти, Верховный правитель уведомил меня, что «общее руководство земельной политикой принадлежит Российскому правительству». На этой почве между Особым совещанием и омским правительством завязалась переписка, в результате которой последовала на мое имя в особом секретном порядке телеграмма адм. Колчака от 23 октября № 1005:

«Телеграмма Нератова относительно предоставления вам самостоятельности в земельном законодательстве заставляет меня с полной искренностью высказать возникающие у меня опасения. Я считаю недопустимой земельную политику, которая создаст у крестьянства представление помещичьего землевладения. Наоборот, для устранения наиболее сильного фактора русской революции—крестьянского малоземелья, и для создания надежной опоры порядка в малообеспеченных землею крестьянах, необходимы меры, укореняющие в народе доверие и благожелательность к новой власти. Поэтому я одобряю все меры, направленные к переходу земли в собственность крестьян участками в размерах определенных норм. Понимая сложность земельного вопроса и невозможность его разрешения до окончания гражданской войны, я считаю единственным выходом для настоящего момента по возможности охранять фактически созданный переход земли в руки крестьян, допуская исключения лишь при серьезной необходимости и в самых осторожных формах. Глубоко убежден, что только такая политика обеспечит необходимое сочувствие крестьян в освободительной войне, предупреждая восстания, и устранит возможность разлагающей противоправительственной пропаганды в войсках и населении. Основные принципы принимаемых правительством мер одновременно вам сообщаются. Конструкция изданных здесь постановлений по земельному вопросу не всегда удачна и допускает улучшения и даже изменения, но я глубоко убежден в необходимости твердого соблюдения их основных принципов.

Обстановка, где нет острого земельного вопроса, позволяет отнестись к нему с объективной спокойной стороны. Думаю, что ссылка на руководящие директивы, полученные от меня, могла бы огрadyть вас от притязаний и советов заинтересованных кругов.

Сердечно желаю вам дальнейших успехов как военных, так и в не менее важных делах гражданского и политического устройства.

Адмирал К. о л ч а к ».

С тех пор работа земельной комиссии получила чисто академическое значение. Земельное положение было выработано в начале ноября, и я приказал отдать его печати, чтобы подвергнуть критике широких общественных кругов. Положение стли-

чалось от колокольцевского лучшей юридической формулировкой, осторожностью и стиранием острых углов, но основные его мысли были те же. Вот некоторые из его основ: добровольные сделки в течение двух лет; принудительное отчуждение по истечении этого срока; оставление за частными владельцами усадеб, лесов, открытых недр и земли от 150 до 400 десятин—на основании твердых максимумов или особой прогрессии; отчужденные земли могли быть проданы исключительно лицам, занимающимся земледельческим трудом, преимущественно местным; максимальные нормы для покупающих землю были установлены от 9 до 45 (на сев.) десятин.

Проект Билимовича—Челищева, при всех его спорных сторонах, представлял попытку проведения грандиозной социальной реформы и, если бы был осуществлен до войны и революции в порядке эволюционном, законным актом монарха, стал бы началом новой эры, без сомнения предотвратил бы революцию, обеспечил бы победу и мир и избавил бы страну от небывалого разорения. Но с тех пор маятник народных волеизъявлений качнулся далеко в сторону, и новый закон не мог бы уже оказать никакого влияния на события и, во всяком случае, как орудие борьбы, был совершенно непригоден.

Для характеристики общественных настроений могут послужить те отзывы по поводу проекта, которыми полна была печать. Правые органы видели в нем «огульное уничтожение помещичьего землевладения», и Н. Н. Чебышев, б. член Особого совещания, писал в «Великой России»: «Отнять землю от хозяйственно-образованного человека, любовью удесятерившего долгим трудом и затратами производительность земли, и отдать ее невежде, развращенному безделью, сельскому хулигану—тяжкая несправедливость, ничем не оправдываемый грех... И грозил, что «в придачу к Махно мы получим Дубровских»...

«Свободная Речь» признавала «общую схему», спорила о деталях и решительно уклонялась от моральной ответственности: «Нам ясно, что силы будущей России—это мелко-крестьянская буржуазия... Мы понимаем, что эти силы должны служить главной основой власти... Но... можно ли спасти хоть что-нибудь и что именно—это может решить только власть... Если она признает, что во имя будущей России нужно санкционировать ликвидацию чуть не всего помещичьего землевладения—пусть будет так». Харьковский съезд партии к-д. также уклонился от конкретного определения своих взглядов на земельную реформу.

Умеренно-социалистические органы видели в проекте «стремление сохранить помещичье землевладение и притом не в виде исключения, а как общее правило». И стояли твердо против проведения аграрной реформы до Учредительного собрания.

Только группы, стоявшие еще левее, требовали немедленного и полного черного передела. Но они находились вне фронта противобольшевистской борьбы—в стане наших врагов или сохраняли дружественный нейтралитет к советской власти.

Достоинство удивления, как мало внимания уделяла печать всех

направлений, увлеченная этими теоретическими интеллигентскими спорами, настроением подлинной жизни деревни, крестьянства, как мало она стремилась проникнуть в замкнутый круг мужицкой стихии... Только официальные осведомители, с упорством верующих или сильно хотящих, изо дня в день твердили: — Мужик хочет «хозяина» и «синюю бумажку» — нотариальный акт на купленную землю...

Таким образом, вся обстановка, создавшаяся на Юге России в 1919 г., психология общественности, соотношение сил и влияний решительно не способствовали проведению в жизнь в молниеносном революционном порядке радикальной аграрной реформы. Не было ни идеологов ни исполнителей. Все, что можно было и вероятно должно, — это соблюсти «непредрешение», отказаться вовсе от земельного законотворчества, приняв колчаковскую программу — узаконения безвозмездного пользования захваченной землей впредь до решения Народного собрания, рискуя разрывом с правыми кругами и, следовательно, осложнениями в армии.

Только новороссийская катастрофа, нанеся оглушительный удар белому движению, открыла многим людям глаза на тот геологический сдвиг, который совершился в России. Только тогда стало слагаться впечатление, будто «у многих землевладельцев зреет сознание необходимости жертвенного подвига...» Возможно. У одних, быть может, искреннее, у других — продиктованное безнадежностью положения и поисками новых, хотя бы «демагогических», средств для продолжения борьбы.

Только после этого несчастья у многих разверзлись уста, и они свидетельствуют наперерыв, что «знали», «предвидели», «предостерегали» — они, ничего не предвидевшие, слепые и глухие...

III.

Пропаганда. Церковь.

В стороне от других ведомств стояло одно — по существу бескровно-мирное, но призванное играть огромную роль как средство борьбы: Отдел пропаганды.

В сентябре 1918 г. ген. Алексеёв учредил «Осведомительное отделение» при председателе Особого совещания, поставив во главе его Чахотина¹. Задачи, поставленные Отделению, заключались «в осведомлении командования о политическом положении, осведомлении населения о работах и задачах Добровольческой армии и пропаганде ее идей». Первоначально Отделение состояло из двух «бюро» — «печати» и «информационного». Сведения добывались весьма примитивно — «путем опроса лиц, учреждений и приезжих из разных мест, привлекаемых в бюро особыми плакатами»... С первых же шагов учреждение, разраставшееся неминуемо в своем составе, приняло несерьезный характер, обратив-

¹ Впоследствии стал сменовеховцем.

шись вскоре в убежище для безработной интеллигенции и вместе с тем в новый орган контр-разведки—только мелкий, чисто бытового масштаба. Во «внутренней информации» можно было, например, прочесть о том, что «лицо, не пожелавшее назвать себя, сообщило фамилии следующих лиц, ведущих большевистскую агитацию в станице Смоленской (следует перечень)».

Что же касается агитации, то устная была в то время до крайности элементарна, а графическая ограничивалась почти одним распространением листовок, которые не раз вызывали к себе вместо сочувственного отношения насмешливое.

К началу 1919 г. чахотинское учреждение успело проявить свою несостоятельность в полной мере, и Особое совещание постановило учредить новый Отдел пропаганды, отпустив на него весьма крупные средства, чтобы с первых же шагов поставить широко это важное дело. Главная задача, возлагавшаяся на Отдел, состояла в распространении по всей территории России и за границей правдивых сведений как о большевизме, так и о борьбе, которая велась против него на Юге.

Пост управляющего Отделом был предложен Н. Е. Парамонову—к.-д., донскому деятелю, который соединял в себе опыт политической и издательской работы. После больших дебатов внутри Совещания и переписки с донским атаманом, центр деятельности пропаганды был перенесен в Ростов, как пункт, допускающий мощное техническое оборудование Отдела.

С первых же шагов деятельности нового главы пропаганды начались его трения с Екатеринодаром, главным образом из-за его желанья «повернуть руль влево».

«Мне левизна особенно необходима, — писал он, — и я очень огорчен, что у меня туго подвигается набор видных сотрудников, стоящих теоретически в рядах социалистических партий, но по своему настроению и по кредиту в широких демократических кругах могущих принести нам большую пользу. Окружение себя сотрудниками из кадетов и направо будет коренной ошибкой. Привлечение видных более левых элементов — необходимое условие успеха».

Можно было говорить о необходимости «полевенция» политического курса, но самодовлеющее полевение пропаганды внесло бы еще большее расхождение между словом и делом и запутало бы окончательно и без того необыкновенно сложные политические взаимоотношения, существовавшие на Юге.

После ряда трений, осложненных раздельным существованием Отдела пропаганды и центра управления (Ростов—Екатеринодар), которое препятствовало личному общению и взаимному пониманию, Парамонов оставил свой пост. Управление его продолжалось всего месяц, причем большую часть времени Парамонов вынужден был уделять заседавшему тогда Донскому кругу, в составе которого он играл видную роль в качестве лидера оппозиции. И новый управляющий Отделом К. Н. Соколов принял по существу наследие Чахотина.

Первые же впечатления Соколова от знакомства с «Освагом» были удручающие. Настолько, что возникал даже вопрос—не

лучше ли разрушить вовсе старое здание и построить новое.. Соколову даны были большие средства и полномочия для реорганизации учреждения.

Отдел пропаганды тем не менее не поднялся.

Я не могу не признать, что и техника и внутренняя ценность работы много выросли по сравнению с первыми опытами Чахотина; что деятельность нашей пропаганды, в особенности осведомительная, своими тщательно обоснованными обзорами оказывала помощь правительству; что в рядах ведомства было немало лиц с установившейся высокой литературной репутацией и честным политическим стажем, что, наконец, не один десяток смелых сотрудников пропаганды пал на своем посту от руки большевиков... Но в конечном результате работа Отдела пропаганды принесла больше вреда, чем помощи, прежде всего благодаря самому факту всеобщего отрицательного отношения к нему и недоверия ко всему, что носило печать «Освага».

Я остановлюсь на важнейших только органических причинах неуспеха этого учреждения.

Прежде всего, проповедуя единство России, оно нашло жесточайших врагов в стане национального и областного сепаратизма и среди всех принципиальных противников правительства. Оно встречало противодействие и осуждение не только в аналогичных учреждениях новообразований, но и в наших крупных штабах и учреждениях, желавших эмансипироваться от Отдела пропаганды и вести свою агитацию, свое осведомление. Та официальная идеология, с которой шли за армией органы пропаганды, вступала иногда в большое противоречие с заявлениями войсковых начальников, вызывая разброд в определениях целей борьбы и недоверие в населении. Практика некоторых войсковых частей, проходивших с карами и местью, не вязалась с проповедью порядка и мира. Эти объективные причины, не зависевшие от Отдела пропаганды, далеко, однако, не исчерпывали вопрос.

Личный состав Отдела часто не удовлетворял минимальным условиям технической подготовки и полезности работы. Необходимость быстрого развития сети учреждений пропаганды, недостаток людей, часто полная невозможность для руководителей дела ознакомиться с политическим и моральным багажом привлекаемых работников,—приводили к тому, что на общем поле деятельности встречались элементы совершенно разнородные: почтаемый писатель, честный журналист, серьезный ученый и наряду с ними—продавец пера и мысли, будирующий против власти социалист-полубольшевик, крайний правый, неблагополучный по связям с Распутиным, наконец шарлатан—«иог» и «провидец», начинавший ткать новую паутину вокруг членов династии.. Остов действующих лиц пропаганды обрастал невероятным количеством вторых персонажей из ненаходивших другого применения своему труду представителей интеллигенции и бюрократии, бронированных от военной службы молодых людей, дам и девиц, дававших сумбурный характер всему учреждению. Усилия мои расчистить его встречали упорное сопротивление: штатные дол-

жности упразднились, но вырастали нештатные—«секретных со-трудников».

Общая линия правительственной политики если и выдерживалась внешне этим пестрым конгломератом работников пропаганды, то во всех интимных, трудно поддающихся оценке и контролю, действиях и отношениях их не раз произвольно нарушалась и искажалась. Оттого действительность подносила такие, например, сюрпризы: в одном из важнейших узлов начальник агитационного отдела рекомендует своим подчиненным «проповедывать директорию», так как он «против диктатуры главнокомандующего...». Из другого—по освобожденным только что крупным городам Малороссии командирится для агитации адвокат Зарудный¹, который, к удивлению слушателей, ведет пропаганду в пользу Церенского, возбуждавшего тогда общественное мнение Европы против белых армий и вождей, и почти в оправдание большевизма... С другой стороны, один из секретных отделов центрального ведомства пропаганды поддерживает тесную связь и субсидирует негласными суммами «Союз русских национальных общин»²—правую организацию, враждебную политике командования...

Это был не сплоченный общностью взглядов и идеологии орган, а «парламент мнений», недостаточно связанный внутренней дисциплиной и сознанием нравственной ответственности.

К «Освагу» в обществе привыкли относиться с легким пренебрежением еще со времен Чахотина. «Осваг» не любили и потому не хотели замечать и некоторых положительных сторон его деятельности; не прощали ему и промахов, всегда возможных в нервной обстановке гражданской войны,—в особенности, когда эти промахи носили комический оттенок. И то, чего не могли сделать справедливое возмущение или, наоборот, злоба и зависть, то довершила насмешка—это отточенное и ядовитое оружие общественного мнения.

Насмешка доканала «Осваг».

* * *

Пронесшаяся над русской землей буря, задевшая все основы человеческой жизни, не прошла бесследно и для православной церкви. Церковная жизнь настоятельно требовала устройства. И перед властью стали некоторые осложнения в политическом (автокефалия украинской церкви) и бытовом отношениях, выходявшие далеко за пределы самой церковной жизни и неразрешимые без нарушения канонов. По инициативе протопресвитера Шавельского, я обратился в начале марта к православным иерархам, прося их созвать совещание, с целью разрешить

¹ Бывший министр юстиции Временного правительства, ныне советский служащий.

² На средства Союза издавался в сентябре 1919 г. в Ростове еженедельный погромный листок «В Москву», закрытый вскоре доикским правительством.

вопрос о высшем церковном управлении. После долгих трений и колебаний 20 мая в г. Ставрополе состоялся, наконец, Поместный собор из епископов, выборного духовенства и мирян, который учредил «Временное высшее церковное управление»¹, принявшее на себя высшую церковную власть на юго-востоке России «до установления правильных сношений со святейшим патриархом».

Вместе с тем в Особом совещании учреждено было управление исповеданий, во главе которого стал князь Г. Трубецкой, и в сентябре опубликована была декларация о взаимоотношениях церкви и государства:

«В твердом убеждении, что возрождение России не может совершиться без благословения божия, и что в деле этом православной церкви принадлежит первенствующее положение, подобающее ей, в полном соответствии с исконными заветами истории, признаю необходимым установить нижеследующее:

В согласии с новыми началами, на которых создается государственная жизнь России, в соответствии с постановлениями Всероссийского поместного собора, православная церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления.

Впредь до выработки особых по сему предмету законоположений, учрежденному ныне временному управлению исповеданий надлежит иметь наблюдение за соответствием постановлений власти православной церкви в делах, сопрягающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными законами. Через его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью церкви в ее материальных и иных нуждах.

В своих отношениях к инославным и иноверным исповеданиям временное управление исповеданий должно руководствоваться началами свободы, совести и веротерпимости, предоставляя каждому признанному в государстве исповеданию, в полном соответствии с общими государственными началами, свободу самоуправления в делах внутреннего, чисто религиозного характера, не сопрягающихся с областью государственных и гражданских правоотношений. В борьбе с общим врагом, разрушающим начала государственности, все эти исповедания призываются содействовать среди своих последователей общей задаче оздоровления и воссоединения России».

Собор обратился с бодрящим словом к народу, вождям и армии и с увещанием к красноармейцам.

Но и в этот вопрос не преминула вмешаться политика: крайние правые группы пытались придать этому начинанию специфический политический оттенок. После неудачи, постигшей Пурешкевича и Востокова, которых не допустили выступить на Соборе с весьма боевым «сыновним обращением», эти группы охладели к Собору и к Высшему церковному управлению, огульно заподозрев его в «кадетизме». Что касается левых партий, они отнеслись также с большой подозрительностью к «поповской мобилизации» и к «втягиванию духовенства в политическую жизнь». Обвинения эти были неосновательны. Духовенство вовлеклось иногда в политику, но не властью, а своим участием в политических организациях. Церковное управление не раз предупреждало проповедников «от скользких путей политической

¹ Из 7 членов, под председательством архиепископа Донского — Митрофана.

пропаганды», не разумея под этим, конечно, выступлений против гонителей веры и церкви—большевиков.

Присутствуя при открытии Собора, в своей речи я высказал и свой взгляд на задачи его и духовенства:

«В эти страшные дни, одновременно с напором больш визма, разрушающего государственность и культуру, идет планомерная борьба извне и изнутри против Христовой церкви.

Храм осквернен. Рушатся устои веры. Расстроена жизнь церковная. Погасли светильники у пастырей, и во тьме бродит русская душа, опустошенная, ослепленная, охваченная смертельной тоской или тупым равнодушием.

Церковь в плену. Раньше—у «приказных», теперь у большевиков.

И тихий голос ее тоит в дикой свистопляске вокруг еле живого тела нашей родины.

Необходима борьба.

И я от души приветствую поместный Собор Юга России, поднимающий духовный меч против родины врагов и церкви.

Работа большая и сложная.

Устроение церковного управления и православного прихода. Борьба с безверием, унынием и беспримерным нравственным падением, какого, кажется, еще не было в истории русского народа... Борьба с растлителями русской души—смелым пламенным словом, мудрым деланием и живым примером... Укрепление любви к родине и к ее святыням среди тех, кто в кровавых боях творит свой жертвенный подвиг».

К сожалению, не взирая на усилия многих достойных пастырей, церковная проповедь оказывала мало влияния на массы: сеятели были неискусны или нива чрезмерно густо заросла плевелами...

IV.

Внешняя политика правительства Юга. Парижское военное и политическое представительство. «Русский вопрос».

В конце октября в Екатеринодар прибыл бывш. российский министр иностранных дел Сазонов и занял пост начальника управления иностранных дел в Особом совещании. Назначение его принято было общественным мнением сочувственно. Самостийные круги, хотя и будировали несколько, но признавали авторитет Сазонова; не протестовали и умеренно-левые, а «Утро Юга» приветствовало даже назначение Сазонова—под тем, однако, условием, чтобы он опирался на «всероссийскую демократическую власть».

Вопрос замещения этой должности имел большое значение для Юга, ввиду общего стремления к объединению российского правительства на предстоящей мирной конференции. Мы жили иллюзиями, что голос наш будет там услышан...

Отражением взглядов южной российской общественности на характер и задачи этого представительства является «Памятная записка», поданная правительствам держав Согласия через екатеринодарских их представителей¹. Главнейшие положения записки заключались в следующем:

¹ Записку подписали: Астров, Винавер, Милюков, Степагов и Шульгин.

«1. Советское правительство не только не имеет права представлять Россию... но само существование этой банды убийц и разбойников... не должно быть терпимо.

2. Россия просит союзников поспешно притти ей на помощь.. Мы надеемся, что в этой войне за гуманность и справедливость будут совместно действовать союзные и местные (русские) войска.

3. Эфемерные государственные образования... приобретшие мнимую независимость... не могут принимать участия в процессе освобождения и объединения России, пока они не откажутся от своих притязаний на отдельное существование. Они не должны претендовать на отдельное национальное представительство.

Необходимо осторожно относиться к притязаниям отложившихся областей, вроде Украины, Дона, Литвы, Прибалтийских губ., Кавказск. республик и даже Финляндии, независимость которой не была признана Временным правительством... Будучи представлены стдельно, они усилили бы только элементы разложения и слабости.

4. Настоящая Россия может быть представлена только единой делегацией, объединяющей все оставшиеся здоровыми среди разрушения элементы. Есть два центра объединения ее сил — на сев.-востоке и юго-востоке России.

Преимущество записка отдавала второму — в силу близости к проливам, экономических условий Юга, существования там Добровольческой армии и притока

«опытных и солидных государственных людей... которые начинают уже образовывать составные части будущего правительства, способного сложиться в будущем путем добровольного соединения с другими действующими центрами...».

5. Не ожидая конца этого слияния, наши бывшие послы.. могли бы представлять Россию и ее интересы... Несколько других, лучше осведомленных о недавних событиях, присоединятся к ним в качестве представителей тех центров объединения, о которых упомянуто выше».

Таким образом, в вопросах внешнего представительства сложился довольно широкий фронт правой и либеральной общест-венности, не было в этом отношении и серьезного расхождения с умеренно-левыми, наконец, и правительство Юга разделяло эти взгляды.

С целью разработки вопросов, связанных с предстоящей конференцией, в ноябре учрежден был при управлении иностранных дел Совет по делам внешней политики, под председательством Сазонова. В Совете должны были принять участие А. А. Наратов, М. М. Винавер, П. И. Новгородцев, Г. Н. Трубецкой и Г. А. Казаков; предложено было включить в состав его по одному представителю от Дона и Кубани, но обе «державы» уклонились, причём бывший в то время атаманом ген. Краснов, отнесся вообще отрицательно к предложению, требовал «паритета» для Дона и Кубани: «если бы я мог согласиться на то, чтобы на шесть представителей Добровольческой армии явился один представитель Донского войска, то донские казаки (?) с этим никогда не согласятся...»¹. Времени для споров не было, и я поручил представительство Юга в Париже единолично Сазонову. По сообщении этого решения новообразованиям, к нему присоединились Крым

¹ Письмо к ген. Драгомирову от 30 ноября, № 050.

и Дон, причем атаман настаивал лишь на включении в состав парижской делегации в качестве советников назначенных им лиц, что не встретило препятствий.

С Кубанью вышло сложнее. На основании постановления Рады, правительство Быча накануне своего ухода в отставку избрало заграничную делегацию «для широкой информации и защиты интересов края». В состав ее вошли сам Быч, Савицкий, Намитоков—все члены «черноморской группы». Эта делегация пожелала взять на себя и представительство на мирной конференции, независимо от правительства. В результате препирательств и компромисса была послана в Париж одна делегация, «правительственная», но в состав ее были включены Быч и его спутники и добавлены еще два члена—доктор Долгополов (от правительства) и Д. Филимонов (от атамана). И хотя в наказе, данном делегации, было указано, что она посылается «для содействия общему представителю государства Российского С. Д. Сазонову», но предварительные прения о наказе выяснили полную непримиримость Быча и его единомышленников с такой точкой зрения¹.

* * *

В середине декабря Сазонов уехал в Париж, снабженный наказом, выработанным в Особом совещании и утвержденным мною. Этот наказ касался исключительно внешнего положения русского государства и основной задачей признавал восстановление status quo ante bellum в отношении русских владений, за исключением земель, имеющих отойти к независимой Польше.

Внешне обстановка складывалась как будто благоприятно. В начале января 1919 г. адмирал Колчак назначил Сазонова министром иностранных дел омского правительства и таким образом в его лице объединено было представительство Юга и Востока. Но, приехав в Париж, Сазонов застал там уже существующее представительство, говорящее от имени России, не признанное в этом качестве союзниками и, в частности, французским правительством, но персонально находившееся с ним в некоторых сношениях. Это было так называемое «Русское политическое совещание в Париже», во главе с кн. Львовым².

¹ В наказе были, между прочим, такие пункты:

«3. Если, однако, вопрос о государственном устройстве России будет поставлен на международной конференции, то делегация должна настаивать на установлении в государстве Российской федеративной республики свободных народов и земель, с признанием за Кубанским краем прав отдельного штата.

4. ...Если бы дело воссоздания России и борьбы с большевизмом было признано задачей, не допускающей международного вмешательства, то ввиду своеобразия, культуры и социального уклада Кубанского края настаивать на установлении действительных международных гарантий против нападения и распространения на Кубанский край советской власти».

² В составе его к началу 1919 г. были: Маклаков (посол во Франции), Гирс (посол в Италии), Бахметьев (посол в Америке), Извольский (бывш. мин. иностр. дел), Чайковский (председатель архангельского правительства), Савицков, Коновалов, Иванов (соц.-р-в.), Титов («Союз возрожд.»).

Приезд Сазонова был встречен весьма несочувственно: в парижских про-большевистских газетах, под влиянием русских левых кругов, появились статьи по адресу «недобитого царского министра» и «нежеланного гостя»; Клемансо уклонился от приема Сазонова; члены Политического совещания стали настойчиво убеждать его, что имя его одиозно для французской демократии, что изолированное выступление его невозможно, так как с ним никто из правящих кругов разговаривать не станет... И Сазонов уступил без борьбы, войдя рядовым членом в состав Политического совещания, о чем я узнал много позднее,

В первых числах января состоялся обмен телеграммами Сазонова и Маклакова с Омском, в результате которого адм. Колчак писал мне: «Согласно этим телеграммам, я от себя и от имени правительства, образовавшегося на территории Сибири и Урала, уполномочил представительство России (на мирной конференции) в составе: кн. Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковского. Полагаю, что вы не разойдетесь со мной в этом важном вопросе»¹. Я не противоречил.

В состав Политического совещания должно было войти также по одному представителю Дона и Кубани. Но когда после долгих блужданий появилась, наконец, в Париже делегация Быча, на соединенном заседании донской и кубанской делегаций было решено не входить в состав Совещания по следующим мотивам: «Вступление в состав Совещания связало бы делегации в их выступлениях и переговорах с союзниками или с другими государственными образованиями; с другой стороны—не дало бы практически полезных результатов, ибо, по собранным сведениям, к Совещанию со стороны демократических сфер установилось отрицательное отношение, а в сферах правительственных к голосу Совещания совершенно не прислушиваются». Донцы вскоре вернулись на Дон, из состава кубанской делегации вышел, подав протест против ее решения, Долгополов, а Быч со своими тремя товарищами² остался надолго в Париже, примкнув к наиболее непримиримым и враждебным России самостийным организациям. В первом же своем «меморандуме» державам Согласия делегация Быча заявила, что «наилучшей для себя помощью кубанцы считали бы прекращение гражданской войны, но это невозможно, ибо советская власть добровольно не откажется от притязаний на Кубанский край», и что «кубанцы ведут войну исключительно оборонительную». Делегация просила «всякой амуниции для своей армии», а «прежде всего, главнее всего, моральной поддержки в борьбе с большевизмом как слева, так и справа (черносотенством)»...

Совещание имело совершенно неопределенные функции. Выделенные из состава его четыре члена (кн. Львов, Маклаков, Сазонов и Чайковский) только и имели по существу право

¹ Письмо от 11 января 1919 г., полученное мною в марте или в начале апреля.

² Двое — Калабухов и Д. Филимонов вернулись также осенью.

представительства сибирского и екатеринодарского правительств. Обращения к союзным державам и мирной конференции подписывали иногда Сазонов и Чайковский от имени трех объединенных правительств, иногда все четыре лица—от имени Совещания. В непосредственном ведении его находились Экономическое совещание (Рафалович), бюро прессы (Саблин), канцелярия и посольство.

В подводомственные отношения и в финансовую зависимость от Политического совещания стали также учреждения ген. Щербачева, который взял на себя представительство, кроме армий Юга, еще и восточной и западной (Юденича). Кроме штаба, его организация состояла из отдела заготовок и снабжений (ген. Гермонюс), отдела, ведавшего личным составом русских военнопленных и бывших во Франции русских бригад (адм. Погуляев), и военно-исторического и статистического комитета (ген. Палицын). Содержание этих учреждений стоило Совещанию 125 тыс. франков ежемесячно, деятельность же по многим причинам была весьма ограничена, а для Юга, по крайней мере, мало ощутима. Главная задача, которую поставил себе ген. Щербачев—формирование армий в Чехии и Сербии из контингентов русских военнопленных и местных добровольцев, вследствие общих политических условий, психологического состояния наших военнопленных и отсутствия средств¹, не имела никаких результатов.

Политическое совещание представляло из себя далеко не однородное целое. Об общем характере его один из видных участников Совещания говорит:

«В той работе, которая совершается здесь в Париже русским центром, нужно различать две стороны: 1) отстаивание единства, целостности и суверенитета России, которые должны быть дороги всем русским, независимо от их политического направления, и 2) тенденцию при помощи сильных внешних покровителей, союзников спасти русскую «демократию» и русскую «революцию». Так как союзники требуют от нас «демократизма», а некоторые русские элементы здесь и все инородцы только и делают, что доносят союзникам на «антидемократизм» русского национального движения и, в частности, парижского Политического совещания, то мы все, каковы бы ни были наши политические убеждения, вынуждены считаться с этой атмосферой. Но для одних это—внешняя неотвратимая обстановка, в которую в силу исторического несчастья вдвинуто дело восстановления России, для других это—желанная поддержка их собственных «левых» aspirations, которые, как это они не могут не чувствовать, потерпели позорное фиаско».

Практически это столкновение взглядов давало такую картину работы (март 1919 года):

«Три четверти времени уходит на бесполезную грызню между собой, заподозривание друг друга в злых замыслах. Если это продлится еще некоторое время и выйдет наружу, то мы совершенно погубим себя. И мы это здесь понимаем, и в последнюю минуту самые, казалось бы, непримиримые останавливаются. Так, здесь назревал и чуть не разразился большой

¹ Ген. Щербачев совместно с Экономическим совещанием Рафаловича просили и представили французскому министерству финансов смету в 69½ мил. франков в месяц на финансирование этих предприятий.

конфликт между Сазоновым и представителями общественного мнения, которые находили, что он слишком отстал и недостаточно считается с духом времени. Всем стало ясно, что если нечто подобное разразится, если ссора между русскими в момент мирного конгресса выйдет наружу, то всякое уважение к нам пропадет и, может быть, надолго».

Впрочем, решения,—говорит участник,—вырабатывались почти всегда «единодушные, т. е... компромиссные».

* * *

Париж и Западная Европа жили главным образом теми готовыми умозаключениями, которые им подсказывала русская эмиграция, и, прежде всего, ее политический центр—Париж. По словам кн. Львова¹, общественное мнение союзных держав «оценивало наши правительства в такой постепенности к демократизму»:

«Первым стоит архангельское. Оно не возбуждает сомнений в реакционности главным образом благодаря Чайковскому и потому, что оно не сильно и не так существенно.

Затем омское, которое после переворота Колчака вызвало бурю негодования, но когда выяснилась позиция Колчака, опирающегося на демократическо-радикальные слои, встает с ним мирятся. Здесь нам в этом деле удалось рассеять сомнения.

Что же касается южного, то оно прямо считается реакционным. В доказательство приводится все, что угодно: приглашение всех старого режима министров (?), наличие множества генералов, представительство Сазонова, отсутствие в составе правительства соц.-дем., отношение к Донскому кругу и Краснову, коего, как антитезу Добровольческой армии, выставляют как истинно-демократическое начало, и, наконец, самое офицерство, которое кутит и поет «Боже, царя храни».

Созники терялись в тех противоречивых до крайности мнениях, которые исходили от русской эмиграции. Среди той взаимной ненависти, непонимания, наветов и обличений друг друга в самых тяжелых, не только политических, но и уголовных преступлениях...

Париж стал сборищем политических деятелей всех рангов и направлений, в том числе людей особого типа—коммивояжеров от политики, обивавших все пороги со своими жалобами и проектами, со своим вздутым ослепленным самомнением, своим «я», доминировавшим над интересами борьбы и родины...²

Революционная демократия в огромном большинстве вложила меч в ножны и ополчилась против реакции, которая «идет на штыках колчаковских и деникинских армий...»³. К ним присоединились всецело представители многочисленных лимитрофов—непримиримые и озлобленные. Весь этот лагерь вел сильнейшую борьбу, «против Колчака и Деникина», имея особенный

¹ Письмо его ко мне от 20 февраля 1919 г.

² См. книжки Маргулвеса, Марголина, Кирдецова и др.

³ Керенский, Минор, Зензинов, Аргунов и др. обратились даже с «манифестом» к демократическим правительствам Запада, приглашая их не оказывать поддержки алч. Колчаку и мне.

успех среди социалистов Запада. Если бы все же эта реакция могла быть донесена до Кремля, насколько свободнее вздохнул бы тогда русский народ!

В кругах, близких к Политическому совещанию, признавалась всецело идея «борьбы до конца». Но отношение их к борющимся силам было не одинаково. В нем обозначалось течение, ослаблявшее не раз позицию Юга и отозвавшееся, несомненно, на настроениях французов, косвенно на событиях в Одессе и Крыму: «за Колчака, против Деникина». К нему примкнули, повидимому, и оба наши представителя—Сазонов и ген. Щербачев. Казалось в высшей степени странным это привнесение со стороны элемента борьбы и соперничества в отношении двух людей, отличавшихся глубокой искренностью, единомыслием и стремлением к единению...

Думаю, что немалую роль в этом вопросе сыграли два обстоятельства: с одной стороны, непризнание Екатеринодаром руководящей роли за Политическим совещанием и, с другой—большие стратегические успехи восточных армий в начале 1919 г., в то время, как армия Добровольческая, покончив с Северным Кавказом, только еще поворачивала с тяжелыми боями на север. Во всяком случае, летом, с выходом вооруженных сил Юга России на московские пути, изменится и отношение Совещания, хотя общее направление политики южного правительства не претерпит изменения.

Вообще, во внешних и внутренних взаимоотношениях главную роль играл успех.

Опираясь на представительство таких реальных сил, как Восток и Юг России, Совещание получало известный вес в общественном мнении, но само оно к силам этим относилось с некоторым высокомерием, как к правительствам «провинциального масштаба». Считая себя органом всероссийского значения, Совещание заняло самодовлеющее положение и в отношении иностранцев и в отношении представляемых им сил, стараясь руководить действиями последних. Не знаю, как отнеслось к этому омское правительство, но южное—отрицательно. Между прочим, в самый разгар нашей борьбы с кубанскими самостийниками в начале апреля, кн. Львов от имени Совещания прислал мне телеграмму с резким осуждением деятельности южного правительства:

«Совещание считает необходимым, учитывая критическое положение, создавшееся для дела спасения России, сообщить, что в союзных странах, как и вообще в Европе, демократические течения чрезвычайно усилились, не считаясь с ними ни одно правительство не может... Те сведения, которые поступают с Юга от официальных представителей местных правительств, от общественных деятелей самой различной политической окраски, от агентов союзников о взаимоотношениях между местными правительствами и Добровольческой армией, усиливают позицию тех, которые защищают здесь большевиков, и ослабляют тех, кто может и хочет нам оказать помощь. Совещание бессильно чего-либо здесь добиться, если на местах не будут учитывать указанной обстановки... Всякий слух о раздорах военных властей с местными правительствами и выборными исполнительными организациями, внесение политических соображений в военное дело, а тем

более обнаружение реакционных симпатий, стремлений к политической реставрации, отобранию земель от крестьян, хотя бы со стороны отдельных лиц, близких к Добровольческой армии, — убивает сочувствие и доверие к национальному движению... Недостаточно только избегать подобных ошибок, надо установить явно дружелюбные отношения к крайним правительствам, иметь в составе правительства популярные имена, восстановить и поддержать широкий политический фронт и сделать так, чтобы большевики были изолированы в своей борьбе со всей Россией».

В содержании этой телеграммы одновременно с нами была поставлена в известность Парижем и Кубанская законодательная Рада, поместившая ее на страницах газет самостийного направления. Это обстоятельство заставило меня предать гласности и мой ответ:

П а р и ж. Министру Сазонову.

«По поводу телеграммы № 669 Маклакова передайте кн. Львову, что я интересуюсь политической обстановкой и отношениями к России, установившимися в Париже. Вместе с тем признаю совершенно бесполезным намерение руководить действиями екатеринодарского правительства со стороны лиц, оторванных от России, не знающих и не понимающих вовсе той обстановки, в которой совершается в ней трудное дело государственного строительства».

Д е н и к и н ».

Эта переписка ухудшила значительно отношения русского Парижа к Екатеринодару, но, во всяком случае, привела их в полную ясность.

Мало-по-малу стало выясняться, что правительство Юга по существу не имеет в Париже никакого представительства; ни в смысле защиты наших интересов, ни в осведомлении Запада о деятельности и боевых успехах армий Юга, ни даже простого опровержения тех вздорных слухов и небывлиц, которые распространялись нашими недругами.

С парижским Политическим совещанием я не сносился. Официальные отношения между управлением иностранных дел Юга и Сазоновым хотя и продолжались, но существенного значения не имели. Реальная политика, касавшаяся не только интересов Юга и борьбы его, но и некоторых вопросов общегосударственных, велась непосредственно в Екатеринодаре. И так как до осени 1919 г. иностранные державы держали при командовании Юга исключительно военные миссии, то, естественно, многие вопросы проходили мимо нашей дипломатии, разрешаясь главным образом мною совместно с председателем Особого совещания и отчасти начальником военного управления. Общее направление внешней политики, с которым Особое совещание знакомилось еженедельно на заседаниях в моем присутствии, не вызывало иногда розни среди его членов.

* * *

Наши ожидания не сбылись: русское представительство не было допущено на мирную конференцию ни с решающим ни с совещательным голосом. Политическое совещание и делегация

(«четверка») по собственной инициативе, иногда по приглашению столпов конференции, отзывались на животрепещущие вопросы, связанные с судьбами русской державы, декларациями, записками, иногда личными неофициальными беседами, но выступления их встречали внимание не многим больше, чем «манифесты» Керенского и «меморандумы» державных лимитрофов.

Было бы ошибочно и несправедливо, однако, отрицать значение этой «декларативной работы» русского парижского представительства: среди разноязычной толпы могильщиков России, для которой они изобрели эпитет «бывшей», среди громкого гомона «наследников», деливших заживо ее ризы, нужен был гомос национального сознания, голос предостерегающий, восстанавливающий исторические перспективы, напоминающий о поправных правах русского государства.

Это было важно психологически и не могло не оказать сдерживающего влияния на крутые уклоны руководителей мирной конференции, на колеблющиеся общественные настроения Запада.

Об этих настроениях русский посол в Париже Маклаков писал на Юг:

«Пять лет войны и напряжения всех сил вызвали реакцию... Когда было заключено перемирие, все бросились отдыхать по-своему: люди состоятельные стали одеваться, раздеваться и танцевать, забыв о всяких ограничениях; рабочий люд стал требовать сокращения рабочего дня и повышения заработной платы... В некоторых странах в миниатюре повторяется то, что происходит в России, — рабочий труд не окупает уже рабочей платы, и рабочие становятся пенсионерами государства... Вместе с тем, политические претензии рабочего класса и вообще широких демократических масс, как принято у нас выражаться, очень возрастают. Везде правительства, представляющие правящие классы, чувствуют себя на вулкане, везде против них идут претензии тех, кто хотел бы занять их положение, смотрят с завистью и предубеждением на всякое социальное неравенство и преимущество, и благодаря этому к нашему большевизму относятся с нескрываемой симпатией. «Конечно, — говорят они, — там много дикости и глупости, но общая идея нам нравится...».

Везде, где демократия начинает чувствовать свою силу, находятся и демагоги; и вот здешние демагоги, которые пока еще не победили, но приобретают сторонников с каждым днем, находят слишком благодарную почву и в медлительности мирных переговоров, и в безвыходном положении правящих классов перед финансовыми затруднениями, и в неумении их выйти из войны неповрежденными...

Не в этом настроении, не в этой атмосфере можно создать что-нибудь прочное и идти водворять порядок в России.

Заставить сейчас, после заключения перемирия, их войска (союзников) сражаться за Россию — выше сил какого бы то ни было правительства. А главная, здесь сейчас начинается такая кампания — демагогическая, вызывающая к желанию покоя и мира, изображающая всех антибольшевиков реакционерами и реставраторами, что союзные правительства боятся дать сражение своим большевикам на непопулярном сейчас лозунге интервенции»¹.

В конечном результате все более ясное понимание реальной опасности русского большевизма правящими классами и, с другой стороны, равнодушие или даже отчасти сочувствие в то время

¹ Март — апрель 1919 г.

ж нему на Западе масс привели к непонятной, извилистой и гибельной для нас политике держав Согласия в русском вопросе. Первым ее последствием был отказ от всех торжественных обещаний и деклараций, провозглашенных под влиянием военной психологии победителей: по инициативе Вильсона, с одобрения Ллойд Джорджа и при отрицательном отношении Клемансо, состоялось постановление мирной конференции, переданное нам по радио 12 января:

«Союзные представители подчеркивают невозможность заключения мира в Европе в случае продолжения борьбы в России. Поэтому союзники приглашают к 15 февраля сего года все организованные политические группы, находящиеся у власти или стремящиеся к ней в Европейской России и в Сибири, не более трех представителей от каждой группы, на Принцевы острова в Мраморном море для предварительных переговоров, где будут присутствовать и представители союзников. Финляндия и Польша, как автономные единицы, в переговорах не участвуют. Союзники считают, однако, необходимым до переговоров — заключение перемирия между приглашенными группами и прекращение всяких наступательных действий. Союзники уверяют в своих дружественных чувствах к России и русской революции».

Это был первый серьезный удар национальному русскому движению со стороны союзников.

За посылку своих представителей на Принцевы острова высказались только Совет комиссаров, Эстония и... Одесса. Полагая, что термин «организованные группы, стремящиеся к власти», имеет прямое к ним отношение, одесские буржуазные и социалистические организации (Совет государственной обороны, Союз возрождения, отдел Национального центра¹, Земско-городское объединение и др.) после обсуждения вопроса в ряде заседаний и после споров о числе мест избрали уже своих кандидатов.

Почти все остальные группы отнеслись к предложению резко отрицательно. В Екатеринодаре ему вначале просто не поверили. Также было и в Омске, где адм. Колчак, по словам Гинса, заявил иностранным представителям, что предложение «неясно по содержанию и искажено», а поэтому он, как правитель, «не будет вовсе на него отвечать», а в качестве главнокомандующего «отдаст приказ войскам, что разговоры о перемирии с большевиками распространяются врагами России и что он готовится к наступлению...». С осуждением к проекту отнеслась и большая часть английской и французской печати. Наконец, 1 февраля Сазонов и Чайковский от имени трех объединенных правительств обратились к мирной конференции с меморандумом: «высоко ценя побуждения, внушившие союзникам их предложение», они вынуждены заявить, что «не может быть речи об обмене взглядами по сему поводу с участием большевиков, в которых совесть русского народа видит только предателей... Между ними и национальными русскими группировками невозможны никакие соглашения...».

¹ Главный комитет Национального центра в Екатеринодаре отнесся с полным осуждением к предложению «Принкипо», о чем послал свое постановление союзному командованию.

Под влиянием почти единодушного в этом вопросе общественного мнения проект «Принкипо» был быстро похоронен. Керзон в палате лордов проводил его надгробным словом: «Правительство не может объявить войну большевикам, так как это вышло бы необходимо содержать большую оккупационную армию. Оставить же Россию также не можем—это была бы политика эгоистическая. Вот почему предложен на конференции принцип прекращения военных действий в России, но вовсе не признание большевистского правительства. Разговаривать с разбойниками—не значит признать разбой...».

Идея интервенции отпадает. Последние неудачные и немощные попытки ее в Одессе и в Крыму вызовут в русском обществе резкую перемену во взглядах на спасительность интервенции вообще, ксенофобию и—в известных кругах—возврат германофильских симпатий. Державы Соглашения ограничиваются материальной помощью, но и в этой области не достигнуто единства: Америка отходит в сторону, Франция оказывает помощь преимущественно лимитрофам, Англия—и лимитрофам и белым русским армиям. Если правительства в направлении помощи руководствуются исключительно субъективно понимаемыми интересами своих стран, спасением от распространения воинствующего большевизма, то западные демократии исходят из более идеалистических соображений: длинным рядом лет инородцы и российские либеральные и социалистические круги заносили на Запад свою психологию, свои обвинения «царского» режима и возбуждали симпатии к «угнетенным» им народам России; теперь пресса, пропаганда и личные воздействия представителей национальных образований еще более подогревают симпатии к «угнетенным».

«Глубокая пропасть, — писал Маклаков, — образовалась между воззрениями той части русских, которая, не ослабевая, продолжает национальную защиту России, и настроениями Запада — не только западных врагов, но и друзей России. Если бы кто-нибудь здесь стал говорить, что Россия будет унитарна, что... местная автономия отдельных национальных территорий... будет дана сверху единым Учредительным собранием и что пределы этой автономии могут им изменяться, то на него посмотрели бы как на реакционера и чудака».

Между тем именно так смотрели на взаимоотношения к новообразованиям и екатеринодарское и омское правительства. Парижское совещание пошло несколько дальше, и от его имени, за подписью «четырех», представлена была мирной конференции декларация (май 1919 г.), в которой державам предлагалось признать, что

«все вопросы, касающиеся территории Российского государства в его границах 1914 года, за исключением этнографической Польши, а также вопросы о будущем устройстве национальностей, живущих в этих пределах, не могут быть разрешены без согласия русского народа. Никакое окончательное решение не могло бы в связи с этим состояться по этому предмету до тех пор, пока русский народ не будет в состоянии вывить свободно свою волю и принять участие в урегулировании этих вопросов».

Что касается теоретических взглядов «новой России», декларация пояснила, что «она»

«не разумеет своего восстановления иначе, как на основе свободного существования составляющих ее народов, на принципах автономии и демократии и даже в некоторых случаях — на условиях взаимного соглашения между Россией и этими народностями, основанного на их самостоятельности».

И эта формула оказалась неприемлемой. Новообразования требовали немедленной и полной самостоятельности. Частные сношения отдельных членов Совещания и инородческих делегаций были решительно безрезультатны; официальных не установилось вовсе, так как новообразования соглашались признавать Совещание только за представительство «Великороссии». Лишь однажды представители Литвы и Белоруссии (?) приняли помощь государствоведов Совещания при определении восточной границы Польши, оказанную им в целях ограждения российской территории от польского захвата.

Узнав об обмене мнений между адм. Колчаком и Верховным советом в дни, когда предполагалось признание, шесть «государств» — Эстония, Грузия, Латвия, Северный Кавказ, Белоруссия и Украина, тотчас же поспешили уведомить, что «всякие постановления органов русской государственной власти не должны иметь никакого отношения к ним».

И кубанская делегация не преминула обратиться также с просьбой признать Кубань «независимым государством», допустить представителей ее к участию в работах мирной конференции и принять «Кубанскую республику» в число членов Лиги Наций.

Мирная конференция не взяла на себя разрешения русского вопроса. Она признала лишь «неотчуждаемую независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи» — в смысле отказа Германии от всяких притязаний на них.

Из Парижа нам писали часто: помощь союзников недостаточна потому, что борьба Юга и Востока не популярна среди европейских демократий; что для приобретения их симпатий необходимо сказать два слова:

— Республика и федерация.

Этих слов мы не сказали. Но если бы другая власть допустила такое вмешательство извне в русские дела и вышла из рамок непредрешения коренных вопросов государственного устройства России до народного — в той или другой форме — волеизъявления, что изменилось бы в истории прошлого? Сомкнули бы с нами свои ряды искренно и бескорыстно армии новообразованной, отравленных сладким ядом мечты о полной своей независимости? Пошли бы полки генерала Уоккера на Царицын и стрелки генерала Ансельма на Киев? Наконец, воспряли ли бы духом российские армии, идя в бой за «федеративную республику»?

Конечно, нет.

Не декларациям и формулам дано было повернуть колесо истории.

Моральный облик армии. «Черные страницы».

Состав добровольческих армий становился все более пестрым. Ряд эвакуаций, вызванных петлюровскими и советскими успехами (Украина), и занятие нами новых территорий (Крым, Одесса, Терек) дали приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше—по принуждению. Они вливались в коренные добровольческие части или шли на формирование новых дивизий. Коренные части¹ ревниво относились к своему первородству и несколько пренебрежительно к последующим формированиям. Это было нескромно, но имело основания: редко какие новые части могли соперничать в доблести с ними. Это обстоятельство побудило меня развернуть впоследствии, к лету 1919 года, четыре именных полка² в трехполковые дивизии.

Вливание в части младшего офицерства других армий и нового призыва и их ассимиляция происходили быстро и безболезненно. Но со старшими чинами было гораздо труднее. Предубеждение против украинской, южной армии, озлобление против начальников, в первый период революции проявивших чрезмерный оппортунизм и искательство или только обвиненных в этих грехах по недоразумению,—все это заставляло меня осторожно относиться к назначениям, чтобы не вызвать крупных нарушений дисциплины. Трудно было винить офицерство, что оно не желало подчиниться храбрейшему генералу, который, командуя армией в 1917 году, бросил морально офицерство в тяжелые дни, ушел к буйной солдатчине и искал популярности демагогией... Или генералу, который некогда, не веря в белое движение, отдал приказ о роспуске добровольческого отряда, а впоследствии получил по недоразумению в командование тот же, выросший в крупную добровольческую часть, отряд. Или генералу, безбиднейшему человеку, который имел слабость и несчастье на украинской службе подписать приказ, задевавший достоинство русского офицера. И т. д., и т. д.

Для приема старших чинов на службу была учреждена особая комиссия под председательством ген. Доршневского, позднее Болотова. Эта комиссия, прозванная в обществе «генеральской чрезвычайкой», выясняла *curriculum vitae* пореволюционного периода старших чинов и определяла возможность или невозможность приема на службу данного лица или необходимость следствия над ним. Процедура эта была обидной для генералитета, бюрократическая волокита озлобляла его, создавая легкую фронду. Но я не мог поступить иначе: ввиду тогдашнего настроения фронтового офицерства эта очистительная жертва предохраняла

¹ «Цветные войска», как их называли остроловы по пестроте красок форменных отличий.

² Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексеевский с соответствующими артиллерийскими дивизионами.

от многих нравственных испытаний, некоторых—от более серьезных последствий... Вообще же «старые» части весьма неохотно мирились с назначениями начальников со стороны, выдвигая своих молодых, всегда высокодоблестных командиров, но часто мало опытных в руководстве боем и в хозяйстве и плохих воспитателей части. Тем не менее жизнь понемногу стирала острые грани, и на всех ступенях служебной иерархии появились лица самого разнообразного служебного прошлого...

•Труднее обстоял вопрос с военными, состоявшими ранее на советской службе.

К осени 1918 г. жестокий период гражданской войны «на истребление» был уже изжит. Самочинные расстрелы пленных красноармейцев были исключением и преследовались начальниками. Пленные многими тысячами поступали в ряды Добровольческой армии. Борьбу, и притом не всегда успешную, приходилось вести против варварского приема раздевания пленных. Наша пехота вскоре перестала грешить в этом отношении, заинтересованная постановкой пленных в строй. Казаки же долго не могли отрешиться от этого жестокого приема, отталкивавшего от нас многих, желавших перейти на нашу сторону. Помню, какое тяжелое впечатление произвело на меня поле под Армавиром в холодный октябрьский день, после урупских боев, все усеянное белыми фигурами (раздели до белья) пленных, взятых 1-й конной и 1-й кубанской дивизиями...

В ноябре я отдал приказ, обращенный к офицерству, оставшемуся на службе у большевиков, осуждая его непотребство и заканчивая угрозой: «...Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд русской армии—суровый и беспощадный». Приказ был широко распространен по Советской России нами и еще шире.. советской властью, послужив темой для агитации против Добровольческой армии. Он произвел гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душою с нами. Отражая настроение добровольчества, приказ не считался с тем, что самопожертвование, героизм, есть удел лишь отдельных личностей, а не массы. Что мы идем не мстителями, а освободителями... Приказ был только угрозой для понуждения офицеров оставить ряды Красной армии и не соответствовал фактическому положению вещей: той же Болотовской комиссии было указано мною не вменять в вину службу в войсках Советской России, «если данное лицо не имело возможности вступить в противобольшевистские армии или если направляло свою деятельность во вред советской власти»¹. Такой же осторожности в обвинении, такой же гуманности и забвения требовали все приказы добровольческим войскам, распоряжения, беседы с ними.

В отношении генералов, дела которых доходили до главнокомандующего, цифровые данные дают следующую картину: за период с сентября 1918 г. по март 1920 г. суду было предано

¹ Приказ 16 апр. 1919 г. № 693.

около 25 лиц. Суд присудил одного к смертной казни, четырех к аресту на гауптвахте и 10 оправдал. О трех—четырех справки не имею. По моей конфирмации—смертной казни, каторжным работам и арестантским отделениям не был подвергнут никто из них. Наказание заменялось арестом на гауптвахте и в важных случаях—разжалование в рядовые, причем к декабрю 1919 г. все разжалованные были восстановлены в чинах.

Судьба младшего офицерства разрешалась в инстанциях низших; я приведу здесь результат маленькой анкеты, рисующей и психологию и практику разрешения этого вопроса самими войсками.

«Не будучи долго поддержаны другими, первые добровольцы вместе с тяжкими испытаниями, выпавшими на их долю, впитывали в себя презрение и ненависть ко всем тем, кто не шел рука об руку с ними.

В кубанских походах поэтому, как явление постоянное, имели место расстрелы офицеров, служивших ранее в Красной армии...

С развитием наступления к центру России изменились условия борьбы: обширность театра, рост наших сил, ослабление сопротивления противника, ослабление его жестокости в отношении добровольцев, необходимость пополнил редущие офицерские ряды, — изменили и отношение: расстрелы становятся редкими и распространяются лишь на офицеров коммунистов.

Поступление в полки офицеров, ранее служивших в Красной армии, никакими особенными формальностями не сопровождалось. Офицеры, переходившие фронт, большую частью отправлялись в высшие штабы для дачи показаний. Таких офицеров было не так много. Главное пополнение шло в больших городах. Часть офицеров являлась добровольно и сразу, а часть— после объявленного призыва офицеров. Большинство и тех и других имели документы о том, что они в Красной армии не служили. Все они зачислялись в строй, преимущественно в офицерские роты, без всяких разбирательств, кроме тех редких случаев, когда о тех или иных поступали определенные сведения. Часть «запаздывающих» офицеров, главным образом высших чинов, проходила через особо учрежденные следственные комиссии (судные).

Отношение к офицерам, назначенным в офицерские роты, было довольно ровное. Многие из этих офицеров быстро выделялись из массы и назначались даже на командные должности, что в частях Дроздовской дивизии было явлением довольно частым. В Корниловской дивизии пленные направлялись в запасные батальоны, где офицеры отделялись от солдат. Пробы там несколько месяцев, эти офицеры назначались в строй также в офицерские роты. Иногда, ввиду больших потерь, процент пленных в строю доходил до 60. Большая часть из них (до 70%) сражалась хорошо, 10% пользовались первыми же боями, чтобы перейти к большевикам, и 20% составляли элемент, под разными предлогами уклоняющийся от боев. При формировании 2-го и 3-го Корниловских полков состав их состоял главным образом из пленных. Во 2-м полку был офицерский батальон в 700 штыков, который по своей доблести выделялся в боях и всегда составлял последний резерв командира полка.

В частях Дроздовской дивизии пленные офицеры большую частью также миловались, частично подвергаясь худшей участи—расстрелу. Бывали случаи, что пленные офицеры перебегали обратно на сторону красных.

Что касается отношения к красному молодому офицерству, т. е. к командирам из красных курсантов, то они знали, что ожидает их, и боялись попасться в плен, предпочитая ожесточенную борьбу до последнего патрона или самоубийство. Взятых в плен нередко по просьбе самих же красноармейцев расстреливали.

Этот больной вопрос возник и в Красной армии и был разрешен как раз в обратном направлении.

Для агитации среди белых Бронштейн составил лично и выпустил воззвание:

«...Милосердие по отношению к врагу, который повержен и просит пощады. Именем высшей военной власти в Советской республике заявляю: каждый офицер, который в одиночку или во главе своей части добровольно придет к нам, будет освобожден от наказания. Если он делом докажет, что готов честно служить народу на гражданском или военном поприще, он найдет место в наших рядах...».

«...Под страхом строжайшего наказания запрещаю расстрелы пленных рядовых казаков и неприятельских солдат. Близок час, когда трудовое казачество, расправившись со своими контр-революционными офицерами, объединится под знаменем советской власти...»¹.

Мы грозили, но были гуманнее. Они звали, но были жестоки.

Советская пропаганда имела успех не одинаковый: во время наших боевых удач—никакого; во время перелома боевого счастья ей поддавались казаки и добровольческие солдаты, но офицерская среда почти вся оставалась совершенно недоступной советскому влиянию.

* * *

Армии преодолевали невероятные препятствия, героически сражались, безропотно несли тяжчайшие потери и освобождали шаг за шагом от власти Советов огромные территории. Это была лицевая сторона борьбы, ее героический эпос.

Армии понемногу погрязали в больших и малых грехах, набросивших густую тень на светлый лик освободительного движения. Это была оборотная сторона борьбы, ее трагедия. Некоторые явления разъедали душу армий и подтачивали ее мощь. На них я должен остановиться.

Войска были плохо обеспечены снабжением и деньгами. Отсюда—стихийное стремление к самоснабжению, к использованию военной добычи. Неприятельские склады, магазины, обозы, имущество красноармейцев разбирались беспорядочно, без системы. Армии скрывали запасы от центрального органа снабжений, корпуса—от армий, дивизии—от корпусов, полки—от дивизий... Тыл не мог подвести фронту необходимого довольствия, и фронт должен был применять широко реквизиции в прифронтовой полосе—способ естественный и практикуемый всеми армиями всех времен, но требующий строжайшей регламентации и дисциплины.

Пределы удовлетворения жизненных потребностей армий, юридические нормы, определяющие понятие «военная добыча», законные приемы реквизиций,—все это раздвигалось, получало скользкие очертания, преломлялось в сознании военной массы, тропутой общенародными недугами. Все это извращалось в гор-

¹ 24 нояб., я 1918 г. № 64.

пале гражданской войны, превосходящей во вражде и жестокости всякую войну международную.

Военная добыча стала для некоторых снизу—одним из двигателей, для других сверху—одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу.

О войсках, сформированных из горцев Кавказа, не хочется и говорить. Десятки лет культурной работы нужны еще для того, чтобы изменить их бытовые навыки.. Если для регулярных частей погоня за добычей была явлением благоприобретенным, то для казачьих войск—исторической традицией, восходящей ко временам Дикого поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войны и модернизованную временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале противобольшевистской борьбы представители Юго-Восточного союза казачьих войск, в числе условий помощи, предложенной Временному правительству, включили и оставление за казаками всей «военной добычи» (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...¹

Соблазну сыграть на этой струнке поддавались и люди лично бескорыстные. Так, атаман Краснов в одном из своих воззваний-приказов, учитывая психологию войск, атаковавших Царицын, недвусмысленно говорил о богатой добыче, которая их ждет там... Его прием повторил впоследствии в июне 1919 года ген. Врангель. При нашей встрече после взятия Царицына он предупредил мой вопрос по этому поводу:

— Надо было подбодрить кубанцев. Но я в последний момент принял надлежащие меры...

Победитель большевиков под Харьковом, ген. Май-Маевский, широким жестом «дарил» добровольческому полку, ворвавшемуся в город, поезд с каменным углем и оправдывался потом:

— Виноват! Но такое радостное настроение охватило тогда...

Можно было сказать а priori, что этот печальный ингредиент «обычного права»—военная добыча—неминуемо перейдет от коллективного начала к индивидуальному и не ограничится пределами жизненно необходимого.

После славных побед под Харьковом и Курском 1-го Добровольческого корпуса тылы его были забиты составами поездов, которые полки нагрузили всяким скарбом, до предметов городского комфорта включительно...

Когда в феврале 1919 г. кубанские эшелоны текли на помощь Дону, то задержка их обуславливалась не только расстройством транспорта и желанием ограничить борьбу в пределах «защиты родных хат...». На попутных станциях останавливались перегруженные эшелоны и занимались отправкой в свои станции «заводных лошадок и всякого барахла...».

Я помню рассказ председателя Терского круга Губарева, который в перерыве сессии ушел в полк рядовым казаком, чтобы ознакомиться с подлинной боевой жизнью терской дивизии.

¹ Осень 1917 г. миссия Молдавского и подполк. Грузинова.

— Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске...

И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма ген. Мамонова, возвращавшегося из Тамбовского рейда:

«Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей—дорогие иконы и церковную утварь...».

*
*
*

За гранью, где кончаются «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: насилие и грабеж.

Они пронесли по Северному Кавказу, по всему Югу, по всему российскому театру гражданской войны, творимые красными, белыми, зелеными, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага.

Много написано, еще больше напишут об этой язве, разедавшей армию гражданской войны всех противников на всех фронтах. Правды и лжи.

И жалки оправдания, что там, у красных, было несравненно хуже. Но ведь мы, белые, выступали на борьбу именно против насилия и насильников!.. Что многие тяжелые эксцессы являлись неизбежной реакцией на поругание страны и семьи, на растление души народа, на разорение имуществ, на кровь родных и близких,—это не удивительно. Да, месть—чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мере. Но была и корысть. Корысть же—только гнусность. Пусть правда вскрывает наши зловонные раны, не давая заснуть совести, и тем побудить нас к раскаянию, более глубокому, и к внутреннему перерождению, более полному и искреннему.

Боролись ли с недугом?

Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием. Мы посылали вслед за армиями генералов, облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями для разбора на месте совершаемых войсками преступлений. Мы—и я и военачальники—отдавали приказы о борьбе с насилиями, грабежами, обращении пленных и т. д. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости. Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам. А Рада, Крути, казачество, общество, печать в то же время поднимали не раз на голову кружительную высоту начальников храбрых и удачливых, но далеких от моральной чистоты лиц, создавая им ореол и иммунитет народных героев.

За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, донское, кубанское и терское правительства, наконец, даже... Отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью.

Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густою сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба с ними шла одновременно по двум направлениям—против самозванных учреждений и против отдельных лиц. Последняя была мало результатна, тем более, что они умели скрывать свои преступления и зачастую пользовались защитой своих доверявших им начальников. Надо было или упразднить весь институт, оставив власть слепой и беззащитной в атмосфере, насыщенной шпионством, брожением, изменой, большевистской агитацией и организованной работой разложения, или же совершенно изменить бытовую материал, комплектовавший контрразведку. Генерал-квартирмейстер штаба, ведавший в порядке надзора контрразведывательными органами армий, настоятельно советовал привлечь на эту службу бывший жандармский корпус. Я на это не пошел и решил оздоровить большой институт, влив в него новую струю, в лице чинов судебного ведомства. К сожалению, практически это можно было осуществить только тогда, когда отступление армий подняло волны беженства и вызвало наплыв «безработных» юристов. Тогда, когда было уже поздно...

Наконец, огромные расстояния, на которых были разбросаны армии—от Орла до Владикавказа, от Царицына до Киева,—и разобщенность театра войны в значительной мере ослабляли влияние центра на быт и всю службу войск.

ДЕНИКИН И АНТАНТА¹.

Моменту установления непосредственной связи с союзниками армия ожидала с болезненным нетерпением. С этим связывалась возможность прежде всего получить вооружение и боевые припасы, так как в этом отношении армия периодически испытывала острую нужду.

Нетерпение скорей увидеть помощь союзников в течение осени 1918 года несколько раз порождало преждевременные слухи о появлении в Черном море их флота.

Наконец, 9/22 ноября была получена радиотелеграмма, что эскадра союзников направляется в Новороссийск.

Ликование было общее.

10/23 ноября эскадра союзников пришла в Новороссийск, а 14/27 ноября приехали в Екатеринодар представители Англии и Франции.

На официальном приеме прибывшие представители Франции определенно заявили, что союзники хотят возможно скорее увидеть возрожденную единую Россию, единый русский фронт и единое русское командование; что все борющиеся открыто или путем интриг против этих идей являются не только врагами России, но и врагами союзников; что русским главнокомандующим на юге России является генерал Деникин и что теперь, когда Дарданеллы и Босфор открыты, союзники всем, чем могут, придут на помощь братской и союзнической Добровольческой армии.

Несколько позже на имя генерала Деникина было получено из Бухареста письмо генерала Щербачева от 3/16 ноября. В письме было сказано:

«Я посетил генерала Бертело² в его главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о своем проезде в главную квартиру генерала Франше Д'Эспере и далее в Париж с целью ускорить прибытие союзных войск и средств войны в Россию.

В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превосходили мои предположения..

¹ Из книги: А. С. Лукомский, Воспоминания, т. II, изд. О. Кирхнер и К°, Берлин 1922 г.

² Был главнокомандующим союзными армиями в Румынии, Трансильвании и на юге России.

Решено нижеследующее:

1. Для оккупации юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2. Дивизии будут французские и греческие.

3. Я буду состоять, по предложению союзников и генерала Бертело, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4. База союзников — Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

5. Союзными войсками юга России первое время будет командовать генерал Д'Ансельм с главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне вам известными лицами.

6. Ген. Бертело, до времени, со своей главной квартирой останется в Бухаресте.

7. По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донским (Донским) бассейнами, Дон и Кубань, — чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочней организовать и быть свободными для более широких активных операций.

8. Под прикрытием союзной оккупации необходимо немедленное формирование русских армий на юге России, во имя возрождения Великой единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирований этих армий по мере продвижения союзников. Только при таком условии будет обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армий, под единым командованием, на Москву.

9. В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды железнодорожных и дорожных средств, авиации, продовольствия и пр.

10. Богатые запасы бывшего румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников.

11. Относительно финансовой поддержки нам у союзников вырабатывается особый специальный план».

Это письмо указывало, что все пожелания командования Добровольческой армии, с которыми генерал Щербачев должен был обратиться к союзному командованию, будут удовлетворены.

Генерал Эрдели, командированный к главнокомандующему союзными силами на Востоке генералу Франше Д'Эспере, по возвращении из командировки представил полученное им от генерала Франше Д'Эспере письмо, в котором, между прочим, было сказано:

«Будьте уверены, что Франция, которая была всегда верна и лояльна союзникам, достойным этого имени, не забудет истинно русских и не оставит Добровольческую армию.

Тотчас же, как только это будет возможно, я прикажу направить в Новороссийск военное судно и прислать боевые припасы и материалы, в коих вы нуждаетесь и о которых вы мне говорили».

По прибытии 14/27 ноября в Екатеринодар представителей Англии и Франции командование Добровольческой армии было несколько разочаровано тем, что прибывшие в небольших чинах офицеры являлись явно лишь офицерами, присланными для связи, а не полномочными представителями. К их заявлениям командо-

вание Добровольческой армии могло относиться скептически, но письма генерала Щербачева и генерала Франше Д'Эспере рассеяли все сомнения, и мы были уверены, что державы Соглашения определенно решили оказать самую широкую помощь в борьбе против советского правительства.

Для полной ориентировки союзного командования в середине—конце ноября 1918 года штабом главнокомандующего Добровольческой армии был составлен подробный доклад о политическом и стратегическом положении на юге России и о плане формирования и развертывания русских вооруженных сил для наступления вглубь страны.

Для обеспечения развертывания русских вооруженных сил и для обеспечения их операций указывалось на необходимость занятия союзными войсками важнейших в политическом и мобилизационном отношении районов.

Силы союзников, необходимые для выполнения плана обеспечения территории юга России, были исчислены командованием Добровольческой армии в 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий; причем было указано, что они ни в каких активных действиях не должны будут принимать участия.

Одновременно был составлен подробный перечень всего необходимого для снабжения существующих (Добровольческой и донской) и намеченных к формированию армий.

20 ноября—3 декабря этот доклад со всеми приложениями был послан в Бухарест генералу Бертело и передан офицеру для связи с французским командованием, капитану Фуке, для передачи генералу Франше Д'Эспере.

Никакого ответа на этот доклад не последовало; но получение ответа в ближайший период после его передачи командование Добровольческой армии не беспокоило, так как данные, которые были сообщены генералом Щербачевым со слов генерала Бертело давали уверенность, что фактически решение, принятое союзниками, вполне согласуется с пожеланиями, высказанными Добровольческой армией, и что некоторая задержка в выполнении намеченного плана помощи вооруженным силам юга России может произойти из-за различных технических затруднений; посланный же доклад будет принят во внимание при проведении принятого плана в жизнь.

События, разыгравшиеся к этому времени на юге России, в связи с очищением германцами занятых ими областей и началом Петлюровского движения на Украине, указывали на необходимость приступить к проведению намеченного плана в жизнь, хотя бы только в своих основных чертах.

По просьбе крымского правительства, для обеспечения спокойствия и безопасности в крае, оставляемом германцами, в Крым были перевезены части Добровольческой армии.

В связи с эвакуацией германских войск из Украины и начавшимися там волнениями представлялось нужным принять меры для ограждения ее от большевизма и для сохранения в ней

порядка, как в районе, где в будущем намечалось формирование и развертывание русских вооруженных сил.

24 ноября—7 декабря главнокомандующий Добровольческой армии телеграфировал генералу Франше Д'Эспере:

«Чтобы сохранить юг России, богатый продовольствием и военными запасами, необходимо, как можно скорей двинуть хотя бы две дивизии союзных войск в район Харькова и Екатеринослава».

1/14 декабря была послана просьба, чтобы союзники временно задержали эвакуацию германцами Харькова, дабы сохранить там порядок.

В ответ на эти просьбы офицер для связи с французским командованием, капитан Фуке, вручил генералу Деникину копию телеграммы генерала Франше Д'Эспере, в которой указывалось, что одна французская дивизия 5/18 декабря начнет высаживаться в Одессе.

Это уведомление также не указывало на изменение первоначального плана союзников, а было понято как начало его выполнения.

Еще долго происходили недоразумения на почве полной неосведомленности командования Добровольческой армии о действительной помощи, которая будет оказана союзниками.

Присылая к командованию Добровольческой армии просто офицеров для связи, союзники совершенно не позаботились о том, чтобы нас полно информировать о своих намерениях.

Только постепенно, с ходом событий и с присылкой на юг России действительно полномочных военных представителей, командование Добровольческой армии узнавало о действительных намерениях и планах союзников.

Те изменения, которые постепенно претерпели планы союзников в деле оказания помощи вооруженным силам юга России, узнавались нами по большей части случайно, из донесений наших представителей в Константинополе, Одессе и Крыму или по сообщениям, часто сильно запаздывавшим, от наших представителей в Париже. А это вызывало недоразумения, трения и полное непонимание того, что происходит.

Командование Добровольческой армии долго не знало о решении союзников не посылать на юг России своих войск, за исключением частей, предназначенных для занятия Одессы, Севастополя и Закавказья.

Занятие союзниками только этих районов произвело впечатление, что они имеют в виду лишь свои экономические и политические интересы, занимая войсками лишь интересующие их по тем или иным причинам пункты и районы.

Представлялось непонятным, почему можно послать в Закавказье значительные силы, а нельзя послать одну дивизию в Донецкий бассейн или на Дон.

Командование Добровольческой армии долго не знало, к кому из союзников и по каким вопросам надо обращаться.

Французское командование спрашивало от нас перечни всего

того, что нам надо; но мы только значительно позднее узнали о том, что Франция принимает на себя 50% стоимости всего того, что присылалось на юг России распоряжением великобританского правительства, а что за все, сверх отправляемого по расчету на 250 000 человек, надо уплачивать хлебом или сыром; что без товарообмена мы можем получить из Франции лишь часть запасов из оставшихся там по заказам России во время войны.

Совершенно неясен был вопрос о взаимоотношениях на юге России между командованиями французским и Добровольческой армии.

Долго командование Добровольческой армии не могло разобрататься в «сферах влияния» на юге России, Франции и Великобритании.

Вначале представлялось непонятным, почему англичане категорически отказываются часть запасов направлять в Крым для надобностей Добровольческой армии, а их все надо было выгружать в Новороссийске, а затем уже, после сдачи начальнику русской базы, мы могли их сами направлять в Севастополь. Оказалось, что это необходимо, так как Крым входил во французскую сферу влияния.

Часто не только командование Добровольческой армии, но и представители союзного командования (а таковыми несколько позже были действительно полномочные лица) были недостаточно ориентированы в намерениях и предположениях своих правительств. Получая инструкции всемерно поддерживать командование Добровольческой армии, все они действительно делали все от них зависящее, но часто и они недоумевали относительно направления политики своих правительств, которая иногда не соответствовала обстановке на месте, о которой они доносили.

Взаимоотношения с французским командованием.

4/17 декабря 1918 года в Одессе высадился первый эшелон французских войск под командой генерала Бориуса.

Французы предполагали 5/18 декабря вступить в город с музыкой, но вследствие выяснившегося враждебного настроения петлюровцев, занимавших город, было решено первоначально очистить его от них.

Эта задача, под прикрытием огня с французских судов, была выполнена офицерским добровольческим отрядом, под начальством генерал-майора Гришина-Алмазова.

Потери добровольческого отряда исчислялись в 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

7/20 декабря генерал Бориус, по соглашению с представителем Добровольческой армии, возложил на генерала Гришина-Алмазова обязанности военного губернатора Одессы.

Командование Добровольческой армии считало необходимым после занятия Одессы немедленно занять уезды, ближайшие к

городу, а также южную часть Новороссии, прилегающую к Черному морю, дабы обеспечить за собой богатый продовольственный район и такие важные пункты, как Одесса, Херсон и Николаев.

В этих районах предполагалось немедленно объявить мобилизацию и приступить к формированию армии, которая могла бы, базируясь на занятый плацдарм, приступить к дальнейшему очищению от большевиков и петлюровских банд правобережной Малороссии.

Считалось, что французское командование, всецело поддерживая Добровольческую армию, не будет вмешиваться в вопросы гражданского управления краем и в распоряжения военно-организационные и мобилизационные.

В этом смысле и преподаны были указания генералу Гришину-Алмазову от генерала Деникина.

Между тем, генерал Борнус, получив приказание от своего высшего командования занять лишь Одессу, несмотря на указания идти вперед с целью занятия важнейших тактических пунктов, обеспечивающих оборону города, и для включения в сферу своего влияния хотя бы ближайших селений, питающих Одессу, категорически от этого отказался и запретил выполнить эту операцию добровольческим частям.

Следствием этого было немедленное вздорожание жизненных продуктов в Одессе и почти полное исчезновение их с рынка.

13/26 декабря вследствие приказа командования Добровольческой армии генерал Гришин-Алмазов вновь поднял этот вопрос, передав генералу Борнусу памятную записку, в которой указывалось на необходимость расширения занимаемой союзными войсками зоны и дальнейшего продвижения к середине—концу января на линию Тирасполь—Раздельная—Николаев, к каковому времени предполагалось закончить формирование дивизии военного состава Добровольческой армии.

Генерал Борнус ответил, что он снесется со своим высшим командованием, так как до получения соответствующих указаний он должен строго придерживаться данной ему инструкции.

* * *

Связь между Одессой и Новороссийском была очень скверная, и донесения получались с большим запозданием.

Главкомандующего Добровольческой армии беспокоила позиция, занятая в Одессе французами, а также отрывочные сведения, приходившие из Одессы, о стремлении тамошних общественных групп образовать особое правительство для юго-западного района России.

Чтобы разобраться на месте во всех вопросах, 15/28 декабря я был командирован генералом Деникиным в Одессу.

В Одессе я нашел обстановку крайне сложной.

Генерал Борнус мне сказал, что в ближайшем будущем ожидается прибытие в Одессу генерала Д'Анселыма, который при-

мет командование над всеми союзническими войсками, направляемыми на юг России; что он, конечно, будет иметь исчерпывающую директиву и что тогда будут устранены все недоразумения.

Ясно было, что до приезда генерала Д'Ансельма совершенно бесполезно убеждать генерала Борюса изменить характер его действий, ибо он точно руководствуется полученной им инструкцией.

Во внутренние дела по управлению в Одессе и в распоряжения о мобилизации в городе Одессе генерал Борюс не вмешивался, предоставляя генералу Гришину-Алмазову полную самостоятельность.

Но из слов генерала Борюса я понял, что представители различных общественных групп, находившихся в Одессе, очень недовольны полным подчинением русской администрации в Одессе генералу Деникину и состоящему при нем Особому совещанию и неоднократно ему заявляли, что власть в Одессе необходимо построить на автономных началах, так как управлять всем из Екатеринодара невозможно.

Из доклада генерала Гришина-Алмазова я узнал, что он вследствие постоянного перерыва совещаний с Новороссийском и необходимости наладить в Одессе правительственный аппарат образовал при себе особый орган для разрешения возникающих вопросов в составе отделов: гражданской части, торговли и промышленности, морского, юстиции, народного просвещения, путей сообщения, финансов, продовольствия и контроля.

Из дальнейшего доклада ясно выяснилось, что и генерал Гришин-Алмазов полагает необходимым, основываясь на мнении представителей общественных кругов и различных организаций, иметь в Одессе особое автономное правительство, которое должно руководствоваться лишь общими директивами от генерала Деникина.

Мотивами для такого предположения Гришин-Алмазов выставил: отсутствие должной связи с правительством (Особым совещанием) генерала Деникина; совершенно исключительное значение Одессы в торгово-промышленном отношении и в отношении правильного направления деятельности морского транспорта через правления пароходных обществ, которые все сосредоточены в Одессе; исключительное значение Одессы в смысле установления товарообмена с заграницей; совершенно особое значение Юго-западного края, который, по мере освобождения от большевиков, будет тяготеть к Одессе, и, наконец, необходимость представителю главнокомандующего самому иметь право распоряжаться распределением денежных ассигнований, пользуясь имевшейся в Одессе экспедицией заготовления денежных знаков, так как опять-таки при отсутствии связи с Новороссийском и Екатеринодаром не будет никакой возможности своевременно испрашивать необходимые кредиты.

Затем генерал Гришин-Алмазов указал еще на то, что местные условия в Одессе и на юго-западе России настолько отличны от района действия Добровольческой армии на Северном Кавказе,

что решать вопросы, относящиеся до Новороссии, в Екатеринодаре вряд ли будет возможно,—вследствие невозможности своевременно знать в Екатеринодаре о том, что делается в Одессе.

Я, соглашаясь с трудностью решать все вопросы, касающиеся Одессы и Юго-западного края, из Екатеринодара, категорически отверг допустимость образования в Одессе какого-то автономного правительства, которое своими мероприятиями могло бы совершенно разойтись с тем направлением основных вопросов, которое будет проводиться генералом Деникиным через состоящее при нем Особое совещание.

Я указал, что вопрос должен был быть разрешен так: действующее при Гришине-Алмазове совещание должно быть сохранено, но исключительно в качестве совещательного органа, без правительственных функций, кои принадлежат самому Гришину-Алмазову в пределах предоставленных ему полномочий.

Для неотложных и непредвиденных расходов он должен испрашивать достаточный кредит.

В случаях неотложной необходимости или перерыва связи с Новороссийском и Екатеринодаром он должен самостоятельно принимать решения, донося немедленно генералу Деникину.

Это решение, ставшее, конечно, сейчас же известным в Одессе и впоследствии (1/14 января 1919 г.) подтвержденное телеграммой генерала Деникина, не удовлетворило многих из общественных деятелей, некоторые политические организации, парходные общества и торгово-промышленные круги.

Надо сказать, что к этому времени, помимо местных деятелей, Одесса была переполнена представителями самых разнообразных политических и общественных групп и организаций, представителями промышленности почти со всей России, парходовладельцами и, наконец, спекулянтами.

Одесса и в обыкновенное время, как промышленный и торговый центр Юга, включала в себя представителей целого ряда финансовых, промышленных и торговых предприятий. После же падения на Украине гетманства в Одессу переселились все деятели гетманского периода и все те, которые бежали из Восточной России и временно нашли приют на Украине.

Некоторые политические круги, каждый по-своему недовольные политическим направлением генерала Деникина—одни, считая его слишком левым, а другие, наоборот, слишком правым,—полагали, что с занятием Новороссии союзниками можно, базируясь на них, приступить к воссозданию России по их политическим программам, а не по «расплывчатой и неясной», как они говорили, программе генерала Деникина.

Между этими деятелями были и недавние сторонники германской ориентации—работники гетманского периода, которые, легко изменив свою ориентацию на «союзническую», мечтали о продолжении своей деятельности, опираясь на новую силу.

Многие из представителей торгово-промышленных и финансовых групп и просто спекулянты, недовольные запретительными распоряжениями о вывозе за границу хлеба и сырья, надеялись,

опираясь на тех же союзников, как заинтересованных в установлении полной свободы торговли, добиться отмены запретительных распоряжений Особого совещания, состоявшего при генерале Деникине.

Судовладельцы, недовольные тем, что их заставляют держать суда в Черном море и требуют установления невыгодных для них определенных рейсов, надеялись при помощи тех же союзников добиться права свободного выхода судов из Черного моря и установления выгодных для них заграничных, оплачиваемых валютой рейсов.

Наконец, местные одесские деятели, считали, что при устройстве правительственной власти на юго-западе России, они, как знающие местные условия, должны быть призваны к активной работе и получить ответственные правительственные назначения.

Словом, все стремились принять непосредственное участие в государственном строительстве на юго-западе России и все обращались со своими заявлениями, проектами, предложениями и критикой распоряжений Особого совещания к французскому командованию.

Если к этому прибавить, что отсутствие угля вызвало прекращение деятельности электрической станции, работу водопровода, затруднило выход в море судов, и явилась угроза полного экономического кризиса, а прекращение подвоза к Одессе продовольствия вызвало страшное повышение всех цен, то при стремлении во всем этом обвинить «правительство Добровольческой армии», которое «ни с чем справиться не может», станет понятным желание местных деятелей образовать свое автономное правительство.

1/14 января 1919 года инженер Демченко, который в совещании при генерале Гришине-Алмазове был в качестве управляющего отделом путей сообщения, говоря по прямому проводу с инженером Шуберским, бывшим начальником отдела путей сообщения правительства (Особого совещания) при генерале Деникине, сказал, между прочим, что он, говоря от имени Совета государственного объединения, Национального центра, Союза возрождения России и финансово-промышленных организаций, считает нужным указать на необходимость создания немедленно правительства, которое являлось бы правительством для всего юга России, где прежде была власть гетмана; правительство же при Добровольческой армии должно считаться общероссийской властью.

В новом правительстве военный министр должен назначаться генералом Деникиным, а остальные—по соглашению между политическими партиями и общественными организациями. При этом инженер Демченко прибавил, что французы также считают необходимым создать особое южно-русское правительство.

Впоследствии представители политических групп, на которые ссылался инженер Демченко, заявили, что хотя этот вопрос и обсуждался на их совещании, но что они его не уполномочивали делать подобное заявление.

Во всяком случае, заявление инженера Демченко вполне точно отражает стремления большинства политических групп и общественных организаций, бывших в Одессе, и об этом они говорили с представителями французского командования.

*

К этому периоду относится телеграмма, полученная в Екатеринодаре (26 декабря 1918 г.—8 января 1919 г.), подписанная генералом Бертело и скрепленная французским консулом в Киеве г. Энно.

«Генерал Бертело, главнокомандующий войсками Согласия в Румынии и Южной России, сообщил мне для опубликования во всех газетах и распространения в возможно большем числе экземпляров нижеследующее: «Жители Южной России! Вот уже почти два года, как ваша богатая страна раздирается нескончаемыми гражданскими войнами; злоумышленники захватили местами власть, угрожая жизни и имуществу всех мирных жителей и друзей порядка, создавая таким образом в вашей стране подлинную анархию, ведущую к полному разорению. Ваши союзники, никогда не забывавшие усилий, которые вы приложили во имя общего дела, и желающие вновь увидеть вашу страну умиротворенной, процветающей и великой, решили, что наши войска высадятся в Южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок.

Окажите добрый прием войскам союзников. Они приходят к вам как друзья. Все державы Согласия идут вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чем вы нуждаетесь, и чтобы дать вам, наконец, возможность свободно, а не под угрозами злоумышленников, решить, какую форму правления вы желаете иметь.

Итак, войска союзников направляются к вам только для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность. Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено. Дайте решительный отпор дурным советникам, имеющим интерес вызвать смуту в стране, и встречайте державы Согласия с доверием. Генерал Бертело».

С подлинным верис. Консул Франции в Киеве с особыми полномочиями.
Энно».

Это сообщение вновь подтвердило, что в плане союзников ничего не изменилось, и лишь происходит, вероятно, по техническим причинам, некоторая задержка в приведении его в исполнение.

Была полная уверенность, что и в Одессе, с прибытием ген. Д'Ансельма, все недоразумения будут устранены.

Генерал Деникин, дабы иметь в Одессе вполне авторитетного своего представителя в качестве главнокомандующего назначил генерала Санникова, бывшего во время войны начальником снабжения румынского фронта, а затем городским головой в Одессе, отлично знакомого со всеми местными условиями.

1/14 января 1919 года, с приездом в Одессу командующего союзными войсками Д'Ансельма, ген. Гришин-Алмазов обратился к нему с заявлением о необходимости безотлагательно расширить зону, занимаемую союзными войсками и добровольческими частями, до линии Тирасполь—Раздельная—Николаев—Херсон, указывая, что занятием этой зоны достигается связь с Бессарабией и ликвидируется наступивший в Одессе продовольственный кризис.

3/16 января генерал Д'Ансельм ответил, что атаману Грехову (командовавшему петлюровскими войсками) предложено очистить указанную выше зону, причем ему было заявлено, что в случае неисполнения указанного требования французы заставят петлюровцев подчиниться силой.

Это опять-таки показывало, что французское командование идет навстречу делаемым ему заявлениям.

К этому времени ясно определилось, что петлюровское движение выливается постепенно в форму большевизма, и командовавшие вооруженных сил юга России очень было обеспокоены тем, что при этих условиях может возникнуть новый большевистский фронт на правом берегу Днепра.

5/18 января по этому вопросу генералом Деникиным была послана телеграмма генералу Бертело, заканчивавшаяся такой фразой: «Для подавления этого движения (петлюровского, выливавшегося в чистый большевизм) необходима возможно скорейшая присылка союзных войск на Украину, что даст нам возможность перейти к активным действиям и прекратить дальнейшее развитие событий, явно вредных для общего дела и грозящих обратить в пустыню богатейший край».

Между тем донесения, поступившие из Одессы указывали, что там происходит что-то непонятное.

С приездом в Одессу генерала Д'Ансельма и его начальника штаба полковника Фрейденберга консул Энно, крайне доброжелательно относившийся к Добровольческой армии и отлично осведомленный во всех местных делах, был отстранен, и политика французского командования резко изменилась. Полковник Фрейденберг занял определенно враждебное положение по отношению к представителям командования Добровольческой армии и совершенно не считался с заявлениями, делавшимися от имени ген. Деникина.

К этому же времени стали получаться как из Парижа, так и из Одессы сведения, что союзники отказываются от первоначального плана присылки на юг России достаточных сил, решив ограничиться присылкой незначительных сил для удержания одесской зоны и Севастополя.

Французское командование в Одессе, считая положение недостаточно прочным и стремясь усилить обороноспособность одесской зоны путем использования местных сил, не разрешило этот вопрос соглашением с представителями командования Добровольческой армии по формированию и организации новых частей, а, наоборот, не допуская производства мобилизации в одесской зоне, распоряжением командования Добровольческой армии, плохо осведомленное и непонимавшее сущности петлюровского движения, стало на путь переговоров с Директорией, не имевшей ни силы, ни власти, не даже, под конец, территории, в надежде, что Директория в состоянии будет выставить достаточные силы для борьбы с большевиками¹.

¹ Как впоследствии выяснилось, Директория обещала выставить чуть ли не пятисоттысячную армию.

Не допуская производства мобилизации в одесской зоне и этим препятствуя развертыванию вооруженных сил юга России, подчиненных генералу Деникину, французское командование впоследствии подняло вопрос о формировании в одесском районе смешанных бригад (бригад-микст, как их называли) на следующих условиях:

1. Офицерский состав этих бригад назначается властью командования Добровольческой армии, но комплектуется только из уроженцев Украины.

2. Солдаты пополняются путем добровольного найма с жалованьем 200—250 рублей в месяц при казенном довольствии.

3. В каждый полк в качестве инструкторов придается небольшое число французских офицеров и унтер-офицеров.

4. В командном отношении эти части командованию Добровольческой армии не подчиняются.

5. Форма одежды—применительно к французской, без погон.

Так как в таком виде эта мера приобрела характер формирования какой-то другой, во всяком случае, не русской армии, главнокомандующий генерал Деникин 8/21 февраля телеграфировал генералу Санникову, что он категорически запрещает принимать какое-либо участие в формировании таких частей.

По этому же вопросу генерал Деникин писал генералу Бертело:

«Идея формирования бригад из русских людей с иностранными офицерами, подчиненных исключительно французскому командованию, не может быть популярна, так как она идет вразрез с идеей возрождения русской армии, во имя чего борются лучшее офицерство и наиболее здоровые элементы страны.»

Возможно лишь оперативное подчинение французскому командованию русских формирований, возникающих или имеющих в местах преобладающего развертывания союзных войск, в случае если создавшаяся обстановка этого потребует.

Опасение шовинизма со стороны русского командования по отношению к населению Украины и намерение укомплектовать формируемые части местными украинскими уроженцами лишней раз подчеркивают, насколько недостаточно французское командование в Одессе ориентировано в обстановке. Русское офицерство, ясно отдавая себе отчет в происходящем, не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему русскому народу, с которым оно составляет одно целое.

Вместе с тем в некоторых самостоятельных кругах, находящих поддержку в многочисленных австрийских и германских агентах, естественно стремление создания особых украинских войск, и, как ни странно, этот план, противный идее воссоздания единой могущественной России, что казалось бы наиболее соответствует интересам французского народа, находит сочувствие и поддержку французского командования.

Отказ в юго-западном районе от принудительной мобилизации совершенно разрушит созданную с таким трудом Добровольческую армию, уже перешедшую к принципу обязательной воинской повинности. Из областей, в коих формируются части путем призыва, лица, желающие уклониться от службы, начнут уходить в места, где от этого принципа отказались.

В отношении гражданского управления в одесском районе командование Добровольческой армии постепенно отстранялось, и с первых дней пребывания в Одессе генерала Д'Ансельма французское командование начало постепенно забирать в свои руки

гражданское управление района. В расширенной зоне было запрещено ввести русскую администрацию, а было оставлено в ней управление украинской Директории.

2/15 февраля генерал Д'Ансельм был назначен командующим войсками в южной России и на него было возложено руководство всеми вопросами военной политики и администрации.

Главнокомандующего генерала Санникова в делах политических и административных французское командование подчиняло генералу Д'Ансельму.

Другими словами, получилась просто обыкновенная оккупация французскими войсками одесской зоны, со всеми отсюда вытекающими последствиями. Ни о какой совместной работе французского командования и представителя генерала Денкиша в Одессе не приходилось и говорить.

Что же произошло? Почему первоначальные планы вылились в такую неожиданную форму?

Первоначальное решение союзников направить достаточные силы на юг России встретило ряд существенных затруднений.

Прежде всего явилось техническое затруднение в смысле недостатка тоннажа, так как весь свободный тоннаж был употреблен на перевозки, связанные с окончанием войны, демобилизацией и подвозом продовольствия в Англию и Францию.

Затем явилось опасение относительно возникновения неудовольствия среди войск, которые по окончании войны будут направлены в Россию, а не на родину. Настроение в частях, направленных в Одессу, давало серьезные основания для этого опасения.

И наконец—возражения против первоначального плана, возникшие среди политических партий в Англии и Франции.

Явилось предположение заменить этот план созданием «кордона» из вновь образовавшихся государств (Эстония, Латвия, Литва, Польша и Чехо-Словакия), а также Румынии—для отделения Советской России от Западной Европы. При этом признавалось желательным поддержать украинскую директорию, на которую союзники ошибочно смотрели как на народное правительство, способное установить в стране порядок и выставить значительную армию для борьбы против большевиков.

Русским же силам, ведущим борьбу против большевиков, оказывать моральную и материальную поддержку (но не живой силой).

В частности относительно юга России признавалось необходимым не допустить большевиков занять одесский район и Крым; для прочного удержания этих районов решено было сохранить первоначальное предположение о занятии их французскими и греческими войсками.

К сожалению, командование Добровольческой армии совершенно не было ориентировано в решении союзников изменить первоначальный план действий, и отсюда происходили главнейшие недоразумения и трения.

Если бы союзники своевременно вполне откровенно и ясно

сказали командованию Добровольческой армии об изменении своего плана и указали точно, на что именно мы можем рассчитывать, то $\frac{9}{10}$ недоразумений было бы устранено, и командование Добровольческой армии в зависимости от новой обстановки могло бы принять соответствующие решения.

Как мною уже было отмечено, политика французского командования в Одессе с прибытием генерала Д'Ансельма и полковника Фрейденберга резко изменилась.

Переговоры с атаманом Грековым, убеждавшим в необходимости базироваться на украинское движение, выслушивание представителей различных политических партий и различных групп населения, имевших основание быть недовольными распоряжениями командования Добровольческой армии, затрагивавшими их личные интересы, привели к тому, что французское командование окончательно запуталось в сложной обстановке, создавшейся в Одессе.

Полковник Фрейденберг подпал под влияние групп населения, отнесшихся недоброжелательно к Добровольческой армии, и совершенно не считался с заявлениями представителя Добровольческой армии.

30 января—12 февраля в Екатеринодаре была получена из Одессы следующая телеграмма:

«Французскому командованию подано два меморандума, которые подписаны представителями: Дона—Черячукиным, Кубани—Бычем, Белорусии—Бахановичем, Украины—Марголиным и Галипом.

Первый меморандум указывает на необходимость федерации снизу путем сговора различных областей, без участия какой-либо центральной объединяющей верховной власти. В секретной части меморандума говорится о ненужности единой армии; желательны красивые армейские образования, деятельность коих должна объединяться общим штабом.

Второй меморандум касается торговых отношений между областями и указывает на невозможность наладить эти отношения, пока порты Черного моря находятся в руках сил, чуждых этим областям (т. е. в руках Добровольческой армии)».

Эти меморандумы, естественно, должны были отразиться на отношении французского командования к командованию Добровольческой армии, а создавшиеся на месте отношения между командованиями французским и Добровольческой армии повлекли за собой изменения в отношениях к Добровольческой армии и ее командованию союзных правительств.

Местные представители французского командования, основываясь на местной обстановке, в которой они не могли разобраться, на том, что они видели и слышали кругом, конечно, доносили, что командование Добровольческой армии и Особое совещание, состоявшее при генерале Деникине, не пользуются никаким авторитетом и крайне непопулярны; что особые условия юго-запада России и Одессы требуют создания на месте особой власти, опирающейся на местные элементы; что формирование в одесской зоне добровольческих частей по принципу обязательной воинской повинности будет встречено населением недоброжелательно; что Добровольческая армия реакционна и прочее.

Как следствие этого и явились предложение формировать бригады-микст, ориентация на украинское движение и полное недоверие к местным представителям Добровольческой армии и постепенное их отстранение от какой-либо деятельности в одесской зоне. Все это отразилось и на отношениях между французским командованием и командованием Добровольческой армии в Крыму.

Обвинять во всем этом французское командование, а тем более французское правительство, было бы верхом несправедливости.

Во всем том, что произошло, виноваты, прежде всего, те русские, которые, являясь представителями партий, групп населения и различных предприятий и преследуя свои политические и личные цели, своими обращениями и заявлениями к французскому командованию сбили французов с толка и подорвали у них всякое доверие к командованию Добровольческой армии и ее местным представителям.

К 1/14 марта отношения между французским командованием в Одессе и представителями Добровольческой армии напряглись до последней степени.

К этому же времени, вследствие наступления большевиков, серьезная опасность стала угрожать Крыму. Французское командование не присылало в Крым обещанных подкреплений.

Генерал Деникин решил для спасения Крыма перевезти из Одессы в Севастополь добровольческую бригаду; но в ответ на это распоряжение от генерала Алмазова была получена телеграмма:

«Херсон после боев очищен союзниками. Николаев ими эвакуируется. Генерал Д'Ансельм, считая Одессу угрожаемой, заявил мне, что генерал Бертело приказал не выпускать добровольческую бригаду из района Одессы».

4/17 марта генерал Д'Ансельм объявил в Одессе осадное положение и назначил своим помощником по гражданской части г. Андро, выдвинутого одной из политических партий, но абсолютно не пользовавшегося доверием среди мало-мальски серьезных политических и общественных кругов.

Приехавший вслед за сим в Одессу генерал Франше Д'Эспере отстранил от должности главноначальствующего в Одессе генерала Санникова и военного губернатора генерала Гришина-Алмазова, предложив им немедленно отправиться в Екатеринодар в распоряжение генерала Деникина, а военным генерал-губернатором Одессы назначил генерала Шварца¹, ничего общего с Добровольческой армией не имевшего.

¹ Генерал Шварц, военный инженер, отличившийся во время войны при обороне Ивангорода, одно время находился на службе у большевиков.

По правилам же, принятым в Добровольческой армии, все служившие у большевиков предварительно должны были проходить через особую комиссию, которая определяла, может ли данное лицо быть принято в армию.

Назначение генерала Шварца, помимо того, что вообще это было сделано без согласия командования Добровольческой армии, опротестовывалось генералом Деникиным и вследствие персонального его выбора.

Генерал Франше Д'Эспере 21 марта—3 апреля (или ошибка в дате, или телеграмма была послана поздно, так как все это произошло 12/25 марта) телеграфировал генералу Деникину:

«Положение в Одессе крайне серьезно вследствие недоразумений, царящих между различными властями, в то самое время, когда неприятель стоит у ворот города.

Такое положение продолжаться не может. Ввиду отдаленности и невозможности для нас встретиться или быстро снестись, мною приняты следующие меры:

1. Генерал Шварц, которого знает и ценит вся Европа, принимает командование над русскими войсками и будет исполнять обязанности генерал-губернатора.

Он периодически будет представлять вам рапорты и отчеты, но будет принимать те решения, которые требует серьезность положения.

2. Генерал Тимановский сохраняет командование бригадой Добровольческой армии.

3. Генералы Санников и Гришин-Алмазов предоставляются в ваше распоряжение.

Таковые меры согласованы с желаниями союзных правительств, в том числе и русского правительства.

Я думаю, что эти мероприятия позволят нам восстановить положение здесь и работать совместно на воссоздание России, чего мы все желаем.

В ожидании удовольствия встречи с вами я прошу верить в искренность моих пожеланий успеха вашей армии».

Совершенно было непонятно, о каком «русском правительстве» было упомянуто в телеграмме. Мы поняли, что речь идет о парижском политическом совещании под председательством князя Львова.

Странно было, что эти мероприятия «согласованы» с какими-то желаниями союзных правительств, о коих никто ничего генералу Деникину не сообщал.

Телеграмма ясно указывала, что французское командование совершенно иначе, чем генерал Деникин, толковало свои и его права на территорию юга России, но о проекте разделения этих прав и обязанностей командованию Добровольческой армии никто ничего не сообщал.

Фактически же получалось, что французское командование явно отвергало право генерала Деникина распоряжаться в Одессе и подчеркивало, что в районе, им занятом, оно является полным хозяином.

23 марта—5 апреля совершенно неожиданно и крайне спешно (что, по мнению всех, знавших обстановку, не вызывалось необходимостью) была эвакуирована Одесса.

Эта эвакуация, при которой в руках большевиков осталась значительная часть населения, имевшего основания опасаться преследования со стороны советской власти, и непонятное отношение французского командования к добровольческой бригаде, которая подверглась ряду тяжелых оскорблений и была вынуждена оставить в Румынии почти всю свою материальную часть, вызвали взрыв негодования против французов как в армии, так и в обществе.

Трения и недоразумения, сопровождавшие эвакуацию Севастополя, только подлили масла в огонь, и общественное мнение,

не имевшее возможности объективно разобраться в происшедших событиях, было крайне возбуждено против Франции.

Первый представитель французского командования в Екатеринодаре капитан Фуке вел странную и своеобразную политику по отношению к Дону.

Сначала вопрос о присылке союзных войск в Донскую область он ставил в зависимость от признания Донским атаманом командования в лице генерала Деникина. Затем, через месяц после того, как единое командование было установлено, 27 января—9 февраля 1919 года капитан Фуке предложил донскому атаману в письменной форме подтвердить достигнутое им соглашение с генералом Деникиным и признать в лице генерала Франше Д'Эспере «высшее командование и власть по вопросам военным, политическим и общего характера». Тогда же капитан Фуке заявил, что союзные войска будут присланы на Дон только в случае согласия Донского атамана на удовлетворение из средств донской казны лиц и обществ французских и союзных граждан Донецкого бассейна, «как на территории в пределах Донского войска, так и в соседних районах», за погибшие человеческие жизни и за все понесенные убытки, происшедшие от занятия района большевиками. 28 января—10 февраля все это было подтверждено им следующей телеграммой на имя Донского атамана:

«Исполнение военной программы начнется не ранее того, как я буду иметь документы в руках. Капитан Фуке».

Все это было, конечно, сообщено генералу Франше Д'Эспере. Капитан Фуке был отозван и замещен вполне серьезным и достаточно полномочным полковником Корбейль.

Ясно, конечно, что столь своеобразная политика капитана Фуке велась им на собственный риск и страх, но впечатление, в связи с последовавшими событиями в Одессе, осталось тяжелое.

* * *

14/27 января 1919 года от генерала Франше Д'Эспере на имя начальника французской военной миссии была получена телеграмма:

«Получил ваше извещение о предполагаемом переезде штаба генерала Деникина в Севастополь. Нахожу, что генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует».

Мы тогда не отдавали себе еще отчета в том, что французское командование смотрит на районы, в которые вводит свои войска, как на оккупированные, и не допускает в них какого-либо иного влияния.

Все это опять-таки явилось следствием взаимного непонимания и недоговоренности; а получение подобной телеграммы вызвало резкий ответ и, конечно, отразилось на взаимных отношениях.

* * *

27 мая—9 июня 1919 года военные представители Франции и Великобритании передали генералу Деникину для сведения текст протокола, выражающего собой соглашение между французским и великобританским правительствами на заседании в Париже 4 апреля¹.

Этот протокол, как сказано было в препроводительных бумагах, являлся дополнением к франко-английскому соглашению от 23 декабря (нового стиля) 1918 года, разграничивающему французскую и английскую зоны действий.

Вот содержание протокола:

I.

«Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к набору русских континентов генералом Деникиным и офицерами, его представляющими, под условием, чтобы принимаемые к такому набору меры не имели результатом возникновения беспорядков в зоне, где французское командование ответственно за сохранение порядка.

II.

Непосредственное командование над русскими частями, формируемыми на местах, примут русские офицеры, предпочтительно из армии Деникина, или из других организаций, в случае, если эти части, горя желанием сражаться против большевиков, не захотели бы служить в армии генерала Деникина.

Разумеется, эти части будут чисто русские, за исключением союзного или французского кадра, но они смогут получать помощь союзными инструкторами и техническими советчиками.

III.

Русские войска, находящиеся во французской зоне и признавшие авторитет генерала Деникина, могут, по соглашению генерала Деникина с высшим французским командованием, либо быть использованы первым на его театре военных действий, либо быть окончательно предоставлены в распоряжение второго.

Русские войска, отказывающиеся от подчинения генералу Деникину, оставляются в распоряжении высшего французского командования.

IV.

Генерал Деникин и высшее французское командование условятся, чтобы русское имущество, сложное в зоне французских действий, было либо использовано при формировании русских войск этой зоны, либо предоставлено в распоряжение генерала Деникина.

Последний не будет препятствовать посылке в французскую зону припасов излишнего продовольствия (провиант и топливо), которое могло бы иметься в его собственной зоне.

V.

Генерал Деникин и высшее французское командование будут взаимно держать друг друга в полном курсе своих операций и нужд посредством миссий для связи. Они будут по мере возможности оказывать друг другу взаимную поддержку.

¹ Повидимому, нового стиля, следовательно, по старому стилю—21 марта, т. е. в день, когда французское командование в Одессе объявило об эвакуации, на основании распоряжения, полученного из Парижа.

Русские торговые суда, не находящиеся в пользовании союзников, могут быть употреблены для русских военных перевозок и для продовольствия русских войск. Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к применению для этой цели, под русским национальным флагом, русских судов, находящихся на Черном море, под условием, чтобы они обслуживались русским экипажем, подчиняющимся генералу Деникину.

В пределах возможного, эти суда, если придется, будут способствовать возвращению на родину русских солдат, находящихся вне русской территории.

Русские суда, правильно зафрахтованные дружественными правительствами, останутся в распоряжении этих правительств, кроме как в случае невозможности таковыми контрактов по истечении сроков.

Русским военным судам, которые укомплектованы русским экипажем, подчиняющимся генералу Деникину, разрешается плавать под русским флагом».

Франко-английское соглашение 10/23 декабря, дополнением к которому явилось настоящее соглашение, никогда не было сообщено командованию Добровольческой армии. Настоящий же документ, сообщенный тогда, когда на территории юга России, после эвакуации Одессы и Крыма, не оставалось уже ни одного французского солдата (кроме французской военной миссии в Екатеринодаре), многое разъяснил и показал, насколько безнадежно не понимали французы обстановку на юге России и насколько были диаметрально противоположны их взгляды и взгляды командования Добровольческой армии на ту помощь, которую последнее ожидало от союзников.

Этот документ показал:

1) На генерала Деникина французское командование, а следовательно, и французское правительство, смотрели лишь как на командующего Добровольческой армией, действующей в районе Кубани и Дона, и объединяющего в этом районе в своем лице единое командование.

Права же за генералом Деникиным устанавливать и возглавлять гражданское управление на всей территории юга России, освобождаемой от большевиков, не признавалось.

2) Устанавливалась возможность формирования русских воинских частей, не подчиняемых командованию Добровольческой армии; предоставлялось право свободного решения для этих частей о желании или нежелании подчиниться генералу Деникину.

3) В зонах своего действия, т. е. в Крыму и во всей освобождаемой Новороссии (одесская зона с Николаевом и Херсоном), французское командование признавалось высшим по разрешению всех вопросов, т. е. должно было действовать как в оккупированных районах, а следовательно, и устанавливать гражданское управление, не руководствуясь в этом отношении указаниями генерала Деникина.

Затем оставалось совершенно невыясненным, входит ли Донецкий угольный бассейн в сферу французского или английского влияния и как впоследствии будет распространяться французское влияние при дальнейшем освобождении русской территории от советской власти.

4) Французское командование в своей зоне действий должно было вести самостоятельные операции против большевиков, причем оно и генерал Деникин «будут, по мере возможности, оказывать друг другу взаимную поддержку».

5) Генерал Деникин во главе вооруженных сил, ему подведомственных, при действии против большевиков рассматриваемый просто как один из командующих армиями, должен был вести операции для освобождения России от советской власти по соглашению с французским командованием, направляющим военные операции в своих зонах действий. Причем под начальством французского командования оставались русские войска, которые не хотели подчиниться генералу Деникину или об оставлении которых под французским командованием было достигнуто соглашение с генералом Деникиным.

6) Относительно русских торговых судов Черного моря (надо понимать, что речь шла о приписанных к Одессе, т. е. ⁹/₁₀ всех черноморских торговых судов) распорядителями являются французы.

Все это так расходилось с основными принципами, проводимыми генералом Деникиным, что станут понятны те трения и недоразумения, которые происходили в Одессе, раз французское командование их проводило в жизнь, причем командование Добровольческой армии не было осведомлено о тех основаниях, коими руководилось французское командование в своих действиях.

Эти же основания не могли быть приемлемы для командования Добровольческой армии, которое считало:

1) На всей территории юга России, освобождаемой от большевиков образуется единая русская армия, подчиняемая главнокомандующему вооруженными силами юга России.

Никаких русских воинских частей, не подчиненных главнокомандующему генералу Деникину, на этой территории быть не могло (могло быть лишь оперативное подчинение русских частей французскому командованию).

2) Гражданское управление и гражданские власти на этой территории через соответствующие отделы правительства (Особого совещания) генерала Деникина подчиняются последнему, и недопустимо вмешательство союзного командования в гражданское управление на территории России, освобождаемой от большевиков.

Освобождение России от советской власти должно было вестись русскими, а не иностранными руками.

Войска союзников крайне желательно было получить лишь для обеспечения порядка в районе, который должен был служить плацдармом для формирования русской армии и базой при ее дальнейших операциях.

Предполагалось, что лишь при расширении одесской зоны союзным войскам, может быть, придется принять участие в боевых действиях.

4) Русским имуществом (в том числе и судами) должно было

распоряжаться правительством генерала Деникина, а никак не французское командование.

Трудно допустить, что французское и великобританское правительства выработали это соглашение совершенно самостоятельно, не базируясь на донесениях французского командования в Одессе. Последнее же действовало, как мной уже отмечено, под влиянием различных русских партий и организаций, которые или не понимали весь вред, который они приносили русскому делу, настраивая французское командование в определенном направлении, или преследовали свои узкие партийные или личные цели.

Непонятное указание генерала Франше Д'Эспере в телеграмме на имя генерала Деникина от 21 марта—3 апреля, что «таковые меры согласованы с желаниями союзных правительств, в том числе и русского правительства»,—дает основание предполагать, что Парижское совещание под председательством князя Львова сыграло в этом случае печальную роль.

Во всяком случае, если бы французское правительство своевременно и ясно сообщило генералу Деникину свои предположения или даже решения, то это устранило бы трения и недоразумения, которые происходили от полного взаимного непонимания.

Генерал Деникин, конечно, не мог бы согласиться с точкой зрения, изложенной в приведенном выше соглашении между французским и великобританским правительствами, но, вероятно, это дало бы ему возможность договориться с ними до приемлемых условий.

На этот же запоздалый протокол 20 июня—3 июля 1919 года было сообщено начальникам британской и французской миссий:

«Территория Крыма к данному времени освобождена исключительно частями вооруженных сил юга России и будет подчиняться в порядке верховного управления верховному правителю России, временно же главнокомандующему вооруженными силами на юге России, генералу Деникину.

Далее, главнокомандующий, будучи крайне благодарен за всякую материальную помощь со стороны союзников, считает, что зоны французского и английского влияния должны иметь значение лишь в смысле оказания именно материальной помощи, но право распоряжения русскими войсками как в той, так и в другой зоне, в полной мере остается за генералом Деникиным.

Кроме того, в настоящее время не может быть и речи о каких-либо русских войсках, которые оставались бы в распоряжении французского командования, так как все вопросы по формированию, укомплектованию, а также подчинению русских войск будут находиться в ведении генерала Деникина».

* * *

Первое время после эвакуации Одессы и Крыма отношения между высшим французским командованием в Константинополе и командованием вооруженными силами юга России были очень натянутыми.

Но постепенно это сгладилось, и французское правительство оказывало полное содействие по получению вооруженными си-

лами юга России русского имущества, оставшегося во Франции после европейской войны.

После эвакуации Новороссійска и вступления генерала Врангеля в командование войсками необходимо отметить, что французское правительство и его представители на местах делали все от них зависящее для облегчения участи беженцев и оказанию русской армии материальной помощи.

Осенью 1920 года французское правительство призвало правительство генерала Врангеля, и в Крым были назначены полномочные представители (дипломатический и военный).

К сожалению, вскоре после этого разразилась крымская катастрофа, и русская армия, а с ней и многочисленные беженцы были эвакуированы в Константинополь.

Взаимоотношения с английским командованием.

За период с декабря 1918 года до эвакуации Новороссійска (в марте 1920 года) при командовании Добровольческой армии все время были достаточно полномочные военные представители. Первым, до февраля 1919 года, был генерал Пуль; затем, до 30 мая—12 июня 1919 года,—генерал Бриггс и последним, до передачи командования армией генералом Деникиным генералу Врангелю,—генерал Хольман. В начале 1920 года генерал Кийз, бывший до того начальником штаба великобританской военной миссии, был назначен состоять при генерале Деникине в качестве представителя по политическим вопросам.

Все они принимали близко к сердцу интересы вооруженных сил на юге России, делали все от них зависящее для скорейшей доставки на юг России всего необходимого для армии и своим посредничеством при возникавших недоразумениях между командованием армии и правительствами новых государственных образований всячески старались поддержать генерала Деникина.

При возникновении трений с британским военным командованием в Закавказье они старались сгладить и устранить недоразумения.

Командующий английской эскадрой адмирал Сеймур решительно помогал Добровольческой армии при обороне Акманайской позиции у Феодосии в 1919 году. Действиям британского флота мы в значительной степени обязаны тому, что эта позиция была нами удержана.

В лице этих представителей британского командования противобольшевистская Россия имела искренних и верных друзей.

С представителями же английского командования в Закавказье и с главнокомандующим британскими силами, находившимися на Ближнем Востоке, происходило довольно много трений и недоразумений из-за политики Великобритании, проводимой в Закавказье.

После занятия англичанами Закавказья генералу Деникину через британскую военную миссию было заявлено, что британские воска прибыли в Закавказье с целью:

а) заставить германцев и турок эвакуировать немедленно районы, которые к туркам по мирному договору не отойдут;

б) поддержать порядок в Закавказье.

В январе 1919 года, по заявлению генерала Форестье Уоккера¹ генералу Эрдели (командированному генералом Деникиным войти в связь с английским командованием в Закавказье и постараться устранить все возникшие недоразумения), англичане прибыли в Закавказье с целью поддержания порядка и сохранения в нем существующего в момент их прихода положения—до решения мирной конференции.

Поэтому они будут поддерживать все существующее на его территории правительства, в задачи которых входит поддержание элементарного порядка.

По словам того же генерала Форестье Уоккера, существовало три проекта разрешения судьбы Закавказья:

1) Присоединение его к России в границах 1914 года с автономным управлением в областях.

2) Признание самостоятельности образовавшихся республик с полным отделением их от России.

3) Образование соединенных штатов на Кавказе:

а) как самостоятельного организма отдельно от России или

б) в федерации с ней, с признанием ее суверенных прав.

Ввиду того, что до разрешения мирной конференции вопрос государственного устройства Закавказья остается открытым, англичане, как заявил генерал Форестье Уоккер, не могут допустить никакой агитации в пользу воссоединения его с Россией.

В соответствии с этим при приеме делегации от армянского правительства, заявившей о стремлении Армении стать на путь полного соглашения с Добровольческой армией для воссоздания России, генерал Форестье Уоккер очень холодно заявил, что никакая агитация в пользу воссоединения Армении с Россией не допустима.

13/26 января 1919 года в Тифлисе к генералу Форестье Уоккеру являлась делегация от Русского национального совета. В ответ на приветствие генерал (по сообщению, полученному нами от Тифлисского русского национального совета) ответил: «Очень рад познакомиться с представителями Русского национального совета. Я обладаю всеми полномочиями в отношении Карсской и Батумской областей (Брестского договора не существует), но на территории республик Грузии, Азербайджана и Армении я, впредь до мирной конференции, могу действовать только в контакте с местными правительствами. В Батумскую и Карсскую области беженцы могут быть возвращены при условии, если они не будут вести пропаганды большевистской и за воссоединение этих областей с Россией—впредь до решения мирной конференции...».

Наконец, в связи с тем, чтобы среди населения Закавказья

¹ Был и начальником 27-й британской дивизии; ему были подчинены все британские войска, находившиеся в Закавказье. Штаб его был в Тифлисе.

не велась агитация за воссоединение с Россией, в феврале 1919 года, по распоряжению генерала Мильна (главнокомандующего британскими войсками на Ближнем Востоке), одно время был воспрещен въезд в Батумскую область офицерам Добровольческой армии.

10/23 марта 1919 года генерал Бриггс получил из Лондона указание, чтобы было сообщено генералу Деникину, что великобританское правительство надеется, что он (т. е. генерал Деникин) будет лояльно придерживаться общей политики союзников по отношению к маленьким государствам; что Великобритания не намерена оставлять свои войска на Кавказе, так как они были посланы только для приведения в исполнение условий перемирия и сохранения мира.

«Правительство его величества смотрит с большим неудовольствием на назначение генерала Ляхова губернатором Дагестана¹, в который Добровольческая армия могла бы ввести войска лишь для борьбы с большевиками.

Великобритания постарается, чтобы грузины и другие кавказцы оставались нейтральными.

Если же генерал Деникин будет действовать в направлении, неприемлемом для Великобритании, то это принудило бы правительство его величества отказать ему в своей поддержке и остановить отправку ныне посылаемых запасов».

Вследствие возникновения целого ряда недоразумений с британским командованием в Закавказье, 1/14 августа 1919 года генерал Кийз прислал на имя начальника штаба Добровольческой армии сообщение, в котором, подробно останавливаясь на всех жалобах на действия представителей английского командования в Закавказье и разъясняя возникшие недоразумения, он закончил так:

«Я надеюсь, что вооруженные силы на юге России примут во внимание все эти факты, чтобы отказать от мысли, что британские военные власти в Закавказье пропитаны по отношению к ним низкими чувствами, чем те, которые имеют командование в Константинополе и британская военная миссия.

При отсутствии объединяющего русского правительства и стремлении всех отдельных народностей Закавказья отделиться от России, общие указания, даваемые британским войскам, первоначальная задача которых была принудить неприятеля к эвакуации Закавказья, заключались в том, чтобы, в ожидании решения мирной конференции, охранять порядок и поддерживать правительство, находящиеся у власти, пока они будут вести себя подобающим образом...

Русские представители в Закавказье и даже командование вооруженными силами на юге России, не сумев оценить этих основных принципов, часто обращались к британским военным властям в Закавказье с требованиями, которые шли вразрез с полученными ими распоряжениями и неминуемо ввели бы нас в войну с упомянутыми республиками, что было бы противно принципам, одушевляющим мирную конференцию...

Не следует забывать, что во время заключения перемирия с Турцией Батумский округ находился под турецким владычеством и был занят турецкими войсками. Британские войска были присланы туда, чтобы принудить турок к эвакуации этого округа и поддерживать порядок как там, так и

¹ Как потом выяснилось, часть Дагестана англичане считали в сфере своего влияния.

во всем Закавказье до тех пор, пока мирная конференция не определит, за отсутствием единого русского правительства, дальнейшую судьбу этой области.

Приведенные выше выдержки из заявлений представителей Великобритании объясняют официальную политику англичан на Кавказе.

Командование Добровольческой армии отлично понимало, что Великобритания, приняв на себя протекторат над Персией и заинтересованная в беспрепятственном получении нефти из Баку через Батум, стремится установить и поддержать в Закавказье полный порядок, и что одной из мер для этого является поддержание образовавшихся в Закавказье республик.

Было вполне понятно, что ближайшая и главная задача введенных на территорию Закавказья британских войск в этом и будет заключаться.

Было также понятно, что английское командование, придавая огромное значение сохранению порядка в Туркестане, прилегающем к Афганистану и Индии, где началось брожение под влиянием умело организованной германо-большевистской пропаганды, выделило из своего очень скромного по численности отряда в Хоросане все, что могло (1 батальон, 3 эскадрона и одну батарею), и помогло противобольшевистским силам занять Чарджуй и очистить от большевиков Бухару.

Командование вооруженными силами на юге России находило, что пребывание английских войск в Закавказье необходимо, и, когда в 1919 году получены были сведения о предполагаемом уходе британских войск из Закавказья, генерал Деникин просил этого не делать, так как было опасение, что это может послужить причиной распространения в Закавказье большевизма.

Недоразумения же и трения с представителями английского командования в Закавказье происходили вследствие того, что получалось впечатление определенной ими поддержки сепаратных, во вред России, стремлений Грузии и Азербайджана.

Затем казалось, что англичане хотят образовать из Закавказских республик буферную зону между будущей Россией и Персией, а также, пользуясь обстоятельствами, захватить исключительное влияние в Закавказье.

После занятия англичанами Батума, Тифлиса и Баку командование Добровольческой армии получило уведомление через начальника британской военной миссии, что разграничительной линией между Добровольческой армией и Закавказьем надлежит считать линию: Кизил Бурун (на берегу Каспийского моря, между Дербентом и Баку)—Закаталы и далее по главному Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море.

Проведение разграничительной линии на Туапсе показывало, что англичане, поддерживая в этом отношении грузин и стоя на формальной точке зрения—сохранить в Закавказье то положение, которое было до их прихода туда, признают, что Сочин-

ский округ должен, до решения мирной конференции, оставаться во владении Грузии.

С этим командование Добровольческой армии согласиться никак не могло.

9/22 января начальник британской военной миссии генерал Пуль уведомил, что генерал Уоккер, командующий английскими военными силами в Закавказье, сообщил, что он получил инструкцию поддерживать грузин, пока их поведение удовлетворительно, и что продвижение войск Добровольческой армии в Сочинском округе без предварительного сношения с ним не должно иметь места.

Командующему британскими военными силами было письмом от 14/27 января разъяснено, что грузины, совершенно незаконно захватив Сочинский округ осенью 1919 года, никаких прав на него не имеют; что вряд ли правильно англичанам поддерживать грузин в той политике, которая последним была внушена немцами; и что во всем этом кроется серьезное недоразумение, которое необходимо разъяснить возможно скорей.

22 января—4 февраля грузинские войска открыли неприязненные действия против наших войск, и генерал Деникин приказал перейти в наступление и занять Сочи. Это было исполнено 24 января—6 февраля.

Министр грузинской республики Гегечкори 4/17 февраля послал радиотелеграмму, адресованную на имя Добровольческой и союзнической армий, следующего содержания:

«6 февраля нового стиля частями добровольческой армии учинено внезапное нападение на отряд, стоящий в Сочи. Генерал Бруневич предъявил нашим частям требование о сдаче оружия. Подобное распоряжение командования Добровольческой армии является актом самочинно-грубого насилия и вероломства последней. Сочинский округ занимался нами по соглашению и настоянию английского командования¹.

13 февраля грузинским правительством было получено от английского командования в Константинополе письменное заявление, что со стороны генерала Деникина не будет предпринято никаких враждебных действий по отношению грузинской республики; ввиду этого мы заявляем самый решительный протест против такого нападения и требуем свободного пропуски наших частей с оружием в руках из Сочинского округа, а в противном случае возлагаем всю ответственность на штаб Добровольческой армии. Грузинское правительство примет крутые меры против всех чинов Добровольческой армии, находящихся в пределах грузинской республики, и с оружием в руках заставит уважать свои права. 1616».

В ответ на это командование Добровольческой армии просило командование британскими вооруженными силами в Закавказье об освобождении арестованных русских офицеров и об ограждении русских граждан, находящихся в Грузии, от репрессий.

6/19 февраля (как раз в день занятия Сочи) генерал Бриггс, начальник британской миссии, передал Деникину следующее заявление:

¹ Подчеркнуто мной.

«Я получил указание военного министерства предложить вам немедленно прекратить операции против Сочи, затем обратить ваше внимание на постановление мирной конференции от 24 января в силу которого захват силою спорной территории будет серьезно вменен в вину захватчику. Если генерал Деникин не согласится ожидать решений из Парижа и не воздержится от перехода в район южной линии Кизил Бурук — Закаталы и далее по Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море, то правительство его величества может оказаться вынужденным задержать (или отменить) помощь оружием, снаряжением и одеждой».

Но Сочи нами было уже занято.

К этому же времени относится письмо генерала Мильна на имя генерала Деникина, в котором, между прочим, сообщалось:

«Окончательная судьба Сочинского округа — это несомненно вопрос, который должен быть разрешен по окончании войны, и всякая попытка решить его теперь же силою оружия должна повести к осложнениям с Грузией...»

Я прошу ваше превосходительство притти к дружелюбному соглашению с Грузией, по крайней мере, в Сочинском округе, и тем избежать военного столкновения с этой страной. Операции против грузин в Сочинском округе никоим образом не способны облегчить ваших операций против большевиков, для каковой цели британское правительство снабжает вас оружием и военным снаряжением...».

Но «дружелюбного» соглашения с Грузией относительно Сочинского округа достигнуть было невозможно, ибо грузины, поддерживаемые в этом отношении тем же британским командованием в Закавказье, не хотели и слышать о возможности добровольного отказа от этого округа.

После очищения грузинскими войсками Сочинского округа недоразумения продолжались из-за отношения грузинских властей к армянскому и абхазскому населению в соседнем Сухумском округе.

Командование Добровольческой армии полагало, что для прекращения постоянно возникающих недоразумений следовало бы Сухумский округ объявить нейтральным.

По этому вопросу 26 февраля—11 марта 1919 года генерал Деникин обратился к начальнику британской военной миссии генералу Бриггсу со следующим заявлением:

«Ко мне обратились официальные представители армянского национального союза Сочинского округа с просьбой защитить армянское население Сухумского округа, в частности селения Гудауты, от насилия грузинских войск».

По очищению грузинскими войсками Сочинского округа грузинские военные власти наложили на армянские селения Гудаутского участка Сухумского округа контрибуцию в размере 1000 пудов кукурузы, сена и фасоли с каждого селения. Жители указанных селений, не имея продуктов, исполнить поставленные им грузинами требования не имели возможности. Тогда грузинские войска, окружив селения, 10/23 февраля начали расстреливать артиллерией и пулеметным огнем мирное население.

Вышеизложенное заявление армянского национального союза Сочинского округа лишь подтверждает донесения подчиненных мне войсковых начальников о постоянно слышной артиллерийской и пулеметной стрельбе в тылу расположенных грузинских войск за р. Бзыбь.

Прошу ваше превосходительство довести до сведения высшего британского командования в Закавказье мой протест по поводу чинимого насилия над беззащитным армянским населением и просьбу энергичного давления на грузинское правительство для прекращения зверств».

Еще раньше, 1/14 февраля, от имени генерала Деникина на имя генералов Форестье Уоккера и Мильна была послана следующая телеграмма:

«Ко мне обратились официальные представители абхазского народа с нижеследующим прошением, подписанным членами народного совета:

«Абхазский на од составляет главную часть населения Сухумского округа, лежащего на берегу Черного моря между реками Бзыбь и Ингур. Он был вынужден просить помощи у грузин против большевиков. Воспользовавшись этим, грузины ввели в Сухумский округ свои войска, поставили свою администрацию и, сообразно обычным своим приемам, начали вмешиваться во внутренние дела и повели самое беспощадное гонение против выдающихся влиятельных политических деятелей абхазского народа.

15/28 августа 1918 г. грузины силой разогнали абхазский национальный совет и произвели многочисленные аресты почетных стариков.

В новый совет были допущены толь о грузинские подданные и были исключены все абхазцы, армяне, русские и другие, не пожелавшие признать себя подданными Грузии. Эти меры вызвали крайнее озлобление населения против грузин и вызвали резкую оппозицию в совете.

9/22 октября совет был вторично разогнан и самые уважаемые деятели арестованы и отправлены в Тифлис в Метехскую тюрьму.

Эти события обострили отношения абхазцев к грузинам до крайней степени. Этот крайне свободолюбивый и самолюбивый воинственный народ никогда не простит оскорблений и притеснений, причиненных ему грузинами и никогда не примирится с грузинским владычеством.

Ныне Грузия объявляет новые выборы в совет и проводит их под давлением вооруженной силы. Но абхазские представители категорически заявляют, что никакого участия в выборах по грузинской указке они не примут и категорически отказываются признать за Грузией право распоряжаться их судьбой».

Поэтому абхазские представители просят меня, во-первых, приостановить выборы в совет под влиянием грузинских властей и, во-вторых, предложить союзному командованию о немедленном выводе грузинских войск из Абхазии, дабы избавить абхазский народ от насилий, могущих вызвать кровавую смуту, и дать ему возможность приступить к мирной работе.

Доводя до вашего сведения о такой просьбе официальных представителей абхазского народа, со своей стороны добавляю следующее:

1. Ненависть абхазцев к грузинам так сильна, что никакое совместное жительство этих двух народов невозможно, и все равно путем кровавой борьбы абхазцы добьются своей свободы, а потому всякое промедление в удалении грузин из пределов Сухумского округа только ухудшит дело и вынудит прибегнуть к вмешательству посторонней вооруженной силы для восстановления порядка.

2. Сухумский округ необходимо теперь же объявить нейтральным, немедленно вывести оттуда грузинские войска и администрацию и возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободные ими самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев.

3. Грузины должны быть отведены за реку Ингур, т. е. за бывшую границу Кутаисской губернии. Их претензии на район, лежащий между реками Кадор и Ингур, ни на чем не основаны, ибо население этого района относится к грузинам с ненавистью еще большей, чем население остальной Абхазии.

Я особенно настаиваю на точном выполнении указанных трех пунктов: ибо в случае промедления в их осуществлении я предвижу, что английской армии и Добровольческой придется проливать свою кровь для умиротворения этого края, доведенного бессмысленной политикой грузин до последней степени возмущения против его поработителей. На добровольческую армию выпало за минувший год упорнейшей и кровопролитнейшей борьбы с большевиками столько испытаний, что я считаю долгом совести принять ныне относительно Абхазии все меры, чтобы драгоценная кровь доброволь-

цев не проливалась на территории Сухумского округа, как то пришлось, вопреки моему желанию, сделать в округе Сочи.

Полагаю, что в этом отношении интересы английского командования вполне совпадают с моими».

Начальники британской военной миссии на юге России генерал Бриггс и затем заменивший его генерал Хольман отлично сознавали всю ненормальность положения, создавшегося в тылу Добровольческой армии, и, вне всякого сомнения, под влиянием их донесений британское правительство признало факт занятия Сочинского округа Добровольческой армией, и генерал Бриггс, принимавший участие на заседании в Тифлисе в мае 1919 года, настаивал на том, чтобы грузины не переходили реки Бзыбь, отделявшей Сухумский округ от Сочинского.

Представитель Грузии Гегечкори на том же заседании уже не настаивал на передаче Сочинского округа Грузии, а указывал на необходимость образовать нейтральную зону между Абхазией и районом, занятым Добровольческой армией, т. е. преуватить Сочинский округ в нейтральный.

Конечно, представители английского командования в Закавказье не могли самостоятельно разрешать вопросы политического характера, но, казалось бы, они должны были самым решительным образом потребовать от грузинского правительства, чтобы последнее держало себя лояльно по отношению к русским, находящимся на их территории, и Добровольческой армии, которой в борьбе с большевиками помогало британское правительство.

Получалось же в действительности что-то страшное: представители британского командования на юге России вполне сочувствовали командованию Добровольческой армии и помогали ему, чем могли, а представители британского командования, находившиеся в Грузии, поддерживали морально Грузию и отстраняли от себя всякое воздействие на грузинское правительство, которое вело явно враждебную политику по отношению к Добровольческой армии и ко всему русскому.

Во всем этом, конечно, главным образом виновна неясная и двусмысленная политика великобританского правительства, которое, если б не стремилось укрепить положение Грузии, как многим казалось, для создания буферной зоны между Персией и будущей Россией, должно было преподать соответствующие указания грузинскому правительству.

Лучшим же выходом из создавшегося положения, как об этом и сообщалось английскому командованию, было бы образование из Сухумского округа, населенного главным образом абхазским народом и на владение коим Грузия не имела никаких прав, нейтральной зоны. Это разрешило бы все недоразумения, а крикливое, но бессильное грузинское правительство, конечно, покорилося бы этому решению.

Но этого не было сделано, и недоразумения между командованием Добровольческой армии и грузинским правительством продолжались, и как одно, так и другое обращались за посредничеством к британскому командованию.

23 сентября—6 октября 1919 г. за подписью генерала Деникина было сообщено начальнику британской миссии на юге России, что азербайджанское и грузинское правительства путем агитации и снабжения повстанцев деньгами и оружием поддерживают смуту на Северном Кавказе и в Черноморской губернии.

В этом сообщении, между прочим, было сказано:

«Когда Грузия в начале текущего года начала особенно выявлять свое недоброжелательное отношение к вооруженным силам на юге России и стремилась присоединить к себе непринадлежащие ей части территории, у меня была полная возможность разгромить вооруженные силы Грузии и обеспечить силой спокойствие в тылу армий, борющихся против большевиков. Но представители британского правительства просили меня этого не делать, обещая, что принятыми ими мерами спокойствие в тылу вооруженных сил на юге России будет вполне обеспечено...

В центре всего антирусского движения стоит грузинское правительство, которое по образу своих действий мало чем отличается от большевиков. Им поддерживаются в борьбе против законной власти так называемые «зеленоармейцы», которые, представляя из себя банды дезертиров и большевиков, укрываются в лесах Черноморского побережья, совершая оттуда набеги на мирное население и военные посты...

Прошу ваше превосходительство войти с представлением к главному командованию войсками его королевского величества в Закавказье о необходимости оказать немедленно, до окончания эвакуации британских войск, воздействие на закавказские правительства в целях прекращения их вредной деятельности.

Опасность, которую создает означенная деятельность имеет мировое значение. Большевизм из Закавказья угрожает распространиться в Среднюю Азию, Персию и Афганистан и может серьезно затронуть даже и британские интересы в Индии...».

Но все эти заявления ни к каким последствиям не привели.

Представители британского правительства продолжали придерживаться политики благосклонного отношения к грузинскому правительству и невмешательства во враждебную деятельность этого правительства по отношению к Добровольческой армии.

Последующие события показали, что командование вооруженных сил на юге России, указывая британскому командованию на враждебную деятельность грузинского правительства, было вполне право.

В конце января 1920 года в Сочи образовался «комитет спасения», ставший во главе «зеленых», занявших округ.

Ездивший в Сочи представитель великобританского правительства генерал Кийз сообщил мне: К этой власти присоединились прибывшие в Сочи из Тифлиса два члена бывшего Учредительного собрания (от Туркестана и Новороссийска). В Тифлисе во главе центральной организации меньшевиков стоит известный «сенатор» Соколов (один из авторов приказа № 1). Лозунги—объявление самостоятельности Черноморской губернии; изгнание Добровольческой армии, как контрреволюционной силы; соглашение с Кубанью, при условии разрыва последней с Добровольческой армией, и соглашение с советской республикой.

Таким образом, грузинское правительство, своей близорукой политикой допускавшее и поощрявшее на своей территории деятельность политических партий, враждебных Добровольческой армии и являвшихся авангардом большевизма, подготовляло гибель и себе. Британское же правительство, вследствие непонимания обстановки и, как казалось, преследуя цели ослабления будущей России, вело через своих представителей в Закавказье политику, которая в конце концов привела к тому, что опасность распространения большевизма в Персии, Афганистане, а возможно и в Индии стала реальной.

* * *

24 января—6 февраля 1919 года начальнику британских военных сил в Азербайджане генералу Томсону была послана телеграмма:

«Победами Добровольческой армии весь Северный Кавказ систематически освобождается от большевиков. Уже заняты Пятигорск, Моздок, и войска атакуют, а может быть, и взяли уже Владикавказ и Грозный.

В освобожденных местах мною вводится гражданское управление, которому ставится задача умиротворить край, ввести в нем порядок, основанный на законе, и дать возможность всему населению, без различия национальностей и вероисповеданий, прислушиться к спокойному и мирному труду. Во главе управления вновь занятых областей мною поставлен генерал Ляхов со званием главноначальствующего и командующего войсками Терско-Дагестанского края управление, коего находится в Пятигорске, а затем будет перенесено во Владикавказ. Прошу осведомить подчиненные вам войска о полномочиях, данных мною генералу Ляхову, и дать им надлежащие инструкции на случай совместных действий с войсками и лицами административного персонала, подчиненного генералу Ляхову. 24 января—6 февраля № 113. Главнокомандующий вооруженными силами на юге России генерал Деникин».

Эта телеграмма, содержащая на первый взгляд странное выражение, что Грозный и Владикавказ, «может быть», уже взяты нашими войсками, требует некоторого пояснения. Колонна британских войск была направлена от Петровска вдоль железной дороги к Грозному. Нами были получены сведения, что якобы британское командование дало указание начальнику своего отряда занять Грозный возможно скорее. Было также известно, что правительство горских народов Кавказа (лезгин, черкес, ингушей, чеченцев, осетин и кабардинцев), которое в период нахождения в Закавказье германцев поддерживало полный контакт с турками, добывается перед британским командованием своего признания.

Дабы не было каких-либо печальных недоразумений или трений в случае, если бы Грозный со своими нефтяными источниками был занят британскими войсками, начальнику отряда, направленного на Грозный, было приказано его занять до подхода британских войск. Это было исполнено.

Дабы парировать какие-либо недоразумения из-за притязаний горского правительства и на случай, если бы наши войска несколько запоздали занять Грозный и Владикавказ (который горское

правительство считало своей столицей), и была послана приведенная выше телеграмма.

Последующее показывает, что опасения командования вооруженных сил на юге России были не беспочвенны.

25 января—7 февраля наш представитель при британском командовании в Баку, генерал Арнсгофен, прислал телеграмму о том, что генерал Томсон (командующий британскими военными силами в Азербайджане) заявил, что Добровольческая армия не имеет права распространять своего влияния на Дагестан и Баку, так как хозяевами там являются горское и азербайджанское правительства, и что изменение полученной им в этом смысле инструкции высшего британского командования может быть сделано лишь по соглашению с горским правительством относительно Дагестана и после сношения с главнокомандующим британскими войсками генералом Мильном.

От генерала Эрдели (был командирован генералом Деникиным в Батум, Тифлис, Баку и в Закаспийскую область для полной ориентировки на месте) была в тот же день получена телеграмма, что генерал Томсон обещал горскому правительству, что в Дагестане и Петровске не будет русских войск, а будут введены британские войска для поддержания порядка в области, находящейся в сфере английского влияния, причем генерал Томсон высказал, что генерал Деникин не может назначать главноначальствующего в Терско-Дагестанский край.

Это заявление основывалось, по словам генерала Томсона, на инструкции, полученной генералом Форестье Уоккер от генерала Мильна.

В разговоре с генералом Эрдели, генерал Томсон заявил, что северной границей английской зоны на Кавказе является линия Петровск—Кавказский хребет—Сочи (все пункты, указанные в этой линии, входят в английскую зону) и что на этом основании в Дагестанскую область и в г. Петровск введены британские войска для поддержания порядка.

Наконец тот же генерал Томсон заявил:

1. Все русские заводы, железные дороги, учреждения и имущество, находящиеся на территории Азербайджана, перешли к последнему, и пользоваться ими Добровольческая армия может только за плату по соглашению с азербайджанским правительством.

2. Смотреть на Баку и Дагестан как на свою базу Добровольческая армия не может.

Подобная постановка вопроса не могла удовлетворить командование Добровольческой армии. Оставлять Дагестан в ведении горского правительства было недопустимо, ибо это повлекло бы за собой бесконечные брожения и восстания среди ингушей, осетин и чеченцев, так как за объединение их под одним горским правительством, конечно, велась бы энергичная пропаганда.

Лишиться Петровска, как единственного для нас порта на Каспийском море для связи с уральским фронтом и Закаспийской областью, а также как базы для флота и для противодействия

большевикам при их операциях со стороны Астрахани, командование Добровольческой армии также не могло.

Основываясь на том, что 6/19 февраля 1919 года начальник британской военной миссии на юге России сообщил генералу Деникину от имени британского правительства, что разграничительной линией является Кизил Бурун—Закаталы—Кавказский хребет, т. е. Петровск и Дагестан не входили в сферу английского влияния, генерал Деникин 22 февраля—7 марта обратился к начальнику британской военной миссии генералу Бриггсу с протестом относительно заявлений, сделанных генералом Томсоном, и с просьбой, во избежание недоразумений, дать надлежащие указания генералам Форестье Уоккер и Томсону.

* * *

Вопрос относительно Баку являлся очень острым, так как, помимо колоссальных нефтяных богатств, он являлся единственным оборудованным портом, который мог бы служить базой для Каспийской флотилии, которую командование армии надеялось получить в свое распоряжение.

Но дабы не усложнять положения и не обострять отношений ни с азербайджанским правительством, ни с командованием британскими войсками, было решено не принимать по отношению к азербайджанской республике никаких агрессивных шагов и не занимать Баку.

По имевшимся сведениям получалось впечатление, что с азербайджанским правительством можно договориться, и, не посягая на независимость вновь явленной республики, установить добрососедские отношения, правильный товарообмен и получить право пользоваться бакинским портом как базой.

В районе бакинского градоначальства ко времени освобождения Северного Кавказа от большевиков находилась часть бывшего Бичераховского отряда под начальством генерала Пржевальского. Отношение к этому отряду со стороны азербайджанского правительства было скорей доброжелательное.

Командование Добровольческой армии предполагало этот отряд переформировать и направить в Закаспийскую область, а тыловые учреждения и запасы перевести в район вооруженных сил Юга России. Но 27 февраля—12 марта из Батума была получена газета «Грузия» от 22 февраля—7 марта, в которой был приведен следующий приказ от 15/28 февраля генерала Пржевальского:

«Ввиду предъявления английским командованием требования—завтра 1 марта всем русским войсковым частям вооруженных сил Юга России выступить из Баку, а к 24 часам того же дня очистить пределы Бакинского военного губернаторства...». Далее идут подробности по выполнению этого приказа с добавлением, что командующему флотом относительно подведомственных ему судов получить указание непосредственно от английского командования.

Немедленно за подписью генерала Деникина был подан протест начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре. Было, между прочим, указано:

«Если такой приказ действительно был английским командованием издан, то я, как главнокомандующий всеми вооруженными силами на юге России, не могу не указать, что отдача подобного распоряжения, касающегося вооруженных сил, находящихся в моем ведении, без предварительного о том получения на то моего согласия — является актом враждебным Добровольческой армии, всегда, даже в самые трудные минуты своего существования, хранившей верность своим союзникам».

Как потом выяснилось, приказ этот действительно был отдан на основании требования со стороны генерала Томсона, основанного, как заявил последний, на просьбе азербайджанского правительства, так как присутствие в Баку добровольческих частей грозило осложнениями с рабочими Бакинского района, смогрившими на них, как на «контрреволюционную» и «реакционную» силу.

Форма отданного распоряжения, без предварительного сношения с командованием вооруженных сил Юга России, была, конечно, более чем бестактна. Требование же произвести эвакуацию в 24 часа, что совершенно не вызывалось обстановкой, привело к тому, что много ценных запасов пришлось оставить в Баку.

В конце апреля 1919 года азербайджанское правительство просило командование Добровольческой армии выяснить свое отношение к республике.

Главнокомандующий уполномочил своего представителя при британском командовании в Баку передать правительству Азербайджана, что «армия» Юга России считает Азербайджан частью России, но до восстановления в России верховной власти допускает самостоятельное существование Азербайджана».

В середине мая 1919 года в связи с очищением Дагестана и части Каспийского побережья от большевиков главнокомандующий сообщил начальнику британской военной миссии генералу Бриггсу:

«Войска Добровольческой армии в Азербайджан не вступят и не перейдут линии Закаталы — Главный Кавказский хребет — Кизил Бурун, если со стороны Азербайджана не будет враждебных действий».

11/24 июня 1919 года начальник британской военной миссии прислал на имя генерала Деникина письмо следующего содержания:

«Мною получена телеграмма из великобританского военного министерства: Занятие Дербента генералом Деникиным не способствует установлению мира на Кавказе и потому противно его же интересам».

Было отвечено, что Дагестан добровольно, без единого выстрела присоединился к Добровольческой армии при сохранении автономии, и его выборное правительство утверждено генералом Деникиным. Но эта телеграмма британского военного министерства показала, что, действительно, вопреки первоначальному решению британского правительства, сообщенного генералу Де-

никину начальником британской военной миссии, британское правительство расширило зону «своего влияния», или, проще говоря, границы Азербайджана до границы, сообщенной генералу Эрдели генералом Томсоном, и, кроме того, разрежало Дагестан на две части, из коих одна оказалась в зоне влияния Добровольческой армии, а другая, естественно, подпадала под управление горского правительства, которое командованием Добровольческой армии не признавалось.

Как то, так и другое для командования Добровольческой армии являлось совершенно неприемлемым.

Официальное указание британского командования на новую разграничительную линию дало основание председателю совета министров азербайджанской республики сообщить генералу Деникину 22 июня—5 июля, что, согласно, препровожденного британским главным штабом на имя президента республики сообщения, британское правительство постановило установить между генералом Деникиным и Кавказскими республиками следующую демаркационную линию: «от устья р. Бзыль—к северу по той же реке до границы Сухума, оттуда к востоку по областям Сухумской, Кутаисской, Тифлисской, Дагестанской до точки, находящейся на пять миль к югу от Петровско-Дагестанской железной дороги, оттуда на юго-восток параллельно, но на пять миль южнее железной дороги, до точки на Каспийском побережье на пять миль южнее Петровска».

Председатель совета министров азербайджанской республики, основываясь на этом, просил об отводе к северу частей Добровольческой армии, бывших на Каспийском побережье южнее указанной границы, т. е., другими словами, об очищении Дербента.

Крайне показательным в смысле отношения великобританского правительства к Добровольческой армии являлось то, что об изменении разграничительной линии с Азербайджаном ни командованию армии, ни начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре ничего не было сообщено официально.

2/15 июля, сообщая о полученном отношении председателя совета министров Азербайджана начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре, я прибавил:

«В связи с этим, по поручению генерала Деникина, довожу до вашего сведения, что указанное постановление королевского правительства ему неизвестно. Закрывающаяся в этом постановлении демаркационная линия с Азербайджаном не соответствует ранее установленной линии Кизил Бурун (на Каспийском море)—Закаталы—Кавказский хребет и противоречит интересам Добровольческой армии. Новая разграничительная линия делит Дагестан, добровольно признавший над собой верховную власть главнокомандования, на части, с чем генерал Деникин согласиться не может по весьма важным политическим и стратегическим соображениям».

Проект новой демаркационной линии, видимо, преследует цель обеспечить безопасность Азербайджана с севера.

По этому поводу генерал Деникин вновь подтверждает, что он не намерен наступать на Азербайджан, при условии отсутствия враждебных действий со стороны последнего.

Что касается, по циркулирующим слухам, опасения азербайджанского правительства, что армия генерала Деникина может отрезать водопровод,

питающий Баку, и этим поставить город в «тяжелое положение, то генерал Деникин определенно заявляет, что это опасение ни на чем не основано, и водопровод от Баку никогда отрезан не будет».

В связи с недоразумениями из-за демаркационной линии за несколько дней до вышеприведенного последнего сношения, а именно 27 июня—10 июля 1919 года, начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре было написано:

«Указание английского командования (в Закавказье) на то, что демаркационная линия проходит на востоке около Петровска, с каждым днем все более и более осложняет вопрос.

В Дагестане начинаются волнения, а Азербайджан настойчиво требует очищения остальной зоны к югу от Петровска... Оставить Дагестан мы не можем, так как там на мусульманскую массу действуют турецкие и немецкие агенты... причем необходимо отметить, что работа немецких агентов за последнее время выясняется все больше и больше.

К сожалению, действия английского командования в Закавказье идут совершенно вразрез с той дружеской политикой Великобритании, которая проявляется в Екатеринодаре и Новороссийске и которая, несомненно, находится в полном соответствии с указаниями великобританского правительства... Английское командование в Баку, основываясь на несоблюдении генералом Деникиным демаркационной линии, неизвестно откуда взятой, не пропускает из Баку в Гурьев грузов, предназначенных истекающим кровью в борьбе с большевиками доблестным уральским казакам».

* * *

В июле 1919 года захват Азербайджаном Мугани с чисто русским населением произошел не только с согласия, но и при содействии англичан.

В Ленкорань был послан британским командованием английский офицер, которому было поручено:

1) установить связь между представителями азербайджанской власти и местными крестьянами, которым предложить подчиниться власти азербайджанского правительства;

2) поддержать все законные действия азербайджанского правительства;

3) принять все меры для выселения на места постоянного жительства офицеров русской службы, находящихся на Мугани.

Этот последний пункт был фактически невыполним и практически мог быть решен лишь требованием, чтобы русские офицеры убрались с Мугани куда хотят.

Русское население Мугани, не допуская к себе административную, назначенную азербайджанским правительством, и не желавшее входить в состав новой республики, увидев, что британское командование поддерживает требования Азербайджана, принуждено было подчиниться, распустить сформированные отряды и разоружиться.

* * *

Много трений и недоразумений было с представителями британского командования из-за военной Каспийской флотилии, которую англичане передали в распоряжение командования Добро-

вольческой армии, после длительных и крайне неприятных разговоров и переписки.

Получалось впечатление, что англичане, получив протекторат над Персией, для обеспечения плавания по Каспийскому морю, хотят часть Каспийской флотилии сохранить в своих руках.

* * *

Если бы британская политика имела целью лишь поддержать порядок в Закавказье, как в зоне, примыкавшей к Персии и Турции, то не было никакой надобности поддерживать азербайджанское и горское правительства в вопросах, которые явно противоречили интересам России, а в частности вооруженных сил на юге России.

Первоначально указанная демаркационная линия, отделяющая зону влияния командования Добровольческой армии от Азербайджана, не вызывала протеста, и британское правительство не могло сомневаться в искренности заявления генерала Деникина, что он ее не нарушит, при условии, если Азербайджан не будет вести агрессивной политики.

И здесь, как и в отношениях британских представителей к Грузии, чувствовалось, что великобританское правительство имеет в виду особо поддерживать интересы Азербайджана и Дагестана на случай, если в будущем будет создана буферная зона между Россией, с одной стороны, и Турцией и Персией, с другой стороны.

В частности получалось отчетливое впечатление, что британское правительство особо заинтересовано в бакинских нефтяных богатствах и не желает допустить, чтобы Баку оказался в зоне влияния Добровольческой армии.

* * *

Как мною уже было отмечено, все время чувствовалось, что политика великобританского правительства, в смысле помощи вооруженным силам Юга России,—недостаточно отперделенная и неустойчивая.

Судя по некоторым официальным заявлениям Ллойд Джорджа, политическая группа, во главе которой он стоял, считала, что для Великобритании выгодней иметь дело с Россией ослабленной и расчлененной; наконец, политические деятели этой группы считали, что путем известного соглашения с советским правительством, а не путем поддержки гражданской войны в России, можно скорей создать условия, при которых возможно завязать с Россией торговые сношения.

Великобританское правительство, став на путь поддержки русских, ведущих борьбу с большевиками, не доводило до конца этой поддержки, и все время чувствовалось, что она может оборваться.

Помогая русским вооруженным силам на юге России и имея при них военную миссию, на обязанности которой было оказывать командованию армии полное содействие, великобританское правительство преподало своим представителям в Закавказье указания, которые давали им основание, в лучшем случае, игнорировать Добровольческую армию, ее командование и представителей последнего.

Помогая Добровольческой армии, великобританское правительство, повидимому, опасаясь упреков, что оно помогает реакционным русским силам, через начальника военной миссии в апреле 1919 года определенно дало понять, что требуется официальное заявление за подписью генерала Деникина и всех членов его правительства о целях, которые преследуются в борьбе с советской властью и в государственном строительстве.

10/23 апреля такое заявление было составлено и передано начальникам британской, французской и американской миссий.

Вот содержание этого документа:

«Прошу вас довести до сведения вашего правительства о том, какие цели преследует командование вооруженными силами юга России в борьбе с советской властью и в государственном строительстве:

1. Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

2. Восстановление могущественной единой, неделимой России.

3. Созыв Народного собрания на основах всеобщего избирательного права.

4. Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5. Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповеданий.

6. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом».

Но в английском парламенте все же было много противников оказания помощи противобольшевистским силам, и Ллойд Джордж, в защиту политики великобританского правительства, в речи, произнесенной в парламенте 3/16 апреля 1919 года, сказал, что помогать Колчаку, Деникину и «Харькову» (??) надо хотя бы потому, что

«мы не можем сказать русским борющимся против большевиков: «Спасибо, вы нам больше не нужны. Русская большевики режут вам горло», — мы были бы недостойны считать «а великой страной. Это наше дело помогать нашим друзьям, восставшим против большевиков после Брест-Литовского договора, и потому мы их снабжаем материалами...

...Следующая задача нашей политики состоит в том, чтобы не допустить проявления вооруженного большевизма в союзных странах.

Вследствие этого мы организуем силы всех союзных стран, окружающих Россию, — от Балтийского до Черного моря — и снабжаем эти страны необходимым снаряжением для установления преград против большевистского вторжения...».

В конце декабря (по старому стилю) 1919 года, уже после оставления вооруженными силами юга России Ростова, в Новороссийск прибыл, если не ошибаюсь, член английского парламента Мак Киндер.

По имевшимся у нас сведениям, на Мак Киндера было возложено великобританским правительством:

1. Всесторонне ознакомиться с обстановкой на юге России.
2. Выяснить действительные нужды как армии, так и населения.
3. Выяснить условия товарообмена между Великобританией и югом России.
4. Настоять, чтобы генерал Деникин определенно и точно выяснил свои отношения к окраинным государственным образованиям.
5. Добиться установления дружественных отношений вооруженных сил юга России с Польшей и Румынией, разрешив для этого острый вопрос о восточной границе Польши и бессарабский вопрос.

Вследствие событий на фронте генерал Деникин не мог вступить в непосредственные переговоры с Мак Киндером, а это было поручено мне, при участии А. В. Кривошеина (начальник управления снабжений), М. Р. Бернацкого (начальник управления финансов), А. И. Фенина (начальник управления торговли и промышленности) и В. Н. Челищева (начальник управления юстиции).

Из разговора с Мак Киндером выяснилось, что если его миссия, касающаяся урегулирования отношений с окраинными государствами, будет разрешена удовлетворительно, то генерал Деникин может рассчитывать на широкую помощь со стороны Великобритании.

Переговорив с Мак Киндером по всем возбужденным им вопросам и сообщив результат наших совещаний генералу Деникину, я получил от последнего 1/14 января 1920 года следующую телеграмму:

«Предлагаю передать Мак Киндеру дословно следующее:

Признаю самостоятельное существование фактических окраинных правительств, ведущих борьбу с большевиками.

Установление будущих отношений окраины с Россией совершится путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами.

При этом допускается посредничество союзников.

Вопрос восточной границы Польши будет решен договором общерусского и польского правительств на этнографических основах.

Польша должна оказать содействие живой силой немедленным частичным переходом в наступление для отвлечения части большевистских сил и дальнейшим развитием операций в возможно кратчайший срок и в полном масштабе.

Союзники должны:

а) решительно и незамедлительно принять меры к охране флотом Черноморской губернии, Крыма и Одессы;

б) оказать содействие в помощи живой силой со стороны Болгарии и Сербии¹;

в) обеспечить тоннажем перевозку указанных в пункте «б» войск;

г) продолжать снабжение вооруженных сил юга России».

¹ Надо сказать, что как из Болгарии, так и из Сербии поступали заявления, что они готовы, при согласии союзников, оказать поддержку вооруженной силой в борьбе против большевиков.

Эти предложения не встречали сочувствия со стороны союзников; особенно категорично они возражали против помощи Болгарией, усматривая в этом политический с ее стороны маневр для облегчения ей условий мирного договора и для возможности образовать значительную армию.

Кроме того, Мак Киндеру было, от имени правительства Юга России, передано следующее заявление:

«Правительство главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта Деникина признает крайне желательным, чтобы великобританское правительство рассмотрело вопрос об экономической содействии Югу России, дабы при продвижении войск вперед в возможно кратчайший срок был налажен железнодорожный и водный транспорт, а также налажена экономическая жизнь страны и правильный товарообмен между союзными странами и Югом России».

Ответ генерала Деникина удовлетворил Мак Киндера и он сказал, что надеется в Англии достигнуть благоприятных результатов, после чего немедленно вернется в Новороссийск уже в качестве постоянного представителя великобританского правительства.

Уезжая 2/15 января на миноносце в Англию, он перед отъездом просил передать генералу Деникину:

1. К его возвращению в Новороссийск необходимо окончательно решить вопрос относительно Бессарабии; что по его мнению, надо согласиться на плебисцит в Бессарабии.

2. После его возвращения из Лондона необходимо устроить в Констанце или Галаце свидание между генералом Деникиным и Пилсудским, дабы окончательно договориться по польскому вопросу.

3. Просить обратить внимание на необходимость воспользоваться для обороны Крыма и Одессы хорошо организованными немецкими колонистами.

Это последнее указание, касающееся немецких колонистов, крайне характерно, так как до этого времени как англичане, так и французы очень отрицательно относились к возможности привлечения к борьбе с большевиками немецких колонистов как организованной силы.

К середине января, хотя штаб главнокомандующего и выражал уверенность, что успех на фронте опять склонится на нашу сторону, и хотя отдельные успешные для нас боевые эпизоды как бы подтверждали это, но для внимательного наблюдателя было ясно, что катастрофа, и притом близкая, надвигается.

Это, конечно, не укрылось и от представителей союзного командования.

12/25 января 1920 года мы получили сведения, что вследствие серьезных обострений у Великобритании с Турцией вероятно открытие военных действий, и потому англичане, стягивая в Константинополь все, что возможно, решили эвакуировать Батумскую область.

У нас же складывалось впечатление, что эвакуация Батумской области намечается не только этим соображением, а и опасением войти в непосредственное соприкосновение с большевиками, что могло втянуть Великобританию в войну с Советской Россией.

В этот же день, т. е. 12/25 января, политический представитель великобританского правительства, генерал Кийз в частном раз-

говоре сообщил, что из английских источников подтверждаются газетные сведения о предполагаемом снятии союзниками блокады Советской России. Что эта мера вызывается потребностью Европы в сырье, которое она надеется получить из России взамен нужных русскому крестьянству товаров и сельскохозяйственных орудий; что с этой целью в Россию, вероятно, будет отправлена экономическая миссия.

Наконец, в январе же из Лондона, из источника, заслуживавшего полного доверия, были получены следующие сведения:

1. Англия и Франция под влиянием успеха большевиков в Сибири и на Юге России, опасаются, что опасность от большевизма реально надвигается на Европу и на Персию и Индию через Кавказ и Туркестан.

2. Америка, Англия и Франция сознают, что Германия не в силах выполнить условия мирного договора до тех пор, пока не окрепнет окончательно и силой обстоятельств принуждена будет вновь взяться за оружие, и Европа вновь будет втянута в войну.

3. Франция и Англия не могут употребить живую силу для борьбы с большевиками.

На основании этих данных в Англии идут разговоры о том, что необходимо предоставить Германии и Японии навести порядок в России и покончить с большевизмом, предоставив им за это значительные экономические выгоды в России. Этим, по мнению многих политических деятелей в Англии, будет достигнуто успокоение в Европе, предотвращена возможность новой войны, и Германии будет дана возможность выполнить условия мирного договора.

Говорить в начале 1920 года о возможности привлечь Германию для наведения порядка в России было, конечно, более чем преждевременно, и на это Франция не могла дать своего согласия. Но эта последняя информация являлась показательной в том отношении, что среди английских политических деятелей, бывших до этого времени, за энергичную помощь противобольшевистским силам в их борьбе с советской властью, под впечатлением неуспехов армий Колчака и Деникина зародилось сомнение в правильности пути, который ими был избран для свержения большевистской власти в России. Началось искание других путей, которые привели бы к устранению большевистской опасности в смысле распространения большевизма в Европе и Азии, а также для скорейшего создания условий, при которых возможно было бы начать коммерческие сношения с Россией, столь необходимые для Европы.

При этих условиях позиция, занятая в Англии политической группой, требовавшей прекращения поддержки в России противобольшевистских сил в их борьбе с советской властью и вступления на путь соглашения с большевиками, естественно крепла. Сведения о предполагаемом снятии союзниками блокады Советской России, подтвержденные генералом Кийз, приобретали чрезвычайное значение и указывали на то, что, во всяком случае,

Англия—накануне решительного изменения своей политики по отношению к большевикам.

* * *

После эвакуации Новороссийска и перевозки на судах вооруженных сил Юга России в Крым сразу определилось изменение отношений к последним со стороны великобританского правительства.

Прежде всего русскому командованию было предъявлено ультимативное требование не переходить к северу от Перекопского перешейка, т. е. прекратить борьбу с большевиками, сохранив за собой Крым.

Несколько позже возобновились разговоры о созыве международного совещания, с участием представителей советской власти, для прекращения междоусобной борьбы в России, и, наконец, великобританское правительство, отозвав своих военных представителей из Крыма, официально объявило, что оно прекращает какую-либо помощь вооруженным силам Юга России в их борьбе с большевиками.

Дальнейшая поддержка Великобританией противобольшевистской России свелась к содержанию беженцев, раненых и больных, которые были эвакуированы с юга России в начале 1920 года и были приняты англичанами на свое попечение.

* * *

В ноябре 1920 года эвакуирован был и Крым.

Франция, как мною уже было отмечено, отказавшись в свою очередь от дальнейшей поддержки вооруженных сил Юга России, как армии, которая может возобновить борьбу с большевиками, ограничилась материальной поддержкой эвакуированных из Крыма беженцев и армии, рассматривая последнюю тоже как беженцев.

Англия вступила на путь открытого соглашения с советской властью.

* * *

Подводя итоги той помощи, которая была оказана Францией и Великобританией противосоветской России в ее борьбе с большевиками, необходимо отметить, что она, вызвав колоссальные денежные расходы этих государств, не достигла своей цели прежде всего потому, что у союзников не было выработано определенного плана, который ими был бы проведен до конца.

Когда великие державы поймут, наконец, что они должны будут разрешить русский вопрос и помочь восстановлению России, то без интервенции в той или иной форме, а может быть и оккупации отдельных районов России дело не обойдется; но необходимо помнить, что работа по восстановлению России должна производиться русскими руками, лишь при содействии великих держав.

ДРАМА КУБАНИ 1.

(Ноябрь 1919 г.)

I.

Тяжелая драма ноябрьских дней 1919 года на Кубани, выразившаяся во вмешательстве командования Добровольческой армии с помощью военной силы во внутренние гражданские кубанские дела, нуждается во всестороннем освещении. Мне пришлось быть свидетелем происшедшего, и хотелось бы здесь, со всей доступной объективностью, дать свои показания о том, что тогда произошло и как это произошло.

Было бы неблагоприятной задачей устанавливать сейчас момент, когда был завязан узел, который затем—в ноябре 1919 года—командование Добровольческой армии решило, повидимому, разрубить одним ударом.

Для уяснения происшедшего необходимо все же сделать несколько предварительных замечаний, характеризующих кубанско-добровольческую обстановку 1919 года.

У кубанцев идея борьбы с большевиками была общей, и принята она была в силу единодушного решения. Кубанская Краевая рада 20 декабря 1917 года приняла особую политическую программу-декларацию, в коей утверждалось, что наиболее «совершенной формой правления России» кубанское казачество и горцы признали «Российскую демократическую федеративную республику», состоящую «из крепко спаянных между собой единством государственных интересов федерирующихся областей. Кубанский край, являющийся одной из них, входит в государственное единство «в качестве равноправного штата». Государственная жизнь в крае и в государстве должна быть построена на основах демократии и справедливого учета социальных групп и пр.

С этими идеями, с этим осмысливанием борьбы, кубанская, утвержденная Радой, власть, выступила в поход, и во имя этих идей призывала народ к борьбе, производила в попутных станциях и хуторах мобилизацию, требовала от населения материальных жертв и пр.

¹ Журнал «Голос минувшего на чужой стороне», № 1/XIV, 1926 г. Париж.

Живая боевая сила у обоих соединившихся отрядов—кубанцев и добровольцев—была приблизительно равной, с быстрым ростом преобладания кубанцев в армии. 4—7 августа 1918 года состоялся торжественный въезд в отвоеванный у большевиков Екатеринодар, при особом символическом построении колонны въезжающих. Во главе ее бок-о-бок ехали генерал Деникин и кубанский атаман Филимонов. За ними—председатель кубанского правительства Быч и начальник штаба армии ген. Романовский. А потом члены кубанского правительства в ряду с соответствующими по значению в армии чинами.

Но уже на первом совместном, по занятии Екатеринодара, заседании кубанцев и добровольцев (12/25 августа) произошло резкое столкновение точек зрения тех и других по вопросу, ставшему затем боевым в кубанской политике, а именно—по вопросу о кубанской армии.

Началась полоса «упорной, сначала скрытой, а потом и открытой борьбы»; это была борьба за свои позиции двух начал: кубанского—демократического и добровольческого—начала единой диктатуры, усваивавшей на практике все более и более откровенные реставрационные устремления.

Знаменательно было то, что именно тогда впервые кубанцам пришлось услышать открыто выраженное суждение из стана добровольцев о том, что в будущем исторически сложившийся в России строй (монархия) должен быть восстановлен, при неизбежных, правда, коррективах. Высказался тогда ген. Драгомиров, только что появившийся на кубанском горизонте и назначенный председателем Особого совещания.

При происшедшей за прожитое время (с начала совместной борьбы) дифференциации кубанских общественно-политических элементов усилилась та именно часть, в среде которой никогда не замечалось особенно ревностного стремления к преодолению возникших в процессе революции центробежных сил. В этой группе, так называемых «черноморцев», наиболее активную роль приобрели кубанские общественные деятели украинской ориентации, из которых многие были идейными, а некоторые личными друзьями Петлюры и его окружения,—кубанские самостийники, как окрестила их не разбирающаяся в подробностях политическая улица.

К группе черноморцев примыкала небольшая, но активная часть кубанских горцев, та часть, которая увлекалась тогда идеями горского сепаратизма.

В противоположность добровольческой концепции единой и неделимой России, в лагере указанной части кубанцев была усвоена своя особая концепция, официальная формулировка которой звучала, быть может, не столь однозначно. По этой формулировке выходило, что части бывшей Российской империи должны прожить определенное время самостоятельной государственной жизнью, и потом уже возможен процесс стягивания в государственное единство этих частей. В виде очередной задачи считалось создание свободного союза государственных образований

Кавказа и юга России с непременным включением в него независимой Грузии и Украины.

Мы—другая партия кубанских общественно-политических деятелей, «линейцы»,—мы считали необходимым «объединение всех действующих в одном направлении сил (следовательно, и добровольцев) при установлении государственного строя в России»¹. Мы продолжали, следовательно, стоять на почве программы-декларации Рады декабрьского созыва 1917 года, с ее подчеркнутым стремлением к государственному единству. Во имя этого мы боролись внутри собственной кубанской среды с ее центробежными течениями. Поддержав в Краевой раде при выборе атамана человека, мало симпатичного для нас, но кандидата общероссийской ориентации, А. П. Филимонова, мы способствовали, таким образом, забаллотированию выдвинутого на этот пост черноморцами украинской ориентации Л. Л. Быча.

Важнейшей задачей своей объединительной политики мы считали в первую очередь «объединение в прочный государственный союз казачьих земель: «Кубани, Дона и Терека». В своей декларации 29 января 1919 года мы объявляли, что этот «Союз», «как реальная и прочная сила, может и должен стать центром объединения других государственных образований и областей юге России»²). Последнее обстоятельство мы подчеркивали в противоположность, с одной стороны, совершенно не соответствующей реальным силам и возможностям добровольческой навязчивой идее о немедленной планировке единой России по методу «покорения под ножи всякого врага и супостата»... С другой стороны, для нас сплошной утопией или скрытой фальшью отдавало от Бычовского «Свободного союза Кубани, Украины, Грузии и прочих народов Кавказа и юга России».

Наших скромных сил оказалось недостаточно для полного преодоления на Дону красновских тенденций романтического монархизма и донской всевеликости, на Тереке—робости и связанности страхом перед инородческим элементом, нашего младшего брата, а главное, для преодоления излюбленного метода автократизма всех времен и народов (в нашем случае—автократизма добровольчества): *divide et impera*.

В кубанской Законодательной раде, куда был перенесен после избрания войсковым атаманом А. П. Филимонова центр внутренней кубанской борьбы, мы, линейцы, большинства не получили.

Образовавшееся же в Раде большинство—из черноморцев, части горцев и дикого, в большинстве беспринципного элемента—не стало разбираться в средствах для достижения своего господства в краевой политике.

¹ См. Декларацию кубанск. краевого правительства (линейского по составу), оглашенную Ф. С. Сушковым в заседании Законодательной рады 29 янв. 1919 года.

² См. Декларацию кубанск. краевого правительства (линейского по составу), оглашенную Ф. С. Сушковым в заседании Законодательной рады 29 января 1919 года.

К началу осени краевое правительство превратилось в послушное орудие в руках вожakov указанного большинства Законодательной рады.

Во второй половине сентября—начале октября в официальных сводках Добровольческой армии стал фигурировать особый петлоровский фронт, с интенсивно развивающимися боями на нем: под Гайском, Одессой, Казатиным и пр. Вместе с тем сообщалось о разгроме повстанцев у Дербента, Петровска и пр. И в том и в другом направлении действовали кубанские воинские части. Другими словами, для кубанского правящего большинства создавалось неестественное положение: душить собственными руками дело, которому оно не могло не сочувствовать и которому оно готово было даже помогать. База вражды и недоброжелательства в отношении добровольчества расширялась, таким образом, далеко не соразмерно с его скромными силами и очень ограниченным кругом друзей.

В смысле накапливания горячего материала на Кубани уже к концу сентября 1919 года создалось угрожающее состояние.

Стали говорить о близком созыве Краевой рады.

Но плохо было то, что, по весьма распространенному убеждению, настроения большинства в Раде далеко не соответствовали настроению большинства в крае.

Краевая рада, выделившая затем из своей среды Законодательную с вышеуказанным большинством, избиралась в свое время наспех, когда еще не вся краевая территория была очищена от большевиков. Население, захваченное борьбой, не могло быть особенно осмотрительным при выборах: в Раду попали люди, не всегда отвечающие предъявляемым к депутатам населения требованиям. Необходим был бы роспуск Рады и назначение новых выборов. Со стороны населения они были бы гораздо более сознательными.

Но большинство Рады совсем не было расположено рисковать своим положением, и Краевая рада данного состава обнаруживала тенденцию обратиться в особого рода «долгий парламент», хотя по смыслу закона (ст. 12 кубанской конституции) Краевая рада—не постоянно действующее учреждение, а законодательное собрание, созываемое в экстренных случаях.

С точки зрения юридической акт атамана о роспуске Краевой рады без ее о том постановления, в силу особенностей закона, мог бы подвергнуться серьезному оспариванию. В отзывах запрошенных по этому поводу кубанских юристов дополнительно к этому указывалось, впрочем, что Краевая рада 1918 года не была преемственно связана с Краевой радой 1917 года и вышла из государственного переворота.

В среде самой Краевой рады немало было сомнений относительно правильности избрания многих ее членов.

Таким образом, чисто конституционные соображения не позволили атаману сделать этот решительный шаг. И население Края было лишено возможности высказаться по существу выдвигаемых жизнью вопросов краевой политики.

Войсковой атаман издал приказ о созыве Краевой рады прежнего состава на 24 октября.

А 15 октября возобновилась сессия Законодательной рады.

Среди большинства замечалось стремление произвести мобилизацию всех своих сил: приехал из Парижа Калабухов, в газетах сообщалось, что ожидается приезд Быча.

22 октября в Законодательной раде выступил с докладом о работе южно-русской конференции И. Л. Макаренко. Он весьма пространно сетовал на то, что во время работ конференции кубанцы были лишены помощи своих военных специалистов. И, уже совсем перегибая палку в одну сторону, докладчик закончил.

— Неужели Кубань так несчастна, что не могла породить двух-трех порядочных генералов?

Фраза вызвала бурю негодования у членов Рады и у части публики.

Особенно острый отзыв она нашла в среде тех, против кого была направлена, т. е. в среде кубанских генералов.

Походный атаман и член правительства по военным делам генерал Звягинцев счел необходимым даже обратиться письменно в редакции газет с особым протестом и требованием, чтобы позорное пятно было снято Радой с кубанских генералов.

При подобном настроении начались заседания Краевой рады...

Заседание 25 октября было посвящено памяти трагически погибшего председателя Рады Рябовола.

26 октября приступили к выборам президиума, и из двух кандидатов—Сушкова и Макаренко—большинство отдало свой голос последнему, так неудачно перед этим вызвавшему раздражение кубанского офицерства.

Тут же стал известен приказ ген. Деникина о предании суду Быча, Калабухова, Савицкого, Намитокова и др. Приказ исходил от главнокомандующего и был обращен, между прочим, к кубанскому, доцскому и терскому атаманам.

В приказе сообщалось, что в «июле месяце между правительством Кубани и меджлисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение меджлиса, чем обрекается на гибель Терское войско.

Далее указывались имена подписавших договор: со стороны кубанцев—Быч, Калабухов, Савицкий и Намитоков, со стороны горцев—Топа Чермоев и др. Последняя, наиболее одиозная, часть приказа заключалась в следующем:

«Приказываю при появлении этих лиц на территории вооруженных сил на юге России немедленно предать их военно-полевому суду за измену»... (Таганрог, 25 октября 1919 года. № 016729. Деникин.)

...В заседании Рады войсковой атаман сделал доклад о мотивах, побудивших его созвать Краевую раду. Отодвинув все другие вопросы на задний план, он стал говорить о «парижской делегации», этом «яблоке раздора между Кубанью и Добрармией».

— Необходимо предотвратить катастрофические последствия приказа ген. Деникина.

II.

Но можно было считать выясненным, что главное командование Добровольческой армии, приняв однажды решение о приращении репрессий к кубанцам, шло безостановочно по намеченному пути.

Предназначены были лица для проведения в жизнь задуманного—генералы Врангель и Покровский. Оба они—не казаки по происхождению, но приписавшиеся к казакам—были приняты станицами в число своих членов. В гражданскую войну, командуя кубанскими воинскими частями, они выдвинулись одержанными победами и занимали теперь высокие должности в Добровольческой армии...

...В руках генерала Врангеля, нужно думать, сосредоточивалось верховное руководство Кубанской операцией. Непосредственное исполнение ее поручалось ген. Покровскому. Какую-то неясную роль передаточного звена между Врангелем и Покровским приписывает теперь генерал Филимонов генералу Науменко¹.

III.

27 октября Совет краевого правительства постановил считать договор дружбы аннулированным, а парижскую делегацию превысившей свои полномочия, самую же делегацию считать утратившей свои полномочия. В то же время решено было протестовать против генерала Деникина, а самый приказ признать нарушением кубанской конституции.

Кубанский войсковой атаман также срочной телеграммой протестовал против приказа, «нарушившего права кубанской краевой власти и глубоко оскорбившего правосознание кубанского народа». «Сыны Кубани не запятнали себя изменой».

Протестовала несколько позже (2 ноября) и Краевая рада, требуя отмены приказа, могущего повести «к губительному разрыву». В срочном порядке Рада постановила послать делегации на Дон и Терек. Атаман и правительство, путем посылки телеграмм, также все время стремились держать в курсе дела своих «братьев».

Но... единого фронта, несмотря на так афишируемые стремления к нему большинства Законодательной рады, не получилось.

Депутат Белашов, представитель большинства на Большом войсковом кругу, без всякой уже дипломатии, взывал к братскому чувству донцов:

«На горизонте Кубани сгустились ныне тяжелые, зловещие тучи... Мы, кубанцы, твердо надеемся, что Дон не забудет по-

¹ А. П. Филимонов, Историческая справка, «Нов. Вр.» № 738, 11 октября 1923 года.

моши, оказанной ему Кубанью в критический момент в марте месяце (когда донцы дрогнули под напором большевиков, а кубанские части были брошены им на помощь), и донцы, в свою очередь, придут к нам на помощь»¹.

Речь эта произносилась 4 ноября, когда по ходу кубанских событий нужна была бы немедленная поддержка.

Белашову отвечал от имени Круга председатель его В. А. Харламов. Обещал «семейным советом» обсудить «завтра» просьбу кубанцев. Напоминал при этом кубанской делегации об ответственности Круга при принятии решений «перед всем Донским краем», перед воинскими частями, «перед кровью, обильно проливаемой на полях битвы», «перед будущим величием России».

В Екатеринодаре между тем Рада, заговорив самое себя, продолжала выслушивать доклады, поджидая поддержки от «братьев».

После докладов Султан-Шахим-Гирея, Гочарова, Тимошенко, Иваниса настала очередь члена парижской делегации Калабухова. Очень пространно он рассказывал о том, как делегация, преодолевая различные препятствия, ехала в Париж, о ее деятельности в пути и о ее деятельности на месте, на конференции мира. Очень часто подчеркивались ее «бескомпромиссные демократические позиции». Невольно при этом у слушателей возникали сравнительные образы о том, как эти теперь сторонники «бескомпромиссного демократизма» были далеко не столь последовательными демократами, когда стояли у кормила краевого управления.

Еще 3 ноября Калабухов продолжал свой доклад, начатый 1 ноября, и огласил меморандум Быча с просьбой принять Кубань в Лигу Наций...

IV.

2 ноября 1919 года генерал Покровский издал свой приказ № 1, в котором извещал о включении Кубанского края в тыловую район кавказской армии и о вступлении своем в обязанности командующего войсками тылового района.

Рада в это время жила под тройным прессом чрезвычайно острой возбужденности. Во-первых, эта возбужденность происходила от внутренних причин. Вожди большинства, будучи, конечно, в курсе развивающихся событий и чувствуя приближение развязки, повышено нервничали, и это их состояние передавалось остальной массе стоящих за ними членов Рады. Линейское меньшинство, численно все же значительное, не было осведомлено о мероприятиях обеих готовящихся к схватке сторон, но совсем не склонно было изображать из себя приводимое на закланье стадо баранов, всячески стремилось бороться с зарвавшимся большинством и стойко отстаивало свои позиции.

Наличие на посту председателя Рады И. Л. Макаренко, одного из верховодников всей затеянной кампании в Раде, подливало

¹ «Приазовский Край», 6 ноября 1919 г.

масла в огонь взаимной неприязни и обостренного раздражения. И. Л. Макаренко никогда не отличался необходимой тактичностью и хотя бы видимостью председательского беспристрастия.

Вторым источником возбужденности в Раде являлись силы, вне Рады стоящие. Раз проявившись в виде приказа генерала Деникина за № 016729, силы эти шли к поставленной цели, не останавливаясь. И это не могло ускользнуть от внимания членов Рады и их не волновать.

Наконец, третье: влияние улицы. С улицы приходили толпы жаждущих сенсации и зрелища лица обоего пола и переполняли места для публики и для печати. Исходя, очевидно, из своих соображений, президиум широко открывал двери заседаний Рады. Среди этой проникающей на заседания без достаточного контроля публики кишмя кишели всякого рода мелкие и крупные авантюристы нездорового тыла войны и среди них, конечно, большевистские агенты...

V.

В связи с назначением Покровского командующим тылом Рады, приняв особую резолюцию, в которой содержался протест против этого, объявила, что вся гражданская и военная власть в пределах Кубанского края принадлежит исключительно органам высшей власти, установленным кубанской конституцией. Войсковому атаману и краевому правительству предложено было соблюсти неукоснительное применение кубанской конституции.

В отношении атамана здесь, как и в других случаях, сказывалась вся двойственность и ошибочность тактики большинства. Дискредитируя атамана в Раде, она апеллировала к его авторитетности при необходимости.

Конечно, из этого ничего путного не могло выйти...

...В Екатеринодар Покровский прибыл не один. С Царицынского фронта кавказской армии было снято два полка кавалерии, командиры которых были преданные Покровскому офицеры. Полки были расквартированы в станице Папковской—совсем рукой подать до Екатеринодара.

По частям телеграфных лент линии Кисловодск—Екатеринодар, приводимых Филимоновым, видно, что генерал Врангель, передавая свой приказ о назначении Покровского через Науменко 2 ноября в 10 час. 30 мин. утра за № 169, тут же подтвердил Покровскому, якобы через Науменко же, что «главное командование настаивает на срочном выполнении своего приказа», что «дальше медлить нельзя»...¹

Никто из нас, непосвященных, в тот момент не знал о столь точно сформулированных заданиях Покровскому, подкрепленных к тому же столь значительной воинской силой.

¹ А. П. Филимонов, Историческая справка, «Нов. Вр.» № 733, 11 октября 1923 года.

Несколько позже, неожиданно для себя, отнюдь того не желая, уклоняясь даже от этого, пока было можно, я имел свидание с генералом Покровским, во время которого узнал: 1) у Покровского был в руках писанный документ, подтверждавший вышеприведенное распоряжение Врангеля о невозможности промедления; 2) у Покровского были какие-то причины промедления, а в самый последний момент как будто даже колебания...

...И вот уже 3 или 4 ноября, в тот именно вечер, когда мы во временном общежитии членов Рады Лабинского отдела (на Красной улице в б. здании учреждений Союза мелкого кредита) рассмотрели, наконец, и приняли нашу декларацию и платформу Кубанского союза всероссийского учредительного собрания, — тут ко мне пришел генерал Н. М. Успенский. Я всегда относился к нему с большим уважением. Отозвав меня в сторону, он сказал, что ему известно о приглашении меня к себе Покровским и о моем отказе пойти к нему. Так вот теперь он, Успенский, пришел ко мне и советует мне пойти к Покровскому.

— Быть может, вам удастся предотвратить многое.

Посоветовавшись тут же с ближайшими политическими друзьями, я дал Успенскому согласие пойти на следующий день утром к Покровскому. Чтобы избежать всяких проволочек, я на утро пригласил к себе на квартиру своих политических друзей, а также представителя другой группы К. А. Бескровного, к этому времени уже не состоявшего членом правительства¹. Предупредив их всех, куда иду, я обещал рассказать по возвращении содержание разговора с ген. Покровским, в руках которого была в те дни судьба Кубани.

Нужно отметить, что жизнь в это время в Екатеринодаре была совершенно отравлена сыском. Кроме обычных и многосторонних контрразведок главного командования и кубанского правительства и, конечно, большевистской, действовала, по-видимому, контрразведка ген. Покровского и, нужно думать, также добровольная — а может быть, по «штатам» действующая — контрразведка большинства Законодательной рады. Неоднократно я имел случай убеждаться, что моя квартира и мои выходы находятся под перекрестным наблюдением. Приходилось сокращать обычное передвижение и все делать так, чтобы все видели — пошел туда-то сказал то-то.

У Покровского меня провели в небольшую угловую комнату, куда скоро вошел сам хозяин в черкеске и вообще одетый под настоящего кубанца.

— А, здравствуйте... Долго мне пришлось поджидать вас... Мне давно хотелось с вами поговорить.

На мое удивление, почему именно со мной, он ответил не прямо. Он — де кубанец, обстановка на Кубани чрезвычайно сложная и серьезная, нужно выйти из нее с честью. Обо мне у него

¹ Вышел в отставку 21 октября.

сложилось мнение как о человеке, искренне болеющем интересами Кубани и человеке твердом и энергичном,— вот почему он хотел со мною потолковать.

Наше толкование началось с того, что он дал мне прочитать часть вышеуказанного документа—официального письма,—написанного размашистым, незнакомым мне тогда почерком. Сложено письмо было так, что подписи нельзя было прочесть¹.

В этой части письма Покровскому предлагалось произвести необходимые действия, арестовать известных ему членов Рады (всего, помнится, около 32 человек) и придать военно-полевому суду. К этому, помню, добавлялось: «Суд должен быть скорый и исполнение немедленное».

До глубины души я был возмущен этим.

Но совершенно сдержанно я указал Покровскому, что кровью нас теперь запугать нельзя, и что я удивляюсь, почему ему нужно было привлекать и меня к этому нехорошему делу.

Покровский спохватился и снова стал уверять—лично же он не сочувствует данному направлению дела, но он получил определенное приказание.

— Но неужели вы не понимаете, что подобные действия будут иметь совершенно обратные ожидаемым результаты?— заметил я.

— О-о, знаете, виселица имеет свое значение—все притихнут.

Я попробовал спокойно обратить внимание Покровского на то противоречие, в какое впадает он, соглашаясь быть проводником подобных мер и в то же время считая себя кубанцем. Кубанец должен уважать волю своего народа, выражаемую через представительное учреждение—Раду. С искренней или деланной наивностью Покровский принялся уверять меня, что ни он, ни главное командование совсем не думает посягать на Раду и другие учреждения кубанского казачества, что он, наоборот, будет настаивать, чтобы после завершения всего намеченного Рада вновь собралась и продолжала свою работу.

— Но что же за Рада это будет? И какое правительство согласится после этого повести управление?

Покровский предложил для ознакомления заготовленный им заранее список членов «энергичного» правительства.

Каково же было мое удивление, когда во главе этого замечательного списка я увидел собственную фамилию: я—как председатель правительства, Сушков—как член правительства по ведомству народного просвещения, Успенский—по ведомству внутренних дел или военных, затем Морев—по земледелию, Дичман—по торговле и промышленности и т. д.

— Только нужно,—добавил Покровский,—выбрать энергичного войскового атамана. Александр Петрович (Филимонов) не годится.—Намек был слишком определенный.

¹ Впоследствии мне пришлось познакомиться с почерком г-на Врангеля. Думаю, что письмо было его.

Опять-таки, не давая воли естественному раздражению, я старался спокойно уяснить генералу, что все его расчеты на меня и других близких мне лиц—я назвал Сушкова и Успенского—неосновательны. Мы не только не хотим этого, но, если даже захотели бы,—мы не могли бы исполнить предназначенных нам ролей. У главного командования и у него, Покровского, может быть только следующая дилемма: или он, Покровский, агент главного командования, назначенный им генерал-губернатор,—и тогда у нас не может быть никакого другого состояния, как состояние борьбы и противодействия, или он—кубанец,—тогда он должен отказаться от взятой на себя роли и прекратить все недостойное начинание.

Я указал при этом как естественный ход событий в Раде привел уже к тому, что вожаки большинства пришли к сознанию своих ошибок, и последнее выступление в Раде П. Л. Макаренко—яркое тому доказательство. Он признал неотвратимость «поворота колеса истории в сторону «единой России».

— Да, но это сегодня, а завтра они опять примутся за свое...

У меня не было охоты распространяться на тему о значении парламентских способов борьбы с вредными крайностями, и я кратко еще раз подчеркнул, что для меня приемлем только этот путь, при другом способе действий на мое сочувствие, а тем паче на мое сотрудничество, никто не может рассчитывать.

Я высказал также свое мнение о том, что ему, Покровскому, нечего разговаривать с нами,—надлежит поговорить с теми из кубанцев, которых это дело касается ближе всего—с вожаками большинства.

— Да, но они меня боятся, они ко мне не пойдут.

Мне оставалось лишь указать нейтральное место—дворец атамана или квартиру председателя правительства, где обе стороны друг друга не боялись бы и могли бы свободно встретиться и переговорить.

На этом мы расстались.

Дома я передал весь разговор заранее приглашенным лицам и направился потом к войсковому атаману.

Последнего я застал в сильном возбуждении. Догадываясь о причине, я спросил, был ли у него Покровский. Оказывается, был и просил устроить ему свидание с членами Рады: П. Л. Макаренко, Бескровным и др. Признаться, я удивился такой сильной восприимчивости Покровского к выраженному мною мнению и передал атаману вкратце содержание нашей беседы. Нужно сказать, что атаман тоже отнесся сочувственно к идее непосредственных переговоров Покровского с названными лицами. Так мне тогда, по крайней мере, показалось. Сообщить ему, как атаману, содержание моего разговора с Покровским я считал себя обязанным. Рассчитывать же на его обратную предупредительность—на посвящение меня в ход его мыслей и намерений или на сообщение разговора его с третьими лицами, я не мог.

В вечернем заседании Краевой рады 5 ноября на очередь были поставлены какие-то вермишельные вопросы. По хлопотливой деловитости некоторых из лидеров, все предшествующие дни занятых накапливанием энергии протеста и взрыва, можно было сделать заключение, что тучи начинают рассеиваться и бури не будут.

Впечатление это настолько у меня было определенным, что я счел возможным очень рано уйти с заседания и дома пораньше лечь спать, тем более, что в предыдущие дни пришлось почти совсем отказаться от сна.

Ночью, часов около двенадцати, меня разбудил резкий телефонный звонок, а когда я взял трубку, один из приятелей, член Рады, просил меня немедленно прийти в Раду.

Двери театра, где помещалась Рада, были теперь заперты, и у входа дежурила стража. Пустили меня внутрь лишь после получения от председателя Рады особого разрешения.

В зале заседания, несмотря на поздний час, царил исключительное возбуждение. Был, повидимому, объявлен перерыв, и, не выходя из зала, депутаты обсуждали какое-то исключительное положение. На сцене между войсковым атаманом Филимоновым, с одной стороны, и председателем Рады Ив. Л. Макаренко, С. Ф. Манжулой, и еще несколькими лицами, с другой стороны, происходило какое-то бурное объяснение. Заметив там же на сцене приятеля, вызвавшего меня в Раду, я направился туда. Макаренко и Манжула громко обвиняли войскового атамана в предательстве и измене. Тот крикливо защищался и требовал к себе внимания как к войсковому атаману.

...Направляясь в зал, чтобы занять там место, я столкнулся в узком проходе с другим братом Макаренко, Петром Леонтьевичем, который в большом возбуждении, произнося бранные слова, мчался на сцену. Не успел я дойти до своего места, как председатель Рады Ив. Л. Макаренко открыл заседание и, произнеся одну-две фразы о предательстве атамана, прокричал, повторив последнюю фразу несколько раз.

— Нет у нас атамана! Нет у нас атамана!

Сам при этом был страшно бледный, а голос какой-то пискливый и придушенный.

Рада оцепенела от неожиданности и, нужно думать, от убийственного вида своего председателя.

Он, собравшись с силами, успел прокричать еще одно:

— Кому прикажете власть?..

Слабый голос подсказал было:

— Президиуму Рады...

Но тут плотина прорвалась. В виде самовозгорающегося сигнала раздалось громко:

— Так зачем же вы его выбрали!..

А потом уже сотни голосов закричали:

— Есть у нас атаман! Есть у нас атаман!

Сам собой установился перерыв.

Среди общего хаоса ко мне, помню, неоднократно присаживался П. Л. Макаренко и предлагал начать совместно действовать, чтобы выйти из создавшегося положения. Я ничего другого не мог ему ответить, как указать на слишком большое запоздание с подобным предложением. А осведомившись, что у них на роль будущего организатора сопротивления Покровскому назначен полковник Роговец, в наличии у которого даже простого мужества имелось основание сомневаться, я указал Макаренко на всю безнадежность их «предприятий».

Нужно иметь возможность в крайнем случае арестовать Покровского, а с Роговцом этого сделать, явно, не удастся.

По возобновлении заседания А. П. Филимонов, за несколько минут до того, как атаман, бесконечно униженный, учел теперь правильно перелом настроения Рады и, попросив себе слова, занял трибуну. Произнес он при этом одну из наиболее блестящих своих речей: о долге народных представителей, о своем долге—войскового атамана, о главных этапах своей деятельности и ее направлении и, наконец, о своей готовности сейчас же сложить булаву, если Раде то будет угодно.

Рада вотировала ему доверие большинством всех против одного, при двух воздержавшихся.

Ив. Л. Макаренко, при полном молчании Рады, заявил о сложении с себя полномочий председателя и удалился...

Утомленные до крайности, деморализованные члены Рады стали расходиться. Ушел и атаман. Полуопустевший зал представлял из себя печальную картину. Члены Рады разбились на кучки. Шла перебранка, доходившая в отдельных случаях до острого столкновения. Запомнилась сцена объяснения моего близкого приятеля Т. с одним из лидеров большинства, депутатом В.

— Кровь наша падет на ваши головы,—истерически вопил этот В. Никогда он раньше с нами не считался, всячески бросал в нас грязью и облыжно возводил на нас всяческие обвинения. Теперь он стремился возложить на нас ответственность за реально надвинувшуюся личную опасность...

К. А. Бескровный спокойно, проходя мимо нас, попросил меня пойти переговорить с ген. Покровским, но мне представилось это бессмысленным.

В общей суматохе я как-то не успел выяснить в ту ночь, что послужило ближайшим поводом для всего происшедшего в Раде. Последствием пришлось узнать, что ген. Покровский через атамана Филимонова предъявил Раде в виде ультиматума особое требование о выдаче ему для предания военно-полевому суду членов Рады: Калабухова, двух братьев Макаренко, Манжулы, Бескровного, Роговца, Воропинова и др.

VIII.

Все это ночное событие сказалось сильным моральным утомлением. Нужно было хоть сколько-нибудь собраться с силами, чтобы начать действовать.

Надежда на войскового атамана А. П. Филимонова была очень слабая. Но представлялась безнадежной всякая попытка в экстренном порядке произвести ломку или смену на высших постах власти.

Для реального достижения необходимо было сузить задачу: не допустить кровопролития и вывести из-под удара намеченных лиц.

За ген. Покровским установилась прочная слава жестокого человека, быть может, даже с некоторыми болезненными проявлениями жестокости. Следовательно, даже намеченная узкая цель для усилий частных лиц была бесконечно трудной.

Рано утром 6 ноября я отправился к Ф. С. Сушкову, чтобы совместно обсудить положение. Часам к 10 утра мы, совершенно того не ожидая, были приглашены атаманом «на совещание» во дворец. Здесь мы встретили членов Рады Аспидова Ф. Т. и Горбушина И. В., а также Н. М. Успенского, не бывшего членом Рады. Не успели мы обменяться между собою мнениями, как вышедший из комнаты по чьему-то вызову атаман вскоре возвратился и ввел с собою ген. Покровского.

Для нас это был в полном смысле неожиданный и нежеланный гость. Развязно поздоровавшись со всеми, он уселся рядом с атаманом и в дальнейшем повел себя так, как будто все наше «совещание» было созвано атаманом по его, Покровского, инициативе. Произнесенная им краткая речь содержала прежде всего уверенность, что ему, как кубанцу, хотелось бы полного преуспеяния Кубанскому войску, но он вместе с тем солдат и, получив приказание главнокомандующего очистить тыл армии от разлагающего ее элемента, он должен выполнить это приказание, и вот почему он настаивает, чтобы определенные лица понесли заслуженную кару.

Его интересует, что думаем мы по этому поводу.

Мы, члены Рады, высказывая кратко, все одинаково категорически заявили о своем абсолютно отрицательном отношении к мерам жестокой расправы с политическими противниками, членами Рады. В Раде мы с указанными лицами боролись, но борьба эта была чисто внутренней, и мы не можем допустить, чтобы кто-либо из посторонних вмешивался в нее, а тем более с угрозой репрессивными мерами.

Коль скоро вопрос идет об угрозе репрессиями, мы против этого можем только протестовать и с этим всеми силами бороться. Ф. С. Сушков, высказываясь, сообщил постановке вопроса еще более острую форму.

— Если вешать, то начинайте первыми вешать нас...

К высказанному нами присоединился, с обычной скромностью фразы, и ген. Н. М. Успенский:

— Чтобы не было каких-либо недомолвок...

Более пространно, и также с полным отрицанием репрессий, говорил войсковой атаман Филимонов.

Единодушные мнений смутило Покровского. Уже с меньшей самоуверенностью он заявил, что вопрос идет совсем не о рас-

праве с названными лицами, необходимо лишь их обезвредить. Он де сам против кровопролития, поэтому хорошо было бы, если бы названные лица сами отдались бы ему, а он ручается, что даже «волос не упадет с их головы»...

Сказав это, он посмотрел на часы, которые носил браслетом на руке, и более решительно заявил:

«У нас совсем мало времени». Уезжая во дворец, он отдал приказание своим полкам в такое-то время (он назвал 11 или 12 ч.) выступить из станицы Пашковской в Екатерино ар.— «Войска теперь выступили. А раз придут войска, я должен им указать цель движения». Это значит что, если к этому времени названные лица не отдадутся ему в руки, то...

— Подумайте, господа...

Сказав это, он вышел. За ним последовал войсковой атаман, и в полуотворенную дверь видно было, как они рука-об-руку ходили по малому залу (во втором этаже) взад и вперед.

По нашему общему мнению было важно прежде всего выиграть время. Попав в положение людей, которым стала известна заблаговременно подробность намеченной кампании—войска вышли, воска движутся и дойжны иметь реальную задачу, мы решили довести до сведения заинтересованных лиц и всей Рады о сущности опасности, а также решили точно сообщить требования Покровского.

При этом для всех нас его фраза о том, что «волос не упадет с их головы» в устах подобного субъекта представлялась полной двусмысленностью. Мы решили добиться от Покровского, быть может, менее торжественной фразы, но более реально сформулированной гарантии жизни членов Рады, над которыми повис «меч» Покровского.

С общего согласия Ф. Т. Аспидов взялся поехать в Раду и сообщить там и эту формулу гарантии и всю сущность разговора с Покровским.

На себя мы смотрели лишь как на могущих передать это, но какое-либо моральное давление нами совершенно исключалось.

Через несколько минут возвратился Покровский. По нашей просьбе он расшифровал свою туманную формулу, дав «слово русского офицера», что жизни указанных лиц опасность не угрожает. Вместе с тем он обещал не препятствовать сношению Рады через свою делегацию с генералом Деникиным, а до выяснения судьбы задержанных оставить их во дворце атамана.

Мы сообщили ему о готовности Ф. Т. Аспидова поехать в Раду и сообщить всю сущность нашего разговора там.

После некоторого раздумья Покровский согласился, поставив вопрос так, что остальным из нас следовало бы остаться во дворец до получения вестей из Рады.

Временный арест? Как будто бы да. Чтобы не обострять вопроса и не доводить до крайности, мы не протестовали и согласились ждать.

К дворцу пришла конвойная сотня Покровского. Увидав ее, он вышел, и мы наблюдали через окна, как, сев на лошадь,

он во главе своего конвоя отправился по направлению Красной улицы, ведущей к Раде.

Через некоторое время, не особенно продолжительное, мы заметили автомобиль и в нем: Макаренко П. Л., Манжулу С. Ф., Омельченко Г. В. и др...

Спустившись со второго этажа, мы встретились со вновь прибывшими в вестибюле дворца.

Уже идя по направлению к Раде, я встретил второй автомобиль, в котором, среди других, был также Ф. Т. Аспидов; оказывается, задержанные члены Рады попросили его поехать с ними во дворец.

В Раде, как рассказывали потом, намеченные Покровским лица передались его офицерам без инцидентов. Когда они выходили из зала, вся Рада, по предложению члена ее полк. Успенского поднялась с мест «в честь уходящих».

Другая сторона до самого последнего момента ждала, по видимому, всяческих осложнений.

Прилежавшие к помещению Рады улицы были заполнены войсками при полном вооружении. Ближайшими к Раде стояли юнкера двух расположенных в Екатеринодаре военных училищ. Ими же—юнкерами—были заняты караулы у входа в Раду и внутри ее помещения.

Обычно значение этих караулов было скорее почетно-декоративное. Занимались они казаками—отборно красивыми в живописной военной форме,—бывшими конвойцами царя, чинами гвардейского дивизиона. Теперь острие меча караула должно быть обращено против охраняемых, и генерал Покровский предпочел заменить конвойцев юнкерами.

После захвата намеченных членов Рады ген. Покровский устроил «парад войскам».

Ив. Л. Макаренко, К. А. Бескровный и полк. Гончаров успели скрыться. Горцы Султан-Шахим-Гирей и Гатогогу Мурат были подвергнуты домашнему аресту на квартире генерала из черкесов Султан-Келеч-Гирей.

Когда был арестован Калабухов, я и по сей день точно не знаю. Сколько мне помнится, Калабухова не было в числе взятых в Раде 6 ноября днем, прибытие во дворец которых мною было только что описано. Фраза Филимонова¹ о том, что «о утром» к нему «в квартиру явились внесенные в список шесть человек, в том числе и Калабухов»,—во всяком случае, страдает неточностью.

В местных газетах об обстоятельствах, сопровождавших арест Калабухова, было намечено²: «Утром 6 ноября Калабухов, посоветовавшись со своими друзьями, отдал себя в руки власти»...

...Описанный разговор с Покровским мы вели в плоскости предотвращения применения крайних мер вообще ко всем членам Рады, ареста которых добивался Покровский. Отправляемая Ра-

¹ См. Филимонов, Разгром Кубанской рады, «Архив Русской Революции».

² См. «Приазовский край» от 9 ноября.

дой делегация к ген. Деникину, в которую вошел, между прочим, присутствовавший на собрании 6 ноября Ф. О. Сушков, также имела целью ходатайствовать как об отмене приказа Деникина № 06729 о Быче, Калабухове и др., так и о предотвращении расправы с членами Рады, находившимися в Екатеринодаре, в том числе опять-таки и о Калабухове.

В отношении Алексея Ивановича Калабухова случилось худшее, от чего удалось отстоять других членов Рады.

На другой день, 7 ноября, по Екатеринодару был расклеен следующий текст приговора военно-полевого суда над Калабуховым:

«1919 г., ноября 6 дня, Екатеринодар.

Военно-полевой суд, учрежденный на основании приказа командующего войсками тылового района кавказской армии от 6 ноября № 6, в составе есаула Лычева, есаула Прудай, есаула Зекрач и есаула Хорина—рассматривал дело об Ал. Ив. Калабухове, казаке станицы Ново-Покровской Кубанской области и признал его виновным в том, что в июле текущего года он, в сообществе с членами кубанской делегации—Бычем, Савицким, Намитковым, с одной стороны, и представителями меджлиса горских народов, Чермоевым, Гайдаровым, Хазаровым, Бахмановым, с другой стороны, подписали договор, явно клонящийся к отторжению кубанских воинских частей в распоряжение меджлиса, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 100 части 3-й и 2-й ст. 101 Уголовного уложения и приговорили его к смертной казни через повешение.

Настоящий приговор подлежит представлению на утверждение командующего войсками тылового района кавказской армии. Подписи.

На приговоре резолюция: «Приговор военно-полевого суда утверждаю. Покровский».

Ген. Покровский не захотел выждать результатов ходатайства делегации Рады (Сушкова, Щербины и др.) перед ген. Деникиным об отмене приговора и вообще о недопущении жестокой расправы с членами Рады.

В ночь на 7 ноября на Крепостной площади А. И. Калабухов был повешен. На груди у казненного прикреплена была дощечка с надписью: «За измену России и кубанскому казачеству».— В газетах ко всему при этом добавлялось: «весь день к месту казни стекались громадные толпы народа»...¹

Ген. Врангель особым приказом от 6 ноября 1919 года № 357, изданным в г. Кисловодске, извещал, что, как арест Калабухова и других лиц, так и предание военно-полевому суду, произведены ген. Покровским «во исполнение отданного» им—Врангелем—«приказания».

«Пусть запомнят,—писалось в приказе,—«имена» этих «десяти изменников» «те, кто попытался бы пойти по их стопам»...

Случаем казни Калабухова, произведенной с намеренной по-

¹ См. «Утро юга» № 270—278, 6/IX 1919 г.

спешностью (чтобы не вырвали попавшуюся в руки жертву), подчеркивалась еще одна особенность зыбкого правосознания добровольчества этого периода. Калабухов был не снявший сана священник. В отношении суда над ним должны были поэтому выполняться особые канонические правила. Добровольчество, заявлявшее о своем призвании восстановить право и законность, в данном случае вопиющим образом нарушило и то и другое...

IX.

В эти дни Екатеринодар представлял собой в правовом смысле и моральном особый вид омертвелою поля.

Войсковой атаман, в лице носителя этого звания А. П. Филимонова, превратился в утеравший душу фетиш. Ген. Покровский вместе со своими офицерами хозяйничали вокруг, и вместе с тем он, Покровский, по всем наблюдениям, был постоянным гостем в семье у А. П. Филимонова. Данное нам 6 ноября обещание оставить задержанных членов Рады во дворце, Покровский, конечно, не сдержал и перевел их в частный дом поближе к своей квартире. Спрошенный нами по этому поводу Филимонов ответил, что таково желание Покровского, а для него атамана, неудобно и беспокойно оставлять арестованных во дворце.

Краевое правительство, возглавляемое П. И. Курганским, который лично взял на себя также руководство работой ведомства внутренних дел, после ухода в отставку Бескровного, — это правительство, бывшее недавно слепым орудием в руках большинства Рады, в эти дни ни в чем не проявляло себя. Оно как будто бы совсем отсутствовало. Дошло дело до того, что офицеры Покровского реквизировали для нужд своего шефа автомобиль председателя правительства. Заставляли говорить о себе усилия последнего получить свою машину обратно.

В Раде как-то подходит ко мне один из членов правительства, так многословно в предшествующие дни доказывавший экономическими выкладками возможность существования самостоятельной Кубани. Теперь этот «министр» малодушно просил совета, как быть ему, и безопасно ли для него будет временно спрятаться у другого министра, по его мнению, не скомпрометировавшего себя в глазах Покровского. Еще один член правительства, более «предприимчивый», тут же похвастался, что он успел уже побывать у Врангеля, сделал ему, как только тот прибыл в Екатеринодар, доклад о работе ведомства по снабжению армии, и что ген. Врангель выразил удовлетворение «работой его ведомства».

В городе, в крае производились чьим-то именем аресты, насилия, схватывались люди, сажались в тюрьмы, среди семей схваченных царил паника, что те бессудно погибнут. Теперь приходится читать, что «главное командование озабочилось формированием в Екатеринодаре офицерского отряда до 200 человек». «В ночь на 5 ноября начальник этого отряда полковник Карташев (тот именно, который служил в ведомстве внутренних

дел кубанского правительства) занял офицерскими заставами вокзал, главные площади, улицы и окружил караулами с пулеметами здание Краевой рады»¹ и т. д.

В те дни можно было лишь догадываться о привлечении «к работе» этого специалиста по сыску и провокации.

«В такие часы трудно писать»,—заявлялось в местной газете. Но, «как бы ни стали тяжелы условия работы Краевой рады, она должна остаться на своем посту до окончательной ликвидации назревшего хирургическим путем вскрытого кризиса. Кризис должен быть разрешен и ликвидирован с сохранением максимума народных прав». А в заключение: «Да не будет больше казней и арестов».

Это была общая формула ближайшей задачи момента—не допустить больше казней, восстановит краевую власть атамана и правительства.

Только Рада, пусть униженная и оскорбленная, только она и через нее можно было добиться восстановления нормального режима в крае.

В Екатеринодар прибыл из Кисловодска 7 ноября ген. Врангель, верховный руководитель всей «кубанской операции». Рада постановила «просить» его об освобождении из-под ареста задержанных Покровским лиц, дабы установить над ними суд, положенный по «кубанской конституции».

«Сегодня, наконец, мне удалось исполнить давнишнее свое желание довести до сведения Краевой рады голос моей армии»,—так начал свою речь ген. Врангель, заняв трибуну Рады по прибытии в ее заседание. Подчеркнув в дальнейшем свою «полную уверенность», что Краевая рада, «истая представительница родной Кубани, истый хозяин кубанской земли, поймет нужды «армии», и, «как заботливая мать сыну», поможет ей,—ген. Врангель риторически воскликнул: «К сожалению, не от меня зависело, что голос армии не мог дойти до вас (Рады),—были люди, которым было это на-руку».

Следовало затем обвинение Законодательной рады в невнимании к нуждам армии и лично к нему, ген. Врангелю. Законодательная рада «не удостоила его приглашением, чтобы выслушать его пожелание». «Сейчас тех, кто позорил Кубань, отрекся от общей матери-России, к счастью, здесь нет». Суровый приговор высказан тем, кто своими делами чернил великое дело «воссоздания Великой России», «ценою великой крови» Кубани.

«Я глубоко преклоняюсь перед широкой областной автономией и правами казачества,—подчеркивалось дальше. «Никогда я не позволю себе посягнуть на эти права, но я обязан спасти армию... И я просил ген. Покровского изъять тех, кто губит великое дело спасения России»...

В заключение он счел своим долгом сказать, не как политик, а как «командующий армией» и «честный человек», «в чем зло».

«Лишь тогда армия получит помощь, когда атаман и краевое

¹ См. фон-Дрейер, Крестный путь во имя родины, стр. 74.

правительство будут иметь возможность пользоваться полнотою своей власти и будут ответственны лишь перед вами, гг. члены Краевой рады, перед истинным хозяином земли кубанской»...

В последних словах заключалась особая «конституционная» программа командования в отношении Кубани. Атаман и правительство ответственны лишь перед Краевой радой без наличия Рады законодательной.

Отвечавший ген. Врангелю от имени Рады Дм. Алексеевич Филимонов (однофамилец атамана) пропустил мимо ушей эти конституционные проекты генералов. Подчеркнув всегдашнюю заботу Рады об армии, он перенес центр тяжести на то, «чтобы жизнь Кубанского края не омрачалась никакими событиями». «Нас волнует участь задержанных членов Краевой рады». «Они, недавние сотоварищи по работе, есть плоть от плоти и кость от кости кубанского казачества». «Мы не можем без душевного содрагания не волноваться за их судьбу». В заключение Филимонов изложил просьбу Рады отпустить задержанных, чтобы судить их своим конституционным порядком.

Рада избрала особую делегацию к нему, чтобы настаивать на исполнении просьбы. В то же время в президиум не выясненным путем попала особая записка на клочке бумаги, в коей была изложена просьба—притти вечером к ген. Врангелю в вагон человекам 7—8 из членов Рады,—фамилии их указывались (между прочим и моя).

Избранной Радой делегации ген. Врангель заявил о твердом своем решении «не оказывать послабления в отношении захваченных членов Рады». Безнадежность, с какой возвращались от Врангеля члены делегации (мы их встретили по пути к Врангелю), была такая полная, что некоторые из нашей группы даже заколебались, стоит ли идти рисковать своим именем. Но сознание, что новая беседа с Врангелем и при этом по его инициативе (или лица близкого к нему) давала лишний шанс, заставило подчиниться этому все другие соображения, и паша группа пошла...

...Врангель тогда указал, что главному командованию важно иметь уверенность в обеспеченной твердой и устойчивой власти на Кубани, что колебала эту власть Законодательная рада, поэтому необходимо уничтожить эту причину.

В заключение своих слов он взял со стола лежавший перед ним пакет и, развернув его, передал мне, ближе к нему сидящему. Оказывается, это был заранее заготовленный проект кубанской конституции с изменениями в ней, сообразно желаниям главного командования. При этом Врангель дал понять, что согласие Рады на принятие этих изменений повлечет за собой перемену в судьбе арестованных членов Рады.

Его при этом вызвали к прямому проводу для переговоров со ставкой главнокомандующего. Уходя, он попросил нас тем временем ознакомиться с «проектом», чтобы по его возвращении рассмотреть вопрос всесторонне.

В предложенном им проекте Законодательная рада исключалась. Войсковой атаман, избираемый Краевой радой, перед

ней же несет ответственность, а правительство назначается войсковым атаманом, перед коим и несет ответственность. Таким образом новостью проекта было лишь то, что вместо неустойчивого правительства предлагалось создать неустойчивого атамана. Вотум недоверия атаману мог повлечь за собой и его отставку и отставку правительства. У атамана оставалось право роспуска Рады, но при вторичном вотуме недоверия он все равно должен был подавать в отставку. Совершенно очевидной была широкая возможность всяческого произвола и внутренней борьбы. Нам нетрудно было, по возвращении в вагон ген. Врангеля, уяснить ему эти несообразности проекта.

Совершенно определелась при этом вся нагота «твердости» наших диктаторов.

Или изменение конституции, или... жизнь одиннадцати заваченных членов Рады...

Пришлось раскрыть общую неудовлетворенность самих кубанцев своей конституцией, то, что ее исправление является назревшей задачей. При данном положении посторонний нажим принесет лишь большой вред, ибо придаст естественному пересмотру конституции характер вынужденности.

Врангель, проникаясь будто бы сам этими доводами, дал понять все же, что в данном вопросе он не может действовать самостоятельно, и спросил при этом, сколько времени нам могло бы потребоваться для естественного прохождения через Раду вопроса о конституционных изменениях.

Мы ответили, что около недели.

— «Ого!»,—вмешался тут в разговор вошедший незадолго перед тем ген. Покровский.—Не думаю, что тем, о ком вы хлопчоте, будет особенно приятно целую неделю выжидать ваших решений, зная приговор военно-полевого суда... И указал при этом, что им уже отдано распоряжение изготовить одиннадцать виселиц. Аргументация была сильная. Пришлось согласиться доложить Раде о требуемых конституционных изменениях в спешном порядке—«в течение суток».

Нам ставилось условие—уничтожение Законодательной рады. Мы обязывались ознакомить ген. Врангеля с общими принципами изменений, на которые согласится Рада до его отъезда из Екатеринодара, назначенного на после полудня на следующий день.

Когда мы, уходя, попросили разрешить двоим из нас посетить заключенных и успокоить относительно их дальнейшей судьбы, то ген. Врангель, отклонив нашу просьбу, дал нам слово сделать то же своими средствами. Впоследствии говорили, что никакого суда до того момента над заключенными и не было. Ген. Покровский прибег к своей аргументации лишь для побуждения нас к большей сговорчивости. Ген. Врангель, повидимому, знал это, но промолчал...

Мы получили на руки конституционный проект главного командования. Он был написан крупным почерком почти без помарок. Знающие люди говорили, что это почерк проф. С—ва, «творца всяческой хитрой механики» при глазном командовании.

Всю ночь у меня на квартире занимались мы составлением проекта изменений краевой конституции. Утром были привлечены к работе радянские юристы, а в дневном заседании Рады изменения были приняты.

Кубанская Краевая рада объявляла:

«Кубанский край мыслит себя неразрывно связанным с Единой Великой Свободной Россией».

«Население Края сохраняет непоколебимое решение вести борьбу до конца в твердом союзе с Добровольческой армией и всеми силами, борющимися за возрождение России через всероссийское Учредительное собрание».

Сущность конституционных изменений сводилась к тому, что вместо двух Рад, с плохо разграниченными функциями, устанавливалась одна Краевая рада, избираемая «на основании особого закона». Для сохранения независимости атамана проектировалось создание особого Собрания—Атаманской рады—с единственной функцией—избрание войскового атамана на определенный срок. Правительство ответственно перед Краевой радой. У атамана оставалось право роспуска Краевой рады, но вторичный вотум вновь собранной Рады недоверия правительству обязывал атамана переменить последнее.

Получив «пункты» с изменениями конституции в руки, ген. Врангель уехал из Екатеринодара.

Таким образом Кубани было суждено испить до дна чашу унижения: то, что она сама собиралась сделать, что являлось естественным в результате пройденного опыта, ее заставили сделать под угрозой опустить меч на головы «непокорных».

Мни кровь или право!

«Быстрыми, чрезвычайно решительными действиями ген. Покровский выполнил мои приказания»,—в таких словах подвел итог своей деятельности в избирательные дни на Кубани ген. Врангель, беседуя с сотрудником Руссагена в г. Таганроге 10 ноября¹.

Позже, в книге, написанной с прозрачной целью возвеличения ген. Врангеля и обеления его в ошибках, неоднократно будет подчеркнуто, что Врангель не сочувствовал вооруженному вмешательству в кубанские дела².

Приведенные здесь документы и заявления говорят о другом или, во всяком случае, об ином изображении своей роли самим ген. Врангелем.

Нужно сказать, что вообще обстановка гражданской войны глубоко извратила общечеловеческие понятия о добре и зле, а также понятие о праве и справедливости.

Перебирая старые газеты того времени, я попал на такого рода, например, телеграмму Черноморской земской управы ген. Покровскому:

¹ См. «Приазовский Край», 12 ноября 1919 года.

² См. фон-Дрейер, Крестный путь во имя родины, стр. 76.

Управа приветствует за «проявленную вашим превосходительством твердую государственную власть в отношении предателей родины и ходатайствует о столь же энергичных мерах к устранению экономического гнета кубанцев путем установления воспрещения свободного пропуска в Черноморскую губернию продовольственных продуктов и фуража. Председатель Пелетич». Виселица, как атрибут твердой государственной власти и как сильное средство воздействия на кубанцев... для обеспечения черноморцев фуражом...

И еще одно:

7 ноября в 10½ ч. утра, именно тогда, когда Екатеринодар был придушен разыгравшимися событиями, когда на Крепостной площади висело тело члена Рады Калабухова, а делегация кубанской краевой Рады хлопотала о свидании с ген. Деникиным, в целях предотвращения казней, тогда именно Донской войсковой круг торжественно принимал ген. Деникина на своем заседании. Председатель Круга В. А. Харламов приветствовал ген. Деникина, а этот последний, отвечая ему «необыкновенно взволнованной речью»,—как отмечали газеты,—косвенно признал, что «из уважения к автономии Кубани, быть может, не следовало бы издавать приказ о предании военно-полевому суду лиц, подписавших «договор дружбы»...¹

...Краевой раде прежде всего необходимо было самой организовать и создать внутренний распорядительный и рабочий аппарат.

9 ноября Рада избрала меня своим председателем, дав мне такое большинство, каким не проходил ни один из моих предшественников (из общей массы черных, помнится, было всего что-то около 90 шаров).

На следующий день 10 ноября войсковой атаман А. П. Филимонов принес в Раду и положил на стол президиума атаманскую булаву...

...Нужно было избрать атамана, чтобы восстановить другое звено высшей власти в крае.

...Делегаты от всех радянских групп отправились на квартиру более вероятного кандидата из наметившихся, к Н. М. Успенскому, и просили его высказаться по поводу злободневных вопросов. Взгляды его оказались приемлемыми для всех, а слову его верили. На утро решено было подвергнуть его кандидатуру баллотировке в Раде.

Ген. Покровский, о котором говорили, что он «спит и видит» атаманскую булаву в своих руках, попробовал было предпринять некоторые шаги в свою пользу, прислал записку в президиум, чтобы разрешили ему выступить в Раде,—но эта попытка была прекращена в корне.

При баллотировке Н. М. Успенский получил 358 избирательных голосов из 404 голосовавших членов Рады.

¹ «Утро Юга» № 253—231, 12/XI 1919 г.

Появившись в Раде после принесения присяги и получения булавы, новый атаман с трибуны заявил:

— Я, как гражданин и кубанский казак, глубоко оскорблен и потрясен событиями последних дней. Я сделаю так, чтобы никакие посторонние силы не мешали нам строить нашу жизнь так, как нам угодно.

Краевая Рада, по предложению представителя Ейского отдела полк. Приходько избрала нового атамана своим почетным председателем,—случай, дотоле небывалый в Раде.

С избранием Н. М. Успенского атаманом Кубань как будто вновь начала приобретать твердую почву под ногами.

Ген. Покровский на следующий же день выбыл из Екатеринодара. Деятельность всех таинственных карташевских организаций стала преследоваться и скоро совсем замерла.

Довольно долго не могло сформироваться краевое правительство, потом и эта задача разрешилась при председателе Ф. С. Сушкове.

Непосредственно пострадавшие от «механического воздействия» на Кубань—арестованные члены Рады немало занимали внимание нового атамана.

Главное командование настояло на высылке арестованных в Новороссийск для дальнейшего следования за границу. Успенский добивался от главного командования, по крайней мере, достаточного обеспечения средствами высылаемых за границу. Ген. Деникин резко оборвал переписку, и это послужило поводом для Успенского заявить, что он отказывается от предполагавшегося после его избрания свидания с главнокомандующим...

ДОБРОВОЛЬЦЫ И ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ.

I.

Канун погрома. Погром.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что путь передвижения Добровольческой армии—это погромный путь, все равно, идет ли речь о победном шествии (в июне—октябре 1919 года), или о паническом бегстве при отступлении (декабрь 1919 г.—февраль 1920 г.).

«Вступление N-ой части Добровольческой армии ознаменовалось у нас погромом и тем же закончилось отступление»,—таковы стереотипные реляции из большинства мест, о которых у нас имеются сведения (Бобровицы—Черниговской губ., Богуслав, Городище, Корсунь, Черкассы, Смела—Киевской губ., Томашполь—Подольской губ. и т. д.). Там, где ступила нога Добровольческой армии, везде мирное еврейское население сделалось предметом жестокой расправы, неслыханных насилий и издевательств. Этот путь Добровольческой армии лежал, главным образом, по железнодорожным магистралям. В силу общих стратегических соображений и особенностей гражданской войны, которая велась вообще не сплошным фронтом, а вдоль железнодорожных и водных путей, занятие Добровольческой армией, по мере ее продвижения с востока на запад (и с севера на юг) какого-либо железнодорожного пункта, особенно узлового, означало очищение советской (или петлюровской) армией целой полосы территории восточнее (или севернее) этого пункта, которая, таким образом, доставалась победителю без боя. Механически были завоеваны большие площади территории одним фактом занятия железнодорожно-стратегического пункта; не было никакой необходимости выбивать противника из большинства мест; мирно занимали их исправники и стражники. И это обстоятельство, при усиленном стремлении командования Добровольческой армии бросками и наскоками достигнуть возможно скорее центра России, Москвы, оставляя даже незакрепленным тыл, спасло много еврейских общин от разгрома и уничтожения, неизбежного при непосредственном военном занятии Добровольческой

¹ Из книги Н. И. Штиф, Погромы на Украине, Берлин, 1922 г.

армией какого-либо пункта. Таким образом, проследив путь наступления Добровольческой армии с востока на запад, т. е. с Ростова на Киев по продольным линиям, ведущим к Киеву (через Харьков, Полтаву, Ромодан в центре, через Сумы, Конотоп, Нежин севернее, и через Знаменку, Фастов южнее), по поперечным линиям, соединяющим эти главные магистрали (особенно по линии Бахмач—Черкассы), а также на север (Киев—Чернигов) и на юг (вытеснение петлюровцев по линии Киев—Казатин), мы получаем, так сказать, наглядную географию погромов. Большинство разгромленных пунктов расположены непосредственно у соответствующих железнодорожных станций (Конотоп, Нежин, Бобровицы, Кременчуг, Черкассы, Хорол, Прилуки, Белая Церковь, Фастов и т. д.) или близко примыкают к железнодорожным станциям (Канев, Степанцы, Богуслав, Межиричи, Россава, Таганча—Каневского уезда, Гостомель, Макаров и т. д.—Киевской губ., Борзна, Новый Мглин, Остер и т. д.—Черниговской губ.). И обратно: по погромным кровавым следам можно почти безошибочно восстановить пути наступления и отступления Добровольческой армии, установить даже моменты ее удач и поражений.

На этом пути, по мере продвижения вглубь бывшей «черты оседлости», в гущу городов и местечек, населенных по преимуществу евреями (особенно в Киевской губ.), можно заметить определенное нарастание погромной волны. С ростом самоуверенности и надежды на окончательную победу Добровольческой армии, разжиганием в ней звериной юдофобии силами извне и с укреплением убеждения в полной и безнаказанности, погромная практика усложняется и обогащается новыми целями и приемами. В этом смысле можно установить три погромных периода.

1. Период так называемых «тихих» погромов (Харьковская, большая часть Полтавской и Екатеринославской губерний в июне и июле 1919 г.), характеризующихся непрерывными изо дня в день нападениями на отдельных евреев и налетами на отдельные еврейские квартиры, дающими, однако, в общей сумме, благодаря длительности таких погромов (месяцами в Харькове, Екатеринославе, Киеве и др. местах) значительное число пострадавших. Главная цель—легкий грабеж (денег, драгоценностей, легко уносимых вещей); убийства бывают здесь сравнительно редко и то под видом преследования коммунистов или мести их родственникам, квартирохозяевам, знакомым. Самое тяжелое в этих «тихих» погромах, это—насилия над еврейскими женщинами, которые, чем дальше, тем все более начинают принимать массовый характер в этот период (особенно в Екатеринославе).

2. Период массовых погромов (западная часть Полтавской губ., южная часть Черниговской и восточная Киевской губ. в августе). В течение двух-трех дней идет массовый грабеж; у всего еврейского населения отбирается все, до одежды и обуви на теле, основательно очищаются еврейские квартиры,

до пианино и кухонной утвари, а также торговые заведения, и все это увозится, грузится в воинские вагоны, отчасти распродается тут же на аукционе местным и окрестным крестьянам. Рядом с грабежом здесь идет уничтожение еврейского имущества, всего того, что трудно или невыгодно увозить, частичные поджоги и отдельные убийства (от смерти можно, однако, откупиться более или менее солидным выкупом); изнасилования принимают массовый характер.

3. Период кровавых погромов или резни (Киевская и Черниговская губ. в конце августа и в сентябре, Подольская губ. при отступлении в январе—феврале 1920 г.). Ко всем вышеупомянутым атрибутам прибавляются массовые жестокие убийства еврейского населения. Погромы этого типа имеют место, главным образом, в пунктах, переходящих из рук в руки, зачастую по несколько раз (Борзна 5—6 раз), как бы в «отместку» за «беспокойство», за кратковременные неудачи, при неизменных провокационных слухах о «еврейской стрельбе» по Добровольческой армии из домов и засад (Нежин, Борзна, Новый Мглин—Черниговской губ., Фастов—Киевской губ. и т. д.), особенно в пунктах по пути отступления (Кривое Озеро, Томашполь, Саврань и другие местечки Подольской губ., равно как многие места Киевской губ.).

Погромный стиль не всегда выдержан как в смысле периода, так особенно в смысле провокационных поводов (например, беспричинная резня в Россаве Киевской губ. 25 августа при самом вступлении Добровольческой армии в село), но в общем схема этого соответствует тому, что нам до сих пор известно о погромах, учиненных Добровольческой армией.

После сентябрьского катастрофического периода намечается некоторый перелом, и опять-таки в связи с положением фронта. Энергия наступления Добровольческой армии начинает выдыхаться: в западной части Киевской губ. (от линии реки Ирпень через Бердичев и т. д.) и в северной части Черниговской большевики укрепляются и начинают уже теснить Добровольческую армию. Западная половина Волынской и Подольской губерний занята поляками, отчасти галичанами (район Винницы), юг (Херсонская, отчасти Подольская губ.), где оперирует армия барона Шиллинга, совершенно оторван от севера Украины, так как часть Екатеринославской и Таврической губ. отрезывается бандами Махно. Силы Добровольческой армии, оперировавшие раньше на Украине, бросаются на север и восток; борьба идет, главным образом, на путях к Москве, в чисто русских губерниях (с незначительными еврейскими колониями)¹. В связи с этим погромная волна падает. За отсутствием новых мест остается только добывать старые, давно занятые, где главное дело уже сделано; наступает погромный штиль, идет «тихий» погром.

¹ Эти еврейские колонии не забываются, однако, Добровольческой армией, которая устраивает резню в Балашове (1/14 июля), в Ельце (31 августа—7 сентября), в Козлове, Орле и т. д.

Новый погромный взрыв, начиная с декабря 1919 года, связан уже с агонией Добровольческой армии, ее паническим бегством перед наступающими армиями большевиков. Наступает период повторных массовых погромов (местами в 3-й, 4-й и т. д. раз) уже ранее разгромленных пунктов (Борисполь, Ставище, Смела, Городище, Монастырище и др.). Часть армии Бредова пытается прорваться в Румынию и, не достигнув цели, поворачивает вдоль Днестра и устраивает ряд погромов в Подольской губ. (Томашполь, Ямполь, Джурич, Мясковка, Яруга, Вербка и т. д. в феврале 1920 г.). И еще в апреле 1920 г., ко времени наступления Петлюры вместе с поляками на Украину, мы встречаем старых наших погромщиков, остатки донских и кубанских частей, устраивающих резню в Калюсе (Подольской губ.), на этот раз на службе... у Петлюры и поляков.

Раньше чем перейти к более детальной характеристике погромной работы Добровольческой армии и результатам этой работы в еврейской жизни, остановимся на одном явлении, которое характеризует отношение Добровольческой армии к еврейскому населению вообще и в частности проливает некоторый свет на открывающуюся после этого серию погромов. Мы имеем в виду заложников, взятых Добровольческой армией из еврейской среды. Этот прием, испробованный уже царским режимом во время последней мировой войны и им же осужденный, был воскрешен теперь, как мы еще увидим ниже, в ряду других приемов объявления всего еврейского населения «врагами России» и возвращения его в прежнее положение бесправия и рабства. 18 и 19 июня (1—2 июля) 1919 г. в г. Валках (Харьковской губ.) были арестованы в качестве заложников от еврейского населения 11 лиц (Шлезберг, владелец магазина часов и золотых вещей; Гликин, портной; Кац, студент; Брандес, женщина-врач, и др.) в ответ на заложников, взятых большевиками при отступлении из разных мест из среды имущих кругов без различия национальнойности (христиане и евреи). Пятеро из этих заложников-евреев работали временно среди своих русских товарищей на огороде, организованном группой членов Харьковского вегетарианского общества. Представитель этой группы Григорий Хвостатый заступился за них и получил от офицеров следующие ответы: «мы имеем не против огородников, а против национальности» и... «все жида—большевики, их можно резать и убивать» (помощник коменданта). Один из заложников (Гликин) расстрелян 20 июня (3 июля), другой (Шлезберг) сошел с ума; остальные были освобождены 1/14 июля. Добровольческая армия в этот период только начала развивать серьезное наступление, на всех перекрестках трубила о своем демократизме и равном отношении ко всем национальностям, а метод заложников, повидимому, был признан свыше неудобным. Рядовое казачество и офицерство нашло более простое, но более испытанные и более прибыльные методы укрощения «врага», и тут же в Валках устроило погром.

Известные круги еврейского населения, принадлежавшие к

торгово-промышленному и посредническому классу, склонны были, после советского коммунистического режима, видеть во власти Добровольческой армии «свой» режим, несущий с собою начала незыблемой частной собственности и свободной торговли; значительная же часть еврейского населения, терроризованная непрерывными погромами и нападениями разных банд, независимо от своих экономических интересов и политических симпатий, наивно желала видеть в Добровольческой армии оплот «права и порядка», с тоской ожидала от Добровольческой армии установления твердой власти и избавления от погромов. Это ожидание вылилось в форму радушной встречи Добровольческой армии, депутатов, выходивших навстречу вступающим частям с хлебом-солью, угощения этих частей, значительных пожертвований в пользу армии. И тут уже с самого начала начинается жестокое разочарование. Укажем здесь на некоторые случаи. Третьи еврейская депутация в Борисполе (Полтавской губ.) подносит хлеб-соль вступающей части (25 августа 1919 г.), все не попадая к начальнику отряда, и на распросы о местопребывании последнего получает в ответ: «хлеб-соль вам не поможет, жидовские морды». В Бобровицах (Черниговской губ.) вступающую разведку (2 сентября) окружают некоторые местные жители христиане и евреи. Последние выражают свою радость по поводу избавления от погрома, который угрожал им от оперировавших в этом районе банд Ромашко, но им ничинно заявляют: «Чего жида радуются, приедут наши, все равно их перережут». И тут же, как в этих случаях, так и в других, начинается разгром еврейского населения, насилия, убийства. Не помогает обед, данный вступающему отряду на еврейские деньги на квартире еврея (м. Павлочъ, Киевской губ., 17 октября), систематическое кормление казаков (Фастов, Киевской губ.). Жестоко расплатилась еврейская депутация м. Корсуни (Киевской губ.): 24 августа большевистская власть ушла; в городе известно было, что отряд Терской пластунской бригады отправляется делегация из 4 христиан и 3 евреев приветствовать отряд и просить его занять город. 25 августа в город входит небольшой отряд, радостно встречаемый русским и еврейским обществом (с раввином во главе). Тут же устраивается митинг, произносятся речи, причем торжественно заявляется, что мирное население может быть совершенно спокойно, никаких насилий не будет, население призывается к спокойствию и терпимости и т. д. На следующий день (26 августа) местные большевики вновь захватывают город на несколько часов, и двое из несчастной еврейской делегации расплачиваются своей жизнью за симпатии к Добровольческой армии (Шейнблом и Славутский, третий скрылся). В тот же день большевики вытесняются отрядом пластунов, и тут же начинаются погром и резня, причем погибает в ужасных муках, буквально растерзанный на части, раввин, участвовавший накануне во встрече отряда. В большинстве случаев расправа с еврейским населением

начинается с депутации же. В Кагарлыке (Киевской губ.) еврейская депутация была принята «благосклонно», но не успел начальник отряда отвернуться, как его солдаты ограбили всех ее членов (29 августа); в м. Кобище (Черниговской губ.) еврейская депутация, отправившаяся на вокзал, была ограблена, раздета донага и жестоко избита (14 сентября), а в м. Макарове (Киевской губ.), оставленном почти всем еврейским населением (4000 душ) вследствие ужасающего перманентного погрома от банд (с июня по конец августа), была изрублена на части еврейская депутация из 17 глубоких старцев (из числа оставшихся в местечке 200 старух и стариков).

Во всех этих случаях жестокие насилия над депутациями служат как бы сигналом к массовому погрому и резне. Вступающая часть, в большинстве случаев казаки, немедленно по вступлении рассыпаются группами в 5—6—10 человек по городу, часто вместе со своими офицерами, грабят по пути встречающихся евреев, раздевая их донага, жестоко избивает, в отдельных случаях наносит тяжелые раны холодным и огнестрельным оружием, режет, расстреливает и заставляет свои елдержавшиеся на ногах жертвы показывать им квартиры наиболее богатых евреев и еврейские квартиры вообще (во многих случаях роль проводников добровольно берут на себя местные хулиганские элементы, которым кое-что тоже перепадает в кровавом пиру). В еврейских квартирах казаки начинают с требования выдачи им денег, драгоценностей (золота и серебра) и ценных вещей вообще. На-смерть запуганное еврейское население, в большинстве случаев имеющие уже богатый погромный опыт, немедленно, без всяких возражений и сопротивления, выкладывает все содержимое карманов, ящиков, шкафов и т. д., которое тут же переходит в карманы и мешки казаков. Людей заставляют скинуть с себя все, часто до последней рубахи. Но гости обычно этим не удовлетворяются: начинается доискивание мнимо или действительно спрятанного добра; угрозами расстрела, избиваниями шомполами, прикладами и мучительнейшими пытками (подвешиванием и др.) заставляют указывать спрятанное, и, не доверяя указаниям или недовольные ими, гости разваливают печи, стены, срывают полы, выпускают пух из перины, разносят чердаки, погреба, вырывают глубокие ямы в оголенном полу, во дворе. Недовольство выданным и найденным, особенно подозрение в «ловкой утайке» (после всех этих приемов разыскивания) влечет за собою мучительнейшие изувечения, убийства: откупиться можно только солидным выкупом, который заставляют занять у соседних христиан. Среди неопишемого ужаса, воплей женщин и детей, стонов раненых, звона разбитых стекол, треска и грохота ломаемых вещей, печей, стен, отдыхающая часть гостей насилует женщин, не разбирая возраста, тут же на глазах у родителей, детей, мужей, уступая потом свое место «работающей» группе. Часто женщины уводятся с собою. Всякое сопротивление как жертвы, так и присутствующих, неизбежно кончается убийством. Затем забранное «жидовское» добро уклады-

зается на телеги, свои или крестьянские, на грузовики и увозится на вокзал, где грузится в воинские вагоны. В отдельных случаях добыча здесь же передается женам, прибывшим на свидание с Дона и Кубани (Белая Церковь). Ненужное или слишком громоздкое разбивается, ломается в щепки или милостиво предоставляется, как законная доля, местным хулиганам или крестьянам, съехавшимся с возами и мешками на богатый пир. Очередь за жилищем жертв: ломаются окна, двери, вырываются дверцы печей, дом обращается в необитаемое жилище, часто он тут же поджигается. На смену одной группе приходит другая, третья и т. д. Вид несчастных жертв, разгромленного дома несколько не убедителен: попрежнему, требование денег, драгоценностей; ссылка на работу предшествующей группы и действительная неудача новой приводит в звериную ярость и влечет за собою дальнейшие пытки и расплаты жизнью оставшихся жертв, не успевших или не смогших более скрыться после первого нашествия. Обезумевшее еврейское население, полунагое и босое, в ужасе и отчаянии мечется по улицам, по которым идет форменная охота на несчастных беглецов, перебегая из дома в дом, везде встречая описанную уже картину разгрома, часто еще в полном разгаре, ища какой-нибудь лазейки, яврага, дыры, кустарника, чтобы спрятаться, бежит в леса. В лучшем случае спрячет у себя сосед христианин, но не надолго; распускаются слухи, угрожающие расправой, за «укрывательство жидов», и напуганный добрый христианин часто видит себя вынужденным предложить беглецу оставить дом. Так продолжается «законные 3 дня», в течение которых, по заявлениям казаков, им разрешено «погулять» и которые, в зависимости от успешности работы, тянутся меньше или больше. За это время находятся смельчаки, пробирающиеся с риском для жизни к начальству с жалобами. Здесь им, в зависимости от личных симпатий, настроений и государственного ума начальника гарнизона, отряда или коменданта, читается строгое внушение на тему о «жидовских комиссарах», о большевизме всего еврейского населения, о зле, причиненном евреями России и Добровольческой армии, предлагается «добровольно» внести солидную лепту в пользу Добровольческой армии, на угощение казаков, в награду за обещанную охрану и т. д. Даются уверения в том, что «меры приняты», уверения, сопровождаемые часто откровенными указаниями или намеками на бессилие начальства ввиду «законного» озлобления казаков против евреев-большевиков; часто издаются при этом приказы о прекращении «насилий». Все эти «меры» и «приказы» обладают тем свойством, что несколько не являются убедительными для громовщиков, отлично знающих свое начальство и потому открыто смеющихся над ними: погром продолжается до своего естественного конца, наступающего обычно в тот момент, когда громить больше нечего; в большинстве случаев «приказы» являются прямо запоздалыми, изданными после этого естественного конца (приказ полковника Сахарова в Белой Церкви 1/14 сентября, т. е. через 2 недели

после начала погрома). Затем оставшиеся в живых выползают из своих нор и убежищ, чтобы подобраться на улицах, в домах, в погребах изуродованные до неузнаваемости, объединенные (на улице) свиньями и собаками трупы замученных и предать их земле в братских могилах, подвергаясь во время этого печального занятия новым насилиям и издевательствам (изнасилование 15-летней дочери кладбищенского сторожа во время похорон жертв погрома в Бобровицах, Черниговской губ.). Наступает «успокоение»: вместо прежних массовых грабежей и урбийств идет так называемый «тихий» погром, т. е. отдельные нападения на евреев, на которых еще осталось кое-что из одежды, белья, обуви, и налеты на еврейские квартиры. С наступлением сумерек на улицах стоит жуткая тишина, никто из евреев не показывается на улицу, обычно они собираются десятками семей в уцелевших домах, которые превращаются в маленькие крепости. Среди этой жуткой тишины раздаются вдруг то здесь, то там выстрелы и вслед за ними душу раздирающие крики. Вот как описывает картину такой ночной жути редактор «Киевлянина» В. В. Шульгин, идейный вдохновитель погромной работы Добровольческой армии, а потому отнюдь не склонный преувеличивать ужасы этой работы:

«По ночам на улицах Киева наступает средневековая жуть. Среди мертвой тишины и безлюдья начинается душу раздирающий вопль.

Это кричат «жиды». Кричат от страха. В темноте улицы где-нибудь появится кучка пробирающихся «людей со штыками», и, завидев их, огромные многоэтажные дома начинают выть сверху донизу; целые улицы, охваченные смертельным ужасом, кричат нечеловеческими голосами, дрожа за свою жизнь.

Жутко слышать эти голоса... это подлинный ужас, настоящая пытка страхом, которой подвержено все еврейское население». («Пытка страхом», «Киевлянин», № 37 от 8—21 октября 1919 г.).

В. Шульгин, сам наслышавшийся в жуткие ночи 17—22 октября в достаточной мере «этих нечеловеческих голосов» в 40—50 шагах от своей квартиры в Киеве по Кузнечной улице (кстати, и квартиры рядом главноначальствующего Киевской области генерала Драгомирова), дает здесь довольно верную картину, стыдливо опуская, однако, занавес над действиями «людей со штыками» и уже, конечно, делая отсюда свои выводы, к которым нам придется еще вернуться.

Так продолжается «успокоение» до нового взрыва, совпадающего с каким-нибудь событием: смена старой и прибытие новой воинской части, неудача на ближайшем фронте, временный захват места большевиками и вытеснение их отсюда, общее наступление армии и т. п. Во всех этих случаях погром возобновляется еще с большей силой и ожесточением, и обычно эти повторные погромы бывают самые страшные. Таким образом, мы имеем перед собою в большинстве мест перманентный погром, длящийся неделями и месяцами (Бобровицы, Борзна, Нежин Черниговской губ.; Богуслав, Белая Церковь, Фастов, Черкассы Киевской губ. и т. д.), с острыми параксизмами в

начале и конце (или середине) и интервалами «тихого» погрома, дней успокоения. В крупных же центрах (Харькове, Екатеринославе, Киеве) — «тихий» погром, нарушаемый острой вспышкой (дни массовых грабежей 17—20 октября в Киеве). Кончается (или прерывается) этот погром только либо с уходом воинской части, либо с бегством еврейского населения, которое во многих случаях целыми общинами покидает родные места и с риском для жизни пускается пешком, с женами, больными и детьми, в опасный путь в такие же разгромленные безжизненные города и местечки.

II.

Особенности добровольческих погромов.

Как ни богата погромная практика на Украине, особенно со времени погромов петлюровских частей и разных банд, однако, Добровольческая армия сумела здесь внести что-то новое, свежее, выделяющее ее погромную работу от всей предшествующей. Особенности эти заключаются главным образом: 1) в чисто военном характере погромов, 2) в массовом насильственном изгнании женщин, 3) в особой жестокости и пытках, 4) в крайней разрушительности и искоренении целых общин. В этом смысле с погромами Добровольческой армии могут соперничать только резни времен хмельничины (1648 г.) и Гонта (1768 г.).

В отличие от других погромов 1919 года, в которых деятельное участие принимает обычно местное христианское население, особенно темная масса крестьян и мещан и реакционная часть интеллигенции из чиновников и лиц обремененных вообще революцией (этим элементам часто принадлежит даже инициатива), погромы при власти Добровольческой армии носят чисто военный характер, возникают по почину воинских частей и выполняются почти исключительно силами этих последних: Добровольческая армия монополизировала погромное дело. Местное не-еврейское население в большинстве случаев стоит в стороне от погромного дела, относясь к нему холодно или даже резко отрицательно. В некоторых случаях в погроме участвуют крестьяне окружающих деревень, но это участие не идет дальше «мирного» грабежа, подбирания имущества, брошенного казаками или оставленного в брошенных хозяевами домах; значительно меньше даже такое ограниченное участие со стороны местного крестьянского и мещанского населения (Россава, Богуслав, Фастов Киевской губ.; Борисполь Полтавской губ.); и всего зарегистрировано два случая (в Боярке и Ракивно Киевской губ.) активного участия в погроме (отчасти инициативы его) некоторой части не-еврейского населения. Зато в большинстве случаев местное христианское население принимает живое участие в судьбе евреев, укрывает их в своих домах, выступает в их защиту, посылает с этой целью депутации к начальству (от городских дум и разных организаций) и действует в одиночку, порой с большим самоотвержением (Белая Церковь, Городище, Гостомель, Корсуль, Чер-

кассы, с. Веприк Киевской губ.; Борзна, Конотоп, Новый Мглин Черниговской губ.; Борисполь Полтавской губ.; Джуриш, Кривое Озеро Подольской губ., и многие другие). Нет сомнения, что этому обстоятельству много евреев обязано своим спасением и не будь этого, число жертв было бы несравненно больше. Однако погромная работа, которая ведется длительно и безнаказанно, с открытого или молчаливого одобрения военных властей и даже во многих случаях при участии этих властей, работа, ставшая бытовым явлением, не остается без деморализующего влияния на известные слои не-еврейского населения, которые постепенно втягиваются в погромное дело. Во многих случаях крестьяне отказываются приютить у себя евреев, ссылаясь на приказы и угрозы начальства. В м. Козине Киевской губ. крестьяне сначала укрывали у себя евреев; видя, однако, отношение к ним военной власти, крестьяне сами стали избивать евреев; то же происходит и в Степанцах и особенно в Таганче Киевской губ. С другой стороны, ужасы погромной вакханалии, неприкрытые даже видимостью поводов, морального оправдания, в иных случаях вызывают и реакцию противоположного характера. Так, например, в Нежине Черниговской губ. не-еврейское население, обычно мало расположенное к евреям, при виде этих ужасов укрывает у себя евреев, посылает к военным властям депутации во главе с духовенством и мольбой о прекращении погрома. Много человечности и истинного мужества проявляет в эти дни целый ряд лиц из среды русского населения в своей защите евреев, подвергаясь за эту защиту серьезным угрозам и прямым избиениям (Борзна Черниговской губ., Городище Киевской губ.). Известен даже случай (в Городище), когда отъявленный бандит (некий Грицай), сам принимавший участие в одном из предшествующих погромов и впоследствии спасенный евреями же от тяжелой кары, заступает перед озверевшими казаками за группу уже обреченных пленников-евреев с такой энергией, силой морального убеждения и готовностью разделить их участь, что спасает уже обреченных людей.

Словом, в общем и целом погромы при Добровольческой армии являются делом исключительно военным. В некоторых случаях пособниками является государственная стража (милиция). В Росаве, например, пристав с милиционерами расстреливают беженцев, вернувшихся на свои развалины, то же в Прилуках (пристав Антоненко), в Корнине и Ставицах (милиция), в Степанцах (начальник стражи Пампушка) и в других местах. Погромами Добровольческая армия изолирует себя даже в среде не-еврейской обывательщины, обычно консервативной, особенно в черте оседлости, и естественно тяготеющей к Добровольческой армии.

Массовое изнасилование еврейских женщин является самой резкой чертой, отличающей погромы Добровольческой армии от всех предшествующих, выявляющей всю, так сказать, самобытность Добровольческой армии и ее погромных методов. Если в предшествующих погромах, в том числе и в самых жестоких

и кровавых (в Житомире, Прескурове, учиненных петлюровскими частями, в Черкассах и Елизаветграде—бандами Григорьева) случаи изнасилования встречаются очень редко и только как единичные явления, то при Добровольческой армии изнасилование принимает массовый характер, становится неотъемлемой основной частью погромной программы, отодвигающей как бы на второй план все остальные части, за исключением разве грабежа. Массовое изнасилование имеет место решительно везде, даже при «тихих» погромах и в крупных центрах (в Екатеринославе называют цифру не меньше 1 000 еврейских женщин). В местечках количество изнасилованных исчисляется сотнями, доходя до половины и больше всего еврейского женского населения (м. Смела, еврейская колония Колдубицкая-Образцовая, м. Гостомель Киевской губ., м. Яблонowo Полтавской губ., и др.). Выше было уже упомянуто, при каких условиях исполнялась эта часть погромной программы: 1) это делалось открыто на глазах у мужей, братьев, родителей, посторонних; 2) не щадился ни возраст ни состояние. Повсюду этот ужас касается как малолетних детей (от 8 лет), так и глубоких старух. Можно было бы считать соответствующие сообщения с мест и специальные обследования бредом больной садистской фантазии, но для этого необходимо еще более нелепое предположение, что сотни лиц в разных местах, никогда не видевших и не знавших друг друга, каким-то чудесным образом условились говорить об одном и том же почти в одних и тех же словах и к тому же придумывать имена жертв; что самим жертвам (еврейским женщинам), вынужденным обращаться к помощи врачей, абсолютно чуждо чувство женской чести и они готовы выдумывать на себя небывлицы и т. д. Вот некоторые факты, от которых мугится разум и теряется ощущение реальности: в Корсуни (Киевской губ.) зарегистрировано 2 случая изнасилования 70-летних старух, то же и в Россаве (случай изнасилования 75-летней старухи на глазах у мужа и дочерей), в Томашполе и в других местах. В Кременчуге 6 казаками изнасилована больная возвратным тифом, в Корсуне—агонизирующая женщина, которая тут же скончалась. В Нежине, Россаве изнасилованы родильницы, только что перенесшие роды, в Прилуках—беременные женщины. В Ракитно девушку останавливают днем на улице, близ волостного правления, раздевают догола и тут же насилуют. В расстелении одной малолетней принимают участие 8—10 человек. В Черкассах одна изнасилованная искусана с головы до ног, так что у нее опухло все тело. В Борзне группу еврейских девушек и женщин в осеннюю ночь раздевают на улице донага, предварительно порют, а затем насилуют. Еврейские девушки и женщины массами уводятся из домов родных, чтобы никогда больше не возвращаться туда, вытаскиваются из вагонов. Большинство жертв заражено самыми отвратительными венерическими болезнями. Многие жертвы насилия убивались тут же, иные лишлись рассудка, другие вымаливали себе, как милость, смерть, предпочитая ее позору, и много жертв кровью принесло еврей-

ское население, мужественно, но безнадежно защищая родных от позора. Но довольно об этом.

Как ни трудно быть оригинальным в области жестокости после таких мастеров погромного дела, как банды Зеленого, Соколовского, петлюровских «атаманов» Палиденко (1-й житомирский погром), Самосенко (проскуровский погром) и другие, однако Добровольческая армия сумела и здесь показать себя как в смысле разнообразия приемов насилий и издевательств, отчасти и новизны их, так и в смысле интенсивности их применения. Раньше всего пытки. Пытки, это—у Добровольческой армии обычный прием, применяемый при вымогательстве денег, выкупа. По разнообразию приемов пытки, методичности и настойчивости их применения можно было бы думать, что мы имеем здесь дело с благочестивыми учениками инквизиции, добывающимися таким путем истины. Кроме таких «банальных» приемов, как угрозы, изувечие и т. д. Добровольческая армия широко практикует новый прием: подвешивание. Прием заключается в том, что на жертву накидывают петлю и вешают на любой крюк в комнате, не давая, однако, ей задохнуться окончательно. Подвешанного всякий раз снимают, приводят в чувство и, ободряя прикладами, нагайкой, вновь побуждают указать, где зарыты деньги, драгоценности, и т. д. Подвешивание (практикуемое, кстати, во многих местах) продолжается до тех пор, пока подвешенный или его близкие не представят должного выкупа. Известен случай подвешивания 3 раза (Берковича в Кривом Озере) и даже 17 раз (Смелянского в Черкассах, у которого отняли 1/2 миллиона); известен случай, когда гимназиста (Бориса Забарского в Фастове) заставили затянуть петлю на шее отца (Меера) и т. п. Вводится также прием «испытания» огнем. Подносят к лицу горящую лампу, бросают в импровизированный костер (в Белой Церкви—Гросмана (беженца из Володарки, который от ожогов скончался), жгут волосы на голове (там же), жгут пятки и т. д.

Известен и комбинированный прием: подвешивания и поджигания пяток горящими свечами (случай в Кагарлыке), напоминающий инквизиционную «дыбу». Вырывают волосы из бороды, колот ступни ног булавками, иголками и т. д. В Борисполе у Л. Эльгарта потребовали 25 тысяч руб.; за «упорство» несчастного сперва повалили и долгали ногами, избивали прикладами, затем втолкнули в ящик, поражая его через крышку штыками, наконец, повзвонили почти мертвого и застрелили на глазах у матери и сестры.

Тысячами гибли евреи, жертвы Добровольческой армии: седебородые «коммунисты», застигнутые в синагоге за фальшитами талмуда, «коммунисты» младенцы в люльках вместе с их матерями и бабунками. Поражает в любом списке процент замученных глубоких стариков, женщин и детей. Расстреливали, но еще больше кололи, рубили инашками, сносили черепа. Не мало и погибших в огне, в зажженных домах (в Фастове до 100 жертв, в Лучинице, Джурине, Яруге Подольской губ.), по-

вешенных (Боярка и др.), задушенных (Корсунь: 80-летний старик Суходольский и др.), заживо похороненных (90-летняя Фрума Пекарь в Рожеве, 2 случая в м. Тетиве, неудавшаяся попытка засыпать Бенциона Еваленко в Обухове и т. д.).

Но такому избавлению могли только завидовать люди, которых медленно терзали, отрезывали языки (Кликсман в Фастове, у него же рана от разрывной пули), уши, нос, выкалывали глаза (Ямпольский в Фастове), отрубали руки, ноги и т. д. И пидиллией кажутся в этих условиях такие невинные забавы русских офицеров, как запрягать евреев в сани вместо лошадей (Городище), или заставляя избитых и донага раздетых людей, родителей и детей мучеников, погибших на их же глазах, кружиться, держась за руки, петь хором: «бей жидов, спасай Россию» (Михайловка Харьковской губ., Кагарлык Киевской губ., Борзна Черниговской губ. и т. д.).

Мы уже видели, что погромный пафос Добровольческой армии направлен не только на перераспределение благ (еврейских), но и на уничтожение их. В этом заключается, так сказать, идеализм и бескорыстие добровольческих носителей «права и порядка». Этот пункт погромной программы: уничтожение имущества, товаров, поджоги жилищ и лавок, широко практиковался и раньше различными бандами (особенно в Киевской и Подольской губ.). Новое в Добровольческой армии только то, что это окончательный, уничтожающий удар, нанесенный многим общинам, из коих большинство перенесло погромы в течение 1919 года по несколько раз, а некоторым, как Фастов, счастливо избегнувшему этой участи и давшим у себя приют тысячам беженцев из окружающих разгромленных местечек, впервые пришлось испить эту чашу из рук Добровольческой армии.

От поджогов тяжело пострадало значительное число разгромленных пунктов (Богуслав, Белая Церковь, Городище, Гостомел, Корсунь, Макаров, Ракитно, Россаза, Тальное, Шпола Киевской губ.; Борисполь Полтавской губ.; Кривое Озеро, Томашполь, Мясковка, Саврань Подольской губернии и т. д.), а некоторые из них, как цветущий Фастов с его еврейским населением в 10 000 душ, почти сплошь погибли в пламени (в своей еврейской части; в Фастове сгорело 200 жилых строений и столько же торговых помещений, принадлежавших евреям).

Методическое разрушение коснулось не только частного имущества, но и общественного. Разрушались синагоги, еврейские больницы, богадельни, общественные училища, ссудо-сберегательные товарищества и кооперативы вообще. В Белой Церкви, например, талмуд-гора обращена в клоаку, флигель из 3 комнат обращен в конюшню, хотя тут же имеется удобный навес, выломаны оконные рамы и печные двери. В самой талмуд-горе все уничтожено: парты, учебные пособия и т. п. Вот как описывается разгром ссудо-сберегательного товарищества в Россазе: казаки взломали ящики, шкафы, столы, архив, взломали склад и разграбили все товары. Долго они возились с несгораемой кассой и,

наконец, около часу ночи, взорвали все здание, подложив под кассу пироксилин.

Это массовое уничтожение жилых строений и торговых помещений, в связи с разорением от грабежей, от приостановки всей торговой и деловой жизни и еще больше в связи с террором, который не прекращался даже в дни «тихого» погрома, привело к полному исчезновению десятков общин. Пренебрегая опасностью дорог, ставших буквально непроезжими и непроходимыми для евреев от рыскавших по ним казаков и убийц¹, оставшееся в живых население, нагое, босое и голодное с большими стариками и детьми, пускалось в путь, часто в такие же разгромленные общины. На новых местах беженцы могли рассчитывать только на еврейскую благотворительность, которая становилась тем скуднее, чем больше возрастало число разгромленных пунктов и нуждающихся в помощи и увеличивалось количество беженцев. Здесь, в обстановке крайней скученности (в синагогах, общежитиях), голода и холода беженцы делались добычей эпидемий, особенно тифа, и тихо вымирали массами. Смертность возросла до того, что не успевали хоронить; для покойников была установлена очередь, чтобы быть преданным земле. И можно смело сказать, что если от казацких пуль и штыков евреи погибали тысячами, то многими десятками тысяч они погибали от последствий этого разгрома, от голода, холода и тифа.

Такова судьба десятков беженских общин: Борисполь, Боярка, Гостомель, Дымер, Игнатевка, Кагарлык, Кобище, Козин, Кривое Озеро, Мироновка, Мошны, Орловец, Ольшаница, Понцельня (Киевской губ.), Потоки, Рожев, Россава, Таганча, Тараша, Таргород, Яруга, и др. Некоторые беженцы, пытавшиеся вернуться на родные пепелища, заплатились за это жизнью (Россава) или в лучшем случае должны были поспешно покинуть родные места (Боярка и другие). Здесь «бесхозные» дома жглись казаками или разбирались крестьянами окружающих деревень. Возвращаться больше некуда.

Но не лучше и положение разгромленных общин, оставшихся на местах. И здесь голод, холод и тиф косят сотнями и тысячами. Положение таких общин достаточно характеризует следующий официальный доклад о положении дела помощи в такой бывшей относительно культурной и богатой общине, как Фастов (после погрома 22—26 сентября 1919 г.): 1) эвакуировали в Киев 73 тяжело раненых, 2) организовали 2 эпидемических барака на 500 человек, 3) 2 общежития, 4) кормили (в благотворительных столовых и сухим пайком) 6 500 человек; ежедневно умирает по 10—20 человек. В маленькой общине Василькове 400 больных тифом (в ноябре 1919 г.) и т. д.

¹ Вот что рассказывается об одном осколке такой беженской общины: 5 семей (ок. 30 душ) из Германовки (Киевск. губ.) после погрома укрывались в местечке, дожидаясь благоприятных условий для бегства в Киев. Наконец, 8/21 сентября они пустились пешком. Они были найдены убитыми в 18 верстах от Киева. Из вагонов выбрасывали евреев на ходу или прикалывали тут же.

Жертвой добровольческих погромов сделались не только заметные местечковые еврейские общины, но и маленькие группы евреев в 5—10 семейств, заброшенные в селах и деревнях среди крестьян. Опытный глаз везде находил евреев: 5 еврейских семей в деревне Гоголенко Черниговской губ. впервые были наделены землей после революции наравне с крестьянами; казаки разгромили их, и они еле спаслись бегством в Борзну.

Это вырывание с корнем еврейских хлеборобов вызывает особую шемящую боль даже в ряду всех ужасов, пережитых многими общинами. Три еврейских земледельческих колонии приютились под Фастовым в море крестьянских деревень, три еврейских оазиса тяжелого труда и мирной пахарской жизни: Колдубицкая-Образцовая, Трилеса и Червленская. Землю они получили еще в начале XIX века, долгие годы отстаивали свою землю от покушений отнять ее у них; третье, четвертое поколение сидит на этой земле. Вот что сообщает о судьбе этих колоний специальный исследователь: Колония Колдубицкая. Первые грабежи учинены еще петлюровцами (период директории) при отступлении их в феврале 1919 г. В течение всего лета колония терроризовалась бандами, вновь вступившими и отступившими петлюровцами (в августе) забран хлеб, угнана часть скота, сожжено несколько дворов, убито несколько человек. Колония все же держалась. Но вот пришла Добровольческая армия (в начале сентября 1919 г.). Начались грабежи, насилия, вымогательства. При отступлении (через несколько дней) казаки убили одного колониста, когда он на огороде копал картофель. Во время боев между Добровольческой армией и большевиками под Фастовым колония очутилась под артиллерийским огнем. Все колонисты (200 человек) бежали в с. Веприк (их волость); дома остались только старики. Вскоре в Веприке появилась разведка Добровольческой армии, и, заметив евреев, собравшихся на сходке, стала обвинять их в бегстве вслед за большевиками и в шпионаже и собиралась расстрелять их. Спасло их энергичное заступничество волостного старшины и сельского старосты. После этого их повели в Фастов, по дороге ограбили, жестоко избили и увели всех девушек, из коих две не вернулись. Здесь в Фастове их поместили в синагоге, где они содержатся на счет благотворительности. Дома вырезали стариков (некоторых сожгли), увезли хлеб, угнали скот. Колонисты узнали своих коров в офицерских вагонах. Офицер готов их продать по 10 000 руб. за корову. Такова же судьба двух других колоний.

Жалуются еврейские пахари колонии Рыкунь (Дымерской вол. Киевского уезда) в прошении главноначальствующему, генералу Драгомирову: у них сначала угнали 10 коров, несколько лошадей, забрали всю домашнюю птицу, а потом весь скот—60 голов; умоляют вернуть им. И какой-то неизбывной тоской веет от заключительных строк этой бумаги: «Если лошади и скот не будут возвращены, колония перестанет существовать, и мы должны будем пробираться в город или заниматься торговлей».

Остановимся еще на некоторых особенностях добровольческих погромов.

Во время большого киевского погрома в дни 17—20 октября в еврейских квартирах можно было сплошь и рядом наблюдать у нагрянувших посетителей изысканные манеры людей, получивших хорошее воспитание, слышать от них недурную французскую речь и даже хорошую музыку. Это «работали» офицеры Добровольческой армии лейб-гвардейских Преображенского, Семеновского и т. д. полков, не позволявшие себе никаких «вольностей», но деловито и строго требовавших дачи денег, золота, серебра. Иной тут же кстати вежливо попросит носовой платок, непременно из тонкого полотна, и неизменно возвратит не пришедшийся ему по вкусу. Не везде офицеры, предводители всех этих осетинских, чеченских наездников обнаруживали такое воспитание, зато они нигде в погромной славе не уступали своим светским товарищам, во многих случаях затмив этих последних. Как общее правило, офицеры разделяли погромный труд своих подчиненных прямо или косвенно. В Прилуках командир Семеновского полка при виде солдата в рваных сапогах говорит ему:

«Что же, не можешь зайти к какому-нибудь жида и снять с него сапоги». Такой же совет дает в Белой Церкви полковник 2-го батальона 2-й Терской пластунской бригады Щепетильников офицеру Яковлеву на просьбу дать ему материал на обмундирование: «Тащи у жида, за это не наказывают». Об офицерских грабежах сообщают из Богодухова, Борзны, Борисполя (офицер Любимов), Городище (штабс-капитан Светский и прапорщик Калгушкин), из Дымера (подполковник Безнебов), из Игнатовки, Корсуни, Кременчуга, Нежина, Прилук, Фастова, Черкасс, Томашполя, Ямполья, Куриловцы, Тетиева (Львов, Голыцын) и т. д. В некоторых местах офицеры руководят погромом: Боярка, Россавя, Кривое Озеро (офицер Млашевский), Могилев-Подольский (полковник Мизерницкий и др.). О погромной деятельности офицеров в Белой Церкви, по показанию доктора С., со слов доктора Б., имеются такие сведения: в присутствии доктора Б., упомянутого полковника Щепетильникова и нескольких офицеров прапорщик Кузичев со всеми подробностями рассказывал, как он растлил 10-летнюю девочку, рассказывал, как солдаты насиловали каждый день, и этот рассказ встретил явное одобрение полковника.

Сотник Живодеров, между прочими насилиями, отнял у еврея корову и продал ее за 22 тысячи руб. романовскими деньгами. Подьесаул Кундо имеет в вагоне 6 лисьих шуб, золотые часы и другие вещи, награбленные у евреев. Подьесаул Подшивалов (4-й сотни) имеет у себя в вагоне пианино. Прапорщик Инжуаров грабил специально врачей, хвастал тому же доктору Б. в присутствии фельдшера Салия, что одних зубоврачебных инструментов у него набралось на 400 тысяч рублей. Хорунжий Бондаренко разъезжал по городу без формы, чтобы удобнес

¹ Повидимому, имеется ввиду д-р Снисаренко, врач при 2-й Терской пластунской бригаде. Сведения были сообщены в то время, когда Добровольческая армия господствовала еще на Украине.

было грабить, сказал доктору Б., что раненых евреев нужно не перевязывать, а убивать. В некоторых случаях грабеж еврейского населения офицерами поражает своим цинизмом. В Черкассах в квартире Израиля Гальперина жил офицер Добровольческой армии, подружившийся со всей семьей, проводивший в их обществе за чаем много часов. Этот офицер при оставлении Черкасс Добровольческой армией с револьвером в руке дочиста ограбил гостеприимную семью. В Кременчуге один полковник увез даже мебель своих хозяев.

Не всегда, однако, офицеры были так непримиримы. Часто удавалось входить с ними в полюбовное соглашение, и они, за приличное их чину вознаграждение, из громил обращались в защитников, охраняя «жидовские» дома и лавки, составляя для этой цели даже артели. Так, например, в Золотоноше евреи платили офицерам комендантской роты по 15—20 тысяч рублей за ночь, и благодаря этому было спасено много еврейских домов и лавок. То же имело место и в Шполе (офицерская дружина под начальством Усова за 50 тысяч рублей за ночь), в Киеве, Фастове и в других местах.

Практиковалась офицерами и другая, легальная, так сказать, форма грабежа под видом «контрибуции». Это была привилегия старших офицеров главным образом комендантов и начальников гарнизонов. Делалось это так, что в то время, когда солдаты вместе с младшими офицерами «работают» в городе в еврейских квартирах, комендант или начальник гарнизона приглашает к себе казенного раввина и представителей еврейской общины и предлагает им внести «добровольное пожертвование» в пользу Добровольческой армии или просто сообщает им, что еврейское население обложено контрибуцией на такую-то сумму, и предлагает внести ее в кратчайший срок. Начинается торг, и стороны приходят к соглашению. Такова картина в большинстве мест. Деконский, начальник Волчанского партизанского отряда, посылает 22 декабря 1919 г. (4 января 1920 г.) евреям в Кривое Озеро формальное отношение: так как еврей до сих пор ничем не помогли Добровольческой армии, то он требует приготовить ему к 24 декабря 200 тысяч рублей и 25 пар сапог. 24 декабря он действительно явился, получил требуемое и тут же учинил жестокую резню (свыше 600 жертв). Чем выше поднимается погромная волна, тем больше растет жертвенная готовность еврейского населения и тем больше поднимается расценка заслуг Добровольческой армии в глазах «защитников»: комендантов, начальников гарнизонов. Был даже случай (в Лозовой Екатеринославской губ.), когда комендант сначала в «благородном негодовании» против «жидов» отказался взять 50 тысяч руб. «окровавленных жидовских денег»; впрочем, гнев скоро сменился милостью, и деньги были приняты. Обычно же подъем погромной энергии у подчиненных служит только поводом (начальству для повторных и многократных требований жертв в пользу Добровольческой армии, «проливающей кровь» за благо России (Боровицы, Борзна, Фастов, через раввина Браславского и др.).

В иных случаях контрибуция должна явиться выкупом («во избежание погрома» (Васильков и др.), «во избежание дальнейшего погрома» (Прилуки—200 тысяч руб.), «чтобы прекратить поджоги» (м. Тальное—500 тысяч руб.), «во избежание дальнейших убийств, но без ручательства за прекращение грабежей» (комендант Рунцев в Фастове). Во всех этих случаях, однако, грабежи и убийства не избегаются, не прекращаются и не уменьшаются. Требование выкупа сопровождается часто весьма недвусмысленными намеками на последствия «упорства»: в много раз упомянутом у нас Новом Мглине комендант по окончании погрома потребовал у еврейского населения 200 тысяч, угрожая в противном случае утопить еврейское население в реке.

За комендантами поспевают контрразведка. В Прилуках начальник контрразведки Палеха потребовал себе 250 тысяч (сверх данных коменданту 200 тысяч), угрожая погромом. Не отстают и государственная стража: в м. Степанцах систематическими вымогательствами (сверх грабежей и убийств) занимался Памушка-Бурлак, известный бандит, поставленный Добровольческой армией во главе стражи, и его заместитель Борбатенко.

Дань Добровольческой армией требуется часто не только в виде денег, но и натурой разного рода. Так, например, комендант в Конотопе потребовал 200 комплектов белья, а в Городище—мяса и цыплят на 10 тысяч руб. Но, несомненно, в ряду этих комендантов наиболее разносторонний вкус обнаружил комендант Михайловки Харьковской губ. Он потребовал у еврейского населения через председателя общины Зельбета: 250 тысяч руб., золотые часы, 2 заграничных чемодана, 2 пары дамских туфель № 39, 2 пары чулок, перцу, свечей, табаку, спичек и т. п. и кроме того (перед отходом его части) расписку у Зельбета (так же и у ограбленных Лимина и Винницкого), что еврейское население осталось довольно и что Добровольческая армия охраняла евреев.

Еврейскому населению, и особенно еврейской молодежи, давно уже было ясно, что при условиях военно-политической жизни на Украине наиболее надежной защитой жизни и чести является собственная вооруженная сила, что такая самозащита является, во всяком случае, вопросом чести. На алтарь такой самозащиты еврейство Украины принесло не мало жертв молодыми, наиболее благородными жизнями¹. Этому сознанию, однако, ни в малейшей степени не соответствовала возможность. Каждый режим, будучи совершенно бессильным перед вооруженной до зубов деревней, откуда оружия нельзя было выкачать ни дубьем ни рублем, усиленно занимался разоружением города. Особенно изощрилась петлюровская власть в разоружении еврейского населения, причем такое разоружение под видом обысков служило

¹ Например, в день вступления Добровольческой армии в Киев 18 (31) августа предательским образом были расстреляны 37 юношей из еврейского отряда (части киевской общегородской охраны). Впрочем, эта кровь лежит на совести петлюровской армии, вступившей в Киев одновременно с Добровольческой армией и вытесненной оттуда через день.

часто ширмой для грабежей и поводом для насильств. Естественно, что после такого числа разоружений еврейское городское население, невооруженное вообще, лишилось всяких остатков оружия. Тем не менее в некоторых, считанных впрочем, местах горсти еврейской молодежи удалось вооружиться, под видом или общей городской охраны или прямо еврейской самообороны. Эта самооборона, могущая еще оказать сопротивление банде, оказалась бессильной в условиях военных погромов Добровольческой армии и в большинстве случаев кончалась плачевно. Не обошлось и без провокации. В Городище, после ухода советской власти 3/16 августа, город охранялся в течение недели городской охраной из 50 евреев и 20 христиан. 9/22 августа в местечко прибыл (из Смелы) эшелон казаков под начальством штабс-капитана Светского. Появились 12 казаков, которые сейчас же начали грабеж. Был запрошен начальник эшелона, находившийся с прочими казаками на вокзале. Его ответ гласил: это не его казаки, а переодетые бандиты. Охрана дала залп в воздух, и «бандиты» разбежались. Через 2 часа в местечко явился штабс-капитан Светский с претензией, почему стреляли в его казаков, и потребовал сдачи оружия. Охрана колебалась: местечко окружено бандами, и в случае ухода Добровольческой армии еврейскому населению грозит резня. Но Светский дал «честное слово русского офицера», что никто не пострадает, и оружие (50 винтовок) немедленно было сдано ему. Сейчас же после этого начался погром, длившийся 9 дней.

В Корсуни после первого погрома (13/26 августа) с разрешения власти была организована еврейская самооборона. При отступлении Добровольческой армии, в середине декабря, офицерская дружина начала опять громить еврейское население. Еврейская самооборона прогнала дружину и прекратила погром. Проходивший вскоре после этого Волчанский отряд разоружил еврейскую дружину и уже после этого беспрепятственно учинил погром.

Там, однако, где у еврейской молодежи чудом осталось оружие в руках, она сумела дать отпор военным громилам. Еврейская самооборона в м. Стеблеве оказала сопротивление казакам и, не без военной хитрости, выбила их из местечка. После этого самообороной было отбито нападение банды в 400 человек под командой некоего Туза, причем самообороной были взяты трофеи: 3 пулемета, винтовки, снаряжение и т. п. При отступлении казаки в местечко не впускались и проходили мимо.

«ЗЕЛЕННЫЕ» ПОВСТАНЦЫ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬИ 1

I.

Вскоре после занятия Туапсе Добровольческая армия предложила правительству Грузинской республики отозвать свои войска из Сочинского округа и очистить территорию Черноморской губернии до реки Бзыби, являвшейся до революции границей между Кутаисской и Черноморской губерниями.

Узнав об этом требовании добровольцев, социалистический блок сочинской городской думы, местные профессиональные рабочие и демократические организации обратились к грузинскому правительству с просьбой оставить грузинские войска в Сочинском округе и не передавать округ властям Добровольческой армии. Обращение это было вызвано дошедшими до Сочи сведениями о политике и мероприятиях, проводимых добровольцами в занятой ими Кубани и северной части Черноморской губернии. С некоторыми из таких мероприятий сочинские обыватели познакомились лично за время двухдневного пребывания в городе казачьего добровольческого отряда.

К этому времени армия генерала Алексеева окончательно очистила от большевиков всю Кубанскую область, Ставропольскую и северную часть Черноморской губернии. Конмарные слухи о жестокостях добровольцев, об их расправах с пленными красноармейцами и с теми жителями, которые имели хоть какое-нибудь отношение к советским учреждениям, распространялись в городе Сочи и деревнях. Случайно находившиеся в Новороссийске в момент занятия города добровольцами члены сочинской продовольственной управы рассказывали о массовых расстрелах без всякого суда и следствия многих рабочих новороссийских цементных заводов и нескольких сот захваченных в плен красноармейцев. Расстрелы эти производились днем и ночью близ вокзала, ча так называемом «Цемесском болоте», где осу-

¹ Из ст. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII, Берлин, 1922 г.

[В конце августа 1918 г. наступающая Добровольческая армия Деникина заняла Новороссийск. Советские войска отступили к Туапсе и заняли этот город, выбив оттуда занимавший его грузинский отряд. Вслед за тем, 8 сентября, они сами были выбиты из Туапсе добровольцами и отступили на север для соединения с Майкопской группой советских войск.]

жденные административным порядком рабочие и красноармейцы сами себе приготавливали могилы... На улицах города, среди белого дня, расстреливались, или вернее просто пристреливались, оставшиеся в Новороссийске после потопления черноморской эскадры матросы. Достаточным для расстрела поводом служил выжженный порохом на руке якорь или же донос какого-нибудь почтенного обывателя о сочувствии того или другого лица большевизму.

Прибежавший в Сочи крестьянин селения Измайловки Волченко рассказывал еще более кошмарные сцены, разыгравшиеся на его глазах при занятии Майкопа отрядом генерала Покровского.

— В первый же день, — рассказывал Волченко, — было расстреляно около тюрьмы двадцать пленных красноармейцев. На следующее утро Покровский приказал казнить всех не успевших бежать из Майкопа членов местного совета и остальных пленных. Для устрашения населения казнь была публичной. Сначала предполагалось повесить всех приговоренных к смерти, но потом оказалось, что виселиц не хватит. Тогда пировавшие всю ночь и изрядно подвыпившие казаки обратились к генералу с просьбой разрешить им рубить головы осужденных. Генерал разрешил. На базаре около виселиц, на которых болтались казненные уже большевики, поставили несколько деревянных плах, и охмелевшие от вина и крови казаки начали топорами и шашками рубить головы рабочим и красноармейцам. Очень немногих приканчивали сразу, большинство же казнимых после первого удара шашки вскакивали с зияющими ранами на шею и голову, их снова валили на плаху и вторично принимались дорубливать...

Волченко, молодой 25-летний парень, стал совершенно седым от пережитого в Майкопе. Никто не сомневался в правдивости его рассказа, ибо сочинские обыватели едва сами не стали свидетелями таких же бессудных казней.

Из разных городов и станиц Кубанской области в Сочи стали стекаться массы «иногородних» (так называют неказачье население на Кубани). Беженцы рассказывали, что после изгнания большевиков казаки стараются выместить причиненные им большевиками обиды на иногородних, которых огульно обвиняли в большевизме. А между тем, большевизм проник и укрепился на Кубани отнюдь не по вине иногородних, а был насажден вернувшимися с фронта казаками, которые сами же поддерживали большевиков до тех пор, пока те не принялись за политику притеснения «контрреволюционного казачества».

Все эти рассказы, из которых, может быть, многие были значительно преувеличены, оставляли самое тягостное впечатление. Кроме рассказов о таких жестоких расправах добровольцев с подозреваемыми в большевизме лицами до Сочи доходили и официальные приказы добровольческих властей, из которых было видно, что руководители Добрармии не признают никаких законов и постановлений Временного правительства, распустили демократические органы самоуправления, поставив во главе го-

родских и общественных учреждений назначенных свыше членов управ, и назначают на административные посты полицейских чиновников дореволюционного времени, пользовавшихся определенной репутацией и ненавистью населения.

Все это и явилось причиной обращения к грузинскому правительству местных демократических кругов, считавших, что происходящие на Кубани безобразия являются последствиями гражданской войны и военной диктатуры, которая современем будет заменена более демократической властью, а потому желавших избавить округ от подобных испытаний. Вынося такое решение, представители сочинской демократии отнюдь не мечтали об отторжении Сочинского округа от остальной России. Они считали, что Сочинский округ является нераздельной частью России, которая не может существовать, хотя бы и временно, самостоятельно и должна впредь до установления в России нормального правопорядка выбирать между двумя государственными образованиями—Кубанью (фактически находящейся в руках командования Добровольческой армии) и Грузией, из коих первая ввела в соседнем Туапсинском округе полицейский режим, отменила выборы в городское и земское самоуправление, а вторая гарантировала Сочинскому округу полную внутреннюю автономию и свободное самоуправление.

Грузинское правительство, которому по стратегическим соображениям было выгодно оставить за собой Сочинский округ, решило, основываясь на обращении к нему местных демократических организаций, вступить в переговоры с командованием Добровольческой армии на предмет установления добрососедских отношений, определения временных границ между Кубанью и Грузией и отказа добровольцев от посягательства на Сочинский округ.

Генерал Алексеев согласился на ведение переговоров в Екатеринодаре, куда вскоре и прибыла делегация грузинского правительства в лице Е. П. Гегечкори и генерала Мазниева.

Однако переговоры эти кончились неудачно. Руководители Добрармии, и в особенности генерал Деникин, совершили ту же ошибку, которая впоследствии была повторена на северо-западе генералом Юденичем: они отказывались дать прямой и определенный ответ о признании суверенитета объявившей себя самостоятельной республикой Грузии. Что же касается вопроса о Сочинском округе и Гаграх, то добровольцы категорически потребовали от грузин очищения этого района и передачи его назначенным Добрармией властям. Ввиду отказа грузин исполнить это требование между Добрармией и грузинской республикой началось состояние войны, которое, впрочем, долгое время не выливалось в форму вооруженных столкновений и ограничивалось тем, что обе стороны держали на северной границе Сочинского округа довольно сильные отряды войск.

Между тем в Сочинском округе начались подготовительные работы по введению земского самоуправления, которого в Чер-

номорской губернии до революции не было, несмотря на неоднократные ходатайства населения.

В связи с этим началась определенная агитация правых элементов, решивших использовать предвыборную кампанию для проведения в земство сторонников Добрармии. Однако таких сторонников среди крестьян, за исключением ненавидевших грузин армянских поселян, не находилось. Тогда правые решили прибегнуть к запугиванию крестьян, угрожая им всевозможными карами со стороны добровольцев, которые рано или поздно выгонят грузин из Сочинского округа. В деревнях от поры до времени стали появляться разные приказы и предписания Черноморского военного генерал-губернатора Кутепова, считавшего себя вправе, несмотря на оккупацию Сочинского округа грузинами, отдавать распоряжения не находящемуся фактически под его властью населению.

2 декабря собрался окружной крестьянский съезд, выслушавший доклад представителей грузинского правительства о правительственных предначертаниях по устройению местной культурно-хозяйственной жизни, о введении в округе давножданного земского самоуправления и о порядке взаимоотношений органов местного самоуправления с агентами правительства грузинской республики.

Выслушав этот доклад и одобрив правительственные предначертания, съезд вынес резолюцию, в которой от имени всего сочинского крестьянства заявил, что, оставаясь сторонником воссоединения Сочинского округа с остальной Россией, как только образуется в ней единая, твердая демократическая власть, созданная на принципе полного народоправства, он считает, что временное присоединение Сочинского округа к Грузии является необходимым в интересах крестьянства, как избавляющее его от всех ужасов гражданской войны и обеспечивающее ему права самоуправления.

Принятая съездом резолюция была встречена с живейшим удовлетворением демократическими кругами и вызвала взрыв негодования среди малочисленных сторонников Добровольческой армии, жестоко отплатившей впоследствии сочинским крестьянам за эту резолюцию, которая была названа «государственной изменой».

Сторонники Добрармии использовали национальную вражду между армянами и грузинами, вошли в контакт с местным комитетом дашнакцаканов и стали организовывать армянские дружины и подготавливать выступление армян против грузинских войск. Однако добровольцы предупредили назревавшее восстание армянских поселян и вскоре сами перешли в наступление против грузин и заняли Сочинский округ.

Стоявший на границе Сочинского округа грузинский отряд состоял из 6 рот 2-го грузинского полка и двух батарей. Командовал фронтом генерал Кониев, очень симпатичный, но совершенно бездарный в военном отношении офицер.

К описываемому моменту английские войска заняли Баку,

оккупировали Грузию, явившись на смену германским войскам, которые после заключения перемирия на западном фронте должны были очистить юг и юго-восток России.

Приход англичан был встречен очень холодно грузинами, опасавшимися того, что англичане приберут в свои руки все управление страной. Германские войска оставили после себя самые лучшие воспоминания в Тифлисе, Сухуме и других городах, в которых они стояли, так как вели себя очень корректно, и германское командование совершенно не вмешивалось во внутреннее управление республикой, оберегая вместе с тем Грузию от захватнических поползновений со стороны турок. Англичане, и в особенности английское командование, на первых порах старались держать себя в Грузии как завоеватели, и только твердая политика правительства Жордания и решительные заявления его о том, что в случае попыток англичан захватить в свои руки управление страной оно не остановится перед открытым разрывом со всеми вытекающими из такого разрыва последствиями, спасло Грузию от превращения в английскую колонию.

Англичане определенно сочувствовали Добровольческой армии и генералу Деникину, рассматривая грузин как взбунтовавшуюся против суверена область. Однако они не решались открыто вмешаться в конфликт между Грузией и Доброй армией, предпочитая действовать другими путями.

Получая указания и распоряжения от находившегося в Константинополе главнокомандующего всеми великобританскими вооруженными силами на востоке, английские генералы, командовавшие оккупационными войсками в Грузии, старались всеми мерами поддерживать всякое требование Деникина и одновременно обессилить грузин и усыпить их бдительность. Вспыхнувшая в конце декабря армяно-грузинская война во многом обязана своим возникновением политике английского командования, рассчитывавшего обессилить грузин и сделать их более послушными указаниям английских генералов.

Когда обнаружили признаки усиленной подготовки добровольцев к наступлению на Сочи, англичане успокоили грузинское правительство, заявив, что они не допустят начала военных действий между грузинами и добровольцами. Более того, англичане официально предложили грузинам нейтрализовать спорный Сочинский округ, передав всю власть в округе избранному населением земскому и городскому самоуправлению и заняв его для обеспечения порядка небольшим английским отрядом. Впредь до решения грузинского правительства о согласии или несогласии его на такое предложение англичане заявили, что всякое наступление добровольцев на Сочи будет ими рассматриваться как враждебный акт против английского правительства.

Грузины совершенно успокоились, поверив заявлению англичан, чем и воспользовались добровольцы, внезапно напавшие на грузинский отряд, стоявший на границе Сочинского округа.

Это событие произошло в феврале 1919 года.

Рано утром добровольцы внезапно атаковали с фронта грузинский отряд. Сформированные добровольцами в тылу у грузин армянские дружины напали на них с фланга и с тыла, а небольшая колонна добровольцев подошла к самому городу, заняв вокзал и возвышенную часть Сочи. Вслед за этим командовавший добровольцами генерал Бурневич предъявил ультиматум грузинскому командованию—сдать оружие. После незначительного сопротивления небольшой грузинский отряд, отступивший к «Ривьере», где находились штаб отряда и канцелярия особоуполномоченного Хочолава, принужден был капитулировать и выдать все оружие добровольцам.

Какова была роль англичан в этом наступлении видно из того, что, когда после занятия Сочи грузины мобилизовали шесть батальонов народной гвардии и отправили их в Поти для дальнейшей переброски морем в Гагры, англичане заявили грузинскому правительству, что такая переброска войск совершенно излишня, так как Деникину предложено британским верховным командованием немедленно вернуть оружие грузинскому отряду и очистить Сочи.

Когда же, несмотря на такое заявление, грузины все-таки отправили народную гвардию в Поти и начали грузить войска на зафрахтованный ими частный пароход «Кавказ», к генералу Гедеванову, командовавшему народной гвардией, явился английский офицер и от имени британского главнокомандующего заявил, что пароход этот необходим англичанам, а потому он требует немедленной разгрузки его.

Грузинам пришлось подчиниться, так как в порту находились английские миноносцы. Народная гвардия двинулась походным порядком и, конечно, опоздала. Благодаря содействию англичан, добровольцы уже заняли Гагры и дошли до реки Бзыби, т. е. до границы Кутаисской губернии.

II.

Первыми шагами добровольцев в занятом ими Сочинском округе явилась месть местной демократии, осмелившейся предпочесть генеральской диктатуре демократические порядки грузинской республики.

Все демократические организации—городская дума, земский комитет, профессиональные рабочие союзы—были распущены, а неуспевшие во-время скрыться члены этих организаций арестованы по обвинению в государственной измене.

Что же касается до чиновников-грузин и взятых в плен офицеров и солдат грузинской армии, то все они были обезоружены и под усиленным конвоем отправлены в Туапсе, где их поместили в тифозных бараках Черноморской дороги.

В числе арестованных и отправленных в новороссийскую тюрьму находился также и бывший председатель сочинской городской думы, председатель первого Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов (до-большевистского пе-

риода) прапорщик Тер-Григорьян, исполнявший в последнее время должность правителя канцелярии особоуполномоченного грузинского правительства Хочолавы. Тер-Григорьян был выделен в юсубую группу наиболее важных преступников, и ему был предъявлен ряд обвинений: в государственной измене, в возбуждении населения против Добровольческой армии и в сочувствии большевизму. Только спустя несколько месяцев грузинское правительство, под угрозой применения таких же репрессивных мер по отношению к оставшимся в Грузии бывшим офицерам русской армии, добились через англичан освобождения из тюрьмы генерала Кониева, Хочолавы, других арестованных чиновников (в том числе и Тер-Григорьяна) и возвращения в Грузию всех офицеров и солдат, взятых в плен добровольцами.

Все управление округом перешло к военным властям, которым были подчинены начальник округа и участковые пристава, на каковые должности были назначены опытные чины прежней жандармерии и полиции. Затем была сформирована государственная стража из бывших стражников, полицейских урядников и городских. Новое начальство принялось энергично за восстановление «порядка и законности» и прежде всего начало сводить личные счёты с населением, вымещая на нем все выпавшие на их долю за время революции обиды и унижения.

Крестьянство отнеслось вначале к приходу добровольцев совершенно равнодушно, а армяне, составлявшие до 30% крестьянского населения в округе, благодаря агитации дашнакцанов, радостно приветствовали новую власть, как избавительницу от грузинского ига.

Но недолго продолжалось равнодушное отношение крестьянства к новой власти, которая вскоре возбудила к себе жгучую ненависть крестьян. Ненависть эта была вызвана, во-первых, назначением на административные посты старых полицейских взяточников, во-вторых, начавшимися реквизициями кукурузы, фуража, лошадей и повозок и, в-третьих, безобразным поведением новых властей и преследованием крестьян за пользование частновладельческими участками, хотя большинство этих участков было передано в пользование крестьянам, учрежденным при Временном правительстве земельным комитетом. Лесничество и чины лесной стражи, получавшие до революции порядочные доходы за нелегальные разрешения, выдаваемые ими крестьянам на пользование казенными участками, стали также упреждать поселянам и требовать возмещения убытков за все время революции. Естественно, что такие мероприятия быстро вызвали в крестьянах определенное отношение к новой власти и к «кадетским проядкам».

Результатом всего этого явилось то, что через месяц после занятия добровольцами Сочинского округа население вспоминало с сожалением ушедших большевиков, а через полтора месяца крестьяне с оружием в руках восстали против новой власти.

— Большевиков, когда стали притеснять нас, выгнали! Бог даст, и «кадет» прогоним,—говорили крестьяне.

Толчком к восстанию послужил приказ о всеобщей мобилизации населения до сорокалетнего возраста.

Крестьяне заявили, что проливать свою кровь за такую власть они не желают, так как мобилизованных солдат «кадеты» пошлют усмирять таких же крестьян или драться с большевиками, которые оказываются ничуть не хуже добровольцев.

Решение не подчиняться приказу о мобилизации было принято на отдельных сельских сходах, но затем крестьяне решили обсудить этот вопрос на большом окружном сходе с тем, чтобы решение окружного схода было проведено повсеместно. Поселковые сходы избрали делегатов на окружной сход, который и собрался в назначенный начальником округа первый день явки мобилизованных.

Все мужское население подлежащих явке возрастов собралось в лесах, ожидая решения окружного схода. Сход собрался также в лесу под усиленной охраной вооруженных крестьян. Обсудив создавшееся в округе положение, сход единогласно вынес следующее постановление [12 апреля 1919 года]:

«Крестьяне, не желая погибать на грузинском и большевистском фронтах, защищая интересы реакции, постановили: освободиться от Деникинского ига или же умереть здесь, у своих хат, защищая свою свободу».

Этим решением было положено начало «зеленого» движения, зародившегося в Сочинском округе, перекинувшегося вскоре в Туапсинский и Новороссийский округа и распространившегося затем по всему юго-востоку России.

Подлинное «зеленое» движение ничего общего не имеет с бандитизмом, с скрывающимися в горах и лесах шайками грабителей и с белозелеными партизанами. Подлинные «зеленые» являлись и являются местными крестьянами, восставшими и против добровольческих и против большевистских властей, и всюду, в дальнейшем повествовании, упоминая о «зеленых», я буду говорить лишь о подлинных «зеленых», т. е. о повстанцах-крестьянах. Весть о принятом на сходе решении быстро облетела все селения Сочинского округа и не один крестьянин на мобилизацию не явился.

Местные власти усмотрели в такомслушании крестьян признак бунта донесли об этом в Екатеринодар и получили приказание главного командования Добровольческой армии силой заставить крестьян подчиниться приказу о мобилизации.

Крестьяне предугадали возможные последствия своего решения и приготовились к самозащите. Для организации такой самозащиты на окружном сходе был избран «Народный штаб», которому было поручено формирование крестьянских партизанских отрядов для охраны селений от неожиданных нападений добровольцев. Сформированные штабом отряды были довольно многочисленны, но плохо вооружены: трехлинейные винтовки насчитывались в отрядах единицами, остальное огнестрельное оружие состояло из небольшого числа четырехлинейных бер-

данок и дробовых охотничьих ружей, а часть партизан была вооружена просто кольями и топорами.

Несмотря на такое плохое вооружение, крестьяне вышли победителями из первого столкновения с карательным отрядом полковника Чайковского, высланным властями для усмирения крестьян ближайших к Сочи селений Пластунки и Навагинки. Отряд Чайковского, не ожидавший встретить вооруженного сопротивления, принужден был отступить от Пластунки, бросив пулемет и потеряв 12 человек убитыми и 25 ранеными. В числе убитых оказался и начальник отряда полковник Чайковский.

С этого столкновения началась партизанская война «зеленых» с карательными отрядами Добрармии.

«Зеленым» не всегда удавалось защитить свои села от вторжения карательных отрядов. Видя, что им не под силу оборонять подступы к деревне, «зеленые» отходили в ближайший лес или в горы, продолжая оттуда обстреливать противника. Добровольцы, ворвавшись в деревню, принимались за экзекуцию оставшихся в ней крестьян, не делая никакой разницы между мужчинами и женщинами, между взрослыми и детьми. Экзекуция состояла в порке шомполами, после чего карательный отряд удалялся из деревни, реквизируя скот, запасы хлеба и фуража. Если в деревне случайно оказывался мужчина призывного возраста, он, в лучшем случае, жестоко избивался шомполами и уводился отрядом в город, а в худшем случае—тут же на месте расстреливался в назидание прочим.

Командовавший добровольческими войсками в Сочинском округе генерал Бурневич издал приказ, в котором объявил, что в случае если повстанцы не вернутся в свои деревни, не сдадут оружия и не выдадут главарей,—то все они будут объявлены врагами родины, дома их будут сожжены, а все имущество реквизировано.

Однако приказ этот не имел никаких результатов, и начальники карательных отрядов принялись в точности исполнять указанные генералом мероприятия, возбудив в крестьянах еще большее озлобление.

Вскоре начальство убедилось, что никакие жестокости карательных отрядов не могут обратить крестьян на путь послушания. Тогда решено было приступить к мирным переговорам через посредство Армянского национального совета. Добровольцы предложили следующие условия: полную амнистию всем участникам движения, отмену мобилизации и созыв крестьянского съезда для обсуждения дальнейших взаимоотношений между крестьянством и властями. Народный штаб принял эти условия, распустил отряды и прекратил вооруженную борьбу.

Но добровольцы не сдержали своих обещаний, и вскоре по приказанию начальника округа чины государственной стражи стали вылавливать из деревень наиболее активных руководителей только что прекратившегося движения. На этой почве начались новые волнения, перешедшие вскоре в новое восстание.

В селении «Третья рота» стражники арестовали двух запо-

дозренных ими участников «зеленого движения». Поселяне отбили арестованных и избили стражников, вернувшихся в Сочи и дошедших начальнику округа о «бунте». Для подавления бунта был немедленно выслан карательный отряд полковника Петрова, как снег на голову свалившийся на ничего не подозревавшее селение.

То, что произошло тогда в селении «Третья рота», по своей кошмарности и чудовищной жестокости, превосходит все расправы, учиненные до и после того добровольцами и большевиками в Сочинском округе.

Полковник Петров оцепил селение, согнал в кучу все население и объявил, что намерен расстрелять поголовно всех мужчин. Затем он заявил, что согласен смягчить свой приговор, если крестьяне соберут ему контрибуцию в пять тысяч рублей и выставят угощение. Деньги были собраны и угощение—ведра самогонки и закуска—было выставлено. Начался пир. Во время пира полковник обратился к собранным крестьянам с грозной речью, упрекая их в неповиновении властям предрежащим.

— Я должен был всех вас расстрелять, но обещал смилостивиться и от своего слова не отступлю. Поэтому я расстреляю только каждого десятого!

Крестьян построили в одну шеренгу, поставив в ряд всех мужчин, начиная от 16-летних парней. Каждого десятого отводили в сторону. Здесь же находились женщины и дети, которых прикладами отгоняли от намеченных жертв.

Осужденные держали себя гордо и никто из них не просил пощады. Один из них 16-летний парнишка—перекрестился, подбежал к стоявшему перед ним с винтовкой офицеру, ударил его по щеке и, прежде чем его успели схватить, бросился с разбега в пропасть, разбившись насмерть.

Расстреливать осужденных вызвался изрядно подвыпивший офицер. Он встал в десяти шагах перед приговоренными и не спеша, с папироской во рту, по очереди перестрелял 11 человек. Фамилия этого палача—прапорщик Бельгийский...

По окончании казни полковник Петров продолжал тут же, на трупах казненных им без всякого суда и следствия крестьян, прерванную пирушку, и только когда самогонка была вся выпита, отряд ушел из селения.

Полковник Петров впоследствии жестоко поплатился за эти бессмысленные казни: в феврале 1920 года он был взят в плен черноморским крестьянским ополчением. Когда его вместе с другими пленными доставляли в Сочи, то у селения Дагомыс (близ Третьей роты) Петрова узнала женщина—вдова казненного им крестьянина. Тотчас весть о том, что ведут Петрова, разлетелась по селению. Бабы, вооруженные палками, топорами и скалками (никого из мужчин в Третьей роте не было—все они находились на фронте), бросились на конвой, отбили полковника Петрова притащили его на место казни и буквально разорвали на части.

Действия карательного отряда полковника Петрова и другого «карателя», полковника Карташева, вызвали новое восстание «зе-

ленных». Борьба с обеих сторон становилась с каждым днем все ожесточеннее.

Крестьянство решило обратить внимание находившихся при штабе Доброй армии английских офицеров на создавшееся в округе положение и на действия карательных экспедиций. Вообще крестьяне возлагали большие надежды на бывших союзников, считая, что они возьмут их под свою защиту и не позволят добровольцам притеснять население. На 2-й день праздника Пасхи делегация с приговорами 21 селения явилась в Гагры к английскому полковнику Файну.

Полковник Файн выслушал делегацию, мельком взглянул на приговоры и ответил крестьянам, что он ничем им помочь не может.

— Если бы добровольцы вас на моих глазах резали, я и тогда бы не имел права заступиться за вас, ибо генерал Деникин и его армия являются законной властью, признанной правительством короля Англии!

Приговоры с подписями крестьян были переданы полковником Файном генералу Бурневичу, распорядившемуся арестовать некоторых из подписавшихся под ними.

После этого случая крестьяне махнули рукой на союзников и стали считать англичан такими же своими врагами как и добровольцев.

III.

Гагры с его курортом, парком и благоустройством были созданы принцем А. П. Ольденбургским, желавшим, чтобы Гагры заняли равное место с первоклассными европейскими курортами. Устраивая Гагринскую климатическую станцию, принц Ольденбургский добился включения Гагринского участка в состав Черноморской губернии (до этого Гагры находились в Кутаисской губернии). Поэтому грузины считали, что Гагры являются бесспорной частью грузинской республики.

Примирившись с занятием добровольцами Сочи, грузины никак не примирались с потерей Гагр и неоднократно обращались к английскому командованию с просьбой повлиять на Деникина, дабы заставить его очистить территорию Гагринского участка. Но англичане, по своему обыкновению, давали грузинам уклончивые ответы и отнюдь не старались оказывать какое бы то ни было давление на Деникина.

Тогда грузинское правительство решило силой завладеть отнятой у них добровольцами территорией и начало концентрировать свои войска в Сухумском округе.

Генерал Деникин, которому нужны были войска на большевистском фронте, принужден был постепенно сокращать свои силы на Черноморском побережье. Из оставшихся в Сочинском округе добровольческих частей многие были сняты с грузинского фронта для подавления непрекращавшихся крестьянских восстаний. Поэтому в Гаграх и по линии реки Бзыби у добровольцев осталось всего несколько рот очень слабого состава. Командо-

вание Добровольческой армии беспокоилось, что грузины, воспользовавшись слабостью гагринского отряда, смогут внезапно их атаковать и занять Гагры. Но англичане изъявили готовность притти на помощь добровольцам и заняли своим пикетом единственную переправу через реку Бзыбь—мост на Сухумском шоссе. Англичане считали, что грузины никогда не осмелятся атаковать английский отряд, ибо такой шаг явился бы началом войны между Англией и Грузией.

Грузины, конечно, никогда бы не решились на такой шаг, но они нашли другой выход из создавшегося положения, и опасения добровольцев действительно оправдались.

Сосредоточив по линии Бзыби восемь батальонов, конный дивизион и четыре батареи народной гвардии, грузины соорудили несколько паромов и, воспользовавшись бесечностью добровольцев, считавших себя вполне прикрытыми английским пикетом, переправились ночью на правый берег реки Бзыби. Добровольческий отряд был обойден с флангов и поспешно очистил Гагры. В это же время в районе Адлера появился сильный отряд «зеленых», почему добровольцы стали отступать прямо в Сочи, а грузины без всякого сопротивления со стороны неприятеля дошли до реки Мзымты (у Адлера).

Узнав про такую дерзость грузин, англичане ультимативно потребовали от грузинского правительства прекратить дальнейшее наступление на Сочи и отойти на прежнюю позицию по линии Бзыби. Однако грузины заявили англичанам, что они очистят Адлер, но отойдут лишь до старой границы Кутаисской губернии, т. е. до реки Мехадыр (в 16 км к северу от Гагр) и ни в коем случае не согласятся на очищение Гагр. В конце концов англичане согласились на условия грузин, а добровольцы обещали при первом удобном случае вновь выбить грузинские войска из Гагр. События эти произошли в конце апреля 1919 года.

В это время борьба сочинских крестьян с властями и карательными отрядами Доброй армии принимала все более и более ожесточенный характер. К лету 1919 г. добровольцы одержали крупные успехи над большевиками, и территория, занятая ими, охватывала весь юг и юго-восток России. С приближением армий к Москве оставшиеся в ее тылу военные и гражданские чиновники становились все более развязными и, поощряемые крайними реакционными элементами, говорившими (слова генерала Кутепова) что восстановить Россию возможно лишь при помощи кнута и виселицы, всячески старались применять эти способы воссоздания «Единой, Великой и Неделимой России» на вверенной им правительством Деникина территории. Способы эти испытало на себе население Сочинского округа.

Проводя такие суровые меры, власти говорили, что они направлены против большевиков. Но на самом деле большевики, притаившиеся в подполье и действовавшие по присылаемым им из Москвы директивам, страдали от них гораздо меньше, чем ничего общего не имевшее с коммунистами население. Коммунисты, под видом мелких агентов контрразведки, государствен-

ной стражи и поставщиков интендантства, проникли во все штабы и знали все секреты Добрармии, информируя своих московских товарищей о всем происходящем в тылу и прифронтовой полосе. В этом я имел возможность убедиться летом 1920 года, во время моего кратковременного пребывания в занятом большевиками Сочи, где один из таких агентов, смеясь, рассказывал мне, как он служил в добровольческой контрразведке, благодаря чему имел возможность подробно сообщать Красной армии о составе, численности и расположении деникинских войск. При этом большевики пользовались случаем для уничтожения своих политических противников, и очень часто добровольческие власти, сами того не подозревая, арестовывали, предавали военно-полевому суду и вешали тех людей, смерть которых была нужна коммунистам.

Усилившаяся с приближением Добрармии к Москве реакция способствовала увеличению числа недовольных и оппозиционно настроенных к власти элементов, а в крестьянском населении Сочинского округа вызвала чуть ли не поголовную тягу в «зеленые».

Однако вскоре крестьяне убедились в невозможности вести успешную борьбу с карательными отрядами добровольцев без соответствующей организации. А для организации крестьян всего округа необходимо было собрать делегатский съезд. Такой съезд должен был избрать руководящий орган, обсудить цели и способы борьбы и подчинить все действовавшие до сего времени самостоятельно «зеленые» отряды единому командованию.

Местные власти зорко следили за тем, чтобы не допустить каких-либо съездов или частных совещаний крестьян. Начальникам участков, старшинам и стражникам было предписано присутствовать на каждом сходе, которые разрешалось собирать также лишь с ведома и согласия начальства. Поэтому крестьяне неоднократно делали попытки устраивать тайные совещания в горах и лесах.

После первых удавшихся попыток избранный на одном из тайных совещаний временный организационный комитет решил созвать окружной делегатский съезд в расположенном далеко от шоссе, в горах, селении Воронцовка. Съезд этот был назначен на 14 августа.

Во всех деревнях и селениях приступили к избранию делегатов, но, к несчастью, один из таких делегатов, бывший под подозрением у начальника поста государственной стражи, был арестован и под угрозой расстрела выдал начальнику сочинской контрразведки день и место назначенного съезда.

Начальник округа выслал в Воронцовку сильный отряд, который на рассвете 14 августа окружил со всех сторон селение и приступил к повальному обыску. Часть прибывших на съезд делегатов успела скрыться, но другая часть, с двумя членами организационного комитета, была арестована, причем в руки карательного отряда попали все бумаги и переписка организационного комитета.

Добровольцы торжествовали, так как среди арестованных оказался давно разыскиваемый ими председатель организационного крестьянского комитета эсер Ефим Борисович Спивак. Он был тут же на месте, без всякого суда, расстрелян по приказанию начальника отряда, а другие арестованные—уведены в Сочи.

Так как из трех членов организационного комитета один был расстрелян, а другой—арестован, то спасшиеся от ареста делегаты, собравшись в этот же день в ближайшем от Воронцовки лесу, решили избрать новый комитет, которому и поручили созвать вторично окружной делегатский съезд. Я был избран членом нового комитета.

Два месяца велась деятельная подготовка к съезду. Организационный комитет хотел, чтобы на съезде присутствовали не только представители Сочинского, но также и двух других—Туапсинского и Новороссийского—округов Черноморской губернии. Для этой цели пришлось посылать ходоков в соседние округа, в которых «зеленое движение» происходило еще более неорганизованно, чем в Сочинском.

Вскоре выяснилось, что среди руководителей «зеленого движения» ощущается сильный недостаток в интеллигентных силах. Местные, сочувствовавшие крестьянам, интеллигенты все находились под наблюдением добровольческой контрразведки, и сношения с ними могли провалить все дело. Поэтому комитет решил пригласить для работы других людей, которые были бы неизвестны чинам местной контрразведки. С этой целью я начал вести переговоры с прибывшими в Грузию, бежавшими от Колчака членами Учредительного собрания. Двое из них—В. Н. Филипповский (бывший председатель Самарского правительства) и Ф. Д. Сорокин—согласились принять деятельное участие в работах организационного комитета и выехали в Черноморье.

Ф. Д. Сорокин, бывший матрос императорской яхты «Штандарт», происходивший из крестьян Тамбовской губернии, свободно проник под фамилией Ковалева в Сочинский округ, стал собирать тайные сходки и провел выборы делегатов почти во всех селениях округа. Через некоторое время чины контрразведки узнали про Ковалева, и власти отдали приказ в случае его поимки, расстрелять его на месте. Ковалеву-Сорокину пришлось уйти в горы, откуда он, ежеминутно рискуя жизнью, спускался в прибрежные селения и не пропускал ни одного схода, ни одного крестьянского совещания.

Местом съезда организационный комитет выбрал «нейтральную зону» находившуюся между грузинскими и добровольческими позициями, установленную по требованию англичан. В нейтральной зоне находилось четыре селения, жители которых признавали единственной властью организационный комитет и не подчинялись ни грузинам ни добровольцам.

Делегатский съезд крестьян Черноморской губернии собрался 18 ноября 1919 года. Съезд этот собрался при неимоверно трудных условиях: добровольческая контрразведка тщательно наблюдала за всеми дорогами, делегатам пришлось пробираться

по трудно проходимым, занесенным снегом тропинкам, и многие из них пришли на съезд с отмороженными руками и ногами. Один делегат Новороссийского и два делегата Сочинского округов были арестованы чинами контрразведки и подвергались жестокой порке шомполами, так как отказывались выдать имена организаторов съезда и назвать деревню, в которой он был назначен.

Так как для обсуждения создавшегося в губернии положения и решения организационных вопросов требовалась спокойная обстановка, то решено было перенести съезд из нейтральной зоны, которая часто подвергалась нашествию разведывательных отрядов Добрармии, в Гагры.

Грузины, сочувственно относившиеся к черноморскому крестьянству, среди которого был порядочный процент их соплеменников, из боязни перед англичанами не могли допустить на занятой ими территории легальных заседаний съезда, почему заседания эти происходили по ночам на даче, отведенной грузинскими властями для беженцев из Черноморья, которым они оказывали самое широкое гостеприимство. Делегаты явились в Гагры также под видом беженцев.

Съезд начался с докладов с мест, причем представители всех районов Новороссийского, Туапсинского и Сочинского округов единодушно констатировали крайне тяжелое положение, в котором находится крестьянское население губернии под властью добровольцев. Рассказывая о самоуправстве правительственных чиновников, об обременительных для деревни реквизициях и о жестоких репрессиях, которым они подвергаются со стороны карательных отрядов, делегаты утверждали, что если при большевиках крестьянам приходилось туго, то при добровольцах тяжелее.

К этому времени Добровольческая армия начала терпеть поражения, и большевики стали быстро приближаться к Кавказу. Слухи об этом проникли в деревни, и крестьяне, радовавшиеся, с одной стороны, поражению ненавистных «кадет», вместе с тем беспокоились за свою дальнейшую судьбу, ибо, испытав на себе прелести большевистского режима, знали, что коммунистическая власть столь же неприемлема и враждебна крестьянам, как и владычество добровольческих генералов. Поэтому делегаты настаивали на скорейшем всеобщем организованном восстании против Добрармии, чтобы успеть до прихода большевиков твердо укрепиться на Черноморье и установить свою собственную крестьянскую власть.

— Большевики разобьют «кадет», — говорили делегаты, — и не так большевики одолеют их, как сам народ и крестьянство, которому житья нет от «кадюков». А за «кадетами» явятся большевики и снова начнут ездить на нашей шее. Мы не хотим «коммунии», а желаем сами быть у себя хозяевами. А для этого нам нужно сначала выгнать добровольцев, а потом не допустить к себе «коммунию». Когда крестьяне в других губерниях узнают, что существует в одном месте крестьянская власть, то захотят

иметь у себя такую же крестьянскую власть. Тут и придет конец большевикам: небось, красноармейцы-то тоже все крестьяне и против своих братьев-крестьян не пойдут, это не то, что с «кадетами» воевать.

После таких речей, отражавших психологию и будущие планы крестьян, была принята следующая декларация:

«В октябре 1917 года было разрушено единство Великой Российской революции. Революционная демократия раскололась на враждующие лагеря. Рабочие были брошены на борьбу против крестьян, города—против деревень. На арене революции появилась новая сила—реакция, которая использовала раскол в единых доколе рядах, выросла в грозную силу, которая грозит отнять у народа добытые ею кровью и страданиями революционные завоевания. С тех пор вот уже два года как льется народная кровь. Сыны единой трудовой семьи, гонимые насильственными мобилизациями, истребляют друг друга во имя чуждых и даже враждебных им идеалов. Ни одна из двух борющихся сил не черпает своих идеалов в революционном сознании и воле широких кругов народа и не защищает его реальных интересов. Большевицкая диктатура, во имя светлых идеалов социализма, насильствовала народную волю и тем лишила себя поддержки широких масс трудового народа.

Народный стихийный протест против нового рабства создал и питал старого своего врага—диктатуру царизма.

И в этом процессе единая, грозная сила первого периода революции—демократия—распылилась.

От имени народа говорят все,—лишь не слышно голоса самого народа. Ему, как и в старое время царизма, дозволено лишь быть рабом и молча умирать. Доведенный до отчаяния бесконечной и чуждой ему гражданской войной, народ стихийно восстает по ту и по другую сторону гражданского фронта, чем затягивает народную бойню, углубляет анархию и хозяйственную разруху и еще более приближает торжество реакции.

Большевизм объективно осужден на поражение, грядущая реакция несет с собой старое рабство народу.

Для выхода из этого трагического тупика необходимо втянуть в борьбу с реакцией сам народ за близкие и понятные ему идеалы. И главную роль в этом грядущем периоде революции предстоит сыграть крестьянству.

Города экономически разорены и потеряли свое былое значение. Пролетариат вследствие полного разрушения промышленности расплылся и перестал быть грозной ведущей силой первого периода революции.

Деревня фактически никем не покорена—она никого не признает. Крестьянство не раздавлено, не деморализовано и не хочет идти ни за черными, ни за коммунистическими знаменами. Овладеть деревней механически невозможно. Отнять «землю и волю» никому не под силу.

И мы, черноморское крестьянство, пережившее господство большевиков и с оружием в руках защищающее свою свободу от насилия и рабства Добрармии, в эту тяжелую для родины годину решили возвысить свой голос.

Мы вступили в борьбу с реакцией, как самостоятельная третья сила—демократическая.

Мы не сложим оружия до полной победы демократии. Мы отвергаем всякую диктатуру меньшинства над большинством, от кого бы эта диктатура не исходила и какими бы конечными лозунгами она ни прикрывалась. Мы противопоставляем ей диктатуру демократии, т. е. всего народа. Лишь в революционном сознании и воле трудового народа, в его самостоятельности и инициативе мы видим путь спасения гибнущей революции. Всякая диктатура меньшинства есть насилие над народом и борьба с ним. Одновременно бороться с народом и звать его на борьбу преступно и бесполезно.

И мы, делегатский съезд черноморского крестьянства, для того чтобы придать нашей борьбе с реакцией организованные формы и общероссийское значение, впредь до воссоединения с Всероссийской федерацией, поставляем:

1. Поставить ближайшей целью борьбы образование Черноморской демократической республики с установлением федеративной связи с другими демократическими государственными образованиями для совместной с ними борьбы против реакции и за конечные цели: Российскую Федеративную Республику, которую мы мыслим, как свободный союз свободных народов; за народовластие и социальные завоевания революции.

2. Выбрать Комитет освобождения Черноморской губ., ответственный перед крестьянским съездом. Означенный Комитет осуществляет всю полноту власти на территории Черноморской губ. по мере ее освобождения, впредь до созыва чрезвычайного съезда.

3. При наступлении более благоприятных условий Комитет освобождения должен созвать чрезвычайный крестьянско-рабочий съезд, который окончательно решит судьбу черноморской демократии.

4. На время до чрезвычайного съезда Комитету освобождения предлагается: а) Организовать планомерную вооруженную борьбу с реакцией до полного изгнания добровольцев из пределов губернии. б) Немедленно приступить к переговорам с Кубанской радой на предмет вхождения Черноморья, как автономной единицы, в состав Кубани, но при непременно условии полного разрыва Кубани с Добармией и пополнения Рады свободно выбранными представителями граждан Черноморской губ. в) Обратиться ко всей трудовой демократии, как к третьей силе, с призывом сорганизоваться, выявить свою волю и биться с реакцией под своими знаменами. г) Обратиться к Совету народных комиссаров и партии коммунистов с предложением отказа от партийной диктатуры и требованием образования коалиционного социалистического правительства. д) Обратиться к трудовой демократии Европы и Америки с протестом против помощи, оказываемой ими правительствам российской реакции, и против экономической блокады, обрекающей широкие массы народа на голодную смерть, болезни и нищету».

Съезд избрал В. Н. Филипповского председателем Комитета освобождения, а меня—товарищем председателя и командующим крестьянским ополчением Черноморской губ., которое мне и было поручено организовать из всех партизанских «зеленых» отрядов.

Я, ни минуты не задумываясь и без всяких колебаний, согласился встать во главе крестьянской армии, так как всецело разделял точку зрения крестьян, которых считал единственной здоровой силой, могущей воссоздать Россию. И я уверен, что если бы не колеблющаяся и двусмысленная политика наших ближайших соседей—руководителей кубанского казачества и не усиливавшие большевиков авантюры жаждавших власти генералов, на Северном Кавказе было бы положено начало могущественной крестьянской республики.

Тотчас же после съезда я принялся за реорганизацию зеленых отрядов и формирование Черноморского крестьянского ополчения.

В основу организации ополчения был положен проект народной милиции и формирования территориальных комплектований. Вначале эта реформа была проведена только в Сочинском округе и дала блестящие результаты.

Сочинский округ был разбит на девять районов (волостей). В каждом районе на делегатском собрании представителей входящих в район селений был избран районный штаб крестьянского ополчения из трех пользовавшихся безусловным авторитетом местных жителей, по преимуществу бывших солдат. Функции районных штабов заключались в учете мужского населения от

20 до 45 лет, в учете лошадей, повозок, имевшегося на руках у крестьян оружия и патронов. После производства такого учета при каждом районном штабе были сформированы по две роты первой и второй очереди. В первоочередную роту были зачислены крестьяне более молодых возрастов, у которых имелось на руках огнестрельное оружие, во второочередную роту — более пожилые и безоружные. Все районные штабы были подчинены главному штабу, членами которого являлись по одному представителю от каждого района. Главный штаб состоял из отделов: строевого (полевой оперативный штаб), формирования, ведавший комплектованием и обучением резервов, и снабжения (с интендантским и артиллерийским подотделами).

Пока производился указанный учет людей, перевозочных средств и оружия, я принялся за вербовку командного состава, так как среди «зеленых» имелось достаточно хороших и опытных партизан для замещения должностей взводных и даже ротных командиров, но не было батальонных командиров, артиллеристов и техников — телефонистов, телеграфистов и сапер.

К нашему большому несчастью все рекомендованные мне тифлисскими партийными организациями офицеры, за исключением одного, оказались не только плохими специалистами, но и крайне непорядочными людьми, благодаря которым крестьянскому ополчению пришлось пережить впоследствии немало невзгод.

Прежде чем вступить в решительный бой с Добровольческой армией, Комитет освобождения попытался в третий и последний раз обратить внимание находившихся на Кавказе иностранных миссий на ненормальное положение в Черноморской губернии и на те методы управления, к которым прибегали назначенные Деникиным гражданские и военные власти.

Впервые крестьяне обратились к союзникам в лице английского полковника Файна в апреле 1919 года. Затем в июне того же года выборные представители Сочинского округа обращались к великобританской военной миссии в Тифлисе. И, наконец, в декабре Комитет освобождения обратился с пространственным меморандумом к английской, французской и американской миссиям, прося их, во избежание могущего произойти кровопролития, предложить поддерживаемому союзниками генералу Деникину — очистить территорию Черноморья от реки Псоу до Новороссийска (исключительно) и передать власть на указанной территории избранному крестьянами Временному правительству.

В этом меморандуме Комитет освобождения перечислял обстоятельства, вынудившие крестьян взяться за оружие, указывал на то, что оружие, выдаваемое союзниками Деникину для борьбы с большевиками, обращается им против защищающих свои законные права крестьян, и заявлял, что оставление без всякого внимания трехкратного обращения к союзникам будет сочтено черноморским крестьянством за полную солидарность иностранцев с политикой и методами управления, применяемыми командованием Добровольческой армии.

Но союзники, считавшие черноморских крестьян ничтожной

величиной, не представляющей никакой опасности для Деникина, оставили и это обращение без внимания, и только тогда, когда дружины крестьянского ополчения одержали полную победу над добровольческими полками, верховный комиссар Великобритании лично явился в Сочи и предложил крестьянам помириться с Деникиным, положив в основание мирного договора—выставленные Комитетом освобождения в декабре условия.

Но тогда крестьяне ответили английскому генералу, что время для переговоров упущено и что теперь они не нуждаются больше ни в посредничестве, ни в заступничестве бывших союзников.

IV.

В первых числах января 1920 года добровольческие власти объявили очередную мобилизацию в Сочинском округе, назначив последним днем явки мобилизуемых—26 (13) января.

Принятые делегатским съездом решения быстро дошли до самых глухих деревушек, и крестьяне с нетерпением ожидали сигнала к всеобщему выступлению против «кадетской власти». Но Комитет освобождения и главный штаб, сознавая, что это выступление должно явиться решающим моментом в затянувшейся борьбе крестьян с олицетворявшей реакцию Добрармией, оттягивали день выступления, чтобы вполне подготовиться к решительной схватке.

Главным препятствием к общему выступлению являлось отсутствие достаточного количества огнестрельного оружия. Согласно произведенного районными штабами учета, на 2 000 бойцов в крестьянском ополчении имелось всего около 300 3-линейных винтовок, 5 пулеметов, 300 берданок и 400 дробовых охотничьих ружей. Между тем у добровольцев в Сочинском округе было сосредоточено около 2 500 штыков, 8 орудий и более 30 пулеметов.

Когда крестьянам стал известен приказ о новой мобилизации, они стали требовать немедленного выступления, говоря, что в противном случае в селения вновь явятся карательные добровольческие отряды, и каждому селению придется самостоятельно вступать в бой с этими отрядами.

На мои замечания, что у нас мало оружия и совсем нет артиллерии, крестьяне отвечали с уверенностью, что раз у добровольцев имеются и пушки и пулеметы,—то нам не о чем беспокоиться, ибо после первого же боя добрая часть этого оружия перейдет в руки крестьян.

— Целый год так воюем,—говорили крестьяне,—по началу почти с голыми руками от кадет отбивались, а за лето, смотришь, и разбогатели: пять пулеметов и больше сотни винтовок от «кадет» добыли. А теперь, коль дружно ударим—и на баб оружия наберем!

Главному штабу пришлось уступить и назначить общее выступление на 26 января 1920 года.

На состоявшемся 20 января совещании с командирами дружины и представителями районных штабов был выработан следующий план выступления:

6 рот с 5 пулеметами, сосредоточившись в «нейтральной зоне», атакуют на рассвете левый фланг добровольческой позиции на реке Псоу. Две роты совершат горами глубокий обход этой позиции и, одновременно с фронтальной атакой, займут в тылу у добровольцев мост через реку Мзымгу у селения Молдовки. В ночь перед атакой отряды Волковского и Хостинского районных штабов перережут телеграфные и телефонные провода между Туапсе и Сочи и между Сочи и Адлером, завалят шоссе деревьями и, прервав все сообщения между штабами и войсковыми частями, произведут нападения на тыловые гарнизоны, склады оружия и продовольствия.

За день до назначенного срока погода внезапно испортилась, и выпавший на горах глубокий снег задержал продвижение обходной колонны. Начальник этой колонны подпрапорщик Рощенко известил меня о неожиданной задержке и просил назначить днем генеральной атаки 28 января, ругаясь, что, несмотря ни на какие препятствия, он к рассвету этого дня выйдет к селению Молдовка и захватит мост через Мзымгу.

Пришлось отложить выступление на два дня.

Весь план атаки был основан на глубоком обходе отрядом Рощенко левого фланга добровольческой позиции. Обход этот должен был быть совершен по непроходимым снеговым вершинам Кавказского горного хребта, причем отряду Рощенко предстояло перевалить через самую высокую в этом районе гору Дзыхру. Фланг добровольцев упирался в эту гору, которая считалась добровольческим командованием безусловно неприступной и непроходимой, особенно в зимнее время. Но то, что было невозможным для привыкших к полевой войне на равнинах России солдат Добровольческой армии, являлось вполне осуществимым для родившихся в горах ополченцев-крестьян. Благодаря этому успешно выполненному, поистине Суворовскому, переходу, составленный штабом план атаки удался во всех деталях.

За несколько дней до выступления ко мне явились несколько сочинских грузин, заявивших, что они не могут оставаться безучастными зрителями предстоящего боя и просят разрешить сформировать особый грузинский отряд, который и поступит в полное мое распоряжение. Не считая обходной колонны Рощенко, у меня было всего 420 штыков, поэтому каждый лишний человек, а главное, каждая лишняя винтовка, были мне чрезвычайно дороги. Я с радостью согласился, и через день «армия» моя усилилась еще 70 великолепно вооруженными грузинами.

Как я уже говорил раньше, грузинские войска, выбив добровольцев из Гагр, принуждены были остановиться на прежней границе Кутаисской губернии—реке Мехадыре, протекающей у селения Пиленкова, в 15 верстах к северу от Гагр. Селение Пиленково расположено на левом берегу Мехадыря, на котором стояли передовые грузинские посты. Главная позиция грузин находилась в одной версте к югу от Пиленкова, так что селение

лежало между позицией и передовыми аванпостами. Добровольческая позиция находилась на правом берегу реки Псоу, в пяти верстах к северу от Пиленкова, и пятиверстная нейтральная зона между реками Мехадырем и Псоу не была занята ни грузинскими ни добровольческими войсками. Эта нейтральная зона и была мною выбрана для концентрации назначенных для фронтальной атаки дружин.

Грузинское командование безусловно заметило наши приготовления, но так как грузины сами находились в состоянии войны с добровольцами, то они решили не обращать на нас внимания.

Добровольческая позиция по правому берегу реки Псоу (от берега моря до подножия горы Дзыхры) тянулась примерно на 12 верст и была занята тремя батальонами при 4 орудиях и 12 пулеметах. Правофланговый батальон был расположен в селении Веселом, средний—в селении Шиловке и левофланговый—в деревне Михельрипш. Кроме этих, находившихся на передовой линии войск, в Адлере (8 верст от Веселого) стояли два батальона и батарея и в селении Молодовка (у моста через реку Мзымту)—одна рота. В тылу у добровольцев находились гарнизоны: Сочи—армянский батальон, комендантская рота и сотня казаков и Хосты—одна рота. Эти войсковые части составляли 52-ю отдельную пехотную бригаду Добровольческой армии.

Согласно отданному мною приказу, шесть рот 1-й, 2-й и 3-й дружин крестьянского ополчения, под общим начальством Учадзе, должны были на рассвете 28 января переправиться вброд через Псоу и атаковать левофланговый батальон добровольцев у Михельрипша. Одновременно с этим грузинский отряд в 70 штыков при одном пулемете должен был оттянуть на себя внимание правофлангового батальона, произведя демонстративное наступление на Веселое. В случае, если бы находившийся в Веселом батальон, узнав о занятии отрядом Рощенко моста через Мзымту стал бы отступать по прямой дороге на Адлер, грузинский отряд должен был занять Веселое и, соединившись здесь с 2-й дружиной, двинуться кратчайшим путем к Молдовскому мосту, где соединиться с Рощенко для того, чтобы отрезать дальнейший путь отступления шиловскому и михельрипшинскому батальонам добровольцев.

Вначале я предполагал находиться при главных силах, но затем решил, ввиду малочисленности грузинского отряда и крайне важной возложенной на него задачи, находиться при грузинах. В ночь на 28 января грузинский отряд незаметно пробрался в поселок Ермоловск, откуда и должен был начать демонстрацию. Начальнику связи Михлину приказано было соединить меня полевым телефоном с Учадзе, дружины которого ночью же заняли селение Сулево (в 7 верстах от Ермоловска).

Ночью в штаб, находившийся близ Ермоловска, стали со всех сторон стекаться крестьяне ближайших деревень. Ни у кого из них оружия не было, так как все вооруженные огнестрельным оружием крестьяне находились в рядах дружин. Но

и оставшиеся без оружия хотели так или иначе участвовать в наступлении, почему и явились в штаб за распоряжениями.

Михлин, проводивший телефон между мною и Учадзе, заблудился в лесу, и я оказался без всякой связи с главными силами. Тут-то мне и пригодились безоружные крестьяне, с помощью которых, правда, уже к концу боя, удалось установить линию летучей почты. Часть крестьян явилась с подводами, предоставив их для нужд обоза. Одновременно с мужчинами пришли и бабы, принесшие с собой целые груды хлеба, сала, пирогов и яиц—для угощения ополченцев.

Все они пришли точно на праздник, весело разговаривая и смеясь между собой, несмотря на то, что у большинства из них мужья и сыновья находились в дружинах и через несколько часов должны были вступить в бой.

— Неужели вам не страшно самим и вы не боитесь за своих мужей,—спросил я одну из наших маркитанок.

— Мы уже привычные,—отвечала баба,—сколько раз за лето под пулями «кадетскими» побывали. А сейчас все решится сразу, как наши «кадетов» погонят. Вот, даст бог, и конец нашим страданиям придет... А уж коль после этого «кадеты» вновь явятся, то и мы все, бабы, в отряд пойдем... Помрем, а не пустим их к нам!

И такой всеобщий подъем внушал твердую уверенность в успехе довольно рискованного предприятия. Глядя на этих баб, я понимал, почему крестьяне не сомневаются в том, что мы одержим победу.

Наступал рассвет. Михлина с телефоном все еще не было, и я стал волноваться, так как условился с Учадзе получать от него каждые 15 минут донесения о ходе атаки на Михельриш.

Грузинский отряд подошел кустами к Веселовскому мосту, на котором стоял сильный караул добровольцев с двумя пулеметами. Нужно было начать демонстрацию.

Резко прозвучал первый выстрел с нашей стороны, за ним второй, третий, и вскоре затрещала оживленная перестрелка. В Веселом началось движение. Солдаты выскакивали из изб и, пристегивая на ходу амуницию, строились в ряды.

Со стороны стоявшего на мосту добровольческого караула раздалось несколько выстрелов, заговорил пулемет и вдруг замолк. Мы также прекратили огонь, и цепь стала, прикрываясь кустами, продвигаться ближе к мосту.

Стало совсем светло и... мы увидели над мостом белый флаг.

70 грузин, составлявших мой небольшой отряд, рассыпались цепью на целую версту. У моста оставалось всего 10 человек с пулеметом. Находившийся при них бывший офицер Гурули вышел вперед и предложил столпившимся на мосту солдатам перенести пулеметы на нашу сторону. Добровольцы тотчас же исполнили это приказание. Тогда 10 человек взойшли на мост и стали разоружать находившуюся там роту, которая тотчас же сложила оружие. Мы были удивлены, но через несколько

минут выяснилось, что сдача веселовского гарнизона вызвана только что полученным сообщением о том, что большой отряд «зеленых» внезапно атаковал Молдовку, захватил мирно спавшую там роту и овладел переправами через Мзымту. Добровольцы поняли, что они окружены и решили сдаться; только несколько человек с батальонным и ротными командирами во главе бросились бежать по прямой дороге на адлерский паром, в надежде успеть присоединиться к адлеровскому гарнизону.

Собрав свой отряд, я вступил в Веселое, где началась сдача оружия сдавшимся в плен батальоном.

Однако я сильно беспокоился за исход атаки Михельрипша. Посланные мною к Учадзе верховые не возвращались. Я понял, что «зеленые», захватившие Молдовский мост, это—отряд Рощенко, не между мною и им находилась еще занятая батальоном добровольцев деревня Шиловка, гарнизон которой мог ежеминутно притти, услышав выстрелы, на помощь веселовскому батальону.

И действительно, только что мои люди приступили к подсчету сдавшихся пленными винтовок, как на опушке деревни затрещал пулемет. Пленные начали шептаться, и я представлял себе, как они, убедившись в нашей малочисленности, схватят валяющиеся на земле винтовки, и—роли наши переменятся...

Но вдруг выстрелы стихли, и на ближайшем пригорке показался наш—красный с зеленым крестом—флаг крестьянского ополчения. Это была 2-я дружина Дзидзигури, который, выполняя диспозицию, после атаки Михельрипша двинулся к Веселому на поддержку грузинскому отряду. Огонь по Веселому был им открыт для того, чтобы отвлечь на себя внимание добровольцев, которые, по его мнению, должны были сильно теснить грузинский отряд.

От Дзидзигури я узнал, что после незначительного сопротивления Михельрипш занят 1-й и 3-й дружинами, потерявшими всего одного ополченца убитым и трех рваными. В дружине Дзидзигури был один легко и один тяжело раненый. По словам Дзидзигури, все три находившиеся в Михельрипше добровольческие роты взяты в плен. Что же касается шиловского гарнизона, то он в панике бежал к Молдовскому мосту, преследуемый дружинами Учадзе.

Через несколько минут пленные были сданы мною веселовскому старосте, которому я передал для вооружения крестьян часть захваченных нами винтовок. Дружину Дзидзигури и грузинский отряд я повел по кратчайшему пути на Адлер, в котором находились резервы добровольцев и батареи.

За колонной двигались три нагруженные винтовками повозки и не отстававшие ни на шаг от нас бабы-маркитантки.

Подойдя к Адлеру, мы услышали пушечные выстрелы, доносившиеся со стороны Хосты. Позднее выяснилось, что это стреляла отступившая из Адлера батарея, атакованная на дороге нашей хостинской ротой.

Подойдя к берегу реки Мзымты, я рассыпал цепь, ожидая встретить здесь сопротивление со стороны адлерского гарнизона. Однако посланная вперед разведка выяснила, что весь адлерский гарнизон бежал, и город никем не занят.

Мы вступили в Адлер, откуда мне, наконец, удалось установить связь с присоединившимися к отряду Рощенко дружинами Учадзе.

К вечеру все наши силы сосредоточились в районе Адлера, а авангард выдвинулся на несколько верст вперед по направлению к Хосте, откуда все еще доносились редкие пушечные выстрелы.

Через несколько часов канонада стихла, а ночью в штаб прибыл с донесением ординарец хостинского районного штаба, сообщивший о том, что хостинская рота, под начальством крестьянина Петра Блохнина, одновременно с нашей фронтальной атакой напала на хостинский гарнизон, захватила его в плен и овладела складом оружия и патронов. Вооружив взятыми трофеями второочередную хостинскую роту, Блохнин двинулся на Адлер и по дороге встретился с бежавшим из Адлера гарнизоном, с которым и вступил в бой. Бой закончился поздно вечером, тем, что часть добровольцев пробилась в Сочи, но в руках у хостинцев осталась брошенная ими четырехорудийная батарея. Хостинцы потеряли несколько человек убитыми и в том числе члена организационного крестьянского комитета и председателя хостинского районного штаба В. Т. Васильева.

Таким образом предчувствия крестьян вполне оправдались: мы одержали блестящую победу, захватив около 600 пленных, 4 пушки, 12 пулеметов и около 1000 винтовок. Оправдалось также и другое предсказание крестьян: победа дала нам столько оружия, что после вооружения второочередных рот можно было бы вполне наделить винтовками даже баб.

V.

1 февраля крестьянское ополчение подошло к селению Манеста (в 12 верстах к югу от Сочи), и дружины мои заняли позицию по левому берегу реки Гнилушки. На правом берегу этой речки укрепились отступившие из Адлера остатки 52-й отдельной пехотной бригады Добровольческой армии, усиленные прибывшим из Сочи армянским батальоном и сотней кубанских казаков.

Хотя моя «армия» пополнилась двумя хостинскими ротами и ротой пленных добровольцев, которые в Адлере упростили штаб вернуть им оружие и позволить в бою искупить их невольные грехи перед черноморским крестьянством, однако, на позиции у меня находилось всего 600 бойцов. Самый лучший отряд Рощенко после взятия Адлера пришлось на три дня распустить по домам, так как его ополченцы, совершившие трудный обход левого фланга добровольцев совершенно выбились из сил. Некоторые из людей Рощенко сильно обморозились и их пришлось поместить в адлерский полевой лазарет. Несмотря на мало-

численность моей «армии», я не беспокоился о дальнейшей судьбе нашего похода на Сочи, так как одержанная под Адлером победа еще больше подняла дух ополченцев, а, кроме того, я знал, что в случае надобности районные штабы, получившие теперь достаточно оружия и патронов, немедленно пришлют мне несколько второчередных рот пополнения.

Неприятель несколько дней не проявлял никакой активности, и мы отдыхали, выставив сильное сторожевое охранение на позиции и готовясь к новому наступлению. Такая война с двух- и трехдневными перерывами являлась одной из самых характерных особенностей нашей крестьянской милиции. Выдержав успешный бой, большая часть ополченцев всегда просилась на несколько дней домой, отдыхала в своих деревнях и, набравшись новых сил, возвращалась на позиции. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из ополченцев опаздывал из такого отпуска, за чем также строго следили районные штабы.

Во время этого первого отдыха штаб мой помещался в городе Хоста, одном из живописнейших уголков Черноморья, утопавшем в зелени садов и парков. Большой красный флаг с зеленым крестом развевался над штабной дачей, около которой с важным видом похаживал солидный бородач в постолох (лапти из козьей шкуры), домотканном zipуне и тщательно вычищенной блестящей на солнце трехлинейной винтовкой. В двух других соседних дачах кипела лихорадочная работа нашего главного интендантства. Сюда все время подъезжали подводы окрестных поселян, добровольно привозивших для нужд ополчения кукурузную муку, хлеб, сало и другие продукты. Главный штаб раздавал представителям районных штабов захваченные у добровольцев винтовки и патроны.

Хостинские обыватели, напуганные рассказами, умышленно распространявшимися добровольческими властями, готовились к самым ужасным переживаниям. Велико было их изумление, когда вместо ожидаемых кровожадных грабителей они увидели в Хосте вооруженных местных поселян, которых два раза в неделю встречали раньше на базаре...

На перекрестках улиц и на афишных столбах были расклеены воззвания Комитета освобождения, в которых население извещалось о новой власти и приглашалось спокойно продолжать свои мирные занятия. Комитет освобождения находился пока в Адлере и организовывал администрацию и гражданское управление в южной части занятого нами Сочинского округа. В Хосте же и ближайшей к фронту полосе всю власть осуществлял хостинский районный штаб, председателем которого был избран отличившийся во время занятия Хосты крестьянин селения Кудепсты Петр Павлович Блохнин. Имя Блохнина было хорошо известно в округе благодаря одержанной им летом 1918 г. победе над екатеринодарскими красноармейцами. Блохнин оказался не только отличным партизаном, но также и очень хорошим администратором. За двухдневное пребывание в Хосте я все время наблюдал, как председатель районного штаба носился вер-

хом и пешком по городку и окрестным селениям, распоряжался починкой разрушенных при отступлении добровольцев мостов, восстановлением телеграфной линии, мирил поссорившихся друг с другом обывателей, распределял между отдохавшими в Хосте резервами продукты. Я видел также, каким всеобщим уважением пользовался Блохин среди крестьян и других хостинских жителей, беспрекословно исполнявших все его приказания. Здесь же я мог наблюдать и за деятельностью районного штаба, легко справлявшегося с возложенной на него задачей учета бойцов, подвод, оружия и продуктов.

Однако необходимо было снова перейти к активным действиям, так как сформированные в тылу и неприятеля районные штабы стали нас торопить, донося, о сосредоточении добровольческих подкреплений в Туапсе, которые со дня на день должны были выступить на усиление сочинского фронта. Поэтому 1 февраля я отдал приказ о переходе в дальнейшее наступление.

Силы добровольцев, укрепившихся на правом берегу Гнилушки, состояли из четырех батальонов, сотни казаков и одной четырехорудийной горной батареи.

Мы решили овладеть их позицией, прибегнув опять к глубокому обходу левого фланга, который снова, как и на Псоу, упирался в горы и поэтому считался вполне обеспеченным от обхода.

Утром 2 февраля мы подошли к самому Сочи и остановились в селении Нижне-Раздольном (в 2 верстах к югу от города). Неприятель занимал опушку знаменитого Худяковского парка и возвышенную окраину Сочи, где предполагал обороняться до прибытия выступивших уже из Туапсе подкреплений. Мы стали быстро окружать город, и к 8 часам вечера наши роты тесным кольцом окружили противника. Рота волковского районного штаба к этому времени вышла на Туапсинское шоссе и подходила к Сочи с севера. Ополченцы просили разрешения немедленно же ворваться в город, но штаб, не желавший подвергать мирное население Сочи опасностям ночного боя в самом городе, решил отложить занятие Сочи до утра.

Разведчики доносили нам о царившей в городе панике и полной растерянности добровольческого командования. В этой растерянности мы сами скоро убедились.

Штаб мой занял дачу инженера Николаева, соединенную телефоном с гостиницей «Ривьера», в которой помещался начальник обороны полковник Брун. Кто-то из наших штабных офицеров позвонил по телефону и вызвал Бруна.

— Господин полковник, «зеленые» сильно теснят нас, пришлите нам в Худяковский парк подкрепление...

— Откуда я вам достану подкреплений, меня самого со всех сторон теснят,—отвечал с отчаянием начальник обороны. Все потеряли головы, никто не исполняет приказаний и, если к утру не придет из Туапсе отряд Жуковского, я брошу город.

— А где находится полковник Жуковский?

— Почему я знаю, никакой связи у меня с ним нет: ведь

эти «зеленые черти» перерезали все телефонные и телеграфные провода с Туашсе...

Из этого разговора мы поняли, что никакого сопротивления утром при занятии города не встретим. Так оно и случилось.

До самого утра вокруг города раздавались редкие ружейные выстрелы противника, на которые мы не отвечали. Стало светать, выстрелы стихли, на фронте царила полнейшая тишина. Я отдал приказ первой дружине втягиваться в город, выслав вперед сильные патрули. Над одной из крайних дач взвился белый флаг. Патрули вошли в город, не встречая никакого сопротивления. Вместе с командиром дружины я подошел к даче, где был выкинут белый флаг, и увидел человек пятьдесят бородастых кубанцев.

— Простите, товарищи, не знаем как вас величать,—подошел к нам один из них;—нам деваться некуда, начальство еще ночью куда-то убежало, так уж вы нас не обижайте! Сами понимаете—заставляли нас против вас воевать...

К казакам подошли ополченцы и, смеясь, стали их успокаивать:

— Ах вы, куркули, чего пужаетесь—звери мы, что ли?

Отбрав у сдавшихся в плен винтовки и приказав им явиться к дому окружного начальника, где предполагалось поместить комендантское управление, мы двинулись дальше, прошли Худяковский парк и по каменной лестнице поднялись на Московскую улицу.

К вечеру в Сочи переехал из Адлера Комитет освобождения, и наши «министеры» (как потом прозвали членов Комитета крестьяне) принялись за организацию гражданской власти в столице Черноморской крестьянской республики. Я был занят другими вопросами, чисто военными, и не вмешивался в эту деятельность Комитета освобождения.

В первый же день после занятия Сочи пришлось начать борьбу с многочисленными пленными солдатами Добрармии, которые разбрелись по окрестностям и принялись за грабежи. Воспитанные на постоянно применявшихся добровольческими властями реквизициях, пленные эти врывались в дома и дачи и, под видом обысков, забирали ценные вещи. Я отдал приказ, запрещающий всякие обыски, и предупредил, что пойманные мародеры будут на месте расстреливаться. Благодаря ополченцам хостинской роты, оставленным мною в Сочи, грабежи эти удалось прекратить, и все пленные добровольцы были сведены в команды, переданные в распоряжение Сочинского коменданта.

VI.

4 февраля рано утром я был разбужен дежурным вестовым, сообщившим мне, что к Сочи приближается английский миноносец. Так как мы знали, что англичане поддерживают Деникина, то приготовились к враждебным действиям со стороны английского военного судна. Я приказал хостинской роте занять при-

стань «Русского общества», близ которой стали на позицию два орудия.

Но миноносец спокойно подошел к городу, бросил якорь и спустил шлюпку.

Я находился на пристани и разглядел в бинокль, как в шлюпку сошли несколько человек, после чего она понеслась к пристани. Когда шлюпка подошла к пристани, из нее вышли два офицера и десять вооруженных матросов.

— Понимает ли кто-нибудь из вас по-английски или по-французски,—спросил поднявшийся на пристань майор.

Я подошел к нему и ответил, что говорю по-французски.

— По приказанию верховного комиссара Великобритании,—заявил англичанин,—я должен выяснить, кем занят город Сочи.

— Сочи заняты Черноморским крестьянским ополчением, находящимся в состоянии войны с армией генерала Деникина.

После предварительной беседы мы прошли с английскими офицерами в «Ривьеру», где между ними, председателем Комитета освобождения Филипповским и мною состоялся следующий разговор.

— Скажите,—спросил английский майор,—давно ли русские оставили Сочи?

— Сочи находятся попрежнему в русских руках, из города ушли лишь части Добровольческой армии, изгнанные отсюда русскими сочинскими крестьянами.

— Какое участие приняли в борьбе крестьян с добровольцами грузинские войска?

— Грузины никакого участия в этой борьбе не принимали.

— Какова ваша политическая программа и как относитесь вы к присоединению Черноморья к России?

— Мы всегда стояли на той точке зрения, что Черноморье составляет нераздельную часть России. Если мы сейчас объявили нашу временную самостоятельность, то это вызвано тем, что мы не желаем признавать ни всероссийской диктатуры генерала Деникина, ни такой же диктатуры большевиков.

— Откуда крестьяне достали столько оружия, чтобы решиться на открытие военных действий против добровольцев?

— Вначале у нас имелось всего 300 винтовок и немного патронов, но после первого столкновения с добровольцами мы захватили столько оружия, что имели возможность вооружить все крестьянское население округа.

Англичанин покраснел, промолчал несколько минут и снова заговорил.

— Если вы в состоянии создать в Сочинском округе твердую власть и поддержать полное спокойствие, мы готовы признать совершившийся политический переворот, но требуем от новой власти гарантий в том, что жизни и имуществу военнопленных и иностранцев не будет угрожать никакой опасности.

— Мы не следуем примеру генерала Деникина и не расстреливаем пленных. Что же касается имущества иностранных подданных,—то до тех пор, пока власть будет находиться в руках

избранного крестьянством правительства, оно также не подвергается никакой опасности.

Англичане попросили разрешения пройти в город и посмотреть, что в нем происходит.

Я распорядился подать захваченный у добровольцев автомобиль, и гости наши имели возможность лично убедиться в познейшем спокойствии и нормальной жизни занятого «зелеными» города.

Англичане вежливо распрощались с нами, сели в шлюпку и вернулись на свой миноносец, который тотчас же поднял якорь и ушел в море.

Через несколько дней после занятия Сочи мне пришлось передать командование фронтом юдному из моих помощников, служившему ранее в грузинской народной гвардии подполковнику Г., и принять деятельное участие в работе Комитета освобождения, налаживавшего организацию гражданского управления и экономической жизни освобожденной от добровольцев территории.

Председатель Комитета и большинство его членов, между которыми были распределены «министерские портфели», являлись пришлыми и незнакомыми с жизнью Черноморья людьми. Только бывший председатель сочинской городской думы Тер-Григорьян и я были хорошо знакомы с местными обычаями и довольно сложными взаимоотношениями между многочисленными национальностями, населявшими округ. Особенно усложнились отношения русских крестьян к армянским поселянам, которые, руководимые армянской партией «дашнакцаканов», поддерживали добровольцев и нарушали постановления остального крестьянского населения. После поражения добровольцев армяне круто изменили свой политический курс и попытались восстановить прежние дружественные отношения с русскими крестьянами. Но последние не желали мириться с бывшими союзниками «кадет» и относились к ним с нескрываемой враждой. Поговаривали о готовящемся погроме армян. А между тем война с добровольцами была еще далеко не законченной, и нам ни в коем случае нельзя было допустить каких-либо беспорядков в тылу фронта. Кроме того, я, как председатель главного штаба крестьянского ополчения, исполнял, громко говоря, обязанности «военного министра», или же попросту обязанности окружного воинского начальника. Отсутствие деятельных помощников и даже простых писарей заставляло меня с утра до вечера заниматься в канцелярии штаба, инструктировать приезжавших за разъяснениями представителей районных штабов и лично вмешиваться и вникать во всякие мелочи.

Наладив кое-как канцелярскую работу и деятельность интендантского отдела, я на несколько дней выехал из Сочи для объезда районных штабов. Во всех деревнях, в которые я приезжал, собирались сходы, обсуждавшие политическое положение, создавшееся с поражением добровольцев и успешным продвижением на Кубань Красной армии.

На каждом сходе принимались резолюции—продолжать борьбу с деникинцами и одновременно с этой борьбой приступить к переговорам с Кубанской радой на предмет образования Кубано-Черноморской крестьянско-казацкой республики.

К сожалению, попытки такого соглашения с Радой остались безрезультатными. С одной стороны, кубанские политики не решались открыто выступить против правительства Деникина и, как всегда, колебались в своих ориентациях.

— Еще неизвестно, чья возьмет,—говорили представители кубанского казачества:—вот англичане заявляют, что будут помогать только Деникину. Может быть, с помощью англичан Деникину удастся снова разбить большевиков...

С другой стороны, наши черноморские «министры» были уверены, что, заняв Кубань, Красная армия не двинется дальше в пределы Черноморья, и что большевики никогда не решатся вступить в борьбу с крестьянской властью. Поэтому они не были склонны к каким-то переговорам с колеблющимися кубанскими политиками.

[Вследствие «пограничного инцидента» между повстанцами и Грузией автор отправился в Гагры для переговоров с командовавшими грузинскими войсками ген. Артемеладзе. В результате переговоров инцидент был улажен. В Гаграх автора пожелал видеть английский верховный комиссар ген. Кийз. Между ними произошел разговор, во время которого Кийз старался склонить автора, как предводителя «зеленых», к примирению с Деникиным.]

— Вы ведь понимаете,—сказал Кийз,—что поражение Деникина явится торжеством большевиков. Неужели вам желательно, чтобы большевики заняли ваше Черноморье?

— Занятие большевиками Черноморья нам совсем не улыбается,—ответил я Кийзу,—и поэтому-то мы и торопимся очистить нашу территорию от добровольцев, чтобы не дать Красной армии возможности, на плечах разгромленных остатков деникинских полков, вступить в Черноморье.

Но армия Деникина совершенно не разгромлена и с нашей помощью будет еще долгое время успешно сдерживать натиск красных. Генералу Деникину важно лишь, чтобы его не тревожили с тылу. Он согласится передать Комитету освобождения управление Сочинским округом, если вы прекратите ваше дальнейшее наступление на Туапсе.

Я заявил генералу, что после всех безобразий и насилий над крестьянами, произведенных деникинскими властями в Черноморской губернии, никаких разговоров о мире между нами и Деникиным быть не может.

— Кроме того,—сказал я,—Комитет освобождения является правительством не только одного Сочинского округа, но всей губернии и избран делегатами крестьянского населения всех трех округов губернии. Крестьянский съезд постановил очистить от добровольцев всю территорию Черноморья до Михайловского перевала (в 40 верстах к югу от Новороссийска), и мы постараемся выполнить это постановление. Пусть генерал Деникин оттянет все свои войска в Новороссийск, и мы не будем их

дальше преследовать, но при непременном условии, что англичане дадут нам гарантию в том, что ни при каких обстоятельствах добровольцы не предпримут попыток нового захвата указанной территории.

— На добровольное оставление Туапсинского порта Деникин никогда не согласится,—ответил, немного подумав, Кийз.— Но предположим, что вам удастся дойти до Михайловского перевала, а большевикам—окончательно разгромить армию Деникина. Как вы тогда сможете удержать в своих руках Черноморье?

— Тогда у нас будет обширная территория, все население которой твердо решило бороться со всякими попытками насильственного подчинения края какой бы то ни было чуждой ему власти, а естественные, труднодоступные границы Черноморья позволят нам с незначительными силами обороняться от наступления врагов. Большевики не решатся на такую борьбу, ибо у них в тылу останется Кубань, где к тому времени неизбежно вспыхнут антибольшевистские восстания казаков. Мы надеемся, что Рада поймет всю важность и необходимость союза с нами, и Кубано-Черноморская крестьянско-казачья республика, которая образуется после такого соглашения, положит предел дальнейшему продвижению большевиков.

— Я усматриваю из ваших слов, что вы согласны на мирные переговоры с Кубанской радой?—спросил Кийз.

— Хотя мы никогда не объявляли войны Кубани и боремся исключительно с Добровольческой армией, но благодаря тому, что в подчинении Деникина находятся казаки, мы, к нашему глубочайшему сожалению, несколько раз имели столкновение с кубанскими частями. Наши крестьяне хотят находиться в добрососедских отношениях с кубанцами, а поэтому Комитет освобождения предложил Раде начать такие переговоры.

— В таком случае, не согласитесь ли вы отправиться вместе со мной в Екатеринодар для немедленного заключения соглашения с Радой?

— Я согласен, но с условием предварительно заехать в Сочи, для того чтобы получить полномочия на ведение переговоров от Комитета освобождения.

[Автор выехал вместе с ген. Кийзом на английском миноносце в Новороссийск, но не мог сойти на берег в Сочи из-за шторма. По настоянию Кийза он все же отправился в Новороссийск для переговоров с кубанцами.]

К вечеру, выдержав жестокий шторм, мы подошли к Новороссийску, и миноносец ошвартовался у цементных заводов, где находилась английская база.

Верховный комиссар Великобритании занимал маленький двухэтажный дом директора цементного завода.

Генерал извинился, что не может предоставить мне отдельной комнаты, и предложил временно расположиться в его кабинете.

По окончании обеда генерал сказал мне, что завтра утром он отправится к помощнику Деникина—новороссийскому гене-

рал-губернатору Лукомскому, после чего мы с вечерним поездом выедем в Екатеринодар.

На следующий день утром Кийз действительно поехал к Лукомскому, но вернулся весьма расстроенным и обозленным.

— В самом деле, окружающие генерала Деникина люди абсолютно неспособны разбираться в политических вопросах, — с раздражением проговорил он, входя в свой кабинет. — Я один поеду в Екатеринодар и постараюсь привезти с собой кого-нибудь из членов Рады, а вы подождете меня здесь.

Перед своим отъездом генерал Кийз вручил мне удостоверение, в котором значилось, что полковник Воронович находится под покровительством верховного комиссара Великобритании на юге России.

Я сначала не понял поведения Кийза и только после его отъезда узнал от секретаря, что генерал Лукомской потребовал моей немедленной выдачи для предания военно-полевому суду. На заявление Кийза, что я приехал для переговоров с Радой, Лукомский ответил, что главное командование не допустит никаких переговоров предводителя мятежников с непопулярным доверием правительства кубанским парламентом. Ввиду этого Кийз решил сам переговорить с Деникиным, а для того чтобы не допустить моего ареста Лукомским, выдал удостоверение, благодаря которому всякое покушение на мою личность было бы рассмотрено, как оскорбление верховного комиссара и представителя короля Англии.

После отъезда Кийза я в сопровождении двух английских офицеров, назначенных моими телохранителями, отправился в город, в котором мог увидеть охватившую добровольцев панику. Все ростовские и часть екатеринодарских учреждений были уже эвакуированы в Новороссийск, и разговоры многочисленных чиновников, губернаторов, оставшихся без губерний, и штабных офицеров вертелись все вокруг одной и той же темы: где купить иностранной валюты и как достать билет на какой-нибудь отходящий за границу пароход?

На следующий день вернулся из Екатеринодара генерал Кийз. Он был смущен и совершенно расстроен.

— Деникин не разрешает вам вести переговоров с Радой. Он также требует вашего безусловного подчинения главному командованию Добровольческой армии, и только когда ваши «зеленые» сложат оружие, возможно будет добиться назначения расследования о произведенных в Сочинском округе незаконных действиях военных и гражданских властей. Я вам советую подчиниться приказу генерала Деникина, тем более, что за время вашего отсутствия положение в Черноморье изменилось.

С этими словами генерал передал мне последнее официальное сообщение штаба главнокомандующего, в котором говорилось, что туапсинский отряд Добровольческой армии нанес полное поражение «зеленым бандам» на реке Лоо (в 20 верстах к северу от Сочи). «Зеленые» в панике отступают, а победоносные отряды добровольцев приближаются к Сочи.

Меня несколько смутило это известие, которое оказалось впоследствии сплошным вымыслом: никакого боя у Лоо не было, а туапсинский отряд Добрармии находился в это время в Головинке (в 70 верстах от Сочи).

Но я же показал Кийзу своего смущения, поблагодарил его за совет и попросил распорядиться немедленно доставить меня обратно в Сочи.

— Никаких приказов генерала Деникина мы, конечно, исполнять не намерены; оружия мы не сложим до тех пор, пока не очистим все Черноморье от войск Деникина, с которым ни в какие переговоры не хотели вступать. Что же касается Кубанской рады, то мы постараемся вступить с ней в переговоры, несмотря на запрещение Деникина,—заявил я верховному комиссару.

— Как хотите,—сказал Кийз:—знайте, что я хотел вам добра и очень опечален, что мне не удалось склонить Деникина помириться с черноморским крестьянством.

Генерал очень любезно распрощался со мной и выразил уверенность, что, несмотря на непримиримое настроение обеих враждующих сторон, черноморские крестьяне со временем сделаются более сговорчивыми.

На следующее утро тот же самый миноносец доставил меня обратно в Сочи.

Когда мы подошли к городу, я с радостью увидел развевающийся на маяке флаг крестьянского ополчения. Сочи попрежнему находились в наших руках.

VII.

[В половине февраля] началась предвыборная кампания и подготовка к чрезвычайному окружному съезду. По всем селениям собирались сходы, выбиравшие делегатов и выносившие резолюции с наказами избранным на съезд делегатам. Все эти наказа требовали скорейшей организации крестьянского самоуправления, продолжения борьбы за освобождение Черноморья и дальнейшего усиления крестьянского ополчения, которое «должно защищать нашу крестьянскую власть от всякой пришлой силы как справа, так и слева».

Съезд был назначен на 20 февраля, но так как к этому дню организационный комитет не мог вырешить некоторых связанных с открытием съезда вопросов, его пришлось отложить на один день. Кроме сочинских делегатов, комитет решил предоставить несколько мест сочинским и адлерским рабочим и профессиональным союзам, а фронтовики требовали допущения на съезд и их представителей. Требование это исходило не от крестьянских рот, а от пленных добровольцев, голосами которых намеревались воспользоваться большевики, не получившие ни одного депутатского мандата ни от крестьян, ни от рабочих.

Хотя главный штаб и был против участия на съезде представителей от пленных солдат Добрармии, не имевших никакой

связи с местным населением, но Комитет согласился с их требованием и предоставил по одному мандату каждой роте.

Так как крестьяне-ополченцы принимали участие в избрании делегатов в своих деревнях, то все делегаты от фронта оказались бывшими красноармейцами Сальянского и Шемахинского полков, находившимися под влиянием большевиков. Делегатами от фронта были избраны также Томашевский-Сергеев и Казанский, которые на съезде дирижировали «фракцией фронтовиков», согласно полученных ими указаний от большевистского комитета.

Как только крестьянские делегаты начали съезжаться в Сочи, их начали усиленно обхаживать, с одной стороны, коммунисты, а с другой стороны—члены меньшевистского комитета. Крестьяне решили не поддаваться влиянию никаких партийных организаций и составить собственную крестьянскую фракцию. Накануне открытия съезда крестьяне собрались в помещении театра гостиницы «Ривьера» и приступили к обсуждению вопросов, поставленных в порядке дня. Они пригласили меня принять участие в их собрании, и, когда я к ним явился, избрали меня председателем крестьянской фракции окружного съезда.

Как председатель крестьянской фракции, в состав которой входили три четверти делегатов, я был почти единогласно избран председателем чрезвычайного съезда. Хотя такое избрание и свидетельствовало о том доверии, которым я пользовался среди крестьянского населения, оно очень меня не устраивало, так как совершенно устраняло меня от управления фронтом, где с часу на час усиливалось влияние большевиков.

Линия нашего фронта подходила к этому времени к самому Туапсе, и мы готовились занять этот город, в котором были сосредоточены богатые продовольственные запасы, склады оружия и обмундирования, только что доставленные англичанами. Подойдя к Туапсе, крестьянское ополчение установило связь с партизанскими «зелеными» отрядами Туапсинского и Новороссийского округов, отрезавшими Туапсе от Новороссийска и готовившимися напасть на туапсинский гарнизон с тыла.

Участь Туапсе особенно беспокоила английское командование, которое обещало добровольцам принять активное участие в обороне города и порта. Мне кажется, что англичане беспокоились главным образом за судьбу свезенных ими в Туапсе предметов снаряжения и обмундирования, которое они в данный момент не могли вывезти обратно. Англичане попробовали воздействовать на нас угрозами и 22 февраля прислали на фронт парламентариев, заявивших, что правительство Великобритании поддерживает генерала Деникина и поэтому отнесется крайне отрицательно к дальнейшему наступлению войск Комитета освобождения на Туапсе.

Командовавший фронтом полковник Г. ответил англичанам, что он исполняет директивы Комитета освобождения, приказавшего ему занять Туапсе, а посему просит со всякими требованиями и переговорами обращаться непосредственно к Комитету освобождения.

Рано утром 24 февраля к Сочи подошел снова английский миноносец. На миноносце прибыл для переговоров с Комитетом освобождения помощник верховного комиссара Великобритании генерал Коттон.

Я только что готовился открыть заседание съезда, как мне доложили о приезде англичан и о просьбе Филипповского немедленно явиться на экстренное заседание Комитета освобождения.

Генерал Коттон заявил нам, что целью его визита является прекращение дальнейшей войны между крестьянами и правительством Деникина.

— Мы можем заставить генерала Деникина вступить в непосредственные переговоры с крестьянским правительством Черноморья,—сказал Коттон. Я не сомневаюсь, в том, что Деникин пойдет на уступки и признает самостоятельность Сочинского округа. Мы готовы оказать вам всяческое содействие и гарантировать вашу самостоятельность, но при обязательном условии прекращения дальнейшего наступления на Туапсе.

— К сожалению, мы должны отклонить ваше любезное вмешательство,—ответил ему Филипповский.—Черноморское крестьянство неоднократно обращалось в прошлом году к английскому командованию, надеясь на то, что чувства гуманности и справедливости заставят представителей Великобритании обратить внимание на тяжелое положение крестьянского населения Черноморской губернии. Но тогда вы не удостоили нас даже своим ответом, теперь же спор крестьян с Добармией разрешается при помощи оружия. Этот спор является делом русского народа, и мы не желаем вмешательства иностранцев во внутренние русские дела.

[После дальнейших безуспешных переговоров] генерал Коттон пожелал лично обратиться к представителям сочинского крестьянства и попросил разрешения посетить заседание съезда.

Я открыл прерванное заседание, на которое вскоре явились генерал Коттон, его переводчик капитан Чириков и председатель Комитета освобождения Филипповский.

Но английскому генералу не скоро удалось выступить перед крестьянами, которые наперерыв старались рассказать представителю культурной европейской нации о всех страданиях и обидах, причиненных им властями и карательными экспедициями Добармии. Один за другим поднимались на трибуну представители различных районов и селений и жуткими красками описывали «подвиги» назначенных генералом Деникиным гражданских и военных начальников.

— В прошлом году, на второй день Светлого праздника, мы обратились к вашему полковнику Файну,—заявил Коттону один из депутатов. Но вы тогда не захотели помочь нам. Чего же вы хотите от нас сейчас, когда мы, с божьей помощью, избавились от гнета насильников?

— Мы не боимся ваших пулеметов и пушек, которыми вы снабжали Деникина для борьбы с безоружными крестья-

нами,—обратился к Каттону другой депутат,—так неужели вы думаете, что теперь мы, завладев этими вашими пушками и пулеметами, побоимся ваших угроз? Знайте, что мы до тех пор не прекратим борьбы, пока не установим своей крестьянской власти на всем Черноморье... И никакие иностранцы не смогут помешать нам...

Генерал Каттон, которому переводчик дословно переводил каждое заявление депутатов съезда, был видимо смущен. Привыкнув на территории Добрармии к выражениям почтительной благодарности, он впервые столкнулся и ознакомился с настроениями того русского народа, от имени которого с ним до сего времени разговаривали генералы и бывшие губернаторы дореволюционного режима. Враждебное отношение русских к всемогущим бывшим союзникам было для него полной неожиданностью. До сих пор англичане думали, что, поддерживая Деникина, Колчака и других «правителей», они оказывают благодеяние русскому народу, и представители добровольческого командования поддерживали в них эту уверенность.

Каттон попросил слова и обратился к съезду с предложением послать с ним в Новороссийск делегатов для переговоров с верховным комиссаром Великобритании на предмет заключения перемирия с Добрармией.

— Англичане желают добра России,—заявил генерал. Англия всегда и всюду боролась за свободу и справедливость. Мы помогали Деникину оружием и обмундированием, так как он боролся против большевизма, который является самым большим врагом свободы. Выберите делегатов, и я их доставлю в Новороссийск, где они смогут договориться о прекращении борьбы с добровольцами. Я не сомневаюсь, что ваши рассказы о произведенных добровольцами зверствах соответствуют истине, но эти зверства не могут служить препятствием для заключения мира. Англичане ручаются за то, что все виновники этих зверств будут наказаны, а англичане всегда держат свое слово...

Крестьяне молча и с недоверием выслушали генерала и, когда он уселся на место, на трибуну поднялся Филипповский, предложивший представителю верховного комиссара Великобритании ответить на три вопроса.

Россия страдает от голода, холода и отсутствия предметов первой необходимости. Англия запрещает другим странам возобновлять торговлю с Россией и обрекает русский народ на новые лишения. До каких пор будет поддерживаться такая политика Великобритании? Англичане снабжают реакционные правительства и самозванных правителей оружием и снаряжением, чем поддерживают гражданскую междоусобицу. Когда прекратится это вмешательство англичан во внутренние дела России?

— Англия обещала свою поддержку антибольшевистскому правительству Деникина и всеми мерами помогает ему в борьбе с большевиками,—ответил генерал Каттон.

Проводя политику блокады, будет ли Англия препятствовать установлению морского транспорта между Сочи и Грузией

и будет ли допускать в Сочи суда с продовольствием и мануфактурой,— снова задал вопрос Филипповский.

— Этот вопрос еще не разрешен английским командованием...

Хор негодующих восклицаний прервал ответ генерала.

— Вы приехали уговаривать нас помириться с Деникиным, а сами хотите нас уморить голодом,— кричали с мест депутаты.

С трудом удалось мне успокоить взволновавшихся членов съезда, после чего я заявил генералу Коттону, что съезд обсудит его предложение и даст на следующий день ответ представителю верховного комиссара.

— Хорошо,— согласился Коттон,— я вышло завтра в 6 часов вечера парламентаря на 12-ю версту железнодорожной линии от Туапсе. В этом пункте он будет дожидаться вашего ответа.

Мне только что передали телефонограмму с фронта о начавшейся атаке Туапсе и о том, что один из наших отрядов уже овладел вокзалом и предместьями города. Поэтому я отвегил генералу, что назначенный им пункт встречи парламентарев придется оставить и избрать другой— к северу от Туапсе.

— Неужели вы надеетесь занять завтра Туапсе?— улыбнулся Коттон.— Имейте в виду, что суда королевского флота примут участие в обороне этого порта.

— Боюсь, что английская эскадра запоздает и не сможет оказать поддержку туапсинскому гарнизону.

— Прежде чем начать атаку Туапсе, вспомните, что английское командование отнесется крайне отрицательно к такому шагу с вашей стороны.

— К сожалению, ваше предупреждение также запоздало, господин генерал, так как атака Туапсе уже началась и наши отряды в настоящий момент вступают в город...

С этими словами мы распрощались с англичанами, которые поспешили вернуться на свой миноносец. Через 10 минут миноносец поднял якорь и отошел по направлению к Туапсе, куда прибыл в 6 часов вечера и был встречен в порту назначенным мною новым комендантом, только что приступившим к подсчету захваченных ополчением трофеев.

После отъезда англичан съезд приступил к обсуждению резолюции по текущему моменту. Резолюция эта обсуждалась уже накануне крестьянской фракцией, была ею единогласно принята, и теперь я огласил ее на пленарном заседании съезда. Так как крестьяне составляли подавляющее большинство съезда, не могло быть никаких сомнений в том, что она будет принята пленумом съезда. Но к моему глубочайшему изумлению вышло иначе: выработанная крестьянами, на основании данных им с мест наказов, резолюция была отклонена съездом, который принял другую, предложенную Филипповским и находившуюся в резком противоречии с настроениями крестьянства.

Произошло это следующим образом. В декларации крестьянской фракции, положенной в основу резолюции по текущему моменту, говорилось об одинаково отрицательном отношении крестьян как к генеральской, так и к большевистской диктату-

рам. Крестьяне заявляли, что они будут стремиться к установлению в освобожденном от добровольцев крае начал истинного народоуправства и будут бороться против всяких попыток нового насильственного захвата своей родной территории: «всякая посторонняя сила сможет перейти границы округа только по трупам всего сочинского крестьянства».

Затем в резолюции указывалось на стремление крестьян положить конец бессмысленной братоубийственной гражданской войне и на их желание вступить в свободный союз с остальными областями и народами России. «Но мы не хотим такого объединения,—говорилось в резолюции,—под властью насильников и можем вступить в переговоры о таком союзе лишь с свободно избранными представителями соседних областей».

Когда я огласил эту резолюцию и предложил голосовать, ее, поднялся со своего места лидер «фракции фронтовиков» Томашевский и заявил, что резолюция эта совершенно неприемлема для фронтовиков. Такое же заявление от имени рабочей группы сделал председатель меньшевистского комитета Измайлов. Начались прения, во время которых выяснилось, что неприемлемыми для фронтовиков и рабочих являются те выражения, в которых говорится о «всякой посторонней силе» и о существующей в остальной России «власти насильников». Большевики, конечно, понимали, что эти выражения относятся к ним и поэтому энергично против них протестовали. Я не придавал никакого значения заявлению Томашевского, так как знал, что фракция фронтовиков представляет не фронт, а всего лишь два батальона пленных добровольцев, которые были послушным орудием в руках дирижировавших ими большевиков. Но меня поразило заявление Измайлова, которого я до сих пор считал идейным меньшевиком и противником политики коммунистов.

Крестьяне отнеслись совершенно равнодушно к заявлению фронтовиков и рабочих и предложили им воздержаться при принятии резолюции. Томашевский, пошептавшись со своими товарищами, согласился с таким предложением и заявил, что фронтовики не будут принимать участия в голосовании. Таким образом предложенная крестьянами резолюция была бы принята подавляющим большинством съезда, но вмешательство Филипповского и Измайлова помешало этому. Филипповский, который, как и некоторые другие члены Комитета освобождения, был уверен в эволюции большевиков, считал невозможным обострять отношения крестьян с коммунистами. Поэтому он предложил избрать согласительную комиссию—по три представителя от крестьянской, рабочей, и фронтовой фракций—для составления новой резолюции, в которой должны быть выкинуты все направленные против большевиков выражения. Измайлов горячо поддержал предложение Филипповского, которое и было принято незначительным большинством съезда. Большая часть крестьян демонстративно не приняла участия в голосовании этого предложения, которое явно нарушало наказания волостных и сельских сходов.

Я отказался от участия в согласительной комиссии и ушел в штаб переговорить по прямому проводу с командующим фронтом, от которого хотел узнать подробности начавшейся атаки Туапсе.

Командующий фронтом передал мне донесение о взятии Туапсе и захвате колоссальных трофеев, в том числе 35 миллионов рублей, только что полученных туапсинским казначейством из Новороссийска.

Когда я вернулся в зал заседания, согласительная комиссия уже составила новую резолюцию, в основу которой была положена декларация крестьянской фракции, но из которой были тщательно выкинуты все «обидные» для большевиков выражения. Часть крестьян не поняла новой резолюции, а остальные снова не приняли участия в голосовании. Таким образом резолюция эта была принята всеми голосами рабочих и фронтовиков и незначительной частью крестьянских делегатов.

Следующие заседания съезда проходили довольно вяло. Крестьяне поняли, что принятая по текущему моменту резолюция не соответствует их настроениям, и торопились разъехаться по домам. Фронтовики также просили скорее закончить съезд, чтобы поспеть в Туапсе, где, как оказалось впоследствии, большевики готовились произвести «государственный переворот».

После переизбрания Комитета освобождения, которое кончилось полным провалом выставленных рабочих и фронтовой фракциями кандидатов и победой крестьян, забаллотировавших даже лидеров рабочих и фронтовиков—Измайлова и Томашевского,—съезд был закрыт.

Из Туапсе стали поступать тревожные вести, и я собирался выехать на фронт, приближавшийся уже к Геленджикю.

Меня тревожило не столько положение фронта, которое я считал вполне прочным, сколько начавшиеся в Туапсе безобразия, производимые перешедшим при взятии города на нашу сторону Черноморским пехотным полком Добрармии. Полк этот, заранее распропагандированный большевиками, которые еще в Новороссийске при его формировании основали в нем солидную комачейку, арестовал своих офицеров и некоторых из них расстрелял, после чего начал грабить доставшиеся нам в Туапсе богатые склады обмундирования. Командующий фронтом доносил мне, что он не в состоянии обуздать разошедшихся черноморцев, а комендант Туапсе коммунист Швецов и самовольно выехавший в Туапсе Томашевский, преследуя известную цель, не только не принимали мер к обузданию вышедших из повиновения солдат, но, наоборот, всячески им потакали.

Я спешно выслал в Туапсе три крестьянских роты под начальством моего помощника, члена Комитета освобождения Учадзе, которому предложил немедленно разоружить черноморцев. Прибывшие в Туапсе крестьяне быстро навели там порядок, спасли от разграбления казначейство и вывезли из туапсинской тюрьмы многочисленных пленных офицеров Добрармии,

которые подвергались там ежеминутной опасности быть расстрелянными своими бывшими подчиненными—солдатами Черноморского полка.

VIII.

Между тем в Туапсе назревали крупные события. Комитет освобождения, опирающийся исключительно на крестьян Сочинского округа, не торопился переезжать в Туапсе, являвшийся центральным пунктом губернии, и пытался из Сочи управлять всем Туапсинским и южной частью Новороссийского округов, очищенных к началу марта от властей и отрядов Добрармии. Крестьяне этих двух округов не принимали участия в последнем съезде, и новый состав Комитета был им не знаком. Главный штаб ополчения успел организовать только два районных штаба в Туапсинском округе и также имел мало влияния на крестьянство северной части губернии. Первые дни после съезда я был занят организацией волостных крестьянских управ в Сочинском округе, почему также не мог во-время поспеть в Туапсе.

Всем этим воспользовались большевики, которые хотели объявить Черноморье советской республикой и, опираясь на солдат Сальянского, Шемахинского и Черноморского полков Добрармии, в достаточной степени распропагандированных комячейками и специально командированными Закавказским областным комитетом коммунистической партии агитаторами, свергнуть избранное крестьянами правительство.

Через несколько дней после занятия Туапсе в штаб фронта явились представители наступавшей на Кубань 9-й советской армии—Соркин и Цимбалист. По их указанию Томашевский и Шпецов вооружили всех военнопленных добровольцев и сформировали из них шесть батальонов. Затем был в экстренном порядке созван «фронтальный съезд», который провозгласил крестьянское ополчение Черноморской красной армией, отказался признавать Комитет освобождения и главный штаб и избрал реввоенсовет.

Как только известие о решениях фронтального съезда дошло до находившихся на фронте крестьянских отрядов Сочинского округа, все они тотчас снялись с фронта и, отказавшись подчиняться новому «реввоенсовету», вернулись в Сочи. На фронте, таким образом, остались только батальоны бывших добровольцев.

Туапсинские крестьяне, узнав о происшедшем в Туапсе перевороте, также забеспокоились, прислали ходоков в Сочи и заявили главному штабу, что они не хотят признавать власти реввоенсовета и будут впредь подчиняться только приказам главного штаба крестьянского ополчения и Комитету освобождения.

Большевики не ожидали такого противодействия со стороны крестьян и в свою очередь забеспокоились, стараясь найти выход из создавшегося положения. Туапсинский реввоенсовет обратился к Комитету освобождения и предложил ему договор для разграничения функций реввоенсовета и Комитета. Он предлагал передать Комитету управление всем Туапсинским окру-

гом, при условии передачи ему всех захваченных в Туапсе трофеев и половины сумм туапсинского казначейства, во-время перевезенных Учадзе в Сочи.

В общем положение не было катастрофическим, и Комитет освобождения, опираясь на все крестьянское население, мог бы с честью из него выйти. Но, к сожалению, недальновидность Филипповского, который был ослеплен фантастической мечтой о возможности договориться с большевиками, испортила все дело.

Я предложил Филипповскому немедленно выехать со мной в Туапсе и, выяснив там обстановку, так или иначе положить конец создавшемуся двоевластью.

Филипповский опасался, что реввоенсовет нас арестует, но я успокоил его, заявив, что в случае нашего ареста крестьяне силой освободят нас и живо расправятся с реввоенсоветом и его шестью деморализованными грабежами батальонами.

Мы выехали на двух моторных катерах, сопровождаемые представителями хостинского и волковского районных штабов, которые не хотели отпускать меня без конвоя в Туапсе.

Реввоенсовет устроил нам торжественную встречу, демонстративно подчеркивая, что он не стремится к захвату власти в Туапсинском округе, а желает исключительно управлять фронтом. Назначенный «командармом» бывший командир одной из дружин крестьянского ополчения Казанский сделал мне подробный доклад о положении на фронте и заявил, что, несмотря на решение фронтового съезда, он и все бывшие под моим начальством фронтовики готовы с радостью исполнять попрежнему мои приказы и распоряжения.

Вскоре в помещении штаба армии состоялось совещание, на котором приняли участие члены реввоенсовета (Соркин, Цимбалист и Казанский), Филипповский, Сорокин, я и находившийся в Туапсе член Комитета освобождения И. И. Рябов (бывший член самарского правительства и член Учредительного собрания).

Мне прежде всего хотелось выяснить планы большевиков и их ближайшие намерения.

— Нашей задачей является облегчить наступление 9-й советской армии на Екатеринодар,—заявил председатель реввоенсовета Соркин. Поэтому мы на-днях двинемся на Белореченскую, захватим Майкопский и часть Лобинского отделов и, обеспечив себе прочную тыловую базу, пойдём на соединение с частями 9-й армии. Что же касается Геленджикского фронта, то, усилив его несколькими ротами, мы двинем его на Новороссийск, чтобы отрезать путь отступления добровольцам и захватить железную дорогу из Новороссийска в Екатеринодар.

Для меня было совершенно ясно, что план Соркина обречен на верную неудачу, но возражать я ему не стал, так как считал, что чем скорее армия реввоенсовета покинет нашу территорию, тем мы скорее восстановим свою власть.

Я уже говорил, что, будучи уверены в неминуемом разгроме добровольцев, мы хотели прочно укрепиться на естественных и неприступных рубежах Черноморья, каковыми являлись глав-

ный Кавказский хребет на востоке и Михайловский перевал на севере. Укрепившись на этих рубежах, организовав свою крестьянскую армию и объединив население Сочинского, Туапсинского и южной части Новороссийского округов, Комитет освобождения мог бы сохранить эту территорию от захвата ее большевиками и заявить советскому правительству о полной автономии и самостоятельности Черноморья. Ввиду неприступности естественных границ Черноморья и такого ненадежного тыла, каким являлась Кубань, большевики безусловно отказались бы на первое время от мысли завоевать Черноморье силой оружия, а через полгода или год мы бы настолько укрепились, что распространили свое влияние на кубанских казаков и крестьян Ставропольской губернии, и, может быть, достигли бы нашего заветного стремления—образования Северо-кавказской крестьянско-казахской республики.

Поэтому я готов был пойти на какие угодно уступки реввоенсовету, лишь бы он скорее убрался из Туапсе и очистил территорию до Михайловского перевала.

Началась торговля. Реввоенсовет требовал от нас все захваченное крестьянским ополчением оружие, обмундирование и часть перевезенных в Сочи миллионов. Я не возражал против денег, но не соглашался на передачу всего оружия.

— Если вас разобьют добровольцы, то мы останемся безоружными, и Черноморье может быть вновь захвачено Деникиным,—ответил я Соркину.

— Не беспокойтесь: если даже мы и потерпим поражение, то через несколько дней 9-я и 10-я советские армии захватят всю Кубань, двинутся на Черноморье и освободят вас от добровольцев.

Он рассуждал правильно, но мы как раз и опасались вторжения большевиков, на плечах разбитой деникинской армии, в пределы Черноморья.

Поэтому я стал категорически настаивать на немедленной передаче Комитету освобождения всей власти в Туапсинском округе, возвращении главному штабу крестьянского ополчения 2 тяжелых и 4 горных пушек и 12 пулеметов. Без этого оружия мы не могли бы сформировать три новые дружины, необходимые нам для обороны Черноморья и от большевиков и от добровольцев.

В компенсацию за это я предлагал реввоенсовету 20 миллионов из захваченных нами денег Туапсинского казначейства.

Реввоенсовет стал колебаться и наверное согласился бы на мои условия, но тут вмешался Филипповский, который стал уговаривать меня не требовать такого большого количества оружия.

— Товарищ Соркин прав,—сказал он: зачем нам пушки и пулеметы, когда не за горами день окончательного разгрома добровольцев...

Филипповского поддержали Рябов и Соркин, которые так же как и он верили в то, что большевики оставят нас спокойно управлять Черноморьем..., Если бы они в этот момент могли

предугадать то, что произошло через полтора месяца в Сочи, когда эти наивные люди были арестованы «товарищами-большевиками», они наверно не стали бы мне мешать и также настаивали бы на возвращении главному штабу пушек и пулеметов.

В конце концов Филипповский не только отказался от возвращения оружия, но согласился даже на временное оставление властям в Туапсинском округе в руках реввоенсовета и обязался от имени Комитета освобождения не препятствовать агитации коммунистов в селениях Сочинского округа.

За все это реввоенсовет милостиво разрешил нам владеть и княжить Сочинским округом до тех пор, пока товарищи-коммунисты не расправятся окончательно с Деникиным и не приберут нас под свою высокую руку...

Мы позорно очистили поле битвы, хотя могли бы выйти победителями и добиться очень многого от реввоенсовета, который чувствовал, что вся его сила заключается только в одном нахальстве...

Несмотря на такую неудачу, я все таки выторговал у Казанского и Соркина одно тяжелое орудие и две горных пушки, которые тотчас же переотправил в Сочи. Кроме того Казанский обещал прислать мне тайком от реввоенсовета четыре пулемета и пятьдесят трехлинейных винтовок.

IX.

Случилось как раз то, чего мы больше всего боялись: часть преследуемой большевиками Добровольческой армии отступила с Кубани на Черноморское побережье и привела вслед за собой большевиков... А мы оказались совершенно неподготовленными к этому нашествию и, благодаря туапсинскому перевороту и неудачному соглашению Комитета освобождения с реввоенсоветом, почти безоружными.

Вскоре мы узнали из телеграммы Соркина, что реввоенсовет несколько дней тому назад приступил к выполнению «гениального» плана Соркина и Цимбалиста. Шесть батальонов, составивших «Черноморскую красную армию», перешли границу Кубани и церемониальным маршем двинулись в Майкопский отдел. Кубанские казаки, которые не хотели сражаться со своими соседями—черноморскими крестьянами,—не оказывали им вначале никакого сопротивления. Но затем, увидев, что это не крестьянские дружины, а неведомо откуда взявшиеся красноармейцы, казаки взялись за оружие и выступили против туапсинской армии.

Победоносное шествие батальонов Соркина и Цимбалиста было приостановлено у станицы Ходыженской. Выдержав несколько стычек с местными казаками, туапсинская армия неожиданно для себя столкнулась с отступавшей из Екатеринодара кубанской армией генерала Шкуро. В телеграмме Соркина сила этой армии определялась в 25—30 тысяч казаков. Туапсинцы потерпели жестокое поражение, в беспорядке отступили к ста-

нище Индюк (на границе Туапсинского округа и Кубани) и оказались не в состоянии удержать почти неприступную позицию под Индюком. Ввиду полного расстройств «Черноморской красной армии», реввоенсовет решил эвакуировать Туапсе и отступить по направлению на Геленджик, откуда Соркин рассчитывал снова выйти на Кубань и соединиться с 9-й советской армией.

Таким образом мы стояли перед опасностью нового захвата Сочинского округа добровольцами.

Х.

3 апреля вся прибрежная полоса Сочинского округа до реки Мзымты была очищена крестьянским ополчением, все ютряды которого были отведены в горы. Большая часть населения этой полосы также покинула свои насиженные места и приютилась в горных селениях. Казаки начали хозяйничать в брошенной нами части округа.

Из Туапсе в Сочи переехала Рада во главе с ее председателем И. П. Тимошенко, члены кубанского правительства и атаман генерал Букретов.

Кубанское правительство выпустило обращение к населению Черноморья, в котором заявляло, что оно заняло Черноморье исключительно в силу сложившейся военной обстановки и никаких завоевательных целей не преследует. Поэтому председатель правительства Иванис гарантировал населению оккупированного Сочинского округа неприкосновенность жизни, чести и имущества, обещая бороться со всякими злоупотреблениями.

Через несколько дней население округа убедилось в том, как кубанское правительство выполняет свои торжественные обещания и насколько серьезные гарантии Иваниса.

Семидесятитысячная масса войск, беженцев и обозов буквально наводнила узкую прибрежную полосу. В городе Сочи с трудом разместились многочисленные штабы и гражданские управления кубанского правительства. Воинские части, беженцы и обозы расположились в предместьях и окрестных селениях. Вся эта масса людей, лошадей, верблюдов и других животных явилась на побережье без хлеба, продовольствия и фуража и была вынуждена кормиться за счет скудных запасов местного населения. Не соблюдая никаких правил о реквизициях, командиры частей и отдельные казаки целыми днями шарили по деревням, забирая у оставшихся на местах крестьян последние остатки кукурузы, пшеницы и домашнюю птицу. Строевые и обозные лошади, приведенный беженцами скот и верблюды выпускались на подножный корм в сады, огороды и на поля, засеянные озимой пшеницей. Через неделю все запасы крестьян были съедены, будущий урожай был уничтожен и все фруктовые деревья, составлявшие главное богатство прибрежных крестьян, обглоданы и обломаны.

В тех деревнях, в которых население сопротивлялось своему

разорению, производились самые гнусные насилия: осмеливавшиеся протестовать крестьяне и крестьянки или пристреливались мародерами, или подвергались по приказанию командного состава порке шомполами. А кубанское правительство и председатель Рады Тимошенко заявляли в это же время в приказах и прокламациях, расклеивавшихся по улицам Сочи, что они борются с злоупотреблениями и защищают жизнь, честь и имущество населения Сочинского округа.

Но вскоре и кубанским политическим деятелям оказалось невозможным умалчивать далее о происходивших в округе грабежах и насилиях. Тогда в офицозе Тимошенко и Иваниса—в «Вестнике кубанского правительства» от 7/20 апреля—появилась статья кубанского министра внутренних дел Белашева, в которой говорилось, что отдельными воинскими чинами производятся по деревням насилия, пятнающие честь казачества и встречающие самое резкое осуждение со стороны правительства. Что же касается до обострения голода, вызванного нашествием кубанской армии, то Белашев рекомендовал населению примириться с этим явлением, не обвинять казаков и не роптать на реквизиции остатков продовольствия, необходимых для армии, которая является защитницей этого населения от наступающих большевиков.

Часть городского населения, которое не так терпело от грабежей, как сельское, и которое больше всего опасалось пришествия большевиков, поверило заверениям кубанских министров и с надеждой взирало на кубанскую армию Шкуро. Но крестьяне, которые были до последней нитки юбообраны своей «защитницей» и которые видели, что все внимание этой «защитницы» обращено не на свободно продвигающихся вслед за ней большевиков, а на горные селения, где еще можно было кое-чем поживиться, отнеслось с недоверием к этим пышным заверениям, которым не верили даже министры и политические деятели, подписавшиеся под ними.

Что же происходило в это время на фронте армии Шкуро? Пока главнокомандующие со своими многочисленными штабами отдыхали в «Ривьере», проводя весело время в кутежах и попойках, против которых было вынуждено ополчиться даже само кубанское правительство (в статье от 8/21 апреля своего официального «Вестника»), и пока большая часть армии занималась мародерством по окрестным селениям, три батальона 34-й советской дивизии безудержно гнали все дальше и дальше на юг 30-тысячную армию шкуровцев. Впрочем большевики не торопились нанести этой армии окончательный удар, ибо никак не могли предположить, что казаки настолько деморализованы и небоеспособны. Они решили несколько подготовиться к этому удару, для чего им было необходимо реорганизовать и пополнить ряды занявшей Туапсе 34-й дивизии, насчитывавшей всего 3 000 штыков. И вот на виду у неприятеля большевики начали пополнять свои войска, оттянув их в Туапсе и оставив на границе Сочинского округа для наблюдения за казаками слабый авангард в три батальона с одной батареей. Через 10 дней большевики влили:

в ряды 34-й дивизии красноармейцев 50-й дивизии и, доведя численность этой сводной дивизии до 9 000 штыков, решили покончить с армией Шкуро.

Тимошенко, Иванис и другие кубанские политические деятели успели за это время выбрать новую ориентацию на «демократическую Грузию» и, поняв, что никакого серьезного сопротивления большевикам деморализованная армия Шкуро оказать не сможет, решили одновременно покинуть Черноморье и отправиться в Тифлис для переговоров с грузинским правительством на предмет заключения кубанско-грузинского союза.

В Тифлисе они надеялись убедить грузин прежде всего в том, что армия их вполне боеспособна, нуждается лишь в кратковременном отдыхе и затем легко сможет завоевать покинутую территорию Кубани.

Затем они думали склонить грузинское правительство к согласию на снабжение кубанской армии продовольствием из интендантских запасов грузинских войск, обещая после очищения Кубани от большевиков наводнить Грузию кубанским хлебом.

Перекарасившись в «демократический цвет», кубанские политики начали свои переговоры с грузинами заявлениями о своей демократичности. С этой целью Тимошенко дал несколько интервью тифлисским журналистам, рассказывая о том, что на временно оккупированной территории Сочинского округа кубанское правительство разумными и демократическими распоряжениями установило полный порядок и снискало к себе общую любовь и благодарность всего населения. Он отрицал начавшийся в Сочинском округе голод, уверял, что базары переполнены продуктами, и войсковые части кубанской армии не прибегают к насильственным реквизициям, так как само население охотно доставляет им все необходимые продукты.

Быть может кубанским политикам и удалось бы склонить грузин на заключение спасительного для кубанцев союза, но выступление генерала Шкуро открыло глаза грузинскому правительству на «демократизм» руководителей казачества. После одной веселой попойки, происходившей в переполненном публичной общем зале ресторана «Ривьера», генерал Шкуро обратился с зажигательной речью к своим офицерам, в которой заявлял о том, что он для расширения своей базы принужден будет перейти границу Грузии и занять богатый продовольствием Сухумский округ. В зале присутствовало несколько грузин, которые немедленно передали слова Шкуро через Гагры в Тифлис, после чего грузинское правительство отказалось от всяких переговоров с кубанцами, заявив, что оно не может подвергать молодую грузинскую республику риску войны с российским советским правительством.

Пока политические деятели Кубани вели переговоры с грузинами, положение армии Шкуро ухудшалось с каждым днем. Все местные запасы были давно съедены, и войска начали голодать. Люди стали питаться кониной, падалью и корой, вспыхнули голодный тиф и холера. Продовольствие из Крыма, о ко-

тором говорили Мамочнов и другие вожди казачества, доставлено не было. Штаб Деникина через англичан уведомил Шкуро, что армии его будет доставлено продовольствие и патроны только в том случае, если она безоговорочно признает власть главнокомандующего вооруженными силами на юге России.

Генерал Шкуро в сущности никогда и не порывал с Деникиным и, убедившись в полной деморализации своих войск, вступил при посредстве англичан в переговоры с главным командованием о перевозке казаков в Крым.

Англичане, поддерживавшие Деникина, а поэтому относившиеся крайне отрицательно к кубанскому правительству, обрадовались возможности лишить это правительство вооруженной силы и заявили Иванису, что в случае согласия его на перевозку казачьей армии в Крым, английская эскадра предоставит кубанцам перевозочные средства и огнем своих дредноутов прикроет отступление и погрузку на суда армии Шкуро.

Во время этих переговоров высший командный состав кубанской армии, понявший, что оставление Сочи является вопросом всего нескольких дней, решил воспользоваться случаем для ликвидации оставленных Комитетом освобождения табаков. С этой целью генерал Шкуро вступил в соглашение с батумскими спекулянтами и уполномочил одного из своих подчиненных, генерала Остроухова, продать принадлежавшие черноморскому крестьянству табаки. К Сочи подошло несколько пароходов и, к глубокому разочарованию обывателей, узнавших о приходе судов и полагавших, что суда эти доставили наконец давно обещанное продовольствие, приступили к спешной погрузке и вывозке из Сочи того валютного товара, на который так рассчитывало население, надеясь обменять его на хлеб.

Когда табаки были вывезены в Батум, Комитет освобождения обратился к английским властям (Батум был в то время оккупирован англичанами) с просьбой наложить арест на похищенное казаками у крестьян имущество, но батумский военный губернатор официальным документом за № 3343 отказал в этом ходатайстве и разрешил спекулянтам вывезти эти табаки через Константинополь в европейские порты. Там табаки эти были выгодно проданы, вырученные от продажи «фунты» обогатили хищников, а черноморское крестьянство, вступившее в период новой борьбы за свои права с московскими «комиссародержцами», оказалось без всяких средств, столь необходимых для этой борьбы. Действия английского батумского губернатора оказались последним «благодеем», оказанным бывшими союзниками русскому крестьянству Черноморья...

Кубанское правительство, пытавшееся вновь завязать сношения с Комитетом освобождения и неоднократно торжественно заверявшее, что оно будет бороться со всякими злоупотреблениями и гарантирует неприкосновенность имущества и достоинства сочинского населения, санкционировало этот грабег и, оправдываясь впоследствии перед представителями крестьянства, уверяло, что табаки были проданы в обмен на продовольствие

для армии и населения. Быть может, если бы вырученные от продажи табаков деньги действительно пошли на покупку хлеба, крестьяне отнеслись бы более снисходительно к этому грабежу, но на самом деле заявление кубанского правительства явилось такой же ложью, как и все его предыдущие обещания и заверения: ни одного пуда хлеба в обмен на вывезенный табак в Сочи доставлено не было.

В конце апреля казаки стали усиленно пробиваться к горным селениям.

Главный штаб решил оказать им самое упорное сопротивление, дабы спасти население горных селений от участи совершенно разоренных и ограбленных деревень прибрежной полосы. Первые же столкновения с казаками кончились для нас успешно: казачьи отряды принуждены были отступить, оставив несколько пленных, вид которых внушал крестьянам живейшее сострадание. Штаб постановил всех пленных отпускать обратно, взяв с них обещание не участвовать больше в набегах на горные селения. Мы стали готовиться к более серьезным боям, так как из донесений разведчиков знали об отданном генералом Шкуро приказании занять ряд селений горной полосы.

Однако начавшееся наступление красных избавило нас от новых столкновений с казаками.

30 апреля пополненная новыми контингентами 34-я советская дивизия перешла в наступление и стала теснить шкуровцев, в панике отступавших перед во много раз слабейшим врагом. Кубанское правительство согласилось на перевозку своей армии в Крым, и английская эскадра, подошедшая к Сочи, стала прикрывать отступление армии Шкуро. До нас ясно доносились звуки ожесточенной канонады. Англичане, думая сдержать натиск большевиков, принялись обстреливать из своих дредноутов прибрежные селения, и результатом их активного вмешательства в войну между казаками и большевиками оказалось разрушение нескольких селений Сочинского округа. Красные не понесли никаких потерь от огня английских кораблей, но крестьяне пострадали очень сильно: многие из них потеряли свое последнее имущество, разрушенное артиллерийским огнем самоотверженных и непрощенных «благодетелей русского народа».

Армия Шкуро быстро очистила Сочи и устремилась к грузинской границе. Командный состав и передовые части погрузились между Адлером и Гаграми на подошедшие из Крыма суда, но большая часть армии сдалась большевикам. Кубанские политические деятели благополучно успели эвакуироваться, бросив на произвол судьбы обманутых ими рядовых казаков и беженцев.

Так закончилась вся эта авантюра кубанского правительства, завершившаяся полным разорением сочинских крестьян и безболезненным занятием Черноморья большевиками.

МАХНО 1.

Особенности гражданской войны заставили меня пробыть у Махно довольно продолжительное время, что дало мне возможность наблюдать не только самого Махно и его приближенных, но и основательно окунуться в самую глубину крестьянского движения, возглавляемого Махно. С этими наблюдениями я и считаю своей задачей познакомить читателя.

I.

Махно до революции 1917 года.

Нестор Иванович Махно родился в 1884 году в селе Гуляйполе Екатеринославской губ. в семье малоземельного и бедного крестьянина, который занимался скупкой рогатого скота и свиней по заказам мариупольских мясников.

До одиннадцати лет молодой Махно, посещавший школу, помогал отцу в разделке свиных туш, а затем мальчика определили в один из галантерейных магазинов гор. Мариуполя.

С первых же дней службы в магазине для всех было ясно, что приказчика из Махно не получится.

— Это был,—как рассказывал впоследствии старик приказчик, у которого Махно был подручным,—настоящий хорек: молчаливый, замкнутый, сумрачно смотрящий на всех недобрым взглядом необыкновенно блестящих глаз. Он одинаково злобно относился как к служащим, так и к хозяину и покупателям. За три месяца я обломал на его голове и спине совершенно безо всякой пользы до сорока деревянных аршинов: наша наука ему не давалась.

От мальчика требовали покорности, почтительности и выполнения мелких услуг, но будущий крестьянский вождь, презирая старших, вместо скучного дела за прилавком, предпочитал ловлю бычков в море или шатанье с шумной ватагой праздных уличных мальчишек по порту или окрестностям города.

На побой, которыми щедро награждали его со всех сторон, мальчик отвечал мстью: он ловко и незаметно отрезывал пуговицы с костюмов приказчиков, подливал касторовое масло в

¹ «Историк и современник», кн. III, Берлин, 1912 г.

чайник с чаем, а своего учителя-приказчика однажды, после порки, сгоряча облил кипятком так, что старика в обморочном состоянии отвезли в больницу. Но этим не кончилось. Когда жена хозяина магазина сделала попытку выдрать мальчика за уши, он до крови искусал ей руки и, боясь наказания, сбежал из магазина, скрываясь неизвестно где.

Хозяин, желая избавиться от непокорного Махно, вызвал из села отца. Мальчика разыскали, выпороли и устроили в типографию для обучения делу наборщика.

Типографское дело пришлось Махно по вкусу: он с интересом присматривается к работе наборщиков, расспрашивает их, учится разбирать шрифт, проявляет бойкость, сметливость. В типографии его начинают ценить, поощрять, и это вернее всяких побоев достигает цели: Махно с утра до вечера просиживает в типографии, он уже умеет держать в руках верстатку, его рука быстро и ловко бежит по клеточкам кассы.

Порт и ловля бычков забыты, забыты и детские шалости с ватагой уличных мальчуганов. Махно не узнает. Он берется за книги, тетради, появляется жажда знания; Махно работает над самообразованием упорно, настойчиво, проявляя несомненные способности.

На мальчика обращает внимание работавший в той же типографии анархист Волин, который заинтересовывается занятиями Махно и помогает ему пройти дома курс городского училища.

После ареста Волина занятием Махно руководит эсер Михайлов. По его совету Махно сдает экзамен на звание сельского учителя и в 1903 году получает место учителя в одном из сел Мариупольского уезда.

С первых же шагов своей учительской деятельности Махно принялся за проповедь среди крестьян анархического учения. На этой почве у него начались неприятности с полицией и начальством. В результате этих столкновений Махно лишают места учителя и высылают в с. Гуляй-поле под надзор полиции.

В родном селе Махно сразу приобретает популярность и неограниченное влияние на крестьянскую молодежь. Это было вполне понятно. Сверстники Махно помнили его до школы, по играм и шалостям, и вдруг этот маленький Нестор, которого они часто били, возвращается домой с дипломом учителя, «героем», пострадавшим за убеждения, «борцом» за народ и правду. В результате он настолько подчиняет своему влиянию крестьянскую молодежь, что фактически становится хозяином села: его распоряжений никто не смел ослушаться.

— Я приказал, и надо исполнить,—властно распоряжался Махно сверкая блестящими глазами.

И его приказы исполнялись. Махно и его товарищи занимались тем, что совершали налеты на погреба и сараи зажиточных крестьян и помещиков и по ночам устраивали бесшабашные кутежи, о которых потом говорила вся деревня.

Старики недовольно покачивали головами, поговаривали о

том, что пора прекратить безобразия, но молодежь только посмеивалась и все больше и больше озорничала.

Слава о подвигах Махно и его молодцах разносится далеко за пределы Гуляй-поле. Помещики побаиваются Махно, полиция бессильна с ним бороться. Впрочем с полицией Махно умел ладить, и в этом сказывается его двойственный, коварный характер. Проповедуя анархические идеи, Махно в то же время ведет самую тесную дружбу с урядниками и даже приставом, устраивая с ними невероятные попойки. И эти попойки всегда устраивались после ограбления чужого погреба или после того, как он возьмет откуп с крестьянина, устраивавшего свадьбу. Откуп брался под угрозой разгрома свадебного кортежа. Когда товарищи укоряли Махно за его дружбу с полицией, Махно только загадочно улыбался.

— Не вам, дуракам, давать мне отчет,—резко говорил он им, обрывая разговоры на эту тему.

К Махно потянулась молодежь с окрестных сел, Махно стали подражать. Крестьянская молодежь отбилась от дела, пьянствовала и озорничала. Кто знает, может быть уже тогда зародилась та «махновщина», которая в дни революции запыхала злобным огнем по всей Новороссии?

Дружба с полицией дала свои результаты. В 1905 году Махно получил политическую благонадежность, ему разрешили учительствовать и дали школу в с. Петровском Бердянского уезда.

Однако и на этот раз Махно недолго пробыл учителем. Подошли октябрьские дни, зазвучали речи о свободе, страна всколыхнулась, и Махно с головою окунулся в революционную стихию.

В начале 1906 года он организовал смелое нападение на бердянское уездное казначейство. Во время налета Махно совершил тройное убийство, захватил кассу и скрылся. Один из соучастников выдал Махно, и его арестовали. До суда Махно содержался в бердянской уездной тюрьме, но за попытки к побегам его перевели в херсонскую губернскую тюрьму, где за ним строго следили. В 1907 году таврическим окружным судом Махно был приговорен «за разбой и убийство» к бессрочным каторжным работам и переведен для отбывания наказания сначала в орловский централ, а затем в Акатуй и Зарентуй.

По рассказам одного из «атаманов» Чалого, бывшего «потемкинца», отбывавшего вместе с Махно наказание в Акатуе, Махно не сразу сумел приспособиться к тюремному режиму, многократно делал попытки к побегу, поражая администрацию тюрьмы своей изобретательностью. За попытки к побегу Махно наказывали карцером и плетью. Но Махно не расставался с мыслями о свободе. Его последняя попытка к побегу была совершена во время групповых работ. Махно удалось скрыться. Но произведенной облавой он был найден спрятавшимся в сарае с дровами и долго не сдавался, отбиваясь топором. За этот побег он понес особенно тяжелое наказание.

С этого момента Махно становится неузнаваем: он стал бо-

лет, хиреть, пассивно относиться ко всему окружающему и не принимать участия в обычных для бессрочных каторжан протестах. Часами, как маньяк, Махно возится где-нибудь в темном углу со своими тяжелыми ножными и ручными кандалами, точно пытаясь снять их и изломать.

Каторжане относились к Махно с несвойственной им предупредительностью. Их пугало необычайное выражение его глаз, в которых отражалась безмерная бешеная злоба ко всему и ко всем.

В 1917 году, по общей амнистии Временного правительства, Махно был освобожден и осенью 1917 года приехал в село Гуляйполе, где вскоре приобрел трагическую известность под именем «Батько Махно».

II.

Махно партизан.

Начало и развитие деятельности Махно на юге России нужно отнести к марту 1918 года, что совпало с окончательным развалом румынского фронта, уходом из Крыма в Новороссийск черноморского флота и последними днями существования Украинской центральной рады. В это время Махно располагал небольшой шайкой, составленной из преступников и севастопольских матросов.

Со своей шайкой Махно совершал дерзкие, но в общем обычные для того времени грабежи, кочуя из одного уезда в другой. По дороге к нему приставали недовольные и обиженные гетманским режимом и матросы черноморского флота, которые по одиночке просачивались через немецкие кордоны из Крыма. Отряд численно разрастался, и Махно от случайных грабежей перешел к налетам на имения помещиков, на небольшие города и железнодорожные станции. Налеты сопровождалось зверскими убийствами. Махновцы начали сводить личные счета с теми, кто так или иначе обидел их или на кого они были злы.

Насколько свободно чувствовал себя Махно, можно судить по рассказу управляющего одного из крупнейших имений Таврической губернии. Имение это находится в 15 верстах от Николаева. Махно явился туда за 150 верст с целью свести счета с одним из служащих имения, которого, к счастью, в то время случайно в имении не было.

— Мы его подождем, — с усмешкой заявил Махно, — нам спешить некуда.

Три дня Махно хозяйничал в имении; его вольница предавалась безудержному пьянству и удалилась только тогда, когда получила солидную контрибуцию. Уходя, махновцы пообещали вернуться вскоре еще в гости.

В июне к Махно прибыли из Киева анархисты группы «Набат» во главе с анархистом Барон. В том же месяце к шайке примкнуло много анархистов других толков и социалистов из разных городов юга России. С этого времени деятельность шайки

Махно получает иное направление. Махно мечтает о создании Запорожской Сечи, он лихорадочно набрасывает перед слушателями грандиозные планы создания крестьянской республики; анархисты пытаются придать махновскому движению идейный характер.

Обстоятельства благоприятствовали Махно. Крым и Украина были оккупированы иноземными войсками, которых крестьянское население ненавидело. Полицейские и гражданские власти гетмана наводили порядок в селах: в села заходили карательные отряды «для наведения порядка», причем производили аресты, а иногда и расстрелы крестьян. Кроме того из городов возвращались помещики, которые, опираясь на вооруженную силу, жестоко расправлялись с крестьянами, мстя им за те убытки, которые они понесли в своих разоренных поместьях. Крестьяне все больше и больше ожесточались и искали защиты у разных атаманов, как это было в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях, на юге же все симпатии были направлены к смелому и решительному Махно.

К этому следует добавить, что в июне месяце военным министром гетмана генералом Рагоза был издан приказ, по которому из украинской армии увольнялись все офицеры военного времени с предоставлением им сомнительного права доучиваться на положении юнкеров в военных училищах. Это распоряжение не только понизило количественно армию гетмана, но и создало врагов армии, чем, как известно, не преминул воспользоваться Петлюра, который и вербовал в свою армию этих офицеров.

Из этой среды вышли наиболее активные атаманы: Зеленый, Струк, Соколовский, Григорьев и другие. Из них к Махно присоединился прапорщик Петриченко и много других не менее выдающихся махновцев.

С каждым днем шайка Махно усиливалась все новыми и новыми кадрами, переформировывалась и получала правильную организацию. В шайке была пехота, кавалерия, пулеметы и даже артиллерия. Из этих кадров потом и развернулась махновская армия.

Однако под давлением регулярных немецких отрядов Махно был вынужден отходить от крупных городов, к которым постепенно подбирался, и опираться исключительно на села, вербуя в свои ряды крестьян. Партизанскую войну на юге России Махно начал с того, что стал нападать на карательные отряды, грабить поезда, захватывать железнодорожные станции, уничтожая небольшие гарнизоны немцев и полицейских властей гетмана. Смелые и неожиданные нападения Махно всегда сопровождались неизменными успехами. Его имя стало именем крестьянского героя.

«Идем к Махно» — сделалось лозунгом крестьянских масс.

В дальнейшем поощренный успехом Махно перешел почти к открытой войне с немцами и австрийцами. Австрийцы были так терроризованы махновцами, что боялись показываться даль-

не Екатеринослава и стали отзывать из сел и небольших городов свои отряды, но немцы взглянули на это иначе.

Дерзкие нападения Махно выводили из себя высшее немецкое командование в Киеве, и по его приказу для полного уничтожения отрядов Махно в Новороссии начали сосредоточивать крупные воинские силы.

Под давлением немецких отрядов Махно отступил и в Александровском районе попал в кольцо. Однако немцы и на этот раз остались верными своей тактике: они слишком много времени потратили на артиллерийскую подготовку общей атаки. Махно, испытав действие сосредоточенного артиллерийского огня и понеся большие потери, сумел все же найти выход из кольца охвативших его немецких войск и с небольшим уцелевшим отрядом ушел, сделав в одну ночь переход более чем в 60 верст.

В юсобом приказе немцы торжественно объявляли: «Бандит Махно уничтожен», но уже на пятый день Махно вырезал захваченный им врасплох отряд австрийцев возле станции Константиноград и заставил всех офицеров, взятых в плен, в том числе и начальника отряда, играть с ним в карты в течение двух суток, после чего офицеров расстрелял якобы за то, что они осмелились его «обыграть».

В октябре начался отход с Украины сперва совершенно разрознившихся после революции австрийцев, а затем и немцев. Отход принес Махно ряд побед над теми и другими, а главное дал в его руки огромное количество вооружения и всевозможного технического снаряжения.

Трудно сказать, во что обошлось немцам и австрийцам знакомство с Махно. По официальным данным гетманских властей за апрель—июнь месяцы Махно совершил 118 налетов и грабежей, сопровождавшихся человеческими жертвами.

Но все эти налеты, грабежи и нападения на эшелоны уходящих домой немцев и австрийцев кажутся незначительными по сравнению с первым захватом гор. Екатеринослава в декабре 1918 года.

С этого дня имя Махно приобрело всероссийскую известность. Он «с боя» взял город, выпустив по нему до двух тысяч снарядов из шестидюймовых отнятых у немцев орудий. Петлюровцы, только что занявшие Екатеринослав, разбежались в паническом страхе, и население оказалось во власти махновцев.

Это был такой разгром цветущего города с пятидневным грабежом, которого до того еще не видел ко всему, казалось, привыкший юг. России даже в дни нашествия красного Муравьева.

Трудно подвести итоги всему тому, что сделал Махно за девять месяцев, но несомненно то, что немцы и австрийцы заставили Махно изучить все оттенки партизанской войны, изучить в совершенстве самые глухие места днепровских плавней, таких своеобразных в Таврической и Екатеринославской губерниях, все леса и прилески. Недаром знаменитый Черный бор, лес Гаркуши назван теперь «Гаем Батько Махно».

Попустительство гетманского правительства помещикам и крутые меры последних вынудили Махно выступить на защиту крестьян. И если бы не эта недальновидная политика, может быть, не было бы и махновщины. Она так тесно связала Махно с крестьянами, что все испытания последующих четырех лет не смогли нарушить и порвать эту связь.

Борьба с немецкими отрядами и властями гетмана закалила отряды Махно, приучила их делать смелые нападения, производить разведку, находить и использовать слабые стороны своих противников, наносить им быстрые и короткие удары, а затем так же быстро скрываться, как и нападать.

Но самое главное,—борьба эта создала в крестьянской массе легенду о «неумирающем запорожце Батьке Махно», который борется за крестьянскую свободу и крестьянскую правду.

Этим заканчивается партизанский период жизни Махно. В дальнейшем он начинает играть крупную роль в ходе гражданской войны на юге России.

III.

«Батько Махно».

Кто хоть раз видел батько Махно, тот запомнил его на всю жизнь.

Небольшого роста, с землистожелтым, начисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами, падающими длинными прядями на плечи, в суконной черной пиджачной паре, барашковой шапке и высоких сапогах—Махно напоминает переродетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом.

По первому впечатлению, это—больной туберкулезом человек, но никак не грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды.

И только небольшие темнокарие глаза с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, глаза, как бы всезнающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями, вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и щедрой фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно—человек воли, импульса, страстей, которые бешено кипят в нем и которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской...

Махно не оратор, хотя и любит выступать на митингах, которые по его приказу устраиваются на площадях и в театрах захваченных и разоренных им городов. В речах Махно нет даже демагогии, казалось бы столь необходимой в его положении. Мне приходилось часто наблюдать Махно во время митингов, и я видел, как чутко слушает его буйная и хмельная толпа, как запоминается каждая его фраза, подкрепленная энергичным

жестом, как влияет, словно гипнотизирует, Махно, на крикливую, никому не желающую подчиняться и ничего святого не признающую толпу...

Вот Махно на площади. Он окружен своей всегдашней свитой. Здесь и теоретики анархизма—Волин, Артен, и Барон, и красавец Лященко в матросской шапке и высоких шнурованных ботинках со шпорами, и Гуро, тонкий, как шест, и гориллообразный палач Кийко, и массивный Петриченко с круглым, как луна, рыхлым лицом, и много других...

Махно говорит резко, нескладно, то понижая, то повышая голос, повторяя за каждой фразой, состоящей из 5—10 слов, свою постоянную, полную гнева фразу: «и только»; он говорит о неизбежной гибели городов, о том, что города не нужны в жизни свободных людей, о необходимости горожанам, не исключая рабочих, к которым Махно вообще относится холодно, сейчас же, немедленно бросать города и идти в села, степи, леса и там строить новую, свободную крестьянскую жизнь.

После Махно почти всегда выступает Волин. Убедительность доводов, которыми оперирует старый теоретик анархизма, искусное построение речи, рассчитанное на понимание аудитории, и умение угадать тайные желания этой толпы, необычайный пафос, равной по силе, может быть, только одному Троцкому,— все это все же проходит куда-то мимо толпы, замороженной нескладной речью батько Махно.

И Махно это знает, чувствует, понимает. Он стоит у всех на виду спокойный и самоуверенный и лишь одними глазами с неизменным, до боли колючим взглядом, лениво скользит по толпе. Чуть заметная улыбка, вернее складка на губах Махно выражает не то удовольствие, не то презрение, а может быть, и то и другое вместе.

Не спеша Махно поворачивается, чтобы уйти или сесть на тачанку (он обыкновенно не дослушивает речей Волина до конца), и сгибаются могучие фигуры Кийко и Петриченко, только что демонстрировавших револьвер, из которого был убит подлинный контрреволюционер Григорьев, а толпа, как один, тянется к Махно, давая друг друга, и безумно, в иступлении ревет со слезами на глазах:

— Батько, наш Батько!..

Уже давно не видно тачанки, не видно, куда свернули лошади, умчавшие Махно, а толпа все еще продолжает орать:

— Батько, наш Батько!..

Много и долго говорят потом Волин, Артен, и Барон; говорят все о том же, что власть зло, что анархия мать порядка, что все люди равны и т. д., но постепенно толпа начинает забывать о Махно, махновцы снова хвастливо заявляют, что не только Махно, которого они завтра могут убить, но и весь мир им ни почем, и, слыша это, Волин, а за ним и другие ораторы незаметно исчезают, боясь, что дикая и безбожная толпа расправится с ними, как с «кадетами» или большевиками.

После митинга махновцы, распаленные речами безответст-

венных ораторов, наводят ужас на мирное население тем, что стреляют из винтовок и пулеметов неизвестно куда и зачем. Во время стрельбы они выпускают в невероятном количестве патроны, а еще больше поглощают самогон и вино из разграбленных складов...

Махно властен и непоколебим. Десятилетняя каторга ожесточила его, лишила способности разбираться в добре и зле. Махно испытывает бешеную безграничную радость при виде гибели в огне цветущих городов; его глаза горят восторгом от взрывов тяжелых снарядов на улицах города. В Махно—жестокая потребность наблюдать мучительную смерть часто совершенно невинных людей.

Я вспоминаю трудно передаваемую кошмарную картину. Но в ней—весь Махно...

Перед Махно стоит группа оборванных стражников с текущей по лицам кровью. Запуганные и избитые стражники дрожат мелкой дрожью и пугливо озираются, боясь встретиться с острым взглядом Махно, который, хищно изогнувшись, в упор смотрит на них горящим безумным взглядом.

Долгая пауза...

Махно быстро выдергивает руку из кармана брюк и почти кричит:

— Порубить их,—и только...

Не успел еще смолкнуть резкий голос башки, как палач Кийко взмахнул острой пашкой и стал неумело рубить несчастных, нанося им удары по несколько раз, словно срубая кочаны капусты. Забрызганный кровью Кийко устал, вспотел, едва переводит дух. Его сменяет более ловкий, смеющийся Лященко, которому помогают любители из махновского конвоя.

Махно с блуждающей рассеянной улыбкой спокойно наблюдает, как «работают» его молодцы, и больше ничего нельзя прочесть в его остром взгляде.

Но вот—вместо испуганных, но живых людей—куча кровавых изуродованных тел. То там, то здесь валяются отрубленные головы и руки с судорожно скрюченными пальцами. Махно порывисто срывается с места, собачьей рысью подбегает к этой куче тел, носком сапога отбрасывает попавшуюся по дороге голову, вскакивает на грудь, на живот убитых, топчется, пачкая сапоги в крови, и затем почти спокойно говорит:

— И только...

Еще раз торжествуя, гневно и злобно, точно спрашивая кого-то, кричит он свое «и только», подбегает к другой группе изрубленных тел, топчет их, повторяя все сначала.

Все человеческие чувства давно заглохли в Махно. Его не тронут ни слезы женщин,—а к ним он падок,—ни плач детей, ни клятвы мужчин.

Впрочем бывают и исключения, но они допускаются чаще всего для актеров, реже для приказчиков и еще реже для людей умеющих каким-либо отчаянным поступком поразить Махно.

Однажды стражник, в тот момент, когда Кийко замахнулся

на него шашкой, как-то так ловко ударил палача ногой в живот, что Кийко долгое время находился в глубоком обмороке. Махно был так поражен смелым поступком стражника, что милостиво даровал ему жизнь и даже отпустил домой, после того как стражник отказался у него служить. Но таких счастливых бывало мало. Обыкновенно те, которые попадали в плен к Махно, живыми не возвращались.

Трудно найти даже в среде повстанческих атаманов равного Махно по жестокости. Ко всему этому следует добавить неизмеримое болезненное тщеславие, которым несомненно болел Махно. Он не выносил никакой конкуренции, ни даже намека на нее.

Никто не смеет, не может быть грознее, что значит и свирепее, чем он—«Батько Махно»...

IV.

Махно на советской службе.

При нашествии немцев и австрийцев, которые были призваны на Украину Центральной радой, советский главковерх Антонов, боровшийся с Радой во имя Советов, вынужден был отступить с остатками своей армии в пределы Курской и Орловской губерний и здесь выжидать тех событий, которые тщательно подготавлил Х. Раковский. Под видом заключения мира с гетманом, советский дипломат вел переговоры с атаманами повстанческих отрядов, среди которых были Шинкарь, Григорьев и Махно. Переговоры дали прекрасные результаты: атаманы подчинились Москве и готовы были по первому требованию двинуть свои отряды туда, куда будет приказано, а пока разрушали тыл гетмана. Не сидел сложа руки и Антонов.

В то время штаб Антонова-Овсенко находился в Орле и помещался в здании кадетского корпуса. Штабом главковерха, который состоял исключительно из кадровых офицеров, был разработан детальный план завоевания Украины; согласно этому плану главнейшая тяжесть в предстоящей борьбе была отнесена за счет повстанцев, с которыми под шумок успел сговориться Раковский.

Нужно отдать должное советскому командованию—оно сумело блестяще выполнить намеченный план и так целесообразно использовало повстанческие силы, что для боевых действий Красной армии не оставалось места.

Красная армия победоносно двигалась по Украине по услужливо расчищенной атаманами дороге.

Советское командование, заняв в декабре 1918 года после отхода немцев Харьков, почти без сопротивления стало продвигать в киевском направлении повстанческие силы Шинкаря и других, более мелких атаманов, сочувствующих советской власти, в одесском—Григорьева и в екатеринославском—Махно.

Расчеты, построенные на точном учете борющихся сил, а главное, на настроении крестьянских и рабочих масс, предварительно распропагандированных множеством агентов Раковского, оправдали надежды Москвы: гетмана свергнул Петлюра, Петлюру—повстанческие атаманы, и в результате за три месяца второй украинской кампании советская власть получила в свое распоряжение не только чрезвычайно богатый и обширный край, но и выход к портам Черного и Азовского морей. Кроме того советские армии получили возможность теснить казаков, а за ними и добровольцев.

Однако, блестяще выполнив основную цель своего плана, советское командование допустило ряд второстепенных ошибок, впоследствии оказавшихся роковыми.

Советское командование, создав до начала военных действий «украинскую» армию, численностью не более 25 000 человек, не прошедшую боевого обучения и мало дисциплинированную, как, впрочем, и вообще вся Красная армия того периода, не учло расходов этой армии на организацию комендантских команд, штабов и различных частей чисто вспомогательного характера, предназначенных для укрепления тыла, чему советская власть, в противоположность Деникину, Колчаку и Врангелю, придавала и придает первенствующее значение. В результате «украинская» армия, разбитая на ряд мелких отрядов, расплылась по всей Украине, ослабляя боевую мощь Советов, и красному командованию пришлось довериться политически неустойчивым и преследовавшим исключительно свои цели повстанческим атаманам. Таким образом из отрядов Махно была сформирована 45-я стрелковая советская дивизия, а из партизанов Григорьева—44-я дивизия.

В апреле 1919 года состоялось свидание главнокомандующего Антонова-Овсеенко с Махно, обставленное весьма торжественно.

Беседа Махно с Антоновым была продолжительна. Садясь в автомобиль, Антонов, повидимому очень довольный своей встречей с Махно, сообщил спутникам, что Махно еще будет полезен советской власти, а его партизанов надо направить не в Крым, а на казаков и добровольцев.

А Махно в это время задумывался над тем, как бы уничтожить своего опасного конкурента Григорьева.

Дыбенко, прибыв в Симферополь в качестве командующего 4-й украинской советской армией, каковым до тех пор считал себя Махно, потребовал, чтобы Батько явился к нему.

Махно ввели к Дыбенко, который молча протянул несколько оторопевшему Батько, привыкшему к почестям, солидную пачку приказов Военного революционного совета республики.

— Для чего это?—осведомился Махно, бегло взглянув на приказы.

— Читать... Вы назначены начальником 45-й стрелковой советской красной дивизии, а Григорьев—44-й такой же дивизии.

Махно сначала хотел отказать, заявив, что он не нуждается ни в каких назначениях, но, услышав о Григорьеве, назначе-

ние принял. Дыбенко, любящий позу, сделал величественный жест рукой, милостиво отпуская Махно.

— Я, товарищ, уже послал вам спецов... До свидания.

Возвратившись к себе «в ставку», где-то возле Цареводаровки (он не любил жить в больших домах, напоминающих ему тюрьму), Махно нашел арестованными присланных из штаба армии для формирования дивизии спецов.

— Кто там под арестом?—поинтересовался Махно.

— Да кто их знает, какие-то спецы,—ответил Гуро.

Бывший капитан генерального штаба Васильев представился Махно как чачальник штаба дивизии и попросил разрешения представить остальных товарищей по работе.

— Катай,—махнул рукой Батько.

Свирепо сдвинув брови, слушал Махно, как Васильев представлял ему начальников оперативного, разведывательного, артиллерийского, инженерного, административного и других отделов и отделений будущего штаба.

После представления Махно поблагодарил всех за желание с ним работать и тут же отправил спецов обратно в сарай под арест, предложив остаться только Васильеву и начальнику артиллерийского отдела. С ними он занялся главным образом вопросами о сосредоточении артиллерийского огня по опорным пунктам противника. Знания Васильева и его умение делать необходимые практические указания махновским артиллеристам на последовавшей после доклада практической стрельбе решили участь Васильева: он навсегда остался начальником штаба Махно, причем Махно, зная слабую сторону Васильева, держал его в неизменно полупьяном состоянии, что поручено было Кийко.

Остальные чины штаба после недельного ареста были пешком отправлены в Симферополь с приказом больше никогда не возвращаться.

Все должности в штабе были распределены между ближайшими помощниками Махно, причем он сформировал свой штаб не по штату штаба дивизии, а по штату штаба армии, назначив председателем Военного революционного совета армии анархиста Волина.

При помощи Васильева, пользуясь его объяснениями, по данным Дыбенко приказам Махно усидчиво принялся за изучение администрации Красной армии и в этом отношении достиг многого. В то же время Волин энергично заработал по организации штаба, поставив агитационную и разведывательную части на должную высоту.

V.

Махно и Григорьев

Разгром Екатеринослава не прошел бесследно для махновцев: его богатая добыча привела к полной бездеятельности махновскую армию. Правда, махновцы по инерции могли еще занять часть Азовского побережья, где им не оказывалось почти ника-

кого сопротивления, но перешагнуть через Акмонайский рубеж, обороняемый ген. Шиллингом, им было не по силам. Махновцы, встречая со стороны добровольцев организованный отпор, после некоторых безуспешных попыток оставили Шиллинга в покое и занялись ликвидацией екатеринославской добычи.

Не тем, чем раньше, стал и Махно: он с головой окунулся в радости семейной жизни, мечтал о хуторе и собственном хозяйстве, о том, что пора бросить атаманство и сесть на землю. Об этом он не раз вел беседы со своими приближенными, восхваляя перед ними радости семейной жизни.

Помощники Махно, как и рядовые махновцы, позабыв обо всем, предавались безудержной, беспашабной жизни.

Без конца лилось вино, гремела музыка. Столица махновской республики Гуляй-поле, переименованная в честь Батьки в «Махноград», переполненная тысячными толпами празднично гуляющего народа, напоминала крикливую пеструю ярмарку.

В толпе сновали неизвестно откуда появившиеся темные дельцы, которые скупали за бесценок драгоценности и старались придумать для махновцев все новые и новые удовольствия.

Открывались картежные пригоны, где проигрывались колоссальные суммы, рестораны и кафе, парфюмерные магазины и парикмахерские, появились портные «из Варшавы» и сапожники; махновцы делали маникюр, шеголяли невероятными прическами, над которыми ломали головы доморощенные «Жаны из Парижа», выливали на шегольские френчи флаконы духов.

Деньги и драгоценности пускались по ветру, как пух. Махновцы не знали счета деньгам, и не прошло трех месяцев, как махновцы прогуляли, пропили всю екатеринославскую добычу. Постепенно предусмотрительные дельцы стали покидать махновскую столицу, закрывая магазины и кафе. Угар проходил. Наступали серые, унылые будни.

К этому времени и Махно стал уставать от радостей семейной жизни. Мечты о собственном хуторе потускнели. Махно все больше и больше начали раздражать те похвалы, которые рстачались советской прессой атаману Григорьеву.

«Григорьев взял Херсон»... «Григорьев взял Одессу»... «Григорьев победил Антанту»...

Имя Григорьева пользовалось огромной популярностью. Григорьев—революционный герой. Махно видел, что на советском небе взошла новая яркая звезда, в лучах которой меркнет его слава.

Махновцы, разгруженные от екатеринославской добычи, не желавшие идти на простой, случайный грабёж, все назойливее и нетерпеливее указывали Махно на Григорьева и даже промеж себя поговаривали о том, что пора идти к новому атаману...

Перед Махно стал вопрос: чем и как удовлетворить непомерно разросшиеся аппетиты своей шайки. Нужен был какой-то выход, иначе от него уйдет к опасному конкуренту все, что есть лучшего в шайке. И Махно задумал коварный план: спровоци-

ровать Григорьева на совместное выступление против советской власти.

Этим Махно достигал двойной цели: уничтожал соперника и завладевал его богатой одесской добычей, о которой день и ночь бредили махновцы...

И вот Махно посылает к Григорьеву своих «дипломатов» — Козельского и Колесниченко, с которыми передает атаману свой братский привет и вместе с тем порицание за отступничество от «подлинных заветов революции».

Махновские «дипломаты», встреченные с торжественной помпой «двором» Григорьева, с успехом выполнили возложенную на них миссию. Они легко сговорились с легкомысленным Григорьевым, который и сам не раз до приезда махновской делегации задумывался над тем, что ему пора разойтись с большевиками, которые не оценили его заслуг перед революцией и по распоряжению какого-то актера Дембровского выгнали его из Одессы.

Во время первого свидания с махновской делегацией Григорьев колебался дать определенный ответ: он не сказал — ни да, ни нет. Но по возвращении из штаба 3-й советской армии, куда его вызывали для служебных объяснений, Григорьев решил стать на скользкий путь, на который его толкнул Махно. В штабе армии Григорьеву объявили, что он всего лишь начальник 44-й советской украинской стрелковой дивизии, чем было чувствительно задето честолюбие Григорьева, который мечтал о poste чуть ли не главнокомандующего войсками на Украине.

Вследствие этого он по возвращении в свой штаб передал «дипломатам» Махно согласие на выступление против советской власти.

Махно торжествовал и, заручившись согласием Григорьева, стал рыть ему яму.

Началась подготовка к совместному выступлению: разрабатывался общий оперативный план, Григорьев развил среди населения деятельную агитацию и открыто заявлял, что он скоро примется за уничтожение ненавистных народу коммунистов.

Большевики, догадываясь о заговоре Григорьева и Махно, но ничего определенного не зная, накануне выступления вызвали Махно для переговоров, причем последний конечно поклялся в верности Москве, а на другой день, 4 мая, Григорьев, рассчитывая на Махно, открыто выступил против большевиков под лозунгом: «Власть советам, но без коммунистов».

Выступление Григорьева не на шутку встревожило советское командование на Украине. Силы восставших не только количественно, но и качественно превосходили силы большевиков. Симпатии населения, которому Григорьев передал часть мануфактуры из числа захваченной им в одесском порту, также были всецело на стороне восставших. Однако в самом начале выступления Григорьев допустил непоправимую ошибку. Эта-то ошибка и спасла большевиков от гибели.

Григорьев приказал своему начальнику штаба Тютюнику

(впоследствии много на шумевшему петлюровскому атаману) наступать с большим отрядом в сторону Харькова и Киева. Тютюнник после демонстраций в сторону этих городов предал Григорьева. Он повернул на Каменец-Подольск и навсегда перешел на сторону Петлюры.

Вместо того, чтобы ударить по незащищенной Одессе, где кроме штаба армии с ротой китайцев и двух бронепоездов ничего не было, Григорьев, соблазненный обещаниями Махно о совместных действиях против Крыма и у Екатеринослава, уклонился к Елисаветграду, где и произвел еврейский погром. Григорьеву следовало бы быть активным и повести стремительные атаки на растерявшихся большевиков; но он пропустил несколько дней, и это решило его судьбу.

За это время советское командование быстро оправилось от предательского выступления, вырвало инициативу из рук Григорьева и с бронепоездами, которых у Григорьева не было, а также с помощью махновской вольницы перешло в решительное наступление.

Возле Елисаветграда, а затем под Лозовой, Григорьев потерпел жестокие поражения и потерял все, что вывез из Одессы.

Однако Махно не удовольствовался доставшейся ему григорьевской добычей, ему нужна была смерть Григорьева.

Снова Козельский у Григорьева. Снова коварный «дипломат», отрицая участие махновцев в разгроме Григорьева, уговаривает его встретиться, чтобы разработать план дальнейшей борьбы с коммунистами.

Потерявший голову Григорьев снова попался в расставленные сети. Махно устроил в сарае митинг, на котором Лященко предательски убил Григорьева.

Махно торжествовал полную победу.

В то время, как шла борьба Григорьева с большевиками, началось осторожное продвижение добровольцев в Донецкий бассейн, и завязались кровопролитные упорные бои, которые, как известно, привели к тому, что большевики были вытеснены из Донецкого бассейна и попятились к Москве...

Неблагоприятно для большевиков складывалась обстановка и на Керченском полуострове. Красная армия не смогла перешагнуть через Акмонайский рубеж. Надежды на восстания в Керчи и в других местах не оправдались: восстание быстро и решительно подавил энергичный генерал Ходаковский, который, сменив раненого в грудь генерала Шиллинга, с отрядом в 3500 человек взял Феодосию и, после ряда боев, заставил большевиков быстро покатиться на север.

Дивизии Махно было поручено занять мариупольский фронт. Махновцы, влившись в большевистский фронт, быстро разложили соседние дисциплинированные и в общем довольно стойкие советские войска. Генерал Май-Маевский медленно подвигался вперед и махновцы, встречая организованный отпор, а в особенности при появлении танков, бежали с фронта, увлекая с собой и советские войска. Южный фронт большевиков за-

шатался. Началось стремительное наступление добровольческой кавалерии. Красная армия покатила на Орел.

В это время Махно продолжал вести с советской властью такую же двойственную и коварную игру, какую вел с Григорьевым, и на все требования Москвы подтянуться он, ведя явно противосоветскую агитацию в деревнях, отвечал все более и более неприемлемыми требованиями.

Первым понял в чем дело Троцкий, который, удалив главнокомандующего Вацетиса, который не мог справиться с разразившейся катастрофой, сменил ген. штаба полковник Каменев, которому впоследствии суждено было закончить благоприятно для Советов борьбу на всех белых фронтах...

Троцкий из Харькова потребовал, чтобы Махно лично явился к нему, но хитрый Махно послал для переговоров делегацию. Тогда Троцкий приказал расстрелять делегацию, а Махно и Волина объявил вне закона, как изменников рабоче-крестьянской власти.

Так кончилась служба Махно у большевиков.

VI.

Махно петлюровец

Разрыв с советской властью Махно предвидел еще задолго до посылки к Троцкому делегации.

На это указывает предательское для коммунистов отступление махновской дивизии на северо-запад в сторону Волочиска, тогда как по общему плану отступление предусматривалось за Донецкий бассейн в сторону Харькова.

Это подтверждается также и работой махновских агентов по дискредитированию советской власти, что, конечно, не могло быть секретом для большевиков.

В первых числах августа 1919 года махновская армия, значительно уменьшившаяся численно за время тяжелых боев с добровольцами и обремененная значительным числом раненых, достигла линии петлюровского фронта: Калинковичи—Казатин.

Махно немедленно приступил к переговорам с петлюровским командованием о сдаче на попечение украинского Красного Креста раненых махновцев, которых он, вопреки обычаю, не смог вследствие быстроты отступления сдать на попечение крестьян.

Переговоры вскоре увенчались успехом, хотя и без санкции Петлюры, пожелавшего, очевидно, сохранить в отношении Махно свободу действий на случай удачных переговоров с Деникиным, которые в то время под шумок уже вел этот пресловутый «гомоуной атаман».

В результате переговоров от Махно были приняты не только все раненые, но и самому Махно с остатками его армии было

предложено занять возле Умани отдельный участок на петлюровском фронте. Махно, заняв участок фронта, попал в совершенно родственную для его махновцев обстановку.

Все эти «курени смерти», разные черло-красно-серошлычники» и другие с не менее эффектными названиями полки, составлявшие как бы гвардию петлюровских войск, по существу были худшим видом партизан, не останавливающихся перед любым видом насилия, и понятно, что вольница Махно, с ее подлым отрицанием даже признаков дисциплины, которая в петлюровских войсках все же существовала хотя бы в отношении деления чинов армии на казаков и старшин (офицеров), привлекала к себе все их симпатии, и скоро началось дезертирство петлюровцев к махновцам, значительно пополнившее состав махновской армии.

В то время на петлюровском фронте было полное боевое затишье. Мимо фронта тянулись бесчисленные обозы отступающих из Крыма и одесского района советских войск, перегруженных многочисленными семьями коммунистов из оставленных районов, а добровольцы были еще далеко.

Эти колонны обозов, с рассыпанными среди них мелкими единицами войск, деморализованных быстро разразившейся военной катастрофой, лишенных возможности рассосаться среди местного населения из-за общей ненависти, были заняты одной лишь мыслью: как можно скорее достигнуть линии Чернигов—Брянск и тем спасти себя от окончательного разгрома.

Эти-то обозы большевиков и привлекли все внимание петлюровцев.

Петлюровцы, а с ними и Махно, не удаляясь слишком далеко от линии своего фронта, ежедневными короткими ударами наносили проходившим большевикам чувствительные удары, отбивая лошадей и обозы со всевозможными грузами.

Особенно свирепо усердствовали махновцы, производя колоссальные разгромы колонн большевиков, часть которых еще так недавно они сами составляли.

В результате Махно быстро пополнил всю материальную часть армии, в особенности лошадей, в которых он тогда нуждался, а также и увеличил численный состав армии за счет пленных красноармейцев и петлюровцев.

Вот тут-то Махно и пригодились приказы, полученные им от Дыбенко в Симферополе.

Махно лихорадочно начал работу по реорганизации своей армии, не задевая своих свободолюбивых махновцев ломкой нравившегося им внешнего порядка.

Между тем для советской власти события принимали все более и более грозный характер. Деникин занял Курск и подходил к Орлу.

Казалось, революция кончена, и настали последние дни большевизма.

Но углубляясь на Украину в поисках сочувствия у населения, привыкшего владеть собственной, а не общинной землей.

стремясь использовать живые силы этого населения и получить хлеб, Деникин вместе с тем не посчитался с пронесшимся по всему этому обширному краю вихрем национально-подъема, принявшим во многих случаях нездоровую окраску крайнего шовинизма.

Рассматривая все украинское движение лишь как кабинетно надуманное изобретение кучки интеллигентов зарубежного происхождения, Деникин допустил открытое столкновение с петлюровцами в первый же день занятия Киева из-за поднятия флага над зданием городской думы.

Это столкновение привело впоследствии к образованию нового фронта, потребовавшего ютяжки значительных сил за счет главного и, кроме того, у армии с этого момента оказался неустойчивый, часто враждебный ей тыл.

Не повторяя здесь ставших уже общеизвестными обстоятельств, приведших в конечном результате к разгрому деникинско-го движения, укажу лишь кратко на то, что слишком длительное оставление деревень и сел без государственной власти создавало на местах чистейшую анархию, доходившую до кошмарных размеров от произвола военных властей, среди которых нашли себе место авантюристы всех оттенков.

Эти ошибки скоро привели к полнейшему расхождению, а затем и открытому выступлению крестьянских масс против Деникина.

Итак, вскоре начались ожесточенные и кровопролитные бои между добровольцами и махновцами, причем впервые махновцы познакомились с действием нового орудия гражданской войны—бронепоездами и с установленной на них мощной тяжелой артиллерией.

Махновцы вообще не выносили действия артиллерии, а огонь с быстро и притом совершенно неожиданно появляющихся бронепоездов заставлял их разбегаться, куда глаза глядят.

Махно это видел и упорно начал искать выхода из тяжелого положения, грозившего ему гибелью.

Следует еще добавить, что Махно слабо владеет украинским языком, а «ридна мова», на которой пришлось тогда ему и его махновцам изъясняться, все больше и больше наводила его на мрачные мысли и вопросы, чем все это для него кончится?

Махно совершенно ясно видел, что среди украинцев ему не то что первой, но даже и последней скрипки играть не придется, и он решил изменить Петлюре, как раньше изменил Григорьеву, а затем советской власти.

Между прочим, 18 августа 1919 года на рассвете при производстве смелой разведки был опознан и убит одетый в кубанскую бурку и шапку родной брат Махно—Григорий Махно.

Долго после смерти брата вымещал Махно свою ярость над тяжело ранеными офицерами, попадавшими лишь в таком состоянии в его руки, так как каждый строевой офицер предпочитал смерть махновскому плену.

Махно в то время не знал пощады для офицеров, и для его палача Кийко было достаточно работы по устройству кровавых поминок по брагу своего Батьки.

VII.

Махно в тылу Деникина.

К осени 1919 года Махно окончательно усвоил преподанные через Дыбенко уроки Троцкого и успел применить их на практике.

Оставляя без внимания внешний вид своей недисциплинированной армии, он, путем упорной и энергичной работы, почти незаметно успел реорганизовать ее так, что армия уже не была той шайкой грабителей, какой по существу являлась, а представляла собою кадры для подлинно народной партизанской армии, и в борьбе со своими противниками Махно начал применять и новую тактику.

Махно решил, что необходимо действовать не только быстро, но, главное, производить операции вдали от железных дорог или, как он определял, «перенести борьбу с рельс на проселки, в леса и поля»...

Свою пехоту он посадил на четырехколесные легкие тачанки, с установленными на них пулеметами и, имея прекрасный конский состав, перебрасывал едущую на тачанках пехоту с поразительной быстротой то в один, то в другой участок боя, появляясь преимущественно там, где его меньше всего ждали.

Кавалерию Махно вообще берег и употреблял ее для нападения на подвергшиеся крушению воинские железнодорожные эшелоны или для преследования убежавших в панике войск противника.

Не ждали Махно и в тылу у Деникина, войска которого победоносно двигались по московским дорогам.

В то время, когда Мамонтов возвращался на отдых со своего знаменитого рейда по советским тылам, Махно со своей легкой армией совершил неожиданный рейд по тылам Деникина. Бросив Петлюру, стремительным натиском уничтожив бывший против него Симферопольский полк, он стал появляться там, где его никто не ждал, неся с собой панику и смерть и спутывая все карты Деникина.

Махно у Полтавы, Кременчуга, Константинограда, Кривото Рога...

В первых числах сентября он занял Александровск, отрезав Крым от центра. По пути Махно распускал собранные по мобилизации пополнения для армии Деникина; часть из них добровольно переходила к нему.

Махно идет дальше,—он занимает Орехов, Пологи, Токмак, Бердянск, Мариуполь и смело подвигается к Таганрогу, где была расположена ставка Деникина.

Нужно было видеть, что творилось в эти «махновские дни» в тылу Добровольческой армии.

Военные и гражданские власти растерялись настолько, что никто и не думал о сопротивлении.

При одном известии о приближении Махно добровольческие власти бросали все и в панике бежали в направлении Ростова и Харькова.

Это был небывалый, не имевший примера в истории разгром тыла, который по своим последствиям не может быть даже сравним с рейдом Мамонова.

На сотни верст с большим трудом налаженная гражданская и административная жизнь в городах и отчасти в селах была окончательно сметена. Уничтожены и сожжены огромные склады снаряжения и продовольствия для армии. Нарушены пути сообщения и распушены запасные.

Крестьянская масса с этого момента открыто стала не только в оппозиции к власти Деникина, но и перешла к вооруженной с ним борьбе.

Не оценивая в должной мере махновского движения, генерал Деникин лишь кратко приказывал генералу Слащеву: «Чтобы я больше не слышал имени Махно».

Против Махно был двинут корпус Слащева, почти весь конный корпус Шкуро и все запасные части, которыми в то время располагало главнокомандование.

Одним словом, для «ликвидации» Махно были сняты с фронта, быть может, лучшие части добровольцев, но ликвидировать Махно им так и не удалось, несмотря на то, что конница Шкуро в первые же 10 дней столкновений с Махно потеряла до 50 % лошадей.

Мне пришлось пешком пройти от Александровска, после нападения на него Махно, до Чаплино и наглядно убедиться как в исключительном влиянии Махно на крестьянские массы, так и в невероятной растерянности властей, которая предшествовала движению Махно.

К утру той ночи, когда Махно неожиданно напал на Александровск, я прошел около 20 верст. Попадавшиеся на пути станции и полустанки были уже брошены, и только поздно утром от оставшегося телеграфиста мне удалось узнать, что все служащие вместе с государственной стражей ночью выехали в Орехов.

Оставив полотно железной дороги и свернув на проселочную дорогу, я видел, как на улицах и дворах проходимых мною сел собирались толпы крестьян, что-то горячо обсуждавших и подозрительно меня осматривавших.

Так и прошел весь день. Вечером в небольшом селе меня арестовали, и лишь после заявления, что я учитель и хорошо знаю батьку Махно, отпустили.

Почти до самого Чаплино нигде нельзя было встретить никаких признаков государственной стражи или других представителей власти, и даже в Чаплино, несмотря на наличие в особом

поезде воинского отряда, можно было заметить растерянность и нервность среди всех агентов власти, а крестьяне, не стесняясь, открыто заявляли, что «скоро явится Батько Махно и всех вырежет»...

Из Чаплино вечером я попал в Бердянск, который в ту же ночь был занят Махно. Еще поздно вечером в гостинице, где я остановился, меня уверяли, что Махно находится где-то далеко, потерпел поражение, что городу ничто не угрожает и что напрасно производили эвакуацию. Мне тогда было не до Махно: измученный продолжительной дорогой, я крепко заснул, но ночью был разбужен артиллерийской стрельбой. Быстро одевшись, я выбежал на улицу...

По тротуарам и мостовой густой толпой неслись военные, срывая на ходу погоны, сбрасывая верхнюю одежду, бросая винтовки. В толпе скакали верховые, тяжело громыхали повозки, дребезжали железом походные кухни. Перебежав с трудом бульвар и несколько улиц, я очутился на набережной, где удалось установить, что стрельба велась со стороны кладбища на горе и рыбацкого поселка Лиски. Снаряды рвались над портом и в городе. Стрельба все усиливалась. На набережной стали появляться группы бегущих военных. Из моего убежища во дворе рыбака отчетливо были видны огни кораблей, стоявших на рейде верстах в 10 от порта. Это были суда, на которых эвакуировались из города гражданские власти и учреждения и уже три дня ожидавшие в море развязки событий. В порту дымил маленький катер, как я узнал впоследствии, «Екатеринославец». У входа в порт стоял броневик и вел усиленную пулеметную стрельбу по атакующим порт махновцам. По всей территории порта рвались непрерывно снаряды. Скоро махновская артиллерия стала обстреливать порт со стороны города. Катер, переполненный военными, торопливо начал отчаливать от пристани. При повороте катер перевернулся и затонул. Все бывшие на катере погибли.

Спротивление добровольцев, засевших в порту, было отчаянное, но силы были не равны. Часам к 11 утра порт был занят махновцами, которые затем повели наступление в сторону грязелечебницы. Несомненно, участь города и последовавшего боя решило организованное Махно выступление рыбаков Лисок, захвативших ночью с тыла артиллерию, установленную на позиции за кладбищем...

Два дня по дворам города ходили махновцы, разыскивая офицеров и полицейских и тут же их расстреливая, привлекая для успешности розысков уличных мальчишек, платя за каждого найденного по 100 руб. Обыватели города испуганно попрятались и, кроме рыбаков из Лисок, участия в событиях не принимали... Так прошло два дня...

На третий день появился махновский комендант города, на четвертый прибыл Военный революционный совет армии, а еще через день приехал на несколько часов и сам Махно со своим штабом.

Расстрелы прекратились, стала выходить газета «Вольный Бердянск», а город и жители были объявлены вольными. С первых же дней «вольный» город был наводнен тысячами крестьянских подвод, на которые грузилось из магазинов все, что было, и почти три недели на подводах вывозились снаряды, патроны, оружие, снаряжение, уцелевшие при взрыве складов. Все это везлось крестьянами в свои деревни.

Необходимо отметить, что все крестьяне считали себя настоящими махновцами, а коренной элемент махновской армии они иронически называли «раклом».

Городское население в большинстве относилось к Махно отрицательно: торговцы жаловались на грабежи и плохую торговлю; интеллигенция молчаливо осуждала махновскую власть и пряталась от нее; рабочие и ремесленники считали Махно врагом советской власти; рыбаки, принимавшие вначале активное участие, негодовали на невозможность заниматься рыбной ловлей. Одни портовые рабочие громко выражали свое удовольствие, внося в жизнь города свой пьяный и шумный восторг...

В силу близости района военных действий подвоз продуктов в город с первых же дней прекратился. Цены на все съестное начали достигать невиданных доселе размеров, пока не появился краткий приказ коменданта города, гласивший: «Батько Махно приказал, чтобы и хлеб и продукты в городе были».

К вечеру того же дня хлеба было сколько угодно по цене 3 руб. за фунт вместо существовавшей цены 5 руб. до махновского прихода. После издания этого приказа подводы приходили с продуктами и уходили обратно с награбленными вещами.

Одна лишь эта мера может служить достаточным показателем как отношения крестьян к Махно, так и тяжести борьбы добровольцев с Махно, что в свое время учтено не было...

VIII.

Борьба Махно с корпусом ген. Шкуро и губернатором Щегининым.

Быстро откатившись под ударами добровольцев от Мариуполя к Волновахе, а затем в сторону Токмака и Полог, Махно 16 октября 1919 года покинул Бердянск и после бомбардировки с моря селений Петровского и Новоспасовки стал, хотя и медленно, с боем отступать к Екатеринославу. В районе этого многострадального города у Махно завязалась продолжительная борьба со Слашевым.

Упорно задерживаясь на линии Бердянск—Чаплино—Синельниково почти всю вторую половину октября, Махно не сумел учесть сил, стойкости, а главное, умения Слашева вести борьбу с его партизанами. Не мог Махно предугадать и направления главного удара по своей армии, ожидая его со стороны Таганрога, а получил его со стороны Лозовой.

Не придал Махно и должного внимания густой железнодоро-

рожной сети Донецкого бассейна, что, однако, не преминуло использовать добровольческое командование, втянув Махно в борьбу на рельсы, вернее, вдоль рельсового пути, пока не подошли части корпуса Шкуро, которые, усилившись бывшей уже там конницей, перешли к стремительной атаке по всему фронту растерявшихся от неожиданного, энергичного нападения махновцев. ●

Махно пришлось под ударами всюду наседавшей конницы оставлять четырехугольник Токмак—Чаплино—Синельниково—Александровск и спешно углубляться в район Днепровских плавней.

Это десятидневное метание из стороны в сторону хотя и заставило выдохнуться конные части Шкуро и загнать почти 50% лошадей, но все же нанесло наибольший вред всей армии Махно.

В этих боях погибло много помощников Махно, большая часть кавалерии под командой известного Долженко, почти на 75% уменьшилась пехота, частью погибшая в боях, а в большинстве рассосавшаяся по деревням, да и сам Махно лишь случайно избежал плена и казни.

Случилось это, когда проливные, холодные дожди, часто смешанные со снегом, окончательно испортили дороги, и даже легкие махновские тачанки стали вязнуть в грязи...

Махно со своим штабом, конвоем и Советом армии, размещенным более чем на трехстах тачанках, после тяжелого ночного перехода расположился на отдых, кажется, в с. Ходунцы.

На рассвете его окружила 2-я терская казачья дивизия, которая так неожиданно понеслась в атаку на колонны тачанок, что только с некоторых махновцев успели открыть пулеметный огонь, остановив этим полный охват колонны. Хвост колонны, воспользовавшись заминкой, понесся к лесу по еле приметной полевой дорожке, а преследовавшие его терцы наскочили на распутившееся от дождей болото, завязли в нем и не могли преследовать убежавших махновцев.

Все же терцам досталась богатая добыча: более 200 тачанок с лошадьми и награбленным добром, включая сюда и до 400 женщин, служивших в разведывательном отделении штаба махновской армии, досталась им и тачанка самого Махно, а в ней короткая из черной дубленой овчины шуба с пришитой надписью на холсте—«Батько Махно». Сам же Махно, его штаб и Военно-революционный совет исчезли...

С первых дней появления махновских отрядов в тылу добровольцев в борьбу с ними вступил екатеринославский губернатор Щетинин, в непосредственном подчинении которого находилось несколько отрядов, составленных в большинстве случаев из чинов государственной стражи. Вскоре, однако, стало ясным, что борьба с махновцами была не под силу Щетинину. Его отряды проявляли излишнюю мстительность, раздражая население...

В эту операцию пришлось втянуть дивизию ген. Вицентьева, который, как офицер генерального штаба, не соглашался с методами борьбы, проводимыми губернатором Щетининым; к тому

же генерал был недоволен тем, что ради какого-то Махно его на неопределенное время оторвали от работы на фронте. Между губернатором и ген. Вицентьевым начались трения. Вицентьев стал избегать массовых облав, проверок, обысков, а это замедляло быстроту действий карательных отрядов и дало возможность махновцам отдохнуть и произвести переформирование.

В распоряжении губернатора находились агенты государственной стражи, которые скрывались в местах операций Махно и имели возможность наблюдать не только ход махновского движения, но и знать активных руководителей из крестьянской среды. Вот эти-то агенты, уже не ради личного обогащения, а испытав на себе и своих близких всю беспощадность махновских расправ, «заработали на совесть», решив раз навсегда покончить с ненавистным им Махно.

Благодаря им у Щетинина имелись точные данные о подлинной махновщине. Но Щетинин, понимая, что удовлетворить крестьян в тогдашних их желаниях, шедших вразрез со всеми государственными интересами, у него не было никакой возможности, остановился на плане уничтожения активного и пришлого махновского элемента и, таким образом, поставив крестьян перед наглядным уроком возмездия за бунт, заставить их, смирясь, подчиниться властям.

Положение осложнялось еще и тем, что в результате операций кавалерии Шкуро почти в каждом селе накопились сотни махновцев, припрятавших оружие и выжидавших лишь подходящего случая для того, чтобы пустить его в дело. Наступившие вскоре морозы сковали дороги и превратили их вновь в проезжие, а проникавшие всюду махновские разведчики разносили радостные для них вести, что Махно недалеко и вновь наступает на «кадет». Все это не только не располагало их к примирению и покорности, но повело к ряду разрозненных активных выступлений.

В силу этого почти каждое село приходилось попросту завоевывать, а засевших там махновцев вытеснять в плавни и леса, что роковым образом затягивало дело, создавая неустойчивость положения, и усиливало силы Махно, давая ему возможность не прекращать борьбы со Слащевым.

При назначении общей облавы приднепровского леса с участием двух полков дивизии ген. Вицентьева у Щетинина имелись точные данные о силах махновцев, скрывавшихся в этом лесу после изгнания их из соседних деревень, под общей командой Петриченко.

Начатая с утра облава никаких результатов не дала и ген. Вицентьев, посмеиваясь над точностью сведений Щетинина, приказал по телефону прекратить облаву и полкам возвращаться в места своих стоянок.

Иначе посмотрел на дело командовавший особым отрядом полковник К. Потратив немало времени на переговоры с ген. Вицентьевым о продолжении облавы, полковник К. решил закончить ее силами отряда, находившегося в его распоряжении.

Конец облавы оказался далеко не таким, каким представлял его ген. Вицентьев. Уже через 1½ часа после ухода полков из кустарников за опушкой пройденного леса началась ружейная стрельба, к которой вскоре присоединилась и пулеметная, а затем на растянувшейся небольшой отряд, кстати сказать, составленный почти из одних стражников и подростков-гимназистов, махновцы повели атаку. Стражники не растерялись, а встретили атакующих интенсивным огнем.

В самый острый момент атаки, когда враждующие стороны разделяло расстояние в 30—40 шагов, перелом и исход боя решил 17-летний гимназист, сын полковника К., бывший у него ординарцем. Мальчик поскакал к обозам, собрал всех, кто там находился, и с организованным таким образом конным отрядом стремительно обрушился на правый фланг дрогнувших от неожиданности махновцев. Во время поддержанные стражники быстро перешли в атаку. Через 40 минут почти все было кончено, кустарники пройдены, а махновцы уничтожены.

В суете этой поспешной бойни вблизи полковника К. какой-то прапорщик, в кожаной поношенной куртке, на которой красовались золотые погоны, подбадривая стражников, требовал пулемет, из которого продолжал вести стрельбу стражник по засевшим невдалеке махновцам, говоря, что он сам перебьет этих бандитов. Полковник никак не мог вспомнить, где он видел этого офицера и как он попал в его отряд, но подъехавший в это время сын полковника громко закричал: «Это Петриченко» и, вихрем наскочив на прапорщика, ударил его по голове шашкой, а стражник в упор выстрелил в Петриченко.

Так погиб один из главнейших боевых помощников Махно при попытке применить свой излюбленный безумно дерзкий прием, заключавшийся в том, что он проникал в ряды добровольцев переодетый офицером и, завладев пулеметом, уничтожал на близкой дистанции добровольцев, давая возможность своим товарищам ворваться в тыл врагов.

Вечером того же дня отряду полковника К. посчастливилось захватить еще трех видных коренных махновцев, которые на следующее утро были повешены.

Вскоре после этого Щетинин был уволен от должности екатеринославского губернатора, и борьбу с Махно повел исключительно Слащев.

IX.

Махно и Слащев.

Ген. Слащев, изгнав Махно из Екатеринослава, упоенный победой, считал вопрос с Махно поконченным.

Самоуверенный генерал сообщил об этом в ставку Деникина и торжественно прибыл в Екатеринослав со всем своим штабом. Но оказалось, что победить Махно было не так легко. В то время, когда по прямому проводу летела преждевременная весть о слащевской победе, Махно возвратился назад и захватил стан-

цию, на которой находился поезд Слащева. Кругом поднялась обычная в таких случаях паника, махновцы наседали со всех сторон, казалось, что вот-вот Слащев со своим штабом попадет в плен, и только личная храбрость молодого генерала спасла положение: Слащев со своим конвоем стремительно бросился в атаку, отбил нападение и возвратил город в свое распоряжение.

Однако железнодорожный мост через Днепр почти до момента прекращения борьбы с Махно, из-за общего отступления, остался как бы нейтральной зоной.

Эпизод с неожиданным занятием станции положил начало новой упорной войне Слащева с Махно. В начале махновской кампании Слащеву пришлось иметь дело с большими массами крестьянских полков, которые ему и удалось частью уничтожить, а частью заставить разбежаться по домам. Отсюда та легкость победы, в которую поверили и генералы и его штаб. После занятия добровольцами Екатеринослава Махно располагал исключительно войсками, составленными из основного элемента его армии, пополненного наиболее активными и стойкими крестьянами.

Конечно, для махновцев были не по плечу затяжные бои, да еще чуть ли не позиционные, где прежде всего требуются устойчивость и дисциплина. Махно это учитывал и в борьбе с Слащевым стал применять старую тактику, давшую ему столько успехов в войне со всеми своими противниками.

На слащевские войска, которые привыкли к открытым столкновениям, со всех сторон посыпался целый ряд мелких, совершенно неожиданных нападений, которые беспокоили и нервировали добровольцев, не знавших откуда ожидать удара. Махно появлялся то там, то здесь; сегодня его отряды были в одном месте, завтра они появлялись в другом. Ни днем ни ночью не было покоя от назойливости махновцев, которые совершали свои налеты с необычайной смелостью, как бы щеголяя буйной удачей...

Все это привело к тому, что добровольцы очутились словно в осажденной крепости, причем обнаружить осаждающую армию не было никакой возможности, хотя войска Слащева только и делали, что беспрестанно маневрировали в разных направлениях в поисках исчезающих, как дым, махновцев.

Перед нападением на добровольцев Махно говорил своим: — Братва! С завтрашнего дня надо получать жалованье.

И на завтра «братва» действительно получала жалованье из карманов убиваемых ими офицеров. Впрочем, мародерство процветало не только среди махновцев; ему не были чужды и слащевцы...

Затяжной характер борьбы с Махно выводил из себя Слащева, стремившегося как можно скорее «ликвидировать» Махно, дабы отправиться добывать славу в направлении Москвы. В то время белые генералы вели спор о том, кому первому войти в Москву. Однако борьба затягивалась, и, видя это, самолюбивый Слащев решил нанести Махно «последний» удар. Для охвата махновского фронта по его настоянию были стянуты все доб-

ровольческие части Крыма и одесского района, находившиеся в распоряжении генерала Шиллинга.

Само собой разумеется, что такая операция требовала предварительной подготовки, и штаб занялся детальным обсуждением плана Слащева.

Но махновцы, конечно, не ждали: их нападения становились все смелее и смелее. Слащев сначала приходил в ярость, но вскоре стал восторгаться предприимчивостью и храбростью махновцев. ☉

— Вот это я понимаю,—громко восклицал генерал, выслушивая донесения о нападении махновцев,—это противник, с которым не стыдно драться.

Сперва махновцев, захваченных в плен, обыкновенно вешали, как бандитов, потом стали расстреливать, как храбрых солдат, и под конец их всеми способами старались переманить на свою сторону.

По мере развития операций у Слащева рос интерес к личности Махно. Он не пропускал ни одного махновца, чтобы не расспросить его о том, видел ли он Махно и кто он такой, но узнать что-нибудь положительное о прошлом Махно из сбивчивых и противоречивых рассказов пленных Слащеву не удалось. Это обстоятельство еще больше разжигало его любопытство, и у него явилось непреодолимое желание видеть Махно, встретиться с ним и поговорить.

С этой целью Слащев отправил к Махно своего парламентаря, которого сопровождал отпущенный из плена махновец. Посланец передал Батько, что генерал хочет с ним встретиться, на что Махно ответил:

— Видеться я согласен на митинге, где мы и поговорим, как я раньше говорил с Григорьевым.

Все же страсть Слащева к махновцам от этой неудачи не прошла, и под конец операции у него собралось порядочное число махновцев, которых он и захватил в собой в Крым, где они оправдали возложенные на них надежды и действительно отличались как храбрые солдаты. В ноябре 1919 года начался отход добровольцев от Курска, общая стратегическая обстановка изменилась, и Слащев, не закончив борьбы с Махно, ушел в Крым.

Несмотря на то, что крымская операция покрыла Слащева славой, он не раз, вспоминая Махно, говорил:

— Моя мечта—стать вторым Махно...

X.

Махно и союз его с Врангелем.

Знакомство Слащева с махновцами толкнуло его, в крайне тяжелых условиях первого периода крымской операции, искать сближения с Махно. В то время Слащев просто брел за атаманом. Первые попытки не дали положительных результатов, но

когда к Махно был командирован полковник генерального штаба Л., более известный под именем атамана Вержбицкого, дело начало налаживаться, и ему удалось связаться со штабом Махно. Перемена отношений Слащева и настойчивость, которую проявили его агенты в поисках примирения с Махно, крайне поражали последнего, тем более, что ловкий и льстивый Вержбицкий не стеснялся в выборе выражений для похвал махновским талантам и вообще вел себя крайне дипломатично.

Это настроение Махно стремился использовать начальник его штаба Васильев, который в обращении Слащева увидел возможность для себя чуть ли не полной реабилитации перед добровольцами. Он даже перестал пить и сам лично поехал к Вержбицкому.

Встреча Васильева и Вержбицкого состоялась в с. Н., в плавнях, и была чисто приятельская. Тут же на месте были улажены все острые недоразумения, определен район действий лично Вержбицкого, ему были подчинены несколько мелких махновских отрядов и даже предоставлено право формировать новые отряды под прикрытием имени Махно. Васильев пошел еще дальше, заявив Вержбицкому, что независимо от дальнейших переговоров, с этого момента отношения Махно и добровольцев необходимо считать как союзные. Вержбицкий был упоен успехом, но с отъездом Васильева и прибытием к Вержбицкому нескольких неудачных офицеров от Слащева из всей этой затеи, вначале сулившей успех, ничего не вышло, главным образом в силу того, что Вержбицкий не обладал волевыми данными, необходимыми для атамана; не нашлось их и у его помощников.

Необходимо припомнить, что Махно, возвратясь домой из каторги, как нельзя лучше сумел использовать то шаткое положение власти, которое из центров передавалось на места.

Осенью 1917 года, вскоре по приезде, Махно был уже председателем волостного гуляй-полевского исполкома. Главной обязанностью в этой должности Махно считал проверку на ст. Гуляй-поле проходивших поездов, занимаясь при проверке открытым грабежом пассажиров.

При проверке одного из поездов, в котором под видом простых пассажиров оказалось несколько десятков переодетых офицеров, стремившихся на Дон, Махно неожиданно встретил сопротивление и был вынужден не только спешно оставить поезд, но и в поисках спасения бежать из села.

Из этого эпизода раздосадованный Махно создал целую историю о попытке офицеров овладеть Гуляй-полем и отнять все завоевания революции.

В результате поднятой Махно шумихи волостной сход решил организовать для защиты революции волостное войско в составе одной роты, подчинив ее Махно, как председателю исполкома. Эту роту Махно организовал в два дня и начал выводить ее целиком на станцию для проверки, вернее грабежа, поездов.

Быть может, первое махновское войско, переутомив себя грабежом, на этом бы и остановилось, но в то время по пути на

Дон офицерский отряд известного впоследствии полковника Дроздовского занял Бердянск и начал наводить в городе и его окрестностях порядок. До Дроздовского дошли вести о махновском войске, которое он принял за большевистское, и для уничтожения его послал часть своего отряда в особом поезде. ●

Как всегда, для встречи прибывающего поезда Махно вывел свою роту, но с подходившего поезда посыпались на роту пули, а когда быстро высадившиеся офицеры открыли пулеметный огонь и повели атаку, махновцы бросились бежать куда попало. Дроздовцы почти без сопротивления заняли Гуляй-поле.

Махно, лишившись в несколько часов власти и вынужденный скрываться вне Гуляй-поля, успел собрать отсавшихся в живых людей своей роты и с ними направил всю свою мстительную ярость на офицеров. Вскоре после захвата дроздовцами Гуляй-поля Махно удалось захватить возле Волновахи поезд, в котором он уничтожил всех, кто хотя бы приблизительно имел сходство с офицерами. Неприязнимая ненависть Махно к офицерам оставалась неизменной вплоть до момента, когда Слащеву, через Вержбицкого, удалось ее поколебать.

Этому-то Махно Врангель предложил союз и дружбу.

— Мой союзники—хоть сам черт, лишь бы он был с нами,—так определял Врангель свое отношение к возможным союзникам.

В связи с таким определением в выборе своих союзников вскоре изменилась и физиономия штаба главнокомандующего, из которого удалились все старые элементы, которые, быть может, были совершенно незаменимы в войне дисциплинированных войсковых масс, но вряд ли могли постигнуть особенности гражданской войны, все ее колебания и разновидности. Штаб наполнился молодым и энергичным элементом, среди которого было несколько офицеров генерального штаба, побывавших в повстанческих отрядах, как, например, полковник Б., пробывший около четырех месяцев у атамана Зеленого.

Эти перемены дали много положительного в смысле перемен форм ведения борьбы с большевиками, но в то же время принесли и ряд отрицательных результатов.

Дело в том, что к началу 1920 г. в Добровольческой армии окончательно выродилась идея государственного розыска, главным образом в органах контрразведки, которые образовали ряд самостоятельных единиц, в некоторых случаях вовсе не признававших распоряжений центра. Личный состав контрразведок в большинстве случаев состоял из весьма сомнительного, часто авантюристического и даже преступного элемента, стремившегося вести совершенно обособленную политику.

Справиться с этим злом, а в особенности в короткий срок, штаб главнокомандующего не смог. Между тем, зная сущность дела, штаб поторопился отдать распоряжение о подчинении непосредственно ему, минуя штабы корпусов, всех агентов оставшихся за фронтом. Это распоряжение внесло крайнюю путаницу и привело к тому, что когда к Слащеву прибыла депутация от Махно, из состава которой несколько человек во главе с мило-

дым и энергичным атаманом Вдовенко были отправлены в Севастополь в штаб главнокомандующего, контрразведка ген. Кутепова депутацию арестовала и затем всех ее членов повесила на телеграфных столбах города Симферополя.

Такой прием депутации быстро докатился до Махно и страшно раздражил его. Кажется, что все дело лопнуло, и агентам добровольцев не избежать лютой махновской расправы, но Васильев и здесь выручил, сгладив неприятное известие за счет отрицательных сторон Вдовенко, у которого кстати оказалось не мало личных врагов среди махновских приближенных.

Извещение врангелевской печати, в самый разгар борьбы Врангеля с советской властью, о заключении союза Врангеля с Махно могло быть продиктовано только полным непониманием сущности махновщины и отчасти просто увлечением штаба Врангеля атаманщиной.

Парва, махновские газеты и прокламации того времени были наполнены горячими призывами к крестьянам не доверять и не помогать коммунистам, сменившимися после призывами к открытой борьбе с Москвой, но это были чисто политические приемы, имевшие в виду больше всего страховку самого Махно на будущее время и сохранение налаженных с крестьянами отношений; это создавало благоприятные для Врангеля обстоятельства и делало тыл большевиков неустойчивым, но отсюда до заключения союза Махно с Врангелем, конечно, оставалась «дистанция огромного размера».

Разве мог быть действительный союз Махно с Врангелем при наличии в Военно-революционном совете армии Махно почти всех анархистов России, возглавляемых Волиным? Чем же мог соблазнить и что мог вообще предложить анархистам Врангель? Свой земельный закон? Но говорить об этом серьезно с анархистами, само собою разумеется, было бы смешно. Своим земельным законом Врангель хотел перетянуть на свою сторону крестьян, т. е. оторвать их от Махно, а крестьянство на 75 %, если не больше, до конца борьбы просто не знало о существовании этого закона, и, как бы в ответ на этот закон, отказывалось, несмотря на угрозы, вступать в русскую армию, в то же время выполняя махновскую мобилизацию в течение нескольких часов беспрекословно и, главное, без всяких угроз и насилий.

Махно это знал и, конечно, учитывал по-своему.

Правда, для Махно было тогда выгодным и даже необходимым затянуть борьбу Врангеля с большевиками, которые пока составляли Махно в покое, хотя и оттиснутым в западном направлении от его основной базы, где как раз происходили самые решительные бои, и это стремление Махно затянуть борьбу позволило агентам Врангеля работать с Махно.

Нужно знать, что Махно все время имел не только связь со всеми атаманами Украины, которые в большинстве случаев после временных поражений находили у Махно приют и возможность, оправившись, вновь приниматься за свою работу, но даже к основному ядру его армии причисляло себя большое

количество мелких атаманов, которых Махно очень часто использовал для достижения своих целей.

На предложенный ему Врангелем союз Махно безусловно дал свое согласие и действительно помогал Врангелю работой мелких атаманов, как, например, Яшенко.

Но это согласие и этот союз фактически выливались в следующую форму: «пока у большевиков есть чрезвычайки, мы с ними будем вести войну, как с контрреволюционерами. Врангель также против чрезвычайек и обещал нас не трогать».

Вот это заявление Махно и послужило версией считать союз его с Врангелем заключенным, но союз этот был чисто «махновский».

Такой союз, если бы он в действительности существовал дал бы Врангелю настоящих бойцов из крестьянской среды, несомненно выполнивших бы приказ об этом Махно, а главное, привел бы к тому, что в Крыму, да и везде, где был Врангель, не существовали бы «зеленые».

Махно понимал, что удовлетворить в то время крестьянство не могла ни одна власть, считающая себя государственной, поэтому он предпочитал показывать вид о желании заключить союз с Врангелем и одновременно вел переговоры с советской властью о своем поступлении к ней на службу.

Врангелю он передавал, что не прочь получить генеральский чин, а коммунистам указывал на свои заслуги перед революцией, обещая, как революционер, сохранить нейтралитет до окончания борьбы большевиков с Врангелем, а под шумок этих переговоров грабил и тех и других, причем его «братва» получала на этот раз жалованье из карманов убитых комиссаров.

В Крыму, у Керчи, в каменоломнях, по всем деревушкам на Еникале, а также от Темрюка до Тамани ютились «зеленые», и все они считали себя только махновцами и редко коммунистами.

Яд махновщины проник слишком далеко, и справиться с ним было не под силу государственной власти.

Союз Махно с Врангелем, как и переговоры Махно с большевиками, были только коварной двойственной уловкой. Это был чисто махновский союз, как раньше с Григорьевым, советской властью и Петлюрой.

В союзники кому бы то ни было Махно не подходил, а его фраза: «Мы еще подурочим генералов, а с ними и коммунистов»,—говорила сама за себя.

XI.

Армия Махно.

К концу 1919 года все, что группировалось вокруг Махно, носило одно общее название: «Армия имени багько Махно».

Основное боевое ядро армии, наиболее активное, служащее как бы кадром, из которого потом разворачивались отряды, пополненные крестьянами состояло из:

1) личного штаба и конвоя Махно численностью до 300 человек. Во главе конвоя, в роли коменданта штаба, находился бывший слесарь Кийко, а начальником конвоя состоял матрос Лященко, щеголявший добытой в Екатеринославе ильковой богатой шубой даже в летнюю жару;

2) кавалерии—1000 всадников, как это определил сам Махно, под командой бывшего вахмистра Долженко;

3) пулеметных полков, т. е. ездящей пехоты—800 тачанок с 1—2 пулеметами на каждой и по 3—4—5 человек на тачанке, считая кучера. В общем до 3500 человек под общей командой бывшего матроса Гуро;

4) артиллерии—шесть 3-дюймовых полевых орудий с полной запряжкой и зарядными ящиками. В общем до 200 человек под командой бывшего фейерверкера Зозуля;

5) комендантских команд и других вспомогательных частей, передвигавшихся также исключительно на тачанках и иногда принимавших участие в боях; в общем до 500 человек.

Постоянных чисто пехотных частей, санитарных учреждений и интендантских юзов в армии Махно не имелось.

Таким образом численность постоянных сил Махно, составленных преимущественно из бывших матросов военного флота, уголовного элемента, дезертиров из Красной и белых армий лишь в небольшом числе из крестьянской молодежи, нужно определить в 5000 человек, не считая состава реввоенсовета армии.

Кроме этих постоянных частей имелись временные в большинстве пехотные части, собираемые по мобилизации из крестьян. В зависимости от района, мобилизация давала в одну ночь 10—15 тысяч бойцов и больше, частью с артиллерией и кавалерией. Эти части состояли исключительно из крестьян и распределялись по полкам, носящим название сел, давших контингент (Петровский, Новоспасский и т. д.).

Численный состав таких полков и их вооружение были самые разнообразные. В большинстве случаев это были самостоятельные отряды из всех трех родов оружия.

Наступательный порыв мобилизованных частей в первые дни бывал очень велик, но по мере удаления от родных сел или затяжке военных действий крестьяне «выдыхались»...

Успех махновских мобилизаций зависел от того, что во всех селах Таврической, Екатеринославской и южных уездов Полтавской и Харьковской губерний имелись махновские организации, поддерживавшие через особых агентов и разведчиков постоянную связь со штабом Махно, который благодаря этому всегда был точно информирован о положении на местах. Раскрыть эти организации при занятии сел противником было невысказимо, так как почти все жители сел так или иначе бывали замешаны в махновском движении, а главари держались крайне конспиративно.

Постоянная осведомленность о настроениях крестьян, возможность через посредство агентов и руководителей на местах

создавать эти настроения позволяли Махно избегать ошибок с объявлением мобилизации в неподходящий момент, и поэтому мобилизации всегда проходили с успехом.

Тайные махновские организации скрывали раненых в боях, разведчиков, облегчали всякие административные и хозяйственные заботы, наконец, они прятали оружие, до тяжелых пушек и танков включительно, выдавали это оружие мобилизованным, словом, служили тем надежным тылом, в котором нуждается каждая армия, а партизанская в особенности.

Такая организация, доведенная до последней степени гибкости и совершенства, определяла и характер тактических действий Махно. Имея основной кадр армии из людей, терять которым нечего, посаженных на лошадей (кавалерия) или тачанках. Махно совершал в одну ночь переходы в 50—60 и более верст. На остановках он находил отдых, корм для людей и лошадей. Следует отметить, что расчеты за все забранное у сельского населения Махно немедленно производил деньгами или товарами с большей щедростью, нежели его противники, которые, впрочем, старались ничего не платить крестьянам. Эти расчеты, помимо других причин, приводили к тому, что крестьяне радовались появлению махновских отрядов. Таким образом Махно, достигнув за полперехода пункта, намеченного для нападения, располагал собранными по секретной мобилизации свежими боевыми частями. Внезапная и быстрая атака почти всегда приводила к успеху. От неожиданности нападения противник терялся и отступал в паническом бегстве.

При захвате крупных пунктов грабежу подвергалось все, что только возможно вывезти на крестьянских подводах. Часть награбленного, преимущественно легковесные ценности, оставалась в распоряжении Махно, а большая часть—товары, снаряжение противника и пр.,—увозилась мобилизованными крестьянами по своим селам. После этого грабежа задача мобилизованных крестьян, если противник не успевал организовать сопротивления, считалась законченной, и крестьяне возвращались к своей повседневной жизни.

К этому необходимо добавить, что в некоторых случаях Махно прибегал к устройству внутренних выступлений в тех пунктах, где по его данным он мог бы встретить стойкое сопротивление, как, например, в Бердянске, где ему удалось организовать выступление рыбаков предместья Лисок, захвативших с тыла артиллерию, что дало Махно возможность обойти со стороны моря весьма сильную естественную позицию добровольцев. При вторичном занятии Екатеринослава Махно перевез винтовки и пулеметы под продуктами крестьян, якобы ехавших в город на базар.

Деление армии на постоянный и временный состав отражалось на внешнем и бытовом укладе армии.

Неизменными и постоянными спутниками основного ядра армии были грабеж, пьянство, буйство... Рядом с пулеметами на тачанках, прикрытых дорожными коврами, помещались бочки с

вином и самогоном. Видеть махновцев в трезвом состоянии было трудно. Махновцы самовольно партиями снимались с позиции, являлись в ближайший город, заезжали в любой двор и открывали невероятный, дикий кутеж, привлекая к участию в нем всех, кто подворачивался под руку, открывая тут же во дворе или на улице ради своего развлечения пулеметную стрельбу. Ни один двор или дом не был гарантирован от подобного налета, а это вызывало озлобление. Махновцы не признавали над собой никакой власти и ни с чем не считались. Вечно пьяные, покрытые паразитами, страдая кожными и другими болезнями, разнося всюду заразу, они беспомощно гибли, но на их место спешили попасть те, для которых единственным идеалом была праздная и пьяная жизнь.

Именно этот элемент наводил ужас на все городское население, а из деревень их часто выпроваживали пулеметным и даже артиллерийским огнем...

Основное ядро махновской армии крестьяне иначе и не называли, как проническим «ракло» и только себя считали настоящими махновцами. Кадровых махновцев можно было определить по их шутовским, чисто маскарадным запорожским костюмам, где цветные дамские чулки с трусиками уживались рядом с богатыми шубами.

Крестьянские же полки по внешнему виду ничем не отличались от крестьян. Правда, крестьяне тоже выпивали, но это не были махновские кутежи, и, наконец, их повидимому никогда не оставляли хозяйственные заботы, а также исход борьбы, которая велась на их родных полях.

Симпатии крестьян были на стороне Махно, и если с коренным махновцем можно было вести любой разговор с самой злой критикой Махно, то за один недобрительный отзыв о Махно при крестьянине-махновце, можно было ждать смерти. Крестьяне не смешивали Махно с его вольницей и терпели последнюю лишь в силу необходимости и часто самосудом расправлялись с наиболее надоевшими и буйными махновцами.

Фактически в городах, занятых Махно, власть производилась через комендантов города, но они не имели достаточной силы, чтобы воспрепятствовать буйству и грабежу «кадровых» махновцев. Коменданты выдавали пропуски для передвижений жителей в районе, занятом Махно; они же арестовывали и судили.

В Бердянске мне пришлось наблюдать картину махновского суда. На площадке против комендатуры собрались человек 80—100 махновцев и толпы любопытных. На скамейку поднялся комендант города, молодой матрос, и объявил:

— Братва! мой помощник Кушнир сегодня ночью произвел самочинный обыск и ограбил вот эту штуку—он показал золотой портсигар.—Что ему за это полагается?

Из толпы 2—3 голоса негромко крикнули:

— Расстрелять...

Это подхватили остальные махновцы как, очевидно, привычное решение.

Командант, удовлетворенный голосованием приговора, махнул рукой, спрыгнул со скамейки и тут же из револьвера застрелил Кушнера.

Народный суд кончился, а махновцы, только что оравшие «расстрелять», довольно громко заявляли: «ишь, сволочи, не поделили»; командант же, опустив портсигар в карман брюк, не спеша отправился выполнять свои обязанности.

Так в жизни махновской армии уживаются крестьяне-собственники, а рядом уголовная безудержная вольница, которую почему-то все и считают идейными анархистами.

ХП.

Махно и анархисты.

Сам Махно, как и все его организации, на время борьбы считались подчиненными исключительно военно-революционному совету армии. Но это было на бумаге, на деле же руководящую роль в боевых операциях армии играл личный штаб Махно, во главе которого находился всегда пьяный Васильев, так как у махновцев существовало глубокое убеждение, что Васильев проявлял свои воинские таланты лишь в минуты полного опьянения, а потому напаивание Васильева поощрялось всеми, начиная с самого Махно.

В Совете Махно заседал весьма редко, удовлетворяясь докладами Волина на дому. Махно предпочитал находиться на передовых позициях, часто принимая непосредственное участие в боях, вызывая восхищение «братвы» артистической стрельбой из пулемета. Это было, с одной стороны, потребностью самой натуры Махно, а с другой, вызывалось и необходимостью личного примера для его недисциплинированных войск.

Постоянные заявления анархиста Волина в речах на митингах и в газетах, что лично Махно никакой власти не имеет и является лишь простым исполнителем указаний коллегии Военно-революционного совета, необходимо рассматривать не более как чисто дипломатическую уступку слишком прямолинейным взглядам находившихся в этом Совете анархистов.

На самом деле Махно через Волина проводил в жизнь все, что только находил необходимым, вплоть до печатания денежных знаков.

Действительная власть Махно, а не мнимое подчинение его Совету, была настолько всеобъемлюща, с чисто диктаторскими замашками, что двойственность власти никаких трений или вредных для дела разногласий между Махно и военно-революционным советом не вызывала.

Во время затишья или временного прекращения военных действий Махно не мешал Совету делать все, что только ему вздумается, предпочитая заполнять свободное время игрой в карты, кутежами и женщинами.

Официально в компетенцию военно-революционного совета

армии Махно входили: оперативная, административная, разведывательная, агитационная, культурно-просветительная, и другие части и, кроме того, Совету принадлежало право созыва съездов крестьян, устройства конгрессов и митингов.

Совет издавал газеты, из которых две постоянные: «Известия военно-революционного совета армии имени батько Махно» и «Набат» — партийный орган анархистов.

Наконец, Совет руководил грабежом и распределением по деревням нагребленного, а также решал все вопросы об активных выступлениях армии.

Председателем военно-революционного совета был известный анархист Волин, а членами — представители различных социалистических и анархистских партий, сбежавшихся сюда чуть ли не со всей России, большинство коих производило впечатление определенных авантюристов.

Из всех многочисленных отделов военно-революционного совета идеально были поставлены разведывательный, большая часть секретных агентов в котором были женщины, и агитационный, для целей которого были использованы почти все сельские учителя.

Постоянный состав Совета доходил до 200 человек, но состав его находился в непрерывном движении и трудно поддавался учету. Во всяком случае, общий состав его можно определить не менее чем в 2000 человек, считая и многочисленных подвижных агентов.

Политическое сredo военно-революционного совета, разделяемое молчаливым согласием Махно, сводилось к следующему: коммунистическая партия и все московское правительство считались контрреволюционерами, захватившими власть обманом и ведущими социальную революцию по ложному пути к гибели.

Идеалом махновцев, подлежащим немедленному проведению в жизнь, являлись Советы, но построенные без признаков какой бы то ни было власти (очевидно, политической), ведающие чисто экономическими вопросами. Союз таких экономических Советов является верховным органом в жизни интернационального человечества. Продолжение революции в России и возможная революция на Западе Европы, признавались только под знаком синдикализма, а не социализма.

На митингах Волин и другие анархисты всегда подчеркивали, что они непосредственно связаны с анархистскими группами Запада.

Слишком длительное участие в жизни махновской армии активных анархистов и тяготение к ним Махно привели к тому, что анархисты влияли на все дела армии. Влияние же бывших в военно-революционном совете социалистов было ничтожно.

Но вряд ли махновская вольница могла впитать в себя анархические идеи. Волин не раз сознавался, правда, негодуя, что проводимая им идеология дальше членов Совета, и то только некоторых, слабо воспринимается.

«Братва» шла за Махно не потому, что уверовала в идеалы

Волина, а в силу того, что ей была по вкусу полная приключений, буйная и пьяная жизнь.

Волин был, несомненно, самой яркой фигурой среди махновских политических «деятелей».

Отвлеченный теоретик, он направлял свою энергию на полемику с Троцким, и все номера махновских газет пестрели несколькими статьями, подписанными Волиным, неизменно заканчивающимися признанием Троцкого вне закона. Несомненно, в этом сказывалась больная натура Волина.

Лет пятидесяти, преждевременно состарившийся и поседевший, среднего роста, с беспокойным взглядом, направленным куда-то вдаль, Волин производил своей растрепанной фигурой, мало знакомой с водой, щеткой и гребнем, впечатление человека, только что выскочившего из дома умалишенных.

Преображался Волин лишь в минуты, когда произносил свои блестящие речи, довольно удачно лавируя среди зловещей махновской действительности, так как крестьяне, совершенно не понимая и мало интересуясь идеями, проповедуемыми Волиным, довольствовались своей упрощенной идеологией, смысл которой сводился только к возможности избавиться от властей, осмелившихся требовать от них выполнения государственных повинностей, а также к грабежу городов, называемому ими «возвратом всего того, что городские пауки повытянули у них за прежние годы».

Попытки военно-революционного совета дать работу своему культурно-просветительному отделу после первых же шагов повели к тому, что отдел раз навсегда отказался от мысли посылать своих членов к крестьянам для прямой работы, совершенно правильно полагая, что в крестьянской среде подобная работа обречена на полный провал.

Вообще, на крестьянский быт анархисты имели очень мало влияния, и крестьяне, как и раньше, несмотря на махновские мобилизации, участие в боях и грабеже и анархистскую агитацию, как только возвращались к себе в село, сразу же обращались в ярых собственников-кулаков и начинали ходить в церковь.

Да и сам Махно, как это ни покажется странным, повидимому в угоду крестьянам, не раз во время богослужений заходил в церковь, ничуть не считаясь с авторитетными осуждениями таких поступков Волиным.

Заключение.

После захвата Крыма и окончания борьбы с Врангелем советская власть, несомненно, поставила себе задачей полную ликвидацию Махно, переговоры с которым о его подчинении Советам ни к чему не привели, несмотря на его указания большевистским делегатам, что он, как подлинный революционер, держался нейтрально во время борьбы коммунистов с Врангелем.

Такие объяснения, не удовлетворяя руководителей советской власти по существу, затягивали активное выступление Махно

и отсрочивали начало военных действий против него коммунистов, что по условиям крайне суровой зимы 1920/21 г. являлось для обеих стороны необходимым, но в руки советского командования попали точные данные о местонахождении самого Махно и его отрядов.

С наступлением весны 1921 года Махно не замедлил перейти к своим излюбленным коротким налетам. Перед советской властью вставал грозный вопрос о срыве всего продналога на Украине. Медлить дальше с ликвидацией Махно было невозможно, и Фрунзе получил приказ ликвидировать Махно. С этого времени над Махно нависла грозная и ничем уже не предотвратимая гибель.

Фрунзе дальновидно и планомерно хотел затянуть на шею Махно веревку, стараясь постепенно оттеснить его в сторону Донецкого бассейна, но Махно, разгадав его намерение, бросил свой родной район и быстро перенесся к Антонову в Воронежскую губернию, затем в Орловскую, но здесь он успеха уже не имел, и ему пришлось быстро перебраться через Харьковскую губернию в Херсонскую. К концу лета 1921 года постепенными маневрами своей многочисленной кавалерии Фрунзе прижал Махно к Днестру, к румынской границе.

Лично Махно удалось, хотя и легко раненым, перейти границу и скрыться у румын, но зато в Бутырки в Москве попал почти в полном составе военно-революционный совет его армии во главе с самим Волиным, который даже из тюрьмы продолжает кричать о контрреволюционности коммунистической партии.

У румын Махно нашел часть своих военных помощников, перебравшихся туда ранее. Ловкий Козельский, не жалея колоссальных средств, заблаговременно вывезенных в Бессарабию, сумел безопасно и удобно устроить своего Батьку, обойдя все неприятности, которым подвергаются интернированные румынами русские. Рана Махно давно залечена, но тяжелые переживания не сломили беспокойной, жаждущей вечных приключений, натуры Махно, и румыны имели в своих руках довольно неприятное для Советов орудие.

На митингах и в особенности в пьяном виде у Махно очень часто вырывались словечки и фразы, которые никак не подходят под обычный для него тип речей, выдержанных все же в анархическом духе.

На одном из митингов, отвечая на заданный вопрос, Махно сказал:

— В России возможна или монархия или анархия, но последняя долго не продержится.

Часто Махно говорил и о памятнике разбойнику Ермаку Тимофеевичу, почему-то не упоминая ни о Пугачеве ни о Стеньке Разине.

Станным кажется и его показное стремление держаться особняком от своих идейных руководителей анархистов, не говоря уже о социалистах, коих он вообще называл полукадетами, а «кадет» по махновской терминологии было чуть ли не самое

страшное слово, по крайней мере для тех, к кому оно относилось непосредственно.

В среде наиболее близких к Махно людей, с которыми он держал себя откровенно, не было ни одного анархиста и вообще партийных работников.

Возможно, что и в этом случае Махно следует своей потребности быть везде первым, попросту не терпя вблизи себя людей, могущих чем-либо выделиться перед ним, но несомненно то, что у Махно слишком многогранная, жестокая и коварная душа, не знающая ни в чем удержу.

Его исключительное знание крестьянского быта и самых сокровенных желаний крестьян, его несомненная личная храбрость, решимость и умение проводить довольно сложные военные операции, огромная энергия и организаторские способности,— вот причины успеха Махно.

Однако надо иметь в виду, что основа этого успеха сводилась к тому, что Махно имел возможность через своих агентов узнавать о настроениях крестьянских масс и немедленно реагировать на них отдачей соответствующих духу этих настроений приказов. Но создавать эти настроения Махно не может; он— не вождь; он умеет лишь плыть по течению.

Несомненно, что настроения крестьянства неустойчивы и, во всяком случае, теперь резко изменились, и это заставляет меня признать, что история махновщины закончена, а для самого Махно остается лишь роль простого бандита, каким он по существу всегда и был.

ЮДЕНИЧ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ¹.

I.

Взятие Пскова эстонской армией летом 1919 г.

25 мая 1919 года стоял яркий, без единого облачка на небе, солнечный день. Было воскресенье. Никаких занятий в бесчисленных учреждениях местного «губисполкома» по штату не полагалось, а между тем все они гудели в этот день как потревоженный улей.

Всюду шла какая-то нервная и бессмысленная возня. По улицам небольшого Пскова металась вооруженная до зубов встревоженные большевистские комиссары, по трамвайной линии ходили непривычные для глаза в городе железнодорожные товарные вагоны. В воздухе повисло жутко-напряженное настроение. И только местные городские старожилы, при встрече друг с другом, опасливо оглядываясь по сторонам, не без тайной радости обменивались свежей новостью: «идут»!...

На горизонте города в ясном небе в разных направлениях то и дело вскакивали маленькие комочки белого дыма и, быстро тая, исчезали. То рвалась за городом «белогвардейская» шрапнель.

Большевики спешно эвакуировались.

Собственно, кто «шел»—толком сначала не знал никто из обывателей. Одни говорили, что это возвращаются прогнанные в ноябре немцы, другие—что на выручку идут «наши», некоторые же уверяли, что идут эстонцы, либо латыши. Только позднее от большевиков стало известно, что на западном фронте произошла «измена»: часть красной эстонской дивизии, заслонявшей Псков со стороны Эстляндии, внезапно перешла к «белым», город вдруг оголился, и к нему быстро продвигаются войска эстонской республики, о которой впервые услышали псковичи. К этому прибавляли, что среди большевиков царит большой переполох, так как эстонские солдаты идут под демократическими лозунгами, и большевики считают особенно опасной такую ар-

¹ Из книги под тем же названием. Издательство «Гамаюн». Берлин, 1923 г.

мню. Обыватели, однако, мало интересовались политической физиономией наступавших на город войск: в тот момент все были заинтересованы только одним—как бы избавиться от большевиков.

К вечеру затрещали в разных концах города пулеметы, вскоре послышался оглушительный взрыв железного моста через реку Великую, потом наступила зловещая тишина.

Высунувшись немного погодя осторожно из окна на улицу, я увидел каких-то баб, спешно тащивших на тележках и за спиной мешки с мукой, с картофелем и прочей снедью,—очевидно, грабились где-то оставленные большевиками продовольственные склады. Порывавшись с моим окном, бабы весело закричали мне: «не бойтесь, барин, теперь ничего, бежали дьяволы, беленькие пришли!». Невольно всплыла в памяти другая, аналогичная картина. Ровно полгода назад, 25 ноября 1918 г., Псков брали у немцев большевики. Пользуясь промежутком между уходом одних и приходом других, вот такие же бабы спешно грабили оставшиеся после немцев склады, весело ободряя себя восторженными восклицаниями: «слава богу, красненькие пришли!»

Около 9 час. вечера в городе появились цепями эстонские патрули. Псков пал в гражданской войне третий раз.

На следующий день приступили к выяснению условий нового существования. Наскоро была собрана городская дума последнего состава, разогнанная в свое время большевиками; произошел краткий обмен мнениями.

Несмотря на то, что с момента занятия эстонцами города прошло не более 15—20 часов (считая в промежутке ночь), в настроении обывателей уже успели выявиться некоторые не совсем симпатичные тенденции. Подняли голову правые элементы, и среди купечества пошел разговор, что не мешало бы собрать думу не временного правительства, а «парскую», существовавшую до революции; затем заметное беспокойство обнаружила еврейская часть населения—откровенно стали грозить погромом черносотенники. Ближайшим поводом к этому несомненно послужила первая прокламация эстонцев, в которой говорилось, что «славные эстонские войска очистили город от жидов и коммунистов». Черные в этих словах определенно увидели сигнал к реставрации и погрому. Дума решила немедленно принять меры к успокоению города и, с целью ближе ознакомиться с административными намерениями новой власти, послала к командиру эстонских войск депутацию из трех лиц.

Штаб занимал помещение бывших присутственных мест. Когда мы пришли туда, всюду сновали вооруженные с ног до головы эстонские солдаты, тут же толклись успевшие народиться разные просители, в уголке отдельно ожидала своего приема еврейская депутация. Последняя жаловалась нам, что противоеврейская агитация началась с раннего утра, вследствие чего в местной еврейской общине царит большое беспокойство. Депутация явилась к командиру войск, чтобы просить у него немедленной защиты против надвигающейся погромной волны. Во время этого

разговора в комнату вбежала компания обывателей,—кажется, два купца и чиновник,—которые буквально волокли к столу дежурного эстонского офицера какого-то маленького дрожащего человечка и, перебивая друг друга, тыкая пальцами на задержанного, объясняли, что человек этот—пойманный ими большевистский комиссар.

— Он очень, очень вредный человек, господин комендант, он был начальником приюта, растлевал там девочек, и даже большевики посадили его в тюрьму,—говорили пришедшие.

На вопрос офицера: «Как ваша фамилия?», задержанный сказал—«Котов».

— Вот, вот, господин офицер,—кричали обыватели,—и фамилия у него котовая, подстать к его развратным занятиям.— Офицер велел задержать арестованного до выяснения его дела.

Пойманный Котов был действительно большевистский комиссар по социальному обеспечению. Большевики держали его до прихода белых в тюрьме, а затем, поспешно оставляя город, забыли Котова в тюрьме или сознательно оставили его на расправу белым. Когда эстонцы вступили в город, все заключенные в тюрьме были немедленно выпущены на свободу; вышел вместе с другими и Котов. Считая себя, очевидно, «пострадавшим» у большевиков, Котов стал открыто гулять по главной улице города, где его обыватели тотчас же опознали и задержали.

Вскоре после описанного инцидента такие же добровольцы начали таскать других людей, но все они оказались «большевиками» только потому, что эпидемия доносительства видимо уже широко охватила мешанские круги. Эстонцы быстро ориентировались в своеобразном обывательском усердии, и все невпущенно-задержанные были освобождены в тот же день. Эта мера несколько поохладила пыл старателей.

Принявший нас эстонский командир подкапитан Ригов просил городскую думу немедленно приступить к своей работе. От эстонских властей, сказал он, дума встретит только содействие. «Вам нечего нас бояться, мы—представители демократической республики и пришли, чтобы помочь вам в борьбе с большевиками». А когда ему было указано на специфический характер его первой прокламации и необходимость внести умиротворяющее начало в обывательскую среду, Ригов был очень смущен. Признав редакцию прокламации неудачной, он пытался оправдаться тем, что прокламация была написана им по-эстонски и ее очень плохо перевели на русский язык; так, он писал: «жидов-коммунистов», а перевели «жидов и коммунистов». Еще больше смутился Ригов, когда ему сказали, что и в таком духе не следовало писать прокламации. Тогда он тут же, в нашем присутствии, написал новую прокламацию на русском языке, где пригрозил строгими наказаниями за погромы.

Далее Ригов заявил, что Псков взят им без прямого приказа начальства, в силу создавшейся стратегической обстановки и желания поддержать русские части, и поэтому возможно, что начальство будет недовольно его действиями, и эстонские

войска вновь отойдут назад. Но это будет не раньше, чем подойдет сюда русская армия под командованием Балаховича, в контакте с которым действуют эстонские войска.

На вопрос: «какого характера предполагается установить гражданские порядки?»—ответил: «эстонцы не будут вмешиваться в ваши дела, это область действий русской власти, сговоритесь с Балаховичем, когда он придет. От нас, как представителей демократической страны, вы ничего худого и реакционного не увидите».

В общем впечатление от посещения Ригова осталось благоприятное: звучали непривычные в устах военного слова и создавалась уверенность, что, пока город находится во власти такого командования, культурным условиям нашего существования не грозит никакой опасности. Зато сильно удручила и опечалила нас перспектива возможного ухода эстонских войск. На русскую «армию» Балаховича была плохая надежда. Эта армия сформировалась еще в ноябре, перед уходом немцев из Пскова, но оказалась крайне слаба, представляя собою небольшую кучку конных и пеших партизан, разбежавшихся при первом серьезном натиске большевиков.

Краткий период управления эстонцами занятой местностью был днями относительного спокойствия обывателей. Прежде всего решительно в корне была пресечена всякая погромная агитация. Соответствующий приказ коменданта и действительный надзор за исполнением этого приказа были столь энергичны, что черносотенники смолкли как по команде. Человечески ненавистная злоба ушла внутрь, сменившись у этих людей наружным холодком к власти. Разочарование их было полное. Эстонское командование и солдаты заметно это почувствовали. Недаром некоторые эстонские офицеры жаловались позже на «неблагодарность» нашего купечества. Но было бы преувеличением сказать, что сторонниками погрома было все купечество и только люди из этой среды. Любители расправы находились в разных слоях населения, а среди купечества, наоборот, случалось слышать голоса, определенно осуждавшие погромную агитацию, организованную кем-то в один из базарных дней. Большая часть населения несомненно ценила военную эстонскую помощь, а командование искренно желало сгладить все невольные шероховатости между армией и иноплеменным населением города. Кое-какие намеки на этот счет проскользнули в речи командира эстонских войск к солдатам на параде.

В те несколько дней, когда эстонцы были единичными хозяевами города, они взяли телефонные аппараты у горожан, кой-какой товар, оставшийся в так называемых национализированных магазинах (но в действительности принадлежащих нашим купцам) и вывезли часть льна, оставшегося на пристани реки Великой. Но такова была наша судьба, что даром нас из большевистских объятий никто не освобождал. Прогнавшие большевиков в ноябре 1918 года немцы захватили огромные склады Всероссийского земского союза, пообчистили в центре

города обывательские квартиры под предлогом омеблирования будущей резиденц-квартиры графа Мирбаха, прихватили немало и вообще всякого другого добра. Таким образом, по сравнению с немецкой «контрибуцией», эстонцы ограничились в сущности пустяками. Более обильные плоды они пожали гораздо позднее, но об этом речь будет впереди.

Квартирной повинностью эстонцы вовсе не злоупотребляли, разместившись довольно скромно. Расстрелов, а тем паче публичных казней, тоже не было.

Такова была заря русско-эстонских отношений на псковском фронте.

II.

Появление в Пскове отряда Балаховича и переход к нему гражданской и военной власти.

Спустя четыре дня после прихода эстонцев однажды вечером в Псков пожаловал «атаман крестьянских и партизанских отрядов» подполковник Булак-Балахович. Отряд солдат, прибывший с ним, был частью конный, частью пеший, в общем весьма небольшой, не внушавший впечатления сколько-нибудь серьезной силы. «Войском» эту кучку вооруженных людей можно было назвать только по недоразумению. Тем не менее улица встретила «атамана» с большим воодушевлением. По городу долго раздавалось восторженное «ура». Многих радовал самый факт прибытия своих русских солдат. Чужое, как ни прочно спать за его спиной, все-таки было чужое, а кроме того, экзальтированности толпы способствовал и сам Балахович своими речами, полными пафоса и беспшабашной похвальбы.

— Я командую красными еще более, чем белыми,—кричал Балахович толпе.—Красноармейцы и мобилизованные хорошо знают, что я не враг им, и в точности исполняют мои приказания. Я воюю с большевиками не за царскую, не за помещичью Россию, а за новое Учредительное собрание... Я предоставляю обществу свободно решить, кого из арестованных или подозреваемых освободить, и кого покарать. Всех, за кого вы поручитесь, я отпускаю на свободу. Коммунистов же и убийц повешу до единого человека...¹

Утро следующего дня сразу показало нам, псковичам, какого рода порядки привез в Псков Балахович.

Опять толпы народа в центре и на базаре. Но не слышно ликующих победных криков, нет и радости на лицах. Изредка мелькнет гаденькая улыбка какого-нибудь удовлетворенного в своих чувствах дубровинца, мелькнет и поскорее спрячется. Большинство встречных хмуро отмалчивается и неохотно отвечает на вопросы.

¹ «Новая Россия освобожд.», № 1, 31 мая 1919 г., ст. «Ведкая волна».

— Там,—говорит мне какая-то женщина,—идите на площадь и на Великолуцкую...

Я пошел и увидел. Среди массы глазающего народа высоко на фонаре качался труп полураздетого мужчины. Около самого фонаря, видимо с жгучим любопытством, вертелась разная детвора, поодаль стояли и смотрели взрослые. День был ненастный дул ветер, шел дождь, волосы на трупе были мокрые.

⊙ Помню, что я не мог без содрогания смотреть на эту ужасную картину и бросился с площади на тротуар. Там стояли какие-то люди, и один из них, обращаясь ко мне, сказал: «Зачем это? Кому это нужно? Ведь так даже большевики не делают. А дети,—зачем им такое зрелище?..». В тот день еще висело четыре трупа на Великолуцкой улице, около здания государственного банка, тоже на фонарях, один за другим в линию по тротуару.

Народу впервые давалось невиданное им доселе зрелище, инициатива которого всецело принадлежала «белым». Насколько помню, вначале было такое впечатление, что толпа просто онемела от неожиданности и чрезвычайной остроты впечатления, но потом это прошло. Постепенно, изо дня в день, Балахович приучил ее к зрелищу казни, и в зрителях этих драм обыкновенно не было недостатка. Некоторые часами ждали назначенных казней.

Вешали людей во все время управления «белых» псковским краем. Долгое время этой процедурой распоряжался сам Балахович, доходя в издевательстве над обреченной жертвой почти до садизма. Казнимого он заставлял самого себе делать петлю и самому вешаться, а когда человек начинал сильно мучиться в петле и болтать ногами, приказывал солдатам тянуть его за ноги вниз. Часто прежде чем повесить, он вступал в диспуты с жертвой, импровизируя над казнимым «суд народа».

— Ты говоришь, что не виноват? Хорошо. Я отпущу тебя, если здесь в толпе есть люди, которые знают, что ты не виноват, и поручатся передо мной за тебя...

Поручителей почти никогда не находилось. Да и немудрено. Раз как-то в толпе раздался жалостливый женский голос в пользу казнимого. Балахович, который присутствовал на казни обычно верхом на коне, быстро со свирепым лицом обернулся в седле и грозно крикнул: «Кто, кто поворотит тут за него, выходи сюда вперед, кто хочет его защищать?», жесты и лицо были столь красноречивы, что раз навсегда отбили охоту вступаться за приговоренного к смерти. Балахович повесил даже тогда, когда за одного из обреченных ручалась не какая-нибудь там простая женщина, а видный член псковского общества, крупный домовладелец Л. Ничего не помогало: слова о «народном суде» были только ширмой для неистовствовавшего Балаховича.

Все казни производились всегда днем, в первый месяц—неизменно в центре города, на фонарях. А так как столбы фонарей были трехгранные железные, то нередко вешали зараз по трое, и трупы висели на фонарях гирляндами, иногда в течение всего

дня. Особенно почему-то возлюбил Балахович фонарь против одного еврейского музыкального магазина, хозяин которого из-за казней долгое время не открывал своей торговли.

Позже, в июле месяце, по протесту представителей союзников, в центре города казни были прекращены. Но зато была устроена постоянная виселица с двумя крюками и боковыми стремянками к перекладине; эту виселицу воздвигли непосредственно за старинной псковской стеной, на сенном рынке, т. е. опять-таки в кругу жилых строений. Место, вероятно, выбрали по принципу «око за око». Во второй приход у большевиков у этой стены глубокой ночью было расстреляно несколько видных псковичей. Тут же они были и закопаны. Позже, когда произошла смена власти и пришел Балахович, убиенных с почестью похоронили на городском кладбище, а вместо них на том же месте стали вешать и хоронить казнимых белой контрразведкой.

Месть на трупах вообще была в ходу. После расстрела упомянутых псковичей у старой городской стены большевики на том самом месте, где были зарыты расстрелянные, как бы в пренебрежение к праху их, устроили сенной рынок. В свою очередь, позже Балахович приказал выкопать из могил устроенных в центре города, в Кадетском саду, похороненных там с почестями красноармейцев. Осклизлые гробы, частью вскрытые, с полусгнившими покойниками стояли после этого в саду целый день. Приходили из деревень какие-то бабы и жалобно плакали возле гробов.

Казни на виселицах обставлялись также публично и всенародно. Здесь я и сам в июле видел такую кошмарную сцену.

Вешали двоих. Так как стремянки к перекладине были приделаны по бокам, на основных столбах, то каждый обреченный должен был сначала залезть сам к перекладине, а затем, одев петлю, чтобы приобрести перпендикулярное к земле положение и повеситься, броситься с петлей на шею в пространство. Первый из самовешающихся проделал подобную операцию удачно для своей смерти, второй же сделал видимо слишком энергичный прыжок, веревка не выдержала, оборвалась, и он упал на землю. Поднявшись с петлей на шею на ноги, несчастный дрожит и молит публику заступиться за него. Кругом гробовое молчание, только вздохи. В это время солдат сделал новую петлю. «Лезь»,—кричит офицер. Парень снова лезет по стремянке, кидается в петлю и на этот раз быстро расстаётся с жизнью.

Одну из таких сцен сняли для кинематографа американцы и впоследствии показывали ее где-то в Америке, пока это не запретили американские власти.

Кто же были эти ежедневные, на протяжении двух с половиной месяцев, жертвы?

Вначале—просто «пыль людская»: воришки, мелкие мародеры, красноармейцы (но отнюдь не комиссары или даже рядовые коммунисты—этих Балаховичу не удавалось поймать); после контрразведка Балаховича под руководством знаменитого полк.

Энгельгардта, специально занялась крестьянством. Создавались дутые обвинения в большевизме, преимущественно в отношении зажиточных людей, и жертве предстояла только одна дилемма: или откупись, или иди на виселицу. Более состоятельные крестьяне отделывались карманом, а замешавшаяся в энгельгардтовых сетях беднота расплачивалась жизнью. При отсутствии гласного суда, при наличности корыстного застенка, во время гражданской междоусобицы, когда каждый человек, желал он того или не желал, силою вещей должен был соприкасаться с той или другой из воюющих сторон, обвинение в большевизме создавалось с необыкновенной легкостью.

Я нарочно остановился подробнее на псковских казнях. То, что творили в Пскове Балахович и его присные, я думаю, превзошло все меры жестокости «белых», когда-либо и где-либо содеянные. Балахович не только глумился над казнимыми в последний их смертный час, но он попусту садически растлевал чистые души gazeющих на казнь малышей, а в толпе темной черни культивировал и распалял самые зверские инстинкты. Этот несомненно больной офицер совершенно не понимал, что самым фактом публичности казней, их кошмарной обстановкой он не утешал разбуженного большевиком в человеке зверя, а, наоборот, как бы поставил себе определенной задачей—возможно дольше поддержать это зверское состояние в человеке.

Большевики не остались в долгу: они превосходно использовали казни Балаховича в своих прокламациях к белым солдатам. Белому командованию вскоре пришлось пожать горькие плоды этой агитации.

Справедливость требует, однако, сказать, что Балахович не был одинок в своих мероприятиях. Идейная санкция его действий пришла вместе с ним в виде подчиненного ему Управления по гражданскому «устроению» псковского края. Русская гражданская власть пришла к нам, как и Балахович, тоже с демократическим знаменем, но во все время своего существования только и делала, что глумилась над демократическими идеями, да, вопреки жестокой действительности и здравому смыслу, базарно восхваляла своего «Батьку».

Через сутки после прихода Балаховича в городе появилась газета «Новая Россия освобождаемая», а в ней приказ Балаховича № 1 такого содержания:

«Разбив главные силы противника, пытавшиеся прорваться к Пскову, 29 мая я прибыл в город и, согласно приказа главнокомандующего естонскими войсками и командующего войсками отдельного корпуса северной армии, принял командование военными силами псковского района.

Комендантом псковско-гдовского района назначается подполковник Куражев. Комендантом города Пскова назначается капитан Макаров.

Ввиду невозможности для военной власти принять на себя заботы по устроению местной жизни и невозможности задерживать местное устроение, — права и обязанности местной гражданской власти временно вручаю образующемуся из пользующихся общественным доверием лиц Общественному гражданскому управлению города Пскова и уезда, постановления и решения которого, контролируемые военным комендантом, обязательны для всех граждан.

Вручением гражданских функций местным общественным силам на-родные белые войска доказывают искренность провозглашаемых ими демократических лозунгов.

Пусть все знают, что мы несем мир, устройство и общественность.

Населению предлагаю сохранять полное спокойствие. Мои войска победоносно продолжают свое наступление. Все попытки противника оказать сопротивление быстро ликвидируются.

Атаман крестьянских и партизанских
отрядов и командующий войсками псков-
ского и гдовского районов подполковник

Булак-балахович».

30 мая 1919 г.

За приказом № 1 в том же номере без подписи был помещен приказ нового «общественного гражданского управления» с предложением всем должностным лицам по назначению явиться 31 мая к 3 часам дня в здание бывшей городской управы к председателю гражданского управления.

Что это за персона—председатель общественного гражданского управления—из официальных приказов, напечатанных в газете, не усматривалось. Лишь в хронике частным образом было сказано, что «устройство гражданского управления в Пскове и губернии вручено русскому представителю в Эстонии и представителю противобольшевистских организаций г. Иванову, уже наладившему таковое в гор. Гдове. Г. Иванов использует все местные общественные силы».

Первым шагом «демократа» Балаховича были ужасные казни и грабежи, первым шагом «демократа» Иванова—упразднение городского самоуправления, на функции которого до него не покушалась даже оккупационная немецкая власть. За попой пробивалась совсем другая суть.

За «словами», чтобы им окончательно не верили, следовали снова «дела». Для надобностей города и войска Иванов предложил на другой день обложить евреев на 2 миллиона рублей контрибуции¹. Он стал уже записывать имена, которые ему услужливо подсказывал кто-то из местных жидоедов, но слышались протесты: «Почему только евреев, а не всех богатых купцов?» Иванов не счел возможным мотивировать свою затаенную мысль, быстро убрал лист, сказав, что «обойдемся без этого, достанем в штабе».

Спустя дня три после описанного случая появился список целого ряда купцов, которые в трехдневный срок обязывались внести Балаховичу разные более или менее значительные суммы. В списке фигурировали, правда, не одни евреи, попадались изредка и христианские фамилии.

При крутом нраве Балаховича послушаться его зова никто не мог. Купцы знали, зачем зовут и несли, несли и... торговались. Более упорных тут же арестовывали и отправляли в тюрьму. Сиди пока не уплатишь всех денег, размышляй о «новом учре-

¹ Чтобы представить себе, во что обходилось это требование по тому времени, достаточно сказать, что фунт хлеба в то время в Москве стоил еще 40 р. на керенки, а в Пскове—6—7 рублей.

дительном собрании». Таким путем собрали около 200 000 рублей—сумму по тому времени большую. О судьбе этих денег ходили потом весьма смутные и невыгодные для компании Балаховича слухи. Впоследствии, когда производилось расследование о всех злоупотреблениях чинов особой дивизии Балаховича контрразведка штаба заинтересовалась и сбором денег «на нужды армии».

«Ротмистр Звягинцев, — доносила она следственным властям, — собрал по приказанию начальника дивизии генерал-майора Булак-Балаховича с жителей города Пскова налог на нужды армии в сумме около 200 000 рублей; куда пошли собранные деньги — выяснить, из-за отсутствия отчетности, не представляется возможным. Ввиду же того, что все чины штаба особой дивизии вели широкий образ жизни, пьянствовали, шикарно одевались, — среди горожан создалось убеждение, что деньги эти пошли не на нужды армии, а на личные потребности чинов штаба дивизии. Доказательством этому отчасти может служить и то обстоятельство, что действительно чины штаба особой дивизии, не получая жалованья, одевались в чрезвычайно дорогие и разнообразные костюмы, постоянно посещали клубы и благотворительные вечера, на которых тратили большие суммы денег».

Не довольствуясь сбором денег в более или менее прикрытой официальной форме, стали требовать денег неофициально. Главной статьей были, конечно, «жиды» и угроза погромом им. Одновременно с этим офицеры и солдаты Балаховича шли по квартирам отнимать серебро, золото, и деньги. Сопrotивляющимся наносили побои. По словам псковского купца Г., евреев В-ка били и велели ноги целовать, взяли все серебро и золото; А-ча били самого, жену и детей, пока не показал, где спрятано золото и серебро, все отобрали; М. ограбили и расстреляли и т. д.

В это время на фронте опомнившиеся большевики, видя, что эстонцы приостановили свое наступление, снова пытаются взять Псков. Настроение у всех обывателей подавленное. Вблизи города утром и вечером идет непрерывная артиллерийская канонада, а в самом городе бесчинствуют балаховцы.

Штурм большевиков удастся отбить. Действуют главным образом эстонцы, но это не мешает органу г-на Иванова превозносить «Батьку» до небес.

«Устроение» гражданской жизни шло тоже из рук вон плохо. С трудом удалось получить американский хлеб для населения. Между американцами и обывателями в роли дорогих коммиссионеров начали, к удивлению обывателей, фигурировать эстонцы. «Мука прибыла пшеничная, — пишет в № 3 «Нов. Россия», — правда, за очень дорогую цену: она получена в обмен за двойное по весу количество льна». На вырученные за муку от обывателей деньги или путем натурального обмена с крестьянами город должен был накапливать запасы льна по указанному расчету и сдавать его эстонцам. Операция для неподготовленного для этого городского аппарата явно непосильная, да и нравственно неприемлемая: расценка, установленная эстонцами, была раз в десять меньше английской, так что эстонцы за муку, от-

пущенную им в кредит американцами для населения Эстонии, получали колоссальные барыши.

Эстонское правительство стремилось тогда скупить подешевле весь псковский лен, чтобы образовать для своего казначейства прочный валютный фонд. Весь лен шел на английские рынки и очень выгодно для эстонских финансов переплавлялся в фунты, черную же работу содействия этой операции у нас на месте «с готовностью» взял на себя г. Балахович. Не трудно себе представить, во что вылилось такое содействие «меновой торговле» в атмосфере воцарившегося при «Батьке» террора и произвола. При поддержке Балаховича не сдерживаемые ничем в своих узко эгоистических аппетитах новые предприниматели стремились отнять у псковского населения буквально за гроши единственно ценный и притом последний оставшийся у него продукт обмена. Эстонцы тогда переживали, да и теперь еще переживают, период стадии первоначального накопления ресурсов своей молодой государственности и потому с лихорадочной поспешностью стремились использовать все открывавшиеся к тому возможности.

Июнь приближался к концу, а в городе и уезде не было и намека на правосудие. Свирепствовали всюю контрразведчик полк. Энгельгардт и комендант края подполковник Куражев. Нуждаясь в деньгах для армии, а еще больше для кутежей, представители местной власти начали печатать фальшивые деньги — керенки. Эти деньги офицеры стали спускать хозяевам ресторанов, в которых кутили, разным поставщикам, крестьянам по деревням. Керенки печатались в глубокой тайне; сначала в особой комнате в гостинице «Лондон», а позже чуть ли не в самой районной комендатуре. В преступную организацию входили все самые видные члены «батькиной ставки» — полковники Энгельгардт, Стоякин, Куражев, Якобс, а также инициатор этой затеи — «редактор» местной газеты и в то же время помощник районного коменданта Афанасьев. Знал ли Иванов про всю эту махинацию, мне неизвестно; кажется, фабрика открылась уже после его исчезновения из Пскова.

Нелишним будет, однако, отметить, что идея такого предприятия, обставленная, разумеется, соображениями «блага белого дела», родилась первоначально в недрах штаба ген. Родзянко. Факт этот — сколь не ароматна сама по себе такая идея — после заявления членов 6. Политического совещания при ген. Юдениче является совершенно установленным. «Нужды на фронте и в тылу (пишут эти члены) никакого отлагательства не допускали. И насколько там положение было критическое, доказывает то, что из северного корпуса поступило к генералу Юденичу представление о разрешении печатать фальшивые керенки. Представление это было, конечно, отклонено»¹. Предложение отклонили, а подготовленная для выполнения плана техническая орга-

¹ «Объяснения членов Политического совещания при главнокомандующем северо-западной армии», стр. 31.

низация, в лице инженера Тешнера, осталась; его-то и «пленил» у себя в Пскове Балахович. Разобрав в чем дело, Тешнер вначале пытался бежать из Пскова, но его поймали и под конвоем солдат снова водворили в «псковскую экспедицию» заготовления фальшивых керенок.

Ни фальшивки, ни поборы с населением нисколько не улучшили материального положения солдат Балаховича. Они по-прежнему были плохо одеты, обуты, плохо накормлены. Наоборот, эстонские войска производили хорошее впечатление: все прекрасно экипированные, достаточно дисциплинированные, крепкие здоровые ребята. Тяжко было смотреть на эту резкую разницу. Правда, справедливость требует сказать, что Балахович был повинен в плохом состоянии своих солдат только «части. Нужды армии во много превосходили суммы собранные тем или иным путем с населения, но скверно было то, что даже собранные деньги не шли по своему назначению. Все вместе взятое в значительной мере подрывало боеспособность русских солдат; кроме того, в последнее время стало чувствоваться, что у них вообще нет той действительной поддержки со стороны населения, которая была несомненно на первых порах и которую имели эстонские солдаты у собственного населения, довольно деятельно поддерживавшего свою армию.

До сих пор я останавливался преимущественно на описании тех порядков, которые завели Балахович и Иванов в самом городе Пскове. В Псковском уезде режим был не лучше, с той только разницей, что здесь царила некоторая политическая чересполосица.

Правда «соловья разбойника», как окрестили некоторые обыватели режим Балаховича в Пскове, в деревне по необходимости носил все черты спорадического воздействия власти. «Устроение» сельской жизни производилось наскоком, неряшливо, псевдо-либеральные потуги г-на Иванова часто проводились под эгидой партизанской ругани, порки и прочего пренебрежения к личности крестьянина. Одного здесь почти не было: казней. Главные мастера заплочного дела—Балахович и Энгельгардт—сидели в самом гор. Пскове и, по соображениям, надо полагать, техническим, все выхватываемые из деревни жертвы для казни свозились в Псков.

Для характеристики сложившихся к появлению Балаховича земельных отношений в Псковской губернии и воздействия на них органов поставленной им власти, позволяло себе привести выдержки из ценной записки П. А. Богданова, бывш. министра земледелия в северо-западном правительстве, поданной им гражданской ликвидационной комиссии по делам этого правительства.

«В общем и целом картина земельных отношений к маю 1919 года по всей Северо-западной области вырисовывалась следующим образом. Все без исключения земли, живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь были в распоряжении крестьян и органов советской власти... Помещичье землевладение перестало существовать. Надо отметить, что часть помещи-

мов и крупных земельных собственников сумела остаться в своих имениях в качестве чиновников советской власти или членов коммун, образовавшихся в имениях часто по инициативе тех же владельцев-помещиков, в надежде на грядущее лучшее будущее...

Выше мы говорили, что земля была в распоряжении крестьянина и органов советской власти. Но отсюда еще нельзя сделать вывода, что крестьянская тяга к земле была удовлетворена полностью или хотя в большей ее части. Отнюдь нет. Крестьянство после октября 1917 года получило только возможность «поравнять» землю внутри своего надела...

Так или иначе, пусть частью на бумаге, мужик получил землю, но он не был уверен в прочности нового порядка вещей. Самый переход земель и инвентаря в силу его хаотичности не удовлетворял крестьян. Крупный процент земель вообще прошел мимо рук крестьянина, оставшись в распоряжении органов советской власти, не умеющих их использовать, что безусловно видел и понимал крестьянин. Политический террор, экономическая политика и специальные репрессии против крестьянства, пассивно сопротивляющегося большевистским опытам, — вот главные причины, заставлявшие крестьянскую массу с энтузиазмом встречать «белых» в Северо-западной области. Приходится констатировать, что подъем в мае 1919 года был настолько велик, что он на время заставил крестьянство забыть свой страх перед неизвестной земельной политикой новых хозяев положения...

Но страх перед ответственностью за революционные выступления, боязнь за землю, что перешла или должна была перейти в руки крестьянства, всплыл на другой день появления «белых». И крестьянство насторожено принялось ожидать выступления органов новой власти, чутко ловя каждый слух, каждый факт, говорящий о земельной политике «белых», безоговорочно выполняя не за страх, а за совесть ряд тяжелых повинностей в период войны».

Отметив мимоходом, что первым актом Балаховича при первом его появлении в Пскове было упразднение возобновившей свою деятельность уездной земской управы, П. А. Богданов далее говорит о полном бессилии «гражданского общественного управления» в смысле налаживания им административного аппарата сельской жизни и о фактическом засилье военной власти.

«Фактическим хозяином области являлись гг. военные, начиная от «командующего вооруженными силами псковско-гдовского района» Балаховича и кончая каким-нибудь местным волостным комендантом. Бессилье одних и засилье других, однако, не являлось результатом определенной политики Балаховича и его присных, проводимой в жизнь с той яркостью и последовательностью, как, скажем, это имело место позже, в период «хомутовщины»... Те или иные ответственные решения принимались наскоком. Все зависело от целого ряда случайностей и энергии местных работников. Как на пример, можно указать на такое явление: в то время, когда в волостях еще не было никакой организации, в Логозовской волости Псковского уезда явочным порядком восстановилось волостное земство, продолжавшее действовать и тогда, когда в других волостях создавались общественные управления¹...

«Бессилие отразилось и на земельной политике общественного гражданского управления. Оно не могло провести в жизнь свои предположения, которые в общем и целом сводились к тому, чтобы по крайней мере на первое время сохранить в деревне существующие земельные отношения».

Волостные организации общественного гражданского управления, не имея крепкого руководящего центра, созданные наспех, в обстановке гражданской войны, находившиеся всецело

¹ Увы, и это земство не долго продержалось. В № 8 «Нов. Росс. осв.» от 19 июня было напечатано об утверждении «выборов» в волостное общественное гражданское управление и по Логозовской волости.

во власти волостных комендантов, естественно не сумели взять верный курс..., а волостные коменданты, эти фактические хозяева положения, не успокоили мужика в том смысле, что земля за крестьянином останется, что взыскивать за период революции никто не собирается и что интересы крестьянина для новой власти стоят на первом плане. Больше того, они усиливали путаницу земельных отношений и тем давали серьезную почву для мужицких опасений. Примеров тому много. Комендант Сидоровской волости Псковского уезда на волостном сходе (16—17 июня), довольно большом и оживленном, держал речь к населению. Первая ее часть общего характера была встречена весьма сочувственно. Вторая, касавшаяся земельных отношений,—резко враждебно. Говоря о том, какими землями мужики могут распоряжаться, он определенно заявил, что крестьяне могут распоряжаться только своей землей, прочие земли могут попасть в руки мужика только при условии аренды или покупки ее. В итоге ропот всего схода: «Опять помещика на шею нам посадите». «Мы будем работать, а баре хлеб есть... Не бывать этому!». Комендант Логозовской волости за свой страх и риск приказал всем селениям, где были произведены переделы явочным порядком или на основании декретов советской власти, вновь провести переделы и восстановить прежнее дореволюционное положение в земельных отношениях деревни.

Общая атмосфера, в которой производились те или иные экономические и административные перемены этого периода, как я уже говорил, была крайне удушлива для возрождения здорового народного самосознания. О «батькином» режиме крестьяне долго помнили.

«Мы ехали,—рассказывает по этому поводу корреспондент бывших «Русских Ведомостей» Л. Львов,—по району, оккупированному год тому назад знаменитым Булак-Балаховичем. Народная память осталась о нем нехорошая. Грабежи и, главное, виселицы навсегда, погубили репутацию Балаховича среди крестьянского мира. За 40—50 верст от Пскова крестьяне с суровым неодобрением рассказывают о его казнях на псковских площадях и о его нечеловеческом пристрастии к повешениям. Практиковавшаяся им порка, когда крестьянин—отец и хозяин—принуждался ложиться под удары, грубо затронула сознание крестьянина и оскорбила его чувство человеческого достоинства»¹.

Юридически командующим всеми русскими силами, оперировавшими вблизи границ Эстонии, считался тогда главнокомандующий эстонской армией ген. Лайдонер. По национальности он был эстонец, по образованию—питомец нашей дореволюционной академии генерального штаба, человек несомненно умный и даже талантливый в своей военной сфере. По отношению к русскому командному офицерству он все время держался весьма корректно, но в описываемое время, с развитием деятельности наших отрядов за пределами Эстляндии, его связь с русской армией, во главе которой в Нарве стоял ген. Родзянко, была чисто призрачной. Мало того, под давлением пружин политиче-

¹ Л. Львов—ст. «На деревенской телеге», напечат. в «Посл. Нов.», № 121 за 1920 г.

ского свойства со стороны своего правительства, он вообще стал тяготиться ролью главнокомандующего русской армией. Тем не менее Балахович и Иванов, там где им было нужно и выгодно, искусно эксплуатировали эту формальную связь и втягивали в свою политику местные командные эстонские круги. Так, когда Иванову понадобилось облагодетельствовать псковско-гдовский район своими «общественными гражданскими управлениями» без капли общественности, он коварно использовал резолюцию «главнокомандующего эстонскими и русскими войсками» генерала Лайдонера, считавшего совершенно правильно, что «местные силы должны быть использованы в полной мере». А когда Балаховичу понадобилось укрыть Иванова, в этом помог ему подчиненный общему командованию местный эстонский штаб. Настроиваемые г-ном Ивановым местные эстонские командиры считали более выгодной для Эстонии псевдо-либеральную политику Иванова, чем определенно реакционную генерала Родзянко.

Не желая ссориться ни с своими ни с чужими, ген. Лайдонер после описанного выше случая отказался от звания главнокомандующего русскими войсками.

Вскоре в Псков приехал начальник военно-гражданской части северной армии полк. Хомутов, и ему кое-кто из крайних правых, как говорится, «открыл глаза» на нашу безбожную думу. Суфлер попал на крайне благодарного слушателя, но обстоятельства требовали иной тактики, и Хомутов, помимо своей воли, не оправдал желаний шептунов.

Вместе с Хомутовым приехал командующий северной¹ армией ген. Родзянко. Реакционная сущность этих господ оказалась на первых же порах, но в сравнении с «батькой» Балаховичем они производили более выгодное впечатление. С ними в всяком случае можно было говорить, доказывать, объяснять им разумность тех или иных мер, да и обстоятельства заставляли их слушать. Родзянко и Хомутов приехали в вотчину «батьки» с так сказать цивилизаторской миссией, и естественно, что начинать это дело с ссоры с общественностью вовсе не входило в их планы. Один из них стал действовать хитрее, осторожнее; другой, более простодушный, при случае не прочь был щегольнуть либерализмом.

Незвизрая на наличность функционирующей уже городской думы, Хомутов хотел вначале создать состав думы и управы исключительно по своему назначению, вычеркнув механически из числа гласных действующей думы всех социалистов, как таковых. А когда беспартийный социалист² председатель

¹ Приказом ген. Родзянко по северной армии № 135 от 1 июля 1919 г., ввиду выраженного желания английского командования в Ревеле, в отличие от северной армии, оперирующей в Архангельске, наша армия, сосредоточенная вблизи границ Эстонии, переименовалась в северо-зап. армию.

² Хомутов или не знал об окраске убеждений Ф. Г., или для последнего, как лица, пользующегося особым весом в городе, предполагал сделать исключение. Не помню сейчас всех подробностей этой оригинальной коллизии.

думы Ф. Г. Эйшинский категорически восстал против подобной манипуляции и твердо заявил Хомутову, что он и многие другие гласные вовсе уклоняются от работы в такой подтасованной думе, полковник немедленно уступил. Он выговорил лишь право официальной санкции состава городской управы, так как неудобно де делать исключение для Пскова, когда в Гдове и Ямбурге состав управы утвержден им—Хомутовым.

Тем не менее, когда 3 июля были произведены выборы членов управы, Хомутов одного из них не утвердил: «полубольшевик и фамилия еврейская»¹.

Гораздо проще обошлось дело с «восстановлением» земства. Гласные уездного земства—крестьяне—не сидели в Пскове, часть уезда занимали еще большевики, и Хомутов договорился о восстановлении земства с оставшимися в городе помещиками,—бывшими гласными прежнего царского земства. Состав уездной земской управы, за исключением ее председателя, человека умеренных взглядов, оказался черней черного, а большинство членов управы от дряхлости совсем нетрудоспособными.

Картина произвола в Пскове, представшая глазам Родзянко и Хомутова, была ужасна.

«Много псковских жителей неизвестно почему сидело по тюрьмам»,—пишет Родзянко².

«Грабежи, взятки и безнаказанность,—доносил в отмеченном мною рапорте начальнику тыла полк. Хомутов,—заставили псковичей вспомнить худшие времена большевизма... Будучи в Пскове, я не мог не обратить внимания на ненормальное положение, в котором очутились контрразведка, полевой суд и прокуратура. В Пскове первое время действовали четыре контрразведки: корпусная, комендантская, эстонская и Балаховича. Теперь право ареста осталось за комендантом и производится по его ордерам, но стоящий во главе военно-полевого суда полк. Энгельгардт, будучи назначен на эту должность Балаховичем, объявил себя независимым и от коменданта, и от военно-гражданского управления, и от прокурора. Последний не имел дел и не мог даже проникнуть в тюрьму³. Это вызвало массу нарушений и распространение слухов о «застенке».

К сожалению, оба эти лица, так ярко заклеившие режим «Батьки», охотно закрывали глаза (по крайней мере, полк. Хомутов) на печальную действительность в управлении той областью (район Ямбург—Гдов), где хозяевами были они сами. Невольно заподозришь искренность их возмущения, если вспомнишь, что в числе главных провинностей Балаховича по отношению к штабу северной армии было все время проявляемое им опасное своеволие. Балахович являлся не только непокорным подчиненным, но и серьезным в этой поистине мексиканской обстановке политическим конкурентом, который сам ме-

¹ В прошлом прапорщик запаса.

² «Восп. о сев.-зап. армии», стр. 68.

³ Гражданские суды вообще не функционировали; царствовал единодержавно военно-полевой суд, а в нем полк. Энгельгардт.

чтал возглавить все белое движение на Северо-западе. О «сепаратизме» Балаховича, как о больном зубе, ген. Родзянко говорит неоднократно в своей книге.

Отчасти из боязни этого сепаратизма, отчасти с целью «навести порядок и прочистить атмосферу, окружавшую Балаховича», ген. Родзянко послал в Псков ген. Арсеньева, в задачу коего входило наладить порядок и перевести русские силы этого района с партизанского, грабительского на положение более дисциплинированной части регулярной армии. Эта миссия более или менее была задрапирована чисто стратегическими соображениями и ссылкой на «развертывание» армии.

Незадолго до появления в Пскове ген. Арсеньева (12 июля), на сторону Балаховича перешел 2-й стрелковый большевистский полк (кстати сказать, впоследствии также легко ушедший назад), и об отряде Балаховича стало возможно говорить, как о действительной боевой единице. Задача Арсеньева была — развернуть этот отряд в корпус, состоящий из двух дивизий, причем Балахович остался бы только начальником одной из дивизий. Сам Арсенев назначался командиром этого «корпуса».

С внешней стороны план вполне удался. На бумаге появился второй корпус армии, Псков обогатился еще одним генералом и управлением, но толку из этого никакого не вышло, — по крайней мере в смысле упорядочения гражданской жизни. Опубликованный 24 июля приказ о формировании судов, выработанный псковской магистратурой, остался мертвой буквой до самого падения Пскова. Балахович и Энгельгардт продолжали хозяйничать попрежнему, т. е. убивать, грабить и драть людей. Генерал Арсенев, даже если бы хотел, бессилён был остановить их безобразия, так как в его — начальника корпуса! — распоряжении почти вовсе не имелось сколько-нибудь серьезной военной силы.

Драли, однако, людей и у генерала Арсеньева, да еще как позорно! Вспоминаю один особенно дикий случай. Будучи вызван в конце июля начальником снабжения в Ревель на финансовое совещание, я зашел в комендатуру, чтобы получить пропуск на проезд в Ревель через Гдов — Нарву. Дожидаясь своей бумаги, я заметил одну девушку с заплаканными глазами, которая тоже стояла недалеко от меня у канцелярского прилавка для публики и беспомощно обводила глазами канцелярию, видимо не зная к кому обратиться. На мой вопрос, что ей нужно, она ответила: «Заявиться и отдать расписку, что меня наказали». Из дальнейших расспросов выяснилось, что эту вполне взрослую девушку лет 22—23 по распоряжению коменданта только что высекли, дав ей 30 розог за продажу кокаина. Секли, конечно, солдаты.

При генерале Арсеневе в Пскове открылась по счету третья газета — «Заря России». Бесцветная, казенная, полуофициоз генерала. «Псковскую Жизнь» Хомутов также запретил возобновить.

Перед Балаховичем залебезила и новая газета. Генерал Арсенев видимо пробовал сначала овладеть «батькой» путем лести

и ласки. В июле по предложению генерала Арсеньева, Родзянко произвел Балаховича в генерал-майоры. Правое купечество поднесло Балаховичу по сему случаю адрес, а «Заря России» поместила описание «чествования атамана», раздвув этот факт в «любовь псковичей». Адрес поднесли в оправе с надписью: «Кузнец Вакула оседлал чорта, а ты, батька-атаман, — коммуниста».

Косвенным основанием к такому неумеренному восхвалению отчасти послужило новое наступление большевиков на Псков в середине июля месяца. Они бросили на подступы к городу отборные матросские части и буквально завалили трупами близлежащую реку Ксбь, через которую эти части пытались перейти. Но и последний отчаянный натиск был ликвидирован «благодаря приходу эстонских бронированных поездов и своевременной поддержке эстонской дивизии»¹.

К этому же времени относится совсем своеобразный фортель, выкинутый «батькой» в области... семейного права.

Правой рукой Балаховича во всех его военных предприятиях был некий полковник Стоякин. Кем являлся Стоякин в действительности, был ли он когда-нибудь офицером, или, как это думали некоторые присяжные офицеры, он являлся питомцем «каторжной академии», всплыв на поверхность бушующей стихии соизволением матушки-революции, — так и осталось невыясненным. Но зато в одном были единодушны и Родзянко, называвший его «самозванцем», и эстонцы, питавшие к Стоякину, наоборот, большую симпатию, — что этот пришелец был на редкость способный офицер. О полк. Стоякине придется еще не раз говорить. В данном случае в связи с его личностью я упомяну лишь об одном эпизоде, великолепно характеризовавшем нравы, царившие в стане «атамана».

«Для мила дружка и сережка из ушка», — говорит русская поговорка. Так должен был наверное говорить «батька» Балахович, когда давал Стоякину следующее, с позволения сказать, официальное удостоверение, которым «узаконил» брак своего собутыльника с женой большевистского комиссара.

Удостоверение (Копия).

Сие дано начальнику оперативного отделения штаба командующего войсками Псковского района полк. Стоякину в том, что ему разрешается вступить во временный брак с Н. (в подлинном обозначены полностью имя отчество и фамилия) впредь до возвращения ее мужа.

Поводом к расторжению брака может послужить также появление в Пскове жены полковника Стоякина.

Командующий войсками Псковского военного района
полковник Будак Балахович.

Вр. и д. начальника штаба (подпись)

15 июля 1919 г.

№

г. Псков.

¹ Книга Родзянко, стр. 68.

III.

Псков как место зарождения первой белой армии.

Исходным пунктом, из которого зародилось и потом стало развиваться дальше все белое движение на северо-западе России, был тот же Псков.

До 25 ноября 1918 г. Псков находился под немцами. В пределах чисто русских губерний этот город являлся самым северным и крайним, куда докатывалась волна победоносной немецкой армии и естественно, что с него же началось обратное движение большевиков в отобранные у них немцами области. Предполагалось теоретически, что население ждет не дожидаясь возврата назад своей русской власти. Поэтому, как только был заключен Брест-литовский договор, большевики стали готовиться к новому занятию Пскова. Хотя по договору немцам надлежало очистить Псковскую губернию в самое ближайшее время, но они выдумывали всякие отговорки, и, опираясь на свои дисциплинированные войска, затянули очищение города и губернии вплоть до собственной революции, когда немецкая военная сила разом исчезла «аки дым», а появившиеся вместо нее многочисленные немецкие солдатские комитеты немедленно выкинули лозунг: «домой!».

Предчувствуя полный развал своего фронта и желая дать возможность, по уходе немцев, самим псковичам отстоять свою территорию от большевиков, немецкое командование незадолго до ухода стало формировать в Пскове русскую добровольческую армию, помогая этому делу советами, деньгами и снаряжением. Ходили слухи, что организацию белой армии немцы предпринимали не из одного сочувствия к судьбе псковичей, эта услуга уже тогда входила в общий политический план, потерпевший в Германии крах реакции, и, таким образом, организационная работа в Пскове являлась своего рода тактической завязью, страховкой насчет будущих времен и «реальных немецких интересов» вообще в России.

Период немецкой учебы оказался весьма краток, а с русской стороны дело велось крайне беспечно и бстолково. Уже тогда, в момент зарождения белой армии, вскрылась одна психологическая черточка, которая сразу возмутила храбрых немецких инструкторов. Едва успев надеть погоны и шашку, русские офицеры начали кутить и бездельничать, не все, конечно, но... многие. Немцы только руками разводили, глядя на такую беспечность. Быстро стал пухнуть «штаб», всевозможные учреждения «связи», а солдат—ноль. Офицеров в городе многое множество, но большинство из них желает получить «должности», сообразно с чином и годами. Немцы нервничают, ругаются. Если не изменяет память, так топчутся на одном месте, пока на выручку не появляются перебежавшие от большевиков на маленьком военном пароходике матросы чудской флотилии и не-

большой отряд кавалерии Балаховича—Пермыкина¹. К этим удравшим от большевиков частям позже присоединились небольшие кучки крестьян-добровольцев, затем насильственно забрали старших учеников гимназии, реального училища,—и армия была готова. Вся затея явно пахла авантюрой, и большинству обывателей даже в голову не приходило, что их жизнь и достояние будут зависеть только от успехов такой армии. Стоявшие во главе организации армии русские, по естественной причине, старались скрыть действительное положение вещей на фронте, а немецкое командование поддерживало в населении уверенность, что впредь до образования серьезной русской силы в области немцы не уйдут из города и не оставят нас на произвол большевиков.

Официально армию формировал некий генерал Вандам (военный сотрудник суворинского «Нового Времени»), он же был командующим так называемого «северного корпуса», но фактически всю власть скоро захватили офицеры Балахович и Пермыкин. Они пришли в город тихонькие, скромненькие, но дурная слава ползла за ними по пятам. Оба офицера только что бежали из советской армии, считались там ярыми защитниками советской власти и в сем качестве успели кроваво и невероятно жестоко усмирить восстание лужских крестьян. Явившись теперь в Псков, они почувствовали подозрительное к себе отношение и потому в первый же день обратились к населению с печатным заявлением, в коем уверяли нас, что солдаты их не обидят населения, и что отряд их пришел грудью своей защищать край от большевиков. В частной беседе перед офицерами эти господа оправдывали свою гнусную роль у большевиков «соображениями высшей политики». «Да,—говорилось, примерно,—мы усмиряли лужских крестьян, да, усмиряли кроваво, жестоко, но делалось это с определенной целью—довести ненависть крестьян к большевикам до озверения, утопить в пламени народного гнева комиссарье автоматически... Слушали и, конечно, не верили их циничному вранью, но в тот момент хватались за них, как за кучку более или менее энергичных людей, и на все их пронылые художества просто закрыли глаза.

На организацию белой армии немцы дали небольшую сумму денег, вооружение и часть военных припасов². Денег оказалось мало, Вандам прибегнул к выпуску кредиток 50-рублевого достоинства. Их почти силой навязывали служилому чинов-

¹ Пермыкин — знаменитый впоследствии так наз. войсковой «старшина» — авантюрист чистой воды.

² Средства и вооружение, обещанные немцами, были даны ими лишь в очень небольшом количестве. Например, немцы обещали дать 150 миллионов марок, а дали до сих пор лишь немного более 3 миллионов. Они обещали дать 50 000 винтовок, а дали лишь 8 000, из которых $\frac{3}{4}$ оказались негодными. Они обещали 26 легких и 26 тяжелых орудий, а дали лишь 6 легких и 24 тяжелых, которые до того стары и испорчены, что оказались нигде негодными». (Из письменного доклада ген. Родзяко английскому адмиралу в Прибалтике—Синклеру.)

ничеству, население брало эти деньги крайне неохотно. Был еще испробован путь: в большом собрании обывателей, преимущественно купечества, Вандам сказал патристическую речь и призвал горожан к добровольному пожертвованию. Этот способ тоже дал мало денег. Вандама слушали, сочувственно вздыхали, даже кричали «ура», но денег дало поразительно мало, всего несколько десятков тысяч рублей. Организация армии явно не клеилась, набранные из деревень солдаты, плохо экипированные, скудно накормленные, начали падать духом.

За два дня до разразившейся катастрофы, 22 ноября, в Псков завернул из Риги ген. Родзянко, и вот что он пишет в своей книге о состоянии тогдашней белой армии.

«Поезд пришел рано... Я пошел по улицам и встретил много как солдат, так и офицеров вновь формирующихся частей. Старый кадровый офицер, всю жизнь прошедший в строю, часто уже по первому впечатлению может определить, что можно сделать из данного солдата и какого формирования можно ожидать, имея тот или иной живой материал, и это первое впечатление редко бывает ошибочным: разнузданного, ободранного, невоинского вида солдат и офицеров, попадавшихся мне навстречу, было совершенно достаточно для того, чтобы я сразу же решил, что псковское формирование есть не более, как авантюра. Шатающиеся по городу офицеры были, повидому, люди ничем незапятнанные; во многих магазинах за прилавками я видел приказчиков, одетых в офицерскую форму»¹.

Весь корпус из времени приезда ген. Родзянко состоял приблизительно из 4500 человек, включая сюда 1500 офицеров.

Естественно, что Балахович и Пермыкин в такой обстановке окончательно осмелели и подняли голову. Генерала Вандама они явно игнорировали и за его спиной посмеивались над ним. Вандам вскоре сам понял беспомощность своего положения и, отказавшись от командования, передал его полковнику Неф.

Долго воздерживаться от попок и грабежа балаховцы, конечно, не могли, но развернуться вовсю им тогда не удалось: 25 ноября внезапно (увы, не только для усыпленных обывателей, но и для всей «армии») началась бомбандировка Пскова большевиками. Деморализованные немцы бежали, разбежалась и армия Нефа.

«Через день или два, — пишет тот же ген. Родзянко, — начали появляться (в Риге) беженцы из Пскова и среди них много офицеров и солдат. Одним из первых прибыл начальник штаба северной армии ротмистр Розенберг с женой и частью штаба, что, признаться, меня очень удивило»².

Таково было первое начало организации белой армии. В дальнейшем осколки этой армии перебравшись в народившуюся тогда эстонскую республику и по особому договору, заключенному между северным корпусом и эстонским правительством 6 декабря 1918 г., северная армия, сохранив свою военную организацию, в командном отношении подчинилась эстонскому военному главнокомандованию, т. е. тогдашнему генералу Лайдонеру. В то время еще не возникало мысли о походе на Петро-

¹ «Восп. о сев.-зап. армии», стр. 6.

² Там же, стр. 12 (подчеркнуто мной).

град, и потому главной целью договора были «общие действия, направленные к борьбе с большевиками и анархией, причем главным направлением действий армии является Псковская область». Чтобы обезопасить свою молодую республику от всяких покушений со стороны русских белых войск (читай: реакции и генералов!), в договоре твердо устанавливались несколько положений, так сказать, пресекающего и контрольного характера. Кроме подчинения эстонскому главнокомандованию, северная армия ни в коем случае не смеет вмешиваться во внутренние эстонские дела до прихода союзников (тогда ждали от Антанты присылки крупных кадров. В. Г.). Северная армия не должна превышать 3500 человек; в обоих главных штабах—эстонской и русской армий—присутствуют военные представители для взаимного осведомления о положении армий и ходе работ. Взамен этого, во время нахождения армии в пределах Эстонии, довольствие всех видов, обмундирование и снаряжение русская армия получает от эстонской казны за счет будущего русского правительства.

Из содержания приведенного договора видно, что эстонцы и хотели и боялись организации русской белой армии. Хотели, поскольку необходим был всякий союзник, спасавший их крошечную территорию от яростно наседавших на них в районе Юрьева и Нарвы большевиков, боялись, поскольку сами сознавали, что в лице «эстонской республики» на теле России всплывало новое государственное образование, не бывшее доселе на свете и не имевшее никаких юридических корней. Коллизия желаний и опасений, пробивающаяся в этом договоре, долгое время затем проходила красной нитью в эстонской политике по отношению к белому командованию и белой власти на северо-западе. В военной эстонской среде обычно превалировало «хотение», в эстонских политических кругах, наоборот—«боязнь». Так продолжалось до августа 1919 г., до получения эстонцами мирных предложений большевиков, когда начинает намечаться новый угол зрения в эстонской политике.

За время с декабря 1918 г. по май 1919 г. белая армия окрепла, увеличилась в своей численности и мало-по-малу стала слататься в величину, могущую серьезно предпринять более активные действия против большевиков. Война с большевиками ни у эстонцев, ни у белых, собственно, не прекращалась за этот период ни на час, но после отбития большевистских атак на Нарву и вытеснения их из юрьевского плацдарма, она утратила на время свою остроту и интенсивность.

Белая армия росла медленно и не без перебоев в своем механизме. С первых дней ее поселения на эстонской территории начались различные взаимные трения в командном составе. С одной стороны, плохо подчинялся и фрондировал Балахович, с другой—ген. Родзянко стремился вытеснить полк. Дзержинского, принявшего командование после Нефа. К склоке среди военных кругов присоединились трения между военным элементом и ревельской русской общественностью.

Как только появилась первая завязь будущей армии, полковники и генералы стали расти, как грибы после дождя. Выходило так, что люди спешили использовать для своего чиновничьего производства именно этот период почти партизанского положения армии, когда менее всего можно было говорить об объективности подобных награждений. Родзянко, завернувший на сутки в Псков к полковнику Нефу, через день производится полковником Нефом в генералы, а когда в свою очередь Родзянко удастся побороть полк. Дзержинского и занять его место командующего северной армией, Родзянко жалуется генералом полковника Нефа. Позже он производит в генералы и полк. Дзержинского, которого он сам же, всего за два-три месяца до этого случая, просил «назначить (его—Родзянко) на любую должность, хотя бы ротным командиром»!

Можно себе представить, что делалось среди рядовой офицерской братии при виде этой «генераломании», когда у русской белой армии в период между декабрем 1918 г. и маем 1919 г. сколько-нибудь серьезных боевых действий вовсе не было. У одних—людей 20-го числа и чина—мрачным пламенем в душе разгоралась злоба и зависть, у других—более идейных и интеллигентных (сюда входили бывшие студенты, лица до войны интеллигентных профессий и несомненно некоторая, хотя и небольшая, часть идейно настроенного кадрового офицерства)—явилась естественная боязнь, что старые царские штаб-офицеры, опираясь на свои связи, потрясая разными формулярами, и рескриптами, затрут, сомнут эту идейную группу офицерства и распространят ту заразу старого бюрократизма, от которой погибнет все белое дело. И потому естественно, что чиновничье-патристическое понемногу распространяется и в рядовой офицерской среде. Первая группа этого офицерства хочет награждения, потому что «это теперь легко», и было бы глупо не воспользоваться открывшейся возможностью; вторая, меньшая, хочет повышения, иначе лопнет то дело, во главе которого должны встать наиболее свежие и современно настроенные люди. В конце концов связи, происхождение и личная гибкость все-таки берут верх, и «караси-идеалисты» плохо успевают в этой гонимости.

Погоня за чинами имела впоследствии просто комические результаты. Благодаря системе взаимно-дружеского награждения, к концу северо-западной эпопеи в армии (без преувеличения) являлись полковники почти юношеского возраста, а генералов на всю армию в 17 тысяч штывков насчитывалось 34, не считая дюжины тех, которых умудрились испечь уже после ликвидации армии.

* * *

За одной ошибкой в естественной внутренней связи тянулась другая.

Изымавшие под игом большевиков родственные эстонцам ижорцы, населяющие побережье Петербургской губернии (прежнюю Ингерманландию), вначале приняли самое деятельное участие в белой освободительной войне. Сформированный ими на

свой риск и страх отряд, действовавший позднее под командой финского офицера Тополяйна, проявил большую стойкость и успехи в борьбе с большевиками, обеспечивая в то же время армии ген. Родзянко ее левый фланг. Но так продолжалось весьма недолго. Вскоре от коменданта Ямбурга, гвардии полковника Бибикова полетели донесения ген. Родзянко, что ингерманландцы (или ижорцы) носят с идеей какой-то «ингерманландской республики» и на этой почве перестали признавать комендантов Бибикова, назначенных им для Стойкинской волости, района расселения ижорцев. Возникли трения, в которых ген. Родзянко очень винил, между прочим, эстонцев, поддерживавших, по его словам, домогательства ингерманландцев о «республике».

Мечтали ли ижорцы (маленькая смешанная народность полуфинского происхождения) о собственной республике? Сомнительно. Но что грубая солдатская нетерпимость, проявленная компанией ген. Родзянко, испугала и враждебно настроила ижорцев по отношению к русскому командованию, — несомненно; для такого эффекта не нужно было ничьей агитации: обстоятельства говорили сами за себя.

Общение белых с восставшими против большевиков ижорцами началось, так сказать, с пресекательных мер. В результате донесений Бибикова прежде всего позакрывали учрежденные ижорцами их национальные школы, а затем явившийся на место ген. Родзянко прочел представителям отряда строгую нотацию о недопустимости какой-либо сепаратистской пропаганды, грозя при неисполнении его приказаний репрессиями. Ген. Родзянко рассуждал просто: «никакого ингерманландского населения вообще не существует» и, стало быть, нет причин какому-то национальному обособлению. Сомневающимся он рекомендовал обратиться за разъяснениями к... Антанте. Ижорцы смолчали и подчинились, но не надолго.

При ближайшем новом столкновении взаимные отношения еще больше ухудшились, и капитан Тополяйн обнаружил признаки неповиновения ген. Родзянко, ссылаясь на свою якобы непосредственную подчиненность капитану Питке. Эстонцы не только не подстрекали к этому капитана Тополяйна, а, наоборот, приняли меры, чтобы как-нибудь уладить нежелательную в боевой обстановке размолвку. Ездивший для улаживания возникших трений эстонский полковник Унт определенно подтвердил ген. Родзянко, что ингерманландский отряд в оперативном отношении подчиняется не капитану Питке, а ему — генералу Родзянко¹. В результате между Родзянкой и Тополяйном произошло бурное объяснение. «Вспылив», Родзянко «выгнал его вон из квартиры». Еще грубее генерал поступил по отношению к другому, уже штатскому представителю ижорцев, магистру вестербургского университета г. Тюни. Человек корректный и более выдержанный, чем Тополяйн, Тюни хотел миролюбиво

¹ Книга Родзянко, стр. 44.

разобраться во всех недоразумениях, возникших между Родзянко и ингерманландским отрядом, но не успел он и рта раскрыть, как Родзянко резко крикнул ему: «Я вас повешу»...

Естественно, что после таких приемов ингерманландцы окончательно возненавидели русское командование. Сепаратистские стремления еще более обострились, и вся история закончилась насильственным разоружением отряда. «Ингерманландский вопрос,—замечает Родзянко,—разрешился весьма просто: посланная полковником Бибиковым рота разоружила тыловые ингерманландские части; узнав об этом, офицеры отряда сели в лодку и куда-то исчезли, а солдаты частью разбежались, а частью были сведены в ингерманландский батальон, приданный к одному из полков второй дивизии». Нужно ли еще что-нибудь прибавлять к этой «простоте» разрешения национальных запросов русских меньшинств?.. Разве только то, что солдатское решение вопроса проделывали на глазах другой стремящейся к политическому самоопределению национальности—эстонцев, для которых расправа с ижорцами служила лишним и вящим напоминанием, чего можно ожидать от русского белого командования, когда оно войдет в силу.

О нравственном состоянии армии в период первого наступления на Петроград начальник 2-й дивизии ген Ярославцев рассказывал мне впоследствии так.

«В чисто военном отношении Родзянко поражал всех своей неутомимостью и энергией. Но в разгар майской операции технически положение создалось очень трудное для руководителя армии, и одной энергии было недостаточно. Сильно изменился дух и характер основной солдатской массы. Вначале большинство солдат были настоящие добровольцы, отдающие себе отчет, зачем, во имя чего идут. Много гимназистов, реалистов, студентов и т. п. Грабежей не было. Тыл был ничтожный. Штаб корпуса с интендантством и другими учреждениями не превышал 400 человек при 5 500 человек всего состава корпуса. Вся эта картина быстро меняется с открытием майских наступательных операций. Удачное наступление, вконец — налет, и части сильно пухнут, принимая в себя красноармейцев. Бесперывные бои и маневры не дают возможности сплотить части, производить обучение, разбраться в поступающем людском материале. В результате начинаются распушенность, грабежи, неисполнение боевых приказов и т. п. В тылу, правда, появляются офицеры и чиновники из Финляндии, Англии и других стран, но видя увеличение армии и необходимость увеличивать штабы и хозяйственные учреждения, стараются устроиться в тылу на хороших должностях и всеми силами упираются при попытке отправить их на фронт. Отчасти этому способствует начальник тыла ген. Крузенштерн, который охотно забирает к себе всех являющихся офицеров и чиновников. На фронте большие потери, остро чувствуется недостаток опытных офицеров, а взять их негде. Начинается вражда с тылом.

Случайно устроившиеся в тылу работать не умеют и не хотят, и отдел снабжения не оправдывает своего названия. Тыл жалуется на фронт, а фронт — на тыл.

Генерал Родзянко, побуждаемый строевыми начальниками, особенно графом Паленом, борется с этим злом, но неумело, бессистемно и не хочет ссориться с ген. Крузенштерном. На административных должностях появляются такие типы, как Хомутов и Бибилов—друг Родзянки. До строевых начальников доходят слухи о безобразиях в Ямбурге, Новопятницком и

других местах¹. Были случаи, когда я отправлял в тыл непригодных мне заведомо нечестных людей, а Бибииков назначал их комендантами в села. У крестьян отнимали коров, лошадей, имущество. Все это докладывалось нами ген. Родзянко, он возмущался, но вскоре забывал, убаюкиваемый докладами Бибиикова и Хомутова.

Не видя общего руководства по ведению ставших сложными стратегических действий, мы сами выработали систему совещаний начальствующих лиц по важным вопросам. Съезжались по мере возможности. Приходилось много ругаться с начальником 3-й стрелковой дивизии генералом Вертеяко, который преследовал лишь свои цели и подводил соседей, отступая иногда без всякого предупреждения.

Ввиду увеличения состава армии и района действий, пришлось сформировать несколько новых частей и штабов. Ген. Родзянко это и стал делать, но переселил и создал много лишних частей, чтобы упрочить свое положение и удовлетворить многих жаждущих высших должностей, особенно своих друзей и конкурентов на власть. Были созданы лишние инстанции — корпуса. Вместо пяти пехотных дивизий и одной бригады, принимая во внимание их численность, можно было иметь всего три дивизии, и вместо тосьми штабов — три. Совершенно не нужны были отдельные управления выла армии, инженерных частей, железнодорожных. Морской отдел, при отсутствии флота, был слишком велик. Многие «умные» офицеры, поднажившись в строевых частях, решали, что для них довольно, и уходили под разными предлогами в тыл; устраиваясь там свободно, по своему желанию. На протесты их строевых начальников внимания не обращалось.

К этому рассказу нужно прибавить, что вся армия к концу лета была полураздета. Чувствовался большой недостаток в военном снаряжении и боевых припасах. В общем к началу июня 1919 года территория, занятая русскими и эстонскими белыми войсками, по линии Копорье—Кикерино—восточнее озера Самры и далее на юг в Псковскую губ. на ст. Карамышево, составляла уже довольно значительную площадь, величиной примерно с площадь Крымского полуострова. Тем настойтельнее чувствовалась необходимость в упорядочении административной жизни занятого края.

IV.

Организация управления в занятых местностях.

В связи с появлением собственной территории остро встал вопрос об организации гражданского правопорядка в занятых местностях. При естественном сотрудничестве в деле восстановления и возрождения своей родины задача военных и общественных кругов разрешалась, казалось бы, весьма просто. Но вот этого-то единения не только не было, но со стороны военных кругов все время наблюдалось упорное, частью сознательное, частью по невежеству в политических вопросах, стремление сделать гражданскую борьбу с большевиками исключительно своей монополией. Здесь, на северо-западном фронте, все дело осложнилось с самого начала благодаря личности командующего армией ген. Родзянко. Заняв пост командующего вопреки желанию единственной организованной тогда русской общественной ячейки—Ревельского русского совета, при первых же успехах на фронте генерал стал игнорировать голос общественности.

¹ Пороли даже женщин.

самым откровенным образом. Его распоряжением была введена система военно-гражданского управления освобожденным краем, сводящаяся на практике к тому, что единственными устроителями и насадителями «новой» гражданственности в крае снизу и доверху явились исключительно гг. военные. Фактически диктаторскую власть с ген. Родзянко разделил ген. Крузенштиерн, именовавшийся начальником тыла, в ведении которого находились управляющий гражданской частью («начальник военно-гражданского управления») полк. Хомутов, начальник снабжения армии и населения полк. Поляков, начальник военных сообщений полк. Третьяков. Внешние сношения отошли к брату генерала—полковнику К. А. Крузенштиерну.

У себя, в чисто военной области, ген. Родзянко обзавелся дежурным генералом, инспектором артиллерии и прочими громкими, но бутафорскими, по размерам армии, должностями, на каковые должности, за редкими исключениями, были назначены персоны не ниже полковничьего чина. Про свои познания и таланты в области насаждения гражданского порядка ген. Родзянко сам высказывался весьма пессимистически, что не мешало ему, однако залезать в эту область когда вздумается, и развязно критиковать «общественников», когда они ему подвернутся на язык или под руку. Политическая физиономия огромного большинства его сотрудников оказалась определенно черного колера, а действительная, но тщательней обскрываема я ориентация—на прусскую реакцию.

Русский совет к тому времени, очевидно, понял все последствия своей овечьей политики по отношению к командованию и бросился за содействием к сидевшему в Гельсингфорсе ген. Юденичу. Формальным основанием к этому было то, что незадолго перед тем, генерал Колчак назначил генерала Юденича главнокомандующим северо-западного фронта, и, следовательно, Родзянко оказывался подчиненным ген. Юденичу¹. Была составлена соответствующая записка о Родзянко и северном корпусе. Член совета М. М. Филиппео повез ее в Гельсингфорс к ген. Юденичу, прося его приехать образовать немедленно гражданское совещание.

24 мая 1919 года сформировалось политическое совещание при ген. Юдениче. На русские круги по обе стороны залива состав его произвел крайне гнетущее впечатление; особенно совсем почерневший проф. Кузьмин-Караваев.

Совещание возникло единоличной властью ген. Юденича без всякого участия общественности. Попали только те, кого хотел ген. Юденич. Сюда вошли: генералы Суворов (внутр. дела), Кондзеровский (упр. делами), В. Д. Кузьмин-Караваев (продовольствие), С. Г. Лианозов (финансы) и А. В. Карташев

¹ Между прочим, в борьбе за командование армией ген. Юденич был на стороне полковника Дзержинского и приказал последнему оставаться на своем месте. Но новоявленная власть не улыбалась Родзянко, была где-то в Гельсингфорсе, слаба, призрачна, и он не побоялся совершить послушание в свою пользу.

(пропаганда). Неугодными в числе прочих оказались ныне покойный Е. И. Кедрин за то, что масон и И. В. Гессен, как вообще неприемлемый для людей «истинно-русских» устремлений. У пародившегося политического совещания быстро явилась местная гельсингфорская оппозиция, завязалась местная кружковая борьба, и вместо живого нужного дела оно скоро стало гнездом реакционных замыслов для одних и пустой говорильней для других.

То, что творил в Псковской губ. в этот период атаман Балахович со своей сворой,—описано во второй главе этой книги, но было бы несправедливым сказать, что все безобразия балаховцев кончались за пределами их несчастной сатрапии. Правда, таких грабежей и вымогательств как это имело место в Псковской губ., в хомутовском воеводстве почти не наблюдалось, но пороть и нещадно расстреливать Хомутов и его сподвижник Бибиков начали с первых же дней по своему обоснованию в Ямбурге. Однако казни совершались здесь не так явно и откровенно, как у Балаховича; излишней афишировки Хомутов все-таки избегал, а совершенные убийства прикрывал фиговым листком военно-полевой юстиции, превращенной у него в единственные и постоянные суды. Все управление краем Хомутов сосредоточил в руках многочисленных невежественных и алчных комendanтов, руководившихся больше своим собственным усмотрением, чем какими-либо законами, к которым эти господа чувствовали непреодолимое отвращение.

Не в лучшем положении оказалось экономическое состояние занятой полосы. Большевики были прогнаны в весеннее время, когда у крестьян северных губерний, не дотягивавших своим хлебом до урожая даже в нормальное время, всегда ощущался недостаток в хлебе; тем более это чувствовалось после господства большевиков, нещадно грабивших крестьян под видом «хлебной разверстки», «изъятия излишков» и пр. А между тем, кроме основного населения, появилась армия, и продовольственный вопрос чрезвычайно усложнился. Далее, население имело на руках керенки и очень мало царских и думских; Эстония же, имевшая свои национальные марки, брала еще царские и думские, но решительно отказывалась от приема керенок.

Вся занятая нами полоса оказалась в новом финансовом и продовольственном тупике. Положение на местах создалось крайне тяжелое и неблагоприятное для всякой власти: ограбленные большевиками, лишённые заработков горожане и многочисленное чиновничество, обессиленные, с разбитым живым и мертвым инвентарем, но с горой потерявших цену керенок крестьяне,—вся эта масса людей жадно ждала от белых властей помощи, возлагая на эту власть почти неисполнимые надежды. И требовалось много энергии, организаторских талантов и просто элементарного политического такта, чтобы на пепелище, в обстановке первозданного хаоса, доставшегося от большевиков в наследство, не только удовлетворить самые острые, неотложные нужды различных слоев населения, но ни минуты не забывать о политической стороне предпринятого движения, т. е. о необ-

ходимости спаять и вдохновить население на дальнейшую борьбу, сделать белое дело делом самого населения. Ясно, что одних сил гг. военных было вовсе недостаточно. Дружная работа с представителями населения, с его общественными деятелями всех калибров подсказывалась сама собой, если руководители армии действительно думали о строительстве здорового гражданского правопорядка в России, а не о реставрации.

На первых порах, казалось, сама судьба была милостива к белой власти. На помощь населению поспешила знабжавшая Эстонию хлебом американская гуверновская организация, и острота продовольственного кризиса была несколько смягчена. Утоление мук голода, несомненно, являлось большим козырем в руках командования в городах, но хлеб вовсе не отпускался деревне, и тем острее чувствовалась необходимость компенсировать этот пробел упорядочением денежного обращения и организацией товарообмена с соседней Эстонией, чтобы деревня могла удовлетворить свои элементарные потребности на деньги.

При таких условиях в Ревель из Гельсингфорса приехали члены организовавшегося политического совещания В. Д. Кузьмин-Караваев, А. В. Карташев и М. Н. Суворов. Приезд имел в виду так сказать, обнародовать рождение этого политического организма и начать новую страницу в истории гражданской борьбы на северо-западе России.

Сделав визиты представителям Антанты, эстонскому премьеру Штрандману и главнокомандующему ген. Лайдонеру, они все обошли К. Пятся, пользовавшегося репутацией определенного руссофила, бывшего создателя эстонской республики и ее первого премьера. К своим русским приезжие отнеслись еще более невнимательно и холодно: на визиты видных русских людей не ответили, а на их предложение сотрудничества, через секретаря г. Карташева, некоего Новицкого, процедили: «когда кто нужен будет—привлекут». При встрече с М. М. Филиппею г. Карташев сказал: «мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть, мы теперь сумеем быть жестокими». Как бы в подтверждение этой своей жестокости они наградили вскоре русскую область Положением о гражданском управлении в занятых северным корпусом местностях, исходя из прежнего царского закона «о порядке управления в оккупированных войсками местностях».

По существу это «Положение» мало в чем разнилось от практически принятого самим Родзянко курса управления областью посредством «усмотрения» гг. комендантов, и потому приказ № 14 или «Положение об уездных и волостных комендантах», изданное неделю спустя после отъезда из Ревеля членов политического совещания, явилось первым подарком диктаторски настроенных гг. Кузьмина-Караваева и Карташева. То, что этот документ был подписан генералом Родзянко и полковником Хомутовым, не меняет сути дела, если не допустить одной невероятной вещи, что почти аналогичный приказ, № 31, за подписью того же ген. Родзянко и призываемый членами политического

совещания за свой, не списан у ген. Родзянко. Соккрытие в том и другом случае настоящего автора произошло, по всей вероятности, не по вине творцов этих знаменитых приказов. Честолюбивый ген. Родзянко до поры до времени во всех официальных шагах и документах всячески оттирал генерала Юденича и его совещание на задний план. Он хорошо помнил, что в числе противников его назначения командующим русской армией прежде всего был сам ген. Юденич, и появление последнего на политическом горизонте в качестве высшей правительственной власти над ним, Родзянко, он, разумеется, всячески оттягивал.

Вместе с членами политического совещания в Ревель приехал английский генерал Марш, представитель начальника антантовской прибалтийской миссии генерала Гофа. Ему надлежало укрепить авторитет ген. Юденича и его совещания и разрешить ряд наищекотливейших вопросов. Под его председательством устраивается (в середине июня) совещание, на котором присутствуют вышеуказанные три члена политического совещания, эстонцы, представители Антанты (англичане, французы, американцы) и вызванный в совещание полупослушный ген. Родзянко.

К заседанию создается сложная коллизия взаимно-перекрещивающихся и почти противоположных интересов. Политическое совещание хочет покорности ген. Родзянко, ген. Родзянко не желает политического совещания, хочет покорности Балаховича и тех, кто не доволен в армии его самоназначением в командующие; эстонцы, действующие закусочно, требуют демократизации русского режима в занятых областях, а сторонники генеральской диктатуры по директивам пракокадетского Национального центра настаивают на старом рецепте: сначала успокоение, а потом реформы.

Генерал Марш пришел к соломонову решению и в результате передал ген. Родзянко, очевидно заранее приготовленную, бумагу, состоящую из 4 пунктов. В передаче ген. Родзянко этот документ сводился к следующему: «1-й пункт—мы должны помнить, что всю помощь северной армии Антанта дает исключительно лично в распоряжение ген. Юденича (американское продовольствие мукой и салом и обещанное англичанами обмундирование и боевые припасы. В. Г.); 2-й—мы должны питать чувство благодарности к эстонскому народу и правительству, так как армия формировалась на эстонской территории; пункт 3-й—я являюсь единственным командующим всеми русскими силами на эстонском фронте; 4-й—я сейчас точно не помню, но в нем было что-то о демократических принципах, которыми верна Антанта (подчеркнуто мной. В. Г.)».

Всем сестрам по серьгам!

Отмечу выпуклые, наиболее характерные черты [приказа № 14].

Обращают внимание §§ 1, 5, 6, 11 (права уездного комен-

данта) и § 14 (права волостного коменданта). Уездный комендант—начальник всего гражданского управления вверенной ему территории, границы коей устанавливаются командующим армией (тогдашнего Отдельного корпуса северной армии). Власть уездного коменданта поистине универсальна и безгранична. Трудно указать, что не подлежит ведению коменданта, и чего он не мог бы делать, руководствуясь приказом № 14. Он мог производить всякого рода реквизиции, секвестры имущества граждан, производить обыски и аресты, он назначает всех членов городского и земского управления, он—око над прокурором, он окончательно утверждает приговоры военно-полевых судов, но он же ведет организацию духовно-просветительной борьбы с большевиками и их идеями. Сущий маленький диктатор какой-то, реальное воплощение мечты засевших в Гельсингфорсе членов Национального центра.

Правой рукой уездного коменданта являлся волостной комендант, прерогативы которого, правда, были поуже, но и он мог злоупотреблять всякого рода арестами людей и имущества сколько его душе угодно. Не предусматривалось какой-нибудь тени хотя бы самого малюсенького контроля общества, не предоставлялось сему последнему ни грана самодеятельности.

«Едва ли нужны комментарии к этому акту государственной мудрости гг. Родзянко и Хомутова, — писал П. А. Богданов в своей упомянутой записке¹. — Достаточно сказать, что приказом № 14 вся Северо-западная область со всеми ее животинками, все общественные и муниципальные организации были отданы на «воеводство» целой шваре волостных и уездных комендантов. Появление приказа № 14 закончило первый период «белого управления», период «балаховщины» и открыло второй его период военно-гражданского управления при северо-западной армии, период «хомутовщины»... «Хомутовщина» — усмотрение военных с обычными спутниками произволом и насилием, но узаконенное, введенное в систему. В «балаховщине» идеологических предпосылок совсем нет, «хомутовщина» имеет свою идеологию. Она хорошо выражена в одной из записок того времени по вопросу об организации полиции... «по продуктивности и целесообразности работы один пристав стоит всех мировых судей». Без этого пристав «в толще народной все добрые намерения власти будут сводиться к нулю». Короче говоря, это — идеология неприкрытых реставраторов».

Так налаживалась новая гражданская жизнь по рецепту и при содействии гг. Кузьминых-Каравачевых, Карташевых и Ко применительно к Положению «об оккупированных местностях».

«В области земельных отношений «хомутовщина», — продолжает П. А. Богданов, — принесла ту же прямолинейность и ясность, что и в области гражданского строительства: восстановить поместный строй при посредстве будочника Мырредова... Основа земельной политики периода «хомутовщины» достаточно ярко вырисовывается из двух приказов, следовавших один за другим. В них целиком выявились тенденции власти. Они бросили деревья в лапы военной юстиции. Они нанесли страшный удар белому движению, заставив вначале настроиться, а позже отвернуться вовсе от него широкие крестьянские массы».

¹ П. А. Богданов упустил из виду главных вдохновителей этого приказа.

Приказы эти—№ 12 от 17 июня и № 13 от 19 июня 1919 года¹. Они кратки и красочны.

«Приказ № 12, — говорит Богданов, — пытался разрешить post factum вопрос о переходе движимости от одних лиц к другим за время революции; в частности — вопрос о живом и мертвом инвентаре сельских хозяйств». Приказ № 13 «О временном пользовании землей» указывает, что окончательное решение земельного вопроса будет дано имеющим быть созванным Российской Всероссийским собранием». Для того чтобы уяснить себе, чего добились Родзянко и Хомутов изданием приказа № 12, надо хотя бы бегло всмотреться в те пертурбации, что произошли с движимостью вообще и в частности с сельскохозяйственным живым и мертвым инвентарем за истекшие годы.

А произошло в общих чертах следующее. В городах движимость в части своей рядом декретов центральных органов советской власти, равно и распоряжением органов местной власти, перешла от собственников в распоряжение учреждений и лиц, никаких прав по дореволюционным законам на нее не имевшим, причем некоторые акты перехода уже имели за собой полуторалетную давность. Например, вся жилищная обстановка распоряжением жилищных отделов горисполкомов была взята на учет и перераспределялась приказами этих отделов. Целый ряд товаров, находившихся в распоряжении частных торговцев, был взят на учет продкомами и распределен через кооперативные организации, коммунальные столовые, приюты и т. д. среди населения. Само собой разумеется, что отпуск товаров кооперативам производился на деньги, равно и кооперативы их продавали населению также за деньги. В сельских местностях переход недвижимости был еще сложнее. Там он начался сразу после февраля 1917 года, когда по России, правда, в меньших размерах, чем в 1905 году, прокатилась волна погромов помещичьих имений, в результате которых часть движимости перешла к новым владельцам. В дальнейшем сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь распоряжением земельных комитетов периода временного правительства, а позже большевистских земельных органов, распределялся, перераспределялся и опять распределялся в самых разнообразных и запуганных формах. Эти перетасовки коснулись не только имений, вне зависимости от того, кому они принадлежали, но и отдельных крестьянских хозяйств. Достаточно вспомнить учет и распределение сельскохозяйственных машин и орудий, в силу которого плуг одного двора поступил во временное пользование другого, часто взамен другого орудия. Корова перекочевывала на другой конец волости и оттуда, в порядке купли продажи, переходила дальше. Наконец, что самое главное, в процесс всяких перераспределений была втянута вся сельская Россия, в частности все северо-западное крестьянство, и положение это длилось к приходу белых уже два с лишком года.

И вот творцы приказа № 11 решили одним росчерком пера, в условиях гражданской войны, восстановить положение вещей, бывшее до революции, в срок, которого недостаточно было на то, чтобы довести приказ до всеобщего сведения.

«Всем лицам, захватившим самовольно и незаконно, или получившим от большевистских (коммунистических) властей чужое движимое имущество... вменяется в обязанность в течение десяти дней со дня опубликования сего постановления вернуть такое имущество собственникам или владельцам... Да еще при перспективе попасть под военный суд, результаты деятельности которого так красочно демонстрировались во всей области: в Гдове у дома городского головы, в Ямбурге — на площади, в деревнях — на первом попавшемся суку.

Где органы, ведающие процессом передачи? Каков порядок передачи? Как определить что «мое», а что «чужое»? Каковы дальнейшие последствия факта возврата? Вот те первые недоуменные вопросы, что встали перед

¹ Какое отношение к творчеству приказов №№ 12 и 13 имело политическое совещание — неизвестно, но оно обязано было знать о них и несомненно знало.

крестьянством. А за ними всеми стояла угроза военным судом и боязнь доносов на основании пункта 3-го приказа № 12. Приказ № 12 бросил сельскохозяйственное население в лапы междоусобицы, сведения личных счетов, дал почву для мести и благоприятную обстановку для ловцов рыбки в мутной воде.

Результаты не замедлили сказаться: у комендантов, в волостях и уездах появились сотни дел «о возврате самовольно захваченного», причем, как общее правило, проситель, кроме захвата, инкриминировал захватчику и «соучастие» или «принадлежность» к коммунистам. Первыми стали пользоваться приказом № 12, как базой для своих исков о «возврате», бывшие помещики и крупные земельные собственники. Тюрмы наполнились задержанными «впредь до выяснения», причем «выяснение» длилось месяцами, и дело не выяснялось, а еще более запутывалось. Сотни лиц были казнены. «Усмотрение» комендантов всяческого ранга получило для себя богатую почву.

Если, приказ № 12 черным по белому «вменял в обязанность» возвратить все движимое имущество прежнему владельцу, то приказ № 13 пытается вернуть и землю «прежнему владельцу», т. е. восстановить старое помещичье землевладение.

Выше мы говорили, что к маю 1919 года все без исключения земли, живой и мертвый инвентарь были в распоряжении крестьян и органов советской власти, причем переход земель происходил двояко: явочным (захватным) порядком и через агентов советской власти. Другими словами, помещичье землевладение и вообще землевладение крупное в прежнем дореволюционном виде его существовать перестало. При этом, как общее правило, частновладельческие земли, в том числе и помещичьи, оказались в ведении земотделов или всевозможных артелей (сельскохозяйственные коммуны, артели, коллективы и пр.), сложившихся главным образом из батрацких элементов деревни. Надельные крестьяне, т. е. громадное большинство деревни, за некоторыми небольшими исключениями, не увеличило площади своего землевладения и варилось в своем собственном соку, переделая свои же надельные земли, живя мечтой, как и до революции, расширить площадь своего владения за счет всевозможных «совхозов».

Несколько иначе дело обстояло с землями непахотными (покос, выгон) бывших частных владельцев. Они, как общее правило, всевозможными распоряжениями земотделов были переданы во временное пользование (обычно на одно лето) как отдельным крестьянам, так и целым деревням, часто с известным обложением в пользу земотделов. Но, повторяем, общая картина земельных отношений от этих передач не менялась: землю распоряжались крестьяне или органы советской власти.

Приходу белых изменил эту картину только в одной ее части — органов советской власти не стало. Часть земель осталась беспризорной (бывшие советские хозяйства, земли показательного значения и т. д.).

Само собою разумеется, изменилась психология крестьянских масс: они насторожились, ожидая новой земельной политики, готовые или целиком пойти за белыми или отвернуться от них, если белые не сумеют правильно понять их чаяния.

Чаения крестьянства учтены не были. Творцы приказа № 13 вполне недвусмысленно, с солдатской прямолинейностью заявили, что на место отпавших органов советской власти должны стать прежние ее владельцы (т. е. помещик, крупный земельный собственник, церковь, монастырь и пр.), которым и должна уплачиваться аренда за землю (п. 3 приказа), причем его постарались сейчас же распространить на всех «граждан», которым было разрешено собрать в 1919 году урожай на обработанных и занятых ими землях (п. 1 приказа). Пунктом 4-м прежнему владельцу возвращалась «усадебка, т. е. жилой дом с необходимыми постройками и площадь, занятая садом и огородом». Покосы также (п. 8). Другими словами, частный владелец по приказу № 13 восстанавливался полностью: за пахотную землю получает аренду (большого творцы приказа здесь сделать не могли, ибо земли были обработаны и засеяны); усадьба поступает в его полное распоряжение; непахотными угодьями он распоряжается по своему усмотрению (хочет сдает, хочет не сдает в аренду). Наконец, приказом № 12 ему дается

лгво получить обратно живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь.

Так разрешался приказом № 13 вопрос о частновладельческих землях. Но этого мало; пункт 5 и 6 бросили камень раздора и в самую толщу деревни запрещением переделов на будущее время и признанием недействительными уже произведенных переделов... Отмена переверстки и перспектива возврата к исходному положению поднимали вновь уже изжитую однажды распрю, заставляли ломать чуть ли не весь, а местами и весь севооборот. Нельзя обойти молчанием и общий дух приказа — ясно выраженную тенденцию возвратитъ прежние дореволюционные формы земельных отношений, возродив частновладельческое землевладение, загнав мужика в прежние рамки своих наделов.

Практика применения приказа № 13 дала не менее плачевные результаты, чем применение приказа № 12. Наиболее ретивые из господ частных владельцев стали требовать въ селения из имений засевавших там бывших батраков и малоземельных крестьян со всем их сельскохозяйственным скарбом и передачи бывших имений по принадлежности. Все без исключения частные владельцы пожелали получить аренду за пахотные, выгонные и покосные земли. Многие стали добиваться аренды не только вперед за 1919—20 гг., но и за годы регопоции, когда никаких уплат не производилось. Появился ряд дел, связанных с желанием или нежеланием отдельных хозяев и целых селений удовлетворить такого рода претензии. Не замедлили сказаться и любители легкой паживы — вымогатели и шантажисты, за счет нежелания мужика судить я у военно-полевой юстиции. Канцелярии комендантов и земельных органов оказались заваленными новыми делами. На деревню посыпались допросы, дознания, аресты с вызовами за десятки верст, обиванием порогов, потерей рабочего времени, обвинениями в сочувствии или принадлежности к коммунистам, приводившими иногда обвиняемых к смертной казни».

Я нарочно привел эту длинную цитату из записки П. А. Богданова. Многое из того, о чем писалось в записке, ему хорошо было известно, как человеку, еще вчера только вышедшему из этой среды.

Вредные приказы немедленно же поддерживаются еще более вредной деятельностью знаменитого Маркова II.

В книге приказов по военно-гражданскому управлению от 17 июня 1919 г. № 11, § 4, за подписью гвардии полковника Хомутова значится следующая записка: «Командируется оберофицер для поручений штабс-капитана Лев Черняков по делам службы в отъезд территории корпуса северной армии». Под офицерским чином и чужой фамилией счел необходимым укрыться Марков II, одно присутствие которого тут лучше всего свидетельствовало о физиономии главного штаба ген. Родзянко и его пресловутого военно-гражданского управления. Очевидно, здесь считали методы г-на Маркова вовсе не изжитыми и — настолько, что вскоре, если не ошибаюсь, после его знаменитой командировки по «оккупированной» области г. Ямбург обогащается определенно погромной и черносотенной газетой «Белый Крест». Для названия газеты берется та же эмблема, которой, согласно приказа того же самого гвардии полковника от 24 июня 1919 г. (№ 15, § 2), покрываются левые рукава шинелей всех офицеров и военных чиновников армии. Редакция газеты водворяется в самом помещении военно-гражданского управления, что впоследствии без всякого труда при первом осмотре канцелярии и бумаг констатирует преемник Хомутова К. А. Алексан-

дров. Вполне основательно, не доверяя эстонцам, газету распро-
страняют только на своей территории с помощью развозящих
при «служебной командировке» офицеров-марковцев. Газету уси-
ленно навязывают в Пскове, Гдове, Ямбурге, лезут с ней по
деревням.

Одновременно с Валяй-Марковым, совершившим свою инспек-
торско-агитационную поездку по области, во второй половине
июня на фронт выезжал член русского совета М. М. Филиппео.
Картина оказалась неприглядной. Офицеры жаловались на то,
что жалованья не платят, продовольствия мало, нет порядка,
спекуляция, взятки. Общее впечатление о настроении военных
верхов—черносотенство, «жид» и «коммунист»—синонимы. «Де-
мократические принципы, которым верна Антанта», служили
здесь только для внешнего употребления, когда нужно было
подбрасывать прокламации красным. Впрочем, рога господ Мар-
ковых в каждой такой прокламации просвечивали довольно явст-
венно: «жидь» и «учредительное собрание» причудливо пере-
плетались между собою в листовках «штаба белой армии».

V.

Организация сев.-запад. правительства.

Вернувшись [в начале августа 1919 г.] с объезда фронта,
ген. Марш был крайне недоволен виденной им картиной. По
его словам, на фронте полный ералаш: ни генерал Юденич ни
кто иной не знает, где какая часть расположена и кто ею коман-
дует. Если ген. Юденич не наведет в течение недели порядка,
то Марш склонен настаивать на передаче ген. Лайдонеру ко-
мандования и русскими войсками. В области политического управ-
ления генерал решил: 1) что завтра (10-го) он пригласит к себе
членов политического совещания для беседы и организации ис-
полнительной власти, 2) что необходимо создать северо-западное
областное правительство с Карташевым—премьером, Крузен-
цкиерном младшим—мин. иностранных дел, Ивановым—мин.
внутр. дел (иначе он будет устраивать *сoup d'état* с Балаховичем),
министрами Лианозовым и Суворовым и без Кузьмина-Карава-
ева. Г. Поллок с своей стороны указал на М. С., в качестве
министра торговли, промышленности и снабжения, против чего
ген. Марш не возражал.

Услыхав, что ген. Марш сам идет навстречу идее органи-
зации правительства, М. С. указал на настоятельную необхо-
димость привлечь в состав правительства местных и петроград-
ских людей, а именно: из Пскова—Эйшинского, Эрна, Богданова,
Горна, из Ревеля—Филиппео (по составленному сообще нами
списку с пропуском, очевидно по ошибке впоследствии исправ-
ленной, Евсеева), из Гельсингфорса—сенатора Иванова, Бутле-
рова и И. Гессена и Александра (самостоятельно, без сло-
вора с нами). Затем в дальнейшем разговоре М. С. подчеркнул
неприемлемость для всех г. Иванова как министра вообще, а

тем более с портфелем «внутренних дел», и потребовал замены премьера Карташева премьером Лианозовым, так как в случае премьерства безвольного Карташева, фактически будет премьерствовать его секретарь, некий инженер Новицкий, «играющий роль поводыря при слепце». Г. Поллок принял все указания к сведению, обещал немедленно передать добавочный список ген. Маршу и порекомендовать ему опереться на правительство с участием местных людей.

Утром 10 августа по инициативе Ревельского русского совета состоялось организационное заседание по созыву съезда. Решили созвать съезд не 17, а 20 августа на территории Эстонии в городе Юрьеве, заручившись предварительно согласием эстонского правительства. Программа съезда—организация правительства сев.-зап. России и устройство постоянного органа съезда. На собраниях, конечно, был никуда не уехавший г. Иванов. Заседание проходило достаточно открыто, и в середине дня о нем знали все, кого это могло интересовать, и... англичане в том числе.

В быстрой смене нараставших толчков не успевала родиться одна комбинация, как ее вытесняла уже другая. Если вечером 9 августа ген. Марш хотел еще говорить о чем-то с политическим совещанием 10-го, то, когда пришло 10-е,—давление, оказываемое на него буквально со всех сторон, заставило его махнуть рукой на всякие переговоры и прямо перейти Рубикон. Нервность, обнаруженная при этом генералом Маршем, вполне была понятна: на фронте ералаш, Балахович бунтует, политическое совещание импотентно и реакционно, бурлят общественные круги, бурлят и грозят эстонцы, а выход, который ему подсказывают ежедневно, ежесекундно, один: «переворот»,—комбинация, требующая сама по себе некоторой взвешенности нервов, быстрых, а потому и не всегда логичных, шагов.

В два часа дня М. С. Маргулиес получил приглашение прийти на «совещание» к генералу Маршу в 5 час. вечера, а в три часа г. Поллок передал ему, что ген. Марш согласился с указанной ему реконструкцией власти с привлечением местного общественного элемента, записал всех намеченных нами лиц и составил список членов будущего правительства, который он представит совещанию, как пожелание союзников. На совещание будут приглашены все указанные М. С. Маргулиесом лица и некоторые члены политического совещания. Премьером ген. Марш выдвигает С. Г. Лианозова.

Лично я о совещании узнал ровно в пять часов вечера, когда за мной в гостиницу приехал из английской миссии автомобиль. Я не знал, для какой собственно цели меня приглашает ген. Марш, но ни минуты не сомневался, что речь пойдет о перемене существующего политического курса. Мне это было настолько ясно, что, придя в приемную ген. Марша и застав там М. С. Маргулиеса, М. М. Филиппео, С. Г. Лианозова и др., я не стал даже расспрашивать их ни о чем.

И все-таки то, что произошло на этом «совещании», было и для меня неожиданностью.

Я попал к ген. Маршу приблизительно в 5½ час., а часам к шести пришли туда «гельсингфорцы». Когда С. Г. Лианозов пошел к телефону, чтобы сказать приехавшим из Гельсингфорса, что они должны немедленно же прибыть в английскую военную миссию, его догнал ген. Марш и быстро проговорил: «только пусть Кузьмин-Караваев не приезжает». Через три минуты они приехали, и когда С. Г. осведомил Марша, что приехал и Кузьмин-Караваев, Марш сказал: «он не приглашен на это совещание». В это время в приемную комнату входит г. Кузьмин-Караваев, и ген. Марш, как ни в чем не бывало, жмет ему руку.

То, что произошло дальше, имеется в двух официальных протоколах от 10 и 11 августа. Я помещаю их в выдержках, дополнив некоторыми, сохранившимися в памяти, интересными и характерными подробностями.

Присутствуют: А. В. Карташев, С. Г. Лианозов, М. Н. Суворов, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. С. Маргулиес, К. А. Крузенштигери, К. А. Александров, В. Л. Горн, М. М. Филиппео, Н. Н. Иванов, корреспондент «Таймса» г. Поллок и представители миссий: французской¹, английской и американской. Ген. Марш, стоя и заглядывая в какой-то листик в руках, обращается к собравшимся с речью на русском языке приблизительно такого содержания²: «Положение северо-западной армии скверное, точнее говоря, критическое. Нужно употребить чрезвычайные меры, чтобы ее спасти, и я обращаюсь к патриотизму присутствующих, чтобы сделать последние усилия. Союзники считают необходимым создать правительство Сев.-зап. области России, не выходя из этой комнаты. Теперь 6¼ час., я вам даю время до 7 часов, так как в семь часов приедут представители эстонского правительства для переговоров с тем правительством, которое вы выберете. Если вы этого не сделаете, то мы, союзники, бросим вас. Вот лица, желательные союзникам в качестве членов правительства (читает с бумажки):

1. Премьер-министр и министр финансов	Лианозов
2. Военный министр	Суворов
3. Министр иностранных дел	Крузенштигери
4. Министр культуры	Карташев
5. Министр внутренних дел	Александров

¹ Из этого упоминания видно, что в момент образования правительства в Ревеле уже была военная французская миссия, и ее представитель полк. Хюрстель присутствовал при всех шагах ген. Марша, способствовавших возникновению сев.-зап. правительства. Между тем на стр. 175 книги «У ворот Петрограда» г. Кирдецов пишет, что французская военная миссия впервые появилась в Ревеле после образования сев.-зап. правительства, когда Франция будто бы впервые исполнилось из-за возможного преобладания Лондона в Прибалтике и послала туда свою миссию.

² Во время своей служебной карьеры ген. Марш в течение нескольких лет состоял в качестве английского военного атташе при нашем наместнике на Кавказе гр. Воронцове-Дашкове; там он научился говорить довольно недурно по-русски.

6. Министр торговли, народного здравия и снабжения	сен. Маргулис
7. Министр юстиции	Иванов
8. Морской министр	Пилкин
9. Министр продовольствия	Эйшинский
10. Государственный контролер	Горь
11. Министр просвещения	Эри
12. Министр земледелия	Богданов
13. Министр почт и телеграфов	Филиппео
14. Мин. переустройства фабрик	Бутлеров
15. Мин. народного благосостояния	Кондырев
16. Мин. без портфеля	Иванов

«Вам, генерал Суворов, я передаю этот лист. Поговорите о сказанном мною»,—кончает Марш.

«Что-то из «гельсингфорцев» говорит: «А как же генерал Колчак?»».

— «Колчак?.. Колчак где-то далеко, да и неизвестно, существует ли он еще»,—отрывисто бросает ген. Марш и уходит в боковую комнату вместе с членами миссий.

По уходе генерала—краткая, мгновенная пауза. Замечаю в списке подчеркнутое отсутствие имен генерала Юденича и проф. Кузьмина-Караваева; с другой стороны, названы лица, явно нежелательные общественным кругам.

Ген. Суворов председательствует. А. В. Карташов просит разъяснения у присутствующих, что произошло. К. А. Крузенштерн думает, что причиной всему письма, которыми обменялись Гоф с Юденичем относительно эстонских «помогательств». Проф. Кузьмин-Караваев выражает сомнение, согласно ли с положением Юденича перед Колчаком и политическим совещанием избрание этого правительства. Вопрос виснет в воздухе; видимо, пока никто не хочет осложнить положение спорами.

Ген. Суворов с своей стороны предлагает такую формулу решения: ввиду крайней спешности, приглашенные лица принимают на себя обязанность в кратчайший срок образовать правительственную власть и, впредь до ее образования, берут на себя ведение всех срочных русских дел и ответственность за них, окончательное же персональное составление списка отложить до вечера понедельника 11 августа.

За формулу ген. Суворова, по разным, очевидно, соображениям, хватаются все. Она единогласно принимается и объявляется ген. Маршу. Он благодарит собравшихся и заявляет:

«Но мне сейчас нужны поименно министр-президент, военный и министр иностранных дел, чтобы подписать в 7 час. вечера с эстонцами следующую бумагу (читает):

1) Правительство русской Сев.-зап. области, включая прежние губернии: Петроградскую, Псковскую и Новгородскую, признало абсолютную независимость Эстонии.

2) Эстонское правительство обещает оказать немедленную поддержку русской Сев.-зап. области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевистского ига и установить в Петрограде демократическое правительство, которое будет уважать человеческие права, как-то: жизнь, личную свободу и собственность имущества.

3) Военное командование союзными силами объединено в руках ген. Юденича и ген. Лайдонера, через коих союзная военная миссия снабжала и продолжает снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеупомянутых целей».

М. С. Маргулиес¹ предлагает остановиться на лицах списка ген. Марша. Принимается единогласно, но с оговоркой (опять-таки каждый имел в виду свои цели. В. Г.), что эти лица уполномочиваются только на одно данное определенное действие, не предрешая вопроса о них, как обозначенных министрах уже образованного правительства. В этот момент являются эстонцы — Пюска, Штрандман, ген. Лайдонер и военный министр и заявляют, что они не могут сейчас ничего подписать, так как предварительно должны представить предложенный им договор на обсуждение своего государственного совета и ответ дадут лишь завтра в 9 час. вечера. Таким образом протокол остается неподписанным с обеих сторон, и все расходится.

Вечером того же дня собираемся на совещание в помещение нашего отдела для внешних сношений. Электричество внезапно гаснет. Служащие что-то очень долго не могут достать свечей, и заседание открывается в абсолютной темноте. Узнаем друг друга только по голосу.

— «Скверное начало», — говорит невидимый сосед справа.

Ссылаясь на сибирское правительство, которое состоит при Колчаке и на прецедент Деникина, г. Кузьмин-Караваев настаивает на том, чтобы предоставить ген. Юденичу наметить состав правительства. Его поддерживает г. Иванов, рассчитывающий, очевидно, на Балаховича и никак не желающий помириться на беспортофельном амплуа. Мы возражаем самым решительным образом против такой точки зрения; большинство собравшихся явно не на стороне Кузьмина-Караваева. Далее мы заявляем, что один ген. Юденич еще не представляет армии, а потому предлагаем вызвать на совещание с нами в Ревель не одного ген. Юденича, а вместе с начальниками частей армии. Предложение принимается. В заключение, по предложению ген. Суворова, опять откладываем вопрос об окончательном списке состава правительства. «Они» явно ждут приезда и подкрепления от ген. Юденича, «мы» — приезда своих из Пскова. С. Г. Лианозов и М. С. Маргулиес, в качестве творцов в перевозданном хаосе, хотя и слепить нечто среднее и примирительное, а г. Иванов вообще хватается за всякую оттяжку, не видя союзников вокруг себя.

«В 12 час. ночи, — записывает в своем дневнике М. С. под 10 августа, — идем с Лианозовым к Поллоку. У Лианозова были Карташев, Суворов и Кузьмин-Караваев, взвинтили его из-за Кузьмина-Караваева и заявили, что уйдут, если Кузьмин-Караваев не получит портфеля; не хотят и Иванова. Поллок промолчал о Кузьмине-Караваеве, но об Иванове сказал, что попытается убедить ген. Марша устранить Иванова.

¹ А не ген. Марш, как ошибочно писали авторы брошюры «Образование сев.-зап. правительства».

Итак, кандидатура г. Кузьмина-Караваева вообще безнадежна. Генералу Маршу, кроме Поллока, дает советы еще полк. Пиригордон, а этот офицер хорошо осведомлен о наших взглядах на военного профессора, и не вина Марша, что г. Кузьмин-Караваев все-таки очутился в его приемной.

На следующий день, 11 августа, в 10 час. утра, опять собираемся туда же на частное совещание. Председательствует С. Г. Лианозов. Присутствуют: гг. Карташев, Суворов, Кузьмин-Караваев, Филиппео, Крузенштиерн, Иванов, Маргулиес и я. Обсуждаем проект генерала Марша о соглашении с эстонским правительством, упорядочиваем его с грамматической стороны и прибавляем п. 4 о заключении в дополнение к соглашению конвенции торговой и военной. Со стороны г. Кузьмина-Караваева опять делается попытка в «автократических» целях: предлагается сообщить ген. Юденичу телеграфно, что без него не будет окончательно утверждаться список правительства. Предложение снова проваливается.

Днем за одним завтраком в гостинице, где были М. С. и С. Г., г. Кузьмин-Караваев заявил, что не войдет (?) в правительство, вслед за ним и г. Карташев заявил о своем выходе. Он же не верит в коалиционное правительство, раз уже жестоко поплатился за коалицию и с него довольно. К тому же его давно тянет за границу, и он рад случаю вырваться. Лично он приветствует попытку создать новое министерство, и, если бы не упрямство ген. Юденича, это давно было бы сделано. Ген. Суворов сообщил, что он просит считать его условно, так как по долгу службы он должен предварительно испросить согласие ген. Юденича, а Юденич сегодня велел передать ген. Маршу, что он считает себя уполномоченным решать для армии все вопросы и никого не считает уполномоченным предпринимать что-либо без него. Но, по существу, ген. Суворов не считает возможной никакую работу с ген. Юденичем, который должен убраться со всем своим штабом, без чего нельзя и мечтать об оздоровлении фронта. Лучше всего, по мнению Суворова, было бы, если бы ген. Лайдонер взял на себя командование смешанными войсками. Он, Суворов, хотел бы получить портфель министра внутренних дел, так как по военному ему нечего делать. По поводу министра земледелия ген. Суворов настаивал на самом левом из допустимых. Рассуждения этого генерала, как всегда, были двойки: с одной стороны, он оказывался радикальнее радикала, с другой,—соглашался стать членом правительства только с разрешения ген. Юденича.

В 6 час. вечера опять частное совещание. Председательствует С. Г. Лианозов, присутствуют все те же лица. Ген. Суворов оглашает телефонограмму адъютанта ген. Юденича полк. Даниловского: «Передать Маршу, что Юденич является единственным лицом, имеющим власть принимать все решения по затронутым Маршем вопросам, и что до его приезда ничего не может быть предпринято». На этом основании Суворов и Крузенштиерн отказываются входить в правительство до при-

езда Юденича и переговоров с ним. Проф. Кузьмин-Караваев опять начинает доказывать, что без Юденича мы только инициативная группа, а не правительство, и что никаких списков предъявлять сегодня ген. Маршу мы не можем. Карташев, сидящий от меня недалеко, говорит, что лично он не может участвовать в правительстве, так как чувствует себя нервно и очень усталым и хотел бы бежать сейчас от всякой политики. Не помню, чтобы его хотя единая душа упрашивала¹. Вообще все эти отказы были очень странны: в наших тогдашних заседаниях они принимались или молча или сопровождаемые одним единственным, да и то любопытства ради, вопросом: «почему?». Лично я считал, что все эти разговоры о портфелях носят предварительный характер, что весь намеченный Маршем состав несколько нас ни в чем не связывает и что как только подъедут мои псковичи, мы, в союзе с М. С. Маргулиесом, придадим кабинету более радикальный характер. Предположения эти впоследствии вполне сбылись.

В конце упомянутого частного совещания М. С. Маргулиес стал настаивать на закреплении за нашим коллективом названия правительственного, чтобы мы могли скорее приступить к организационной работе. Противодействует только один г. Кузьмин-Караваев. Предложение принимается.

В 9 час вечера 11 августа опять у ген. Марша. Присутствовали С. Г. Лианозов, В. Д. Кузьмин-Караваев, ген. М. Н. Суворов, К. А. Александров, М. С. Маргулиес, К. А. Крузенштиерн, В. Я. Горн, Н. Н. Иванов, М. М. Филиппео и начальники: английской военной миссии полк. Херопат, французской военной миссии полк. Хюрстель, американской политической миссии полк. Долей, английской политической миссии полк. Пиригордон.

Ген. Марш заявил, что положение совсем критическое, и просил последовать за ним одного С. Г. Лианозова в отдельную комнату, куда удалились и все чины миссий. Неодоумеваем. Проходит минут 10, и С. Г. возвращается с листом, на котором на неграмотном русском языке написано признание эстонской независимости новым сев.-зап. правительством и признание ген. Юденича главнокомандующим нашей армией. По словам С. Г., ген. Марш потребовал от него, чтобы он подписал бумагу первый, а затем будут вызывать по очереди для подписания каждого из остальных, что такой способ необходим, ибо если нам предоставить решать вопрос вместе, то «русские всегда очень много говорят», и мы ни до чего не договоримся, а в отдельности каждый подпишет. В подобной обстановке, разумеется, никто даже и смотреть не хотел на бумагу, и ген. Марш, сообразив свою

¹ В те ответственные моменты г. Карташев ни разу и ни слова не говорил в наших совместных совещаниях о своих политических и тактических разногласиях с нами. Наоборот, он как-то раз определенно подчеркнул свои симпатии организации правительства. Как выяснилось впоследствии, он предпочел бороться с нами с опущенным забралом. Открыто полемизировал с нами только один г. Кузьмин-Караваев.

бестактность, немедленно изменил тон и стал покорно в своей комнате ожидать, пока «русские очень много говорят».

Вот этот документ.

Заявление.

Эстонскому правительству и представителям Соединенных штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

Ввиду настоятельной необходимости образовать демократическое правительство для Северо-западной области России, единственно с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью способствовать русской армии освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губернии от большевистской тирании и учредить в Петрограде и временно в Пскове учредительное собрание, которое либо подтвердит, либо изменит, как можно выразиться на юридическом языке, наши соответствующие назначения, как министров, каковые мы принуждены обстоятельствами, независимыми от нашей воли, принять на себя, мы, нижеподписавшиеся, сим заявляем, что правительство Северо-западной России сформировано, как указано ниже. Как первый акт в интересах нашей страны, мы сим признаем абсолютную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных штатов Америки, Франции и Великобритании добиться от своих правительств признания абсолютной независимости Эстонии. Как наш второй акт, мы признаем ген. Юденича Главнокомандующим Северо-западной русской армии и просим его начать немедленно переговоры с главнокомандующим эстонской армии относительно военных деталей, обеспечивающих действительную помощь эстонских войск.

Премьер Министр.
Министр Финансов.
Военный Министр.
Министр Иностранных Дел.
Министр Культа.
Министр Внутренних Дел.
Министр Торговли, Народного Здравия и Снабжения.
Министр Юстиции.
Морской Министр.
Министр Продовольствия.
Государственный Контролер.
Министр Просвещения.
Министр Земледелия.
Министр Почт и Телеграфа.
Министр Переустройства Фабрик.
Министр Народного Благосостояния.
Министр без портфеля.

. . . . августа 1919 г.

Ревель.

Вполне согласно с изложенным

Ревель.

. . . . августа 1919 г.

Генерал

Главнокомандующий русской Северо-западной армии.

Обсуждая новый документ, все присутствующие единогласно нашли, что, не касаясь малограмотной формы документа, по содержанию—признание полной независимости Эстляндии приемлемо для всех, «ибо, с одной стороны, готовность признать независимость Эстляндии уже заявлена главнокомандующим северо-зап. армией ген. Н. Н. Юденичем в его обращении к ген. Гофу от 3 августа 1919 г., а с другой стороны, накануне того же группою лиц (и сверх того и А. В. Карташевым) была заяв-

лена ген. Маршу готовность подписать такое признание, причем на подписание его тут же были уполномочены трое из присутствующих: С. Г. Лланозов, ген. М. Н. Суворов и полк. К. А. Крузенштиерн» (из протокола № 2 об образовании правительства). В результате решено было исправить грамматически текст заявления и подписать его не по портфелям (что требовалось по проекту), а как министры—просто.

Еще ранее того, во время обсуждения документа, помню, мне резко бросилась в глаза односторонность акта, и я обратил на нее внимание присутствующих.

«Конечно, конечно,—сказал кто-то из них,—в первом акте признание Эстонии компенсировалось ее военной помощью нам, а здесь и это обязательство убрано!»

Видимо эстонцы в чем-то уперлись, и ген. Марш, напуганный ими за участь нашего фронта, решился требовать от нас признания Эстонии без всяких условий¹.

Когда дело дошло до подписи, то гг. Суворов и Крузенштиерн заявили, что подпишут документ лишь в том случае, если будет убрана последняя часть о признании Юденича главнокомандующим. Им, как военным, неудобно признавать своего начальника в официальном акте, ибо он и без их признания состоит таковым. Ген. Суворов выразился даже так, что он «подписал бы немедленно, не будь он на военной службе». А г. Кузьмин-Караваев заявил, что, «не будучи членом министерства, он не может подписывать заявление в качестве министра, но готов подписать его, если союзники не будут требовать прибавления к фамилиям и названия «министр» (в кавычках мною приведены выдержки из того же протокола.—В. Г.). С. Г. Лланозов снова пошел в комнату ген. Марша, и союзники опять согласились на оба требования; кроме того, ввиду указанных недостатков редакции, решили назвать текст неокончательным. Тогда гг. Суворов и Крузенштиерн заявили, что все же они не подпишут без Юденича, который де, по мысли союзников, должен скрепить это заявление, а г. Кузьмин-Караваев, как не входящий в министерство, вообще счел необходимым уклониться от подписания документа. В итоге заявление подписали часть присутствующих с незначительными изменениями, в таком виде:

Предварительное заявление, окончательная же редакция будет представлена завтра.

Эстонскому правительству и представителям Соединенных штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

Ввиду настоятельной необходимости образовать демократическое правительство для Северо-западной области России, единственно с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью способствовать русской действующей армии освободить Петроградскую, Псковскую,

¹ Никаких других актов, в которых бы еще раз признавалась эстонская государственная независимость, кроме фигурировавших 10 и 11 августа, больше в практике сев.-зап. правительства не было, и я не знаю, на чем основано утверждение г. Кирицова («У ворот Петрограда», стр. 164), что эстонское правительство обязало будто бы нас хлопотать о его независимости перед Антантой и Колчаком.

Новгородскую губернии от большевистской тирании и учредить в Петрограде учредительное собрание, которое либо подтвердит либо изменит, как можно выразиться на юридическом языке, наши соответствующие назначения, как министров, каковые мы принуждены обстоятельствами, независимыми от нашей воли, принять на себя, мы, нижеподписавшиеся, сим заявляем, что правительство Северо-западной России сформировано, как указано ниже. Как первый акт, в интересах нашей страны, мы сим признаем абсолютную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных штатов Америки, Франции и Великобритании добиться от своих правительств признания абсолютной независимости Эстонии.

Премьер-Министр Лианозов
Министры: Маргулис,
Иванов,
Александров,
Филиппов,
Горн.

После подписания заявления вышел ген. Марш, приветствовал образовавшееся правительство и извинился за свою несколько грубоватую настойчивость, проявленную по отношению к нам в этом событии, оправдываясь тем, что положение на фронте крайне критическое—два эстонских полка отказываются дальше драться, если независимость Эстонии не будет признана немедленно.

VI.

Условия работы правительства.

Красных радостных дней у правительства вовсе не было. С первых же дней его существования начались подкопы, интриги, измена, обман, ложь, клевета и инсинуации. Позже ад существования пополнились еще заговорами, и одна часть членов правительства организовала форменную слежку за другой.

Гг. Кузьмин-Караваев и Карташев, вернувшись после образования правительства обратно в Гельсингфорс, держали себя сначала по отношению к правительству почти нейтрально. Но этого нейтралитета хватило не надолго. Вскоре г. Карташев, при содействии своего секретаря г. Новицкого¹, отправил Пепеляеву (близкому знакомому г. Новицкого) телеграмму, в которой рекомендовал адмиралу Колчаку заменить Юденича другим генералом и уполномочить Карташева на создание нового правительства. А в ожидании результатов сего домогательства тонконько повели кампанию с целью вызвать недовольство «слишком радикальной программой» сев.-зап. правительства.

В конце августа—начале сентября в Выборге была устроена попытка открытой нам оппозиции среди представителей промышленного мира. В то время в качестве русских эмигрантов в Финляндии проживало много самых видных тузов финансового мира, и недовольство этой кучки, имевшей в Европе силь-

¹ Тот самый, который сказал в Гельсингфорсе Е. И. Кедрину при первом известии об образовании в Ревеле сев.-зап. правительства: «ничего, через три дня всех их разгоним».

ные связи, могло чувствительно помешать деятельности правительства.

С другой стороны, на месте, в Ревеле, продолжал борьбу с правительством г. Иванов. Издаваемая им газета «Новая Россия» только и занималась тем, что старалась во что бы то ни стало уронить престиж правительства и в русских и в эстонских кругах.

Балахович действовал иначе. Будучи объявлен ген. Юденичем «бежавшим и исключенным из армии», он в полной генеральской форме разгуливал на глазах у всех в Ревеле и ежеминутно мог столкнуться с Юденичем нос к носу. Дело в том, что историей с его арестом были недовольны англичане и ген. Лайдонер, и потому эстонцы, к вящему урону авторитета русского главнокомандующего, явно допустили бравладу Балаховича. Получалось нечто прямо возмутительное. Вся братия, купно с «батькой», официально разыскивалась и подлежала суду (полк. Энгельгардт был уже пойман и посажен в тюрьму), фактически же Балахович жил в самой видной гостинице, почти со всеми своими ушкуйниками, в совершенной неприкосновенности.

В сем качестве и с помощью ген. Лайдонера, через полк. Полякова, Балахович тоже пытался завести переговоры с правительством. На военный третейский суд с ним ген. Юденич не согласился, а когда Балахович пытался видаться с Лианозовым и Маргулиесом,—те уклонились. После этого Балахович еще не раз подсылал с переговорами своих людей к Маргулиесу, Богданову, ко мне и к другим министрам. На предложение категорически и раз навсегда отмежеваться от г. Иванова и стать в полное подчинение главнокомандующему и правительству—ответа не последовало. А затем мы получили донесение, что Балахович с Ивановым решили устроить новый переворот, арестовав предварительно правительство. Так как все мы были на эстонской территории и не имели никакой личной охраны, осуществить затею было проще простого, но, разумеется, эстонское правительство и в частности ген. Лайдонер в корне пресекли предприятие гг. Иванова—Балаховича.

Не давала покоя также эстонская пресса. Особенно усердствовала шовинистически настроенная газета трудовиков «Waba Maa»¹. Она всячески настораживала эстонское общественное мнение, доказывая реакционность нашего правительства. Против имен Юденича и Лианозова она писала «реакционер», знаки вопроса ставила около имен других министров, упорно игнорируя выпущенную правительством декларацию и краткие биографические сведения о членах правительства.

Писания «Waba Maa» и ивановской «Новой России» заставили правительство в особенности поспешить с изданием своего органа.

Выпущенная газета называлась «Свободная Россия». Офици-

¹ Официальным редактором ее был г. Штрандман, в то время глава эстонского правительства.

ально правительственного штампа на ней не было. Это было сделано по чисто тактическим соображениям: выходя на чужой территории, она подлежала надзору эстонских властей и, на основании существовавшего тогда права у министра внутренних дел эстонской республики, могла быть закрыта им в любую минуту; чтобы избежать такого конфуза для русского правительственного органа, газету пришлось выпускать частным порядком, с принятием лишь расходов на счет правительства¹.

Но и выпуск собственного органа мало помог делу. Нас замалчивали или явно искали повода, на чем бы подцепить.

Эстонские правительственные круги тоже держали себя как-то странно и двусмысленно. Жаловались в Лондон на давление, которое на них оказывает ген. Марш, требуя, чтобы эстонская армия оказывала нам более активную поддержку. Передавали, что в этих сферах вообще начинает усиленно расти напряженность по отношению к сев.-зап. правительству, единственно чем будто бы объясняется лобезное, но настойчивое предложение эстонских министров перебраться русскому правительству из Ревеля в Нарву. Ген. Лайдонер откровенно заявил ген. Юденичу, что если он не расчистит черносотенство в штабах и на фронте, то никакая совместная для русских и эстонцев работа в дальнейшем невозможна. А министр внутренних дел Геллат стал открыто говорить о неизбежном вооруженном столкновении с нашими войсками, если они отступят на эстонскую территорию.

Наши солдаты все еще без снаряжения, одежды, обуви; всей армии не уплачено жалованье, а среди генералов местничество, интриги без конца и абсолютное нежелание хотя бы сколько-нибудь подтянуться и считаться с эстонской государственностью.

На фронте ген. Родзянко продолжает распространять определенно реакционные прокламации, а по адресу правительства расклеивают в Гдове какие-то дискредитирующие его престиж объявления.

В довершение всего правительство сидит без денег по номерам в гостиницах и лишено даже помещений для своих канцелярий, так как эстонская квартирная комиссия сознательно ставит нам препятствия при подыскании в Ревеле соответствующих помещений.

Вот та обстановка, та нравственная атмосфера, в которой пришлось нам начинать свою работу. Немудрено, что она пошла нервно, с переборами, с частыми скачками от принципиального к мелкому и подчас досадному частному.

С. Г. Лианозов, М. С. Маргулис и английский полковник Пиригордон 2 сентября имели небольшое совещание, на котором окончательно выработали план, как начать чистку в армии. Решено было так, что сначала С. Г. Лианозов, а потом полк.

¹ Привожу соответствующую выдержку из журнала совета министров от 23 августа: «...на вопрос Мин. Продовольствия, какой будет орган, Министр Внутренних Дел сообщил, что орган будет полуофициоз, редактировать который будет Кирдцев и курс газеты будет курс Правительства».

Пиригордон будут убеждать ген. Юденича немедленно расчислить штабы на фронте, всех офицеров неблагонадежных и авантюристов выслать из Эстонии, способных к боевой службе послать на фронт и 8 штабов свести до 3. Если у генерала нехватит на это мужества, оставить его в Ревеле и, прикомандировав к его штабу энергичного английского и эстонского атташе и дав ему хорошего начальника штаба, поручить чистку этим трем лицам. На следующий день С. Г. имел соответствующий разговор с ген. Юденичем. Генерал сначала охотно пошел навстречу всем требованиям. Он согласился на прикомандирование в его штаб обоих атташе, на учреждение смешанной эстонско-русской комиссии под председательством англичанина для разбора взаимных недоразумений на фронте и согласился на удаление из Нарвы и от должностей в штабах прикармливаемых на военном пайке многочисленных и бесполезных чиновников.

Чтобы довести начатое дело до конца, вывести его из сферы частных разговоров и поставить на официальную деловую почву, решили воспользоваться результатами всех переговоров с эстонскими министрами и парламентариями как материалом для особого доклада заседанию правительства 5 сентября. С этой целью 4 же сентября в частном совещании всех штатских министров единогласно было вынесено постановление, врученное ген. Юденичу за несколько часов до официального заседания правительства 5 сентября.

«Члены правительства Северо-западной области России, выслушав сообщение о настроениях господствующих в Эстляндии политических партий и приняв во внимание:

1) что без поддержки эстонского правительства и эстонского войска нельзя рассчитывать не только на успешное продвижение к Петрограду в ближайшие недели, но даже на спокойную зимнюю подготовку весенней кампании,

2) что на эту поддержку рассчитывать нельзя без коренных изменений как в строе русской армии, так и в особенности в командном ее составе,

3) что реакционные настроения и связанная с ними реакционная политика некоторых лиц, стоящих на ответственных постах в армии, давно дают почву для успешной большевистской агитации среди русских и эстонских солдат,

4) что к таким результатам ведет и присутствие на ответственных постах большого количества титулованных лиц немецкого происхождения,

5) что работа правительства по спасению с.-з. армии от полного развала крайне затруднена враждебным к нему отношением многих лиц командного состава, не скрывающих своих взглядов на него в беседах с эстонскими офицерами и противящихся ознакомлению армии с истинными намерениями правительства, —

постановили:

1) признать крайне спешным принятие мер к ознакомлению армии с декларацией правительства, для чего просить главнокомандующего безотлагательно объявить декларацию в приказе по армии и предложить всем штабам раздать таковую немедленно по всем войсковым частям,

2) просить главнокомандующего принять в ближайшие дни меры к устранению из командного состава армии всех преступных и вредных и просто ненужных элементов, заполняющих собою штабы армии, сократить число таковых до крайне необходимого,

3) просить главнокомандующего издать безотлагательно приказ о прекращении сечения солдат, избития их, брани и т. п. под угрозой наказания заслушание и о необходимости более гуманного и братского обра-

щения с теми, кто на себе выносит всю тяжесть невозможных условий, в которых наша геройская армия ведет неустанно борьбу с большевиками,

4) издать ряд обращений к армии для поддержки в ней бодрости и вселения в солдат уверенности, что их ждет лучшая доля в свободной России,

5) издавать газету для солдат в виде приложений к «Свободной России» не менее двух раз в неделю,

6) объединять в руках министра внутренних дел всю работу по агитации в большевистских рядах, как производящуюся на фронте, так и в тылу,

7) предложить министру юстиции принять меры к более правильной постановке судебного дела в армии,

8) принять меры к ознакомлению командного состава с взглядом правительства на указанные выше реформы, путем приглашения лиц командного состава в Ревель для бесед с правительством,

9) просить главнокомандующего выяснить, правильно ли дошедшее до правительства сведение о том, что за подписью ген. Родзянко были расклеены в Гдове объявления о воспрещении появляться на фронте кому бы то ни было, в том числе и членам правительства, без его, ген. Родзянко, разрешения, и буде сведение это подтвердится, принять безотлагательно меры к тому, чтобы было дано соответствующее разъяснение, восстанавливающее должное к членам правительства уважение,

10) просить главнокомандующего разъяснить лицам командного состава, что будущее предпринятой кампании и в связи с нею ближайшее будущее России зависит от того, в какой мере искренне они приобщаются к тем усилиям, которые прилагает правительство к спасению с.-з. армии от окончательного развала».

Доклад обсуждался в вечернем заседании в присутствии Юденича. Генерал явился в заседание хмурый и, видимо, раздраженный уже. Когда С. Г. Лианозов оглашал интервью с парламентариями и наше частное постановление, ген. Юденич сначала крепился, но потом, при чтении п. 10 постановления, не выдержал и крикнул:

«Правительство существует месяц, а армия целый год и не развалилась. Как же правительство претендует на роль спасителя?! Ничего этого не сделаю!»

Загорелся спор по отдельным пунктам.

Против объявления декларации приказом по армии ген. Юденич не возражал, по поводу чистки тыла заявил, что устранение вредных элементов уже производится, но в дальнейшем он согласен увольнять лишь после суда или ревизии. Порку солдат генерал решительно опровергал и заявил, что приказа об этом не издаст до тех пор, пока ему не представят фактов. Факты было ему обещано представить, и впоследствии действительно всплыли вещи прямо огулшительные. По п. 9—о действиях ген. Родзянко—снова вспышка:

«Неправда! А как поступить с клеветниками, если будет доказана эта неправда?!»...

Генералу обещают представить неопровержимые доказательства и большинством остальных голосов все-таки просят его произвести о действиях ген. Родзянко расследование.

Все остальные пункты были приняты почти без возражений. Расходимся после схватки молча и быстро. Между нами и ген. Юденичем пробежала первая черная кошка.

Нелегко было бороться с засеившей в Нарве камарильей, если

бы даже ген. Юденич искренно того хотел. На самом деле он не хотел или испугался радикальной чистки штабов. Пронюхав о затеваемой чистке, полк. Зейдлиц немедленно телеграфировал в Нарву начальнику штаба, ген. Вандаму, что Юденич намерен арестовать ген. Родзянко и весь его штаб. Ген. Юденич поспешил заверить Родзянко, «что это наглая и злая ложь». Больше того: когда Е. И. Кедрину, нашему министру юстиции с помощью эстонской полиции удалось задержать и арестовать в Ревеле героя псковских застенков полк. Энгельгардта, немедленно же подали в отставку «по домашним обстоятельствам» три полковника, предпочитавшие, повидимому, не дожидаться, когда и их постигнет та же участь. Прощения об отставке были поданы премьер-министру С. Г. Лианозову. В одном из ближайших заседаний С. Г. передал прошения ген. Юденичу. Последний частным образом сам выражал большую радость, что удался, наконец, отделаться от таких «сослуживцев», а потом... вернул прошения на распоряжение ген. Родзянко, при котором эти офицеры орудовали. В результате они остались попрежнему на своих местах.

Постепенно, шаг за шагом, определенно выяснилось, что Юденич слабохарактерен, нерешителен, вял и совершенно не в состоянии произвести необходимых реформ в армии,—наоборот, Родзянко настойчив, упрям и явно стоит поперек дороги всем начинаниям правительства. Это не было открытием для всех нас: еще до образования правительства широкие общественные круги определенно требовали удаления в первую голову ген. Родзянко, а когда правительство медлило с этим, левой его части приходилось выдерживать яростные нападки со всех сторон, и тем не менее вопрос об удалении ген. Родзянко становился все сложнее и сложнее по мере того, как выяснилась физиономия той военной среды, с которой нам ближе теперь пришлось столкнуться.

Так некрепко обстояло дело с возможностью «чистки» армии.

Ген. Юденич, что называется, ни вез ни тянул. Например, декларация так-таки и не была объявлена в приказе по войскам и распространялась среди солдат и населения при тайном, а иногда и явном сопротивлении штабов крайне медленно. Нашу газету «Свободная Россия», которая посылалась в армию от 3 000 до 5 000 экземпляров, гг. штабные всячески саботировали, квася ее в канцеляриях, а на участке ген. Арсеньева делалась попытка вовсе запретить ее распространение. После вмешательства Юденича запрещение это было аннулировано, но «действия» Арсеньева, конечно, остались без всяких «воздействий». Чтобы положить конец всей этой закулисной волюнке и поднять общее настроение солдатских масс, правительство опубликовало к ним особое обращение в 40 тыс. экземпляров и приняло экстренные меры, чтобы номер газеты, где оно было напечатано, дошел до солдат. Справедливость требует отметить, что среди офицерства, особенно фронтового, были все же люди,

которые несомненно сочувствовали задачам правительства и понимали общую ситуацию гражданской войны, только голоса их намеренно затирались и заглушались разными «ловчилами», заполнявшими многочисленными штабы и бесчисленные бутафорские канцелярии. Вот эти-то офицеры иногда и помогали распространению нашей газеты, поскольку целым тюками газет, высылаемым в армию, успешно удавалось проскочить на своем пути узкие горла штабных плотин.

Обращение правительства к солдатам произвело очень хорошее впечатление.

Как я уже говорил раньше, до появления правительства штабная пропаганда была поставлена из рук вон плохо. Согласно ранее состоявшегося принципиального решения 16 сентября, по предложению П. А. Богданова, совет министров постановил изъять это дело из рук гг. военных и организовать особый отдел агитации и пропаганды, развивая его деятельность в духе декларации правительства. Главную целью агитации ставились красные солдаты и население по «ту сторону фронта», и нет сомнения, что при ином, более сознательном отношении военных кругов к задачам гражданской войны успех этих прокламаций был бы огромный. Но военные, разумеется, рассуждали иначе: прежде чем прокламации дойдут до красных, их содержание могут узнать белые, а так как «мы» против всяких «демократических бредней», то будем ставить правительству палки в колеса елико возможно, а под шумок попрежнему распространять литературу собственного изделия. Вредная конкуренция штаба выяснилась, конечно, не сразу.

Так как пропаганда являлась весьма острым орудием, и правая часть правительства, откровенно говоря, немного побаивалась в этом деле увлечений слева, то, после небольших дебатов, решили подчинить особый отдел пропаганды непосредственно самому совету министров.

Организация отдела пропаганды вызвала большое беспокойство со стороны ген. Родзянко. Он пожелал лично объясниться с правительством. Накануне официального объяснения он явился к С. Г. Лианозову, а затем к М. С. Маргулиесу.

«Беседовали о многом,—записывает в своем дневнике М. С.

1) Генерал заявил, что до него дошло, что наши левые собираются вести пропаганду на фронте. Керенщины он не допустит, да и не к чему—дух солдат и офицеров прекрасен, солдаты бьются, как львы, так как их отношения к офицерам прекрасны, нигде нет таких простых и дружеских отношений, что признают и побывавшие на фронте иностранцы. Ему сообщили, что на собрании социалистического блока бывают офицеры; он ничего не имеет против социалистов, но считает теперь неуместным заниматься военной политикой, в которой и сам ничего не смыслит; и пропагандистов на фронт он не пустит (Лианозову он сказал, что повесит их)...

2) Указал на необходимость купить скорее лошадей; начальником ремонтной части назначить полк. Зейдлица—человека ве-

личайшей честности и большой опытности (прошение об отставке которого из упомянутой тройки принял ген. Юденич с заявлением, что он его обязательно удалит).

3) Предложил пообещать солдатам за взятие Петрограда землю. Я указал, что неудобно, так как учредительное собрание может не согласиться дать землю нашим солдатам, ибо и Колчак и Деникин требуют того же—земли нехватит. Не спорил.

4) Предложил офицерам обещать денежное обеспечение. Я согласился.

5) Требовал обещания крестьянам возмещения всех убытков, причиненных солдатами—согласился...».

Беспеременный, откровенный, показательный разговор!

На следующий день (20 сентября) ген. Родзянко объяснялся в официальном заседании. Ему был разъяснен смысл и характер правительственного постановления о пропаганде, а затем П. А. Богданов спросил Родзянко, что сделано последним, чтобы его штаб не вел черносотенной агитации? Родзянко категорически ответил, что такой агитации в его штабе совсем не ведется. Тогда Богданов упомянул о распространяемой штабом прокламации «Думы рабочего» и при дальнейших возражениях ген. Родзянко тут же предъявил эту прокламацию, прочтя из нее ряд выдержек, в которых определенно восхваляется эпоха царизма, проповедуется дубровинский антисемитизм, а в числе «светлых имен» иереев, угнетаемых большевиками, подчеркиваются имена столпов «Союза русского народа»—епископа Гермогена и протоиерея Восторгова. Прокламация была подписана «Рабочий-Горемыка», и больше никаких следов, кем и где она выпущена. Ген. Родзянко определенно не признал ее за свою и выразил уверенность, что это подброшенная, большевистская. Явной черносотенности ее даже он не стал отрицать. Богданову пришлось только пожалть плечами, потому что в тот момент не было опровергающих генерала доказательств. На вопрос того же Богданова, на каком основании расклеивались в Гдове объявления ген. Родзянко, запрещающие членам правительства появление на фронте,—ген. Родзянко столь же категорически заверил, что никогда и никаких объявлений указанного сорта он не издавал и не приказывал расклеивать, а когда услышал тут же восклицания сомнения, вспыхнул обидой: «чтож вы слову офицера не верите?!»...

Пришлось тогда поверить.

Прошло не более пяти дней с этого памятного заседания, как в министерство внутренних дел пришла бумага, подтверждающая основательность первого запроса П. А. Богданова. При отношении начальника военно-цензурного отдела штаба сев.-зап. армии от 20 сентября 1919 г. за № 82 в министерство было прислано 10 прокламаций, выпущенных штабом армии, относительно которых в бумаге говорилось, что они «распространены на передовых позициях и в тылу как наших, так и неприятельских войсковых частей». Прокламации присылались в виде образца «работы штаба» и по требованию министра внутренних дел. В

числе пришитых к отношению 10 прокламаций штаба значилась также пресловутая листовка «Думы рабочего». А спустя еще с неделю лично мне доставили из контрразведки снятый со стола в Гдове такой документ:

Обращение

Командующего северо-западной армией к членам Временного правительства
Северо-западная армия формировалась русскими людьми с целью борьбы с большевиками и доведения страны до порядка и учредительного собрания.
Северо-западной армии теперь удалось занять самостоятельно русскую территорию.

Сформированное сейчас временное правительство Северо-Западного края должно обеспечить всеми средствами выполнение этой основной задачи армии.

Основные положения следующие: полное материальное обеспечение армии всеми необходимыми средствами со стороны союзников и деньгами; заключение соглашений с соседними государствами для военной помощи.

Армия признает верховным правителем адмирала Колчака и подчиняется непосредственно назначенному им главнокомандующему.

Никто из членов Временного правительства, за исключением главнокомандующего, не имеет права вмешиваться в дела армии и не имеет права вступать в какие бы то ни было переговоры и соглашения с отдельными начальниками, а также посещать фронт без особого на то разрешения командующего армией.

Подл. подписал: генерал-майор Родзянко.

С подлинным верно: и. д. дежурного генерала, полковник
барон Вольф.

С копией верно: правитель канцелярии. (Подпись.)

Верно: заведующий канцелярией гдовского уездного
коменданта Киршбаум.

Дискредитируя правительство такими «обращениями» к публике и дискредитируя себя и свою работу прокламациями вроде «Думы рабочего», господа эти упорно закрывали глаза на действительность и не хотели видеть того, что бросалось в глаза на каждом шагу даже иностранцам. Бежавший из Петрограда и пробравшийся в начале сентября через фронт и прифронтовую полосу англичанин г. Дюкс в беседе с нашими министрами, например, настойчиво рекомендовал «осведомить крестьян, что новое правительство не отнимет у них земли до решения учредительного собрания, иначе все крестьянство будет против нас, как и сейчас оно против северо-зап. армии из-за приказа № 13»¹. Что было возразить на такое совершенно справедливое указание? Ведь не скажешь всякому заезжему человеку, что, мол, наши главные генералы такие прокламации жгут, а людей, которые хотят их распространять, обещают вешать.

В своей среде мы неоднократно говорили, что радикальным средством против саботажа ген. Родзянко и его штаба было открытое и откровенное объяснение о положении дел с общим собранием всех ответственных офицерских чинов. Подобная, вполне естественная для правительства, мера несомненно сразу за-

¹ Знаменитый приказ Родзянко о возвращении помещикам земли. См. главу IV.

воевала бы симпатии к правительству более широких офицерских слоев, а с другой стороны, заставила бы и ген. Родзянко несколько изменить свое поведение. Против этого шага, однако, упорно все время возражала наша «правая»—С. Г. Лианозов и М. С. Маргулиес, вследствие чего правительство так и не собрало офицеров для собеседования. Они опасались, что офицерство, будучи наставлено весьма право, выскажется против программы правительства, а тогда вместо организованности и спайки начнется разлад, который может окончательно погубить армию. Словом, обычный припев «осторожнее», «тут ухаб», «исподволь».

«Чистка» армии оставалась попрежнему лишь в области погуг и добрых намерений. Не удалось даже золотых погон заставить снять и переменить их на какие-нибудь попроще. Помню по поводу погон один свой разговор с ген. Юденичем после очередного заседания совета министров. Генерал все время щеголял в широчайших генеральских погонах; прощаясь с ним и глядя на его погоны, говорю ему:

«Не находите ли вы, Николай Николаевич, что необходимо немедленно издать приказ о замене золотых погон другими, ведь слово «золотопогонник» почти синоним старорежимника среди солдат?»

«Да, да, совершенно правильно, я подумал об этом и соответствующий приказ уже опубликован по армии», ответил ген. Юденич.

Много позже некоторым из нас неоднократно приходилось беседовать с отдельными офицерами, и они выражали большое сожаление, что правительство держалось все время как-то вдали от них. Уступая слишком осторожной тактике правого крыла кабинета, мы—левая—совершили тогда непростительную ошибку. Офицерства нечего было бояться: с большинством его представителей мы прекрасно бы сговорились, а главное—ближе подошли бы к этой среде и разглядели бы, сколь мал был удельный вес и авторитет той ничтожной кучки генералов, что упорно заслоняла от нас фронтовое офицерство и лишала возможности опереться на него.

«С образованием с.-з. правительства,—говорил мне позже начальник 2-й стрелковой дивизии ген. Ярославцев,—строевые чины надеялись, что оно прекратит все безобразия, творящиеся в тылу; тогда бы и фронт имел возможность подтянуться. К правительству относились с доверием и хорошим чувством,—в массе, разумеется. Юденич и его штаб, тыл и Глазенап, конечно, отрицательно». Таким образом, становится вполне понятным, что запрещение членам правительства со стороны ген. Родзянко «вступать в какие бы то ни было переговоры и соглашения с отдельными начальниками» диктовалось явно опасением, что рядовое офицерство может оказаться на стороне правительства, а не на стороне заскорузлого политически генералитета.

С «запрещением» ген. Родзянко министры, конечно, не считались (да он и сам от него публично отсекся) и неоднократно посещали занятую нашими войсками местность, но с армией так

и не имели случая объясниться: гг. заправили определенно глядели волком. Е. И. Кедрин, например, посетивший Гдов в половине сентября и пожелавший побеседовать с начальником 1-го корпуса ген. Арсеньевым, не мог осуществить своего скромного и законного желания: в условленный по телефону час генерала не оказалось дома, на оставленную визитную карточку — тоже ни гу-гу! Ищи его, где хочешь!..

Как ни горько в этом признаться, но впервые с образованием правительства эстонское министерство внутренних дел начало определенную кампанию выселения русских из Ревеля. В тот момент в Ревеле насчитывалось до 150 000 жителей, а иностранцев, по признанию эстонской газеты трудовиков «Waba Maa», насчитывалось всего 7 000 человек (около 5% к общему населению Ревеля). И вот 4 000 из них, «иоселившихся в пределах республики после 1 мая 1915 г.», т. е. исключительно русские, подлежали высылке из Ревеля, иногда чуть ли не в суточный срок. Выселения сильно нервировали русское население и вызывали очень недоброжелательные толки о сев.-зап. правительстве. Средний обыватель никак не мог понять эстонской логики: прежде не признавали эстонской независимости, а выселений не было, но как только русские поступили наоборот и, удовлетворяя желаниям эстонской демократии, признали эту независимость, — русских стали усиленно выживать из Ревеля, да и из Эстонии вообще. «Гельсингфорсцы» по этому поводу ядовито заключили в упомянутой брошюре, что спешить с признанием Эстонии совсем не следовало.

Сплошь и рядом выселению из квартиры или совсем из Ревеля подлежал нужный правительству элемент или близкий член семьи такого работника. Наше правительство, в лице того или иного министра, горячо вступалось за пострадавшего, и тем не менее попытки отстоять от выселения или высылки не всегда приводили к благоприятному результату. Помню несколько особенно досадных случаев.

В самое горячее время разгрузки первого прибывшего с военным снаряжением для армии долгожданного английского корабля эстонская полиция начинает упорно выселять из Ревеля жену и падчерицу начальника снабжения армии; вместо того, чтобы следить за спешной разгрузкой и отправкой на фронт снаряжения, начальник снабжения занимается хлопотами в эстонских канцеляриях, а на своей прямой службе ходит, как потерянный, и ничего не видит из того, что творится у него под носом. Выгнали с квартиры личного секретаря М. С. Маргулиеса, потом начальника финансового отдела в министерстве С. Г. Лианозова. На обращение со стороны М. С. к эстонскому министру внутренних дел Геллату просьбы об отмене этих высылки и выселений, последовал решительный отказ. Но распоряжение о выселении жены и падчерицы начальника снабжения немедленно отменяется тем же г. Геллатом, как только об этом просит начальник английской военной миссии полк. Хератат.

Земельная политика правительства.

Земельный вопрос всегда являлся важнейшей проблемой русской внутренней политики, но его значение особенно выросло в послереволюционное время, в условиях гражданской войны.

На нашем северо-западе земельный вопрос с самого начала появления белых у власти принял уродливые, вредные для движения формы. В верхах армии, а еще больше в ее обозе, двигалось много помещиков, и, чего мудреного, что, будучи материально заинтересованными в сохранении своего землевладения, они считали просто большевизмом санкционирование всех крестьянских захватов, происшедших за время революции. По своей прошлой земской работе я знал много земцев, которые теперь с горечью спрашивали меня:

«Где же справедливость? Почему фабрики не экспроприируются, а только наша земля? Разве она не такой же предмет буржуазной собственности? Ведь не все же помещики получали жалованные земли, многие из нас их покупали за деньги, как купцы, промышленники свои фабрики, дома, заводы. Чем мы станем жить, если сельское хозяйство, бывшее нашим обычным занятием и средством к жизни, станет недоступным нам? Нет, если уж экспроприировать нашу землю, то пусть промышленники и фабриканты прежде обяжутся покрыть все наши убытки, а пока... трудно судить нас за нашу косность в земельном вопросе».

Большинство землевладельцев, впрочем, не развивало такой философии; оно считало земельную экспроприацию грабежом, весь «вековой вопрос» — потаканием мужикам и требовало напрямик — «вернуть!». Этим окриком проникнуты все приказы, касающиеся земельного вопроса в период управления белой властью северо-западным краем, до появления нашего правительства.

Иной психологический процесс шел на другом конце социальной лестницы. Против ставшего всесильным помещика, с его грозным и безапелляционным — «вернуть!», к концу лета 1919 года вновь стоял угрюмый, раздраженный крестьянин. Здесь скапливались все горечи в одну чашу. Помещичьи претензии осложнились требованиями всевозможных военных властей. Деревня систематически эксплуатировалась, не получая взамен ничего или очень мало. Требования эти росли и росли, принимая чем дальше, тем все более чудовищные размеры, пока они, наконец, не приняли характера беззастенчивого юбирания деревни оптом и врозь, натурой и деньгами.

«К концу лета 1919 г., — писал в своей записке П. А. Богданов, — деревня в своей массе определенно настроилась против белых. Формула «белые не лучше красных» стала избитым местом всех деревенских разговоров. «Нет, видно опять придется уходить в Ланеву рошу» (место пристанища зеленых) — фраза, с которой расходился волостной сход Прудской волости Псковского уезда, когда-то радостно встречавший белых».

Те же настроения отчасти подметил в то время другой официальный свидетель.

«Приказ № 19 о пользовании лесами вызвал большие толки, я бы сказал, нарекания, крестьян. Крестьяне толкуют этот приказ на всякие лады, указывая, что с приходом белых их не только не наделили землей, но оставили в силе прежнее «ограничение»¹.

Естественно, что устранение всех вышеназванных причин должно было лечь в основу политики всякого правительства, которое хотело продолжать дело борьбы с большевиками на северо-западе России.

«Новая земельная политика,—говорит Богданов,—должна была воочию показать крестьянским массам северо-запада, что интересы крестьянства в этой новой политике будут превалять, что в частности земля останется в руках мужика; что деревня перестанет служить объектом для военно-административного усмотрения, что, наконец, а это самое главное, белые лучше красных, ибо они несут с собой не только белый хлеб, но и мир, и порядок, и свободу».

Эта мысль и была положена в основу земельной политики северо-западного правительства. Пункт 8-й декларации правительства поэтому говорил следующее: «Земельный вопрос будет решен, согласно с волей трудового земледельческого населения, в учредительном собрании. Впредь до решения последнего земля остается за земледельческим населением, и сделки купли и продажи на внегородские земли воспрещаются, за исключением особо важных случаев и с особого разрешения правительства».

Не считая себя в праве радикально разрешать земельный вопрос на каждом отвоёванном у большевиков клочке России, правительство в то же время хотело дать твердую базу для пользования землей до учредительного собрания, не запутывая еще больше и без того достаточно запутанные за годы революции земельные отношения.

Вся дальнейшая политика северо-западного правительства строилась как развитие п. 8-го декларации. Был отменен ряд мелких сборов за разные виды пользования лесом, наделные леса вернули в распоряжение крестьян. П. А. Богданов выработал проект временного землеустройства крестьян. Выработке проекта предшествовали объяснения П. А. Богданова с земскими деятелями, волостными старшинами и представителями сходов крестьян Ямбургского и Гдовского уездов во время поездок Богданова по области. 18 октября совет министров утвердил проект Богданова в такой редакции:

¹ Хомутовский приказ № 19 от 28 июня 1919 г., оставивший все леса, а в том числе и бывшие наделные, в ведении военно-гражд. управл., причем с крестьян устанавливались сборы за выпас скота в лесу, за сборы грибов, ягод, мха и т. п. Цитата взята из рапорта гдовского коменданта полк. Саламанова от 18 авг. 1919 г. за № 370 начальнику Петроградской губернии.

Впредь до особых распоряжений правительства Северо-западной области России в освобожденных сельских местностях по земельному вопросу применяются следующие положения:

1) Органы административной власти на местах не входят в рассмотрение каких бы то ни было споров и тяжб о праве собственности и владения внегородскими землями сельскохозяйственного значения.

2) Никто не имеет права со дня прихода белых войск самовольно захватывать земли или, наоборот, восстанавливать свое нарушенное прежде владение под страхом наказания по всей строгости законов военного времени и немедленного принудительного восстановления фактического положения, предшествовавшего допущенному самоуправству.

3) Службы и пр. помещения, живой и мертвый инвентарь (скот, лошади, с.-х. машины и орудия и т. п.) продолжают оставаться в распоряжении тех лиц, которые владели ими до последнего момента прихода белых войск.

4) Из лесов как частновладельческих, так казенных и прочих, кроме наделных, образуется особый лесной фонд, который поступает в распоряжение министерства земледелия Северо-западной области России, согласно приказу от 28 июня 1919 года за № 190.

5) Так называемые советские хозяйства, а также коммуны и коллективы, кои к приходу белых войск окажутся бесхозяйными, показательные хозяйства и поля, племенные рассадники, питомники плодовых деревьев и прочие агрикультурные предприятия прежней советской власти переходят полностью в распоряжение земельных отделов или уездных земств на местах.

6) Исполнение настоящего постановления возлагается на земельные отделы, а где таковых не имеется, впредь до их возникновения, на волостные и уездные земства.

Действие приказа командира Отдельного корпуса северо-западной армии и военно-гражданского управления от 19 июня 1919 года за № 13 «О временном праве пользования землею» прекращается, причем все дела, возбужденные на основании приказа № 13, подлежат немедленному прекращению.

Постановление совета министров было немедленно опубликовано в официальном приказе министерства земледелия «всем учреждениям и должностным лицам к безусловному исполнению» и распространено, кроме того, в массе прокламаций на местах,— правда, в некоторых случаях при упорном закулисным сопротивлении военных властей. В прокламациях после изложения текста закона стояла подпись: «Совет министров Сев.-зап. области России», а ниже:

Граждане, этим законом обеспечиваются ваши права на землю. Охраняйте это ваше священное право от всяких посягательств на него. Этот закон выполняет одно из обязательств декларации правительства. Поддерживая на деле всеми возможными средствами ваше правительство, вы самым лучшим образом защитите ваши права на землю.

Отдел агитации и пропаганды при совете министров правительства Сев.-зап. области России.

Как пояснял Богданов в упомянутом заседании правительства 18 октября, цели его проекта сводились к следующему:

1) В области земельных отношений сохраняются те, которые имели место к приходу белых войск, что должно дать уверенность широким крестьянским массам, что реставрационных попыток у новой власти нет и чтобы не запутывать земельных отношений еще больше;

2) изъять из рук администрации (в частности всяких комендантов) разбирательство конфликтов, возникающих на почве землевладения и землепользования, чем положить, наконец, предел самоуправству органов военной власти;

3) отменить приказы Родзянко о земле и прекратить все возникшие по ним дела и тем внести успокоение в деревню;

4) охранить от хищения и захвата совхозы, коммуны, коллективы и др. советские имения, питомники и хозяйства которых могли бы впоследствии послужить общеагркультурным целям;

5) привлечь к работе по урегулированию земельных отношений само крестьянство в лице земств и возобновившихся специальных земельных отделов.

К сожалению, все эти благие намерения проводились в жизнь тоже с значительным запозданием. В продолжение почти двух месяцев со времени возникновения правительства вредные приказы ген. Родзянко (№№ 12, 13, 14 и т. д.) оставались неприкосновенными, а в Гдове над возобновившим свою деятельность земельным отделом распоряжался гдовский комендант Штейн. Закон о землеустройстве приняли в самый разгар петроградской кампании, когда военные власти менее всего поддавались обузданию. П. А. Богданов в своей записке подробно останавливается на том впечатлении, которое произвел закон на местах.

«Органы военной власти проявили полную растерянность. В то время как агитотдел штаба армии распространял приказ министра земледелия, где было полностью передано постановление 18 октября в виде прокламации, в то время как приказ был расклеен в Ямбурге и Гатчине, в Гдовском уезде он не был опубликован вовсе, ввиду резкого вмешательства командира 2-го армейского корпуса генерала Арсеньева, запретившего заведующему гдовским земельным отделом Зеленскому, через гдовского коменданта полковника Штейна, рассылку этого приказа на места. Мотивы запрещения лишь много позже были изложены Зеленским при личном докладе П. А. Богданову. Они оказались весьма кратки и красочны.

Генерал Арсеньев заявил:

«Какой там приказ министра земледелия. Правительства уже нет, и Богданов повешен».

В ответ на указание П. А. Богданова на недопустимость замалчивания подобного факта (о нем Зеленский донес тогда когда очутился вне пределов досягаемости Арсеньева) Зеленский чистосердечно признался, что боялся репрессий горячего генерала.

В докладной записке о результатах командировки от 5 ноября 1919 года чиновник особых поручений при министре земледелия А. В. Волков так писал о том же инциденте П. А. Богданову:

«Заведующий земельным отделом, по его словам, дважды ходил лично к коменданту г. Штейну и каждый раз получал один и тот же ответ—«приказ этот не следует распространять, так как министерство земледелия, да и все правительство, если уже

не разогнано, то в ближайшие дни будет разогнано», причем в последний раз комендант сослался, что вопрос этот подлежит компетенции штаба 2-го корпуса, находящегося в Гдове».

Получив докладную записку чиновника Волкова, П. А. Богданов через министра внутренних дел в категорической форме потребовал удаления и предания суду коменданта Штейна. Но, увы, это была запоздалая буря в стакане воды—кругом пахло общей катастрофой.

«Как реагировали широкие крестьянские массы на «Положение о земле»—сказать трудно,—говорит Богданов,—ибо последовавшая катастрофа сев.-зап. армии смешала все карты; можно говорить лишь об отдельных вестях с мест: они определенно были положительны и говорили о правильной линии поведения. «Положением о земле» пытались прикрыться от произвола местных комендантов.

Что касается отношения бывших помещиков к опубликованному «Положению», то оно было безусловно отрицательным, ибо оно разбивало их надежды на возврат их земель. Типичным примером в этом отношении является письмо одного из псковских помещиков Б., в котором он сравнивал «Положение» с большевистским декретом о земле и указывал на его гибельность для крупного землевладения».

VIII.

Октябрьское наступление на Петроград ¹.

Все предприятие вызвало в свое время много несбывшихся надежд, вскрыло по той же причине преждевременно некоторые политические карты и обнаружило полную неудовлетворительность помощи армии со стороны тыла.

Прежде всего разыгрались коммерческие аппетиты.

Возникла идея организации русско-эстонского и англо-русского банков. На обоих берегах Финского залива зашевелились ждавшие случаи разные спекулянты. Глядя на них, заволновались и обыватели. Люди, никогда не занимавшиеся торговлей, бросились скупать разные товары, могущие понадобиться в Петрограде, перепродавали их во вторые, третьи руки. Начался форменный спекулятивный ажиотаж, взвинтивший цены в несколько раз против их нормальной стоимости. Из Гельсингфорса и Ревеля эта лихорадка перекинулась в Копенгаген. Почуввав крупную наживу, доявились на нашем горизонте одна-две акулы почти с

¹ В октябре 1919 г., в то время когда деникинская армия достигла наиболее блестящих своих успехов и приближалась к Орлу, белогвардейская армия ген. Юденича также предприняла наступление на Петроград и подошла к нему почти вплотную. Однако, усилиями красного Петрограда, без всякого ослабления других фронтов гражданской войны, Юденичу был нанесен сокрушительный удар, в результате которого его армия вынуждена была очистить всю занятую ею территорию и ликвидироваться, отступив в Эстонию. Мы оставляем в стороне достаточно известную боевую сторону похода Юденича и заимствуем из книги Горна лишь описание «работы тыла» и внебоевой деятельности его армии.—*Сост.*

общеевропейской известностью. «Крылатки» полетели кверху и стали расцениваться значительно выше эстонской марки. К правительству приставали со всех сторон разные гешефтмакеры, агенты, посредники и просто «доброжелатели», наперебой предлагавшие разные проекты, комбинации и просто продукты. Наиболее бесцеремонные, получив отпор, лезли в обход к ген. Юденичу, стараясь «непосредственно с ним» заключить договор на поставку и т. п. При этом, конечно, всячески инсинуировали по адресу отдельных министров, а ген. Юденичу льстили в глаза самым базарным образом, называя его единственным и безапелляционным вершителем всех дел и судеб края, рассчитывая, что генерал вот-вот совсем одуреет от чада этой пряной лести и, как крыловская ворона, обронит «сыр», предмет любви этих патриотов. В числе «доброжелательских» проектов помню один, поданный Утеманом со товарищи, откровенно игнорирующий правительство, базарно-льстящий генерал-диктатору и хвастливо показанный мне самим ген. Юденичем, когда я был у него в Нарве в кабинете. Но в данном случае дело пахло скорее политикой. За спиной Утемана (русского немца, председателя правления Учетного и Ссудного банка в Петербурге) прятались сенатор Иванов (с которым мы разошлись по вопросу о портфелях), г. Тхоржевский (правая рука б. царского министра Кривошеина, домогательство коего поста управляющего канцелярией совета министров в свое время нами было отклонено), г. Бер (живое кадило проживавшего тогда около Гельсингфорса великого князя Кирилла Владимировича), наш неизменный «приятель» профессор Кузьмин-Караваев и «совершенно конспиративно» сам пламенный вдохновитель всей этой разношерстной оппозиции—проф. Карташев. На одного купца приходилось четыре политика—комбинация совсем не коммерческая.

Впрочем, кто тогда не пускался на закупки, всячески конкурируя и без практической надобности развивая параллельную с министерством снабжения и продовольствия деятельность по закупке разных продуктов, всего в 4 часах езды от Ревеля,— в Гельсингфорсе. В моих бумагах, например, имеется некое отношение, коим уже в начале ноября, т. е. после потери Луги и Гатчины и накануне падения Гдова, правительству предлагалось заплатить свыше полумиллиона финских марок за какую-то колбасу, закупленную помимо ведома наших министров, но исключительно «озабочиваясь снабжением Петрограда продовольствием». Покупатели были так называемые «гельсингфорсцы»—уполномоченный Красного креста по Петрограду профессор Цейдлер и председатель комитета по организации городского управления в Петрограде сенатор Иванов. Конкуренция обнаружилась только потому, что Петроград не был взят, армия откатилась назад, а колбаса оказалась, повидимому, неудовлетворительного качества и не принималась контрагентом назад. Не случись первых двух неблагоприятий, платеж в Петрограде произвел бы «генерал-диктатор» (в «дни побед» эти почтенные деятели считали

нас окончательно погребенными), и не пришлось бы вновь иметь дело с северо-западным правительством.

Насколько помню правительство отказалось принять эту запоздалую во всех отношениях колбасу.

Трудно было не заразиться тогдашней горячкой и, чего мудреного, что ею заболели вскоре наши тыловые деятели. Взорванный в августе под Ямбургом мост через реку Лугу управление военных сообщений чинило в течение почти всей петроградской кампании. Благодаря такой черепашной работе армия долгое время не могла перебросить к фронту своих бронепоездов и перекатить танки. Ясно, что управление оказалось неспособно произвести своевременно починку моста. Но это несколько не помешало начальнику того же управления полк. Третьякову, выступить с проектом постройки узкоколейной железной дороги для стратегических целей. Правительству предлагалось заключить многомиллионный договор на совершенно сомнительное предприятие, потому что строить дорогу в условиях гражданской войны могло притти в голову только изобретательным на всякие расходы тыловикам. К несчастью для проектировщиков они так спешили с этим делом, что не успели заручиться хотя бы предварительным согласием ген. Юденича, что подобная дорога действительно понадобится по стратегическим соображениям. Ввиду настойчивого предложения полковника Третьякова, сославшегося на требование ген. Родзянко поспешить с заключением необходимых для этой постройки договоров на различные материалы, договор подвергли критике, а попутно запросили телеграфно ген. Юденича, нужна ли ему на самом деле такая дорога. Ответ убил всю затею в одну минуту.

Из Штаба № 536.

Ревель. Председателю совета министров Лианозову.
58/№ 2/0. Узкоколейная железная дорога для армии совершенно не нужна.
Юденич.

Сорвалось!.. Думаю, что ген. Родзянко поддержал эту нелепую затею только по неимению времени разобраться в ней.

Многоопытный главный интендант, конечно, не делал таких грубых промахов. Он действовал в согласии с начальником снабжения армии ген. Яновым и бил наверняка: ген. Янов (школьный товарищ Юденича) окончательно похитил сердце нашего главковерха.

На страницах этой книги я подробно осведомил читателя о количестве нашей армии и снабжении ее мукой и салом. Доставленных американцами продуктов было вполне достаточно, считая армию даже в 40 тысяч человек, чего в действительности никогда не было. Тыловики, однако, рассудили иначе и на ноябрь месяц потребовали от министерства продовольствия муку и сало для армии на 200 тысяч человек! Ф. Г. Эйшинский, министр продовольствия, вначале думал, что тут произошла ошибка, объясняемая тем, что ведомость составлялась в разгар наших успехов, и военное ведомство, так сказать, заранее учитывало

взятие Петрограда и увеличение после сего размеров нашей армии. Он проектировал поэтому сократить требование интендантов по крайней мере вдвое. Помню, что я как представитель государственного контроля сильно напал в совете министров на Ф. Г. за его излишнюю доверчивость к интендантским акулам и советовал энергично сопротивляться всем дутым требованиям этих господ. Меня поддержали М. С. Мургулиеси П. А. Богданов, но продовольственную смету на 100 тысяч все-таки утвердили. Большинству коллег казалась, очевидно, чудовищной мысль, что военное ведомство могло так обманывать. По настоянию кого-то из нас С. Г. Лианозов тем не менее запросил ген. Юденича, не находит ли он, что цифра 200 тысяч человек чрезмерно преувеличена интендантством? Генерал, видимо, опять смалодушествовал и... поддержал интендантство, в контакте с которым работал начальник снабжения армии ген. Янов. Нижеприводимый документ ясно показывает, чья рука водила пером ген. Юденича, когда он давал свой ответ на запрос правительства: достаточно взглянуть на скрепу бумаги.

Главкомандующий армиями

сев.-зап. фронта

и

военный министр.

6 ноября 1919 г.

№ 2949.

Председателю совета министров

сев.-зап. правительства.

Вследствие телеграммы вашей о том, что главным начальником снабжений фронта была заявлена потребность армии на ноябрь в двести тысяч человек, сообщая, что со своей стороны не нахожу означенную цифру преувеличенной по следующим соображениям: к 26 октября с. г. число едоков увеличилось с 23 тысяч до 90 тысяч, и благодаря дальнейшему продвижению вперед увеличивающееся число едоков не поддается точному учету. Далее, в освобожденных от большевиков местностях производится мобилизация, вследствие чего значительно увеличится общая цифра потребного для армии продовольствия.

Таким образом, потребность заготовки продовольствия на означенно число едоков вполне отвечает настоящей обстановке, о чем и до вожу до вашего сведения ¹.

Генерал от инфантерии Юденич.

Главный начальник снабжений

генерального штаба Генерал-майор Янов.

«Настоящая обстановка» в день подписания бумаги, 6 ноября, ген. Юденичу была известна, конечно, лучше чем нам: мы потеряли к тому времени Гатчину, Лугу, были накануне сдачи Гдова и, разумеется, не производили никакой мобилизации, так как спешно отступали по всему фронту, утратив $\frac{9}{10}$ ранее занятой нами территории. А армии в «90 тысяч» мы не имели даже после взятия Царского Села, ибо в течение всего похода наша армия не превышала 30 тысяч бойцов.

История с покупкой бензина для автомобилей была прямо возмутительна. Нехватка бензина произошла по вине начальника снабжения армии. Он, как я говорил выше, упорно саботировал правительственные органы снабжения, вследствие чего им при-

¹ Подчеркнуто мной.

ходилось ошупью намечать, что необходимо в первую голову для нужд армии. Делалось это с явною целью дискредитировать их деятельность в глазах главнокомандующего, чтобы доказать необходимость самостоятельных закупок за границей непосредственно ген. Яновым. Впоследствии особая ревизионная комиссия детально остановилась на разборе этой аферы. Выяснилась довольно своеобразная деятельность ген. Янова. Зная, что бензин уже закуплен С. Г. Лианозовым и должен в ближайшие дни прибыть в Ревель, ген. Янов вдруг запросил у торгового отдела министерства снабжения бензин в количестве, превышающем раз в 7 действительную потребность, и, так как ответ мог быть только отрицательным, он на другой же день испросил у ген. Юденича чудовищный кредит в 44 517 фун. стерлингов и заказал бензин в Копенгагене. Цена на бензин и притом на ненужную огромную партию, оказалась в 1½ раза выше той, по которой купил через г. Гулькевича С. Г. Лианозов. «Ясно было,—говорилось в одном свидетельском показании комиссии,—что ген. Янов чрезвычайно был заинтересован в том, чтобы ему удалось заказать огромную партию бензина, и заказать не иначе как в Копенгагене».

Мало того, когда лианозовский бензин прибыл уже в Ревель, ген. Янов, спустя продолжительное время, запросил С. Г. Лианозова телеграммой, почему не прибыл обещанный бензин? Произвели быстро проверку, и выяснилось, что бензин давно на месте и что, следовательно, ген. Янов не знал даже того, что творится в его собственном ведомстве.

Так же блестяще ген. Янов пытался закупить аэропланы за границей, валенки и пр. имущество. Все—за спиной и без ведома наших органов снабжения, вступая часто в договоры с людьми явно ненадежными, как, например, американский кап. Мартин, обязавшийся доставить 20 аэропланов, в то время как американское правительство категорически запретило ему вывоз всяких военных материалов, о чем и уведомило г. Гулькевича в Стокгольме.

В числе лиц, допрошенных ревизионной комиссией по делу ген. Янова, был штаб-офицер для поручений при председателе совета министров, полк. Долуханов. Его показание значит в особом рапорте председателю комиссии. Разобрав подробно все приемы деятельности начальника снабжения армии и сообщив относящиеся сюда факты, он резюмирует свой рапорт, между прочим, так:

«Вышеизложенное указывает, как упорно добивался главный начальник снабжения получить в свое полное распоряжение заготовки для армии, как стремился он всячески побороть выставленные ему в этом отношении правительством препятствия, как вводил он для этого в заблуждение главнокомандующего и провоцировал его писать бумаги, явно не отрицающие ни фактическому положению вещей, ни действительной пользе казны».

Правительство, конечно, сильно боролось против своеволия ген. Янова. Еще вначале кампании оно в одном из заседаний вновь подтвердило, что закупки за границей не входят в ком-

петенцию ген. Янова, сообщило это постановление ген. Юденичу и просило его сделать соответствующее внушение ген. Янову.

Не довольствуясь официальными постановлениями, отдельные министры многократно жаловались Юденичу на действия Янова при каждой личной встрече. Ничто не помогало: генерал Юденич либо отмалчивался, либо писал несообразные бумаги под диктовку того же Янова.

А с середины октября подули ветры, грозившие смести само правительство.

Как только обнаружались первые успехи армии, тотчас же усилилось давление на ген. Юденича окружавшей его реакционной клики. К этому присоединились происки гг. «гельсингфорцев»; они начали то и дело снова в Нарву, в ставку главнокомандующего, окутывая свои поездки глубокой тайной. Результаты скоро не замедлили сказаться. Подстрекаемый черными патриотами, генерал сделал два распоряжения, фактически упразднявшие северо-западное правительство на внешнем и внутреннем фронте его деятельности. Особым приказом¹ он объявил всю белую территорию театром военных действий и назначил военным генерал-губернатором ген. Глазенаппа, а находящемуся в Гельсингфорсе ген. Гулевичу телеграфно поручил быть его представителем по всем гражданским и военным делам Северо-западной области. Когда то и другое стало известно, в гельсингфорском стане поднялось неописуемое ликование.

Близорукие политики, окружавшие ген. Юденича, не учли многих вещей, сразу подорвав некоторые из тех корней, которые должны были питать успех нашей армии. И приказ и телеграмма Юденича моментально стали известны прежде всего в Ревеле. На эстонцев они произвели ошеломляющее впечатление. Начался звон в их прессе, а министр Геллат в своей канцелярии при чиновниках откровенно заявил, что северо-западное правительство больше не существует. Правительственные их круги настроились враждебно к ген. Юденичу.

В тот день, когда появился помянутый приказ генерала Юденича в Нарве о Глазенаппе и Гулевиче, ничего не подозревавшее правительство спешно утвердило проект об устройстве гражданского управления в местностях, освобожденных от большевиков, представив чрезвычайные полномочия министру внутренних дел Евсею, проект о первичном устройстве городского самоуправления в Петрограде, поручив провести это коллегии из министров военного, внутренних дел, снабжения и сен. Иванова (о роли которого у ген. Юденича оно еще не знало) и проект об организации продовольственного дела на местах, поручив это в Петрограде восстанавливаемой продовольственной управе, а в уездах—земствам. Но уже в следующие дни, вместо органической работы, пришлось заняться ликвидацией получившегося политического скандала. Евсеев, Пешков, Филиппео все-

¹ Приказ ген. Юденича от 18 окт. 1919 г. за № 268, г. Нарва.

таки выехали для предположенной работы в Нарву, а вслед за ними поехал и я для переговоров с ген. Юденичем.

Переговоры велись дважды—21 и 29 октября. В обоих случаях я старался заставить свидетелями в виде кого-либо из бывших тогда в Нарве министров.

Беседы с ген. Юденичем оказались настолько ответственными, что, по приезде из Нарвы во второй раз, я счел необходимым их оформить в виде официального рапорта на имя председателя совета министров. Ввиду важного на мой взгляд исторического значения этого документа, я привожу его здесь целиком.

Конфиденциально.

Г. Министру, президенту правительства Сев.-зап. области России
государственного контролера
В. Л. Горна.

Рапорт.

В конце октября с. г. я был командирован дважды (21 и 29 октября) в г. Нарву для переговоров от имени правительства с генералом Юденичем для выяснения создавшегося политического положения.

Первая моя беседа с генералом Юденичем происходила дважды, частью в присутствии министров Филиппео и Пешкова, частью Евсеева, причем в обоих случаях к беседе присоединялся адмирал Пилкин, вызывавшийся по инициативе Юденича.

На мой вопрос, остается ли прежним наш политический курс, зафиксированный в декларации правительства, Юденич прямо заявил мне, что «нет, необходима реконструкция правительства». По его мнению, наше правительство должно было исчезнуть с момента входа войск в Петроград, так как это правительство: 1) образовано не так, как правительство Колчака и Деникина, а он, Юденич, ведь, назначен Колчаком, 2) правительство должно быть организовано как совещательное учреждение при нем—Юдениче, 3) настоящее правительство, возглавляемое Лианозовым, не может быть авторитетно, тем более что в состав его входят такие непопулярные в обществе лица, как министры Маргулис и Филиппео, 4) оно имеет крайне позорную историю своего возникновения, как родившееся от незаконной связи ген. Марша с Эстонией,— что для русских людей, а особенно для Петрограда, крайне неприемлемо. Присутствовавший при этом адм. Пилкин добавил, что правительство непопулярно и в военной среде.

На мое указание, что в революционное время не приходится особенно обращать внимание на то, как образовалось правительство, ибо правительства Колчака и Деникина также не выбраны волею народа, а образовались революционным путем при поддержке союзников, а важно то, какие политические обязательства взяло на себя это правительство,—Юденич, а за ним и Пилкин заявили, что в данном случае правительство возникло исключительно под давлением ген. Марша, за что последний будто бы уже и смещен английским правительством.

Тогда я вновь указал, что, не желая спорить на эту тему, я обращаю их внимание, что они не только вошли в это правительство (чего они могли бы не делать, если бы этого не хотели), но и подписали нашу общую к населению декларацию, то есть выдали политический вексель, от которого они ныне, ввиду приближения войск к Петрограду, как будто отказываются.

Генерал Юденич заявил, что он от декларации не отказывается и ее выполнит. Но он по-доброму желает с нами теперь же договориться о перемене правительства по вступлении войск в Петроград. Ни о каких насилиях он не думает.

Я спросил, находит ли он нужным существование правительства до взятия Петрограда и почему он не желает обождать с реконструкцией до вступления нашего правительства в Петроград, когда мы сами передадим наши обязательства более нас достойным людям, так как никто из нас не

думает цепляться за власть и претендовать на роль всероссийских правителей Генерал Юденич ответил, что сейчас сев.-зап. правительство еще очень нужно, а затем против его вступления в Петроград повторил прежние доводы, прибавив, что оно состоит из провинциалов, людей неизвестных столице, между тем как там окажутся люди, более имеющие право, в силу своего страдания и политического значения, на роль правителей России.

На это я указал, что смену правительства и в Петрограде будет сделать легко, ибо мы просто передадим наши портфели более достойным и известным, но зато они примут от нас наши политические обязательства и тем осуществят наши обещания, изложенные нами в декларации. Тогда мне было отвечено адмиралом Пилкиным, что самая преемственность от сев.-зап. правительства позорна и нежелательна. Ген. Юденич молчаливо одобрил этот довод и стал затем меня просить, чтобы мы сами решили, когда наступит нужный момент для исчезновения правительства в его нынешней форме, но обязательно до вступления в Петроград.

Где же тогда гарантия, что декларация сев.-зап. правительства будет соблюдена и по вступлении в Петроград, раз вместо правительства на сцену в Петрограде выступит, как я невольно выразился, военный генерал с совещательными нулями при нем?

Адмирал Пилкин заявил, что они также подписывались под декларацией, и почему я думаю, что они забудут ее. Но в конце концов и Пилкин признал, что гарантии какие-то необходимы, но он их не может указать, хотя остается при прежнем своем мнении, что сев.-зап. правительство должно прекратить свое существование накануне вступления в Петроград.

Тогда я прибег к последнему аргументу. Если настоящее правительство является почему-либо нежелательным, то пусть ген. Юденич теперь же укажет своих более достойных кандидатов, и тогда мы передадим им наши политические обязательства, и пусть они будут называться правительством под другим именем, лишь бы осталась незабываемой наша демократическая платформа, при том, конечно, условии, что они будут гарантировать ее в наших глазах.

Ген. Юденич ответил, что у него пока есть только один Карташев (бывший член Политического совещания, бывшего при Юдениче до образования сев.-зап. правительства), а других нет.

Я ответил, что, при всем моем уважении к Карташеву, я считаю его плохим политиком, который охотно идет на роль совещательного нуля и не желал идти в демократическое правительство, когда это ему в свое время мы предлагали. А теперь, так как нам ничего другого более надежного не предлагают, то я позволю себе назвать предложенный мне план «реконструкции» правительства на совещательных началах изменой декларации и желанием объявить в Петрограде диктатуру ген. Юденича, на что мы, демократы, выдавшие политическое обязательство укрепления демократического режима именно по вступлении в Петроград, никогда добровольно не можем согласиться.

На это ген. Юденич, шутливо отмахиваясь от слов «диктатор», живо возразил мне, что со взятием Петрограда задача сев.-зап. правительства будет ведь исполнена, ибо оно и образовалось только для этого.

«Нет, — ответил я, — взятие Петрограда — только первая часть задачи, а вторая, не менее важная, также предусмотренная в нашей декларации, — укрепление там демократического режима».

Генерал Юденич остался при прежнем своем мнении, а я в итоге беседы вынес убеждение, что Юденич и Пилкин, видимо, желали бы иметь в Петрограде руки развязанными и свободными от каких-либо обязательств по декларации.

На этом беседа моя с ген. Юденичем в первую поездку была окончена. Прощаясь, он сказал, что будет ждать ответа правительства на его предложение.

Затем перед отъездом из Нарвы я имел еще беседу с одним адмиралом Пилкиным на его квартире. Пилкин вновь повторял свои прежние доводы, но характерна такая деталь. Когда он опять сказал, что правительство непопулярно в военной среде, то я просто спросил его, зачем же

в таком случае держаться за него, хотя и один день, раз оно так плохо. Пилкин ответил, что население относится к правительству иначе. Я подхватил этот ответ и добавил, что и военная среда, если смотреть пониже генеральских эполет, смотрит на правительство тоже иначе ¹.

В другой раз и в другом месте тот же В. К. Пилкин на упреки мои в вероломстве генералитета иронически ответил: «А почему люди ваших взглядов не выдвинули своего Троцкого? Пеняйте на себя».

Вторая моя поездка в Нарву к ген. Юденичу состоялась 29 октября по поводу назначения ген. Юденичем, помимо правительства, генералов Глазенаппа и Гулевича на ответственные политические роли. При этой беседе присутствовал министр Пешков.

Я прочел ген. Юденичу выдержку из письма, присланного в Ревель из Гельсингфорса министром Маргулиесом, где последний сообщал о том плохом впечатлении, которое произвело на финнов назначение ген. Гулевича представителем в Финляндии по всем русским делам, а на русской территории передача всех прав по управлению в руки подчиненного ему ген. Глазенаппа. В письме, между прочим, отмечалось, что эти факты рассматриваются, как отказ со стороны Юденича от декларации, что ничего хорошего по взятии Петрограда в смысле политическом не обещает. Прочитав письмо, я заявил, что при таких условиях трудно склонить Финляндию на помощь нам, что ген. Юденичу кто-то подаст очень дурные советы и что необходимо немедленно, во-первых, поместить от его имени опровергающее заявление в газетах, а затем отменить назначение ген. Глазенаппа и Гулевича. С согласия правительства я предложил подписать ген. Юденичу для газет заявление такого содержания: «Во все финляндские и эстонские газеты. Заявление. Ввиду появившихся слухов о том, что мною будто бы упразднено сев.-зап. правительство, членом которого в качестве военного министра состою и я, сим категорически заявляю, что слухи эти ни на чем не основаны. Я попрежнему считаю себя членом этого правительства, признаю и для себя обязательным все его политические заявления и обещания, как изложенные в декларации правительства, так и в отдельных его нотах, и не пытаю решительно никаких агрессивных намерений против своего правительства. Прошу газеты перепечатать это заявление. Военный министр русского сев.-зап. правительства и главнокомандующий армией сев.-зап. фронта генерал от инфантерии (место для подписи), г. Нарва, октября 1919 г.»

Генерал Юденич молча прочитал про себя это заявление, а затем сказал, что не подпишет его. На вопрос — почему, ответил: «да как я могу подписать, когда я уже сказал вам, что характер правления должен быть изменен».

«Но, — возразил я, — ведь это только его мнение, правительство не дало на это согласия, что ведь он не имеет агрессивных намерений против правительства и с чем же не согласен он?» Генерал снова ответил «нет». Тогда я стал читать заявление по пунктам, и он на все пункты сказал: «верно», «верно». — «Так почему же вы не подписываете?» — «А почему все я должен один опровергать?» — сказал ген. Юденич. — «Подпишем в таком случае это заявление всем правительством сообща, изменив соответственно личную редакцию», предложил Пешков. Генерал Юденич и на это не согласился. Также он не дал согласия на издание приказов об отмене полномочий ген. Глазенаппа и Гулевича сказав, что Гулевич будто бы уполномочен им только на военно-технические обязанности в Финляндии. Эта беседа окончательно укрепила меня в агрессивности политических намерений генерала Юденича.

¹ Приведу свидетельство начальника 2й дивизии ген. Ярославцева.

«С образованием с.-з. правительства, — рассказывал мне генерал, — строевые чины надеялись, что оно прекратит все безобразия, творящиеся в тылу. Тогда бы и фронт имел возможность подтянуться. К правительству относились с доверием и хорошим чувством (в массе), Юденич и его штаб, тыл и Глазенапп — конечно, отрицательно».

Все мои доводы, что такое его поведение определено настораживает против нас Эстонию и Финляндию, без помощи которых нам Петрограда не взять, не имели никакого успеха.

Государственный Контролер В. Горн.
5 ноября 1919 года.

Конечно, весь рапорт—лишь сжатая копия происходивших разговоров. Поясню его кое-какими добавлениями, не безынтересными для читателя.

Прежде всего некоторые из задававшихся мной вопросов ген. Юденичу могут показаться теперь читателю наивными. Но необходимо помнить, что в то время вся правая компания сознательно гримировалась под демократизм и обычно тщательно скрывала свое подлинное лицо. Нужно было вывести генерала, как говорится, на чистую воду и с глазу на глаз разъяснить ему все безумие его поведения. Чувствуя свою слабость в диалектическом споре, ген. Юденич, в свою очередь, старался меньше высказываться и сознательно прибегал к содействию своего коллеги адмирала Пилкина, человека тонкого, умного и весьма хитрого. Всякий раз, как я начинал переговоры с генералом Юденичем, адмирал Пилкин мгновенно появлялся в комнате, как из-под земли. Генерал Юденич обыкновенно тотчас же умолкал, и его мысли начинал формулировать адмирал Пилкин. Умный адмирал упустил из виду только одно, что его новые речи явно не вязались с прежними его выступлениями в нашем совете, отличавшимися иногда необыкновенной левизной, и что такая перемена фронта не могла не броситься мне и моим спутникам в глаза.

Опубликованный впоследствии большевиками состав петроградского юденического «правительства» вполне раскрыл весь гробокопательский план. Об участи этих людей скорбели все, в ком была живая душа (большевики расправились с попавшими в их руки коротко), но, прочитав список неудавшегося правительства, мы только покачали головой. Где же эти люди юсобога «политического значения», овеванные ореолом общественного служения имени, известные всей России работники?! Какое-то собрание чиновников, с ярым марковцем в качестве министра внутренних дел при реставрированном диктаторе.

По словам «Петроградской правды» от 23 ноября 1919 г. во главе будущего правительства стоял кадет, профессор технологического института инженер А. Н. Быков. Инженер М. Д. Альбрехт предназначался на ампула министра путей сообщения. Министром финансов намечался С. Ф. Вебер, бывший товарищ министра финансов при царизме и бывший член государственного совета. Морским министром—адмирал Развозов. Просвещения—б. попечитель петербургского учебного округа при царском режиме Воронцов. Министром внутренних дел—Завойко. Министром исповеданий—б. член гельсингфорского совещания А. В. Карташев и петербургским комендантом—б. начальник штаба 7-й армии Люндквист.

С таким составом правительства ген. Юденич мог делать, что хотел, большинство из перечисленных имен не разошлось бы с ним идейно.

IX.

«Грабеж награбленного». Отступление армии.

Грабежи были одной из язв всех белых армий. Наша армия тоже не избежала этого зла, с тою только разницей, что любители поживы здесь преимущественно «грабили награбленное», т. е. национализированное большевиками чужое добро, или вынуждали общественное и государственное имущество. Благодаря такой своеобразной системе, видимости массового грабежа не получалось; грабеж «награбленного» происходил, конечно, исключительно по городам. Деревнями войска в этот поход проходили быстро, брали самое необходимое и редко обижали крестьян. Несколько картин, которые я приведу дальше, покажут читателю, что грабеж производился отнюдь не для удовлетворения элементарных и вопиющих нужд армии, а просто по распушенности нравов и жажде крупной наживы со стороны отдельных военачальников.

«20 октября 1919 г., — рассказывал некто г. Смелков, член Павловской г. родской управы и впоследствии чиновник особой ревизионной комиссии ген. Ярославцева, — 3-я дивизия с.-в. армии, в составе Вятского, Волынского и Даниловского полков, заняла г. Павловск, Петроградской губ. Нашлись люди, которые решили использовать приход белых с целью свести счеты со своими личными врагами, коих оговорили перед белыми, а те без долгих разговоров их перевешали. В числе казненных не было ни одного коммуниста... На следующее утро по приходе белых местное население решило организовать городское самоуправление. Таким образом возникла Павловская городская управа... (на долю рассказчика выпало заведывание полицией). Организовав наспех местную полицию, я послал часть полицейских собирать брошенные красными у станции Павловск 2-й винтовки и другие предметы военного снаряжения, а двух полицейских оставил в помещении управы для окарауливания нижнего этажа, где большевиками было сложено в 5 комнатах реквизированное имущество с социализированных дач. Имущество это, ввиду огромной его ценности, решено было переписать, а затем, по мере возможности, вернуть в владельцам. Там были самые разнообразные вещи из лучших особняков г. Павловска. Опечатав все входные двери в комнаты, где хранилось это имущество, своей именной печатью и поставив снаружи часовых с винтовками, я через несколько часов случайно заметил, что одна из входных дверей открыта настежь и в помещении хозяйничают офицер и солдаты. Со слов дежурного полицейского я узнал, что несколько возов с имуществом уже вывезено ими. На мои и г. Башлягера (другого члена управы) протесты и требование покинуть помещение офицер дерзко возразил нам, что он действует по предписанию штаба 3-й дивизии и более знать никого не желает. По проверке по телефону слова этого офицера не подтвердились. Тогда я обратился к коменданту города, ротмистру Голощапову, который пошептавшись с офицером, куда-то скрылся и ничем нам не помог. Пришлось обратиться за содействием к начальнику гарнизона г. Павловска ген. Дракке, который немедленно явился в управу, прекратил это самовольное расхищение имущества и удалил офицера с солдатами.

Всех вещей, вывезенных этими господами, установить нельзя, так как они выносили вещи в ящиках и успели вывезти до моего прихода, по приказанию полицейского, семь возов. Лично при мне они упаковывали в ящики

шелковые портьеры, чайную и столовую посуду с вензелями Константины Константиновны, один из сервизов, который (на шесть дюжин) оказался разрозненным, так как глубокие тарелки и чашки для бульона остались не вывезенными. Сервиз этот впоследствии я лично видел на вечере в Даниловском флорку, а прочую посуду, старинные скатерти и попоны с вензелями императорской охоты — у начальника 3-й дивизии ген. Ветренко, посуду и скатерти — на квартире, — а попоны на его собственных (?) лошадях. В январе 1920 г. жена моя была свидетельницей продажи Константиновского сервиза офицерами Даниловского полка, причем продавался сервиз в розницу и по такой дешевой цене, что моментально весь оказался распроданным (дивные тарелки продавались по 10 марок штука)... Посланные мною для сборов военного снаряжения полицейские, совместно с железнодорожниками станции Павловск 2-й, собрали с полей около 1 600 винтовок и довольно крупное количество патронов... На неоднократные мои заявления начальнику штаба 3-й дивизии подполковнику Кусакову забрать эти винтовки и патроны, я получал неизменный ответ, что у него нет ни людей ни подвод. Так это оружие и осталось в Павловске... Характерно, что в окрестностях Павловска было реквизировано до 1 000 подвод, на которых вывезено было разнообразное имущество, ничего общего не имеющее с военным снаряжением, как-то: стекла, клей, пилы, масляная краска, печные дверцы, дверные ручки, материя, мебель, столярный клей и многое другое... Большинство его (имущества) находилось в Даниловском полку и продавалось в Нарве. Из разговоров было видно, что из Павловска Даниловским отрядом было вывезено имущество, принадлежащее союзу кооперативов (станции Павловск 2-й), но за достоверность этого не ручаюсь.

Особенно позорным пятном на отдельных чинах армии ложится грабеж гатчинского дворца.

«Кроме того, — читаем мы в совершенно секретном донесении начальнику контрразведывательного отделения от 2-го декабря 1919 года, — получены сообщения, что чинами штаба 1-го стрелкового корпуса из Гатчины было вывезено два или три вагона дворцового имущества, среди которого находится серебряная и иная дворцовая посуда с гербами и вензелями, а также другие ценные вещи. Имущество это разделено между В-ыми, З-ыми и А-ыми, у которого, среди прочих вещей, находится золотой парчи халат. Некоторые из названных лиц спешно распродают доставшееся на их долю имущество, некоторые же хранят»¹.

хищения оказались очень крупные. Имущество долго после похода продавалось в Ревеле, сначала тайно, а потом, когда перешло к перекупщикам, совершенно явно, вплоть до публикации в местных газетах:

Охотничья карета

Александра II

отделана слоновой костью, продается на Б. Розенкранцской, 16, узнать в магазине № 1.

Это откровенное объявление появилось в № 69 ревельских «Последних известий» от 1 ноября 1920 года.

И все же главная масса армии стояла в стороне от всяких грабежей, основное ядро ее было здоровое и долго не поддавалось бактериальному разложению.

Отступление армии от Гатчины до эстонской границы произошло в две недели. Армия пятилась назад, недоумевая, не

¹ В подлиннике названы все фамилии офицеров полностью. Эти же фамилии, между прочим, значатся в списке особой ревизионной комиссии, как лиц, раз навсегда неприемлемых в армии.

видя перед собой врага, голодная. Хозяйственная часть окончательно развалилась, а интендантский грабеж обратно пропорционально рос по мере приближения к Нарве. За отсутствием печеного хлеба солдаты и строевые офицеры питались самодельными блинами, спготовленными у походных костров, а сала часто вовсе не получали, хотя интенданты стали выводить в ведомостях уже по 3½ фунта в день на человека!

Недоедание, однообразная пища и начавшиеся морозы стали подтачивать здоровье солдат. За отступающей армией тащились многочисленные беженцы, плохо одетые, тоже голодные, часто с детьми, на измученных, некормленных деревенских клячах или в товарных без печей вагонах. Беженцы мерли, как мухи, ухудшая и без того тяжелое нравственное состояние армии. Кроме того, самый отход совершался крайне беспорядочно.

«При отходе от Гатчины, войска, по словам ген. Ярославцева, не имея руководящих указаний, отходили в беспорядке. Начальники дивизий ездили к ген. Юденичу в Нарву за инструкциями, но ни он, ни начальник штаба ген. Вандам, ни его коллеги — Малявин и Прюссинг, не знали на что решиться, и отход обратился в беспечное, стихийное отступление».

Но даже потеряв г. Ямбург 14 ноября, армия еще продолжала обороняться на позиции перед Нарвой. «2-я и 3-я дивизии, — говорит ген. Ярославцев, — были вполне боеспособны, и, если бы не враждебные действия эстонцев, могли бы снова оправиться в тылу. Немного хуже обстояло дело в 4-й и 5-й дивизиях, но и они стояли на позиции у деревни Криуши и выносили порядочные бои. Остальные войска отошли в глубокий тыл на территорию Эстонии и были там разоружены эстонцами».

В эстонской армии к этому времени действительно стало нарастать определенно враждебное отношение к нашей северо-западной армии. Разъяренные большевики мечтали заодно свети счеты и с Эстонией. С конца ноября начинаются их яростные атаки на Нарву. Теперь кашу приходит расхлебывать уже эстонской армии, враг грозит ее территории. Большевики бросают на подступы к Нарве отборные части, устраивая в день до 17 лобовых атак. Драться против них очень тяжело, число жертв растет. Непрерывающаяся тайная большевистская агитация коварно шепчет на ухо каждому эстонскому солдату, что виной всему «северо-западники»: из-за них эстонцам вновь приходится проливать кровь, из-за их присутствия в Эстонии и упорства откладывается мир с Советской Россией. Эстонский солдат начинает звереть и враждебно коситься на наших солдат, видя в них единственную причину продолжения войны с большевиками. При встрече с нашими частями эстонцы бранят их, «куррат» (по эстонски — чорт) слышится на каждом шагу. Перешедшие на эстонскую территорию русские части эстонцы без зазрения совести грабят, отнимая обозы, растаскивая снаряжение.

Кое-где столкновения переходят во взаимную рукопашную.

Положение нашей армии двусмысленное и трагическое. В то время как часть ее на эстонской территории подвергается всяким мытарствам и издевательствам, другая — вместе с эстонца-

ми отбивает атаки большевиков в обход Нарве. Наши солдаты начинают недоумевать: борьба бок-о-бок с эстонцами для них теряет всякий смысл. К чему, думается рядовому воину, помогать эстонцам, раз они так враждебно относятся к русской армии? Ведь было несколько случаев, когда, припертые большевиками к эстонской границе, наши солдаты, отступая, натыкались на эстонские пулеметы, оказываясь буквально меж двух огней. Вперед не пробиться, а назад не пускают эстонцы. В результате начиналась деморализация среди наших солдат, против чего строевые офицеры часто бессильны были бороться, ибо сами начинали терять представление о смысле такой борьбы для русской армии.

Справедливость требует сказать, что само эстонское командование попало в этот момент в положение подозреваемого. Общественное мнение и пресса откровенно высказывались за мир с большевиками, а командование вынуждено было напрягать отчаянные усилия, чтобы удержать боеспособность своей армии, потому что текущий день требовал пока борьбы. Для переговоров о мире нужно было время, а враг не ждал и лез вперед. Эстонскому солдату вся ситуация становилась тоже непонятной. В войсках появился ропот. Большевицкая агитация, конечно, и тут не дремала. Ген. Лайдонер счел необходимым издать особый приказ своим войскам.

«Неприятель, — говорил он, — старается всячески использовать это обстоятельство (то есть продолжение борьбы на фронте—В. Г.) и разбить наше войско, чтобы таким образом вполне подчинить нас своей власти. Ведет широкую пропаганду с целью натравить солдат на офицеров и военное начальство, объясняя, что офицеры против окончания войны, потому что после окончания войны у них не будет никаких занятий...»

Генерал Лайдонер объяснял солдатам, что для заключения мира правительству нужно время, оно знает, как трудно вести войну, но пока необходимо воевать, чтобы полнее гарантировать государственное и национальное бытие Эстонии.

«Правительство республики сделает все возможное, что и окончить войну и дать юному государству возможность мирного развития. Можно утверждать, что в настоящий момент надежда на мир обоснована более, чем когда-либо. Что же касается войска, то наше войско в полном составе, от главнокомандующего до рядового, находится в полном распоряжении правительства республики.

Войска, главнокомандование войсками не ведут и не смеют вести самостоятельной политики в вопросе мира или в других вопросах. Разговоры о том, что эстонские офицеры после окончания войны не будут иметь работы, безосновательны. В Эстонии чувствуется большой недостаток в образованных людях. Когда война кончится и офицеры освободятся от военной службы, они без труда найдут занятия в государственных и в частных учреждениях, где они будут материально более обеспечены, чем теперь, получая то маленькое жалованье, какое в силах платить им за военную службу наше юное государство»¹.

При таких условиях вся окружающая обстановка определенно складывалась против дальнейшего существования северо-за-

¹ «Свобода России» № 55 от 21 ноября 1919.

падной армии и ее дальнейших задач в противобольшевистской борьбе. Фактов было слишком много, чтобы крепко задуматься: «что же делать дальше?».

Положение в конце концов стало совершенно невыносимо. К убийственному состоянию армии присоединились душераздирающие сцены гибели несчастных беженцев и их детей, буквально замерзавших в снегу перед проволочными заграждениями Нарвы.

В статье «Свободной России» от 25 ноября «Побольше сердца» льется прямая укоризна по адресу эстонцев; корреспондент апеллирует к чувству простой человечности.

«Не слышно ни шуток, ни смеха, ни даже оживленного говора.

Морозный воздух пронзывается детским плачем, тяжелыми вздохами женщин и стариков, медлительной речью в кучках. Холодно... Люди мерзнут за проволочными заграждениями, а невдалеке поблескивает веселыми огоньками город, дымятся трубы. Там тепло, там не плачут от холода дети, там не сбиваются в кучу зяблые люди. И с завистью и болью в сердце смотрят несчастные изгнанники по ту сторону проволочных заграждений, куда им доступа нет.

И нелепо в душе их рождается вопрос: «Ведь там живут те же люди — почему они не придут к нам на помощь? Неужели им чуждо простое чувство человеколюбия? Неужели «человек человеку — волк», и разница в языках создает столь глубокую грань между людьми? Обидно за человека».

Да, обидно и тяжело наблюдать за страданиями несчастных людей, лишенных крова, превратившихся в бездомных скитальцев. И то бесчувственное отношение, какое наблюдается со стороны людей, находящихся в тепле и уюте, служит отнюдь не к единению, а к созданию дальнейшей розни и затаенной обиды.

Остановитесь, подумайте — ведь все мы люди, никто из нас не застрахован от несчастий в гражданской войне. Побольше сердца, побольше человечности — ведь там за проволочными заграждениями мрут дети, гибнут молодые жизни. Вам неприятен наплыв чужестранцев, они нарушают спокойный ход вашей тихой жизни, врываются в ваши теплые комнаты. Все это неприятно — верю, но бывают моменты, когда простая человечность требует от нас небольших лишений.

Помогите, граждане, свободной Эстонии, русским страдальцам — будущая Россия оценит вашу помощь и не забудет ее»...

Позже и беженцев пустили за проволоку, но сколько было пережито страданий; сколько пролито слез! Много это время оставило царапин на сердце у наших уцелевших солдат и офицеров.

А что же, однако, дальше делать?

Эстонцы думают о мире, наше командование и правительство изыскивают способы для дальнейшей борьбы. Явное взаимное противоречие. Антагонизм со стороны эстонцев усиливается. Под шумок они всеми мерами стараются фактически ликвидировать русскую армию. Наша армия, наконец, вся переходит на эстонскую территорию, и начинается частью добровольное, частью насильственное ее обезоружение. Последние сводки нашего штаба эстонская цензура 26 ноября вовсе выбросила. «Свобода России» поместила свою статью «Черные дни», а на месте сводок зияла большая плешь в газете. В эстонских газетах «Waaba Maa» и «Päewaleht» появились интервью с официальными ли-

нами. Премьер-министр Теннисон, начальник штаба ген. Соотс¹ и министр внутренних дел Геллат единодушно заявляли сотрудникам своих газет, что северо-западное правительство и русская армия с потерей собственной территории, должны ликвидироваться, и что все перешедшие за эстонскую границу русские воинские части будут впредь рассматриваться как беженцы-иностранцы. Г. Геллат заявил, что питание их возьмут на себя союзники, а Эстония займет их лесными и торфяными работами.

Так решили и в таком направлении стали действовать эстонцы. Наше командование да и правительство не скоро примирились с подобной точкой зрения. Официальный приказ генерала Юденича о расформировании северо-западной армии последовал лишь 22 января 1920 года, а до этого момента прилагались все усилия, чтобы продлить существование армии.

¹ Один из офицеров русской армии, сидевших в свое время в быховской тюрьме вместе с ген. Корниловым и Деникиным.

ВРАНГЕЛЕВЩИНА (1920 г.).

КРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ¹.

(По дневникам участников и по документам.)²

Перед началом наступления

(апрель — май).

21 марта 1920 года ген. Деникин, при обстоятельствах, доходивших до глубокого трагизма³ и всем достаточно известных, передал по прямому проводу из Феодосии о передаче им всей

¹ «Архив Русской Революции», т. V, Берлин, 1922 г. *Сост.*

² В основу этой работы положен дневник очевидца.

Запись событий начинается с 23 мая ст. ст., то-есть со дня выхода армии ген. Врангеля из Крыма — с Перекопского перешейка — на простор северной Таврии, и кончается первыми числами рокового ноября, когда штаб ген. Врангеля очутился в водах у Золотого Рога.

Место записи — полевая ставка, иначе говоря, — поезд ген. Врангеля, где в дни операций помещался обычно весь штаб главнокомандующего.

Трагический период с 26 октября ст. ст. по 9 ноября записан находившимися при ставке до последней минуты авторами, имена которых в соответственном месте обозначены.

Считаю своим долгом принести мою глубокую благодарность как им, так и тем лицам командного состава, кои любезно предоставили в мое распоряжение необходимые для работы документы и материалы.

Белград, 29 апреля 1921 г. *Автор.*

³ Ротм. С., дежурный офицер при главнокомандующем, стоявший весьма близко к ген. Деникину, любезно сообщил мне следующие подробности, происшедшего, подробности, имеющие некоторый исторический интерес.

Около 12 ч. ночи 18 марта к ген. Деникину приехал ген. Кутепов, заявивший, что после всего происшедшего в Новороссийске и до него добровольческий корпус не верит больше ген. Деникину так, как верит до сих пор.

Ген. Деникин ответил, что при таких обстоятельствах он слабит в себе власть, и в ту же ночь сделал первые распоряжения о созыве чрезвычайного военного совета.

На следующий день, 19 марта, вестибюль гостиницы «Астория» в Феодосии, где разместился штаб главнокомандующего, был переполнен представителями генералитета, пытавшимися безуспешно убедить ген. Деникина в необходимости изменить свое решение. Ген. Деникин оставался непреклонным. В этот день он почти ни с кем не разговаривал и был крайне бледен.

власти ген. Врангелю. Пожелав новому главнокомандующему успеха в деле воссоздания родины, ген. Деникин в тот же день на английском миноносце покинул пределы России.

Ген. Врангель вступил в исполнение обязанностей правителя и главнокомандующего вооруженными силами Юга России.

Отклонив ноту великобританского правительства, предлагавшего посредничество в вопросе о заключении мира с большевиками, новый главнокомандующий в отданных по армии и флоту приказах выразил уверенность, что он сумеет вывести армию из тяжелого положения «не только с честью, но и с победой».

Одновременно с этим в целом ряде речей, произнесенных в Севастополе и в других городах Крыма перед представителями печати и всевозможными депутациями, ген. Врангель обещал

20 марта в Севастополе состоялся военный совет. По приказанию ген. Деникина командированный в Севастополь ген. штаба полк. А. беспрерывно информировал его о ходе совещания по прямому проводу. 21 марта, как только полк. А. сообщил о выдвинутой советом кандидатуре ген. Врангеля, ген. Деникин подписал краткий приказ о назначении последнего главнокомандующим вооруженными силами Юга России.

В тот же день вечером состоялось прощальное чествование ген. Романовского, во время которого ген. Шепрон-дю-Лоре, быв. адъютант ген. Алексеева и бывший генерал для поручений при ген. Деникине, в взволнованной, прерывавшейся слезами речи сообщил, что, несмотря на все убеждения, решение главнокомандующего осталось прежним и что, таким образом, присутствующие прощаются сейчас не только с ген. Романовским, но и с ген. Деникиным — «последним главнокомандующим», — сказал Шепрон-дю-Лоре, — из бессмертной династии Корниловых, Марковых, Алексеевых».

Ген. Деникин, как и накануне, был крайне молчалив и говорил тихо несколько раз только со своими соседями по столу. Ген. Романовский, наоборот, много шутил и смеялся.

В 2 часа ночи все разошлись.

22 марта в 7 часов вечера бывший Верховный правитель и главнокомандующий, одетый в матерчатый английский плащ, вышел из своего номера. В конце коридора толпилась группа штабных офицеров. Тут же стояли молча дежурный офицер есаул М. и проф. Бернадский. Не замечая их, не замечая как будто никого, ген. Деникин, сделав паискось по коридору несколько шагов, подошел к «быховцу» полк. А. и крепко обнял его.

Вслед за тем ген. Деникин направился сразу к выходу, сел в автомобиль и уехал.

Офицеры бросились в опустевший номер; каждый торопился захватить себе на память что-либо из оставшихся на столе письменных принадлежностей.

«Астория» поразительно напоминала в эту минуту дом, из которого только что вынесли покойника.

В своем номере, уткнувшись в подушку, навзрыд рыдал полк. К., бывший все время штаб-офицером для поручений при ген. Деникине и пожелавший остаться в России.

У входа в коридор стояли попрежнему часовые-конвойцы с бледными испуганными лицами, по-своему истолковывавшие происходившее.

Через четверть часа кто-то распорядился их свести.

По телефону передали, что ген. Деникин, простившись с офицерской ротой охраны ставки (официальное прощание со штабом было еще днем), перешел с берега на английский миноносец и сейчас уезжает за границу.

Спустя немного времени английский миноносец, принявший на свой борт генералов Деникина и Романовского, вышел в море. Одновременно вышел и французский миноносец, на котором находилось несколько лиц свиты, пожелавших разделить участь бывшего главнокомандующего.

в вопросах, касавшихся внутреннего устройства Крыма и России, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности.

Была провозглашена беспощадная борьба с канцелярщиной и рутинной. Началась стремительная замена одних лиц и учреждений другими. Фактически, впрочем, дело свелось лишь к калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних.

Был упразднен знаменитый «Осваг», составивший целую эпоху в период политики Особого совещания, но вместо одного «Освага» расплодилось чуть ли не дюжина маленьких «осважнют», представлявших в подавляющем большинстве случаев скверную карикатуру своего родоначальника.

Началась какая-то лихорадка с подачей на имя главнокомандующего докладных записок, проектов и (конечно!) смет, доказывавших необходимость учреждения новых органов осведомления, пропаганды и т. п.

Политические авантюристы всех рангов и калибров, экс-министры Особого совещания, голодные, оказавшиеся на мели осважники, случайные репортеры вчерашних столичных газет, — все эти дни и ночи напролет сочиняли обеими руками рецепты спасения Ровссии.

В середине апреля месяца, когда казначейство В.С.Ю.Р. выдавало одной рукой последние миллионы потрясающих «ликвидационных» осважному персоналу, оно же другой рукой должно было вскармливать новых младенцев того же, увы, происхождения.

Умер «Осваг», но вместо него в Севастополе и на местах работали:

- a) Пресс-бюро,
- b) Редаготы,
- c) Инфоты,
- d) Осоготы,

e) Политотделы и т. д., и т. д., а на свет божий из куч проектов выглядывали тройками и пятернями «телеграфные агентства», какие-то секретные отделы под литерами (были и такие), журналы толстые, журналы тощие, газеты ежедневные, еженедельные, понедельничные, воскресные, народные, казачьи, рабочие—какие хотите.

Нечего, разумеется, пояснять, что почти весь отважный персонал перекочевал в «новые» учреждения и органы осведомления.

Вся эта публика наперегонки торопилась использовать и скрепнее расположение нового главнокомандующего к печати, атакуя все пороги дворца и чуть ли не вагоны штабного поезда на ходу.

Кредиты на пропаганду и «осведомление» грозили достигь гомерических размеров. Ведомство г. Бернадского возопило о милосердии и осмотрительности. Целый ряд «новорожденных» оказался лишенным необходимого питания. Началась безобразная

борьба за право на собственное существование. Каждый из новорожденных пытался изо всех сил признания его за собою и не стеснялся в выборе средств и способов, как бы половчее подставить ножку своему соседу.

Несомненно, ген. Врангель очень быстро понял, с кем имеет дело, и попытался исправить ошибку. Но людей, которые могли бы помочь ему найти надежный путь к такому исправлению, не было. Персональная чехарда и «ликвидации» не давали в сущности никаких результатов. В частности последние сводились лишь к бесконечным «перебежкам» ликвидируемых под новую вывеску, и были специалисты, которые ухитрялись менять свою кожу по несколько раз в течение одной весны, укладывая ликвидационные во все четыре кармана. Независимая пресса в количестве двух с половиной газет и общественные круги попрежнему держались особняком, и никакие соблазны, вроде льготного или дарового получения бумаги, не помогали.

Отчаявшись в возможности поставить дело рациональным образом, ген. Врангель разрешил его в конце концов чисто по-кавалерийски, отдав свой известный приказ о том, что пропаганда вовсе, повидимому, не нужна, и пусть-де население судит о власти по делам ее.

Редаготы, инфоты, осоготы и иже с ними исчезли с лица земли. Все было заменено опять одним институтом: «Отделом печати при начальнике гражданского управления» — тем же самым бессмертным «Освагом», роковым творцом внутренней политики на территориях «Всюра». Не хватало только подходящего руководителя, но и тот вскоре объявился в лице молодого петербургского чиновника г. Немировича-Данченко, назначенного, как уверяли злые языки, на этот пост исключительно благодаря «очень подходящей фамилии».

Я неслучайно отмечаю, прежде чем перейти непосредственно к дневникам, те факторы, которые доминировали с первых дней в области крымской внутренней политики. Всем отлично известна и памятна та фатальная роль, какую сыграла осважная политическая идеология в до-Новороссийский период гражданской войны. И уже в силу хотя бы одного этого обстоятельства нельзя умолчать, что осважный микроб, самый страшный и, как показала практика, смертельный, не оставил южно-русских вооруженных сил. Даже потрясения последних месяцев 1919 года, даже новороссийская катастрофа не вытравили его до конца. Спрятавшись в самых потайных клеточках организма, он уже с апреля месяца открыто обнаружил себя, принявшись за прежнюю работу — отравляя только что как будто начавшийся процесс оздоровления ядом все той же неизменной лести, прислужничества, не допуская даже мысли о возможности свободной критики действий власти, одурманивая здравый рассудок явно бессовестными измышлениями о соотношении и положении сил своих и противника. На этой-то именно благодатной почве и расцвела позже махровым цветом пагубная чебышевщина, считавшая своим верноподданнейшим долгом петь только дифи-

рамбы, смотреть только сквозь розовые очки, говорить только об обреченности противника, видеть только первоклассные позиции там, где люди знаний и опыта не видали ничего, кроме скверных канав и т. д., и т. д.

Крым могли бы, быть может, спасти честные храбрецы, когда-то имевшие мужество говорить всю правду о неизбежности определенного исхода операции, порученной адм. Рождественскому, но на «последнем клочке русской земли» в 12-й час оказались, увы, в непосредственной близости к главнокомандующему не они. И когда надо было бить во-всю тревогу по поводу «укрепленности» Перекопа, когда, может быть, надо было по примеру противника выкинуть решительные лозунги до призыва «все на постройку укреплений Перекопа!» включительно, когда, может быть, надо было криком кричать о сотнях замороженных трупов, которые доставлялись с фронта в санитарных «теплушках», словом, когда в правде честной, разумной патристической тревоге было все спасение, — казенные оптимисты продолжали свое извечное чуть ли не «шапками закидаем».

Дальше читатель найдет документальные подтверждения вышесказанного, пока же я считаю своим долгом просто отметить лишь живучесть того микроба, который успел сесть на корабль на Новороссийском рейде в кошмарные мартовские дни прошлогодней весны.

Конечно, несправедливо было бы олицетворять его в одном г. Чебышеве, имя которого выше упомянуто как имя наиболее яркого выразителя определенной гибельной идеологии. Лично мне довелось видеть бывшего вдохновителя роковых идей Особого совещания лишь три раза: два раза в частном доме и последний раз в Константинополе, благополучно высадившимся с первого же прибывшего из Севастополя иностранного миноносца и устроившимся там начальником какого-то очередного осведомительного бюро. Никогда в жизни я не имел никаких абсолютно ни личных отношений, ни столкновений с этим человеком, и, определяя сорт и род процветавшего в Крыму особого казенного патриотизма его именем, я руководствуюсь только фактами и документальными данными.

Значительно благополучнее обстояло к началу наступления дело с реорганизацией и перевоспитанием (до известной степени) самой армии. Здесь, в течение крайне незначительного промежутка времени, была закончена с огромной энергией и настойчивостью бесконечно-трудная работа по приведению армии в боеспособное состояние.

Разрозненные, потерявшие после Новороссийска и «сердце» и веру толпы солдат, казаков, а нередко и офицеров были вновь сведены в определенные войсковые соединения, спаянные между собой и общей дисциплиной и доверием к командному составу.

Разгул, хулиганство и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены. И были пресечены несомненно тем подъемом, который сумел создать своими выступлениями и приказами ген. Врангель, а также теми элемен-

тарными мероприятиями по оздоровлению армии, которые стали проводиться решительно в жизнь. Нечего, разумеется, говорить, что под этими мероприятиями меньше всего следует подразумевать фонарную деятельность некоторых генералов, отправлявших на фонари и трамвайные столбы офицеров и солдат старейших добровольческих полков чуть не за каждое разбитое в ресторане стекло, где эти, часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшиеся в эти дни люди искали в вине забвения и дурмана. Деятельность ген. Кутепова в этом направлении достигла в апреле месяце таких размеров, что вызвала решительный протест представителей симферопольского земства и города Симферополя, заявивших, что население лишено возможности посылать своих детей в школы по разукрашенным ген. Кутеповым уллицам.

Но как бы там ни было, справедливость требует отметить, что стихийная разнузданность, царившая в тылу в начале весны, к концу ее была сведена почти на-нет.

20 мая, за три дня до выхода из Крыма, ген. Врангель приказал широко опубликовать следующих два приказа (точнее—приказ и обращение):

1-й

Приказ правителя и главнокомандующего вооруженными силами на юге России.

20 мая 1920 года, № 3226, г. Севастополь.

Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и поля в устроении государства!

Земле — волею народа поставленный Хозяин!

Да благословит нас бог!

Генерал Врангель.

2-й, озаглавленный:

Слушайте русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе

ХОЗЯИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти родину.

Генерал Врангель.

Приказ и обращение произвели бесспорно сильное впечатление.

Много толков и споров вызвало, правда, толкование слова «хозяин», но последовавшие вскоре дополнительные тексты аналогичных обращений к населению, где это, слово определенно уже трактовалось как выборная, общепризнанная народная власть, охладило значительно одних и успокоило других.

В ночь на 24 мая обновленная, реорганизованная армия перешла в решительное наступление, веря, что идет не на безумное, заранее проигранное дело, а ради спасения родины, во имя самой, быть может, мировой цивилизации, поддержка которой ей во всяком случае обеспечена. Не в одних только платонических комплиментах визитеров из Парижа.

С этой уверенностью тысячи молодых, цветущих жизнью ринулись неудержимо вперед через валы древнего Перекопа и Сивашские озера.

Дальше предоставляю место своим дневникам.

Первая поездка.

(23 мая — 20 июня.)

Выход из Крыма.

28 мая.

В 10 часов утра опубликовано официальное сообщение о взятии Мелитополя.

В полдень узнал о серьезной нашей неудаче в районе Ново-Алексеевки.

Отряд красных атаковал внезапно это селение, занятое Чеченской бригадой ген. Ревизиона. Штаб бригады частью изрублен, частью увезен на автомобилях во главе с самим Ревизиным. Двое его сыновей-мальчуганов хотели сесть с отцом в автомобиль, но красные их выбросили, спаслось лишь 7 человек. Положение восстановлено только сейчас.

Дроздовцы и марковцы продолжают нести очень серьезные потери. По сведениям из штаба корпуса Кутепова корпус за три дня наступления потерял до 23 % своего состава. Кроме того, мы потеряли 4 броневедомости, компенсировав, впрочем, эту потерю хорошим исправным бронепоездом, захваченным Слащевым.

До вечера — упорные бои.

В 4 часа дня главком уехал в своем составе в Севастополь. Ставка осталась. За главкома — Шатилов.

Вечером ротмистр С., Ал. К. и я вспоминали, в связи со слухами о шпионаже в ставке, историю «Строев — генштаб — ротмистр кн. К.».

Еще из эпохи Деникина и Тихорецкой.

Узнал любопытные подробности: оказывается свыше 80 % офицеров генерального штаба действительно на службе у советской власти. Строев был у них авиаглавом. Опустился он под Тихорецкой в наше расположение несомненно по ошибке, так как наши акции в те дни с неудержимой быстротой катились

уже к Новороссийску, и никаких надежд на исправление дел у Строева быть не могло. Да и он сам не скрывал происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели в поезд ставки и ввели в вагон оперативного отделения, некоторые офицеры генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встретили его оживленными восклицаниями, а капитан Г. даже бросился ему на шею. Делу был придан такой вид, будто Строев опустился к нам нарочно.

Ротмистр кн. К. (офицер для поручений при ген. Деникине), ошеломленный происшедшим, допустил несколько очень резких выражений по адресу генштаба. Об инциденте доложили ген. Деникину, указав, что Строев опустился нарочно. Ген. Деникин тотчас же уволил 70-летнего князя К. без прощения. Позже вина Строева была доказана.

...Договорились до того, что и теперь в ставке «что-то неладно». История с ревишинской бригадой очень подозрительная, хотя могло выдать и само население. Чеченцы с места в карьер принялись за старое—за грабежи.

31 мая.

2 час. дня. Радио о занятии красными Киева. Скверно дело. Если у поляков так пойдет дальше, то... стоило ли нам выходить из Крыма?.. Полное «аннулирование» наших успехов; повторение прошлогодней истории, когда думали соединиться с Колчаком.

Вечером беседовал с нашим офицером-перебежчиком, лично известным генерал-квартирмейстеру.

Откровенно говорит, что в конечном итоге мы едва ли можем рассчитывать на победу. Слишком разогрет классовый антагонизм (у нас, конечно, пропаганды ни на полушку!), слишком велико численное превосходство.

Настроение вечером скверное. Все время в голове Киев. Красные обстреливают Мелитополь. Безрезультатно.

2 июня.

Утром слушал показания наших офицеров-перебежчиков и агентов разведки, бывших у красных.

Впечатление самое безотрадное.

Говорят, никаких восстаний на юге сейчас нет (а наши газеты-то, а «Вел. Россия» пекут их, что твои блины!). Об особенных насилиях над простым населением тоже ничего не слышно.

О нашей армии население сохранило везде определенное скверное воспоминание и называют ее не Добрармией, а «граббармией». На Кубани и в Новороссийске сдалось в общей сложности 10 000 офицеров. Почти все якобы живы. Советская власть будто бы прилагает все усилия, чтобы привлечь их на свою сторону. Многие уже служат в красных армиях. Ведущих, впрочем, агитацию против большевиков беспощадно расстреливают.

Днем слышал опять жалобы на грабежи и бесчинства казаков. Тащат везде лошадей. Командиры частей ничего не могут поделать, хотя были даже случаи, что стреляли из револьверов.

Главком, между прочим, приказал немедленно устранять от должности командиров частей, где обнаружены бесчинства.

4 июня.

Главнокомандующий впервые ездил в освобожденный Мелитополь. Прибыл под вечер и со станции проехал на автомобиле в церковь. На улицах было немало народу. Многие кричали «ура», хотя большинство населения все еще не верит своему извращению и, опасаясь возвращения красных, боятся даже открыто высказываться. ☞

Слышавшие речь главкома, которую он произнес с паперти к народу, утверждают, что он очень резко говорил об еврейском засилии и обещал вырвать народ из рук евреев.

8 июня.

Утром главком принимал главного военно-морского прокурора Ронжина и громко возмущался грабежами казаков. Главком требовал беспощадной расправы над всеми начальниками частей, не сумевшими справиться с грабителями. О полк. Н. и, кажется, о Г. было сказано:

— Повесьте их там...

Через час был прием донского атамана. К этому времени на перроне появилась как раз группа крестьян с жалобами на донцов. Все на почве самовольных «реквизиций» коней. Разыгрывается целая трагедия. Обезлошаденные после Новороссийска донцы считают своей первейшей задачей в новом походе добыть себе коня. Главком через хорунжего П. предложил крестьянам обратиться непосредственно к атаману. Адьютант атамана есаул Я. долго и угрюмо читал их прошения.

Мелитопольский период.

10 июня.

В 9 часов утра главнокомандующий уехал на фронт к Слашеву.

Приехавшие со штабом разбрелись по городу, отстоящему от станции на три версты. Пробуем определить отношение населения крестьян: конечно, оно далеко от осважновосторженного. Очень далеко. Если не обманывает первое впечатление, отношение просто безразличное—как к очередной новой власти. А сколько этих властей уже перевидало здесь население?!.. Да и любить нас пока как будто не за что: о земельном законе три четверти населения не имеет еще и представления, а вот цены на продукты с нашим приходом вскочили во много раз. К тому же с места в карьер объявили мобилизацию. Интересно знать, какие она даст результаты. Несомненно, это крайний шаг, на который заставила нас решиться острая необходимость: армия, в особенности 1-й (Добровольческий) корпус тает с жуткой быстротой и, разумеется, только по «Вел. России» etc. мы совершаем не отчаянно, быть может, рискованный поход, а какой-то триумфальный Spaziergang. Эти господа или ничего не смыслят, или негодяи. Среднего ничего быть не может. *

Сегодня вышел здесь 1-й номер нашей полувоенной газеты «Голос Фронта». Цена пятьдесят рублей. Неделю тому назад

советские «Известия» в 4 больших странички продавались здесь по полтора-два рубля за номер. Отпечатан на лоскутке бумаги и бессодержателен, как и вся наша казенная пропаганда. Население от такой цены шарахается в сторону.

О внутренней политике и о тыле.

Еще 11 апреля, вскоре после принятия на себя обязанностей главнокомандующего, ген. Врангель в беседе с сотрудником одной из газет («Вечерн. Времени») обрисовал программу своей предстоящей деятельности в области внутренней политики. Беседа эта была циркулярно передана всей печати, чем, так сказать, закреплялось ее декларационное значение.

В беседе этой ген. Врангель решительно подчеркнул:

«При разрешении вопросов внутренней жизни я намерен обращаться к помощи общественности». И далее: «Политика будет внепартийной. Я должен объединить все народные силы. Значительно будет упрощено мною управление страны, а сотрудники будут выбираться не из людей партий, а из людей дела. Не будет разделения на монархистов и республиканцев, а приниматься будут во внимание лишь знание и труд».

Спустя некоторое время после этого заявления во главе южно-русского кабинета был поставлен статс-секретарь д. т. с. А. В. Кривошеин, ведомство внутренних дел (с отделами просвещения и печати) было поручено д. с. с. Тверскому и ведомство земледелия—тайн. сов. сенатору Глинке. При этих трех лицах состоял значительный штат видных петербургских чиновников дофевральской эпохи.

В какой же мере и степени согласовалась деятельность всех этих лиц с программой, торжественно объявленной ген. Врангелем?

Краеугольным камнем этой программы, как известно, ген. Врангель считал земельный закон. Никто не станет оспаривать значения этой реформы, о достоинствах или недостатках которой говорить здесь не место.

Но как же, каким образом проводилась в жизнь эта важнейшая реформа?

Еще за три недели до опубликования земельного закона в газетах появилось «интервью» с сен. Глинкой, высказывавшим свои взгляды на значение реформы. Интервью в кавычках, так как de facto это была довольно обширная статья, собственно-ручно от начала до конца написанная г. Глинкой. Статья была передана в Симферополе одному доверенному лицу с просьбой распространить копии ее в печати под видом интервью. Это было исполнено, хотя и не до конца. Дело в том, что цензура наложила решительное вето на самые эффектные места «интервью». Эффект же заключается в априорном утверждении министром земледелия мысли, что цена всей реформе, собственно говоря, медный грош до тех пор, пока она не будет санкционирована «всеобъемлющей царской властью» и доколе не будет на Руси

«ее державного хозяина». Эти два ярких места вышли в газетах плешивыми, т. е. попросту были вычеркнуты цензурой.

Не касаясь совершенно вопроса о том, насколько тактично было, после декларации ген. Врангеля, предопределять форму правления, не разбирая также, насколько остроумно это было даже с точки зрения интересов самих монархистов, нельзя здесь не обратить внимания вот на что.

Главкомандующий во всеуслышание заявляет, что в его правительстве не будет людей партии, но будут лишь люди дела.

Ровно через две недели после этого министр, член правительства, высказывает суждения, имеющие как будто более чем условное отношение к делу.

Но и это еще полбеды. Суждения высказаны министром—представителем высшей государственной власти, и, следовательно казалось бы, обязательны для всех органов этой власти. Так нет же—рядовой провинциальный цензор преспокойно черкает их карандашом, а читающая публика, шутя, восстанавливает выброшенное.

Я нарочно привел именно этот эпизод, чтобы наглядно иллюстрировать тех лебедя, рака да шуку, которые запряглись с самого начала везти злополучный воз крымской внутренней политики.

К этому должно добавить, что игра со словом «хозяин» была в те дни особенно рискованна. В политической части штаба уже было составлено за подписью главнокомандующего особое обращение к населению, где это слово было набрано шрифтом, превышавшим шрифт остального текста во много раз. Неясность этого обращения и всевозможные толки, зародившиеся вокруг него, как я уже упоминал, заставили впоследствии ген. Врангеля—в более поздних своих выступлениях—разъяснить это слово как понятие о всенародной выборной власти.

Положительно бесподобно обстояло дело с распространением закона по его изданию.

Казалось, вся логика вещей с абсолютной очевидностью показывала, что закон необходимо обратить в свой главный козырь. Казалось, что деревня будет ознакомлена во всех деталях с земельной реформой.

Фактически же дело свелось к напечатанию (в далеко не достаточном количестве экземпляров) самого текста закона со штампом: «цена 100 рублей». Это—после бесплатной советской пропаганды, после стоимости советских газет в 1½—3 рубля за номер.

Не поручусь за достоверность, но в ставке утверждали, что инициатива этой платной пропаганды принадлежит не более и не менее, как г. Кривошеину, и что будто бы генерал Врангель был против этого. Как бы там ни было, но это не могло быть сделано без ведома высшей власти.

В результате население не только не было проникнуто сознанием о благах и выгодах реформы, но в подавляющем большинстве случаев даже не имело о ней сколько-нибудь достаточ-

ного представления. Правда, казеннокоштная печать, во главе с «Россией», уверяла, что работа идет полным темпом, что население видит в ген. Врангеле чуть ли не второго царя-освободителя и т. д., но все это было бесконечно далеко от истины, крупицы которой, если они и были, тонули в облаках фимиама. 1—4 сентября, уже на пороге осени, во время поездки ген. Врангеля по всей линии фронта, лица, его сопровождавшие, могли убедиться, как мало сделано фактически на местах, как слаба вера крестьян в долговечность закона, какой незначительный процент населения осведомлен о нем, и как сплешь да рядом неудачны и рутинны действия чиновников, разъясняявших и проводивших реформу по-своему—со всей неизбывной волокитей и формалистикой.

И, несмотря на всю лесть и ложь, окружавшие его, ген. Врангель все же догадывался иногда об истине и в такие минуты выходил из себя.

Для того, чтобы не быть в своих заключениях голословным и для того, чтобы показать, каково было истинное положение вещей и отношение к нему ген. Врангеля, я позволю себе привести лишь краткую выдержку из своего дневника, содержащую запись характерно-эпизодического события, о котором в свое время говорили в ставке немало. Вот она:

2 июня.

«В 5 часов вечера главнокомандующий беседовал с генерал-квартирмейстером в его вагоне по поводу проведения в жизни земельного закона. Деятельность Тверского и его ведомства приводит главнокома в отчаяние. Какие-то разъяснения или толкования этого закона, допущенные Тверским, вызвали целые громы и молнии.

Обращаясь к ген. Коновалову, главнокомандующий положительно кричал своим громовым голосом на весь поезд генкварма:

— Где же мне взять честных, толковых людей? Где они, Герман Иванович?!.. Где их, наконец, найти?!.. Где?!

Переходя к вопросу об общем положении печати как к фактору, наиболее ярко характеризующему всякую внутреннюю политику, должно заметить, что оно было в Крыму далеко не равноправным.

Существовавшие органы печати могут быть разделены на три категории:

1) военный официоз, каковым считался «Военный Голос» и отчасти прекрасная казачья газета «Сполох» в Мелитополе;

2) независимая печать («Крымский Вестник» и «Юг России» и в течение короткого промежутка времени несколько других газет);

3) казеннокоштная печать (вся остальная).

Военный официоз—в лице «Военн. Голоса»—считался таковым лишь номинально, если считать, что задачи официоза не ограничиваются печатанием казенных объявлений и приказов. Факти-

чески редакция его в лице ген. Залесского вела бесконечную упорную борьбу против загромождения трех четвертей каждого номера сотнями приказов о производствах в следующий чин и объявлениями о торгах на гнилую интендантскую картошку. Не было никакой возможности убедить власть имущих, что бессмысленно и преступно тратить ежемесячно миллионы на печатание перечней фамилий, когда проще и много дешевле печатать периодически эти перечни в отдельных выпусках. Беспокойная деятельность ген. Залесского привела в конечном итоге к освобождению его от редактирования «Военн. Голоса» с почетным, впрочем, формально повышением. Лишь преемнику его, ген. шт. полк. Пронину, удалось придать газете вид действительно газеты, а не исходящего журнала наградной части.

Печать, не получавшая казенных субсидий, была предоставлена в смысле преодолевания всех технических затруднений (бумага, краска, шрифты) сама себе. Ей был предоставлен один лишь удел—бесконечная борьба с глупой, злобной цензурой. Деятельность крымских цензоров—сплошной сборник веселых анекдотов. Последнее время убеждать в чем-либо цензоров никто не пытался. Газеты просто «ловчили», стараясь как-нибудь провести приставленных к ним черберов.

Один из редакторов дошел до того, что, получив от цензора разрешение на помещение выдержек из иностранных органов печати, снабжал все сомнительные заметки ссылкой «Л. П.», что должно было обозначать название какой-то грузинской газеты, в действительности же означало начальные буквы, слов—«ловко провел».

Иногда конфликты между цензурой и печатью принимали острый характер.

В этом отношении любопытна история столкновения Арк. Аверченко с Тверским и Данченко.

Г. Тверской закрыл газету «Юг России» (издание сотрудников «Русского Слова»), во главе которой стоял А. Т. Аверченко.

Закрытие было объявлено временным—на три, кажется, недели, в виде кары за неисполнение правил цензуры.

Так как единственным материалом, прошедшим в газете без цензуры, была коротенькая хроникерская заметка о приезде кого-то из чинов французской миссии, помещенная по просьбе этой миссии, то редакция сообщила о происшедшем французам.

Те выразили свое крайнее недоумение, каким образом при демократическом кабинете г. Кривошеина возможно что-либо подобное.

Одновременно А. Т. Аверченко посетил ген. Врангеля, которому поднес свою последнюю как раз вышедшую книгу со следующей надписью (воспроизвожу на память):

«В знак моего глубокого уважения лично к вам прошу вас принять на добрую память мою лебединую песнь. После закрытия моей газеты не могу оставаться в Крыму и уезжаю за границу».

Ген. Врангель приказал генералу для поручений ген. А. посетить Аверченко, благодарить его за книгу и сообщить, что

им уже отдан приказ о разрешении «Югу России» выходить вновь.

Приказ был действительно отдан, но... власти, возглавлявшиеся г. Тверским, ухитрились оттянуть исполнение его еще на два дня.

Спустя день или два ген. Врангель лично беседовал с Аверченко у себя во дворце. Вскоре после беседы стало известно об отставке Данченко.

Таково было положение «своекоштной» печати.

Не в пример ей казеннокоштная как сыр в масле каталась.

К ее услугам были все виды легальных и нелегальных субсидий.

В двух словах субсидии эти сводились, главным образом к следующему:

- 1) к выдаче бесплатно бумаги;
- 2) к гарантированию обязательными подписчиками;
- 3) к реквизиции типографии или машин;
- 4) к снабжению деньгами.

Первый способ был самым распространенным. Последующие три были уделом наиболее ловких и способных издателей.

За исключением двух-трех отмеченных выше газет, все остальная печать жила на счет ведомства г. Тверского, а иногда и на разные специальные суммы.

Нельзя сказать, чтобы среди этой печати вовсе не было сколько-нибудь чистоплотных изданий. Исключения, конечно, были, но en masse вся голодная стая на редкость малочтенных гг. редакторов-издателей этих газет изошрялась только в том, как бы заслужить благоволение начальства, а иногда даже того или иного генерала. Были газеты «Кутеповские», «Слащевские» и т. д. Из всей этой газетной братии я считаю своим долгом выделить одну газету, пользовавшуюся широкой поддержкой казны, но никогда, кажется, не занимавшуюся прислужничеством и каждением фиама. Это—симферопольский «Крестьянский Путь». Не зная совершенно, кто работал в этой газете, я все же не могу не выделить ее руководителей из числа остальных. Независимо держалось и «Веч. Время» Б. А. Суворина, подвергавшееся несколько раз конфискации и штрафам.

Сплошным олицетворением лести и прислужничества была бесспорно чебышевско-шульгинская «Великая Россия», пользовавшаяся особым благоволением ген. Врангеля и сыгравшая, как и при ген. Деникине, фатальную роль своим специфическим оптимизмом до последней минуты.

Едва ли можно представить себе без особого полета фантазии те гомерические цифры, определяющие суммы расходов, в которых выражались траты на содержание всей этой пр...равнойсь-прессы.

Сомнительно, чтобы дело ограничивалось одними миллионами, когда издания лишь одного г-на Чебышева и через него устраивавшиеся поглощали одновременно миллионные ссуды.

Все эти колоссальные траты на содержание органов пропаганды могли бы, разумеется, иметь свое оправдание, если бы они производились: а) на издание газет, доступных, по крайней мере, для массы населения, и б) при условии принятия на себя издателями обязательств выпускать и распространять их в достаточном количестве.

Что же было в действительности?

Всем, жившим в Крыму, отлично известно, что 1) цены на газеты возросли к осени до одной тысячи рублей за номер в половину нормального листа (при цене советских 1½—3 рубля) и 2) семь восьмых их читались за чашкой утреннего кофе, так как были написаны языком, едва ли доступным для простого народа. Все это поразительно напоминало прошлогоднюю пропаганду исключительно в залах и буфетах 1-го класса.

Еще великолепней обстояло дело с распространением этих органов. По официальным сведениям, затребованным ставкой в июне месяце, все получавшиеся ежедневно на фронте газеты распределялись следующим образом:

1-й корпус	485 экз.	
2-й корпус	565 »	(через день)
Конный	330 »	
Донской	270 »	

Всего, следовательно, 1 650 экземпляров¹, на весь фронт, на всю армию со штабами! Если вычесть из этого количества добрую половину, оседавшую в канцеляриях, у писарей и т. д., то станет понятным, почему люди, сидевшие в окопах, получали харьковские и московские газеты раньше севастопольских, а в деревнях в августе расклеивались майские номера.

О какой-нибудь налаженности экспедиторского аппарата говорить не приходится вовсе.

Служба связи штаба главнокомандующего распределяла как умела, получавшиеся в аптекарских дозах отписки земельного закона, кое-какие (раза два, кажется) прокламации, газеты, но в сущности прав был ген. штаба полк. П.—начальник связи штаглава, говоривший: При чем мы тут?.. Почему это я должен возиться еще с газетами?..

Особого распределительного органа не существовало.

И на это все тратились те десятки и сотни миллионов, которых было и без того в обрез.

В некоторых случаях усердие казеннокоштной печати не знало предела.

— Махно—разбойник, говорила власть, и газеты были полны описаниями зверств махновцев.

— Махно—народная стихия, решали вдруг силу имущие и... г. Бурнакин выступал с передовой «Да здравствует Махно!».

Кстати о махновцах. Был момент, когда ставка на этих господ была в большой моде. В реальном отношении все расчеты

¹ Из официальной телеграммы-справки на имя начсвязьглава.

на повстанцев дальше дававшихся им заданий по порче путей и мостов не могли идти. Несколько раз, во время стоянки поезда ген. Врангеля в Мелитополе, в поезд приезжали группами по 3—4 человека более чем сомнительные камышевые «батьки» в кожаных тужурках, подпоясанные то алыми, то зелеными шарфами и обязательно до зубов вооруженные целыми коллекциями автоматических пистолетов. «Батьки» шагали из доставлявших их штабных автомобилей прямо через дверцы, вызывая своим видом крайнее смущение у чинов генштаба, советовавшихся конфиденциально—«подавать им руку или нет». Все чувствовали себя определенно неловко; и ни та ни другая сторона друг другу слишком не доверяли. Повторяю, что реальное значение их (если исключить фантастические перспективы) было совершенно ничтожным.

Однако газеты г-на Данченко в своем повстанческом упоении доходили до того, что носились, как с писанной торбой, даже с теми «батьками», о которых в штабе уже имелись лаконические телеграммы—«приговор над (таким-то) приведен в исполнение тогда-то». Так было с весьма, если не ошибаюсь, модным осенью «атаманом» Володиным, казненным по приговору военно-полевого суда за будто бы доказанное пособничество большевикам.

Наконец, верхом чьего-то усердия и верхом наглости были явно вымышленные сводки штаба Махно, усердно печатавшиеся всей усердной прессой. В «сводках» сообщалось о занятии Махно Екатеринослава, Сидельникова, Лозовой, Кременчуга, Полтавы и чуть ли не Харькова. Сводки демонстрировались в Севастополе на Нахимовском с экрана, собирая целые толпы бессовестно околпачиваемого люда. Излишне, само собой, говорить, что никакой связи с мифическим штабом Махно у нас не существовало. Безобразие было прекращено лишь по решительному требованию генерала Коновалова.

Так завязывался с каждым днем все туже и туже узел лжи, лести, самообмана. Эта ложь, лесть и самооколпачивание в особенности были наиболее губительными в истории изображения взаимоотношений ген. Врангеля с поляками и с так называемыми союзниками. Иллюзии в этой области оказались таким же смертельным ядом, как и доброхотное чебышевское строительство перекопских твердынь.

Третья поездка.

(17—26 августа.)

Кубанский десант.

Еще самые первые дни наступления, как отмечалось в записи моей от 25 мая, вырвали из боевого комплекта Добровольческого корпуса (позже—1-й армии) свыше 23% всех людей, причем погибло и выбыло из строя более половины кадрового командного состава.

Начиная с этого времени, старые добровольческие полки находились в беспрестанных почти боях. Были части, отдохавшие в резерве меньше недели, были не знавшие даже этого. Полки таяли с быстротой, не находившейся ни в какой пропорции с притоком мобилизованных внутри Крыма и в северной Таврии.

К началу июля месяца свыше 80% боевого солдатского состава было пополнено из среды бывших пленных красноармейцев. Дрались они, правда, по отзывам очевидцев отлично, но легко себе представить, насколько соответствовал такой способ пополнения идейной и правовой стороне дела.

Все это, как и полагалось, тщательно скрывалось. По «Вел. Россиям» etc. выходило, что потери нес один противник, а у нас как это описывается в старой французской эпиграмме (составленной на донесения вел. князя Николая Николаевича-старшего), у нас после каждого боя рождался еще «маленький казак» (petit kosak).

Этот «маленький казак», эта обязательная, всенепременная прибыль, вместо неполагающегося убытка, преподносилась неизменно казеннокоштной прессой населению Крыма. Так же точно информировалась и заграница. «Панических воплей» о страшных жертвах, которые несет героически армия, о долге тех, кто сочувствует армии возместить эти жертвы, воплей, которыми наполнялись в нужные минуты советские газеты, в Крыму слышно не было. Да их и не могло быть: всякая попытка правдиво описать быт фронта пресекалась железной лапой цензуры, ряды которой сплошь почти состояли из анекдотических персонажей. Все должно было обстоять гладко и по принципу—«никаких происшествий не случилось».

А происшествия, полные неизбежного трагизма и самопожертвования, шли своим чередом. Ряды бойцов таяли и таяли.

Увы, эта жуткая истина скрывалась в редких шифрованных депешах, отправлявшихся с фронта на имя лиц высшего командного состава, депешах, бывших достоинством немногих.

В одной из таких депеш ген. Кутепов еще в середине лета телеграфировал непосредственно генералу Врангелю о полном почти уничтожении кадрового состава добровольческих полков, о пополнении их исключительно пленными красноармейцами, о низком культурном уровне присылаемых на укомплектование из тыла офицеров. Ген. Кутепов обращал внимание главнокомандующего, что такое положение вещей грозит самыми серьезными последствиями, и решительно настаивал на немедленном отправлении из Крыма всех, подлежащих мобилизации, требуя суровых и беспощадных мер воздействия против уклоняющихся.

Телеграмма ген. Кутепова не была единственной.

Но командование, связанное по рукам и ногам непрекращающимися боями, лишено было фактически возможности изменить создавшееся положение.

Части несли потери все большие и большие и перебрасывались в разные места фронта все чаще и чаще.

Становилось ясным, что такая стратегия Тришкина кафтана

рано или поздно до добра не доведет, если.. не вывезет какой-нибудь отчаянно смелое «авось».

Таким «авось» и были по очереди операции—кубанская, за-днепровская и последняя на территории северной Таврии.

Первая же из них обещала теоретически необходимые, как воздух и вода, пополнения, не говоря уже о других широких заманчивых перспективах.

Почти до самого дня отправки кубанского десанта эта теория подкреплялась, к сожалению, еще и радужными, но.. абсолютно не точными разведывательными данными. Эти-то данные позволили в свое время командному составу армии считать кубанскую операцию—операцией нормального, в условиях гражданской войны, порядка, а не авантюрой. Определение ее как авантюры вызывает и сейчас решительные протесты со стороны многих специалистов военного искусства.

Предоставляем читателю, сделав свои выводы, принять ту или другую точку зрения. С словом «авось», упомянутым выше, в отношении его к кубанской операции, не должно во всяком случае связывать понятие о беспорочной аванюре.

Перехожу к фактической стороне дела.

9 августа полевая ставка главного командования прибыла из Севастополя в Керчь для непосредственного руководства кубанской операцией.

Промежуток времени от начала высадки десанта до 17 августа не отмечен, к сожалению, в моих дневниках, так как при выезде ставки я находился вне Севастополя и приехал в Керчь лишь 17-го утром.

Что же произошло в этот промежуток времени?

Записываю со слов лица, отлично осведомленного во всем происшедшем и занимавшего видное положение в ставке.

Главные силы десанта, как известно, вышли из Керчи. Выходу предшествовала самая откровенная шумиха, открытые разговоры и чуть ли не газетные статьи. Кубанские казаки отправлялись в десант со всем скарбом, и в некоторых случаях даже с семьями, уверенные, что отправляются «по домам». С ними на судах находились члены Рады, краевого правительства, атаман и видные кубанские общественные деятели. Самые элементарные требования, касающиеся охранения военной тайны, были забыты.

Доходило до того, что офицерам и солдатам, уроженцам Кубани, была предоставлена возможность открыто переводиться в части, предназначавшиеся для десанта. Все это, конечно, очень мало походило на ту обстановку, в которой отправлялся в свое время 1-й десант ген. Слащева, когда военная тайна была обеспечена до последней минуты.

При таких условиях главные силы десанта, преодолев незначительное сопротивление противника, высадились в бухте Приморско-Ахтырской на северо-западном берегу Кубани. Почти одновременно менее значительные отряды под командованием генералов Харламова и Черепова высадились—первый на Таманском полуострове, второй—в районе Анапы.

Общее командование главными силами было поручено ген. Улагаю. В его распоряжении находилась конница под командой ген. Бабиева и Шиффнер-Маркевича и пехотные части под командой ген. Казановича. Приморско-Ахтырская была объявлена главной базой десанта. В ней разместились оперативная часть штаба ген. Улагая.

Сам ген. Улагай, во главе конного авангарда, стремительно двинулся в общем направлении на Тимашевскую, стремясь возможно скорее завладеть этим важным железнодорожным узлом. С ним же находился и начальник штаба всей группы ген. Драценко.

Конница ген. Бабиева, разбив слабые отряды красных под Бринковской и отбросив их на северо-запад, двинулась также стремительно на Брюховецкую. Ген. Казанович со всей пехотой двинулся по линии железной дороги на Ольгинскую—Тимашевскую, т. е. занял своими силами центр или, точнее, вытянулся по медиане равнобедренного почти треугольника, вершиной которого была Приморско-Ахтырская. Справа от него двигался быстро на Гривенскую ген. Шиффнер-Маркевич.

Для защиты главной базы—Приморско-Ахтырской—было оставлено лишь слабое прикрытие и отряд военных судов.

Красные, учтя быстро всю обстановку и дав конным отрядам Бабиева, Улагая, Шиффнер-Маркевича и пехоте Казановича отойти на значительное расстояние от базы, ударили смело со стороны левого крыла группы, т. е. с той стороны, где находился Бабиев.

Противник без всякого труда занял снова Бринковскую и стал легко распространяться на юг в направлении железной дороги Приморско-Ахтырская—Тимашевская, угрожая отрезать всю десантную группу от базы и оперативного отделения. Сделать это было тем легче, что ген. Бабиев, отгеснив в первый раз красных в районе Бринковской, не оставил здесь никаких сил, которые охраняли бы пути на базу и могли бы принять удар противника со стороны озерных дефиле. В это время части его были уже в районе Брюховецкой, ген. Улагай, пройдя Тимашевскую, рвался уже на екатеринодарское направление, Шиффнер-Маркевич был уже у Гривенской и, наконец, Казанович подходил к Тимашевской.

Получив донесение о наступлении красных, ген. Драценко приказал генералу Бабиеву немедленно повернуть назад и восстановить положение. До этого момента напор красных сдерживался спешно выделенной группой юнкеров. Ген. Бабиев ворнувшись, отбросив опять красных и снова, не оставляя никакого серьезного заслона, пошел на Брюховецкую. Повторилась прежняя история. Противник снова нажал, донкера, неся громадные потери, отошли к Ольгинской. Железнодорожная магистраль, связывавшая десант с базой, оказалась под непосредственной угрозой. В базе поднялась паника. Вдобавок всего красная флотилия Азовского моря, хорошо вооруженная поставленной на суда артиллерией, воспользовалась необъяснимым до сих пор уходом на-

ших военных судов и, подойдя к Приморско-Ахтырской, открыла энергичный огонь. Оперативное отделение (управление* оберквартирмейстера десантной группы ген. С.) было вынуждено спастись бегством. Обратный путь морем на Крым был отрезан, да о нем и не приходилось и думать, так как штаб без остального десанта бежать не мог, а последний зарвался уже за Брюховецкую—Тимашевскую. Всякая нормальная связь была потеряна еще раньше, да вопрос еще, впрочем, существовала ли она вообще в этой операции с самого начала. Пришлось спешно составлять громадный железнодорожный состав с целью попытаться прорваться в район Тимашевской на соединение с командующим группой ген. Улагаем, начальником штаба ген. Драценко и главными силами. Вместо шести вагонов, в которых умещался штаб, пришлось тащить свыше сорока, так как надо было вывозить из базы жен, детей, семьи и пр. тех, кто собрался в десант «со всеми удобствами».

В течение всего пути ехавшие дрожали каждую минуту за свою жизнь. В любом месте дорогу мог перерезать противник. Впереди ехавших ожидала также полная неизвестность.

Не доезжая Ольгинской, оперативному отделению во главе с ген. С. пришлось выйти из вагона и лечь в цепь. Истекавшие кровью юнкера теряли последние силы. Едва-едва, буквально чудом, поезду удалось проскочить. Вслед затем железная дорога была перерезана красными.

С этого момента начинается уже собственно ликвидация операции. Правда, была сделана еще одна попытка обойти обошедшего нас противника, но и она ни к чему не привела.

Каждый из руководителей этой операции взваливает и по сию пору вину на других. Опустив нарочно все эти личные выпады и субъективные суждения, я ограничился зарисовкой юбщего хода операции со слов вполне компетентного и совершенно беспристрастного лица.

Детальное описание и анализ причин кубанской неудачи может составить специальный военно-исторический труд. Такой труд мог бы установить истину. Еще скорее мог бы установить ее в свое время строгий военный суд над виновниками, но ген. Врангель не счел нужным предавать дело судебной огласке.

С момента потери базы начинается лихорадочная ликвидация десанта. Можно категорически утверждать, что только благодаря таланту, энергии и личному мужеству ген. Коновалова, генералквартирмейстера ставки, вылетевшего на Кубань на аэроплане, части, участвовавшие в десанте, были спасены и посажены обратно на суда. Одновременно с этим были вынуждены трагическими обстоятельствами к обратной посадке и отряды ген. Харламова и Черепова.

24 августа.

В Таманской жителя были очень недовольны, что наши войска помешали... выдаче мануфактуры (ситцу) по 4 аршина на душу за 120 рублей. Бабы не стеснялись, говорили:

— Те хоть мануфактуру доставили, а вы что привезли?..

После обеда узнал любопытные подробности из биографии зн. М.—адъютанта ген. Д. Знаменит тем, что в прошлом году ухитрился повесить в течение двух часов 168 евреев. Мстит за своих родных, которые все были вырезаны или расстреляны по приказанию какого-то еврея-комиссара. Яркий образец для расуждения на тему о необходимости гражданской войны.

Кроме того, он вовсе не князь (фамилия взята по материнской линии). Его знают в ставке многие по Николаевскому кавалерийскому училищу.

26 августа.

В пути приказано ординарцу вручить коменданту Симферополя для передачи генералу Кусонскому незапечатанное письмо за подписью «Патриот». Письмо полно упреков по адресу главнокомандующего за то, что он не обращает внимания на действия симферопольской администрации, представляющей собой сплошной произвол. Особенно подчеркивается незаконная деятельность полковника Т., организовывающего постоянно бесконечные облавы, в которых задерживаются и насильно отправляются на фронт люди, освобожденные воинскими присутствиями. Вырываются от Т. лишь за миллионные взятки.

Несмотря на то, что письмо было анонимным, на немложена следующая резолюция главкома: «Г. Кусонскому. По моим сведениям полк. Т. прохвост—надо проверить В.». Письмо с резолюцией отправлено без конверта через комендатуру где служил сам полк. Т.

Четвертая поездка.

(С 30 августа по 5 сентября.)

Объезд фронта.

Особые соображения заставляют пока воздержаться от опубликования весьма любопытных исторических документов, проливающих свет на эту сторону дела¹. Можно сейчас выразить крайнее сожаление, что все они без исключения были скрыты от общества и продолжавшей восторженно умиляться казенной печати.

Для примера укажу хотя бы на один только, более чем характерный, документ (разумеется, «совершенно» секретный), представляющий собою отношение флагманского радио-телеграфного офицера штаба командующего флотом за № 849 от 22 июля 1920 года.

В документе этом речь идет о препятствиях, встреченных одним из наших виднейших военных представителей за границей при попытках установить крайне для нас важную радио-связь с Западом, связь, предусматривающую прежде всего беско-

¹ Т. е. на взаимоотношения между Врангелем и державами Антанты.
Сост.

нечно в то время существенную координацию действий с поляками¹.

Такие документы и такие факты скрывались, преступно скрывались от общества и печати в то время, как даже большевистская пресса была вполне свободна в области своих суждений о поступках иностранных правительств в отношении России.

Конечно, все это ни в какой степени не следует связывать с политикой П. Б. Струве, сумевшего к концу лета добиться в Париже признания правительства ген. Врангеля. (Какую бы услугу оказал П. Б. Струве, если бы добился тогда признания лишь армии, лишь самого ген. Врангеля, но... не его правительства!..)

Вся трагедия была в том, что в Париже была политика, а в Крыму—не могу подобрать других слов—было, извините, цацканье, нянчение, а иногда (в печати) и неприличное лакейство. А над всем этим доминировал постоянно страх, как бы знатные иностранцы не увидали наших дыр и прорех, когда о них должно было кричать с высоко поднятой головой, как кричали когда-то буры, имевшие по пять патронов на десять суток, стяжавшие уважение всего мира, и, после поражения, не оказавшие уж, конечно, в том положении, в каком оказались русские беженцы.

Но то были буры. У них были свои из ряда вон выходящие обстоятельства, а в Крыму, как я уже упоминал, самым хорошим тоном считалось пребывать в уверенности, что «никаких происшествий не случилось». Так и пребывали во здравии с этой уверенностью до эвакуационного приказа 30 октября. Опять же и сотрудники «Великой России» и т. п. уверяли всех до этого дня (и, кажется, даже на сутки позже), что все, слава богу, благополучно и что в московском совнаркоме укладывают уже чемоданы.

Пятая поездка.

(С 24 сентября по 3 октября.)

Заднепровская операция.

Трагический исход кубанской операции глубоко взволновал всех, для кого этот исход не был секретом.

Политика самообмана насчет взаимоотношения сил и средств своих и противника получила жестокий урок.

¹ Вот этот документ:

«Ген. Лукомский получил от командующего французскими силами в Константинополе Франше Д'Эспере категорическое запрещение устанавливать русскую станцию в Константинополе и, если таковая уже установлена, то тотчас же убрать ее.

Чем вызвано это, в рапорте не указано. В дальнейшем дело по исходатайствованию разрешения на установку радиостанции в Константинополе взял на себя наш военно-морской агент капитан 2-го ранга Щербачев, коему удалось убедить французов созвать международную комиссию для разрешения этого вопроса. Каковы результаты это до сего времени неизвестно, так как донесений в штакомфлоте не имеется.

Подлинный подписал лейтенант (подпись)».

Прямой, честный, трезвый взгляд на свое положение, взгляд в глаза действительности становился окончательно вопросом спасения армии, спасения Крыма, спасения всего дела.

Необходимость сказать всю правду в лицо и самим себе и (прежде всего) издали платонически «восхищавшейся» Европе— созрела, казалось, вполне.

Этого требовали властно и героизм армии, и ее бесчисленные жертвы, и те грозные последствия, к которым неизбежно должны были привести армию дальнейшие прогулки в казенных розовых очках присосавшихся к ее делу присяжных оптимистов.

Насколько сильно выразилось в различных слоях общества желание услышать правду о положении армии, можно заключить из следующего эпизода, который воспроизвожу исключительно ввиду его показательного значения.

По окончании кубанской операции мною была напечатана в газете А. Т. Аверченко «Юг России» статья под заглавием «Юнкера». В статье, каким-то чудом прошедшей чрез цензуру было дано всего несколько штрихов из того кошмара, который пришлось пережить на Кубани несчастной, попавшей в военные училища, учащейся молодежи, рвавшей голыми руками, за отсутствием ножниц, провололочные заграждения и сотнями своих трупов уступавшей подступы к ним.

Статья была небрежная, короткая— всего в столбец с чем-то,— штрихи были мимолетные, но никогда на мою долю не выпадало такого обилия благодарностей «за правду», какого удостоился я в дни появления статьи. Из Симферополя и Феодосии сообщали, что статья переписывается юнкерами расположенных там училищ и молодым офицерством. В редакции мне был передан пакет, содержащий оттиск стихотворения, заглавие которого представляло собою одну из красных строк упомянутой выше статьи. Стихотворение было написано начальником военного управления ген. Вязьмитиновым, писавшим одновременно, что взволновавшая его статья послужила темой для приложенных стихов.

И причины волнения, охватившего одинаково и 17-летнего мальчика-юнкера и военного министра, повторяю еще раз, крылись вовсе не в достоинствах газетной статьи, о которых говорить не приходится, а в том лишь, что среди хора и лжи, лести, лакейства и самообмана, которыми были окутаны отчеты об операции и казеннокоштной печати, было сказано несколько слов необходимой живительной правды, которая— да простится мне моя непоколебимая вера— одна лишь могла сделать в Крыму чудеса и зажечь сердца спасительным воодушевлением.

Только желание отгнать это обстоятельство заставляет меня, не без чувства некоторой неловкости упомянуть об этом случае. Он достаточно характерен.

В своем усердии затушевывать и сглаживать впечатление от кубанского фиаско казеннокоштные оптимисты не знали границ.

В те самые дни и часы, когда в Ачуеве разыгрывался последний эпилог с обратной посадкой на суда, «Великая Россия» etc. живописали о «восторженных» встречах ген. Врангеля в Тамани и об именинных настроениях казачества.

Бессовестное освещение «Вел. Россией» фактов вызывало и тогда негодование и среди высших чинов главного командования.

Ген. Шатилов обратил однажды внимание генерал-квартирмейстера генерала Коновалова, что он считает совершенно недопустимым, чтобы такого рода «информация» передавалась по оперативному телеграфу и помечалась в заголовках депеш—«поезд главнокомандующего».

Ген. Коновалов отвечал (разговор велся по телефону, который соединял непосредственно вагоны штабглава и генквартирглава), что он сам крайне возмущен этим и не понимает, с чьего позволения оперативный телеграф поезда принимает эти депеши.

Вызвав меня, находившегося по должности у него на дежурстве, генерал-квартирмейстер, ударив с негодованием по лежавшему на столе номеру «Вел. России», спросил:

— Вы не знаете, кто это старается?

Жалею сейчас, что не ответил тогда прямому и честному ген. Коновалову.

— Состоящий при главкоме г. Чебышев, ваше п-во...

Но как как, кроме г. Чебышева, в поезде находился еще один сотрудник «Вел. России» (корреспондент Г—н), то я отговорился незнанием.

— Чорт знает, что такое!..—возмутился генерал-квартирмейстер, и тут же прошел в вагон оперативного отделения отдать приказ о прекращении оперативным телеграфом приема бесплатных сочинений сотрудников «Вел. России».

Все это проделывалось для поддержания «бодрости духа» в населении и (вероятно) для того, чтобы не ударить в грязь предснисходительно улыбавшейся à l'aventure de Crimée Европой.

Апофеозом этой мудрой страусовой политики явилось издание г. Чебышева в «Вел. России», повидавшегося где-то с ген. Врангелем и сообщавшего от его имени, что все на Кубани окончилось, слава богу, благополучно, что десант увеличился вдвое (на три четверти камышевым элементом! А. В.) и что теперь-то, собственно говоря, наступило как раз время приступить к самой что ни на есть настоящей операции—«протянуть руку на Запад». Кому—(полякам? петлюровцам?),—сказано не было.

Ни у г. Чебышева,—как бы там ни было, бывшего министра (правда, по Особому совещанию),—ни у некоторых других, кто мог и должен был это сделать, не хватило мужества и политической дальновидности объяснить ген. Врангелю, в какое положение ставит его перед обществом это объяснение ухода с Кубани, становившееся к тому же рискованным векселем в случае неудачи «на Западе».

В ставке обработка г. Чебышевым кубанской операции заставляла одних густо краснеть, других негодовать.

Поводов же для негодования было более чем достаточно.

Вместо честного спокойного разъяснения обществу всей серьезности предстоящего в близком будущем положения, разъяснения, которое тогда еще не могло вызвать никакой абсолютно паники, вместо призыва ко всем, для кого спасение армии ген. Врангеля было вопросом личного существования, призыва напрочь все силы для подготовки к неизбежной осаде Крыма, вместо всякой попытки пробудить в обществе энтузиазм, налицо было новое *partie de plaisir* в розовых очках, новый ненужный самообман, новые неизбежные жертвы. ☉

Упомянутое выше интервью г. Чебышева было поднесено и Европе.

Накануне катастрофы.

Падение Перекопа.

Заднепровская операция была последней операцией предпринятой по инициативе главного командования.

С момента ее печального завершения инициатива окончательно переходит в руки противника, почти открыто стягивающего свои войска к границам северной Таврии для решительного боя за обладание Крымом.

Разведывательные сводки каждый день приносят сведения о появлении у противника новых и новых резервов, перебросенных с польского фронта.

Сумерки сгущаются с каждым часом. Обстановка с каждым лишним днем становится все более и более серьезной.

21 октября замерзающая, полураздетая, деморализованная армия (врангелевская. *Сост.*), закончив отход, заняла первую линию Сиваш-Перекопских позиций.

Большевики сейчас же начали предпринимать подготовительные работы для атаки перешейков. К Перекопу подвозились тяжелые орудия, произведена была необходимая перегруппировка. 1-я конная армия Буденного, занявшая было Чонгарский полуостров, отошла на север, расположившись на линии Петровское—Отрада—Ново-Троицкое—Стокопани, а на ее место стали подводиться пешие части. Красное командование предприняло исследование дна Сивашей с целью форсирования их. Для этого, между прочим, к Сивашским озерам были подтянуты не то отколовшиеся, не то вошедшие в контакт с красными (осталось невыясненным) части «армии Махно».

В какой же, спрашивается, теперь степени надежны были укрепления, которые предстояло преодолеть противнику?

О состоянии Сивашских позиций уже упоминалось при описании осмотра их иностранными военными агентами. Они были вполне удовлетворительны и трудно преодолимы вследствие исключительно выгодного рельефа местности (ажурная сетка из озер и дефиле).

Что же представлял собою в боевом отношении Перекоп? Тот самый Перекоп, который был и неизбежно должен был стать ареной боев, имевших решить участь Крыма. Тот Пере-

коп, в укрепленности которого никто не сомневался и падение которого в промежуток трех дней поразило весь мир своей ошеломляющей неожиданностью.

Я думаю, что теперь настал час, когда об этой «укрепленности» можно и должно сказать всю правду. Должно хотя бы для того, чтобы положить предел тем нелепым и обидным толкам и представлениям, которые существуют на этот счет за границей.

То, что явилось полной неожиданностью для русского и иностранного общества, едва ли было неожиданным для того ограниченного круга лиц, которому давно были известны боевые качества Перекопских позиций.

Еще 13 июля 1920 года начальник Перекоп-сивашского укрепленного района ген.-лейт. Макеев в совершенно секретном обширном рапорте за № 4937 на имя начальника штаба главнокомандующего срочно докладывал:

Копия. (Выдержка.)

«Начиняйтеху обещал одновременно 21 тысячу бревен, 25 200 досок и ежемесячно по 6 550 бревен, по 8 400 досок, 25 740 жердей и по 169 тысяч кольев».

С мая до сего дня доставлено фактически 20 тысяч кольев, изготовленных еще строительством до начиняйтеху, два вагона дров и 450 штук кроков для телефонных столбов. В настоящее время работы по постройке Чонгарского моста, блиндажей, блокгаузов, землянок стоят за недостатком лесных материалов».

Этот рапорт, подводящий убийственный итог работам за целую, самую притом важную в отношении климатических возможностей, половину кампании, достаточно содержателен.

Не менее содержательны были и последующие донесения ген. Макеева.

В результате: к моменту катастрофы укреплений, способных противостоять огню тяжелых, а в девяти из десяти случаев и легких батарей, не было.

Вместо обшитых, подготовленных для осенней слякоти и земной стужи окопов были почти повсеместно традиционные российские канавы. Блиндажами (более чем сомнительного качества) блистал к началу осени (мне довелось быть на Перекопе в последний раз в сентябре месяце) чуть ли не один лишь Перекопский вал.

Железная дорога от Юшуны, бесконечно необходимая для подвоза к Перекопу снарядов и снабжения, не была к осени закончена даже в четвертой своей части, хотя была начата еще раньше весной и хотя надо было проложить всего 20 с лишком верст. Проложенные за это время несколько верст были непровозоспособны. Проселочные дороги на Перекопском перешейке при первых же осенних дождях покрывались непролазной грязью.

Долговременных артиллерийских укреплений на перешейке не было вовсе. Существовавшие полевые были весьма примитивны. Установка большей части артиллерии была рассчитана на последнюю минуту, так как свободных тяжелых орудий в запасе в Крыму не было, за граница их не присылала.

Можно с достаточной достоверностью утверждать, что первое место среди средств обороны Перекопского перешейка принадлежало проволоке.

При пересечении Перекопа с юга на север, от Юшуна до Перекопского вала, насчитывалось к началу осени всего 17 рядов проволочных заграждений.

Электрический ток, фугасы, якобы заложенные между ними, и т. п.—все это было лишь плодом досужей фантазии.

При мощности артиллерии противника и крайне слабом развитии всех прочих средств обороны этого было далеко не достаточно. Большинство окопов не было обеспечено проволокой с тыла, т. е. на случай обхода.

Еще в мае месяце, до начала наступления, в момент весьма острого положения на Перекопе английское командование в Константинополе обратилось к нашим представителям с недоуменным вопросом, почему проволока, предназначенная для укрепления позиций, привезена из Севастополя обратно в Константинополь и там распродается. Назначенное по приказанию помощника главнокомандующего ген. Шатилова расследование выяснило, что закупленная у союзников проволока находилась на пароходе Добровольного флота «Саратов», вышедшем из Одессы, простоявшем всю весну в Севастополе и получившем приказ идти, не выгружаясь, в Константинополь за срочным грузом. По приходе выяснилось, что все трюмы «Саратова» заполнены проволокой. Новый спешный груз грузить было некуда. И вот группа лиц при содействии нашего бывш. торгового агента в Константинополе проф. Пиленко была поставлена в необходимость, как докладывал впоследствии ген. Лукомский, продать означенную проволоку обратно иностранцам. Всем лицам, участвовавшим в этой неприятной операции, был объявлен в свое время выговор.

Итак, в отношении проволоки, дело оставляло желать тоже многого.

Каким же образом—спросит читатель—держался Перекоп всю предыдущую зиму, когда не было и этих укреплений?

На этот вопрос можно было бы ответить вопросом:

— А каким образом держались отряды Чернецова в самом начале гражданской войны, каким образом держались те, кто вышел 9 февраля из Ростова, каким образом совершались ледяные походы и штурмы Ставрополя-Кавказского?..

Кто спас Перекоп весной 1920 года, решить не так уж трудно, если вспомнить о бесчисленных могилах юношей-юнкеров, рассеянных по этому проклятому гиблому месту.

Для большей полноты и ради исторической справедливости можно еще добавить: этими юнкерами командовал генерал-майор Слащев, подвергавший несколько раз в то время свою жизнь опасности.

Такая постановка вопроса и ответа будет наиболее правильной, ибо в истории гражданской войны она вполне уместна.

К этому остается добавить еще одно: весной 1920 года боль-

шевики не могли сосредоточить против Перекопа и одной пятой, а то и десятой того количества артиллерии, которое они сосредоточили для прорыва одной Юшуньской линии (до 150 орудий).

Для того чтобы противостоять такому напору, надо было иметь свои крепостные артиллерийские укрепления, прочные обшитые юкопы, а не «идеальный профиль»... канав, нужны были землянки, блиндажи, а не 450 штук каких-то, извините, крок для телеграфных столбов, о которых сообщает ген. Макеев и которые удосужились доставить за пол-года.

Все это не мешало «патриотической» ура-печати кричать до хрипоты о неприступности Перекопа.

До каких пределов доходила эта страусова политика, читатель может убедиться из нескольких печатаемых ниже, в качестве горьких анекдотов, газетных вырезок:

№ 1-й:

Ген. Слащев в беседе с корреспондентом газеты «Время» (№ от 24 октября) заявил:

«Население полуострова может быть вполне спокойно. Армия наша настолько велика, что одной пятой ее состава хватило бы на защиту Крыма. Укрепления Сиваша и Перекопа настолько прочны, что у красного командования ни живой силы, ни технических средств преодоления не хватит... Войска всей красной Совдепии не страшны Крыму.

Замерзание Сиваша, которого, как я слышал, боится население, ни с какой стороны не может вредить обороне Крыма и лишь, в крайнем случае, вызовет увеличение численности войск на позициях за счет резервов. Но последние столь велики у нас, что армия спокойно может отдохнуть за зиму и набраться новых сил».

Это заявление напечатано ровно за двое суток, до прорыва Перекопа.

№ 2-й:

«Мы, во всяком случае, спокойно можем смотреть на свое будущее. Испытанная, закаленная в боях армия генерала Врангеля не знает поражения.

Стратегические таланты ее вождей вызывают изумление всей Европы (!). В эти дни перестанем шептать пересохшими губами злые, пугающие слухи. Попробуем стать гражданами.

Клеймите позором этих людей с фантазией, помутившейся от страха, с осовелой, мертвой душой.

Россия будет жить.

А Крым—Аралат ее—стоит твердо и непоколебимо». («Тавр. Голос», 21 октября.)

№ 3-й: ●

«Красные в ближайшие дни попытаются штурмовать Перекопские позиции, чтобы поскорее добиться своей конечной цели.

С своей стороны, мы могли бы только радоваться подобным попыткам красных. Пусть себе лезут и разбивают головы о Перекопские твердыни. Перекопа им не видать, но чем боль-

ше при этом погибнет лучших красноармейских полков, тем скорее деморализация охватит остальную часть Красной армии.

Для защиты перекопских позиций наша армия даже слишком велика. Поэтому армия наша получит возможность отдохнуть после непрерывных тяжелых осенних боев, а также выполнить попутно и некоторые другие важные задачи по упорядочению тыла: ликвидации зеленых и т. д.

Нет, большевизм падет, и ждать теперь этого счастливого дня долго не придется». («Веч. слово», 22 октября.)

№ 4-й (из той же газеты):

«После заявления генерала Врангеля всякий червяк сомнения, у кого он был, должен окончательно рассеяться (?)»

Да, это верно, мы отошли к Перекопу. Но отошли в полном порядке, не оставив никаких трофеев неприятелю».

И дальше:

«Прочтите, однако, мою вчерашнюю статью—«А что же дальше?», прочтите все вчерашние передовицы моих коллег в других севастиопольских газетах, безотносительно их направления, и вы увидите полное тождество не только в конечных выводах, но и в самом логическом подходе к этим выводам.

И мне думается, что Троцкий со всей своей немецкой компанией отлично уже это понимает.

Недаром большевики так отчаянно и врут и ругаются в своих последних радио.

Что же, пусть себе утешаются на ругани. Эта извозничья брань вышедших из себя от злобы шпионов, чувствующих, что их карта бита, производит прямо забавное впечатление». (№ от 23 октября.)

Этих «забавных» выдержек хватило бы еще на несколько страниц. Однако довольно.

В ночь с 26 на 27 октября Перекопские «твердыни» зашатались и спустя всего три дня рухнули окончательно.

События разыгрались с трагической быстротой, явив собою логическое и окончательное завершение страусовой политики.

«Совершенно деморализованные красные части перешли дважды вброд при двухградусном морозе Сиваш и появились на Чувашском полуострове, угрожая флангу и тылу расположенных на Перекопе частей.

По произведенной накануне ген. Кутеповым перегруппировке, защита Чувашского полуострова была возложена на кубанцев ген. Фостикова (вместо 34-й дивизии, стоявшей там раньше). На тех самых кубанцев, которых ставка спешно потребовала из Феодосии, не считаясь ни с какими донесениями о полной их небоеспособности.

Это была раздетая, голодная, измученная скитанием по горам Черноморья масса в несколько тысяч человек, едва-едва дисциплинированных.

Отсутствие теплой одежды отозвалось самым печальным образом на их моральном состоянии.

В то время, когда на Севастопольском рейде появился на-

конец транспорт «Рион», доставивший из-за границы обмундирование, армия уже, увы, замерзала. Офицеры и солдаты спасались только у костров и набивали соломой кули, чтобы хоть как-нибудь укрыться от холода. Опоздание обмундирования, за которое, если не ошибаюсь, было уплачено золотом еще покойным адм. Колчаком, имело фатальное значение, что было подчеркнуто и в одном из последних официальных сообщений ставки.

Кубанцы не выдержали и бросили оружие.

Лавина противника ринулась по двум направлениям: на Армянск, т. е. в глубокий тыл, и, перейдя еще раз вброд Сиваш, — по направлению главной оборонительной линии — в тыл защищавшей ее Дроздовской дивизии.

Здесь произошел предпоследний небывало-ожесточенный и кровопролитный бой. Дроздовцы и корниловцы, окруженные с севера и юга, вынуждены были пробивать себе дорогу в тыл по направлению к Юшуню.

Настали последние дни страшной и тяжелой агонии ¹.

¹ Дальнейшая часть статьи, дающая описание эвакуации Крыма, не представляет интереса и потому опущена. *Сост.*

КРЫМ ПРИ ВРАНГЕЛЕ¹.

I.

Земельный закон.

На следующий день я собирался уехать из Ялты, но рано утром ко мне пришел сенатор Г. В. Глинка и сообщил, что главнокомандующий поручил ему составить немедленно предварительную комиссию для выработки основных положений земельной реформы с тем, чтобы таковые были ему представлены в трехдневный срок. Нескольких членов этой комиссии, в том числе и меня, указал ему сам Врангель, предоставив пополнить ее другими лицами по его усмотрению. Ввиду того, что Врангель категорически настаивал на срочности работы, он решил назначить заседание комиссии немедленно, на следующий день, и просил меня указать ему лиц, участие которых в комиссии я считал бы существенно важным.

Я был поставлен в довольно затруднительное положение. Патентованных специалистов «аграрников» в Крыму совсем не было, а созывать вообще «общественных деятелей» для такой предварительной комиссионной работы не было смысла. Кроме того, я знал наверное, что некоторые из них и не захотят принять участие в комиссии без разрешения партийных комитетов. Поэтому, согласившись за себя, я вызвал в комиссию еще лишь одного из членов губернской земской управы.

Итак, Врангель, с увлечением читавший мне накануне проект радикальной земельной реформы, крайне спешил с ее проведением в жизнь. Но кто были те люди, которым он поручил это важное дело?

Вот как восстанавливается в моей памяти список участников этой первой комиссии: 1) Г. В. Глинка, человек довольно извест-

¹ «На чужой стороне», кн. IX, Прага, 1925 г. Изд. «Ватага» и «Пламя» Автор — бывш. председатель таврической губернской земской управы В марте 1920 г. только что вступивший в должность «главнокомандующего вооруженными силами Юга России» ген. Врангель вызвал его к себе в Ялту и совещался с ним по ряду политических вопросов. Вслед затем Оболенский был привлечен врангельским правительством к участию в разработке земельного закона, о чем он и повествует в начале приводимой нами части его мемуаров. *Сост.*

ный своими консервативными взглядами, с несколько славянофильским оттенком. Оппортунист, готовый пойти довольно далеко в земельном радикализме, но через силу, вопреки своим взглядам и симпатиям; 2) личный приятель Врангеля, генерал Левашев, председатель союза землевладельцев на юге России и решительный противник земельной реформы; 3) бывший таврический губернатор, недавно избранный председателем правдой ялтинской думы, граф Апраксин, тоже противник реформы; 4) крымский землевладелец и принципиальный сторонник крупного землевладения, бывший министр правительства генерала Сулькевича. В. С. Налбандов; 5) бывший товарищ министра земледелия при царском правительстве П. П. Зубовский, аккуратный и деятельный чиновник, более других склонный к «уступкам», но не боевой и всегда готовый примкнуть к большинству; 6) бывший уполномоченный по землеустройству в Таврической губернии Шлейфер; 7) молодой ученый экономист К. О. Зайцев. Возможно, что были и еще два-три члена комиссии, но я их не помню.

Могло казаться, что такой состав был нарочно подобран Врангелем, чтобы погубить затеянное им же дело. Я, однако, совершенно уверен (и это подтвердилось в дальнейшем ходе дела), что тут никакого коварства не было, а было простое легкомыслие, связанное с весьма упрощенным, военным пониманием формулы о «левой политике правыми руками» в том смысле, что кому угодно и что угодно можно приказать,—и будет исполнено.

В данном случае он отчасти был прав. Дальнейшее показало, что Г. В. Глинка, сделав неудачную попытку, выражаясь большевистским языком, «саботировать» земельную реформу, в конце концов, по приказанию Врангеля, был одним из авторов довольно радикального аграрного закона и в качестве министра земледелия руководил работами по введению его в жизнь. Тогда, однако, в Ялте, в наскоро сколоченной комиссии, группа «саботажников» еще действовала стойко и сплоченно.

Три дня, с утра до вечера, сидели мы в номере гостиницы «Россия», стараясь договориться об основах земельного законодательства. Но договориться не могли. Большинство комиссии решительно отвергало принцип принудительного отчуждения и сводило «реформу» к содействию крестьянам в покупке земель у помещиков.

Мы с К. О. Зайцевым отказались подписать тезисы, выработанные большинством, и подали отдельные мнения.

Через несколько дней в Симферополе мне позвонил по телефону губернатор и просил дать ему добрый совет: он только что получил от Врангеля уведомление, что через три дня в Симферополе соберется комиссия по земельному вопросу, в которую ему предложено пригласить по два представителя от крестьян каждого из пяти уездов Крыма. Это последнее обстоятельство ставило губернатора в крайне затруднительное положение: как, в самом деле, устроить выборы от крестьян в трехдневный срок?

Я, конечно, никакого разумного совета подать не мог, и мы решили обратиться по телефону в уездные управы, предложив им действовать по своему усмотрению.

В условленный день в губернаторском доме начались заседания комиссии, в которую и я получил приглашение. Эта комиссия была многочисленной ялтинской, но состав ее был приблизительно такой же. Члены ялтинской комиссии были все налицо и составляли главную активную ее часть. Комиссия была пополнена еще несколькими местными землевладельцами и чиновниками. Из «представителей» крестьян явились только трое, бог весть по какому признаку избранные уездными земскими управами.

Симферопольская комиссия оказалась несколько радикальнее ялтинской. Очевидно, Глинка получил инструкцию от Врангеля сдвинуть земельный вопрос с мертвой точки. Его поддерживали чиновники. Правую оппозицию возглавлял В. С. Налбандов, а мы с К. О. Зайцевым являлись оппозицией слева. Комиссия приняла целый ряд положений, ограничивавших право землевладения определенным максимумом владения, причем крупным землевладельцам предлагалось продать свои земельные излишки в двух- или трехлетний срок, после которого наступал момент принудительного отчуждения.

Мелкие подробности этого законопроекта я теперь забыл. Только помню, что В. С. Налбандову удалось ввести в него целый ряд оговорок, направленных к тому, чтобы замедлить осуществление реформы и «обезвредить» ее для землевладельцев.

Намерения большинства были совершенно ясны: считаясь с обстоятельствами, провозгласить реформу, но осуществление ее отложить на возможно долгий срок, а там—видно будет. Они надеялись, что если Врангелю удастся победить большевиков и силою штыков утвердить свою власть в России, то вопрос о земельной реформе можно будет снять с очереди, и все останется по-старому.

Что касается меня, то, как и в ялтинской комиссии, я настаивал на немедленном принудительном отчуждении от землевладельцев арендных земель и закреплении их за арендаторами там, где, как в Крыму, не было захватов, а там, где захваты произошли,—на санкционировании их, с закреплением земель за фактическими владельцами.

Когда на голосование был поставлен вопрос о принудительном отчуждении земель, то за немедленное их отчуждение из всей комиссии голосовал я один..

● Крестьяне молчали. Один из них—волостной старшина—досидел до конца и, поддерживая меня в кулуарных разговорах, в заседаниях голосовал с «начальством». Другие двое уехали до решительных голосований. Мне очень хорошо запомнился один из них, криксивый хозяйственный мужик. После одного из заседаний комиссии, в котором обсуждался вопрос об ограничении прав покупки земель, он мне говорил с негодованием: «Вишь ты, говорили, что хотят крестьянам земли прибавить,

а тут выходит, что нашему брату больше двухсот десятин и купить нельзя будет. Это что же еще за порядок господ выдумывают? Ну их совсем!»... И он уехал домой в полном убеждении, что был в комиссии, поставившей себе задачей ограничить крестьян в их законных правах на расширение своего землевладения.

Комиссия разъехалась, выработав законопроект, все параграфы которого, с ссылками на отмену и применение действовавших статей закона, были тщательно проредактированы опытной рукой П. П. Зубовского и снабжены весьма подробными мотивами, как это делалось в доброе старое время в канцелярии Государственного совета.

В журналу комиссии я приложил свое особое мнение.

А председатель комиссии, Г. В. Глинка, в интервью с представителями прессы заявил, что о широкой аграрной реформе нет речи. «Речь идет об устройстве скорой и выгодной покупки «вечными» арендаторами-землеробами необходимых им земельных участков». «Если бы,—говорил он,—явились вместо простого устройства арендаторов требования всеобщего раздела и безвозмездного отчуждения, то комиссии не стоило бы и создавать. Такого митингового вздора мы имеем и в печати и в советах достаточно».

Считая, что земельная реформа похоронена окончательно, я занялся своими текущими земскими делами и, когда через несколько дней снова получил телеграмму от Врангеля с приглашением в новое заседание земельной комиссии в Севастополе, то уже решил больше в ней участия не принимать.

Оказалось, что на этот раз дело сдвинулось с мертвой точки. В Севастополе при покровительстве Врангеля образовался крестьянский союз, во главе которого стал некто Б., кажется, из деятелей кооперации, человек, как мне казалось, довольно сумбурный, но энергичный и, повидимому, искренний и порядочный. В союз вошло несколько бежавших из Украины зажиточных крестьян и каким-то образом оказавшийся в Крыму известный лидер трудовиков 1-й Думы, потом сотрудник «Нового Времени» и, наконец, один из злосчастных деятелей неудачного Корниловского выступления, А. Ф. Аладьин. Он шеголял в форме английского офицера, говорил трескучие фразы и хвастал своим мнимым влиянием на Врангеля, намекая при этом, что, став во главе крестьянского союза, он заставит Врангеля плясать под свою дудку. Если же Врангель ему не подчинится, то...

Вот этот крестьянский союз подал Врангелю свой проект земельной реформы. Говорят, что Врангель, получив законопроект нашей комиссии, пришел в большое раздражение, распустил Глинку за саботаж его предначертаний и велел ему созвать срочно новую комиссию для составления законопроекта на основании предположений крестьянского союза.

Кто входил в эту третью комиссию, мне неизвестно. Кажется, на этот раз обошлось дело без приглашения землевладельцев.

С помощью неумолимого П. П. Зубовского, Г. В. Глинка, в порядке чрезвычайной спешности, составил новый законопроект, противоположный всему тому, что автор его отстаивал в руководимых им ялтинской и симферопольской комиссиях. Законопроект был утвержден Врангелем и в Крыму, а затем и в освобожденных от большевиков частях северной Таврии земельная реформа стала проводиться в жизнь.

Когда через несколько дней, приехав по делам в Севастополь, я зашел к генералу Врангелю, он встретил меня с торжествующей улыбкой.

— Я прочел ваше особое мнение,—сказал он мне,—и могу поделиться с вами приятной для вас новостью: вчера я подписал земельный закон, который еще гораздо левее того, что вы писали в особом мнении.

Считая меня «очень левым», он, повидимому, думал, что я лишь по политическим соображениям высказываю умеренные взгляды, и что для меня чем левее, тем лучше.

Впрочем, чрезмерной левизны в новом земельном законе и не было. Он был не слишком прав или лев, а слишком сложен, приспособлен для мирного времени, а не для периода гражданской войны.

Все-таки я придавал ему, как попытке, хотя и запоздавшей, круто повернуть курс, политики южно-русской власти в земельном вопросе, большое значение. Я глубоко убежден и сейчас, что если бы земельный закон, хотя бы в том виде, в каком он был издан генералом Врангелем 25 мая 1920 года, был издан генералом Деникиным 25 мая 1918 года,—результаты гражданской войны были бы совсем другие.

Если без земельного закона в атмосфере ненависти всей крестьянской массы Добровольческая армия при помощи английских пушек и танков докатилась до Орла и Брянска, то с земельным законом, который привлек бы крестьянские массы на ее сторону, она наверное дошла бы до Москвы.

Земельный закон Врангеля мало кому известен, а потому я считаю нужным изложить здесь основные его положения.

Первым параграфом закона устанавливается, что «всякое владение землею, независимо от того, на каком праве оно основано (тут, конечно, подразумевается, хотя из деликатности не провозглашается, и «право захвата»), подлежит охране правительственной власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев» впредь до изменений, производимых в порядке предусмотренном законом.

Второй параграф устанавливает, какие из захваченных крестьянами земель подлежат безусловному возвращению прежним владельцам. Сюда входят: надельные земли, земли, купленные через Крестьянский банк, отруба и хутора, возникшие по землеустроительным законам, церковные надельные и вакуфы, земли, принадлежащие опытным, ученым и учебным учреждениям, и, наконец, усадебные, огородные и находящиеся под особо ценными

специальными культурами земли. Из земель общего сельскохозяйственного значения прежним владельцам подлежат возврату лишь участки, своим размером не превышающие максимальных норм землевладения, которые устанавливаются правительством по представлению уездных земельных советов.

Все остальные земли в каждой волости передаются в распоряжение волостных земельных советов, которые распределяют их между обрабатывающими землю землевладельцами, получающими ее в полную личную собственность.

Преимущественные права по приобретению земель в собственность предоставляются «воинам, находящимся в рядах войск, борющихся за восстановление государственности, и их семействам».

Волостные советы избираются волостными земскими сходами, членами которых состоят: 1) все сельские старосты; 2) выборные от сельских обществ и земельных товариществ по одному от десяти дворов; 3) все частные владельцы, независимо от размера владения; 4) представители от церковных и казенных земель и от земель, принадлежащих разным учреждениям.

Уездные советы, к которым поступают жалобы на действия волостных советов и которые призваны устанавливать нормы землевладения в уезде, состоят под председательством особого назначенного правительством уездного посредника по земельным делам, из председателя уездной земской управы, мирового судьи по назначению мирового съезда, представителя от ведомства финансов и представителей волостных советов, по одному от каждого.

Законом предусматривалась передача функции волостных земельных советов волостным земствам, как только таковые будут созданы на основании имеющего быть изданным закона.

«Впредь до укрепления за новыми владельцами земельных участков», они обязаны ежегодно вносить в государственный фонд выкуп зерном. «Полной оплатой стоимости каждой десятины удобной земли признается сдача в государственный запас хлеба в зерне, преобладающего в данной местности посева, в размере пятикратного среднего за последние 10 лет урожая этого хлеба с одной казенной десятины».

Эти взносы производятся в течение 25 лет равными частями.

Вопрос о том, как государство будет расплачиваться с прежними собственниками земли, подлежал дальнейшей разработке, но, насколько мне помнится, соответствующий закон так и не был издан.

Таковы в основных чертах главные положения врангелевского закона о земле. Можно отнестись с большой критикой к тем или иным его недостаткам. Можно его считать недостаточно или слишком радикальным, но нельзя отрицать, что он являл собой решительный поворот в земельной политике южнорусской власти, которая стала искать опоры в крестьянстве, преимущественно в средних и зажиточных его слоях.

Приблизительно в одно и то же время и Врангель и Ленин поставили ставку «на середняка»...

Немедленно во все уезды Крыма, а затем и в Мелитопольский уезд, после отступления из него большевиков, были назначены посредники по земельным делам, под руководством которых вновь избранные волостные советы приступили к работам по регистрации земель и установлению максимальных норм землеустройства.

Мне не пришлось непосредственно наблюдать этой работы, но я должен констатировать по сведениям, которые до меня доходили, что в общем земельная реформа была встречена крестьянами сочувственно, и имя Врангеля быстро приобрело среди них большую популярность. Около трети крестьянского населения Крыма состояло из безземельных «скопщиков» и арендаторов, давнишняя мечта которых—получить в собственность обрабатываемую ими землю—наконец осуществилась. Конечно вопрос о выкупе несколько беспокоил крестьян. Нужно сказать, что выкупные платежи действительно были исчислены слишком высоко, ибо одна пятая урожая с десятины превращалась при трехпольной системе в три десятых с десятины посева, а при распространенной в Крыму залежной системе—в половину, а то и более.

В это время рыночная стоимость земли была крайне низка. Земля являлась, пожалуй, самым дешевым товаром, и я знаю целый ряд случаев покупки земли в Крыму за бесценок. Это обстоятельство крайне благоприятствовало проведению земельной реформы. Однако правительство Врангеля, порожденное правыми кругами, не могло не пойти им навстречу, хотя бы в вопросе о цене за отчуждаемую у помещиков землю. Требование «справедливой», не рыночной, оценки земель, некогда выдвигавшееся партией народной свободы в интересах крестьян, теперь проводилось в жизнь в интересах помещиков.

Само собой разумеется, что радикальная земельная реформа, как психологическое средство, сильно пострадала от высоких исчислений выкупных платежей, что послужило поводом для усиленной агитации против всего земельного закона. Однако крестьяне надеялись, что, получив землю на законном основании, они уже ее не лишатся, а выкупные платежи ведь могут быть рассрочены (что предусматривалось и в законе), а то и совсем отменены «по манифесту».

II.

Политика войны или мира.

Из первого моего разговора с генералом Врангелем у меня создалось впечатление, что он решил круто изменить основные линии общей политики своего предшественника: вместо похода на Москву—укрепление южно-русской государственности, вместо борьбы со всякими проявлениями «самостийности»—попытка примирения с антибольшевистскими государственными образованиями на юге России на основе предоставления им самых широ-

ких автономных прав, наконец, вместо «борьбы до победного конца» — попытка, при посредстве союзников, заключить мир или, точнее говоря, перемирие с большевиками.

11 апреля в интервью с сотрудниками местных газет Врангель заявил: «Не триумфальным шествием на Москву можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игмом народа».

В это же время управляющий ведомством иностранных дел П. Б. Струве делал еще более определенные заявления за границей о миролюбивом настроении южно-русского правительства. По отзывам печати эти заявления производили в союзных странах самое благоприятное впечатление и поднимали престиж генерала Врангеля. Вскоре, однако, Врангель внезапно и очень резко изменил принятый им было политический курс. Вскружили ли ему голову победы поляков над большевиками, поддался ли он влиянию своего военного окружения или неудачны были попытки его переговоров с союзниками о посредничестве (ходили слухи, что англичане настаивали на капитуляции армии Врангеля, обещая при этом лишь выговорить у большевиков личную неприкосновенность составу), — этого я не знаю. Помню только, как меня поразила резко воинственная речь, произнесенная им, если не ошибаюсь, в начале мая, речь, в которой он говорил о беспощадной вооруженной борьбе с «красной нечистой» с целью дать, наконец, России «хозяина».

(У меня нет под руками текста этой речи, но насколько я помню, Врангель в ней самым решительным образом заявил, что отвергает всякие предположения о мирном посредничестве между ним и заклятыми врагами России — большевиками.)

В Крыму мало кто знал о «новой тактике» генерала Врангеля, а потому его непримиримая речь никого не удивила. Sensацией в ней было лишь упоминание о «хозяине». Правая печать с радостью подхватила это слово и выражала удовольствие по поводу того, что, наконец, вождь армии стал под монархическое знамя. В левой печати по тому же поводу появились тревожные статьи.

В конце концов самому Врангелю пришлось вмешаться в возникшую газетную полемику и разъяснить, что под «хозяином» он разумел русский народ и его подлинных представителей, которые должны будут решить будущие судьбы России. Объяснение это было мало убедительно. Для всех осталось совершенно очевидным, что экспансивный генерал, монархические симпатии которого были хорошо известны, просто необдуманно проговорился.

Меня, впрочем, тогда вопрос о «хозяине» в речи Врангеля мало занимал. Гораздо серьезнее казался мне его категорически заявленный отказ от посредничества и решительный призыв к войне «до победного конца». Я понял, что «новой тактике», о которой шел у нас разговор в Ялте, пришел конец...

И действительно, вскоре началось наступление армии на северную Таврию, и ни о каких мирных переговорах или о создании временного южно-русского государства уже не было речи в Крыму.

Тем страннее, что за границей П. Б. Струве упорно продолжал делать заявления в прежнем духе. Так, в «Великой России» еще 22 июля можно было прочесть о данном им иностранным журналистам интервью, в котором он выразил готовность начать с Англией переговоры о перемирии с большевиками, если не будет выдвинуто требование о предварительном отступлении армии Врангеля за Перекоп. «Разграничение территории в пределах настоящего положения,—заявил он,—обеспечило бы южному правительству пространство, могущее жить своей жизнью и поддерживать себя экономически». К тому же примерно времени относится напечатанная в крымских газетах телеграмма о беседе П. Б. Струве с корреспондентом «Таймс», в которой он, между прочим, говорил о возможности «разграничения между советской и антибольшевистской Россией и одновременного существования обоих режимов».

Так для меня и до сих пор осталось загадкой противоречие между непримиримо-воинственными речами Врангеля в Крыму и мирными заявлениями Струве за границей.

Были ли миролюбивые речи Струве лишь дипломатическим прикрытием воинственной политики генерала Врангеля или, наоборот, суть политики заключалась в заявлениях Струве, а непримиримые речи произносились Врангелем лишь для поддержания воинственного духа армии?

Наконец возможно, что просто Струве не удалось удержать слишком экспансивного Врангеля от недостаточно обдуманных выступлений. Во всяком случае, с конца июля и Струве во время своих заграничных поездок уже перестал упоминать о возможности каких-либо мирных комбинаций с большевиками.

Гражданская война уже продолжалась без всяких политических перспектив. На взятие Москвы, конечно, уже не рассчитывали, а пытались лишь держать военный фронт и биться с большевиками до тех пор, пока они сами как-то не разложатся и не рухнут.

Эта психология врангелевской армии, связанная с верой не в свои победы, а лишь в прочность своей организации, которая должна пережить большевиков, психология, создавшаяся еще в Крыму, сохранилась и в изгнании, поддерживая дух армии в тяжелых условиях ее жизни в Галлиполи.

Итак, из предложения заключить перемирие с большевиками и создать конкурирующее с советским южно-русское государство ничего не вышло.

Что касается изменения курса политики в отношении к южно-русским автономным государственным образованиям—казачьим областям и Украине, то все шаги, предпринятые генералом Врангелем в этом направлении, уже не могли иметь реального значения по той простой причине, что как казачьи области, так

и Украина в это время находились под властью большевиков. Это обстоятельство, однако, не помешало Врангелю заключить с эвакуированными в Севастополь казачьими атаманами договор, в котором он торжественно обещал не нарушать автономных прав казаков. Договор был отпразднован банкетом, на котором присутствовали и представители военных союзнических миссий. Жили в Севастополе и какие-то представители Украины, едва ли кем-либо уполномоченные, но и с ними, насколько мне известно, велись дружелюбные переговоры.

Довольно значительную реальную силу представляла в это время вольница батьки Махно, который вел партизанскую войну с большевиками.

Врангель сделал попытку договориться и с ним. В штаб Махно ездили врангелевские парламентареры. По версии, которую я читал в изданных в Берлине мемуарах одного из махновцев, Аршинова, Махно решительно отказался от переговоров с Врангелем, и приехавший к нему парламентар был расстрелян.

Однако я очень хорошо помню рассказ самого Врангеля о том, как он получил от Махно записку такого содержания: «Большевики убили моего брата. Иду им мстить. Уже когда отомщу, приду к вам на подмогу».

Возможно, конечно, что махновский мемуарист прав в своем утверждении, будто Махно с негодованием отверг союз с Врангелем и что Врангель в данном случае стал жертвой какой-либо мистификации. Можно допустить и другие предположения. Может быть Махно действительно некоторое время колебался, выбирая себе союзника, а, может быть, это была с его стороны военная хитрость или провокация.

Во всяком случае, Врангель до такой степени поверил, что имеет в Махно союзника, что велел выпустить из тюрьмы сидевших там махновцев во главе с атаманом Володиным, которому было предоставлено сформировать вооруженный отряд.

Володин нарядился в фантастический костюм, вроде запорожского и вербовал в свой отряд отчаянных головорезов и уголовных преступников. Один знакомый татарин мне с ужасом рассказывал, что видел в отряде Володина, маршировавшем по улицам Симферополя, человека, который убил и ограбил его родных и отбывал за это наказание в тюрьме.

А командующий войсками тылового района и Керченского полуострова генерал Стогов в это время напечатал в крымских газетах обращение к дезертирам, начинавшееся так: «Дезертиры, скрывающиеся в горах и лесах Крыма! Кто из вас не запятнал себя из корысти братской кровью,—вернитесь...». А далее следовали такие доводы: «Так скорее же в ряды русской народной армии. С нею заодно и неутомимый Махно и украинские атаманы. Мы ждем вас, чтобы плечом к плечу биться за поруганную мать-родину, за осквернение храма божия, за распятую Русь...». Не знаю, много ли дезертиров вняло этому призыву, но атаман Володин повел свой отряд в Мелитопольский уезд, где воевал преимущественно с мирными жителями, грабил и насильничал.

В конце концов за целый ряд преступлений он был повешен военными властями.

Так неудачно кончился «союз» генерала Врангеля с батькой Махно.

III.

Внутренняя политика.

Когда Врангель был провозглашен диктатором, эвакуированные в Ялту сенаторы с несколькими местными правыми общественными деятелями подали ему докладную записку, основные положения которой сводились к следующим пунктам: 1) форма правления—военная диктатура («другого устройства власти, кроме военной диктатуры, при настоящих условиях мы не можем принять—иначе это было бы сознательно идти на окончательную гибель того святого дела, во главе которого вы стоите»); 2) упрощение административного аппарата («при главнокомандующем образуется Совет из пяти назначенных им начальников управления»); 3) высшее наблюдение за законностью принадлежит Совету; 4) при поступательном движении армии вперед—«возможно широкое право самоуправления».

В этой записке не заключалось на первый взгляд ничего явно реакционного. В самом деле, о каком ином строе, кроме военной диктатуры, можно было говорить в тот момент, когда в маленьком Крыму сосредоточилась многотысячная армия и бои шли на Перекопском перешейке? В программе указывалось на действительно необходимое упрощение административного аппарата, упоминалось и о широком самоуправлении.

Но тон делает музыку. Сама собой подразумеваемая диктатура выдвигалась не как временное необходимое зло, а как универсальное средство для спасения России. Упрощение административного аппарата связывалось с воссозданием «Особого совещания» из назначенных лиц, хотя и в сокращенном составе начальников управлений, «в о з м о ж н о» широкое право самоуправления откладывалось на неопределенное время, до поступательного движения армии вперед. А о земле не упоминалось ни единым словом...

С своей стороны, я созвал совещание представителей земских управ и городских голов Крыма, на котором была составлена краткая записка, касающаяся как финансового положения самоуправлений, так и их правового положения. В первую голову в ней указывалось на ненормальное положение земских управ, лишенных права созывать земские собрания. Мы категорически настаивали на необходимости полного восстановления земских самоуправлений.

Эта записка была доставлена лично генералу Врангелю делегацией из трех лиц.

Врангель принял нас чрезвычайно любезно, говорил о том, что он рассчитывает на поддержку местных общественных сил, с которыми готов работать рука об руку. Что касается восста-

новления земских собраний, то он категорически обещал отдать соответствующее распоряжение.

На всю делегацию он произвел самое лучшее впечатление.

Однако время шло, а обещанное распоряжение не появлялось. В чем же была задержка?

В одну из своих поездок в Севастополь я зашел в управление внутренних дел и поинтересовался судьбой нашей записки. Мне конфиденциально ее показали. Против того места, где говорилось о созыве земских собраний, рукой Врангеля было написано—«согласен». Но внизу, под запиской, сенатор Г. В. Глинка начертил довольно обширные рассуждения на тему о том, какие политические опасности могут произойти от восстановления социалистических земских собраний, а далее говорилось, что вообще земское самоуправление должно быть реформировано, и до коренной реформы земства о созыве собраний не может быть и речи.

Эта приписка карандашом оказалась более действительной, чем собственноручная резолюция диктатора. И земские собрания так и не были восстановлены, несмотря на то, что я неоднократно в беседах с Врангелем и А. В. Кривошеиным на этом настаивал.

До прибытия в Крым А. В. Кривошеина, впрочем, курс внутренней политики правительства Врангеля еще не установился. По указанию ялтинских сенаторов Врангель составил временное управление из ограниченного числа лиц, причем в управлении внутренних дел под началом таврического губернатора Перлика, назначенного еще Деникиным, были объединены ведомства внутренних дел, земледелия, торговли и путей сообщения, М. В. Бернацкий продолжал управлять финансами, П. Б. Струве—иностранными делами, а во главе ведомства юстиции был поставлен Н. Н. Таганцев. Эти лица, вместе с начальником штаба генерала Врангеля Шатиловым и еще, если не ошибаюсь, военным министром Вязьмитиновым, составляли Совет при генерале Врангеле, вроде бывшего при Деникине Особого совещания. Но П. Б. Струве находился большую часть времени за границей, а из остальных членов Совета не было никого, кто бы достаточно импонировал Врангелю и мог наметить общие линии его внутренней политики. Повидимому, до известной степени, пробел этот восполнялся закулисными влияниями ялтинских сенаторов, и, главным образом, Г. В. Глинкой, которому было поручено проведение земельного закона.

Сам Врангель, к которому мне часто приходилось обращаться по разным делам, попрежнему всем интересовался, но по горло занятый своими обязанностями главнокомандующего, в большинстве случаев уклонялся от решений, говоря: «Вот подождите немного, придет Кривошеин, которому я целиком доверяю дела внутреннего управления. С ним вы все эти вопросы и обсудите».

И вот, наконец, А. В. Кривошеин приехал...

Очень хорошо помню свой первый разговор с ним.

— П. Б. Струве мне указал на вас и на Е. С. Налбандова,

как на двух представителей местной общественности, от которых я могу ожидать полезных советов в деле управления краем, и рекомендовал считаться с вашим мнением. Надеюсь, что вы не откажете мне в такой помощи.

— Видите ли, А. В.,—ответил я,—я охотно готов служить вам теми или иными советами, но боюсь, что они будут диаметрально противоположны советам другого рекомендованного вам П. Б. советчика.

— Тем лучше,—заметил Кривошеин с легкой улыбкой на холодном, красивом лице,—от столкновения противоположных мнений рождается истина.

Через несколько дней после этого разговора В. С. Налбандов был назначен министром торговли и, как местный человек, несомненно оказывал влияние на политику Кривошеина, а у меня с последним установились хотя вполне корректные, но прохладные отношения.

Я часто бывал в Севастополе по делам и в каждый свой приезд заходил к Кривошеину в «большой дворец», где он поселился.

Он всегда принимал меня вне очереди, чрезвычайно любезно и внимательно меня выслушивал, ибо я являлся к нему как представитель «общественности», с которой до поры до времени нужно было ладить.

Как ни была жалка и бессильна та «общественность», которую я представлял, но подчеркивать единение с ней нужно было по политическим соображениям, дабы не шокировать представителей «великих демократий».

Я знал, что нужен Кривошеину и Врангелю лишь в качестве декорума общественности при осуществлявшейся ими диктатуре, как потом в Константинополе социалисты Алексинские были нужны Врангелю для сохранения видимости широкого общественного фронта, его поддерживающего. Поэтому Кривошеин принимал меня вне очереди, а Врангель просил всегда заходить к нему, когда я бываю в Севастополе. В шутку своим знакомым я называл себя земским собором при самодержце Врангеле.

По существу я всегда чувствовал, что между мной и ими стена, что нам внутренне друг друга не понять, что мы люди разных психологий. Но я сознательно мирился с своей неблагодарной при них ролью, ибо шла война, а на войне, не поддерживая одной стороны, помогаешь другой...

Мне много приходилось слышать отрицательных отзывов о личности покойного А. В. Кривошеина. Должен, однако, сказать, что хотя я не был солидарен с той политикой, какую он вел в Крыму, у меня все-таки от довольно длительного знакомства с ним осталось о нем впечатление, как о человеке, искренне и горячо любящем Россию. Кроме того, это был человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но... он все-таки был плоть от плоти бюрократии старого режима. Головой он понимал, что нужны

новые методы управления, в смысле упрощения административного аппарата, предоставления больших прав самоуправления, демократизации отношения власти к населению и т. п. Но долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей.

И Брангель и Кривошеин обладали запасом здорового оппортунизма, столь необходимого им в их положении, обладали и большим жизненным чутьем, но, по основным чертам психологии, первый все-таки оставался ротмистром Кавалергардского его величества полка, а второй—тайным советником и министром большой самодержавной России.

Кривошеин на словах неоднократно высказывался за упрощение бюрократического аппарата, а между тем в Севастополе опять создались министерства с отделами, отделениями и пр. В Симферополе были губернатор, вице-губернатор, управляющий государственными имуществами, казенная и контрольная палаты,—словом, полный бюрократический аппарат, некогда управлявший целой губернией. А теперь, чтобы управлять половиной этой губернии, все эти местные ведомства были возглавлены центральными министерствами в Севастополе, в которых количество чиновников было, конечно, больше чем в Симферополе. Все эти чиновники были завалены работой, но добрая половина ее заключалась в переписке с подчиненными им губернскими учреждениями. Это уродливое двухэтажное управление половиной губернии обходилось крайне дорого. Колоссальные средства продолжали тратиться и на поддержание заграничных дипломатических учреждений, в которых сохранились полные штаты служащих с прежними громадными окладами. Нужды центральных и заграничных учреждений удовлетворялись в первую очередь, а учреждения местные чахли, получая совершенно ничтожные кредиты.

Особенно туго приходилось земским и городским самоуправлениям.

Периодически в Симферополе собирались съезды председателей управ и городских голов, где мы определяли наши потребности, и затем отправляли в Севастополь делегатов для выпрашивания денег. Обыкновенно со мной в такие поездки отправлялся товарищ симферопольского городского головы Н. С. Арбузов.

Итак, вместо упрощения аппарата управления, получилась громоздкая бюрократическая надстройка над местными учреждениями.

Так обстояло дело с конструкцией власти. Каково же было содержание внутренней политики?

Мне несколько раз приходилось слышать от Кривошеина утверждение, что для него не существует ни правых ни левых, что один враг—большевики, и против этого врага он готов идти об руку с кем угодно, от правых до социалистов. Так он говорил со мной, может быть и искренно, а между тем во главе полиции поставил известного по своей полицейской работе в последний период царского правительства—генерала Климовича.

Непосредственно после назначения Климовича я к нему зашел по следующему поводу:

В Симферополе был арестован по подозрению в большевизме мой хороший знакомый, редактор газеты «Южные ведомости» Арон Павлович Лурья. Это был человек исключительных душевных качеств, необыкновенно кроткий, добрый и незлобивый. Официально он принадлежал к партии народных социалистов, но по существу, благодаря особенности своей натуры, не мог уложиться в рамках какой-либо партии. К большевикам относился с ненавистью, если мог вообще кого-либо ненавидеть.

Когда Крым был занят большевиками, он (Лурья) был одной из жертв их кровавого террора, и, как мне передавали, умер геройской смертью, проявив стойкость и мужество христианского мученика... А тут его обвинили в большевизме. Через П. Б. Струве мне удалось добиться его освобождения.

Когда он был арестован и приведен в соответствующее полицейское учреждение, то попал на допрос к некоему N (фамилию этого господина я забыл), деяния которого когда-то разоблачались в «Южных ведомостях» (вероятно, это и было причиной ареста Лурья).

А история ротмистра N—«обыкновенная», но весьма характерная. Во времена Деникина он служил в контрразведке, но ему не повезло: избалованный в целом ряде вымогательств и насилий (до убийств включительно), он был предан военному суду и приговорен к каторжным работам.

На его счастье в это время приехал в Крым главноначальствующий генерал Шиллинг, который, благодаря заступничеству за N одной особы женского пола, приговора не утвердил, а заменил каторжные работы простым разжалованием в рядовые.

А рядовой N вновь был принят на службу в полицию, где получал ответственные поручения, до ведения дознаний включительно.

Вот эту историю я и считал необходимым довести до сведения генерала Климовича, только что приехавшего в Крым из Сербии, куда он попал после эвакуации Новороссийска.

Климович выслушал меня довольно равнодушно и сказал, что наведет справки, но добавил, что полиции иной раз приходится пользоваться услугами и уголовных элементов, за которыми нужно иметь лишь сугубый надзор. Впрочем, добавил он, если дело действительно обстоит так, как я передаю, то он, конечно, примет свои меры. Разговор наш перешел на другие темы.

Я стал говорить Климовичу о том, какую губительную роль в постановке полицейского розыска до сих пор, кроме бесконечного моря прямых злоупотреблений, сыграло растяжимое толкование понятия «большевизм», как в большевизме обвиняли умеренных социалистов и даже совсем не социалистов, имевших несчастье служить в большевистских учреждениях. Приводил примеры расправы над совершенно непричастными к большевизму

плоды и т. д. Словом, говорил все то, что раньше говорил Кривошеину и с чем последний вполне соглашался.

Климович уклонился от изложения своей программы, но словоохотливо стал рассказывать о том, как сидел в тюрьме при временном правительстве и какие при этом испытывал унижения. При большевиках было тоже скверно, но они, по крайней мере, выпустили на свободу и даже дали возможность поступить на службу в какой-то банк.

Смысл его речи заключался в том, что все левые одним миром мазаны.

Я почувствовал в ней столько злобы, ненависти и личной мстительности, что для меня не могло уже быть сомнений, что в его полицейской работе все останется по-старому.

И действительно, при Климовиче, как и до него, тюрьмы были переполнены преимущественно случайными людьми, что несколько не мешало, а скорее помогало работе оставшихся на свободе большевистских агитаторов.

Когда я передавал свои впечатления о Климовиче Кривошеину, он спокойно и холодно ответил мне: «Конечно, и у Климовича есть свои недостатки, но на таком посту должен быть специалист своего дела».

Мне хорошо памятен один эпизод, мелкий, но характерный для власти, которая перед лицом подлинной большевистской опасности все еще продолжала сводить мелкие счета с другими социалистическими течениями.

Первая демократическая симферопольская городская дума избрала в числе почетных мировых судей несколько социалистов. Срок избрания их истек через два месяца. Тем не менее, когда министр юстиции Н. Н. Таганцев узнал о существовании почетных мировых судей-социалистов, то отрешил их от должности. Я уже теперь не помню, на какой закон ссылался при этом министр юстиции и ссылался ли он вообще на какой-нибудь закон. Помню только, что городская дума, хотя и не имевшая тогда социалистического большинства, единогласно выразила протест против этого незаконного с ее точки зрения акта.

— Помните ли вы, А. В., сказку Щедрина, о том, как медведь чижика съел?—спросил я по этому поводу у Кривошеина.

— Помню,—ответил он,—а почему вы меня об этом спрашиваете?

— А вот подумайте: в Мелитопольском уезде идут кровопролитные бои с большевиками, здесь в тылу зеленые засели в горах, и дня не проходит, чтобы не было вооруженных нападений; экономическое и финансовое положение ухудшается изо дня в день и т. д., а ваше правительство занимается репрессивными мерами против мирнейших граждан, избранных три года тому назад в почетные мировые судьи, и притом за два месяца до окончания их полномочий. Кому и для чего это нужно? Между тем такие меры власти вносят раздражение в общественную среду, а большевикам доставляют удовольствие: мишка, мол, чижика съел.

Кривошеин улыбнулся и слегка задергал левой щекой, что у него всегда предшествовало язвительной реплике.

— Может быть вы и правы, что этого не следовало делать, — сказал он, — но ведь автор этой меры ваш же либерал, Н. Н. Таганцев...

Как-никак, и Врангель и Кривошеин очень дорожили поддержкой общественного мнения, а в частности и печати.

Однако выходило так, что не печать служила поддержкой правительству, а правительство являлось поддержкой печати.

Правда, «Осваг», на содержание которого правительство Деникина растрачивало огромные средства, был ликвидирован, но многие из деятелей этого недоброй славы учреждения прибыли в Крым и, конечно, атаковали правительство, добиваясь казенного иждивения и субсидий.

И вот, хотя «Осваг», как учреждение, и не был восстановлен, но дух его ожил в многочисленных, получавших казенную субсидию газетах.

Газеты росли, как грибы. Сколько их было в Крыму, — не знаю точно, но во всяком случае, около двадцати, если не больше. Газет шесть или семь в Севастополе, четыре в Симферополе, две в Евпатории, а там еще в Ялте, Феодосии, Керчи...

Насколько знаю, совершенно без казенной субсидии, в форме денежных дотаций или льготного получения бумаги, обходились только две — «Южные ведомости» в Симферополе, субсидировавшиеся кооперативами, и закрытый вскоре социалистический «Ялтинский курьер». Из остальных газет более или менее независимо себя держали: севастопольская — «Юг России», большая газета либерально-демократического направления, и издававшаяся в Симферополе «Известия Крестьянского Союза».

Эти газеты страдали от цензуры, выходили с белыми столбцами и хотя в общем поддерживали Врангеля и его правительство в их борьбе с большевиками, но держали себя независимо. Вся остальная печать имела определенно рептильный характер. Злоба, клевета и доносы, с одной стороны, бахвальство и «шапками закидаем», с другой — основные черты всей этой ужасной, удушающей прессы. А если говорить о направлении, то, за исключением «Таврического голоса», допускавшего известный либерализм суждений, и «Великой России», старавшейся быть умеренной, все это были газеты определенно правого, явно монархического уклона. Конечно, преобладание правых газет среди субсидировавшихся правительством не было простой случайностью, ибо если еще можно допустить, что «правые руки могли творить левую (практическую) политику», то правая голова не могла говорить левые слова.

Бывало, что какая-нибудь правая рептилия говорила больше, чем полагалось, и тогда Врангель ее сдерживал. Но такие случаи были редки.

В деле устной агитации происходило приблизительно то же. Правительство оплачивало услуги целого ряда агитаторов, выступавших на митингах в тылу и на солдатских собраниях на

фронте. Увы, среди них лица, выступавшие с проповедью объединения всех против единственного общего врага—большевиков, были редкими исключениями.

В большинстве случаев проповедь велась в определенно монархическом духе, со злобой и ненавистью ко всем инакомыслящим.

Один из моих хороших знакомых, глубоко преданный белому движению, отдававший все силы своего ораторского дарования на дело агитации в пользу армии, говорил мне что порой приходил в отчаяние от того направления, какое принимала эта агитация благодаря постепенному вытеснению из пропагандистской работы прогрессивных людей с заменой их черносотенными демагогами.

Демагогия агитаторов, конечно, направлялась в сторону наименьшего сопротивления, используя возраставший в армии и в широких слоях населения антисемитизм.

Особенно опасные формы антисемитская агитация приняла тогда, когда она стала раздаваться с церковного амвона.

В Симферополе появился известный московский священник Востоков, бежавший от большевиков на юг.

Каждое воскресенье, после службы, в кафедральном соборе он произносил с амвона горячие речи, призывая к борьбе с еврейством, закабалившим русский народ при посредстве большевиков. Речи его были талантливы и сильны и производили огромное впечатление. Народ валом валил в собор уже не на молитву, а только чтобы послушать полные человеконенавистничества речи церковного пастыря.

На третье воскресенье толпа уже не вешалась в собор. Востоков вышел на паперть и говорил с ее возвышения возбужденной толпе, в которой начались истерические взвизгивания женщин и послышались грозные крики: «бей жидов».

Над Симферополем повисла опасность еврейского погрома.

Я экстренно выехал в Севастополь, застал там П. Б. Струве, и мы с ним вместе отправились к генералу Врангелю, который, выслушав мой рассказ о том, что творится в Симферополе, обещал обуздать неистового отца Востокова.

И действительно, на следующий день был издан приказ, грозивший карами за возбуждение одной части населения против другой, а отцу Востокову было воспрещено выступать со своими проповедями с паперти собора.

Атмосфера несколько прочистилась, опасность еврейского погрома миновала, но дух злобной реакции в субсидированной правительством агитации устной и печатной не только не ослабевал, а все более усиливался...

Я не думаю, чтобы этот дух сознательно культивировался Врангелем или Кривошеиным. Реакция развивалась стихийно как в самой армии, так и во всем ее окружении, и нужно думать, что никто бы не успел во главе управления, кто бы вздумал с ней бороться. В этом можно было убедиться на опыте последнего правительства Денищина.

К тому же сам Врангель ведь был выдвинут на свой пост правыми кругами.

А В. Кривошеин, во всяком случае, среди этих волн разыгравшейся реакции играл умеряющую роль. Сдерживая насколько умел, но шел на компромиссы направо, поскольку это ему представлялось необходимым...

Мысли его, впрочем, были заняты не этими текущими делами внутренней политики, а основной перестройкой всего государственного строя на новой социальной базе.

Такой новой социальной базой должно было стать среднее и зажиточное консервативное крестьянство. Этому крестьянству, представители которого составляли подавляющее большинство в земельных комитетах, должны были перейти в собственность частновладельческие земли, оно же должно было взять в свои руки и земское управление.

Я уже говорил о том, какие препятствия встретились на пути к восстановлению нормальных функций земских самоуправлений в Крыму.

Демократические земства, давно уже утратившие свой революционный пыл, все же продолжали внушать страх и ненависть правящим кругам при Врангеле, как это было и при Деникине. И даже к исполнительным органам распущенных земских собраний, к земским управам, продолжали относиться подозрительно, хотя состав их уже значительно изменился. Служба в земствах, страдавших хроническим безденежьем, в то время была в материальном отношении очень тяжелой, и вполне естественно, что все, кто мог найти себе более выгодное занятие, покидали земскую службу. Благодаря тому, что социалисты легко находили себе приют в кооперативах, земские управы в значительной степени заполнялись людьми беспартийными, частью из третьего элемента, частью из состава прежних «цензовых» гласных. За невозможностью производить выборы пополнения происходили путем кооптации с последующим утверждением губернатора. На этой почве, впрочем, у нас с администрацией не происходило конфликтов. Но, повторяю, нас все-таки считали плотью от плоти «революционной демократии».

В центральных учреждениях всех ведомств, где меня лично внешне чрезвычайно любезно принимали, я всегда чувствовал это подозрительное отношение к представляемому мною учреждению и стремление тем или иным образом урезать земскую работу или дискредитировать ее руководителей. Скрытая борьба с земствами выражалась в различных формах: в попытках прервать отпуск средств на определенные отрасли работы с тем, чтобы взять заведывание ими в руки правительства (политика управления земледелия), в назначении ревизий, в учреждении постоянного контроля за исполнением смет и т. д. ●

Управляющий контрольной палатой Гординский, старый опытный чиновник, возмущался этой возложенной на него обязанностью. Он отлично понимал, что соблюдение сметных предположений при стремительно падавшей валюте совершенно невоз-

можно, и обещал мне смотреть сквозь пальцы на все наши вызываемые жизненной необходимостью, беззакония. Однако появившиеся в управах контрольные чиновники все-таки мешали работать, а в некоторых уездных земских управах они стали вмешиваться даже во внутренние дела. Добродушный Гординский всячески помогал мне в улаживании возникавших конфликтов.

Очень вероятно, что удержись Врангель в Крыму еще несколько месяцев, многие из нас за неправильное расходование казенных денег попали бы на скамью подсудимых.

Я не стану перечислять отдельных случаев мелкого «подсуживания» земских учреждений, практиковавшегося некоторыми министрами Врангеля. Таких случаев было много, и много они мне испортили крови, но сейчас все эти мелочи уже не представляют интереса.

Как-никак, но до поры до времени терпели. Однако судьба демократического земства была предreshена: Кривошеин поручил Г. В. Глинке выработать новое положение о земских учреждениях.

Оно было идейно тесно связано с изданным уже законом о земле.

Среднее и зажиточное крестьянство, увеличившее свое землевладение при помощи нового земельного закона, должно было стать опорой государственной власти. Для этого нужно было его организовать, но организовать без участия разночинной интеллигенции—главной виновницы всех постигших Россию несчастий, и под бдительным наблюдением начальства.

Такова была, как мне представляется, идейная цель Кривошеина, практически воплощавшаяся в проекте положения о земских учреждениях.

Волостное земство, упраздненное денкинским правительством, снова восстанавливалось, но уже не на основе всеобщего избирательного права.

Круг избирателей волостного земства был определен законопроектом следующим образом:

«Избирательными правами пользуются: а) домохозяева, имеющие надельную землю или иную земельную собственность и ведущие самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство, не исключая женщин, удовлетворяющих изложенным условиям и являющихся главами семей; б) землевладельцы, без различия сословий и независимо от размера их земельного имущества, по одному представителю или представительнице от каждого входящего в состав волости владения, составляющего особое хозяйство; в) настоятели местных церквей, а также по одному представителю от приходских обществ всех исповеданий, если сии общества владеют землей в пределах волости; г) лица, пользующиеся землей на праве аренды, имеющие на этой земле оседлость и проживающие в пределах волости не менее 3 лет, если они ведут на арендованной земле самостоятельное сельское хозяйство или имеют на ней торгово-промышленное либо фаб-

рично-заводское предприятие; д) представители казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ, по одному от каждого, если эти учреждения, общества и товарищества владеют в пределах волости недвижимым имуществом».

Особым параграфом предусматривалось, что «в гласные могут быть избираемы только лица, имеющие право участия на избирательных собраниях».

Таким образом вся сельская интеллигенция—учителя, врачи, фельдшера и пр. и более культурное молодое поколение деревни (только «домохозяевам» давались избирательные права) лишались права участия в волостных земствах.

Волостным земством формально было предоставлено весьма широкое право самоуправления и независимое от администрации положение.

Но... на председателя волостной управы возлагались административные обязанности волостного старшины, и в пределах функций волостного старшины он подчинялся уездному начальнику. Таким образом фактически уездный начальник получал возможность оказывать давление на всю земскую работу в волости. А так как в состав гласных уездных земств были введены все председатели волостных земств (они же волостные старшины), то и уездные земства в значительной степени вводились в сферу влияния администрации.

Губернские земства по проекту упразднялись совершенно, взамен чего уездным земствам предоставлялось образовать союзы по отдельным отраслям земского хозяйства.

Таковы в общих чертах те изменения, которые предполагалось ввести в конструкцию земского самоуправления.

В сущности это было упразднение старого земства, земства, двигавшегося «цензовой» или «демократической» интеллигенцией, земства, имевшего свои навыки и традиции. Создавалось новое крестьянское самоуправление с преобладающим влиянием волостных старшин, подчиненных администрации.

Мне очень памятны два заседания по выработке нового земского положения, в которых мне пришлось принять участие.

Первое, посвященное установлению основных начал будущего земского устройства, происходило под председательством самого Кривошеина.

В его состав, насколько помню, входили все министры, а также были приглашены два представителя от съезда председателей управ и два от третьего элемента губернской земской управы.

Мы, представители местного земства, составляли сплоченное меньшинство, к которому иногда присоединялся бывший крымский земец, министр торговли Налбандов. Конечно, мы отстаивали не только сохранение, но и расширение прав губернского земства. Что касается волостного земства, то опыт привел нас к несколько ограничительному его признанию, и мы находили, что право учреждать волостные земства должно быть предоста-

влено уездным земским собраниям. Конечно, мы возражали и против превращения волостного земства в волостное правление и против введения имущественного ценза, который как будто странно было отстаивать после всеобщего «поравнения», произведенного большевиками.

Но, конечно, наши горячие возражения ни к чему существенному не привели: удалось провести лишь несколько второстепенных и одну существенную поправку о предоставлении факultatивного права уездным земствам, буде они признают это нужным, создавать губернские земства.

Кривошеин внешне держал себя корректно и спокойно выслушивал наши иногда резкие нападки, но порой он не выдерживал тона и давал ядовитые реплики. До сих пор помню почти дословно фразу, которой он начал свою председательскую заключительную речь: «Не кажется ли вам знаменательным, господа, сказал он, что против крестьянского волостного земства высказывается юрикович князь Оболенский, а за него горячо стоит худородный Кривошеин?».

Знаменательно было то, что старый сановник в коммиссионной работе не мог удержаться от приемов митинговой демагогии. Таков уж был дух времени..

Другой раз я был приглашен в комиссию, в которой рассматривался уже текст закона о волостном земстве. Председательствовал Г. В. Глинка, а среди членов помню министра внутренних дел Тверского, Н. Н. Таганцева, Н. С. Налбандова и Н. В. Савича и юрисконсульта министерства внутренних дел Ненарокова. Тут тоже споры были горячие, но уже спорил почти я один, кое в чем поддерживаемый Н. С. Налбандовым. Мы с ним тщетно пытались ввести в состав волостных (а следовательно и уездных) земств интеллигенцию. Когда всеми головами против моего одного провалилось всеобщее избирательное право, мы предложили наравне с имущественным цензом ввести ценз образовательный. Когда и это не прошло, стали отстаивать пассивное избирательное право хотя бы для лиц, имеющих образовательный ценз. Все эти предложения были провалены. С другой стороны, Ненароков, страдавший «жидоманией», выражал большое беспокойство по поводу того, что в законе остались какие-то лазейки, через которые могут проникнуть в земство евреи. Его смущали и «представители приходских обществ всех вероисповеданий» и лица, имеющие торгово-промышленные заведения.

Ему доказывали, что случайные евреи потонут в массе избирателей, что, наконец, большой беды не произойдет даже, если, вопреки всем вероятностям, в какой-либо волости окажется один гласный еврей. Он долго не унимался и даже с одним евреем не мог примириться.

Закрыв заседание, Глинка обратился к нам с такой ревью: «Ну, вот, мы произвели скачок в неизвестность. Появятся новые земства, в которых будут заседать одни мужички, так не (он ладонью утер нос снизу вверх). А все-таки я верю, что

такие (опять нос утирает ладонью) в конце концов спасут Россию.

— Ну, знаете, Г. В.,— ответил я ему,— если вы так в это верите, уступите таким заодно и ваши министерские портфели.

Кто знает оправдали бы «такие» возглавившиеся на них надежды. Ведь при создании избирательного закона в 1-ю Государственную думу на них тоже возлагались надежды, и они их не оправдали. Но тогда земля путала все карты...

Окончательный ответ на поставленный вопрос даст в ближайшее время новая Россия.

IV.

Нравы фронта и тыла.

Когда после эвакуации Новороссийска маленький Крым стал единственной территорией южно-русского военного государства, фронт и тыл почти слились между собой. И, конечно, взаимное их влияние было по преимуществу отрицательного характера. Жестокость фронта и разврат тыла...

Однажды утром дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях Симферополя страшных мертвецов с высушенными языками...

Этого Симферополь еще не видывал за все время гражданской войны. Даже большевики творили свои кровавые дела без такого оказательства. Выяснилось, что это генерал Кутепов распорядился таким способом терроризировать симферопольских большевиков.

Симферополь заволновался. Городская дума вынесла резолюцию протеста, и городской голова отправился к генералу Кутепову настаивать на том, чтобы трупы повешенных немедленно были сняты с фонарей. Протест думы был послан генералу Врангелю.

Кутепов принял городского голову очень недружелюбно, но все-таки мертвецы, целые сутки своим страшным видом агитировавшие против армии и ее командования, были убраны, и в дальнейшем Симферополь уже не был свидетелем столь жутких нравов фронта гражданской войны.

Я этим отнюдь не хочу сказать, что в области репрессий при Врангеле все стало благополучно. Попрежнему производились массовые аресты не только виновных, но и невиновных, попрежнему над виновными и невиновными совершало свою расправу упрощенное военное правосудие.

Один случай смертной казни ярко запечатлелся в моей памяти.

Однажды пришла ко мне в управу депутация от симферопольских татар, прося вступить за трех их единоплеменников, приговоренных к смертной казни за принадлежность к большевистской организации. В числе приговоренных был один молодой талантливый татарский поэт. Мне сообщили, что городской голова только что поехал в Севастополь ходатайствовать перед Врангелем о помиловании осужденных, и что поэтому необхо-

нимо добиться отсрочки хотя бы на один день смертной казни, которая назначена на сегодня в 9 часов вечера.

Я посмотрел на часы. Было шесть часов... Мы сели на извозчика и поехали разыскивать председателя военно-полевого суда. В комендантском управлении узнали его адрес, отправились к нему, но денщик, сказал, что он лишь через час будет дома.

В семь часов мы снова были у него.

Большой, неуклюжий, широкоскулый и широкобородый полковник с милым, добродушным лицом... Выслушал нас внимательно и сказал, что охотно исполнил бы нашу просьбу, если бы это от него зависело. К сожалению, приговор утвержден генералом Кутеповым, и только он может отсрочить приведение его в исполнение. Посоветовал нам обратиться по прямому проводу к генералу Кутепову в Джанкой.

Спешно поехали на телеграф, но там от нас потребовали предъявить разрешение начальника гарнизона. В семь с половиной часов мы были у начальника гарнизона генерала Кусонского, который дал нам разрешение на разговор по прямому проводу. В восемь часов опять проникаем на телеграф.

Телеграфист выстукивает Джанкой и просит к аппарату генерала Кутепова: Ответ: «Генерал Кутепов занят. Как только освободится, подойдет»... Мы садимся и ждем... Против нас висят стальные часы и мерно тикают. Я смотрю на них, вижу как каждую минуту стрелка мерно двигается вперед. И почти физиологически чувствую, как с каждым движением стрелки какой-то жуткий холодок пробегает по сердцу.

Стрелка показывает 8½ часов... Мы не смотрим друг на друга, не разговариваем. Молчат, потупившись, и телеграфисты, которые знают, о чем я буду говорить с Кутеповым... Мысленно представляю себе камеру симферопольской тюрьмы, в которой и я когда-то сидел, слышу шаги по коридору, стук в дверь... Пришли...

Стрелка часов показывает без пяти минут девять... Вот вывели трех неизвестных мне молодых людей на мощный двор... Знают ли они, что я здесь стою у прямого провода? Надеются ли еще жить, или... Часы хрипят и готовятся бить девять... Вдруг застучал аппарат: «У аппарата генерал Кутепов». Я начинаю словами: «Может быть уже слишком поздно, но все-таки»... и, изложив дело, прошу отсрочить исполнение приговора на один день.

Телеграфист, как и я, волнуется и торопится скорее отстучать мои слова... Пауза... Опять стучит аппарат, стучит долго, и тянется длинная лента, которую подхватывает телеграфист, считывая мне слово за словом... Боже мой, что это!.. Генерал Кутепов затеял со мной длинную полемику. Он рассказывает мне, как однажды городской голова жаловался ему на бесчинства офицеров и настаивал на принятии самых суровых мер, до смертной казни включительно. Так относится общественность к офицерству. А когда приговаривают к смерти большевиков, то общественные деятели за них вступаются... И все в таком же роде.

Отведя душу в полемике, генерал Кутепов закончил свою речь словами: «Приговор не отменяю».

На следующий день Кутепов разослал в редакции газет текст нашего разговора по прямому проводу и распорядился его опубликовать, а еще через день Врангель вызвал меня телеграммой в Севастополь. ☉

Против обыкновения он принял меня более чем сухо и в очень повышенном тоне стал говорить, не называя меня, о крымских общественных деятелях, которые вместо того, чтобы поддерживать армию, защищающую Крым, всячески стараются ее дискредитировать. «Имейте в виду,—заявил он,—что я дальше терпеть этого не намерен и не остановлюсь перед самыми суровыми мерами».

Я понял, что мне предстоит выдержать бой.

— Прежде чем говорить с вами по существу, я бы хотел знать, что дает вам повод говорить со мной в таком тоне?

— Как что? А ваш разговор с Кутеповым?

— Я все-таки вас не понимаю. Да, я говорил с Кутеповым по прямому проводу, прося отсрочить казнь на один день. Что же, вы в этой просьбе видите дискредитирование армии? Или вы вообще считаете недопустимым, чтобы кто бы то ни было возбуждал ходатайство о даровании жизни хотя бы даже преступникам?

Врангель понял, что зарвался.

Совсем дело не в ходатайстве,—ответил он,—а в том, что вы придали гласности ваш разговор с Кутеповым.

— Наша беседа была опубликована не мной, а самим генералом Кутеповым.

Этого Врангель совершенно не ожидал. Он собирался меня «распустить», а сам попал в неловкое положение.

Впрочем, обладая хорошим качеством, не бояться признания своих ошибок, он извинился в том, что был неправильно информирован, и резко переменял тон разговора с начальнического на дружественный.

Расстались мы вполне дружелюбно. Инцидент был исчерпан.

«Диктатура, опирающаяся на общественность», сильная власть в дружной работе с широким местным самоуправлением... об этом много говорили во времена Деникина и во времена Врангеля, но осуществить этих сакраментальных формул не удавалось. Потому ли, что в них заключается непреодолимое внутреннее противоречие, или потому, что военные диктаторы, воспитанные в духе дисциплины и субординации, не способны были понять духа общественности.

Но вот другая задача, как будто значительно более легкая для всеильного диктатора, только что сумевшего дисциплинировать фронт: бороться с злоупотреблениями военного тыла, с дезертирством с фронта офицеров, стремящихся устроиться в штабных интендантских и других тыловых учреждениях, с воровством, взяточничеством и спекуляцией этих тыловиков. Увы, с этой задачей Врангель совершенно не справился.

Вначале, со свойственной ему энергией, настойчивостью и властью, он произвел большую чистку своих тыловых учреждений, но вскоре обнаружилось, что он делает поистине сизифову работу. Тыловые офицеры, согнанные с насиженных мест, ехали на фронт, но вскоре получали новое назначение в тыл. Одни тыловые учреждения расформировывались, но взамен их возникали новые. Образовывалось невероятное количество разных комиссий, в которых находили себе приют многочисленные полковники (почему-то этот чин был наиболее распространенным в тыловых учреждениях), старавшиеся возможно дольше тянуть свои дела, чтобы, получая присвоенное содержание легальным путем и целый ряд «безгрешных» доходов—путями нелегальными, подольше отсиживаться в безопасном месте.

Зимой 1921 года я ехал на пароходе из Константинополя в Марсель с двумя офицерами Корниловской дивизии. Они мне рассказывали, что дивизия эта пришла с фронта в Севастополь в числе 400 человек. А когда при эвакуации они грузились на пароход, то состав дивизии возрос до 3 000 человек...

Возможно, что эти цифры не точны, но несомненно, что и маленькая Крымская армия, как и русская армия великой войны, страдала гипертрофией тыла.

И, несмотря на все усилия Врангеля, тыл продолжал разбухать в ущерб фронту.

Незадолго до эвакуации в Севастополе происходило совещание торгово-промышленных и финансовых деятелей, из которых многие были вызваны из-за границы. На этом совещании, на котором и мне довелось присутствовать, одним из видных инженеров был сделан доклад о состоянии железнодорожного транспорта в Крыму, на основании только что произведенного им обследования. В докладе изображалось крайне печальное состояние транспорта и, между прочим, было констатировано, что, несмотря на ничтожную длину рельсовой сети, подвижного состава все-таки не хватает, ибо количество вагонов, обслуживающих тыловые учреждения армии не меньше того количества, которое обслуживало тыловые учреждения всего юго-западного фронта во время великой войны.

И так было во всем. Отношения между тылом и фронтом примерно были такие, какие бывают между предметами, на которые смотришь в бинокль с узкого и широкого конца.

Особенно эта диспропорция тыла и его безнадежная развращенность бросались в глаза в сутолоке севастопольских улиц, в шуме его ресторанов, в кричащих нарядах веселящихся дам и т. д.

Если в военной организации и в военных успехах Добровольческой армии за все время ее существования бывали колебания в ту или иную сторону, если во внутренней политике южно-русской власти происходили иногда перемены к худшему или к лучшему, то в области тылового быта и тыловых нравов мы все время эволюционировали в одну сторону, в сторону усиления всякого рода бесчестной спекуляции, взяточничества и

казнокрадства. Смена вождей и руководителей военных действий и гражданской политики нисколько на этом не отражалась. Если при Врангеле тыловое разврат было еще значительнее, чем при Деникине, то только потому, что Врангель был после Деникина, а не наоборот.

Причину стремительно-поступательного развращения нравов, конечно, нельзя видеть ни в испорченности людей, примкнувших к белому движению, ни в режиме произвола и насилия, всегда связанных с гражданской войной. Конечно, все эти причины оказывали свое влияние, равно как и все больше развивавшаяся с ухудшением общего положения психология «хоть день, да мой». Все эти причины субъективного характера, однако, покрывались одним объективным фактором—падением бумажных денег и растущей изо дня в день дороговизной.

Перегоняя дороговизну жизни, росли доходы купцов и ремесленников, несоразмерно повышавших цены на свои товары, более или менее в уровень с дороговизной подымались заработки рабочих, державших предпринимателей и правительство под вечным страхом забастовок. Что касается жалования офицеров, чиновников или служащих общественных учреждений, то оно с каждым месяцем все больше и больше отставало от невероятно возрастающей стоимости предметов первой необходимости.

Оклад, который я получал по должности председателя губернской земской управы, был одним из высших окладов в Крыму, но он все-таки был в два раза ниже заработка наборщика земской типографии, находившейся в моем заведывании. Мне лично и моей семье, жившей на мое «огромное» по сравнению с другими жалование, приходилось отказывать себе в самых основных потребностях жизни сколько-нибудь культурного человека: занимали мы маленькую сырую квартиру на заднем дворе, о прислуге, конечно, и не мечтали, вместо чая пили настой из нами же собранных в горах трав, сахара и масла мы не потребляли совсем, мясо ели не больше раза в неделю. Словом, жили так, чтобы не голодать. Одежда и обувь изнашивались, и подновлять их не было никакой возможности, ибо стоимость пары ботинок почти равнялась месячному окладу моего содержания.

Так жили люди, не воровавшие, не бравшие взятку, но получавшие максимальные оклады. А как же жилось тем, кто получал в два, три и четыре раза меньше меня! Честные—в буквальном смысле слова голодали. Но, конечно, голод не поощряет человека держаться на стезе добродетели, и люди, которые когда-то были честными, постепенно начинали, в лучшем случае, заниматься спекуляцией, а в худшем—воровать и брать взятки.

Если в Германии, стране испытанной честности, недостаток продуктов во время войны и падение валюты в послевоенное время произвели столь бросающуюся всем иностранцам в глаза коррупцию нравов, то приходится ли удивляться тому, что в России, где честность никогда не являлась основной добродетелью, во время гражданской войны в тылу белых и красных войск бесчестность стала бытовым явлением.

Одновременно с безудержной спекуляцией, крупным воровством и взяточничеством, практиковавшимися в тыловых учреждениях, стали устанавливаться и трогательные по своей примитивности обычаи гоголевских времен.

Однажды меня подвозил в Севастополь на своих земских лошадях председатель одной уездной земской управы. Садясь в экипаж, я заметил, что весь передок был плотно уложен какими-то мешками, кадушками и пр.

— Что это, вы торговать едете в Севастополь?—спросил я своего спутника.

— Нет, это чтобы мое ходатайство о кредитах для земства глаже прошло,—был ответ.

Тут я только понял, почему это уездное земство всегда получало кредиты, чем другие. Ведь севастопольские чиновники так же, как и я, не могли на свое жалованье покупать масла, яиц, а тем более уток или кур для своих скромных трапез. И вдруг—такая благодать. Ну, как не похлопотать о кредитах!..

Самое крупное взяточничество процветало в управлении торговли и промышленности, в особенности после того, как руководитель этого ведомства В. С. Налбандов провел в правительстве при поддержке А. В. Кривошеина закон о монополии экспортного экспорта.

Согласно этому закону весь экспорт из Крыма регламентировался, и ни один пуд хлеба не мог быть вывезен за границу без специального разрешения, связанного со взносом в казну известного количества иностранной валюты и с обязательством обратного ввоза тех или иных предметов, необходимых населению или армии. Закон имел целью, во-первых, сосредоточием в руках правительства иностранной валюты содействовать поддержанию курса рубля, а во-вторых—бороться с развившимся за последнее время явлением, когда экспортеры уезжали за границу вместе с товаром и там исчезали с вырученной валютой, или возвращали в Крым, нуждавшийся в самом необходимом, предметы роскоши и т. п.

На практике, однако, введенная монополия экспорта не дала ожидавшихся от нее благ, но породила целое море злоупотреблений. Экспортные свидетельства с трудом добывались без крупных взяток, и в конкурсе темных дел не брезгающие ничем спекулянты-нувориши систематически одерживали верх над честными солидными торговцами.

В. С. Налбандов, прежде весьма популярный в торгово-промышленных кругах Крыма, сразу сделался для них одной из самых ненавистных фигур правительства Врангеля, и мне нередко приходилось защищать доброе имя этого безусловно честного человека от самых грязных обвинений; ибо трудно было понять, как мог честный человек возглавлять ведомство, в котором творились сплошные злоупотребления. Коррупция нравов развивалась со стихийной силой, и честные люди либо после тщетных попыток с ней бороться покидали ответственные посты, либо оставались, конфузливо закрывая глаза.

Если в гражданском ведомстве в центре злоупотреблений стояло управление торговли и промышленности, то в военном такое же положение занимали все учреждения, ведавшие реквизициями и поставками на армию. Эти учреждения при старом режиме были известны своими злоупотреблениями, но то, что происходило в них во время гражданской войны, в условиях усилившегося произвола и сократившегося контроля, было, конечно, неизмеримо хуже.

В этой атмосфере всеобщей коррупции земские и городские учреждения составляли отродное исключение. Конечно, и в нашем общественном хозяйстве не обходилось без изъятий. Так, среди низшего персонала больниц воровство достигло невиданных прежде размеров. Невозможно было уследить за складами дров, белья и прочего. Таскали по мелочам, «в розницу», происходили и «оптвые» кражи со взломом.

Но на верхах земского и городского самоуправления злоупотреблений почти не было. Путем долгого отбора в дореволюционное время заполнялись земские и городские учреждения «третьим элементом», шедшим на земско-городскую службу, очень плохо обеспечивавшую материально и не дававшую никаких карьерных перспектив, исключительно по мотивам идейного свойства.

Революция выдвинула из этого «третьего элемента» на авансцену истории целый ряд более или менее ярких личностей, деятелей по преимуществу социалистических партий, до большевиков включительно. Но, в массе своей работники земских и городских самоуправлений остались на своих местах.

Отдав долг увлеченно революцией в первый ее период, они продолжали свою культурную работу, не отходя от нее ни под гнетом большевистской власти ни под меняющимися режимами гражданской войны.

Земские и городские учреждения разрушались от хронического безденежья, но дух морального разложения не проник в среду земских и городских работников. В подавляющем большинстве терпя невероятные материальные лишения, они честно исполняли свой долг до конца.

КОНЕЦ БЕЛЫХ 1.

I.

Армия Врангеля и население.

Намечая себе широкие подступы к Дону и Украине, всячески привлекая на свою сторону повстанцев, руководящие круги Крыма обращают усиленное внимание на организацию гражданского управления в завоеванных областях. Этому требовали и политические и военные соображения. Северная Таврия должна была явиться не только образцом государственного строительства. Эта богатейшая в продовольственном отношении область являлась также и материальной базой для Крымской армии.

Задача привлечения населения на сторону антибольшевистских сил облегчалась тем, что в северной Таврии процент бедных был крайне ничтожен, и большевизм среди мелкобуржуазных хозяев-собственников встречал к себе, так же, как и в казачьих областях, резко отрицательное отношение.

Однако летние месяцы показали воочию, что те, кто претендовал на роль освободителей России, не только не привлекли симпатий населения на свою сторону, но в этом отношении добились диаметрально противоположных результатов.

Крестьянство с необычайными стойкостью и упорством уклонялось от участия в гражданской войне. Суровые репрессии, драконовские приказы о мобилизациях не могли парализовать массового, чуть ли не поголовного дезертирства из рядов «Русской армии».

Вот что пишет, например, по этому поводу в своем рапорте начальнику штаба Донского корпуса начальник штаба Донской отдельной учебной бригады полковник Бородин:

«В Ново-Алексеевке из 207 принятых крестьян, мобилизованных Бердянского уезда, осталось на 18/VI—165. Остальные дезертировали. Перед выступлением я обратился с речью к мобилизованным. В своей речи я обрисовал им сущность борьбы с большевиками и объяснил, почему они призваны. Я осудил дезертировавших, сказав, что они понесут должное наказание, и выразил надежду, что больше никто из них не дезертирует.

— И что же, — констатирует Бородин, — в ночь на 19/VI бежало 63, а в ночь на 20/VI бежало 23».

1 Из книги под тем же заглавием. Изд. «Воля России», Прага, 1921 г.

Крестьяне уклоняются от подводной повинности, не желают продавать продукты войскам, высказывают неудовольствие по поводу поста войска, кормят и укрывают дезертиров, которые десятками и сотнями наполняют сады и рощи, камыши и огороды.

Если мобилизация производилась сейчас же как только местность была занята крымскими войсками и жители не знали еще с кем имеют дело, то она проходила хорошо. Так было, например, в Днепровском уезде, где первоначально явилось 90% мобилизованных. Но, по донесению начальника Марковской дивизии генерала Третьякова на имя командира корпуса генерала Писарева, все мобилизованные солдаты сейчас же разбежались, как только узнали, что в деревнях, оставшихся в тылу, идет грабеж имущества их семейств.

В борьбе с уклонением от мобилизации и побегам из войсковых частей Врангелем был издан приказ о конфискации имущества у родственников бежавших и уклонившихся. Этот приказ, исполнение которого было возложено на карательные отряды, действовавшие под командой строевых начальников, фактически был приказом, позволявшим безнаказанно грабить население. Обстановка исполнения этого приказа была так ужасна, что некоторые офицеры отказывались ехать начальниками карательных отрядов, а ген. Зеленин, например, состоявший в распоряжении командира 1-го корпуса, после первой же своей командировки в качестве начальника карательного отряда поспешил уйти в отставку, чтобы не видеть этих ужасов.

Как можно было после этого говорить серьезно о том, что аграрный закон тесными узами связал Врангеля с крестьянством?

Разработанный ближайшими сотрудниками и единомышленниками Столыпина аграрный закон, значение которого в некоторых крымских юффициозах сравнивали с значением открытия шарообразности земли, встретил среди населения резко отрицательное к себе отношение. В основу закона был положен принцип принудительного отчуждения и выкупа. Новые собственники земель должны были платить за них правительству одну пятую ежегодного урожая или же соответствующую сумму в течение двадцати пяти лет. Этими платежами правительство хотело удовлетворять бывших землевладельцев. Закон составлен был очень казуистично, написан суконным канцелярским языком, для населения совершенно непонятным. Весь смысл издания этого закона заключался в тех купчих крепостях, которые должны были получать крестьяне. Купчих этих, однако, им не выдавали. Крестьянин мог получить этот документ лишь после оплаты земли в течение двадцати пяти лет. Такая форма разрешения аграрного вопроса казалась крестьянину очень неудачной и во всяком случае, не сулила немедленного закрепления права собственности на землю.

— Раньше было лучше, — говорили крестьяне. — Купил землю, заплатил и... все. Теперь же нужно закабалиться на всю жизнь, двадцать пять лет платить помещикам...

Крестьяне, ознакомившись по опыту с брешностью всякой власти, с особенным скептицизмом относились к прочности «шестнадцатой» по счету врангелевской власти, заранее считая, что платежи, которые с них взыщут за землю,—дело пропавшее.

Неудивительно, что население настолько отрицательно отнеслось к этому аграрному закону, что во многих волостях, как в Крыму, так и в северной Таврии, крестьяне совершенно уклонились от выборов в волостные земельные советы.

Что касается организации административного управления, то после Деникина положение не улучшилось, а ухудшилось. Как Крым, так и северная Таврия были наводнены отбросами старой царской администрации. В этом отношении наблюдалась картина полной реставрации, вплоть до того, что администраторы носили даже свою дореволюционную форму.

Как относились к своим обязанностям эти администраторы, об этом свидетельствуют официальные рапорты ответственных представителей командного состава. С этими рапортами, в частности с рапортом полковника Бородина на имя командира Донского корпуса, мне пришлось ознакомиться.

«Надзиратели, стражники, — пишет он, — пьянствуют, дебоширят, бьют морды крестьянам, берут взятки, обещая за это освобождение от мобилизации и освобождение от ареста. Под арест же сажаются крестьяне не только без достаточных к тому powodов, но и с целью вымогательства. Пристава смотрит сквозь пальцы на преступные деяния низших органов административной власти, сами участвуя и в попойках и в сокрытии преступлений. Пристава, надзиратели, стражники, волостные старшины и старосты бездействуют и пристрастно относятся к защитным крестьянам, от которых можно кое-что получить «детिशкам на молочишко». Это вызывает у крестьян в лучшем случае безразличное, в худшем — ярко враждебное отношение вообще к власти генерала Врангеля».

«Чиновники высокомерны, продажны, неспособны и бесчестны, — отмечают в своих корреспонденциях представители иностранной печати, благожелательно настроенные в отношении Крыма. Они ничего не ищут в совершившемся, и в их глазах старая жизнь возобновляется после некоторого перерыва. Многие из них не верят в успех Врангеля и смотрят на занимаемый ими пост исключительно как на источник доходов. Во всяком случае, все демократические предприятия сознательно ими саботируются».

«Население местностей, занятых частями Крымской армии, — читаем мы в записке», составленной чинами военно-судебного ведомства уже после крымской катастрофы, — рассматривалось как завоеванное в неприятельской стране. Приказы о пресечении грабежей были пустым звуком. При наблюдении того, что творилось по деревням и как власть реагировала на это, можно было вывести только одно заключение, что требование о прекращении грабежей было основано на желании кого-то убедить, что все благополучно. В действительности население буквально стояло от произвола комендантов, администрации, от полной беззачетности, от распущенной ничем и никем не сдерживаемой офицерской и солдатской вольницы. Защиты у деревни не было никакой. Крестьянин был абсолютно бесправным существом, находясь, можно сказать, «вне закона».

— Приказы-то Врангеля хороши, да нам от этого не легче, — говорили крестьяне, не имея никакого представления и не обнаруживая ни малейшего интереса к личному составу правительства, возглавляемого Кривошеиным, тем более, что это правительство, с точки зрения крестьян, ничем не облегчало тяжести их существования.

Наоборот, своими мероприятиями оно как будто бы умышленно создавало себе среди населения злейших врагов.

Кардинальным вопросом, например, для таврического крестьянства являлся вопрос о реализации хлеба. Хлебная политика крымского правительства коренным образом затрагивала самые жизненные интересы населения. Ввиду того, что с 1914 года никакого экспорта хлеба не было, в северной Таврии скопилось огромное количество зерна.

Наряду с этим у населения скопилось масса нужд в самых необходимых товарах.

Обосновавшись в Крыму, Врангель не имел никаких запасов и мог существовать лишь на валюту, получаемую от вывоза шерсти, табаку и главным образом хлеба. Экспорт хлеба за границу имел колоссальное экономическое и политическое значение. Понятно, что крымское правительство выколачивало все, что можно было, у крестьян и везло за границу.

Вокруг вывоза хлеба, которым расплачивались в Крыму за поставки и товары, царила вакханалия спекуляции, в которой принимали участие и лица, занимавшие самые ответственные политические посты. В Крыму и за границей возникает ряд новых акционерных предприятий, под флагом которых действуют одни и те же лица. В коммерческих кругах открыто говорили о том, что цель, которая побуждала быть многоликими господ Кокоревых, Чаевых, Виноградовых и им подобных любимцев Кривошеина, заключалась в том, чтобы маскировать слишком бросающееся в глаза пристрастие к ним крымских администраторов в смысле предоставления им всяких концессий, в первую очередь хлебных. Характерно также, что такие представители правящих верхов, как Кривошеин, занимая самые ответственные посты, были в то же время влиятельными членами акционерных предприятий, которые являлись поставщиками и контрагентами крымского правительства.

Самый способ закупки хлеба вызывал у крестьян глубокую ненависть к контрагентам крымского правительства. Закупки велись разными способами. Главный способ заключался в том, что контрагент правительства подписывал с ним контракт, покупал хлеб и из закупленных запасов 80 % отдавал правительству, а 20 % оставлял себе. За хлеб, который сдавали крымскому правительству, последнее платило крымскими деньгами по две тысячи рублей за пуд.

Но кроме этого способа интендантство вело заготовку хлеба самостоятельно. Конечно, интендантский аппарат, как всякий казенный, не мог конкурировать с частными купцами, которые к тому же покупали за товары, а не за деньги. В результате создавалось такое положение, что крестьяне, которые ощущали острую нужду в товарах, отказывались продавать хлеб интендантству, платившему деньгами по очень низким твердым ценам. Интендантство запротестовало. Правительство тогда издало закон, в силу которого хлеб можно было покупать только за деньги, и лишь 25 % общей закупки можно было выменять на товары.

Деньги же крестьяне отказывались принимать, так как на них почти ничего нельзя было приобрести.

Итак, разрешалось купить на товары 25 % общего количества хлебной закупки. Крестьяне набрасывались на эти товары как изголодавшиеся звери. Скупщики хлеба диктовали свои условия, менее выгодные для крестьян по сравнению с мирным временем в 200 раз. Примерно: 13 вершков стекла обходились в Крыму для купца в 96 рублей, а за них он покупал пуд ячменя, который стоил в Крыму 2 000 рублей. Эта операция по товарообмену давала 1 200% барыша. Мало этого: такую прибыль имели кооперативы. Частные же торговцы получали пуд ячменя не за 13 вершков стекла, а за один. Вершок стекла в мирное время стоил $\frac{1}{4}$ копейки. Таким образом пуд ячменя стоимостью по мирному времени в 50 коп. крестьянин вынужден был отдавать за вершок стекла стоимостью в $\frac{1}{4}$ копейки.

II.

Крушение плана перенесения базы в казачьи области.

Несмотря на завоевание северной Таврии, для лиц, стоявших во главе вооруженных сил Юга России, очевидно было, что на Крым можно смотреть только как на убежище, как на осажденную крепость. Прочной базой для борьбы с большевиками в широком масштабе могли служить лишь такие территории, которые, как по свойствам своего населения, так и по материальным ресурсам давали бы возможность снова придать антибольшевистскому движению характер широкого народного движения в общероссийском масштабе. Необходимо было всемерно стремиться к тому чтобы создать очаги вооруженной борьбы в первую очередь там, где население не мирилось с советским строем.

Наибольшие надежды в этом отношении, казалось, можно было возлагать на Украину, Дон, Северный Кавказ и в особенности на Кубань.

Почти вся левобережная Украина находилась в состоянии анархического повстанческого движения. Организованная борьба с большевиками под определенными политическими лозунгами велась Петлюрой на той части территории правобережной Украины, которая прилежала к западной границе России.

Использовать повстанческое движение, заключить военно-политический союз с Петлюрой и затем постепенно вытеснить большевиков из Украины—вот та цель, которую еще весной 1920 года поставили себе, повидимому, ставка и крымское правительство. Тогда Петлюра находился в силе и вместе с поляками двигался триумфальным маршем по Украине. Однако все усилия Врангеля войти в соглашение с Польшей и петлюровцами не давали благоприятных результатов. В частности Петлюра весьма скептически относился к тому, что происходило в Крыму, и не придавал серьезного значения попыткам Врангеля в своей политике отмежеваться от Деникина. Когда под натиском большевиков

поляки очистили Украину, на Петлюру в Крыму окончательно махнули рукой.

Это не помешало, однако, тому, что в течение лета в военных и политических кругах Крыма все время разрабатывался план перенесения военных действий на Украину. С этим планом усиленно носился и генерал Слащев. Его выдвигали украинские полковники и генералы. Находившиеся в Севастополе общественные и политические деятели Украины—кадеты и правые—неоднократно выступают перед Врангелем с проектами организации в Крыму украинского центра для привлечения населения Украины на свою сторону.

Все это, впрочем, ограничивается одними разговорами, грудами исписанной бумаги, бесконечными интригами, взаимными попреками и ссорами на почве борьбы за преобладающее влияние в Крыму между лицами, претендовавшими на то, чтобы представлять Украину. Попытки заручиться поддержкой широких масс Украины сводились пока лишь к афишированию фиктивного союза Врангеля и Махно.

Между тем красные систематически пресекали все попытки Врангеля вести наступление на север и проложить себе широкий путь на Украину. Большевики сами неоднократно переходили в наступление, и тогда Крымская армия должна была напрягать все свои силы и нести большие потери, чтобы выйти из тяжелого положения.

Становилось очевидным, что о перенесении военных действий на Украину пока не может быть и речи. В неопределенном положении находился и вопрос о походе на Дон, тем более, что о Назаровском десанте не было никаких точных сведений. Слухи же о фантастических успехах Назарова, появлявшиеся в печати, являлись обычным приемом ставки из мухи делать слона и скрывать истинное положение вещей.

Главное внимание теперь уделяется Кубани.

— С самого начала,—рассказывал мне Врангель,—я отрицал возможность похода на Москву при наличии тех средств, которые имелись в моем распоряжении. Я боролся сперва в северной Таврии, тщетно взывая к Европе, без помощи которой я не мог увеличить мою армию и развить операции в большом масштабе. Потеряв окончательно надежду на эту помощь, видя крушение польского фронта, завершение мирных переговоров Москвы с Литвой и Эстонией, я обратил свои взоры на Кавказ, куда решил перебраться, надеясь найти там новые кадры для армии из среды местного казачества, которое не прекращало борьбы против советской власти.

С Кубани действительно поступают все время сведения о том, что население области готово чуть ли не поголовно по первому знаку подняться против большевиков. На Кубань в Крыму возлагают большие надежды еще и потому, что кубанцы гораздо меньше пострадали от большевиков, чем донцы, в массе оставившие свою область. С занятием Кубани вырисовывались также радужные перспективы в смысле вывоза за границу всякого

сырья. Вместе с Терекон, хлебородной Ставропольской губернией, Черноморьем, Кубань могла составить мощную силу, с помощью которой легко было бы освободить Дон, образовать общий фронт с Крымом, а затем, очистив Украину, двинуться на север.

Со второй половины июля в Крыму уже шла усиленная подготовка к десанту на Кубань, где, по сведениям, полученным в ставке, восстание приняло такие размеры, что генерал Фостиков уже организовал тридцатитысячную повстанческую армию, которая именуется «Армией возрождения России».

Правда, в разведывательном отделении ставки преобладало скептическое настроение. Там имелись сведения, что большевики применили на Кубани весьма осторожную, миротворческую политику. Антисоветские выступления наблюдаются лишь со стороны отдельных станиц, и то в исключительных случаях, главным образом под влиянием особенно задевавших интересы населения реквизиционных мероприятий большевиков. В массе же население примирилось с советской властью и идет на все, лишь бы избежать новых ужасов гражданской войны.

Однако один факт существования целой повстанческой армии доказывал, казалось, совершенно противоположное.

Что же такое представляла собою эта «армия»?

По словам организатора армии Фостикова, ввиду ранения оставшегося в Армавире в период эвакуации с побережья армий Деникина, большевики действительно в первое время вели себя по отношению к мирному населению хорошо. Но это продолжалось до начала покосов. Большевики попытались отобрать у казаков три четверти скошенной травы. Казаки запротестовали. С этого времени началось повстанческое движение на Кубани.

— Я лично,—рассказывает крымским интервьюерам Фостиков,—начал работу еще в средних числах апреля. В моем распоряжении находились пластунский полк и бригада конницы. Делегаты от станиц, узнав о моем пребывании в горах, начали стекаться ко мне в большом количестве, упрашивая взять в свои руки объединение казачьих сил. Никакой политической программы у них не было. Было стремление избавиться от коммунистов. Объявив по совету стариков мобилизацию, мы приступили к действиям. Повстанческая армия была при этом названа «Армией возрождения России».

Большевики выдвинули против Фостикова три дивизии в районе станиц Кардонникской и окружили его. Разыгрался жестокий бой. Повстанцы прорвались, ушли от большевиков, а затем сами врасплох напали на одну из советских дивизий, которая была уничтожена, причем повстанцам достались большие запасы оружия и военного снаряжения.

— Население,—рассказывает Фостиков,—узнав об этом, поднялось. Повстанцы Лабинского отдела направились ко мне на соединение.

Несмотря на все усилия, большевикам не удастся ликвидировать повстанческое движение, центрами которого были горные

отделы—Баталпашинский, Лабинский и Майкопский. Между тем Фостиков все время пытается вступить в связь с Крымом и с политическими деятелями Кубани, находившимися в Грузии.

А в Грузии, с момента отъезда в Крым атамана и правительства, члены Кубанской рады, не веря в успех «крымской авантюры», продолжали изыскивать способы и средства для самостоятельной борьбы с большевиками. В процессе этой работы среди членов Рады наметилось два течения: одни считали необходимым держать хотя бы неофициальный контакт с находившимися в Крыму правительством и атаманом, а через них и с Врангелем, представители другого течения во главе с Тимошенко твердо стоят на своей прежней непримиримой позиции.

В июле месяце в Тифлис прибыл представитель Врангеля и обратился к тифлисской группе с предложением координировать в боевых целях свою работу по организации освобождения Кубани с той работой, которая ведется в этом направлении в Крыму.

— Для Врангеля,—говорил его делегат,—все равно, под каким флагом будет освобождена Кубань. Нужно, что били большевиков, и больше ничего...

— Я,—рассказывал мне Тимошенко,—и мои ближайшие единомышленники, выслушав информацию о Крыме, категорически отказались от совместных действий, чего нельзя было сказать о других членах нашей тифлисской группы. Желая сохранить полную самостоятельность, мы не вошли в организованный к этому времени «Кубанско-черноморский повстанческий комитет». После неуспеха в деле организации кубанских общественных сил я пытался создать самостоятельное демократическое движение уже не в кубанском, а в более широком—северно-кавказском масштабе. С этой целью мною было создано несколько совещаний представителей кавказских народностей, на которых выработан был проект организации «Совета революционно-демократических организаций народов Северного Кавказа».

В резолюции по поводу организации этого «Совета» говорилось о необходимости борьбы с коммунистами и монархистами, о гибельности союза с реакцией, о том, что в дальнейшем нужно бороться под лозунгом: «Государственная независимость территориальных частей Северного Кавказа». Следующим этапом в процессе борьбы, как указывалось в резолюции, должен был явиться процесс конфедерации государственных образований Северного Кавказа.

Однако определенных практических результатов такая работа не дала. Объясняется это, по словам Тимошенко, тем, что ввиду серьезного развития повстанческого движения на Кубани вся энергия большинства членов тифлисской группы кубанцев была направлена на работу в «Кубанско-черноморском повстанческом комитете». Широкие задачи по освобождению Северного Кавказа отошли на задний план. С другой стороны, среди горцев ввиду развития повстанческого движения началось распыление. и наметилась тенденция действовать совместно с Крымом, откуда

к тому же отпускаясь на повстанческое движение щедрые субсидии.

Между тем, хотя и с большими затруднениями, но у повстанцев начинает постепенно налаживаться связь с Крымом и Тифлисом.

Первые донесения от генерала Фостикова были получены в Сухуме.

— Находясь в Сухуме в это время,—рассказывал мне член Рады Белашев,—я по поручению кубанского правительства «работал на Совдепию». В полученном мною от Фостикова первом донесении говорилось о том, что ему удалось поднять против большевиков целый ряд кубанских станиц, что его штаб находится в станице Кордонникской Баталпашинского отдела, что повстанческое движение разрастается. Мои агенты достигли Фостикова и информировали его о положении. В июне месяце нами было получено от повстанцев несколько прокламаций, в которых говорилось о том, что они ведут борьбу только к коммунистами за учредительное собрание и вообще стоят на демократической платформе.

По поручению «Кубанско-черноморского повстанческого комитета» Белашев послал Фостикову пространное сообщение. Он ориентировал его в обстановке, создавшейся в Крыму, сообщал о готовящемся десанте. Мотивируя необходимость удержаться на территории, которая занимается повстанцами, Белашев указывал, что к активным действиям Фостиков должен перейти тогда, когда будет получено распоряжение из Крыма от атамана Иваниса. Вместе с этим он писал о необходимости приступить к организации местного самоуправления в занятых повстанцами станицах, обратить внимание на правильную организацию армии, на борьбу с насилиями и грабежами и т. д. В заключение Белашев сообщал, что он выезжает в Крым для доклада атаману. К Фостикову же посылает полковника Налетова.

Вообще среди тифлисцев в связи с повстанческим движением на Кубани началось большое оживление. Нужно было не терять удобного случая провести в жизнь намеченный план создания собственной демократической силы, использовав для этой цели крымский десант и повстанцев на Кубани. Действуя в контакте с «Комитетом спасения Черноморья» во главе с с.-р. Вороновичем, кубанцы предполагали также приспособить черноморское побережье в качестве базы для снабжения повстанцев.

— Я уехал в это время в Крым,—рассказывал мне Белашев,—чтобы доложить обо всем атаману, но не Врангелю, с которым мы лично не считали для себя возможным сноситься, и немедленно приступить к организации снабжения Фостикова. Я сделал доклад об этом кубанскому правительству в Феодосии, доказывая, что повстанцам нужно «повидимому» прийти на помощь, что движение носит демократический характер и может принять очень крупные размеры. Фостикову немедленно же было ассигновано пятьдесят миллионов рублей.

— На следующий день,—рассказывает Белашев,—я потребо-

вал, чтобы Иванис ехал к Врангелю и ознакомил его со всеми документами, привезенными мною от Фостикова.

Прибыв в Севастополь, Иванис отправился к Врангелю, а Белашев к Болховитинову и Артифексову, как к генералам, близким к ставке.

По словам Белашева, к этим докладам в ставке отнеслись чрезвычайно легкомысленно. Помощник Врангеля и начальник штаба генерал Шатилов прямо заявил, что они сами знают, что нужно делать. В ставке серьезно опасались, как бы повстанческое движение не вылилось в формы резко враждебные Врангелю, и потому это движение нужно было или затушить или взять в свои руки. В результате Белашеву не разрешили вывезти для Фостикова пятьдесят миллионов денег под тем предлогом, что из Крыма нельзя вывозить больше 200 000 рублей. В свою очередь ставка посылает к Фостикову полковника Мерклинга с десятью миллионами рублей. Туда же из Крыма командировются на командные должности офицеры, которые должны были направлять повстанческое движение «в надлежащее русло».

Под влиянием сведений, полученных с Кубани, подготовка к десанту шла ускоренным темпом. А вокруг десанта плелась сложная интрига, велась ожесточенная закулисная борьба.

Убедившись в несостоятельности своих усилий заместить пост кубанского атамана генералом Улагаям, Феодосийская рада начала выдвигать Улагая на роль командующего кубанским десантом. Совершенно открыто говорилось о том, что если десант будет в надежных руках, то на Кубань можно не пустить всех оппозиционно настроенных против главного командования кубанских политических деятелей.

Усилия «фендриковцев» увенчались успехом. Когда Иванис подписал договор, Врангель перестает с ним заигрывать, меняет свою позицию, и кандидат Иваниса, генерал Шиффнер-Маркевич, назначается начальником десантной дивизии, а руководителем всей операцией передается Улагаям, начальником штаба которого назначается генерал Драценко. Чтобы гражданская власть находилась в надежных руках, чтобы удобнее было вести борьбу с политическими противниками главного командования, из Сербии выписывается бывший во времена Деникина кубанским атаманом генерал Филимонов, которому и поручается организовать гражданскую власть на Кубани.

Теперь на все ответственные посты начинают назначаться лица, угодные главному командованию и проводившие точку зрения руководителей Феодосийской рады. Иванис бесплодно протестует перед Врангелем, доказывая, что с таким десантом идти нельзя, что во главе десанта стоят люди, скомпрометировавшие себя в политическом отношении, что толку из этого не выйдет. Однако, когда Врангель спрашивал: «Почему Улагая для вас не приемлем?», Иванис никаких серьезных оснований против назначения Улагая не указывал.

Подготовка к десанту велась весьма своеобразно. Чтобы исключить всякую возможность зарождения оппозиции на Кубани,

от участия в работе по подготовке десанта главным командованием устраняется «мало надежный» аппарат кубанской войсковой администрации, включительно до атаманов отделов и членов правительства. Руководители десанта начали назначать новых атаманов отделов и формировать отдельные управления, не считаясь с тем, что в Крыму находились все прежние атаманы вместе со своими управлениями. Таким образом к моменту отхода десанта существовали два параллельных аппарата гражданской власти: один действовал по инструкциям Иваниса—прежний аппарат кубанского правительства, находившегося в Феодосии, другой—административный аппарат, который формировал генерал Филимонов, помощник Улагая по гражданской части,—аппарат, действовавший в полном контакте с главным командованием. Кроме того, каких-то атаманов назначал и начальник войскового штаба.

Все это создавало страшную путаницу, интригантство, местничество, взаимную борьбу и подсиживание.

В основу всех новых формирований была положена определенная, продуманная программа главного командования в лице Врангеля, Шатилова и Кривошеина. Если Кубань будет освобождена, то в худшем случае в Екатеринодаре немедленно соберется, конечно, «благонадежная» Краевая рада, которая и выберет себе атамана Филимонова. К чему стремилось главное командование «в лучшем случае»—об этом подробно докладывал на сербском общеказачьем съезде, состоявшемся уже после эвакуации Крыма в Белграде в марте 1921 года, член кубанского правительства и впоследствии заместитель Иваниса полковник Винников.

«Крымские правящие круги,—говорил он,—видели угрозу общему благополучию и благоприятному ходу борьбы с большевиками в том, что на Кубань возвратятся и вступят в управление краем выборные учреждения и правительство. Главное командование на этот раз послало на Кубань тщательно подобранных своих людей. Оно предполагало милитаризовать всю систему управления краем, создавши Северо-Кавказский военный округ или военное губернаторство, во главе которого предполагали поставить генерала Улагая и дать ему помощниками: по гражданской части генерала Филимонова и по военной—генерала Королькова. Атаманы отделов при этой системе упразднялись и замещались районными комендантами...»

Планы эти определенно начинают проводиться в жизнь, и на Кубань воспрещается проезд тем кубанским политическим деятелям, которые не были благонадежны с точки зрения главного командования и руководителей десанта. В числе таких «неблагонадежных» очутился также и Иванис. Зачислены были в эту категорию и почти все члены кубанского правительства, которым отказали в пропусках на Кубань.

● Но вот наступил, наконец, и долгожданный момент отправки. Погрузка происходила в Керчи и Феодосии. Настроение у рядовых казаков и беженцев было приподнятое. Ехали ведь из постылого Крыма к себе домой, в родные станицы и хутора.

Небольшой сравнительно в численном отношении десант, состоявший из кубанских казаков и юнкерских училищ, имел про-

маднейшие обозы с целым сонмом совершенно не нужных для такого предприятия людей, с беженцами—стариками, женщинами и детьми.

— Где будет произведена высадка,—рассказывал мне участник десанта генерал Науменко,—мы не знали. Одни думали, что в районе Анапы, другие говорили, что на Тамани...

Вечером 31 августа ст. ст. корабли остановились «на randеву» в Азовском море. Здесь соединились суда, вышедшие из Феодосии и Керчи. Небольшой десант под командой генерала Черепова с демонстративной целью высаживается в районе Сукко, чтобы движением на Раевскую создать угрозу Новороссийску и оттянуть часть сил красных в этом направлении. Высадка же главных десантных сил была произведена 1—13 августа в районе Керченского пролива в станице Приморско-Ахтарской.

Силы большевиков в этом районе оказались ничтожными. Высадка производилась почти беспрепятственно, хотя, благодаря нераспорядительности, гораздо медленнее, чем первоначально предполагалось. Это сыграло очень существенную роль в дальнейшем ходе десантной операции, успех которой основывался не только на общем сочувствии населения, но и на скорости движения вглубь Кубани десантных частей.

Большевики, как оказалось, были на-чеку, и как только поступили первые сведения о десанте, представители советской власти немедленно, с редким единодушием и энергией, приступили к мобилизации своих сил, имея в виду не только разгромить части Крымской армии, но и лишить их возможности обратной посадки на корабли.

В противоположность большевикам, в штабе Улагая среди ответственных войсковых начальников сразу же обнаружился полный разлад. Крупные недоразумения происходили между Улагаям и начальником штаба Драценко, который был назначен на эту должность против воли Улагая. На свой страх и риск, не подчиняясь общему руководству, действовали и начальники крупных войсковых соединений.

По словам достаточно осведомленных чинов штаба Врангеля, как, например, генерала Артифексова, при распределении начальников десантного отряда были допущены ошибки, которые весьма болезненно отразились на военных операциях. Десант разделился на три колонны под общим командованием Улагая. Северной колонной командовал генерал Бабиев. Средней колонной, состоявшей из пехоты, командовал генерал Казанович, который имел направление прямо на Екатеринодар. Южная колонна находилась под начальством генерала Шиффнер-Маркевича.

Генералу Бабиеву, самому стремительному из всех, принимавших участие в десанте войсковых начальников, дана была чисто пассивная задача—овладеть единственной в этом районе переправой через реку Кубань. Действия Бабиева первоначально были очень удачны. Он овладел Брыньковской переправой, а попутно перехватил целый ряд приказов красного командования и точно узнал, какие советские войска и в каком направле-

нии будут подходить на подкрепление. Пользуясь этим, он начал по частям бить подходивших большевиков. Но это заставило его бросить Брыньковскую переправу. Бабиев пошел вперед, а противник, воспользовавшись этим, занял в тылу у Улагая, который находился между Ольгинской и Тимашевской, переправу и станицу Ольгинскую.

«Улагай приказывает Бабиеву вернуться и снова занять переправу. Бабиев исполняет приказ и затем опять уходит дальше. Снова Улагай приказывает захватить злосчастную переправу. Бабиев посылает бригаду генерала Агоева. Переправа в третий раз занемается, затем снова оставляется казаками. В третий раз большевики захватили Ольгинскую и на этот раз окончательно.

Хотя военные операции развивались быстрым темпом, и казаки приближались к Екатеринодару, чувствовалось, однако, что положение десанта резко ухудшается.

Как Брангель, так и непосредственные руководители операции совершенно не сумели использовать антибольшевистского настроения населения и серьезного повстанческого движения. В период десантной операции генерал Фостиков занимал с повстанческими частями все горные отделы и имел в своем распоряжении целую армию численностью в 20—30 тысяч человек восставших казаков Майкопского, Лабинского и Баталпашинского отделов. Это восстание было обречено на гибель без помощи патронами, снарядами и другими видами снабжения. Между тем никакой абсолютной связи с повстанцами у десанта не было. О высадке десанта Фостиков ничего не знал.

Население занятых прибывшими из Крыма частями станиц отнеслось к десанту в общем с пассивным сочувствием. Это сочувствие оно боялось проявить активно, так как сразу бросалось в глаза, что десант,—предприятное несерьезное, авантюристическое. Правда, в первые дни станичники встречали прибывших из Крыма казаков с большим радушием, а из камышей огромными толпами присоединялись к десанту прятавшиеся там зеленоармейцы и местные повстанцы. Но это было только на первых порах... Очень скоро представители власти, прибывшие с десантом, своими действиями и политикой вооружила против себя местное население.

В своем докладе на общеказачьем съезде Винников, выступавший в качестве заместителя кубанского атамана, разбираясь в причинах неудачи, указывал на то, что представители главного командования, прибывшие на Кубань, были одержимы манией так называемой «твердой власти». Беспричинно злобствовавшие против казачества, они дали простор своим чувствам при первой же встрече с казачьими станицами и сразу изменили отношение местных казаков к десантным войскам. Злоба и месть были положены в основу управления. Вот несколько характерных примеров, приведенных на съезде, по которым можно составить общее представление об этих методах управления.

Генерал Черепов, высадившийся со своим отрядом у станицы Анапской, созвал казаков и объявил им:

— Ну, кончились все ваши Круги и Рады и выборные атаманы. Довольно уже накружились, нарадовались... Пора и твердую власть установить...

Казакі выслушали речь генерала Черепоза хмуро. Доверие покинуло их, и они начали уходить в горы. Четыреста человек казаков, присоединившихся к отряду в первую голову, быстро покинули его после этой политической декларации, ближайшим результатом которой было поражение, которое отряд генерала Черепоза понес первый.

В станицу Таманскую, которая была занята десантом Удгая одной из первых, явился в качестве военного коменданта полковник Крыжановский, земельный собственник Таманского отдела. Размахивая листком бумаги, на котором был напечатан «демократический» закон Врангеля о земле, он начал кричать:

— Вот, здесь все написано: вот я вам покажу, где и чья земля...

Проходя мимо здания станичного правления, он встретил старика, который не отдал ему чести, и приказал выпороть его. Старик был одним из уважаемых граждан станицы...

Конечно, население после таких выступлений прибывших из Крыма представителей власти, стало с ужасом прятаться от них, и в станицах появились пустые избы.

— Где твой муж?—спрашивают у бабы.

— А кто ж его знает,—отвечает баба.—Был тут, а теперь ушел...

Объявлялись мобилизации. Казаки являлись на сборные пункты. Их никто не принимал, не отдавал никаких распоряжений, и они снова расходились.

Запасов оружия у десантного отряда не было. Присоединявшихся к армии повстанцев-«камышатников» и мобилизованных казаков нечем было вооружить. Они по два и по три дня ездили безоружными и неорганизованными за обозами и, изверившись в силу безоружного отряда, распылялись по домам и скрывались в камыши.

В органах гражданского управления царил полный хаос. Между «филимоновскими» и «иванисовскими» атаманами отделов происходили крупные столкновения. В станицах начинались беспорядочные реквизиции, учащались насилия. Вместо напряженной организационной работы, представители гражданской власти сводили личные счеты между собою, занимали лучшие дома, вынывали и закусывали, распевая кубанский гимн:

Ты Кубань, ты наша розина...

Быстро оценив обстановку и разобравшись в сущности новой власти, местные аборигены порешили своим опытом, что эта власть не привлечет к себе сочувствия местного населения и не удержится крепко. От крымских частей начинают все прятать, ибо население занятых станиц не хочет рисковать своим благополучием ради временного пребывания десантного отряда на Кубани.

— Даже,—рассказывал на съезде Винников,—фурманки вывозили к озерам и топили их в воде на время нашего пребывания. Скот и лошадей спасали от разграбления, угоняя их в плавни и камыши.

В Керчи, откуда шла отправка войск на Кубань, настроение в первые дни десанта было победоносное, особенно после того, как разнеслись слухи о том, что войска подходят к Екатеринодару, что взяты станицы Тимашевская, Гривенская.

— Казачьи отряды,—сообщает Врангель представителям иностранной печати,—посланные нами на донскую и кубанскую территории, развивают стремительное наступление. Местное казачество присоединяется к отрядам и оказывает им всякую помощь. Наш реорганизованный флот является существенной поддержкой для наших сухопутных частей и опасным врагом для большевистской флотилии. Обладая в настоящее время контролем над Доном и Кубанью—наиболее хлебородными областями России,—мы вскоре будем иметь возможность вывезти значительное количество зерна и пищевых продуктов в обмен на мануфактуру, нужда в которой у нас очень велика...

А в это время флот, вместо того, чтобы охранять ахтарскую базу, куда-то ушел, хотя было известно, что на Азовском море большевики имеют флотилию из мелко сидящих судов. Воспользовавшись отсутствием флота, большевистская флотилия подошла к ахтарской базе и начала ее бомбардировать. Тревожная весть быстро разносится по тылам десанта и создает паническое настроение, ибо у каждого появляется мысль, что большевики помешают обратной погрузке.

Отрезанный от своей базы—Приморско-Ахтырской,—Улагай переносит ее на Ачуев. Большевики, между тем, нажимают все сильнее и сильнее, и для десанта наступают критические дни.

Для всех становится очевидным, что десант не нашел и не найдет активной поддержки среди местного населения. Все строилось в расчете на эту поддержку, на быстрое освобождение Кубани. Но той быстроты, которая была необходима, не оказалось. Большевики парализовали всякую возможность к дальнейшему наступлению. Не о наступлении теперь уж думали, а о том, чтобы благополучно уйти.

— А в это время,—рассказывал мне генерал штаба Врангеля Артифексов,—большевики в северной Таврии предприняли наступление со стороны Токмака и от Днепра со стороны Каховки. Думать о развитии кубанской операции можно было только располагая резервами. Из резервов же нельзя было на кубанское направление взять ни одного человека, так как положение на Севере становилось весьма грозным. После всестороннего обсуждения с болью в сердце решено было ликвидировать кубанский десант.

К 15—28 августа совершенно определенно выяснилось, что десант потерпел крах. Врангель в это время уже находился в Керчи, куда он прибыл вместе с Иванисом. Отсюда главнокомандующий и атаман ездили на Таманский полуостров и по-

бывали в станице Таманской. В крымских газетах появились восторженные описания, как «в девятнадцать часов три минуты главнокомандующий вступил на землю Кубани», как его встречали колокольным звоном, как «падали на колени и рыдали от восторга кубанцы» и т. д.—по типу описаний царских путешествий в дореволюционное время. В действительности все обстояло несколько иначе. Достаточно сказать, что в станице Таманской даже попытка Иваниса созвать станичный сбор не увенчалась успехом. Нужно было уезжать обратно, ибо уже началась ликвидация десанта.

— Когда я беседовал в эти дни в Керчи с Иванисом,—рассказывал мне член Рады, лидер линейцев, Скобцов,—то прямо указал ему, что десант не удастся ввиду того развала кубанской власти, который наблюдается. Не было единства, не было политической программы. Представители власти кубанской дискредитируют себя всемерно. Его, Иваниса, заместителя кубанского атамана, не берут в десант, и только тогда, когда выясняется неудача операции, ташат в Керчь.

Это есть унижение не лично Иваниса, а унижение достоинства кубанского атамана, что происходит на каждом шагу.

— Самое лучшее для вас—уйти,—убеждал Скобцов Иваниса.—Передайте власть достойному человеку по вашему выбору, человеку с определенным демократическим лицом, пользующемуся всеобщим доверием. Назначьте его членом правительства, исполняющим обязанности председателя правительства, а потом передайте ему власть. Есть и другой способ. Нужно созвать всех членов Рады, находящихся вне Советской России, пополнить их представителями воинских частей и предложить им выбрать атамана.

— Хорошо, я подумаю,—ответил на все это Иванис.

Однако на следующий день Иванис заявил, что не намерен руководствоваться советами человека, «который сам назвал себя в Тифлисе живым трупом».

На этом переговоры оборвались.

Между тем ликвидация десанта подходила к концу. 24 августа ст. ст. от Ачуева отошли последние корабли, направляясь к Керчи. С кораблей сгружали воинские части, раненых, пленных, лошадей, всякую военную добычу. Настроение у казаков было подавленное. Все чувствовали, что ставка на Кубань была бита, а ведь она была решительной ставкой Крыма. Перспективы вырисовывались безотрадные.

Хотя убыль убитыми и ранеными доходила в шеститысячном десанте до половины общего числа участников десанта, однако в численном отношении убыль покрывалась присоединившимися к десанту дезертирами и пленными.

Эти последние производили особенно тяжелое впечатление. Голодные, раздетые по традиции гражданской войны часто до нижнего белья включительно, они выгружались целыми толпами, свидетельствуя своим внешним видом и моральным состоянием об ужасе и развале междоусобной борьбы. Все это была моло-

дежь из северных губерний России. Их погнали на Кубань, голых, не одетых. Их заставили воевать неизвестно за что. Они совершенно индифферентно относились к политике, а их заставляли убивать, самим подставляя себя под пули. Особенно печально было положение раненых. О раненых казаках все же хоть плохо, но заботились. Их, казаков, куда-то эвакуировали, размещали по лазаретам, по госпиталям. Их сопровождали сестры милосердия. Несчастные же красноармейцы, опираясь на костыли, брели сами не зная куда. Никто о них не заботился, и как милости нужно было ожидать, что кто-либо, наконец, сжалятся и перевяжет раны...

Несмотря на неудачу, настроение кубанцев было такое, что они снова готовы были принести большие жертвы, чтобы попасть к себе на родину. Так же были настроены и донцы. Нужно было видеть, как на широком керченском молу целые семьи донцов, переноса всяческие невзгоды, ютились в железных трубах, которые там были разбросаны. Все они ждали возможности сесть на корабли и ехать на Кубань, а оттуда двигаться к Дону. Все верили и ждали этого, и, если бы не было такого политиканства, если бы в организации десанта не было проявлено такой преступной небрежности, если было бы использовано демократическое в своем зародыше повстанческое движение на Кубани, — руководители десанта могли бы найти в таком настроении казаков могучую опору в своих начинаниях.

Десант не удался в значительной мере благодаря тому, что его превратили в орудие политической борьбы между главным командованием и Феодосийской радой — с одной стороны, между кубанским правительством, возглавляемым Иванисом, и противниками главного командования — с другой.

Официальные сводки всячески замалчивали неудачу. Врангель, как и раньше в таких случаях, пытался даже превратить поражение чуть ли не в победу, доказывая в газетных интервью, что десант был «ликвидирован только потому, что обстановка требовала перенесения военных операций в северную Гаврию», что он «сам начал стягивать войска с Кубани, где численность их увеличилась в два с половиной раза», где в станицах «к нам присоединились все, способные носить оружие», и т. д.

А в это время в Новороссийске, как потом сообщала крымская агентура, советский комиссар, делая доклад о ликвидации кубанского десанта, начал его словами:

— Врангель высадил на Кубани четырех дураков, не объединив их общим начальством, предоставив им свободу действий. Нам не стоило больших усилий, дав им высадиться, сосредоточить затем свои силы, отрезать от баз и ликвидировать десант..

Мысль о новом десанте на Кубань все же не была окончательно оставлена в Крыму, и кубанскому генералу Науменко снова было поручено заняться его подготовкой. Однако под влиянием все ухудшавшейся общей обстановки проект о новом десанте скоро был оставлен, и Науменко занял должность начальника первой кавалерийской дивизии.

Неудача на Кубани болезненно отразилась на настроении находившихся в Крыму. Она показала, что активное антибольшевистское движение не встречает сочувствия и поддержки в широких массах кубанского населения. Рухнули надежды, которые возлагались на освобождение Кубани, Черноморья, Терека, Ставропольской губернии и Дона. Не оправдались и все расчеты на то, что Кубань даст огромные запасы сырья для снабжения Крыма и вывоза за границу. Наконец, десант отступил с фронта значительные силы пехоты и конницы и тем самым дал противнику возможность привести свои части в порядок. Он показал, что все приемы агитации, пропаганды и осведомления стоят ниже критики...

Итак, кубанский десант был ликвидирован. В это же время стало известно, что полный крах потерпел и назаровский десант на Дону. Сначала Назаров, как рассказывал мне донской атаман Богаевский, со своим отрядом из 800 человек имел некоторый успех. К отряду начали присоединяться не только казаки, но и крестьяне. Отряд увеличился до 2 000 человек. Назаров двинулся вглубь Донской области, причем он ставил себе задачей не связываться с крупными городами—Ростовом, Новочеркасском, Таганрогом. Он обошел их с севера и двинулся прямо на станицу Константиновскую.

Но красные уже всполошились, мобилизовали свои силы и бросили их в погоню за Назаровым. Столкновения с красными оказались неудачными. Под станицей Константиновской отряд был разбит наголову. Сам Назаров едва не попал в плен. Вместе с пятью человеками он спасся бегством. Его преследовали несколько дней то в конном, то в пешем строю. Когда Назаров перебрался через Маныч, последний из его спутников утонул. Назаров едва спасся, но затем был арестован и, под видом дезертира, которым он себя именовал, был препровожден в станицу Константиновскую. Знакомые станичники помогли ему выбраться из плена, и после всяческих мытарств он опять возвратился в Крым, но уже один. Весь отряд его был уничтожен большевиками.

Результатом назаровского десанта на Дону был целый ряд беспощадно суровых репрессий со стороны большевиков. Не только отдельные люди, но и целые станицы за сочувствие Назарову подвергались разграблению и даже уничтожению.

Из десанта Назарова,—рассказывал мне Богаевский,—выяснилось, что с небольшими силами поднять Дон невозможно. Население на Дону не может примириться с большевиками, но оно не в состоянии восстать ввиду отсутствия казаков. Дон обессил. Казаки мобилизованы красными и уведены с Дона, остальные же не вернулись после отступления к Новороссийску или же находятся в Крыму. При таких условиях, ввиду ненависти к большевикам населения, в лучшем случае можно было бы собрать 20—30 тысяч человек. Но это безоружная и не снабженная, как следует, масса, конечно же, не могла отличаться достаточной устойчивостью.

Судьба антибольшевистского движения на юге России была предопределена, ибо план перенесения базы в казачьи области потерпел полное крушение.

III.

Последние попытки.

В то время когда Врангель оперировал на Кубани, на польско-советском фронте происходили события первостепенной важности. В момент кульминационного развития успехов большевиков, когда со дня на день можно было ожидать падения Варшавы, Красная армия потерпела грандиозное поражение, в силу которого военно-политическая обстановка изменилась с феерической быстротой.

В конце июля и в начале августа Красная армия неудержимо катилась вперед вслед за отступающими в состоянии полной дезорганизации польскими войсками, выдвигаясь к Варшаве длинным, узким языком. За этой центральной группой торопливо тянулись все остальные части советской армии.

В Польше тем временем под влиянием грозной опасности нарастает национальное чувство. В Варшаве под руководством командированного из Парижа генерала Вейганда спешно формируются партизанские части, производится переформирование, перегруппировка остатков польской армии.

В половине августа польская армия заканчивает свою перегруппировку, переходит в энергичное наступление и выходит в тыл тем частям Красной армии, которые подтянулись к Варшаве. Значительная группа советских войск была отрезана от остальных сил.

Для большевиков наступают тяжелые дни, тем более что неудачи их преследуют и на крымском фронте, где они хотели повидимому нанести стремительный удар крымской армии.

В тот момент, когда на Кубани начиналась ликвидация десанта, красные, сосредоточив свежие подкрепления, форсировали Днепр в районе Каховки и прорвались в глубокий тыл крымской армии, стремясь отрезать ее от перешейков. Одновременно с этим, усилив свои конные части, они ведут наступление от Александровска на юг с тем, чтобы соединиться со своей каховской группой.

Армия Врангеля очутилась в чрезвычайно тяжелом положении.

Оставив начальника своего штаба руководить эвакуацией десанта с Тамани и Ачугева, Врангель помчался в Мелитополь.

— В этот момент, — рассказывал мне генерал для поручений при Врангеле Артифексов, — неприятельская конница находилась почти на самой железной дороге, верстах в шестнадцати от Мелитополя. Наш поезд пришел в Мелитополь тогда, когда город находился в страшной панике. Все думали, что уже наступила катастрофа, что армия окончательно окружена боль-

шевиками, Мелитополь отрезан от Крыма. Приезд Врангеля поднял общее настроение...

Для ликвидации прорыва были приняты экстренные меры. С лихорадочной поспешностью производилась перегруппировка частей. Она быстро закончилась, и 30 августа (12 сентября) крымская армия перешла в наступление. Оно облегчалось теперь катастрофой на польском фронте. Набег красных был ликвидирован. Большевики отошли за Днепр, задержавшись на Каховском плацдарме, откуда, несмотря на тяжелые потери, их никак не могли выбить.

Крымские войска к началу сентября переформируются. Донцы и добровольцы (корниловцы, марковцы, дроздовцы) под командой Кутепова составляют Первую армию и занимают фронт от Азовского моря до Днепра. Из остальных частей (возвратившиеся с десанта кубанцы, регулярная конница Барбовича, бывший Слащевский корпус) образуется Вторая армия, которая под командой генерала Драценко занимает фронт по Днепру.

Конец августа и первая половина сентября, когда большевики, у которых все силы были стянуты на польский фронт, терпели поражение за поражением, ознаменовался весьма успешными для Крымской армии боями. Благодаря удачным операциям, в особенности против советских частей, действовавших в районе Александровска очищается весь район северной Таврии до Мариуполя и Александровска. Армия Драценко в это время легко ликвидирует слабые попытки красных переправиться на левый берег Днепра.

Казачи и добровольцы энергично нажимают на красных, стараясь использовать наступление поляков. У большевиков же на крымском фронте находятся ничтожные силы. Красный фронт оказался совершенно обнаженным, образовав для крымских частей широкие раскрытые двери как на Екатеринослав и Харьков, так и в Северо-донецкий каменноугольный район.

Большевики почти не оказывают никакого сопротивления. Наступательные операции с их стороны пока прекращаются. Они заняты теперь укомплектованием своих частей, подвозом свежих сил из глубины страны и из ближайших соседних армий.

После крушения плана перенесения базы в казачьи области, ставке и крымскому правительству приходилось снова думать если не о перенесении базы, то о расширении своей территории за счет Украины. Украинский вопрос занимает теперь к Крыму центральное место.

Ввиду отказа Петлюры от совместных действий и необходимости опереться на организованные украинские силы,—Врангель, Струве, Кривошеин и др. «федерируются» с Маркотуном. В начале сентября по официальному приглашению из Парижа в Севастополь выехали представители стоявшего на платформе федерации с Россией «Украинского национального комитета»—председатель комитета Маркотун и члены—Могилянский и Цитович.

После совещания украинцев с Врангелем и членами крымского правительства выяснилось, что руководители Крыма гото-

вы теперь окончательно отказаться от своего заигрывания с Петлюрой и координировать свои действия с группой Маркотуна. В основу переговоров с украинцами по настоянию Врангеля должны были быть положены те же принципы, на которых построено было соглашение с представителями казачества.

Переговоры привели к определенным результатам. Украина, после освобождения от большевиков должна была пользоваться такими же правами, как Дон, Терек, и Кубань. Впредь до образования украинского федеративного правительства, полномочного для заключения договора с правительством Юга России, в Севастополе решено было организовать Временный совет по украинским делам для территории Украины, оккупируемой войсками Врангеля. В состав этого Совета должны были войти украинские деятели, придерживавшиеся федералистической точки зрения. Разработан также был и проект приказа о выделении украинцев, находившихся в Крымской армии, в отдельные части.

Для придания большей помпы этому соглашению в Севастополе в начале октября был устроен съезд делегатов Украинского национального демократического блока, стоящих на платформе федерации с Россией и оказания активной помощи главному командованию в деле освобождения Украины от большевиков, при непримиримом отношении к петлюровскому движению, как к движению самостийному.

Во время своего пребывания в Севастополе представители парижского «Украинского национального комитета» вели оживленные переговоры с официальными представителями казачьих правительств и достигли с ними полного соглашения в основных вопросах федеративного государственного строительства. И те и другие утешали и оправдывали себя тем, что, как бы ни была реакционна и антидемократична политика Крыма,—можно будет путем энергичного давления на Врангеля и Кривошеина добиться изменения политического курса.

Украинцы теперь усиленно пытаются войти в связь с атаманами повстанческих отрядов, действующих на Украине. Этого требовали не только политические, но и стратегические соображения, ибо, продвигаясь на север, крымская армия постепенно внедрялась в зону повстанческого движения.

Ставка все время, а особенно теперь, пытается завязать с постанцами дружеские отношения, стараясь координировать операции регулярных частей с действиями повстанческих отрядов.

Практические результаты этого заигрывания как раньше, так и теперь были ничтожны. Враждебное отношение населения к армии Врангеля сказывается и на повстанцах. Лишь авантюристы и провокаторы, именовавшие себя атаманами повстанческих отрядов, охотно заключали «союзы» с Врангелем.

Первое место среди этих «батек» и «атаманов» занимал Володин, пользовавшийся особенной благосклонностью ставки в Крыму, где он представлял собою «восставший народ».

— Я имел возможность близко столкнуться с Володиным,— рассказывал мне бывший тогда начальником кавалерийской ди-

визит генерал Науменко. Мой разезд был принят Володиным с большим почетом и уважением. Володин устроил торжественный обед, в котором принимали участие и дамы, захваченные им в Никополе. Во время обеда Володин приказал выпороть одного из своих семи адъютантов. Как оказалось, эта традиция им неукоснительно соблюдается в таких парадных случаях. Угощая гостей, Володин провозгласил торжественный тост за главнокомандующего «Русской» армией генерала Врангеля.

— Я воюю,—говорил он,—за веру, царя и отечество. Царя нет теперь. Я воюю за веру и отечество. Неукоснительно всюду и везде быю жидов. Образ правления пусть устанавливает сам народ. Я пойду с народом хоть за монархию, хоть за анархию. Кто против народа,—тот мой враг.

У Володина было человек 300 разного сброда, но он считал своими силами и многочисленными кадрами дезертиров, скрывавшихся в днепровских плавнях и на островах, число которых, по сведениям Володина, доходило до 10 000 человек. Наиболее сильную дезертирскую группу составляла «Объединенная организация дезертиров» красных, белых, и как это ни странно, дезертиров из маховских отрядов.

— При вторичном посещении Володина моим разездом,—рассказывал Науменко,—атаман во время торжественного обеда снова приказал выпороть одного из своих адъютантов. Когда Володин торжественно провозгласил тост за Врангеля и присутствовавший здесь какой-то «представитель Украины» начал протестовать, Володин приказал выпороть «дипломата», всемерно подчеркивая этим свою лояльность в отношении главнокомандующего.

Таких союзников вербовал себе Врангель...

В результате разгрома большевиков на польском фронте и удачных сентябрьских операций. Крымская армия захватывает большую территорию, которая расширяется с каждым днем все более и более.

На севере занимается Александровск. Уже Синельниково в руках белых. Уже конные разезды подходят и к самому Екатеринославу. Уже торжественно сообщается о том, что союзник Врангеля, Махно, занял Харьков и Екатеринослав и что не сегодня-завтра произойдет слияние маховских частей и левофланговых частей армии Врангеля, наступающих вдоль железной дороги Александровск—Екатеринослав.

А этому соединению в Крыму придадут большое значение, ибо в газетах печатаются сфабрикованные в Крыму же сводки апокрифического штаба Махно о том, что «батько» с 12 по 21 сентября занял губернии: Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и весь Донецкий бассейн.

Одновременно с этим развивается наступление в северовосточном направлении, где оперируют донцы. Большевики оказывают очень слабое сопротивление. Казалось, что после сентябрьских удач, после взятия Мариуполя, Ногайска, Волновахи, Орехова, Гуляй-Поля,—на Дон можно идти триумфальным маршем.

— Настроение у нас,—рассказывал мне начальник второй донской дивизии,—было великолепное. Мы быстро продвигались вперед, делали смелые набеги, разрушая тылы противника. Особенно удачными были действия Назаровского полка под командой генерала Рубашкина. Во время своего трехдневного рейда он захватил Юзовку, уничтожил в этом районе до шестидесяти тысяч снарядов, захватил богатую добычу и присоединился затем к нам. Рубашкин был у Матвеева Кургана. Наши разъезды доходили до самого Таганрога...

Все это страшно воодушевляло донцов. Когда казаки вступили на родную донскую землю, среди донского казачества как фронтowego, так и тылового, царило праздничное настроение. С уст не сходили разговоры о том, как бы поскорее стать тверже на родной земле и распрощаться с Крымом.

В ставке царило радужное настроение. Врангель теперь становится общепризнанным вождем белых и на других фронтах. Еще летом его признает «Русский политический комитет» в Варшаве во главе с Савинковым, который руководит действиями отряда генерала Булак-Балаховича. Врангелю подчиняются какие-то образовавшиеся на границах Псковской и Витебской губерний «отряды графа Палена». Ввиду политической «неблагонадежности» Савинкова уже идут разговоры о необходимости образовать на польском фронте так называемую Третью армию, подчиненную исключительно Врангелю. Во второй половине сентября Врангеля признает и оперировавший на Дальнем Востоке крайний реакционер, авантюрист белогвардейского толка «верноподанный его величества» атаман Семенов. Развиваются в это время успехи и у Петлюры. Поляки продолжают громить большевиков.

В Крыму торжествуют, в Крыму упиваются успехами...

— Никогда мы не были так близки к победе,—рассказывал мне Врангель,—как в это время, в период катастрофических неудач большевиков на польском фронте. Если бы в Париже был принят предложенный мною через Струве и генерала Юзефовича план, Россия была бы уже освобождена от большевиков. Я предлагал, чтобы поляки, задержавшись на старых германских укрепленных линиях, в дальнейшем свои операции распространяли бы в направлении на Киев.

Я в это время форсировал бы Днепр, соединился бы с поляками и, пользуясь развалом Красной армии, мы быстро пошли бы в глубь России.

Поляки, однако, не были настроены так воинственно и так оптимистично, как Врангель. В расчеты правящих кругов Польши не входила помощь Врангелю. Страна была истощена. Польский народ требовал скорейшего мира. Нужно было прекращать войну, использовав момент наибольших успехов, когда большевики готовы были идти на все уступки, готовы были удовлетворить все требования противника.

В результате, хотя военные действия все еще продолжаются, между Варшавой и Москвой начинаются мирные переговоры.

Между тем, продвижение Крымской армии на север не на шутку встревожило большевиков. Коммунистическая пресса бьет тревогу. Правящие круги Советской России выбрасывают новый боевой лозунг: «Все на Врангеля». Большевики беспрекословно соглашаются удовлетворить притязания поляков, чтобы воспользоваться передышкой и немедленно, не дождавшись даже мира, начать переброску войск на крымский фронт.

В Крыму запахло гарью. Нужно было готовиться к тому, что в скором времени красные предпримут крупные военные операции и поведут решительное наступление.

При таких условиях первостепенное значение приобретал вопрос о ликвидации Каховского плацдарма, который давал возможность большевикам переправиться через Днепр и сразу прорваться в тыл армий к перешейкам.

Стремясь к тому, чтобы сбить красных с левого берега Днепра, ликвидировать каховскую группу советских войск и, в случае удачи, расчистить себе путь в правобережную Украину, главнокомандование предпринимает так называемую заднепровскую операцию.

Подготовка к операции идет ускоренным темпом, особенно после того как начинают поступать сведения о сосредоточении в районе Каховки больших сил красных.

Заднепровская операция была поручена командующему Второй армией генералу Дроценко. Она продолжалась неделю и закончилась полным разгромом переправившихся за Днепр воинских частей Крымской армии.

Переправа происходила в нескольких местах между Каховкой и Александровском. Предполагалось окружить красных, находившихся в районе Никополя, а затем, действуя в тыл каховской группы большевиков, облегчить задачу, возложенную на добровольческие части генерала Витковского, который должен был атаковать Каховку в лоб.

Кубанские части генерала Бабиева, переправились у Александровска и начали наступать на Никополь. То же самое делал Науменко, который переправился у деревни Ушкалки. Красные, однако, успели своевременно уйти из мешка. Никополь был взят Бабиевым 28 сентября (11 октября). Туда же подошел и генерал Науменко, который был теперь подчинен Бабиеву. Красные, между тем, произвели перегруппировку и начали превосходными силами теснить Бабиева, который теперь двигался к станции Апостолово. Положение становилось критическим.

Как раз в этот решительный момент случайный снаряд убивает генерала Бабиева, который пользовался среди кубанцев огромной популярностью, которому они верили беззаветно и с которым готовы были идти куда угодно.

— Это было 30 сентября (13 октября) возле селения Шолохово, — рассказывал мне генерал Науменко. — Часа в четыре дня я говорил с Бабиевым по поводу создавшегося положения, а

затем повернул к своим частям. Не проехал я и версты, как меня догоняют и сообщают о смерти Бабиева. Я повернул обратно. Когда подъехал, Бабиева уже в бессознательном состоянии везли на тачанке. Оказалось, что противник, заметив у мельницы группу всадников, открыл по ней огонь. Первый же снаряд попал под лошадь Бабиева, окруженного казаками и офицерами, разорвался и, кроме Бабиева, переранил и перебил несколько казаков и офицеров. Я вступил в командование кубанскими частями...

Смерть Бабиева тяжело отразилась на общем ходе операции. Настроение у кубанцев, незадолго перед этим переживших тяжелую неудачу десанта на Кубань, резко понизилось. Конница «потеряла сердце». А красные с каждым часом действовали все с большей и большей решительностью. Совершенно определенно теперь выяснилось, что на правом берегу Днепра, вопреки полученным в ставке сведениям, были сосредоточены значительные силы большевиков, которые уже переходили в общее наступление, стремясь к тому, чтобы окружить переправившихся со всех сторон.

Нечего было и думать о продолжении дальнейшего наступления. Ясно было, что заднепровская операция не удалась, и необходимо было заботиться только о том, чтобы большевики не отрезали от единственной переправы через Днепр.

1/14 октября отдан был приказ об отходе за Днепр.

Войска отступали в паническом беспорядке. Командиры частей растерялись, распорядительности не было никакой... Каждую минуту нужно было ожидать, что следовавшая по пятам кавалерия противника бросится в атаку.

Делается последняя попытка предупредить эту атаку. Красные и белые кавалеристы выхватывают шашки и уже бросаются друг на друга, но... в последний момент белые не выдерживают и бросаются обратно. За ними несетя конница противника.

Жуткий момент, особенно для пехоты... Целыми ротами, бросая винтовки, поднимая руки вверх, пехотинцы сдаются в плен. Большевики продолжают преследовать и рубить в панике бегущих солдат.

Днепровские плавни между Грушевкой и деревней Ушкалкой, около которой происходила переправа, тянулись верст на 25. Чрезвычайно извилистая, неровная, перерезанная ручьями и протоками дорога соединяла Грушевку с местом переправы.

По дороге этой без остановки в три ряда двигалась лента людей, лошадей, орудий и подвод. Люди неудержимо рвались к Днепру, бросая загнанных лошадей, поломанные экипажи, орудия, пулеметы. Конница топтала пехоту. Пехота, прорываясь к переправам, старалась отеснить конницу. А красные резали тылы...

Уже вечером 1/14 октября закончилась обратная переправа через Днепр.

Операция была сорвана. Не имела успеха и попытка генерала Витковского атаковать Каховку в лоб. Красные встретили его ожесточенными контр-атаками.

В результате части генерала Витковского понесли жесточайшие потери и вынуждены были к стремительному отступлению.

Заднепровская трагедия, о которой запрещено было сообщать в газетах, окончательно подорвала в войсках доверие к командному составу. По общему ходу дел все чувствовали, что это была последняя ставка главного командования.

Эта ставка была бита. Наступившее на северо-западном участке фронта затишье расценивалось как затишье перед сокрушительным натиском красных.

На северо-восточном участке фронта, однако, положение казалось пока достаточно устойчивым. Донцы продолжают паношить большевикам короткие удары, производят набеги, совершают небольшие рейды по тылам противника. Но и красные с каждым днем начинают проявлять все большую и большую активность. Пользуясь тем, что фронт состоял из отдельных групп войск, между которыми было свободное пространство, большевики, подобно своим противникам, разгуливают по тылам и прорываются чуть ли не до Перекопа. Предприимчивость их доходит до таких размеров, что в начале октября они едва не захватили в плен донского атамана с его штабом. Этот эпизод настолько характерен, что я на нем остановлюсь несколько подробнее.

Войска в это время, как рассказывал мне Богаевский, были впереди Орехова около Гуляй-Поля и делали набег на Волновуху. Пользуясь тем, что сплошной линии фронта не было, одна из красных дивизий, состоявшая из кубанских казаков, проникла от Мариуполя на запад и прошла к востоку от Мариуполя, стремясь, повидимому, к тому, чтобы сделать набег на главный центр северной Таврии. Шли красные ночью, совершая большие переходы, днем же располагались в немецких колониях, выставив охранение. Никто не показывался из домов на улицы до темноты. Разведка, ввиду малочисленности крымской конницы и отсутствия телеграфной и телефонной связи, была поставлена плохо. Поэтому и не представлялось возможным открыть, где эта конница. Не могли ее открыть и летчики, так как красные днем прятались в селах.

1/14 октября Богаевский был в Мелитополе в гостях у Врангеля, который праздновал годовщину своей свадьбы. Все было спокойно. Атаман предполагал доехать до Токмака и затем отправиться к командиру Донского корпуса на праздник лейб-казацкого гвардейского полка. Из Мелитополя он послал в полк записку с мотоциклистом, где сообщал, что будет у лейб-казаков 14/27 октября. Мотоциклист с этой запиской попал в плен к красным, делавшим набег, и этим, в значительной мере, объясняются последующие события. Двигаясь на Мелитополь, красные круто повернули к северу на Токмак, по дороге захватили обоз лейб-казацкого полка с запасами вина и водки, которые везлись на праздник. Один из офицеров, находившихся в обозе, убежал от большевиков, проскакал 30 верст и по теле-

фону предупредил Токмак об опасности. Атаман, однако, этой телефонограммы во-время не получил.

2/15 октября он прибыл в Токмак, откуда решил проехать к генералу Абрамову в штаб Донского корпуса. Из штаба сообщили, что дорога безопасна от бродивших в тылу разведок красных. Богаевский решил, однако, переждать до утра.

На станции, расположенной в стороне от Большого Токмака, в открытом поле, все было спокойно.

— Около 6 часов утра,—рассказывал мне Богаевский,—я вдруг услышал выстрелы ружейные и пулеметные и взрывы бомб. Я сейчас же оделся, разбудил своих адъютантов и, не зажигая огня, приказал своим 20 конвойцам выйти из вагонов.

Вышли. Стрельба становилась все чаще и чаще. В темноте не видно было, кто наступает, но ясно было, что силы у противника значительные. В это время к атаману подошел офицер, командир охранной роты марковцев.

— Что прикажете делать?—спросил он.

— Занимайте позицию около станции,—приказал Богаевский,—и, пользуясь темнотой, отбивайтесь.

— Я решил, однако,—передает атаман,—что защищаться в поезде, конечно, невозможно, а потому приказал положить вещи на автомобили и отойти к селению Токмак. Чтобы не было шума, автомобили катили на руках, а я пешком шел к деревне. Стрельба разгоралась все больше и больше. На площади, в деревне я встретил группу казаков, которая была собрана из оставшихся одиночек и под командой ген. Герасимова должна была отбиваться от красных.

— Я вошел в дом Герасимова, чтобы посмотреть на карту и прочесть только что поданную мне телефонограмму. Зажгли свечу. Вдруг вокруг дома раздались неистовая стрельба и крики «ура». Свечу я потушил. В темноте началась страшная суматоха. Выскакиваем на двор. Возле самого дома кричат «ура». Всюду стрельба, впрочем, безрезультатная. В темноте я сел на автомобиль, в другом поместились те, кто был со мной. Не зажигая огней, мы двинулись по улице.

— Проехали саженей 200 и вкатились на мост. Автомобиль с разгону занесло и ударило о перила. Кто-то из лежавших впереди своим туловищем разбил стекло, которое порезало голову шоферу. В это время раздались страшные крики. На правой подножке, как оказалось, стоял калмыцкий генерал Бузин и мой вестовой казак Исаев. Автомобиль им обоим переломил ноги. Я вылетел из автомобиля. За мной выскочили два адъютанта—есаул Воинов и войсковой старшина Филимонов.

— В этот момент на нас налетели красные кубанцы и начали рубить, кого попало. Ожесточенная стрельба, страшные крики, стоны, вопли... Все сопровождавшие меня бросились спасаться. Я оказался один с двумя офицерами, и мы свернули на боковую тропинку. Красные казаки помчались дальше на Орехов. Положение наше было отчаянное: на дворе темно, всюду красные, кроме револьверов у нас ничего нет. Начали проби-

раться на запад. В пути к нам присоединился один из конвойцев, затем еще 3—4 казака. Образовалась группа человек в девять. Мы вышли в открытое поле. Я оглянулся на станцию и увидел, как к небу взлетают вагоны со снарядами. Так прошли мы около 10 верст. На рассвете попали в соседнее селение, где был лазарет одной из наших дивизий. Отсюда переехали в отряд летчиков. Я обрисовал им общую обстановку, и летчики бросились преследовать красных, которых, как выяснилось, было до 4 тысяч человек.

Приключения донского атамана на этом закончились. Богавский побывал в воинских частях и благополучно возвратился в Севастополь. Это была его последняя поездка на фронт. Наступательный порыв донских казаков был уже ликвидирован большевиками. Кратковременный период победоносного продвижения к Дону заканчивался. Нужно было готовиться к решительным боям, так как силы красных, действовавшие против казаков, быстро увеличивались в численном отношении.

В тылу в это время тешили себя последними иллюзиями в отношении благоприятного поворота в общем ходе военных действий в отношении характера и значения продолжавшейся борьбы с большевиками. Но безнадежны были перспективы... Бесплодны были и попытки фальсификации общественного мнения. Жалки были старания таких специфических по своему составу врангелевских и кривошеинских организаций, как, например, «Внепартийное совещание общественных деятелей» с князем П. Д. Долгоруковым во главе.

В мертвящей скуке проходили публичные собрания, устроенные этой организацией. Вяло и апатично произносились там сбивчивые речи на тему о национальном и даже мировом значении того дела, которое делается в Крыму, о заслугах Врангеля, Кривошеина и т. д. Кричали «ура» в честь крымского диктатора, который часто присутствовал на этих собраниях. Крымские министры здесь даже прибегали к трюкам, к каким на первых порах прибегали и члены Совета народных комиссаров в цирке «Модерн», в Петрограде: они выступали с публичными докладами о своей плодотворной государственной работе.

По существу все это было жалким очковитирательством, и наиболее прямолинейные министры, вроде министра земледелия Глинки, не скрывали своего отвращения к таким выступлениям, откровенно сознавая, что приходится, мол, исполнять приказ Врангеля.

Последние попытки делают и представители казачества, чтобы осмыслить свое пребывание в Крыму, вдохнуть жизнь в свои вырождавшиеся, окончательно зачахшие государственные органы.

Еще раньше, когда Врангель двинулся было на север и казаки подходили к Дону, члены Донского войскового круга, находившиеся в Евпатории, пытаются напомнить о своем существовании и проявить политическую активность. Евпаторийская группа быстро пополнялась теми депутатами, которые приезжали с острова Халки, из Константинополя. Донские парламентарии

спешили в Крым, ибо в Евпатории их считали дезертирами, и даже поднимался вопрос о лишении беженцев депутатских полномочий.

Члены Круга были настроены весьма оппозиционно к атаману и правительству в отношении их хозяйственной деятельности, устройства и защиты интересов беженцев в Крыму и за границей, а также в отношении общего политического курса, в смысле недостаточного выявления казачьего лица. Депутаты считали, что казаки в Крыму имеют достаточно крупный удельный вес, а потому нельзя оправдать слишком больших уступок главному командованию, уступок, не вызывавшихся обстановкой и необходимостью.

Недовольство соглашательской политикой атамана и правительства вылилось в форму резкою конфликта между евпаторийской группой членов Круга и генералом Богаевским. Отношения обострились до таких пределов, что депутаты на своем совещании даже вынесли атаману вотум недоверия и предъявили Богаевскому ряд требований, в том числе о немедленном созыве Круга, о реорганизации правительства и т. д.

Атаман считал совершенно незаконными действия этой группы и ее выступления недопустимым вмешательством в сферу его компетенции и атаманских прерогатив. Тогда группа обратилась непосредственно к Врангелю, как бы с жалобой на атамана, прося его с своей стороны дать разрешение и оказать содействие к созыву Круга. Частным образом со стороны этой группы были даже предприняты более решительные шаги, вплоть до предложения атаману уйти в отставку. Врангель, принципиально не встретил с своей стороны препятствий к созыву Донского круга, но окончательный ответ обещал дать после беседы с атаманом. С своей стороны он поставил лишь одно условие: чтобы деятельность Донского круга выражалась исключительно в разрешении вопросов чисто донских, казачьих, и не касалась бы общей политики и фронта, и чтобы заседания Круга были закрытыми.

Что же касается атамана, то, ознакомившись с желаниями евпаторийского совещания, он категорически заявил, что своей булавы никому не сдаст и отчет даст только Войсковому кругу на Дону. Здесь же, в Крыму, принимая во внимание обстановку, он не находит возможным слагать полномочия. На предложение евпаторийской группы приехать в Евпаторию и дать отчет он ответил отказом, потребовав представления ему в письменной форме постановлений касающихся возникшего конфликта.

В этом ему было отказано. Члены совещания постановили, чтобы атаман приехал в Евпаторию для личного обмена мнениями и разрешения конфликта.

Атаман поехал. В результате после переговоров и обмена мнениями произошло примирение. Решено было немедленно созвать Донской войсковой круг и реконструировать правительство.

Этим дело не кончилось. Каждая из сторон видимо почувствовала, в какой грязной тине сплелен и интрига она барахтается. Все начали испытывать глубокий стыд перед войском. Каждая из сторон признала свои действия не только неправильными, но и компрометирующими, тем более, что у всех перед глазами были факты того разложения, которое наблюдалось среди кубанцев, и злородство врагов идеи народного представительства вообще и казачьего в особенности.

Решено было применить радикальные меры, чтобы уничтожить всякие следы этой грязи.

— Сжечь все документы по поводу конфликта, — таково было постановление совещания.

Документы были сожжены.

Незадолго до своей последней поездки на фронт 3 октября (20 сентября) атаман отдал приказ следующего содержания:

«Президиум Войскового круга Всевеликого войска донского, на основании постановления Войскового круга от 26 февраля 1920 года и с согласия верховного главнокомандующего вооруженных сил Юга России, определил: прерванную в г. Екатеринодаре сессию Круга возобновить и назначить очередное заседание Круга на 4 октября ст. ст. 1920 г. в г. Евпатории.

Объявляя о сем Всевеликому войску донскому, приказываю всем военным и гражданским начальствующим лицам донского войска поставить в известность о таком постановлении президиума Круга всех находящихся в их районах членов Донского войскового круга».

У кубанцев дела с каждым днем шли все хуже и хуже. Феодосийская Рада не признала Иваниса атаманом. Атаман не признал Раду. Кубанцы интриговали, обвиняя друг друга во всех смертных грехах, забегая с заднего крыльца в ставку, обхаживая Врангеля, Шатилова и Кривошеина.

Эти последние принимали Иваниса и тех, для кого самая фамилия Иваниса была одиозной и совершенно неприемлемой. Иванис уходил в одной двери, его противники входили в другие. В разговорах с Иванисом Врангель ругал Фендрикова, Скобцова; Фендрикову он ругал Иваниса.

Так поддерживалась и питалась внутренняя рознь в среде кубанцев.

Сам Врангель ссылался на затруднительное положение ставки в запутанном кубанском вопросе.

— Еще тогда, когда была выдвинута на пост кубанского атамана кандидатура Улагая, — рассказывал он мне, — Иванис явился в ставку и просил поддержать его. Я оказал ему поддержку, но в то же время сказал:

— Положение мое затруднительное. Я не могу вас не признавать, так как вы подписали договор как кубанский атаман. Но в то же время я не могу игнорировать и тот факт, что с вами не хотят разговаривать войска. Как же выйти из этого положения?

В ответ на это Иванис, по словам Врангеля, заявил, что

он вполне понимает сложность создавшейся обстановки. Он протестует, однако, против незаконного избрания Улагая, так как Феодосийская Рада не имеет законного кворума.

— Можно ли получить этот кворум?—спросил Врангель.

— Да,—отвечал Иванис,—но для этого должны приехать в Крым те члены Рады, которые находятся в Грузии, что возможно лишь в том случае, если им будет гарантирована полная неприкосновенность.

— Я сказал Иванису,—рассказывает Врангель,—что не принадлежу к большевикам, которые сводят личные счеты. Если члены Рады приедут в Крым, им будет гарантирована полная неприкосновенность...

На этом разговор закончился. Положение продолжало оставаться безвыходным. Нужно было что-либо делать. Вот здесь-то по инициативе терцев возникает проект об образовании единого кубано-терского правительственного органа с одним выборным атаманом.

Этой точки зрения придерживаются и те кубанцы, которые группировались вокруг добывавшегося власти Скобцова, и, относясь отрицательно к деятельности «фендриковской» Рады, в то же время считали, что дальнейшее пребывание у власти Иваниса дискредитирует кубанское казачье войско.

В результате терско-кубанская делегация, куда вошли Скобцов, Филимонов, Негодный и Федюшкин, отправилась в Севастополь к терскому атаману генералу Вдовенко, чтобы сообщить ему о таком решении. Вдовенко, однако, отнесся отрицательно к такому проекту. Категорически запротестовал против него и Иванис...

Все попытки выйти из создавшегося положения не дали никаких результатов.

IV.

Агония Крыма.

В начале октября по случаю полугодового юбилея Крыма Врангель отдал пространный приказ, в котором подводил итоги деятельности командования и правительства в областях военной, политической и международной.

В приказе указывалось, что за время с 25 мая по 1 октября армией взято около 75 000 пленных, до 360 орудий, 30 броневых автомобилей, 20 бронепоездов, около 1 000 пулеметов, несколько тысяч лошадей и много другой военной добычи.

Армия и флот, по словам приказа Врангеля, блестяще выполнили первую часть намеченного плана и приобрели любовь и уважение населения.

В области политических отношений обеспечено взаимное понимание и заключены братские соглашения между правительством Юга России и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани.

Налаживаются дружеские связи с Украиной. С Дальнего Востока откликнулся атаман Семенов, добровольно подчинив-

шийся политическому руководству главного командования, как всероссийскому.

За это же короткое время достигнуто признание власти правительства Юга России со стороны дружественной Франции, сделан первый шаг к возвращению России в семью культурных европейских держав.

Приказ этот отдавался тогда, когда совершенно очевидно было, что, в лучшем случае, крымские верхи могли рассчитывать на тяжелое отсиживание за перешейками. О том, что будет в худшем случае, об этом не только говорить, но и думать боялись.

А создавшаяся в Крыму осенью 1920 года обстановка наводила на самые грустные размышления.

Одушевленные признанием крымского правительства Францией, воспламененные успехами поляков, загипнотизированные радужными перспективами реставрации, к Крыму отовсюду тянутся представители старой России. Их всех принимают здесь с распростертыми объятиями. Имена ближайших сотрудников и единомышленников Столыпина, обломков русской реакции, переплетаются с именами Бернацкого, Струве, Махно и Володина, Бурцева и Климовича.

Все это именуется «единым антибольшевистским фронтом».

Ни о каком таком фронте в Крыму не могло быть и речи, тем более теперь, когда во всей своей неприглядности выявлялись результаты «левой политики», делаемой «правыми руками», результаты многомесячной работы по созданию такого порядка, таких условий жизни, которые как говорил Врангель, «потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игмом народа».

Безотрадно были эти порядки, невыносимо тягостны были условия жизни в Крыму. Особенно ярко бросалось это в глаза тем, кто, находясь под впечатлением радужных официальных сообщений, приезжал в Крым из-за границы. Вот как рассказывает например, о своем первом столкновении с крымской действительностью член донского правительства Васильев:

«Когда я приехал в октябре месяце из Константинополя в Севастополь, то сразу же напоролся на контр-разведку. Схожу с парохода и направляюсь в город. Вдруг передо мною появляется какой-то субъект и предлагает мне отправиться в контр-разведку. Несмотря на мои указания, что я — член донского правительства, несмотря на предъявленные документы, — субъект продолжает настойчиво требовать, чтобы я пошел за ним. К счастью мимо проходил жандармский ротмистр. Он подошел разобрат инцидент, просмотрел мои документы и, извинившись, отпустил меня. Позже одна из моих знакомых, арестованная в это время контр-разведкой, слышала как агенты охранки весьма сожалели о том, что «к Васильеву не за что было придраться».

Меня это сразу же страшно поразило, — добавляет Васильев. — Не осталось сомнений, в какое темное царство, царство произвола и насилия, я попал. Каждый сыщик, не считаясь ни с чем, мог вас задержать, отправить в контр-разведку».

Техника политического сыска была доведена в Крыму до высокой степени совершенства. Недостаточно уже было того,

что тыл и фронт были насыщены агентами охраны. В некоторых случаях население теперь официально приглашается к анонимным доносам. Сами же контр-разведчики чувствуют себя прямо всемогущими.

Приказы Врангеля о высылке в Советскую Россию за разные преступления, главным образом политические, об амнистии добровольно перешедшим со стороны большевиков на практике сводились к расстрелам высылаемых, к арестам и тюремному заключению для перебежчиков. Высылка в Советскую Россию была замаскированной смертной казнью. Как пропускали через фронт, об этом можно судить по следующему разговору генерала Кутепова с начальником Марковской дивизии генералом Третьяковым в присутствии генерала Писарева.

— Неужели вы их действительно пропускаете?—спросил генерал Кутепов.

— То есть мы их не пропускаем, а только немного отпускаем,—поправил, красноречиво улыбаясь, генерал Третьяков.

— Ну, так и нужно,—одобрил Кутепов.

Тюрьмы в Крыму, как раньше, так и теперь, были переполнены на две трети обвиняемыми в политических преступлениях. В значительной части это были военнослужащие, арестованные за неосторожные выражения и критическое отношение к главному командованию. Целыми месяцами, в ужасающих условиях, без допросов и часто без предъявления обвинений томилась в тюрьмах политическая в ожидании решения своей участи.

Обыски и аресты, в особенности среди антибольшевистски настроенных рабочих, принимали характер какой-то вакханалии. Аресты производились чаще всего под предлогом сочувствия большевикам, причем это сочувствие выражалось, например, в том, что рабочие жаловались на дороговизну, на невозможные условия осуществления. Профессиональные союзы ожесточенно преследовались. Создалось в конце концов прямо невыносимое положение, и на рабочих конференциях дебатировался вопрос об официальном самоупраждении всех союзов. Мотивировалось это тем, что самый факт существования рабочих организаций дает контр-разведке постоянный богатый материал для вылавливания своих жертв.

Озлобленно преследовались и кооперативы, которые являлись могущественными конкурентами крымским хищникам-спекулянтам, в числе которых были и лица, занимавшие высокие административные посты вплоть до министерских. Крымские кооперативы в конце концов подверглись жесточайшему разгрому под тем предлогом, что у них существует, мол, связь с советскими кооперативными организациями.

Имуществом; судьбой и даже жизнью в Крыму распоряжались взяточники, грабители, мошенники и бандиты, объединившиеся в организации, именуемой контр-разведкой.

— Я не отрицаю того, что она на три четверти состояла из преступного элемента,—такой отзыв о крымской контр-разведке дал в беседе со мной Врангель.

— Но в то же время,—говорил он,—меня возмущают несправедливые нападки на генерала Климовича. Он был только хорошим техником сыска, техником своего дела. Большевики, или те, кто, сидя в Праге (с-р., группировавшиеся вокруг «Воли России»), вынесли решение «бороться с авантюрой Врангеля», только они могли придавать приглашению Климовича политическое значение. Травля Климовича исходила из Праги...

Крымские Климовичи и Будаговские вылавливали преступников. Крымские суды карали за преступления.

— Я знаю эксцессы царского суда. Знаю, что такое красный суд. В Крыму же суд был «белый»...

Трудно добавить что-нибудь к этой краткой, но выразительной характеристике крымского суда, сделанной в разговоре со мною известным защитником по политическим делам, присяжным поверенным Кобяковым, имевшим возможность детально ознакомиться с «белым судом» в Севастополе.

Если читать только приказы Врангеля, то можно действительно подумать, будто правосудие и правда царили в крымских судах. Но это было только на бумаге.

— В действительности,—утверждают находящиеся ныне за границей весьма ответственные чины судебного ведомства, состоявшие на службе в Крыму,—все гражданские суды играли в Крыму ничтожную роль. Судебные же учреждения военного ведомства были фактически вывеской для публики, для общественного мнения, но никакой существенной роли в насаждении правосудия не играли. Такое положение создалось отнюдь не по вине представителей этих учреждений, а единственно вследствие определенного отношения к ним высшего начальства, с которого брало пример и низшее, с благословения, конечно, того же высшего начальства.

Лучше всего в этом можно было убедиться на примере военно-судных комиссий. (Наряду с корпусными и военно-полевыми судами, при каждой дивизии и при каждом штабе корпуса существовала и военно-судная комиссия для борьбы с грабежами и насилиями как на фронте, так и в тылу.)

Как только появились эти комиссии на фронте, все начальники, начиная с командующего армией Кутепова и его начальника штаба Достовалова, дружно стали на борьбу с комиссиями, заявляя открыто, что они их «не переваривают», что они «мешают войскам в их работе», что судные комиссии и прочая «тыловая мразь» им не нужны и т. д.

При таком отношении высших начальников естественно, что работа членов комиссии была сведена к нулю, так как им не давали средств к передвижению положенных по штату людей и т. д. Такие же генералы, как начальник Корниловской дивизии Туркул и Дроздовский-Скоблин просто не подпускали к себе близко членов этих комиссий.

В результате комиссии фактически почти никого не судили, а если и судили, то приговоры их не приводились в исполнение. Обо всем этом было известно Врангелю по донесениям

председателей комиссий и начальников судебных частей всех корпусов.

Главную роль в Крыму и в особенности в армии играли военно-полевые суды. При каждом полку, например, был военно-полевой суд, который судил военных чинов армии, пленных красноармейцев, население. Его компетенция простиралась фактически на все преступления, предусмотренные как гражданскими, так и военно-уголовными законами.

Здесь за все преступления выносились, главным образом, два приговора—расстрелять, или оправдать. Военно-полевые суды свирепствовали в тылу. Свирепствовали они и на фронте и в завоеванных областях.

Людей расстреливали и расстреливали.. Еще больше их расстреливали без суда. Генерал Кутепов прямо говорил, что «нечего заводить судебную канитель, расстрелять и.. все»..

О независимости суда в Крыму говорить не приходится. Достаточно сказать, что по целому ряду дел имелись резолюции Врангеля, которые связывали суд по рукам и по ногам и предписывали приговор.

— Передать дело в военно-полевой суд,—пишет, например, Врангель,—и проявить наибольшую суровость для назидания другим.

Приказы редактируются безграмотно. На практике это приводило к тому, что жизнь человеческая ставилась ни в грош.

Неоднократно общественные организации, как, например, городские думы, протестуют против военно-полевых судов, против вакханалии смертных приговоров. Но эти протесты на практике оставались гласом вопиющего в пустыне.

В то время когда в Крыму с таким старанием и заботливостью культивировался сыск во всех его родах и видах, когда за минимальные преступления грозили драконовские кары,—в это же время в гражданских и военных органах управления, среди высших чинов администрации совершенно безнаказанно изо дня в день происходили у всех на виду грандиозные хищения, творилась невообразимая вакханалия взяточничества, совершались подлоги и т. д. Взятки брали почти все, от низших до высших. Взяткой никто не брезгал. Разница была только в цифрах: один брал меньше, другой—больше. Законным путем почти ничего нельзя было добыться. Какие бы, например, строгие приказы о запрещении вывоза не отдавались, опытные люди обходили их без всяких решительных затруднений. Воровали все. Не воровал только тот, кто уж никак не мог этого сделать, или был исключительным по честности человеком.

— Взятки в Крыму давали обыкновенно непосредственно,—рассказывал мне один из крупнейших крымских подрядчиков. Я и раньше давал взятки, чтобы чиновники не тормозили при получении ассигновок, но никогда я не видел ничего подобного тому, что делалось в Крыму. Я с 1900 года работаю по поставкам на армию, но с таким взяточничеством я столкнулся впер-

вые. К примеру сказать, в управлении Налбандова взятки открыто брали даже начальники отделений...

Правящие круги не имели никакой связи с широкими массами населения Крыма и северной Таврии. Народ чуждался того дела, к которому безуспешно то уговорами, то беспощадными репрессиями пытались привлечь его. Воевать с большевиками в рядах белых крестьянство не желает. Население чуть не поголовно уклоняется от мобилизации и уходит к зеленым. Зеленоармейское движение развивается до таких пределов, что «зеленовцы» серьезно угрожают крупным пунктам, как Евпатория, Ялта, Феодосия.

Характерной особенностью зеленоармейского движения в Крыму было желание отдохнуть, уйти от какой бы то ни было войны.

— Довольно, надоело, сил больше нет,—говорили крестьяне.

Теперь в связи с надвигающейся катастрофой, зеленоармейщина выливается в форму желания соблюдать нейтралитет в борьбе красных и белых. В Крыму движение зеленоармейцев в противоположность тому, что наблюдалось и наблюдается на Черноморье, не имело идейного содержания, не носило такой яркой политической окраски и не отличалось в этом отношении активностью. Зеленоармейцами здесь были главным образом дезертиры, не желавшие идти на фронт и сражаться. Никаких политических и военных целей они не преследовали, тогда как воинственные черноморские зеленоармейцы воевали не только с белыми, но и с красными и являлись сторонниками широкого народоуправства.

Количество зеленоармейцев увеличивалось с каждым днем. Не помогали здесь ни беспощадные репрессии, ни конфискации имущества дезертиров, ни практиковавшаяся теперь система заложничества, когда вместо уклонившихся по набору брали одного из родственников, а остальных отправляли в тюрьмы. В числе «зеленовцев», сидевших в тюрьмах, было много женщин и девушек, ограбленных до нитки, часто изнасилованных, избитых шомполами и прикладами...

Центрами зеленоармейского движения были горные местности. Горное татарское население, враждебно относившееся к врангелевцам, оказывало зеленоармейцам мощную поддержку, тем более, что мусульманские нравы исключали возможность выдачи лиц, находивших у них убежище. Репрессии ожесточают «зеленовцев». Симпатии их склоняются на сторону большевиков, которые пользуются этим и начинают помогать повстанцам материально. У зеленых появляется уже свой руководитель—адъютант бывшего командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского капитан Макаров.

Борьба с зеленоармейцами не сулила ничего хорошего, потому что они хорошо знали местность и с успехом отражали мелкие отряды государственной стражи, чины которой и сами были далеко не безупречны в отношении пополнения рядов зеленых.

Опасность усиления зеленоармейского движения делается столь серьезной, что в ставке по этому поводу устраиваются специальные совещания, причем генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего Коноваловым высказывается мнение, что дальнейшее игнорирование этого движения угрожает самому существованию Крыма. В руководящих военных кругах уже идут разговоры о необходимости направить для борьбы с зелеными всю Вторую армию, которой теперь командовал донской генерал Абрамов, чтобы огнем и мечом пройти по горным деревням и раз навсегда ликвидировать всякие повстанческие и дезертирские скопления. Чтобы дальше держаться в Крыму, нужны были радикальные мероприятия, ибо, помимо всего прочего, благодаря зеленым, была теперь парализована всякая заготовка дров для железных дорог и для городов. Заготовленные же дрова уничтожались зелеными. Это угрожало теперь полным прекращением железнодорожного сообщения и катастрофическим топливным кризисом в городах.

А между тем в официальном освещении все обстоит великолепно. Все высказывают полную уверенность в успехе борьбы, проповедают бодрость и спокойствие. Однако более внимательному наблюдателю сразу же ясно было, что все это искусственно, все раздуто, и внутреннее настроение даже представителей правящих кругов не соответствует внешнему его выражению.

Казалось, что массы служилого люда, буржуазии, интеллигенции были как бы воспитаны, загипнотизированы главным командованием в желании обманывать не только других, но и себя радужными перспективами, говорить о том, и высказывать мысли, явно противоположные тем, которые каждый носил в глубине своей души...

Это особенно бросалось в глаза в Севастополе. Город был перегружен до последних пределов... Улицы—переполнены фланирующей публикой. Преобладают спекулянты, аферисты и... военные, в особенности гвардейцы... На лицах—оживление. Все чего-то ищут, о чем-то спрашивают. С внешней стороны все как будто бы спокойно. Но когда присмотришься к ним поближе, прислушаешься к разговорам, отдельным фразам и словам,—то сразу же обнаруживаешь полную неуверенность в успехе борьбы, неуверенность в завтрашнем дне. Каждый, казалось, думал, как бы поскорее удрать за границу, как бы достать заграничный паспорт, валюту. Это было лейтмотивом всех разговоров и бесед.

На улицах Севастополя можно было встретить много известных генералов, бывших вождей, героев, прославленных, отмеченных. Они производили теперь впечатление самых заурядных обывателей. Как будто бы они и не были вождями и не вели за собой массы, народ. Теперь они точно вылиняли, превратились в средних граждан. И среди них, как и среди остальной массы, все те же разговоры о заграничье, о валюте, о том, как бы заработать на том или другом выгодном деле. А между

тем все это были испытанные вожди, которые велили за собою солдат и казаков, которые жертвовали собою и в борьбе за идею не щадили своей жизни. Теперь они так же, как и рядовое офицерство, толкались по улицам, вели самые праздные, самые беспринципные с точки зрения великой идеи—борьбы за восстановление России—разговоры.

От учреждений при самом беглом знакомстве с ними получалось грустное впечатление. Во всем проглядывала полная бессистемность, везде проскальзывала полная бездеятельность, всюду наблюдалось полное отсутствие веры в свое дело. Невольно приходилось задумываться и сравнивать с недавним прошлым, хотя бы даже с учреждениями Особого совещания донского и терского правительств. Там была известная стройность, последовательность. Работа велась по известному плану, хорошему или дурному—другой вопрос. Здесь в Крыму этого не чувствовалось. Полная разрозненность, неопределенность, беспринципность, бессистемность сквозили на каждом шагу. Создавалось впечатление ужасающего бюрократизма, канцелярщины, чисто механической работы как бы вне времени и пространства...

Нерв общественной и политической жизни в Крыму—печать—был парализован. Система, которая практиковалась в отношении печати, развращала, деморализовала ее. Она заключалась в том, что правящие круги путем цензуры, путем всякого рода административных воздействий, репрессий, совещаний стремились вогнуть печать в такое русло, чтобы при абсолютном отсутствии элементарной свободы слова она все же имела вид независимой печати. В официальных кругах с этой целью все время распространялись слухи о том, что цензура в ближайшем будущем отменяется. Одновременно с этим, путем огромного количества всяких инструкций, предписаний, распоряжений, советов и предупреждений, был установлен непреложный порядок, при котором всякая газетная строка проходила цензуру, произвол которой не знал границ.

Правящие круги входили в самую технику печатания газеты, причем представители власти брали на себя даже обязанности метранпажа, дабы читатель никоим образом не мог догадаться о тех манипуляциях, которые произведены над газетой. Органам печати запретили, например, оставлять белые места, помещать объявления там, где прошла цензура. Более или менее интересные статьи и информационные заметки, касавшиеся отдельных ведомств, отправлялись цензурой на просмотр начальникам этих ведомств.

Журналистам, как в старые времена, прямо заявляли:

— Если по какому-либо вопросу не издан приказ главнокомандующего, значит говорить об этом несвоевременно. Если издан—лучше его никто не скажет.

Часто не разрешались не только критика приказов Врангеля, но и объективное разъяснение их. А приказы эти издавались в невероятном изобилии. Недаром же в редакциях гово-

рили, что самым деятельным сотрудником крымских газет был сам Врангель. И все это делалось так, чтобы, повторю, создать какую-то видимость свободной печати. Не удивительно, что печать не столько отражала жизнь, сколько извращала ее. Заграничный русский читатель мог получить по крымским газетам маленькое понятие о действительной обстановке не по тексту, а по объявлениям. Для будущего историка крымские газеты не представляют собою никакой ценности.

Честная, свободная журналистика буквально задышалась в этой атмосфере сплошного издевательства над свободным словом. Невыносимо тягостное положение ухудшалось еще материальной, в частности «бумажной», зависимостью газет от правительства, к которому, таким образом, как бы поступали на службу журналисты. В Крыму окончательно выкристаллизовался тот законченный тип «осважного» журналиста, который зародился в период существования Отдела пропаганды Особого совещания при Деникине (пресловутый «Осваг»). Эта журналистика находившаяся на откупе у правительства, играет руководящую роль. Наиболее видные ее представители являются одновременно и журналистами и агентами-осведомителями правительственных учреждений.

Система замалчивания истины имела две цели—скрыть от фронта и широких масс истинное положение вещей и втереть очки за границей.

— Вы совершенно не учитываете обстановки,—разъяснял Врангель журналистам. Когда вы помещаете в газетах мелкую заметку о наших порядках, вы не учитываете того, как она воспринимается за границей. Там ведь все раздувается до последних пределов.

В конечном итоге, чтобы окончательно обезопасить себя со стороны газет, Врангель в октябре месяце отдает следующий приказ:

«За последние дни в ряде органов печати появляются статьи, изобличающие агентов власти в преступных действиях, неисполнении моих приказов и т. д. При этом большей частью пишущие указывают, что долг чести русских людей помогать в моем трудном деле, вырывая язвы взяточничества, произвола и т. д.

Приказом от 12/25 сентября с. г. за № 3626 учреждена комиссия высшего правительственного надзора, куда каждый обыватель имеет право принести жалобу на любого представителя власти с полной уверенностью, что жалоба дойдет до меня и не останется нерассмотренной. Этим путем и надлежит пользоваться честным людям, желающим действительно помочь общему делу. Огульную же критику в печати, а равно и тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения, и за такие статьи буду выскидывать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет»

Характерно, что в то же время Врангель не отрицал ужасного положения печати, с презрением отзывался о «бездарных» крымских журналистах, служивших ему «верой и правдой», сваливая вину на цензоров и на то, что он никак не может отделаться от наследия, полученного им от «Освага». Он сам рас-

сказывал мне о том, как цензура вычеркнула однажды его сфинк-альную речь, как «слишком революционную». Та же цензура, по его словам, забраковала заметку, лично составленную Кривошеиным, ссылаясь на то, что она «подрывает существующий государственный порядок» и т. д.

Грозные симптомы надвигавшейся катастрофы особенно ярко проявлялись в области финансовой. Катастрофическое падение курса рубля ставило Крым прямо в безвыходное положение. Астрономические цифры никого уже не изумляли. Достаточно сказать, что вместо копейки в Крыму мелкой разменной монетой был денежный билет пятисотрублевого достоинства, за который было трудно купить даже фунт хлеба.

— Для того, чтобы защищать ту территорию,—объясняет генерал Врангель,—которая была мною занята, мне приходилось иметь армию со всеми тыловыми учреждениями, лагерями военнопленных, военноучебными заведениями,—всего около трех сот тысяч человек. Из них на фронте было тысяч пятьдесят, в военных лагерях около восьмидесяти тысяч и около тридцати тысяч раненых. Для содержания этой массы ресурсы страны были ничтожны. К тому же у нас не было никаких фондов, никаких естественных богатств, которые могли бы нам облегчить заем... Все время мы существовали исключительно на вывозе хлеба...

Финансовое положение Крыма было безнадежным. Уже в конце сентября начальник управления финансов профессор Бернацкий пытался успокоить общественное мнение тем, что «не следует пугаться цифры в двести пятьдесят миллиардов, в которой выразился дефицит годового бюджета текущего года». Крымские финансисты теперь находились в тупике, из которого не было выхода.

Правительство в октябре месяце прибегает к экстра ординарной мере. На финансовое совещание в Крым приглашаются со всех сторон света виднейшие представители русской буржуазии, крупнейшие финансисты и промышленники: Барк, Рябушинский, Гурко, Вышнеградский, Иванов, Денисов, Каминка, Давыдов, Третьяков, Бурышкин, и др.

В Севастополе начинается ряд торжественных заседаний экономического совещания. Предполагалось, что съехавшиеся на это совещание капиталисты не только разберутся во всех болячках финансового положения, поставят правильный диагноз, укажут пути и средства избавления Крыма от финансовой разрухи, но и лично примут активное участие в работе по экономическому возрождению и оздоровлению антибольшевистской территории России. Предполагалось также, что своими предприятиями, капиталами они дадут возможность правительству заключить внешний заем.

В действительности члены совещания проявили чисто рассудочное отношение к моменту и рассматривали все вопросы исключительно с точки зрения технической. Нужно отдать им в этом отношении справедливость—совещание по косточкам разобрало финансовую систему и всю экономическую политику

крымского правительства. В конечном итоге политика Бернацкого на совещании была разбита в пух и прах. Такая же участь постигла и Налбандова, хотя роль его в данном случае была, конечно, второстепенной и меньшего значения, чем роль Бернацкого, у которого был уже окончательно подготовлен довольно детально разработанный план финансовой реформы путем девальвации русского рубля через введение в обращение новых денежных знаков, заготовленных в Англии еще во время Деникина.

Этот план девальвации был раскритикован и отвергнут почти единогласно.

В результате Бернацкий провалился и подал в отставку. Отставка его была принципиально принята, но фактически он оставался в составе правительства на своем посту. Объяснялось это, повидимому, тем, что из многочисленных финансовых фигур, присутствовавших на совещании, не нашлось ни одного члена его, который бы согласился заменить собою Бернацкого.

Члены совещания в своей совокупности производили довольно странное впечатление. Казалось, что приехали не русские Минины, как ожидали в Крыму, а какие-то посторонние люди, эксперты, техники. Съехались, устроили консилиум, произвели экспертизу, тщательно и добросовестно отнеслись к анализу обстановки. С полной очевидностью выявили всю несостоятельность экономической и финансовой политики правительства. Одним словом, поставили точку над «i». Поставили и... только...

Горько были разочарованы все, кто ожидал какой-нибудь вспышки не только патриотизма, но и финансового гения русской промышленности, ожидал, что при возвращении за границу русские капиталисты взбудоражат финансовые круги, убедят их в необходимости оказать Крыму поддержку, выработают способы и средства воздействия на иностранные финансовые сферы, одним словом, примут в той или иной форме деятельное участие в устранении тягчайшего положения финансового кризиса.

Ничего этого не было проявлено. Все уезжали с чувством глубокой неудовлетворенности, хотя Кривошеин и Врангель благодарили отъезжавших «за блестящие результаты работ совещания».

Представители старой русской буржуазии, уклонившись от предотвращения банкротства Крыма, к поддержке которого они на словах как будто бы стремились и призывали,—еще раз расписались в своем всероссийском банкротстве.

Несмотря на внешний казенный оптимизм, крушение последних попыток правящих кругов Крыма закрепиться на новых рубежах не могло самым болезненным образом не отразиться на настроении тех, кто связывал свою судьбу с судьбою стана белых. Безотрадные перспективы, разочарование во все дутых успехах Врангеля, озлобление против правящих верхов, против занятой интригами ставки,—все это создавало массовую, хотя и инертную оппозицию не только в гражданской, но и в военной

среде, где все чаще и чаще за последнее время ставился вопрос о необходимости удалить Врангеля.

Все это, в связи с доносившимися из Ялты слухами о монархических демонстрациях в честь Слащева, приводило к выводу, что не только в чисто военной среде, но и в правых кругах быстро формируется оппозиция, тем более опасная для ставки, что население относилось к Врангелю определенно отрицательно.

Представители правящих кругов с каждым днем теряли свой престиж даже в глазах тех, кто их раньше ревностно поддерживал. Правда, с внешней стороны как будто бы сохранялась полная лояльность. Ввиду повсеместного шпионажа критическое отношение к правящим верхам чаще всего выражалось красноречивым молчанием или жестами или какими-либо междометиями и фигурами умолчания.

Ставка не замечает всего этого. Севастопольская знать занята интригами и закулисной борьбой, которые поглощают энергию правящих верхов. Сам Врангель в беседе со мной так характеризует ту атмосферу, которой была окутана ставка.

«Вокруг меня велось бесконечное количество интриг, и все время шла борьба мелких честолюбив, с одной стороны, крупная политическая кампания — с другой. Эту последнюю вели те с.р., базой для которых являлась Прага. Первого рода выступления я или совершенно игнорировал или беспощадно давил. С представителями партии с.р., я все время энергично боролся, предавая их военно-полевному суду, высывая их из пределов Крыма».

Руководящую роль в Крыму играют крайние реакционеры. В тесном союзе с ними находятся хищники и акулы-аферисты, которые в мутной крымской воде получили богатый золотой улов. Больше чем когда-нибудь теперь приобретают влияние представители черносотенного духовенства, которые с осени начинают вести особенно яростную монархическую агитацию. Устраиваются «дни покаяния» с трехдневным постом. Темная масса электризуется погромными проповедями и речами Вениамина, Булгакова, Малахова, членов всяких «национальных общин» и т. д. Священники типа Востокова призывают к «дроблению еврейских черепов». Усиленно распускаются слухи, что в Крым прибывает, дабы вступить на русский престол, великий князь Михаил Александрович. Одновременно с этим ведется пропаганда в том смысле, чтобы короновали «наиболее достойного». А таким «достойным» и является «болярин Петр»...

Фронтом не интересовались. Раньше, в минувшие годы гражданской войны и во время Деникина, когда армия, воодушевленная идеей освобождения России и похода на Москву, терпела лишения, преодолевая все затруднения, — тыл держал связь с фронтом, искал наилучших выходов из положения. В тылу в кипящем котле политических страстей выкристаллизовывались планы, методы борьбы, широкими кругами изыскивались пути и средства к осуществлению намеченных целей. Совсем другая картина наблюдалась в Крыму, в особенности в период агонии. Настоящего интереса к фронту и органической связи с ним не

было и в помине. Все были заражены в сущности одной мыслью: удержит фронт противник или не удержит. На фронт смотрели чисто с обывательской, шкурной точки зрения, думая в сущности только о том, как бы жить за спиной армии и спокойно заниматься своими делами.

Никакой политической жизни в Крыму не было. В этом отношении всюду царил полнейшая бездеятельность и апатия, какая-то загнанность и забитость. Находившиеся в тылу не хотели и не пытались заниматься политической работой. Политику делали Врангель и его приближенные. Перед печатью, широкими общественными и политическими кругами стояла дилемма—или идти за главным командованием или молчать. Общественность была так запугана, что она не имела ни малейшего желания вести работу хотя бы в подполье. С точки зрения главного командования в Крыму в этом отношении царил тишь и гладь, да божья благодать.

Лишний раз подтверждало, что Крым находится накануне катастрофы и то, что делалось в казачьих политических кругах.

В начале октября в Евпатории возобновилась сессия Донского войскового круга, которая продолжалась вплоть до эвакуации. Работа Круга была неблагоприятная, бессистемная, непрограммная, и не носила государственного характера.

Когда в Евпатории после продолжительного промежутка собрались члены Круга, то сразу же обнаружилось, что, как бы инертно, по-обывательски ни относились донские парламентарии к событиям, однако они не прошли бесследно и наложили свой отпечаток на общую политическую физиономию Круга, в частности способствовали появлению новых политических течений.

В Евпатории можно было наблюдать чрезвычайно любопытные, первые за все время существования казачьих парламентов попытки некоторых лиц, примыкавших к левому крылу Круга, образовать политическую партию с определенной политической программой, создать группировки не территориального характера, по округам, а по политическому признаку. Образовавшаяся в Евпатории такая группировка носила несколько проницательное название «партии большого кулака», именованной затем «народно-демократической» или «донской демократической».

Сущность политической программы этой группировки заключалась не в тех или иных общеполитических воззрениях, а в определенных тактических взглядах на текущий момент в применении к казачеству. На первом месте был поставлен вопрос о разрыве с главным командованием, как с носителем реакционной политики, принесшей казачеству так много горя, затемнявшей подлинное казачье демократическое лицо. Затем группа допускала возможность компромисса с большевиками, соглашения с ними в целях достижения максимума прав для казачества, смотря по текущей обстановке и по моменту, и в целях дальнейшего достижения самостоятельности казачьих войск и вхождения их в состав русского государства на федеративных началах.

В состав этой группировки вошли главным образом молодые элементы из представителей фронтового казачества. Она олицетворяла собою крайне-левое, радикальное течение, стоявшее на точке зрения необходимости самых решительных мер в деле разрыва с прошлым на предмет искания новых путей, через новых людей, новыми методами и средствами, без компромиссов, без какого бы то ни было соглашательства с представителями старого курса.

Несомненно, что такое течение при благоприятных условиях могло бы сыграть не малую политическую роль. Но эта группа в то время состояла, за исключением одного-двух человек, из крайне слабо развитых в политическом отношении элементов, не приспособленных не только к выработке общей программы, но и к выработке плана работ, к практической, реальной деятельности. В этом была ее слабость.

Круг работал с 9/22 октября до эвакуации. На открытие Круга приезжал Врангель, приезжали терцы, кубанцы, которые поднимали вопрос о союзе казачества. Но вообще это были бледные потуги, абсолютно не обещавшие никаких реальных результатов. Круг открывался при угнетенном, хотя и скрытом, самочувствии, при полной неуверенности в завтрашнем дне. Он совсем не походил на прежние круги на Дону, где чувствовался мощный авторитет верховного органа войска, где депутаты приезжали на Круг с богатым запасом энергии и определенными взглядами на те или иные вопросы политического момента, вопросы государственного устройства, где депутаты Круга знали, отдавали себе отчет для чего они собрались, какие важные государственные вопросы вызвали их к деятельности, где у депутатов, тесно связанных с избирателями, было чувство собственного достоинства, сознание своего высокого положения как народных избранников, не стесняемых никакими внешними обстоятельствами. Все это создавало известное торжественное настроение, вызываемое важностью дела, что чувствовалось не только самими депутатами, но и народной массой, армией, населением.

Здесь же картина была совсем иная. Здесь наблюдались как бы потуги приобщиться к прошлому, так сказать, остатки прошлого величия. Остро ощущалась зависимость положения не только в смысле помещения для работы, размещения, питания, но и в смысле общественно-политическом. Не было никаких делегатов с фронта. Круг собирался с сознанием своей полной оторванности от фронта, от беженцев. Депутаты в душе чувствовали, что они не имеют никакого авторитета в глазах донцов. Последние не проявили к Кругу никакого решительно интереса. Закрытые сначала заседания Круга сделались потом открытыми для казаков. Но народу на Круге было очень мало.

Больше всего Круг занимался вопросом о беженцах-донцах и об армии. Бессистемная, неблагоприятная работа проходила под знаменем чужой территории, чужих приказов, чужих порядков, что лишало Круг возможности проявить свою инициативу, довести разрешение того или иного вопроса до его реального

независимого от главного командования осуществления, тем более, что своих материальных, денежных средств, а также товаров у войска уже почти не было. Средства имелись в весьма ограниченном количестве. Учреждения войска, включительно до Круга и атамана, находились на полном иждивении и содержании у главного командования.

Одним словом, работа Круга фактически свелась к разговорам по поводу армии и беженцев, которые не привели ни к каким реальным результатам, с другой стороны,—к заслушанию информационных докладов атамана и правительства в лице его отдельных членов.

В тяжелом настроении возвращались из Евпатории в Феодосию присутствовавшие на открытии Донского круга делегаты Феодосийской рады. Плохо было у донцов, но у них дела обстояли еще хуже, тем более, что борьба за атаманскую булаву велась с прежним ожесточением в формах, дискредитирующих казачество.

Все это накладывает отпечаток глубокой неудовлетворенности на настроение официальных представителей казачества, которые пытаются все время найти выход из своего положения, найти оправдание своему пребыванию в Крыму.

В октябре месяце представители донцов, терцев и кубанцев, в лице стремившейся к власти группы Скобцова, устраивают ряд совещаний, на которых определенно выяснилось, что медлить с организацией казачества нельзя. Руководители казачества своим присутствием как бы санкционируют все происходившее в Крыму и оказываются, таким образом, предателями казачества. Так или иначе, а создалось впечатление, что казаки вполне солидарны с Врангелем и его правительством. Между тем влияние казаков на общий ход управления было ничтожно.

Донцы и терцы заявили кубанцам, что они готовы выступить активно против общего крымского политического курса ставки и правительства, но этому мешает рознь среди кубанцев.

— Давайте,—говорили они,—будем сообща решать кубанское дело...

Обсудив положение, участники совещания пришли к заключению, что необходимо собрать возможно большее количество членов Кубанской рады, пополнив их представителями воинских частей, и решению этого собрания—Кубанской рады—должны подчиниться все кубанцы.

Иванису был поставлен вопрос: каковы же его истинные намерения? Он ведет двойственную политику и разрушает единение казачества в Крыму. Он работает на два фронта. Находясь в Крыму, он как будто бы идет рука-об-руку с донцами и терцами. В то же время он посылает каких-то делегатов в Варшаву, заключает, по слухам, какие-то союзы с Польшей, Петлюрой...

Терский атаман Вдовенко прямо задал Иванису вопрос:

— С нами вы идете или против нас? Ваши делегаты делают одно, а вы с нами—другое... Когда же всему этому будет конец?

Иванис, по словам Скобцова, давал уклончивые ответы, но в конце концов согласился созвать всех членов Рады, устроить совещание и организовать власть по принципу общественного доверия.

В действительности он считал положение Крыма безнадежным, а потому воспользовался первым удобным случаем, чтобы неожиданно уехать в Тифлис, оставив своим заместителем в Крыму члена кубанского правительства Винникова.

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

НА ЮЖНОМ и ЗАПАДНОМ ФРОНТАХ¹.

1. ЮЖНЫЙ ФРОНТ.

1917 г.

Н о я б р ь.

2. Прибытие ген. Алексеева в Новочеркасск. Начало формирования «Алексеевской организации», впоследствии получившей название «Добровольческой армии», для вооруженной борьбы с советской властью.

18. Объединение белого Закавказья (Грузия, Азербайджан и Армения) под властью Закавказского комиссариата. Первая декларация последнего.

19. Побег из Быховской тюрьмы на Дон Корнилова и генералов-корниловцев: Деникина, Лукомского, Маркова и Романовского.

22. Прибытие ген. Деникина в Новочеркасск.

26. Победоносные рабочие восстания в Ростове и Таганроге. Переход власти в этих городах в руки местных военно-революционных комитетов. Выступление против них кадетских офицеров из «Алексеевской организации».

Д е к а б р ь.

1. Начало формирования добровольческого офицерско-юнкерского отряда в Екатеринодаре под начальством кап. (впоследствии ген.) Покровского.

2. Подавление рабочего восстания в Ростове и занятие его Каледниным с помощью «Алексеевской организации».

6. Прибытие ген. Корнилова в Новочеркасск.

11—12. Бой у ст. Тамаровки, Обояни и занятие советским отрядом Сивера г. Любогина.

16. Занятие Лозовой и Павлограда Краской гвардией.

18. » Харькова советскими отрядами Саблина.

24. Сформирование в Харькове штаба советских войск Южного фронта под командованием Антонова-Овсенко.

27. Принятие Корниловым командования над «Алексеевской организацией». Наименование ее «Добровольческой армией».

1918 г.

Я н в а р ь.

5. Занятие Полтавы красными отрядами под командой Муравьева.

9. Провозглашение Центральной украинской радой независимости Украины.

10. Съезд фронтовых казаков в Станице Каменской объявляет войну Каледину.

¹ Числа приведены до 1 февраля 1918 г. по старому стилю, с 11 февраля 1918 г. — дня введения нового стиля — по новому.

11. Занятие Красной гвардией Феодосии и Ялты. Подавление восстания крымских татар.

14. Победоносное рабочее восстание в Таганроге.

16. Рабочее восстание в Киеве против Центральной рады.

15—17. Занятие казачьим есаулом Чернецовым Зверева, Лихой и Каменской.

17. Переход dobroгольческих частей из Новочеркасска в Ростов.

20. Взятие в плен Чернецова советским отрядом Голубова, смерть Чернецова.

21. Подавление рабочего восстания в Киеве гайдаками.

26. Занятие Звездева и Лихой советским отрядом черноморцев.

— Занятие Киева советскими войсками Муравьева.

27. Заключение Украинской радой сепаратного мира с Германией.

28. Бои под Каменской и Таганрогом; занятие их красными частями.

29. Самоубийство донского атамана Каледина.

30. Занятие советскими войсками Торговой и Тихорецкой.

Конец месяца. Бои между советскими войсками и кубанским dobroвольческим отрядом Покровского у Эйнама (близ Екатеринодара).

Февраль.

14. Занятие Батайска (под Ростовом) советским отрядом Ставропольского гарнизона.

22. Рабочее восстание в Ростове. Оставление Ростова Добровольческой армией под командой Корнилова и начало «первого Кубанского похода» этой армии.

23. Занятие ушедшими из Ростова dobroвольцами Аксая и Ольгинской.

25. Занятие Новочеркасска советским отрядом Голубова.

28. Бой советского отряда с dobroвольцами у ст. Хомутовской. Занятие dobroвольцами ст. Кзгальницкой.

Март.

6. Бой между dobroвольцами и советским отрядом под Лежанкой. Занятие Лежанки dobroвольцами.

13. Занятие Чернигова немцами.

— Оставление Екатеринодара Кубанским казачьим правительством и dobroвольческим отрядом Покровского.

14. Занятие Екатеринодара советским отрядом Сорокина.

15—20. Выступление из Румынии на Дон dobroвольческого отряда Дроздовского.

15. Занятие австрийцами Одессы.

— Занятие Трапезунда турками.

15—16. Бой между советскими отрядами и dobroвольцами под Выселками (на Кубани).

16. Занятие Киева немцами.

17. Бой между советскими отрядами и dobroвольцами под Кореневской.

18. Контрреволюционное выступление муссаватистов и Дикой дивизии в Баку.

19. Бой dobroвольцев с советским отрядом под Усть-Лабинской. Переход dobroвольцев через р. Кубань.

20. Занятие Николаева немцами.

— Бой dobroвольцев с советскими частями у ст. Некрасовской (на Северном Кавказе).

21. Переправа dobroгольцев через р. Лабу с боем.

— Занятие Знаменки и Кременчуга германскими войсками.

22. Бой dobroвольцев с советскими частями у ст. Филипповской (на Сев. Кавказе).

23. То же у ст. Рязанской.

24. То же у ст. Калужской.

— Избрание ростовским ревкомом Совнаркома Донской республики.

26. Занятие Одессы советскими частями.

27. Встреча и объединение Корниловской добровольческой армии и кубанского отряда Покровского.

28—30. «Ледяной поход» добровольцев. Бой под ст. Ново-Дмитриевской (на Кубани).

30. Занятие Полтавы немцами.

А п р е л ь.

3. Казачье противосоветское восстание в ст. Суворовской (Донской обл.).

7. Занятие Харькова немцами.

8. Оставление Одессы советскими частями под командой Муравьева.

9. Провозглашение Закавказским сеймом независимой Закавказской федеративной демократической республики.

10. Занятие немцами Херсона и Белгорода.

13. Занятие Одессы немцами.

9—13. Неудачные атаки Корнилова на Екатеринодар.

— Смерть Корнилова, убитого артиллерийским снарядом под Екатеринодаром. Переход командования над добровольцами к Деникину.

14. Отступление добровольцев от Екатеринодара к Донской области. Бой у ст. Андреевской.

— Захват Новочеркасска восставшими против советской власти казаками.

15. Бой добровольцев с советскими отрядами в немецкой колонии Гначбу (на Кубани).

17. Занятие Новочеркасска советскими войсками.

19. Бой добровольцев с советскими частями под Владимирскими хуторами.

20. Начало немецкой оккупации Крыма.

23—24. Бой между добровольцами и советскими частями у ст. Ильинской.

24. Занятие Бахмута германскими войсками.

25—27. Бои с добровольцами у ст. Расшеватой.

29. Розгром немцами Украинской центральной рады. Провозглашение ген. Скоропадского гетманом «всех Украины».

30. Бой добровольцев с советскими частями у ст. Горько-Балковской.

3—30. Полоса казачьих восстаний против советской власти на Дону.

М а и.

1. Занятие Севастополя, Луганска и Черткова советскими войсками.

2. Бой добровольцев с советскими частями в ст. Лежанке.

3. То же в ст. Егорлыкской.

— Занятие Таганрога немцами.

4. Захват Ростова отрядом Дроздовского.

5. Вытеснение Дроздовского из Ростова советскими войсками.

6. Занятие Новочеркасска белым казачьим отрядом.

— Бой с добровольцами у ст. Егорлыкской и Гуляй-Борисовской.

8. Бои за Новочеркасск. Неудача советских войск ввиду подхода к Новочеркаску отряда Дроздовского.

— Занятие Ростова казаками и немцами.

— Заключение в Белгороде соглашения о перемирии на украинском фронте.

8—9. Бой с добровольцами у ст. Мечетинской, Незамаевской, Екатериновской, Веселой.

10—11. То же у ст. Сосыки, Крыловской и Н.-Михайловской.

11. Открытие «Круга спасения Дона» в Новочеркасске.

— Занятие Александровска-Грушевского донскими казаками.

13. Занятие ст. Мечетинской и Егорлыкской («в Задонье») добровольцами, остановившимися в них на отдых.

14. Неудача советского отряда Щаденко.

— Занятие ст. Суровкино донскими казаками.

16. «Круг спасения Дона» в Новочеркасске избирает атаманом ген. Краснова.

22. Занятие ст. Усть-Медведицкой советскими войсками.

23. Начало мирных переговоров Советской республики с Украиной в Киеве.
 26. Распадение Закавказской федеративной республики. Образование независимых республик Грузии, Армении и Азербайджана.
 30. Занятие Красновым ст. Лиски.

Июнь.

1. Сформирование татарским парламентом в Крыму буржуазного правительства.
 14. Заключение перемирия между Советской Россией и Украиной. Сред. месяца. Объединение всех восставших донских казаков под начальством Краснова.
 19. Затопление Черноморского флота в Новочерасске.
 22. Выступление добровольцев во «второй Кубанский поход».
 — Занятие ст. Лежанки добровольцами.
 25. Бой с добровольцами у ст. Торговой. Оставление Торговой Красной армией.
 25. Смерть Маркова, одного из крупнейших добровольческих генералов, убитого в бою под ст. Шаблиевкой.
 28. Бой у Великокняжеской и занятие ее добровольцами.
 1—30. Успехи Краснова в Донской области.

Июль.

- 1—4. Бой с добровольцами в районе ст. Торговой-Песчаноконской.
 6. Крупная неудача советских войск у Белой Глины. Захват добровольцами Белой Глины и 5000 пленных.
 10—14. Тихорецкая операция добровольцев.
 — Тяжелое поражение 30-тысячной группы советских войск Калнина под Тихорецкой. Занятие Тихорецкой добровольцами.
 21. Захват Ставрополя передавшимися добровольцам партизанским отрядом полк. Шкуро.
 25. Занятие Ейска добровольцами под командой Покровского.
 17—26. Бой с добровольцами у ст. Кучевки, Пластунской и Кавказской.
 27. Занятие Армавира добровольцами.
 28. Поражение добровольцев под Кореневской у Екатеринодара. Занятие Кореневской советскими частями Сорокина.
 30. Занятие Армавира советскими частями Сорокина.
 — Занятие Кореневской добровольцами.
 — Покушение левых эсеров на главнокомандующего немецкой армией на Украине ген. Эйхгорна. Эйхгорн смертельно ранен.
 1—31. Борьба Красной армии с Красновым в Донской области.

Август.

1. Бой на екатеринодарском направлении, Занятие Кореневской Сорокиным.
 7. Поражение Сорокина под Выселками. Занятие Кореневской добровольцами.
 9. Взятие Богучара (Воронеж. губ.) казаками Краснова.
 14. Падение советской власти и появление англичан в Баку.
 15. Занятие Екатеринодара Деникиным.
 — Арест бакинского Совнаркома англичанами. Занятие Баку турками.
 26. Занятие Новороссийска добровольцами.
 31. Организация «Особого совещания» (правительства) при командовании Добровольческой армии.
 1—31. Наступление Краснова в Саратовской и Воронежской губ.

Сентябрь.

7. Прибытие ген. Врангеля в Добровольческую армию.
 8. Занятие Майкопа добровольцами.
 — Взятие г. Калача казаками Краснова.

11. Успехи советских частей Сорокина. Занятие ими Белореченской (у Майкопа).

15. Бой в Армавирском направлении. Захват и оставление Невинномысской добровольцами.

16. Занятие Майкопа советскими войсками.

19. Занятие Армавира добровольцами.

20. Занятие Майкопа добровольческим отрядом Покровского.

21. Занятие Невинномысской добровольцами.

25. Занятие Кисловодска добровольческим отрядом Шкуро.

26. Наступление советских войск и занятие ими Армавира.

28. Занятие Невинномысской Сорским.

27—30. Бой с добровольческими частями ген. Покровского у р. Лабь.

1—30. Упорные бои с переменным счастьем в Армавирском районе.

К о н е ц м е с я ц а. Восстание терских казаков против советской власти

О к т я б р ь.

5. Взятие г. Павловска и сл. Бутурлиновки казаками Краснова.

8. Смерть инициатора Добр. армии ген. Алексеева.

11. Занятие Кисловодска советскими частями.

21. Занятие Таловой Красновым.

23. Наступление советских войск на Ставрополь. Начало 28-дневного сражения под Ставрополем.

26. Захват Армавира добровольцами ген. Казановича.

— Мятеж советского командарма Сорокина. Арест и расстрел по его приказанию председателя и нескольких членов ЦИК Северо-кавказской советской республики в Пятигорске.

27. Занятие Ставрополя красными войсками.

30. Арест Сорокина и казнь его в Ставропольской тюрьме.

31. Занятие Невинномысской добровольцами.

Н о я б р ь.

3. Занятие Невинномысской советскими частями.

5. Обратное занятие Невинномысской добровольцами.

11. Занятие добровольцами ст. Темюлесской и окончательное вытеснение советских войск из пределов Кубанской области.

14—15. Занятие Ставрополя добровольческой 1-й конной дивизией ген. Врангеля.

17. Падение правительства ген. Сулькевича в Крыму и смена его правительством Сев. Крыма.

19. Начало восстания Петлюры на Украине против гетмана.

22. Прибытие в Новороссийск эскадры союзников.

23. Взятие ст. Лиски казаками Краснова. Успехи Краснова в Хоперском округе и районе Камышина.

— Занятие Харькова петлюровскими отрядами.

26. Прибытие союзнической эскадры в Севастополь.

27. Сформирование монархической «южной армии» под командой ген. Иванова.

Д е к а б р ь.

1. Образование временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

3. Занятие Валук Красной армией.

14. Отречение гетмана Скоропадского. Занятие Киева петлюровцами.

18. Занятие ст. Лиски Красной армией.

21. Занятие г. Купянска Красной армией.

22. Занятие Белгорода Красной армией.

26. Лево-эсеровский мятеж в Купянске.

1—31. Наступление Красной армии в Донской области.

7—31. Бой с добровольцами на Северном Кавказе.

1919 г.

Январь.

3. Занятие Харькова советскими войсками.
— Бой с добровольцами у с. Ореховка, Высоцкое, Грушевское, Александровское.
- 6—8. Бой с добровольцами у с. Благодарного, поражение Таманской советской армии.
— Соединение Донской и Добровольческой армий под единым командованием ген. Деникина.
8. Занятие Бутурлиновки и Борисоглебска (на Донском фронте) Красной армией.
- 6—11. Бой с добровольцами у ст. Баталпашинской.
11. Ликвидация лево-эсеровского заговора в Купянске.
17. Занятие добровольцами под командой ген. Улагая с. Святого Креста.
18. Занятие Полтавы и Богучара советскими войсками.
19. Открытие в Киеве «трудового конгресса», созванного петлюровской директорией.
20. Занятие добровольцами Ессентуков, Кисловодска и Пятигорска.
21. Занятие Луганска Красной армией.
— Занятие добровольческим I конным корпусом ген. Шатилова г. Георгиевска.
23. Назначение ген. Врангеля командующим Кавказской добровольческой армией.
25. Занятие добровольческими частями ген. Шкуро с. Нальчика.
26. Занятие Екатеринослава украинской Красной армией.
27. Занятие добровольцами с. Прохладного.
28. Занятие Владикавказа добровольцами.
— Занятие добровольческими частями ген. Покровского г. Моздока

Февраль.

- 1—3. Бой с добровольческими частями ген. Шкуро и ген. Геймана за с. Беслан.
- 3—10. Бой с добровольцами у Владикавказа.
5. Занятие добровольцами г. Грозного.
6. Занятие Киева Красной армией.
— Занятие добровольцами Кизляра.
— Прибытие в Одессу представителей французской армии ген. д'Ансельма и полк. Фрейденберга.
9. Успехи Красной армии на донском фронте в районе ст. Качалинской, Усть-Медведицкой и Усть-Хеперской. Железная дорога Борисоглебек—Царицын очищена от казаков.
15. Отставка донского атамана Краснова в связи с неудачами на фронте. Избрание донским атаманом Богаевского и полное подчинение Донской армии Деникину.
17. Требование французского командования в г. Одессе о сформировании смешанных русско-французских бригад.
18. Занятие Бахмута Красной армией.

Март.

2. Занятие Херсона украинским советским отрядом атамана Григорьева
7. Открытие Терского большого круга.
— Занятие ст. Каменской Красной армией.
13. Очищение Николаева войсками Антанты.
14. Введение осадного положения в Одессе французским командованием.
19. Образование французами в Одессе «Комитета обороны».
20. Прибытие в Одессу генерала Франше д'Эспере.
25. Занятие Мариуполя Красной армией.
29. Ультиматум ген. Деникина крымскому правительству. Очищение Очакова добровольческой бригадой ген. Тимоновского.

А п р е л ь.

2. Приказ французского правительства об эвакуации Одессы.
3. Занятие Юзова и Великокняжеской Красной армией.
4. Прорыв Красной армии в Крым через Перекоп.
5. В ставропольском направлении Красной армией форсирован р. Маныч.
- 5—6. Эвакуация французами Одессы.
6. Занятие Одессы советскими войсками.
9. Занятие советскими частями ст. Джанкой.
11. Отряды Красной армии форсировали Донец.
15. Приказ адмирала Амета об оставлении Добровольческой армией Севастополя.
- Наступление Деникина в Донецком бассейне. Упорные бои в районе Бахмута и Луганска.
18. Перемирие между французами и советскими частями в Севастополе.
23. Политическая декларация правительства юга России.
- 25—27. Переправа советских частей через р. Маныч в тыл Донской армии.

М а и.

- 1—3. Сосредоточие добровольческих частей Манычского фронта (ген. Покровский, Кутепов, Улагай).
4. Занятие Луганска добровольцами.
5. Начало общего наступления Деникина от р. Маныча.
7. Восстание атамана Григорьева на Украине против советской власти.
8. Переход добровольческих частей через р. Маныч и отход красных.
17. Наступление советских частей в Донецком районе.
19. Поражение Великокняжеской группы (X армия) Красной армии в боях с Кавказской армией ген. Врангеля.
- Прорыв конницы Деникина у Юзовки.
- 19—21. Бои Кавказской армии ген. Врангеля у ст. Великокняжеской.
22. Занятие Великокняжеской деникинцами.
- Ликвидация мятежа атак. Григорьева. Занятие Красной армией опорного пункта Григорьева — ст. Александрии.
23. Части Деникина форсировали р. Северный Донец у ст. Каменной.
24. Форсирование Кавказской армией реки Сал.

И ю н ь.

1. Занятие Бахмута добровольцами.
2. Форсирование Кавказской армией р. Есауловский Аксай.
3. Разгром Закаспийского ополчения Красной армией у ген. Мерва.
4. Занятие Добровольческой армией Славянска.
- Мятеж Махно против советской власти в Екатеринославской губернии.
- 5—7. Разгром Махно корпусом ген. Шкуро у с. Гуляй-Поле.
6. Занятие Бердянска и Славянска добровольцами.
9. Прибытие в Екатеринодар делегации Парижского политического совещания (ген. Щербачев, Аджамов, Вырубев) для переговоров о подчинении Деникина Колчаку.
12. Опубликование приказа о подчинении Деникина Колчаку.
14. Декларация Донского круга.
- Занятие Купянска добровольцами.
18. Объединенное заседание представителей Совета государственного объединения, Национального центра и Союза возрождения России.
20. Отправление во Францию миссии ген. Драгомирова (Астров, Нератов, Соколов).
21. Занятие деникинцами Феодосии, Павлограда, Волчанска, Валуев, и Калача.
23. Занятие деникинцами Сняльникова.
24. Акт Колчака о замене его в случае смерти Деникиным в должности верховного главнокомандующего.

— Собрание председателей казачьих кругов (рад) и правительств в Ростове.

25. Занятие Харькова добровольческими частями ген. Май-Маевского.
- Занятие Харькова денкинцами.
27. Убийство председателя Краевой кубанской рады Рябовола в Ростове.
29. Занятие Екатеринослава и Новохоперска добровольцами. Окончательное вытеснение из Крыма советских частей.
29. Занятие денкинцами Боброва.
30. Занятие Царицына Кавказской армией ген. Врангеля.
- Занятие денкинцами Екатеринослава, Царицына, Константинограда и Лисок.

Июль.

2. Поражение Закаспийского ополчения в боях с советскими частями у Каахки.

4. Занятие денкинцами Борисоглебска и Балашова.
10. Передача власти Закаспийским комитетом спасения Совету.
- 12—13. Конференция кадетской партии в Ростове.
15. Занятие Красной армией Борисоглебска.
16. Занятие Красной армией Екатеринослава и Люботина.
24. Занятие Темир-Хан-Шуры добровольцами.
27. Убийство атамана Григорьева атаманом Махно.
28. Занятие Камышина Кавказской армией ген. Врангеля.
31. Оставление Полтавы Красной армией и занятие ее добровольцами.

Август.

5. Передача власти в Терско-Дагестанском крае добровольческому военному командованию.

6. Занятие денкинцами Бутурлиновки и Новохоперска.
10. Прорыв Южного фронта конницей ген. Мамонтова.
11. Занятие добровольцами Гадяча.
14. Наступление красных частей на Царицын.
16. Уведомление Деникиным представителей Согласия о невозможности соглашения Добровольческой армии с Петлюрой.
17. Контрудар Красной армии в харьковском направлении. Занятие ею Нового Оскола и Бирюча.
18. Захват Тамбова добровольческим корпусом ген. Мамонтова.
- Занятие Херсона, Николаева и Воронежа денкинцами.
22. Занятие Валук, Поворино и Камышина советскими войсками.
23. Занятие Одессы денкинцами.
- Занятие Борисоглебска Красной армией.
- Занятие Одессы добровольцами.
- Восстание командира советского казачьего корпуса Миронова на Южном фронте против советской власти.
26. Прорыв красных частей денкинского фронта и занятие ими г. Купьянска.
30. Занятие Киева петлюровцами и добровольческими частями ген. Бредова.
- Столкновение между петлюровцами и добровольцами в Киеве.
- Оставление Киева петлюровцами.

Сентябрь.

2. Занятие Калача и Иловки Красной армией.
- 5—9. Поражение II и X Красных армий в боях с добровольцами под Царицыным.
7. Занятие денкинцами Нового Оскола.
10. Занятие денкинцами Валук.
11. Налет добровольческих частей ген. Мамонтова на Воронеж.
13. Покушение на ген. Баратова в Тифлисе. Баратов ранен.
14. Ликвидация мятежа Миронова.
17. Занятие денкинцами Суджи.

20. Занятие денкикинцами Курска.
20. Занятие Курска добровольцами.
24. Занятие денкикинцами Фатежа и Рыльска.
26. Наступление Махно на Умань.
- Прибытие в Гаганрог польской милиции генерала Каряницкого.
28. Занятие денкикинцами Глухова и Касторной.
30. Занятие ген. Шкуро Воронежа.

Октябрь.

5. Наступление Махно против добровольцев в районе Днепра.
6. Занятие денкикинцами Воронежа.
7. Наступление Махно на с. Гуляй-Полё.
10. Переход Красной армии в наступление против Деникина на фронте Дмитровск-Кромы Орловск. губ.
12. Занятие денкикинцами Чернигова.
- 13—14. Временное занятие советскими частями города Киева.
14. Занятие денкикинцами Орла.
16. Занятие денкикинцами Севска.
17. Занятие денкикинцами Новосила Тульск. губ. — пункта наибольшего продвижения Деникина на путях к Москве.
19. Перелом на Южном фронте. Победа кавказцы Буденного под Вороном над кавказцами Мамонтова и Шкуро.
20. Занятие Орла Красной армией.
22. Занятие с. Вапнярка добровольческими отрядами ген. Слащева и Розеншильд-Паулина.
24. Занятие Воронежа Красной армией.
26. Занятие Дмитрова Красной армией.
- Переход добровольческих частей в наступление против Махно.
27. Захват бандами Махно Екатеринослава, отбитого у добровольцев.
28. Созыв Чрезвычайной краевой кубанской рады.

Ноябрь.

3. Совещание украинских и галицийских старших начальников в Жмеринке.
5. Занятие Красной армией Чернигова.
7. Приказ Деникина о предании ряда кубанских политических деятелей военно-полевому суду за измену (за заключение договора с меджлис-сок горских народов).
7. Атака Буденного у ст. Касторной.
- Занятие Красной армией Севска и Малоархангельска.
9. Оглашение приказа ген. Деникина в Кубанской раде.
11. Занятие ст. Жмеринка генералом Розеншильд-Паулиным.
14. Занятие Красной армией Глухова и Фатежа.
15. Приезд Деникина в Харьков.
16. Переход Галицийской армии на сторону добровольцев.
17. Занятие Красной армией Курска.
18. Занятие красными ст. Бахмач.
- Делегатский съезд черноморского крестьянства (селеных) в Гаграх.
18. Ульгитату ген. Покровского Кубанской раде.
19. Выдача кубанской радой 11 членов ее ген. Покровскому.
- Наступление ген. Слащева на город Екатеринослав против Махно.
20. Исполнение в Екатеринодаре члена кубанской краевой рады Калабухова по приказу ген. Покровского.
23. Очищение левого берега нижнего Днепра от махновцев.
24. Занятие Красной армией Константинополя, ст. Оскола, Куротояка и Лисок.
25. Избрание денкикинского ставленника ген. Успенского кубанским атаманом.

Декабрь.

1. Красной армией заняты Прилуки и Сумы.
6. Красной армией занят Белгород.

8. Занятие ген. Слашевым Екатеринослава.
9. Красной армией заняты Бердичев, Богодухов, Валуйки.
12. Оставление Добровольческой армией Харькова. Занятие Харькова Красной армией.
13. Красной армией занята Полтава.
15. Акт адм. Колчака о замене его в случае смерти ген. Деникиным, как носителем верховной власти.
16. Красной армией заняты Киев, Купянск, Ромодан.
24. Красной армией заняты Казатин, Лозовая.
26. Красной армией заняты Славяносербск, Миллерово, Луганск.
29. Упразднение Особого совещания при Деникине.
30. Красной армией заняты Екатеринослав, Синельниково.

1920 г.

Январь.

2. Обращение Советской республики к Грузии и Азербайджану с предложением военного союза для борьбы с Деникиным.
3. Занятие Красной армией Царицына.
7. Оставление добровольцами Новочеркасска и занятие его Красной армией.
8. Оставление добровольцами и занятие Красной армией Ростова-на-Дону.
13. Сессия Кубанской краевой рады в Екатеринодаре.
17. Отход Кавказской Добровольческой армии от Царицына и сосредоточение ее на р. Сал.
18. Захват красными с. Ольгинской.
— Открытие Верховного казачьего круга в Екатеринодаре.
19. Неудача красных частей Буденного в бою с частями ген. Топоркова.
25. Совещание добровольческих атаманов, правителей и командующих в Тихорецкой.
27. Наступление советских армий и отход добровольцев за р. Маныч.
28. Переход зеленых в районе Сочи в наступление против добровольцев.
29. Декларация ген. Деникина на Верховном казачьем круге.
31. Оставление добровольцами Николаева и Херсона.
— Отказ Грузии от союза с Советской республикой для борьбы с Деникиным.

Февраль.

4. Мятеж добровольческого офицера кап. Орлова в Севастополе.
— Организация Южно-Русского правительства (деникинского).
7. Занятие Одессы Красной армией.
11. Признание главным командованием Добровольческой армии правительств Грузии и Азербайджана de facto.
- 16—18. Наступление конного добровольческого корпуса ген. Павлова от р. Маныч на ст. Торговую.
20. Захват Ростова добровольцами.
22. Оставление добровольцами ст. Тихорецкой.
23. Переход добровольческой ставки в Екатеринодар.
— Ликвидация прорыва Донского корпуса деникинской армии. Вторичное занятие Красной армией Ростова-на-Дону.
— Подчинение кап. Орлова в Крыму добровольческому командованию и выход его отряда на фронт.
24. Наступление зеленых и восстание против добровольцев и Туапсе.

Март.

2. Бой под ст. Егорлыкской.
9. Занятие Ейска и Тихорецкой Красной армией.
11. Оставление добровольцами ст. Тимшевской.
15. Оставление добровольцами ст. Кореновой.

16. Последнее заседание Кубанской рады; обсуждение вопроса о соглашении с большевиками.

17. Оставление добровольцами Екатеринодара и занятие его Красной армией.

19—20. Переход наступающих против Деникина советских армий через реку Кубань.

23. Восстание зеленых против добровольцев в гор. Анапе и ст. Госточаевской.

25. Расстрел генералом Слащевым 14 рабочих в Крыму.

27. Оставление добровольцами Новороссийска.

— Занятие Новороссийска Красной армией.

29. Упразднение Южно-Русского правительства и образование при Деникине «делового учреждения» под председательством М. В. Бернадского.

30. Занятие Владикавказ и Петровска Красной армией.

А п р е л ь.

2. Письмо Деникина к ген. Драгомирову о созыве военного совета для выбора нового главнокомандующего.

— Нота английского правительства о прекращении помощи Добровольческой армии.

3. Открытие в Севастополе заседания Военного совета для выбора нового главнокомандующего.

— Передача Деникиным Врангелю поста главнокомандующего вооруженными силами юга России.

5. Убийство ген. Романовского, бывш. начальника штаба у Деникина, русским офицером в Константинополе.

11. Объявление деникинских положений об управлении на юге России.

— Первая нота Керзона Советской России с предложением заключить перемирие с Врангелем.

28. Перемирие атамана Букретова с грузинами.

— Провозглашение Советской республики в Азербайджане.

29. Занятие Сочи Красной армией.

30. Предложение командования советскими войсками остаткам деникинской армии под Сочи под командой ген. Морозова капитулировать.

М а и.

2. Сдача атаманом Букретовым остатков Кубанской армии в районе Сочи советским войскам. Отъезд ген. Букретова в Тифлис.

— Переименование Добровольческой армии в Крыму под командой Врангеля в Русскую.

И ю н ь.

3. Нота великобританского правительства врангелевскому командованию с требованием прекращения военных действий против большевиков.

7. Приказ Врангеля о земле. Переход армии Врангеля в наступление, выход ее из Крыма на север, поражение XIII советской армии.

23. Занятие Бердянска врангелевцами.

И ю л ь.

3. Поражение красного конного корпуса Жлобы.

28. Приказ Врангеля о волостном земстве.

А в г у с т.

4. Соглашение Врангеля с атаманами и правительствами казачьих войск.

10. Признание Францией правительства юга России de facto.

14. Высадка Врангелевского десанта на Кубани у ст. Приморской-Азтарской.

Сентябрь.

1. Оставление частями врангелевской армии Тамани.

Октябрь.

3. Приказ Врангеля об уездной и губернском земстве. Приказ о сформировании III Русской армии в Польше.
8. Переправа частей Врангеля на правый берег Днепра.
14. Отход врангелевских частей на левый берег реки Днепра.

Ноябрь.

2. Отступление врангелевской армии на Перекопские позиции.
11. Приказ Врангеля об оставлении Крыма.
16. Окончательная эвакуация врангелевцами портов Крыма.

Декабрь.

2. Провозглашение советской власти в Армении.
3. Ликвидация советскими частями главных сил Махно.

II. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

1917 г.

Декабрь.

22. Признание ВЦИК независимости Финляндии.

1918 г.

Январь.

13. Захват Рогачева польскими легионами.
16. Начало советской революции в Финляндии.
30. Занятие Рогачева советскими отрядами.

Март.

5. Занятие Ямбурга советскими войсками.
10. Высадка в Або немецкого десанта в помощь финляндскому белогвардейскому правительству.
12. Оставление главными силами Балтийского флота Гельсингфорса.

Апрель.

3. Высадка германского десанта в Ганге для подавления финской советской революции.
 9. Перевод русского флота из Свеаборга в Кронштадт.
 10. Вывод последних русских судов из Гельсингфорса в Кронштадт.
 13. Занятие немцами Гельсингфорса.
 29. Окончательное поражение финляндского советского правительства.
- Занятие Выборга финляндскими белогвардейскими войсками.

Май.

14. Уничтожение форта Ино по приказу коменданта Кронштадтской крепости.
22. Занятие Риги германскими войсками под командой ген. графа фон-дер-Гольца.

Октябрь.

10. Начало организации белогвардейской Северной армии в г. Пскове. Русско-немецкое совещание о формировании белогвардейских русских частей.

Н о я б р ь.

2. Переход отряда Балаховича в Северную армию (г. Псков).
17. Начало эвакуации германских оккупационных войск с территории Советской республики.
17. Переход нашими войсками демаркационной линии.
20. Продвижение Красной армии на западном фронте вслед за отходящей германской армией. Занятие Пскова советскими войсками.
22. Первая перестрелка отрядов белогвардейской Северной армии с советскими войсками в районе Себежа.
26. Бой у Пскова с белогвардейцами; отступление белой Северной армии к Изборску и Валку.
28. Занятие Нарвы советскими войсками.

Д е к а б р ь.

6. Занятие Двинска Красной армией.
- Договор между Северной армией и эстонским правительством.
9. Занятие Минска Красной армией.
16. Провозглашение временным рабоче-крестьянским правительством советской власти в Литве.
17. Провозглашение советской власти в Латвии.
18. Взятие Валка латвийской Красной армией.
- Уход немецких войск из Финляндии.
20. Арест миссии Российского красного креста в Варшаве.
23. Признание ВЦИК независимости советских республик Эстонии, Литвы и Латвии.

1919 г.

Я н в а р ь.

2. Провозглашение советской власти в Белоруссии.
3. Занятие Риги советскими войсками.
5. Бой под Ревелем между советскими частями и местными белогвардейцами.
6. Занятие Вильны и Барановичей Красной армией.
10. Занятие Митавы Красной армией.
11. Начало отступления эстонской Красной армии.
14. Выборгский съезд русских белогвардейцев. Избрание Общерусского комитета в Финляндии.
18. Эвакуация Нарвы эстонской Красной армией.
22. Бой с белогвардейцами под Нарвой.

Ф е в р а л ь.

5. Признание ВЦИК независимости Белорусской советской республики.
10. Первое мирное предложение советского правительства Польше.
11. Начало военных действий поляков против Советской России. Занятие Брест-Литовска поляками.

М а р т.

16. Занятие Барановичей поляками.
18. Очищение Митавы латышской Красной армией.
24. Очищение Поневежа латышской Красной армией.

А п р е л ь.

8. Занятие Волочиска советскими войсками.
21. Вторжение поляков в Вильну.

М а и.

2. Вторжение финских белогвардейцев в пределы Советской республики
6. Признание Финляндии Англией.

13. Наступление белогвардейского Северного корпуса по линии Ямбург—Гдов—р. Желча.
14. Начало первого наступления белогвардейской Северо-западной армии под командой ген. Родзянко на Петроград.
15. Занятие Гдова войсками Родзянко.
21. Наступление Северо-западной армии Родзянко в районе Гатчины.
22. Оставление Риги латышской Красной армией.
24. Занятие Пскова эстонскими и русскими белогвардейцами.
- Образование Политического совещания при ген. Юдениче.
27. Приостановка наступления Родзянко на Петроград.

Июнь.

12. Белогвардейское восстание на фронте «Красная горка» в районе Кронштадта.
14. Телеграмма адм. Колчака о назначении Юденича главнокомандующим над белыми войсками на Западном фронте.
16. Подавление восстания на «Красной горке».
20. Занятие с.с. Копорье и Воронино белогвардейцами.
21. Телеграмма адм. Колчака об условиях совместных действий с Финляндией и Эстонией против Красной армии.

Июль.

8. Выступление отряда князя Ливена из Курляндии для присоединения к Северо-западной армии.
18. Образование Западного добровольческого корпуса имени генерала Келлера.
31. Прибытие в Ревель первого транспорта союзников со снабжением.

Август.

2. Военное совещание в Ревеле для образования единого антибольшевистского фронта.
3. Отход белогвардейского 1-го корпуса за реку Лугу.
- Декларация Политического совещания.
5. Отступление белых от Ямбура.
8. Занятие Минска поляками.
- Объявление ген. Юденича о выпуске денежных знаков.
10. Образование белого сев.-зап. правительства в Ревеле под председательством Лянозова по требованию английского генерала Марча.
11. Декларация сев.-зап. правительства о признании независимости Эстонии.
13. Занятие Игумена, Ровно и Сарн поляками.
- 22—23. Арест полковником Пермикиным чинов штаба Балаховича.
24. Исключение Балаховича из Северо-западной армии.
26. Занятие Пскова Красной армией.
- Военный Совет в Риге, разделение района между Северо-западной и Западной армиями.
28. Телеграмма адм. Колчака о денежной поддержке им северо-западного правительства.
31. Обращение Советской республики к Эстонии с предложением мирных переговоров.

Сентябрь.

1. Бой на р. Сабе.
5. Образование монархической «Западной добровольческой армии» под командой Бермонта-Авалова.
- Ответ Эстонии о согласии начать мирные переговоры с Советской республикой.
10. Наступление Красной армии на Гдов.
- Начало переговоров белой Эстонии с Советской республикой.
11. Мирное предложение Советской республики Латвии, Литве и Финляндии.

13. Бой под Гдовом. Предложение советским правительством союза Финляндии, Литве, Латвии и Эстонии.
14. Ликвидация мятежа Миронова на Южном фронте.
20. Воззвание Бермонта-Авалова о принятии им на себя власти.
27. Приказ ген. Юденича Западной добровольческой армии о выступлении ее к р. Нарове.
28. Переход белой Северо-западной армии в наступление под командой Юденича. Занятие ею Луги.
- 28—30. Наступление Северо-западной армии по линии Псков — Струги-Белые.
30. Бой у с. Жилые Болота.

О к т я б р ь.

6. Бой советских частей с белой 4-й дивизией кн. Долгорукова у с. Струги-Белые.
- 8—9. Наступление частей Бермонта-Авалова на город Ригу.
9. Приказ ген. Юденича об объявлении Бермонта-Авалова изменником.
11. Начало второго наступления белой Северо-западной армии под командой ген. Юденича на Петроград. Занятие ею Ямбурга.
12. Воззвание правительства Северо-западной области к войскам Бермонта-Авалова.
13. Бой у переправ через р. Лугу.
14. Бой у Ямбурга. Занятие белыми ст. Волосово. Бомбардировка англо-французскими судами позиций Бермонта-Авалова под г. Ригой.
15. Объявление Петрограда на осадном положении.
16. Взятие белыми Красного Села и г. Гатчины. Приезд Троцкого на Петроградский фронт.
- Занятие Красного Села Юденичем.
18. Занятие белыми д. М. и Б. Пикорово и Владимировки.
19. Занятие белыми линии деревень Сахожа — Б. Озеры — Городец — Шереметьевская. Прибытие в Гатчину танков. Генерал Юденич в Детском Селе.
- Приказ Троцкого об общем наступлении против Юденича.
20. Занятие белыми Стрыльнинской подставы и предместья Лигово.
- Занятие белыми ст. Оредеж и Батацкая.
- 20—24. Контрнаступление Красной армии.
21. Занятие белыми Павловска.
- Бой в пулковском направлении. Отступление белых от Детского Села и Павловска.
21. Бой под Пулковым. Перелом на Петроградском фронте.
23. Занятие Детского Села и Павловска Красной армией.
25. Оставление белыми Красного Села и д. Русское Капорское.
26. Занятие Красного Села советскими частями.
- 27—29. Бой у с. Кипень.
30. Наступление красных частей от реки Луги до Чудовского озера.
31. Захват белыми д. Ропши.
- Занятие Луги Красной армией.

Н о я б р ь.

1. Бой с белыми частями полк. Пермикина у Красного Села.
2. Оставление белыми Луги.
3. Отход белых от Гатчины и ст. Преображенской.
- Занятие Гатчины Красной армией.
7. Наступление красных от Струги-Белые и г. Пскова.
- Отступление белых к Ямбургу.
- Занятие Гдова Красной армией.
8. Оставление белыми Гдова.
11. Отход белых ст. М. Гостилицы. Отход Западной добровольческой армии Бермонта-Авалова к Митаве.
14. Ликвидация юденичского фронта. Занятие Ямбурга Красной армией.
- Отход белых от Ямбурга к р. Нарове.

22. Оставление Западной Добровольческой армией Бермонта Митава.
23. Командирование ген. Юденичем ген. Родзянко в Лондон.
24. Назначение генерала Глазенапа командующим Северо-западной армией.

Декабрь.

1. Начало отправления (интернирования) частей Западной добровольческой армии Бермонта в Германию. Переименование Западной добровольческой армии в «Группу кн. Авалова».
5. Открытие советско-эстонской мирной конференции в Юрьеве.
22. Мирное предложение Советской республики Польше.
31. Подписание в Юрьеве перемирия между Советской республикой и Эстонией.

1920 г.

Январь.

22. Ликвидация учреждений Северо-западной армии.
28. Арест генерала Юденича Балаховичем.
29. Заключение мира в Юрьеве между Эстонией и Советской республикой.

Февраль.

2. Подписание советско-эстонского мирного договора.
6. Возобновление военных действий поляками. Занятие ими Мозыря и Овруча.
27. Заявление польского правительства о согласии начать мирные переговоры при условии ведения их в Борисове.

Март.

31. Мирное предложение со стороны Литвы.

Апрель.

16. Открытие советско-латвийской мирной конференции.
23. Измена галицийских частей, входивших в состав Красной армии.
25. Начало польского наступления на Украину.
26. Взятие Житомира и Бердичева поляками.
28. Занятие Могилев-Подольска и Коростеня поляками.

Май.

6. Занятие Киева поляками.
9. Открытие советско-литовской мирной конференции.
25. Взятие Борисова Красной армией.
30. Воззвание Особого совещания при главкоме ко всем бывшим офицерам с призывом к защите советской России от польского нападения.

Июнь.

8. Прорыв конницей Буденного польского фронта на Украине.
12. Занятие Киева Красной армией.
29. Взятие Мозыря Красной армией.

Июль.

4. Переход Красной армии в общёе наступление на польском фронте.
11. Занятие Молодечно и Минска Красной армией.
- Ультиматум английского правительства с предложением мирного посредничества между Советской Россией, Польшей и Врангелем.
12. Подписание советско-литовского мирного договора.
- Занятие Каменец-Подольска Красной армией.
14. Занятие Вильно Красной армией.

17. Ответ Советской республики английскому правительству с отказом от посредничества Англии.
19. Занятие Гродно и Барановичей Красной армией.
20. Требование Англии о немедленной приостановке наступления Красной армии против Польши.
22. Обращение Польши к Советской республике с предложением начать мирные переговоры.
23. Взятие Пинска Красной армией.
25. Занятие Воловиска, Гусятина и Брод Красной армией.
29. Занятие Белостока Красной армией.
31. Образование Временного революционного комитета Польши.

А в г у с т.

1. Занятие Брест-Литовска Красной армией.
2. Образование Революционного комитета Галиции.
3. Занятие Ломжи Красной армией.
4. Занятие Ковеля и Луцка Красной армией.
- Заявление Ллойд-Джорджа т. Каменеву, что английский флот нападет на Советскую Россию, если Красная армия не прекратит наступления на Варшаву.
10. Занятие Млавы и Седлеца Красной армией.
11. Подписание советско-латвийского мирного договора.
13. Занятие Новоминска Красной армией.
- Заключение договора о перемирии с Финляндией.
- 14—17. Упорные бои на польском фронте и начало отступления Красной армии.
- 14—17. Занятие Седлеца поляками.
- Открытие в Минске польско-советской мирной конференции.
21. Занятие Брест-Литовска поляками.

С е н т я б р ь.

2. Перерыв польско-советских переговоров в Минске с целью перенесения их в Ригу.
13. Занятие Ковеля поляками.
13. Занятие Ровно поляками.
21. Возобновление польско-советской мирной конференции в Риге.
27. Занятие Пинска и Сарн поляками.

О к т я б р ь.

5. Соглашение на Рижской польско-советской конференции по основным вопросам предварительного мира.
5. Занятие Молодечно и Слуцка поляками.
12. Подписание перемирия и предварительного мира с Польшей.
14. Подписание мирного договора с Финляндией.

Н о я б р ь.

7. Наступление банд Булак-Балаховича в районе Мозыря.
- Наступление петлюровских отрядов на Украине.
13. Занятие Литвина петлюровцами.
17. Открытие польско-советской конференции для заключения окончательного мира.
18. Занятие Проскурова советскими войсками.
20. Вытеснение банд Булак-Балаховича из Мозыря.
22. Занятие Воловиска советскими войсками. Ликвидация петлюровщины.
23. Ликвидация банд Булак-Балаховича.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абрамов Ф. Ф. — генерал допского казачьего войска. 448, 459.

Аверченко Аркадий — журналист, известный буржуазный сатирик; умер в белой эмиграции. 365, 376.

Агоев — генерал врангелевской армии. 432.

Аладьин А. Ф. — бывший социал-демократ, потом трудящийся — член I Государственной думы; в период Февральской революции — активный корниловец, один из общественных деятелей» у Врангеля, потом — белый эмигрант. 389.

Александр II — русский император, царствовавший с 1855 по 1881 г. Его царствование ознаменовалось нарастанием широкого оппозиционного, а затем и революционного движения, под влиянием которого правительством А. II было проведено освобождение крестьян и ряд других реформ. Убит 1 марта 1881 г. по приговору Исполнительного комитета партии «Народной воли». 344.

Александров К. А. — один из министров Белогвардейского северо-западного правительства. 303, 304, 306, 307, 311, 314.

Алексеев Михаил Васильевич — царский генерал, участник мировой войны. С осени 1915 г., когда Николай II удалил с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и сам занял этот пост, Алексеев стал начальником штаба главноверха (фактически же — руководителем всех военных операций); в период Февральской революции был некоторое время верховным главнокомандующим. К революции относился отрицательно, всячески стараясь уберечь солдат от «агитаторов» и восстановить старую власть офицерства. После Октябрьского переворота бежал на Дон и явился инициатором и одним из главнейших организаторов Добровольческой армии; носил в ней звание «верховного руководителя» и ведал всеми гражданскими

и финансовыми делами. Умер 8 октября (н. ст.) 1918 г. 5, 39, 13, 165, 352.

Алексинский Г. А. — известный ренегат; в революцию 1905 г. — большевик; во II Государственной думе — один из виднейших членов большевистской фракции; потом — эмигрант, «левый» большевик-«передовец». С начала мировой войны — ярый социал-патриот; в период Февральской революции прикинул к группе «Единство», дал свою подпись на подложных документах, изобличавших большевиков как германских шпионов. Как бесчестная личность не был допущен оборонческим ЦИКом в свой состав. После Октября был арестован, но, будучи затем освобожден, бежал за границу, где ведет гнуснейшую кампанию против Советского союза в компании с крайними черносотенцами. 399.

Алмазов см. Гришин-Алмазов.

Альбрехт М. Д. — инженер, один из Юденичских кандидатов в министры на случай занятия Петрограда. 342.

Андрей Владимирович — великий князь. 5.

Андро Д. Ф. — член Государственной думы при гетмане, при французской оккупации Одессы — эфемерный министр внутренних дел». 82.

д'Ансельм — Французский генерал, начальник французского оккупационного отряда в Одессе. 57, 67, 72, 76, 77, 79, 80, 82.

Антоенко — пристав, погромщик. 152.

Антонов (Овсеенко) — старый революционер; в эпоху войны был главным организатором интернационалистских газет «Голос», «Наше слово» и «Начало» в Париже. Приехав из эмиграции после начала революции, вступил в петроградскую организацию большевиков и стал одним из активнейших членов партии как оратор, журналист и организатор. В Октябрьские дни был одним из главных руководителей Военно-революционного комитета.

Под командованием Антонова (бывшего офицера) встл был Зимний дворец; им же арестовано Временное правительство. В эпоху гражданской войны неоднократно занимал ответственные командные посты в армии, был наркомвост Украины, а в 1923 г. был начальником Пура. В 1924 г. назначен представителем СССР в Чехо-Словакию. (Троцкий, соч., т. III, ч. I, стр. 190). 226, 250, 236, 261.

Апраксин, граф — гаврический губернатор, при Врангеле — председатель Ялтинской городской думы. 386.

Арбузов Н. С. — товарищ симферопольского городского головы при Врангеле. 400.

Аргунов Андрей Александрович (род. в 1866 г.) — один из виднейших членов партии эсеров, некоторое время — член ее ЦК. В период революции и гражданской войны примыкал к правому флангу партии. На Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. избран кандидатом в члены Временного всероссийского правительства («директории»); после колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был арестован вместе с другими членами этого правительства Колячком и выслан за границу. 50.

Аристофен, генерал — представитель Деникина при британском командовании в Елку (в 1918—1919 гг.). 101.

Арсенев, генерал — командир корпуса в северо-западной армии ген. Юденича. 283, 284, 320, 325, 330.

Артен — анархист, махновец. 226, 227.

Артифексов — генерал армии Врангеля. 428, 431, 435, 439.

Артмеладзе — генерал, командовавший грузинскими войсками в 1919—1920 гг. 196.

Аршинов — автор анархической книжки «История махновского движения» (Берлин, 1923), посвященной оправданию Махно и махновщины. 395.

Аспидов Ф. П. — член Кубанской казачьей рады. 129, 130, 131.

- Астров Н. И. — «левый» кадет, бывший московский городской голова, член контрреволюционных организаций «Национального центра» и «Союза возрождения России»; на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. избран членом Временного всероссийского правительства (директор), но фактически не принимал в нем участия; был одним из членов Особого совещания при Добровольческой армии. 8, 12, 19, 30, 45.
- Афанасьев — один из сподвижников Булак-Балаховича. 276.
- Бабков — генерал армии Врангеля. 371, 372, 431, 432, 445.
- Барк П. Л. — министр финансов царского правительства. 433.
- Барон — анархист, махновец. 223, 226, 227.
- Баханович. 81.
- Бакианов — член маджлиса горских народов. 132.
- Бахметьев В. А. — в период Февральской революции русский посол в Америке, в период гражданской войны — член Белогвардейского «Русского политического совещания» в Париже. 47.
- Башигород — член Павловской городской управы во время занятия этого города Юденичем. 343.
- Безнебов — подполковник денкинской армии, погромщик. 158.
- Безобразов С. В. — управляющий делами Особого совещания при Деникине. 12.
- Беляков — член Кубанской рады и кубанского войскового правительства. 120, 213, 427, 428.
- Бельгийский — прапорщик денкинской армии. 174.
- Бер. 332.
- Беркович — еврей, подвергнутый пыткам добровольцами. 154.
- Бернацкий М. В. — профессор, член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством финансов, потом — министр финансов в правительстве Врангеля. 11, 12, 109, 353, 354, 398, 454, 463.
- Бертело — французский генерал, командовавший в конце 1918 г. восточным фронтом, к которому относились оккупированные французами в 1918—1919 г. части Черноморского побережья (напр. Одесса, Севастополь и пр.). 66, 67, 68, 76, 78, 82.
- Баскровский К. А. — член Кубанского войскового правительства 123, 126, 128, 131, 134.
- Бибиков — полковник армии Юденича, наследник и паляч. 291, 292, 293, 296.
- Биямочев А. Д. — профессор — член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством земледелия. 12, 26, 36, 37.
- Блохин Петр Павлович — крестьянин, зеленый партизан в Черномории. 189, 191.
- Бобринский В. А., граф — член Государственной думы, сахарозаводчик; во время гражданской войны — член Совета государственного объединения. 18.
- Богачевский Африкан Петрович, генерал — атаман докского казачьего войска, сподвижник последовательно Каледина, Корнилова, Деникина и Врангеля. 437, 438, 447, 448, 449, 450.
- Богданов П. А. — министр земледелия северо-западного правительства. 278, 279, 299, 300, 303, 304, 307, 315, 321, 322, 327, 328, 329, 330, 331, 334.
- Болотов — председатель денкинской Комиссии по приему на службу старших чинов. 58.
- Болховитнов — генерал врангелевской армии. 428.
- Бондаренко — хорунжий денкинской армии, погромщик. 159.
- Борбатенко — заместитель начальника государственной стражи в м. Степанках при добропольцах, бандит. 160.
- Борис Владимирович, великий князь. 5.
- Борус — генерал, командовавший французскими десантными войсками в Одессе в 1918—1919 гг. 71, 72.
- Бородин — полковник врангелевской армии. 418, 419, 420.
- Брадес — женщина-врач, еврейка, арестованная добровольцами. 145.
- Браделавский — раввин. 160.
- Бредов — генерал денкинской армии, командовавший войсками в Киеве, потом в Одессе. 144.
- Бринге — английский генерал, начальник британской военной миссии на юге России. 23, 24, 90, 92, 95, 96, 97, 98, 102, 104.
- Бронштейн, см. Троцкий Л. Д.
- Брун — полковник денкинской армии. 192.
- Будаговский. 456.
- Буденный С. М. — знаменитый организатор красной кавалерии, прославившийся рядом блестящих побед над белогвардейцами во время гражданской войны, между прочим — победой над денкинцами под Борожем в октябре 1919 г., положившей начало разгрому денкинской армии. 378.
- Бузин — генерал врангелевской армии. 448.
- Букретов — генерал, атаман кубанского казачьего войска. 212.
- Булак-Балахович — так называемый «батько», или атаман крестьянских и партизанских отрядов, перебежник из Красной армии, подвизавшийся на западном фронте гражданской войны, в армии
- Юденича, вошедший в известность с тех пор как вступил со своим отрядом, в мае 1919 г., в Псков, захватив за несколько дней до того естонцами. Здесь Б.-Б. ввел в обычай публичные казни, вешая приговоренные им жертвы на центральных улицах города и лично наблюдая каждый раз над казнью. В деревнях означивал свое пребывание не только казнями, но и погромами. Во время польско-русской войны 1920 г. командовал русскими отрядами, организованными Савиным на польской территории для борьбы с Советской республикой. На этот раз Б.-Б. дополнил свою репутацию массовыми еврейскими погромами, сопровождавшимися невероятными жестокостями. По окончании польско-русской войны 1920 г. провозглашал бандитский набег на Мозырь. 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 291, 295, 296, 293, 304, 305, 309, 315, 443.
- Булагас. 455.
- Бурнаки — врангелевский журналист. 367.
- Бурневич — генерал денкинской армии, командовавший войсками на грузинском фронте. 94, 168, 172, 174.
- Бурнев В. Л. — старый революционер, занимавший промежуточное положение между народолюбцами и либералами; в годы царизма — эмигрант; после революции 1905 г. — один из руководителей журнала «Былое»; потом — снова эмигрант, прославившийся разоблачением ряда провокаторов (Азефа, Серебряковой и др.). Во время войны — ярый патриот; после Октябрьской революции — оголтелый враг советской власти, поддерживавший всех ее врагов, вплоть до Врангеля. Издаст в Париже белогвардейский журнал «Общее Дело». 454.
- Бурцын — богатый московский фабрикант, в 1919 г. — министр колчаковского правительства, в 1920 г. — член финансового совещания у Врангеля. 463.
- Бушеров — министр северо-западного правительства. 304, 307.
- Быков А. П. — инженер, профессор Петроградского технологического института. 342.
- Быч Л. Л. — кубанский демократ, председатель кубанского краевого правительства, отстаивавший казачью автономно, противник централизаторской политики Деникина. 46, 48, 81, 115, 116, 118, 121, 132.
- Вандам генерал — один из пер-

- ных организаторов северо-западной армии: при Юдениче — начальник штаба армии. 285, 287, 288, 319, 345.
- Васильев — капитан генерального штаба, начальник штаба у Макио. 231, 232, 249, 251, 258.
- Васильев — член довского правительства. 453.
- Васильев В. Т. — один из вождей зеленых партизан Черноморья. 190.
- Васильев — офицер старой армии; после Октября, в 1918 г. — главнокомандующий Красной армией, член бюро Совета рабочей и крестьянской обороны. 236.
- Вдовико — атаман терского казачьего войска, генерал армии Врангеля. 251, 453, 454.
- Вебер С. Ф. — член Государственного совета. 312.
- Вейгад — французский генерал, производивший реорганизацию польской армии во время Польско-русской войны 1920 г. 439.
- Вениамином. 465.
- Вержицкий — атаман, офицер Добровольческой армии. 249, 250, 251.
- Ветренко — генерал северо-западной армии. 293, 313.
- Вильсон Вуаро — президент С.-А. Соединенных штатов в период империалистической войны и при заключении мира, прославившийся выдвинутыми им в качестве основы мира «14 пунктами»; ему же принадлежит и идея «Лиги наций» (к последней, как известно, Соединенные штаты не примкнули). 64.
- Винавер М. М. — кадет, присяжный поверенный и литератор, видный член I Государственной думы, ныне эмигрант. 47, 48.
- Винников — полковник, член кубанского правительства, заместитель атамана. 430, 432, 434, 469.
- Винницкий — еврей, ограбленный добровольцами. 161.
- Виноградов. 422.
- Витковский — генерал армии Врангеля. 446.
- Вишневский, генерал добровольческой армии. 244, 245, 246.
- Воинов — есаул армии Врангеля. 448.
- Волан — анархист, маховое. 220, 226, 227, 232, 236, 252, 258, 259, 260, 261.
- Волков А. В. — чиновник северо-западной области. 330, 331.
- Володи — атаман, глава бандитской шайки, союзник Врангеля, потом им князь. 368, 395, 396, 442, 454.
- Волченко — крестьянин. 164.
- Вольф — барон, полковник северо-западной армии. 323.
- Воронович Н. В. — асер; в период Февральской революции — председатель Лужского совета солдатских депутатов; в период гражданской войны — глава зеленой партизанской группы в Сочинском районе. 163, 198, 423.
- Воронцов — попечитель Петроградского военного округа при царском режиме. 342.
- Воронцов-Дашков, граф — казачский наместник. 306.
- Воропинов — член кубанской казачьей рады. 123.
- Востоков — известный московский священник, черносотенец, подвизавшийся во время гражданской войны в Крыму у Врангеля. 404, 405, 465.
- Восторгов — протоцерей, черносотенец. 322.
- Врангель, барон — генерал один из сподвижников Деникина, которому удалось в 1919 г. после долгой борьбы взять Царицын. Весной 1920 г., когда разгромленный Деникин, ввиду выраженного ему офицерством недоверия, был вынужден выйти в отставку, он назначил своим приемником Врангеля; последний в начале июня 1920 г. предпринимает вылазку из Крыма. Ему удалось захватить северную Таврию, а в дальнейшем — и Синельниково, откуда он угрожал Екатерinosлаву. Ударом Красной армии в конце октября 1920 г. и знаменитой атакой Перекла Врангель был сбит; 16 ноября он был вынужден очистить весь Крым и уйти с остатком и остатками армии в Константинополь. Сохранив некоторый авторитет в глазах русского монархического офицерства, Врангель и в настоящее время играет роль признанного организатора белогвардейской военной силы за границей на случай возобновления гражданской войны в России. 22, 63, 89, 90, 119, 120, 122, 123, 124, 133, 134, 135, 136, 137, 158, 159, 230, 251, 252, 253, 260, 351, 352, 354, 356, 357, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 373, 374, 375, 377, 378, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 403, 404, 405, 406, 410, 411, 412, 413, 414, 416, 419, 420, 421, 423, 424, 426, 428, 429, 431, 432, 433, 434, 435, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 448, 444, 447, 449, 450, 452, 453, 454, 455, 459, 457, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 469.
- Вышнеградский. 463.
- Вязьмитинов — генерал, военный министр Врангеля. 376, 393.
- Галип. 81.
- Гальперин Израиль — еврей, ограбленный добровольцами (в Черкассах). 159.
- Гатуго Мурат — горец. 131.
- Гегечкори Е. П. — социал-демократ меньшевик, грузин, видный член III Государственной думы. После Октябрьской революции —
- председатель Закавказского комиссариата, потом — министр иностранных дел независимой Грузии, ныне — эмигрант. 94, 98, 165.
- Гедеванов — генерал, командовавший грузинской народной гвардией. 169.
- Геллат — эстонский социал-демократ, в 1919 г. — министр внутренних дел Эстонии. 316, 326, 337, 348.
- Герасимов — вице-адмирал, член Особого совещания при Деникине, управлявший морским ведомством. 11.
- Герасимов — генерал армии Врангеля. 448.
- Гермоген, епископ — известный черносотенец. 322.
- Гермонус — генерал, состоявший во время гражданской войны на службе в организации генерала Щербачева в Париже. 49.
- Гессен И. В. — один из виднейших кадетских публицистов, бессменный редактор главного органа кадетской партии, газеты «Речь», член I Государственной думы; после Октябрьской революции — белый эмигрант, редактор издающейся в Берлине газеты «Руль», органа правого крыла кадетской партии; издатель известного белогвардейского исторического журнала «Архив Русской Революции». 295, 304.
- Гинс Г. К. — профессор Омского с.-х. института; при Колчаке — управляющий делами совета министров; типичный колчаковец; автор двухтомной работы «Сибирь, союзники и Колчак» (Пeking, 1921 г.). 55.
- Гирс — царский дипломат, русский посол в Константинополе, потом в Риме, член белогвардейского Русского политического совещания в Париже в 1919 г. 47.
- Глазенап — генерал армии Юденича, генерал-губернатор Северо-западной области. После разгрома Северо-западной армии поселился в Польше и в 1920 г. командовал так называемой третьей русской армией; сформированной Савиниковым. 337, 340, 341.
- Глинкин — еврей, расстрелянный добровольцами. 145.
- Глинка Г. В. — царский министр земледелия, министр правительства Врангелевского правительства. 361, 362, 363, 386, 387, 288, 389, 397, 466, 469, 450.
- Голицин — офицер деникинской армии, погромщик. 158.
- Голошанин — ротмистр армии Юденича. 343.
- Гончаров — полковник, кубанский демократ, член Кубанской рады. 131.
- Горбушин И. В. — член Кубанской рады. 129.
- Гордицкий — чиновник врангелевской администрации. 406.

- Горн В. Л.—присяжный поверенный, гласный Псковской городской думы, государственный контролер Северо-западного правительства. 296, 304, 306, 307, 311, 312, 314, 331, 338, 341.
- Гоф — генерал, глава миссии Антанты в Прибалтике в 1919 г. 293, 307, 312.
- Гочаров — член Кубанской рады. 121.
- Греков — генерал, «атаман» и командующий войсками украинской директории. 77, 80.
- Григорьев «атаман» из офицеров старой армии; в начале 1919 г. стоял во главе партизанского отряда, участвовавшего на юге Украины в петлюровском восстании против гетмана. Во время последовавшего затем наступления Красной армии признал советскую власть и 6 апреля 1919 г. занял со своими партизанами, как начальник советского отряда, Одессу, вынудив французов эвакуировать ее. В мае 1919 г. извещения советской власти и поднял мятеж против нее, но потерпел поражение и убит в штабе Махно. 152, 224, 227, 229, 230, 233, 234, 235, 237, 239, 249, 253.
- Грицай — бандит. 151.
- Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (настоящая фамилия Гришин) — офицер царской армии. После Октября — энергичнейший организатор подпольных контрреволюционных офицерских групп в Сибири. Летом 1918 г. Сибирским временным правительством произведен в генералы и назначен военным министром. Г. возбудил надежды сибирской буржуазии как возможный диктатор и стал исподволь подбираться к этому посту; вследствие неловкого выступления перед союзниками, которых он обвинял в неказании помощи сибирской армии, был уволен от должности министра и после нерешительной и неудачной попытки устроить государственный переворот уехал к Деникину; некоторое время был одесским градоначальником. При Колчаке решил вернуться в Сибирь, но при попытке перейти через большевистский фронт был задержан советскими властями и застрелен. 71, 72, 73, 74, 75, 77, 82, 83.
- Гросман — еврей, подвергнутый пыткам добровольцами. 154.
- Губарев — председатель казачьего Терского круга. 63.
- Гулевич — генерал, профессор Николаевской академии Генерального штаба, представитель генерала Юденича. Фивляндия. 337, 340, 341.
- Гулькевич — царский посланник в Стокгольме, сокративший свой пост и в период Февральской революции. 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 377, 378, 379, 381, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.
- риод Февральской революции. 338.
- Гурко, 463.
- Гуро — матрос, махновец. 226, 231, 254.
- Гурули — офицер. 183.
- Давыдов. 463.
- Даниловский — полковник, адъютант Юденича. 310.
- Деконский — офицер Добровольческой армии. 160.
- Дембовский — актер. 233.
- Демченко — инженер, управляющий Отделом путей сообщения при одесском военном губернаторе Гриншине-Алмазове в 1919 г. 75, 76.
- Деникин Антон Иванович — один из виднейших генералов царской армии, подстрекал Корнилова выступление в августе 1917 г. против Керенского. После поражения Корнилова был вместе с ним и другими высшими чинами ставки арестован и содержался в заключении в Быкове, откуда все корниловцы во главе со своим вождем 19 ноября 1917 г., при занятии ставки советским отрядом, бежали на Дон, где заняли командные должности в организованной Алексеевым и Корниловым Добровольческой армии. После того как глава этой армии, Корнилов был убит при штурме Екатеринодара 13 апреля 1918 г., в командование армией вступил Деникин, которому удалось нанести ряд тяжелых поражений советским войскам и постепенно занять Кубань, Дон, всю Украину, Воронеж, Курск и Орел. В октябре 1919 г. войска Деникина потерпели поражение под Воронежем и за Орлом, на путях к Туле, после чего стали быстро и неудержимо откатываться назад к югу. В марте 1920 г. Деникин переправил на судах остатки своей разбитой и разложившейся армии из Новороссийска в Крым и здесь ввиду выраженного ему офицерством недовольства, передал главное командование Врангелю, а сам уехал за границу, где выкупил пять томов своих мемуаров о революции и гражданской войне под заглавием «Очерки русской смуты» 1, 3, 4, 5, 33, 51, 52, 66, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 77, 79, 81, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 115, 119, 120, 121, 123, 132, 133, 139, 140, 141, 163, 167, 168, 169, 171, 174, 175, 176, 183, 184, 195, 196, 197, 198, 199, 206, 207, 209, 209, 209, 210, 211, 215, 216, 223, 226, 228, 231, 247, 308, 329, 333, 348, 351, 352, 353, 358, 359, 366, 368, 393, 401, 403, 405, 413, 414, 420, 423, 425, 429, 462, 464, 463.
- Денисов. 463.
- Дзержинский — полковник, командовавший северным корпусом (впоследствии названным Северо-западной армией). 290, 295.
- Дзидзигури — начальник зеленого партизанского отряда в Сочинском округе. 183, 189.
- Дидман — член Кубанской рады. 125.
- Долгополов — доктор, член парижской делегации Кубанской казачьей рады. 43, 48.
- Долгорукий Павел Дмитриевич, князь — известный кадет, активный белогвардеец, расстрелянный 10 июня 1927 г. 443.
- Досей — полковник, начальник американской политической миссии в Прибалтике. 311.
- Долженко — махновец, командир кавалерии Махно, бывший вахмистр. 244, 254.
- Долуханов — полковник Северо-западной армии. 336.
- Дорошевский — генерал деникинской армии. 58.
- Достовалов — офицер армии Врангеля, начальник штаба ген. Кутенкова. 453.
- Драгомиров Абрам Михайлович — генерал, помощник главного командующего Добровольческой армией и председатель Особого совещания при Деникине; потом главноначальствующий Киевской области (при добровольцах). 11, 13, 19, 23, 46, 115, 149, 157.
- Дранке — генерал армии Врангеля, начальник гарнизона г. Павловска. 343.
- Драченко — генерал, командовавший второй армией Врангеля. 371, 372, 429, 431, 440, 445.
- Дроздовский М. Г. — полковник, потом — генерал, организованный в начале 1918 г. на румынском фронте отряд добровольцев для борьбы с советской властью, составленный главным образом из офицеров во главе своего отряда Д. представлял в конце февраля 1918 г. поход из Румынии через всю южную Украину на Дон, на соединение с Деникиным. Путь отряда Д. на всем его протяжении отмечен расстрелами большевиков и массовыми издевательскими крестьянства. В мае этого отряд достиг Дона, выбыл большевикам из Ростова и Новочеркасска и соединился с добровольческой армией Деникина, уступил ее почти влосе. При этом участие в кампаниях Добровольческой армии, Д. был легко ранен в октябре 1918 г. и от неудаленого лечения ран умер 1 января 1919 г. 257.
- Дыбенко П. Е. — матрос Балтийского флота; в период февральской революции, ра-

Ботая с большевиками, приобрел огромную популярность среди матросов, участвовал в Октябрьском перевороте и затем во время гражданской войны занимал ряд ответственных командных постов в Красной армии. 331, 332, 337, 239.

Дюкс. 325.

Еваленко Бенцман—еврей, подвергнутый пыткам добровольцами. 154.

Евсеев—министр внутренних дел Северо-западного правительства. 304, 337, 338.

Жизадеров—сотник денкинской армии, погромщик. 160.

Жордания Нои—один из старейших и виднейших социал-демократов Грузии в России, меньшевик, участник всероссийских партийных съездов, член I Государственной думы. В период гражданской войны—глава меньшевистского правительства Грузии; после его свержения в 1921 г. эмигрировал за границу и является там ожесточенным врагом Советской республики. Один из организаторов противосоветского восстания в Грузии в 1924 г. 167.

Жуковский—полковник Добровольческой армии. 192.

Зварский Борис. 154.

Забарский Мезер—еврей, жертва добровольцев погромщиков. 154.

Завойко—ординарец Корнилова. 342.

Зайцев К. О.—экономист, член врагелевской Комиссии по земельной реформе. 385, 387.

Залеский—генерал, редактор врагелевской официозной газеты «Военный голос». 364.

Зарудный—известный адвокат; при царском режиме—защитник по политическим делам, трудовик; в период февральской революции—министр юстиции во втором коалиционном кабинете Керенского. 42.

Звягинцев—генерал, член кубанского правительства. 118.

Звягинцев—ротмистр в отряде Булак-Балаховича. 275.

Зейдлиц—полковник Северо-западной армии. 3 9, 321.

Зекрат—есаул денкинской армии. 132.

Зеленин—генерал врагелевской армии. 419.

Зеленский—заведующий Гдовским земельным отделом (при белых в 1919 г.). 330.

Зеленый—один из украинских «степанов» бандитов в период гражданской войны. 153, 224, 251.

Зельбет—председатель еврейской общины п. Михайловки Харьковской губ. 161.

Зензинов Владимир Михайлович—один из виднейших правых эсеров. Активный враг Советской власти, член Учредительного собрания и

Самарского комитета членоз Учредительного собрания, захваченного летом 1918 г. с помощью чехо-словаков власть в Поволжье и на Урале. На Уфимском государственном совещании белогвардейских правительств востока России в сентябре 1918 г. избран в состав Временного всероссийского правительства («директории»). В момент колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. в Омске арестован колчаковцами вместе с другими членами директории и затем выслан за границу, где остался белым эмигрантом и врагом Советской республики. 51.

Зозуля—Махновец. 254.

Зубовский П. П.—товарищ министра земледелия царского правительства, член врагелевской Комиссии по земельной реформе. 386, 388, 389.

Иванюк—председатель кубанского казачьего правительства. 121, 130, 214, 216, 427, 428, 429, 430, 435, 437, 452, 453, 469.

Иванов—член финансового совещания при Врангеле. 463.

Иванов—эсер, член белогвардейского Русского политического совещания в Париже. 47.

Иванов Н. Н.—петроградский гласный поверенный и банкир, интриган, сотрудник Булак-Балаховича, некоторое время—министр Северо-западного правительства. 274, 275, 276, 277, 278, 280, 281, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 311, 314, 315.

Иванов С. В.—сенатор, председатель Петроградской городской думы. 304, 332, 333, 337.

Извольский А. П.—один из бездарных министров иностранных дел при Николае II, проводивший политику сближения с Англией, назначенный затем русским послом в Париже, где и умер после Октябрьской революции. 47.

Измайлов—меньшевик, 205, 206, 207.

Инжуаров—прапорщик денкинской армии, погромщик. 159.

Исаев—казак. 448.

Казиков Г. А. 46.

Казанович—генерал денкинской, потом—врагелевской армии. 371, 372.

Казанский—один из зеленых повстанцев Черноморья, представитель фронтовиков. 201, 211.

Калабухов Алексей Иванович—кубанский казак-демократ, член кубанской рады, избранный последнюю в состав парижской делегации, добившейся признания союзни-

ками самостоятельной «Кубанской республики». Вместе с другими членами парижской делегации подписал в 1919 г. союзный договор с меджлисом горских народов. В этом поступке Деникин усмотрел «государственную измену», и К., добровольно отдавшийся в руки властей, был повешен в Екатеринодаре 7 ноября 1919 г. денкинским генералом Покрыевым, учинившим в связи с этим разгром Кубанской рады. Повешен К. и разгром рады имели существенное значение как факторы разложения денкинской армии, так как настроили кубанское казачество против Деникина. 16, 48, 118, 119, 121, 128, 131, 132, 133, 133.

Калугинский—прапорщик денкинской армии, погромщик. 158.

Камеев С. С.—бывший подполковник Генерального штаба, после октября признавший советскую власть и после Вакетицы назначенный главнокомандующим Красной армией, разгромившей под его командованием сначала Козычка, а затем—Деникина. Член Реввоенсовета республики. 206.

Каминка. 460.

Камышевский—полковник денкинской армии. 132.

Карташ—генерал, член Особого совещания и главный начальник снабжений при Деникине. 12.

Карташов—полковник денкинской армии, участник разгрома Кубанской рады. 124, 174.

Картанов А. В.—бывший профессор духовной академии, министр духовенства во Временном правительстве Керенского; во время гражданской войны—член белогвардейского «Политического совещания» при ген. Юденине; выке—один из богостроительных белых эмигрантов. 195, 207, 208, 304, 306, 309, 310, 312, 314, 332, 339, 341.

Кип—еврей, арестованный добровольцами. 141.

Кедриг Е. И.—кадет, бывший член Государственной думы, министр юстиции Северо-западного правительства. 293, 314, 319, 325.

Керенский Александр Федорович—эсер адвокат, член IV Государственной думы, где принадлежал к партии трудящихся и был популярным политическим оратором. С начала войны—оборонец. После февральского переворота вошел в состав Временного правительства в качестве министра юстиции. После отставки Гучкова в апреле 1917 г. взял его портфель военного и морского министерств. По требованию

союзных империалистических правительств, толкнул русскую уставшую и не хотевшую войны армию в наступление 18 июня 1917 г., которое кончилось полнейшей неудачей. После июльского движения петербургского пролетариата и гарнизона, подавленного военной силой, становится министром-председателем Временного правительства. В качестве члена и затем председателя Временного правительства ведет политику союза с буржуазией, защиты буржуазного характера революции от покушений большевиков, продолжения в союзе с Антантой империалистической войны. После неудачной попытки организовать подавление пролетарской революции эмигрировал за границу, где неизменно оставался врагом Советской республики. Издает газету «Дни». 42, 50, 53.

Керзон, лорд — английский политик, консерватор, бывший вице-король Индии; не раз занимал пост министра иностранных дел и в бытность на этом посту в 1923 г. отправил известную враждебную ноту Советской республике, едва не повлекшую разрыва между обеими странами. Автор нескольких ученых исследований по восточному вопросу. Умер в 1924 г. 55.

Кийз — английский генерал, политический представитель Англии при Деникине. 50, 92, 99, 111, 112, 196, 197, 198, 199, 200.

Кийко — комендант штаба Махно, бывший слесарь, исполнявший в банде Махно обязанности палача. 226, 227, 228, 229, 231, 239, 254.

Кирдцов Г. Л. — журналист, сотрудник «Биржевых Ведомостей»; во время гражданской войны подвизался при белых в Северо-западной области, редактируя издававшуюся там газету «Свободная Россия». Автор вышедшей за границей книги «Уворот Петрограда (1919—1920)». 50, 306, 313, 316.

Кирилл Владимирович, великий князь — самозванный император всероссийский, поддерживаемый ничтожной «левитинистской» кликой русской монархической эмиграции. 332.

Киршоум. 323.

Клемансо — один из крупнейших французских политиков из партии радикалов-социалистов, неоднократно занимавший посты премьер-министра и министра иностранных дел; один из авторов поработившего Германию Версальского мира, непримиримый враг Советской республики. 47, 54.

Кликман — еврей, подвергнутый пыткам добровольцам. 154.

Климович — директор департамента полиции царского правительства, глава полиции в правительстве Врангеля. 400, 401, 402, 454, 456.

Кобяков — присяжный поверенный. 456.

Ковалев, см. Сорокин Ф. Л.

Козельский — махновец. 233, 235, 281.

Кокорев. 422.

Колесниченко — махновец. 233.

Колокольцев В. Н. — член особого совещания при Деникине, управлявший ведомством земледелия; правый. 11, 12, 23, 33, 34.

Колчак Александр Васильевич, адмирал (1873—1920) — один из опаснейших врагов Советской республики, «Верховный правитель». Во время мировой войны служил в Балтийском флоте, потом был назначен командующим Черноморским флотом, но после февральской революции не мог примириться с советами и уехал в Америку. Осенью 1918 г. появляется в Омске и получает пост военного министра в составленном директорией кабинете. После переворота 18 ноября 1918 г. принимает название «верховного правителя» и с помощью Антанты ведет упорную войну с Советской республикой в 1918—1919 гг. В Сибири насаждает полицейский режим и ведет непрерывную борьбу с крестьянством, отвечающим массовыми восстаниями и организацией целых армий красных партизан. В декабре 1919 г., после окончательного разгрома своей армии, Колчак, пробираясь на Дальний Восток, попадает в руки чехо-словаков, которые 5 января 1920 г. в Нижнеудинске выдают его, а также главу его правительства Пепеляева красным повстанцам. Последние доставили его в Иркутск, находившийся уже с 27 декабря в руках повстанцев. 7 февраля 1920 г. Колчак был расстрелян в Иркутске по постановлению Иркутского ревкома. 4, 5, 1, 26, 36, 37, 47, 50, 51, 55, 57, 108, 112, 178, 203, 220, 295, 307, 308, 313, 314, 322, 323, 338, 384.

Кондзеровский — генерал, член Политического совещания при ген. Юдениче. 295.

Кондрев — министр северозападного правительства. 307.

Конев — генерал грузинской армии 167, 170.

Коновалов — генерал-квартирмейстер врангелевской армии. 47, 364, 368, 377, 459.

Коновалов — член «Русского политического совещания» в Париже. 47.

Константин Константинович великий князь. 343.

Корбейль — полковник, представитель французского командования при Деникине. 84.

Корнилов Лавр Георгиевич — один из крупнейших и известнейших врагов советской власти, генерал царской армии; во время мировой войны попал в плен к австрийцам, откуда успешно бежал незадолго до Февральской революции. После Февраля был назначен командующим войсками Петроградского военного округа, но не мог примириться с советами и ушел в действующую армию, где занимал различные командные должности и наконец был назначен верховным главнокомандующим; на этом посту усердно добиваясь восстановления дисциплины в армии посредством возвращения старой власти офицерству и ограничения любых сведений на-нет роли солдатских выборных комитетов; требовал от Временного правительства «здоровления» тьмы посредством усиления власти и борьбы с советами. Благодаря этому его имя сделалось постепенно знаменем кадетов и всех контрреволюционных сил.

26 августа (1917 г.) Корнилов по соглашению с близкими к Временному правительству лицами и при явной попустительстве, если не прямом соучастии, Керенского двинул на Петроград изначий корпус и «Дикую дивизию», набранную среди казачьих горцев, с целью разгрома советов и провозглашения диктатуры. Под давлением меньшевистско-эсеровского ЦКК советов, подталкиваемого большевиками, Керенский был вынужден вступить в борьбу с Корниловым и объявить его мятежником. Посланные советами агитаторы разъясняли корниловским войскам смысл выступления, после чего казаки отказались в нем участвовать, и Корнилов вынужден был сдаться в ставку вместе с поддерживавшими его генералами властями Временного правительства.

Чтобы успокоить негодование широких масс рабочих и солдат, возбужденное корниловским мятежом, Временное правительство вынуждено было засадить самого Корнилова и корниловцев генералов в тюрьму, из которой всем им легко удалось бежать после Октябрьского переворота и перебраться на Дон, под защиту контрреволюционного казачьего правительства. Здесь Корнилов вместе с другим царским генералом — Алексеевым организовал для вооруженной

- борьбы с советской властью так называемую «Добровольческую армию», которую Советской республике удалось окончательно раздвинуть лишь после трехлетней упорной и напряженной борьбы. Сам Корнилов погиб в начале этой борьбы, будучи убит снарядом 13 апреля 1918 г. при осаде красного Екатеринодара. 348, 352.
- Корольков — генерал армии Врангеля. 430.
- Коттон. 267.
- Коттон — английский генерал, помощник верховного комиссара Великобритании на Кавказе. 202, 203, 204.
- Краснов П. Н. — генерал, участник мировой войны, монархист, активный участник корниловского мятежа; после Октября — командующий казачьим отрядом, который Керенский повел на Петроград для свержения советской власти. После крушения этого предприятия, будучи освобожден большевиками, Краснов переезжает на Дон, где весной 1918 г. избирается воставшим казачеством в атаман и организует с помощью немцев, подошедших к Донской области через Украину, вооруженную борьбу с большевиками. От последних Краснов постепенно очищает всю область и проникает в Воронежскую и Саратовскую губернии. На короткое время Краснов превращается в опаснейшего врага Советской республики. Однако, зимой 1918—19 г., когда после ноябрьской революции в Германии помощь немцев прекратилась, Краснов терпит тяжелые поражения на противобольшевистском фронте и оказывается вынужденным в феврале 1919 г. выйти в отставку. После этого донская армия объединяется с Добровольческой под единым командованием Деникина. В настоящее время Краснов — за границей, в эмиграции. Автор известных мемуаров и многочисленных исторических романов из времени революции и гражданской войны. 46, 50, 62.
- Кривошеин А. В. — царский министр земледелия, слышавший почти либералом; после Октября — один из руководителей тайной московской контрреволюционной организации крупной буржуазии и помещиков, так называемого «справого центра»; в 1918 г. бежал на Украину и принимал участие в белогвардейском движении против советской власти. В 1920 г. возглавлял правительство Врангеля в Крыму. 9, 12, 13, 19, 20, 31, 34, 109, 332, 361, 363, 365, 397, 398, 399, 410, 492, 403, 405, 406, 407, 408, 409, 415, 421, 422, 4 9, 440, 441, 449, 452, 464.
- Крузенштерн К. А. — полковник, брат генерала Крузенштерна, начальник отдела внешних сношений при штабе Юденича. 294, 304, 363, 367, 309, 310, 311, 312, 319.
- Крузенштерн О. А. — генерал, начальник тыла в армии Юденича. 293, 294.
- Крыжанозский — полковник врангелевской армии. 433.
- Кузичев — прапорщик денкинской армии. погромщик. 159.
- Кузьмин-Караев В. Д. — умеренно-либеральный генерал, профессор Военно-юридической академии и литератор, член Государственной думы, один из основателей мертворожденной «Партии демократических реформ» (правее кадетов); член ЦК Союза городов. Во время гражданской войны — активный белогвардеец, член политического совещания при ген. Юдениче. 295, 297, 300, 304, 305, 307, 303, 309, 310, 311, 313, 314, 332.
- Кундо — офицер денкинской армии, погромщик. 159.
- Куряжев — подполковник отряда Булак-Булаховича, командант Псковско-гдовского района. 273, 276.
- Кургановский П. И. — председатель кубянского правительства после казни Калабухова и разгрома Радя; денкинский ставленник. 133.
- Кусиков — подполковник армии Юденича. 343.
- Кусонский — генерал врангелевской армии. 373, 374.
- Кутепов — генерал, один из командиров Добровольческой, потом врангелевской армии, прославившийся зверскими расправами с революционерами и мирным населением. 166, 176, 251, 351, 356, 358, 369, 370, 383, 410, 411, 412, 40, 455, 456, 457.
- Кушир — махновец. 257.
- Лайдовер — генерал, главнокомандующий эстонской армией. 230, 281, 288, 297, 304, 308, 310, 315, 316, 346.
- Лебедев В. А. — летчик и владелец аэроплатного завода, член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством торговли и промышленности. 11, 12.
- Левашов — генерал, землевладелец, член врангелевской Комиссии по земельной реформе. 386.
- Лельн В. И. 391.
- Лейтенбергский младший, герцог. 5.
- Лянозов С. Г. — до Октября — богатейший ближневосточный нефтяной миллионер, в период гражданской войны — председатель Северо-западного правительства. 295, 304, 305, 306, 307, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 319, 321, 324, 326, 334, 335, 336, 338.
- Линин — еврей, ограбленный добровольцами. 161.
- Линиченко И. А., проф. 26.
- Ллойд-Джордж — один из крупнейших английских политиков, либерал; премьер-министр Англии во время мировой войны и вплоть до 1922 г., когда его сменил на этом посту консерватор Бонар-Лоту. 54, 107, 108.
- Лукомский Александр Сергеевич — царский генерал; во время Февральской революции — начальник штаба верховных главнокомандующих Брусилова и Корнилова; один из активных участников корниловского мятежа в августе 1917 г.; после его неудачи был арестован вместе с Корниловым, Деникиным и другими корниловцами и содержался в Выховской тюрьме. 19-го ноября 1917 г. при занятии ставки в Могилеве советским отрядом Лукомский бежал из тюрьмы вместе с прочими союзниками заключенно на Дон, где вступил в Добровольческую армию, занимал здесь ряд высших постов. Во вторую половину 1918 г. состоял председателем Особого совещания при Деникине, т. е. главой Деникинского правительства. В 1920 году состоял представителем Врангеля при союзном командовании в Константинополе. Теперь — эмигрант, автор мемуаров о гражданской войне. Монархист, отличившийся своей правизной даже среди денкинцев. 4, 5, 11, 12, 66, 198, 199, 374, 381.
- Лурье Арон Павлович. 400, 401.
- Лычев — есаул денкинской армии. 132.
- Львов — офицер денкинской армии, погромщик. 158.
- Львов Георгий Евгеньевич, князь — либеральный земек, видный участник оппозиционного земского движения и земских съездов первой половины 900-х годов; во время мировой войны — председатель Всероссийского земского союза, в каком качестве Л. неоднократно выступал в первых рядах легальной оппозиции против самодержавия; благодаря этому после Февральского переворота был вынужден буржуазией на пост председателя. Временного правительства, во главе которого состоял до июля 1917 г., когда его сменил Керенский; во время гражданской войны был членом белогвардейского Русского политического совещания в Париже. 47, 48, 50, 51, 52, 83, 89.
- Львов Л. (Клячко) — известный журналист. 280.
- Львов Н. Н. — богатый помещик, дворянин, участник либерального земского движения первой половины 900-х

- годов, член I Государственной думы; один из организаторов так называемой партии «мирного обновления», стоявшей между кадетами и октябристами. После разгрома I Государственной думы 8-го июля 1906 г. вел переговоры со Столыпиным о вступлении в министерство. После Октябрьской революции — один из черносотенных журналистов в полосе денкинской оккупации, занявший националистическую позицию и проводивший яростную кампанию против Советской республики. 9, 10, 21.
- Лисьяков — офицер денкинской армии, погромщик. 158.
- Людвиг — 342.
- Ляпунов М. А. 26.
- Ляхов — царский казачий полковник, прославившийся беззакониями в Персии во время гражданской войны — денкинский генерал, главноначальствующий Терско-дагестанского края. 92, 100.
- Лященко — матрос, махновец. 226, 228, 235, 254.
- Мазниев — генерал грузинской армии. 165.
- Май-Маевский — генерал добровольческой армии, известный по своим кутежам и пьянству, а также по взятию Харькова. 63, 235, 459.
- Макаров — капитан отряда Булак-Балаховича, командант Пскова. 273.
- Макаров — офицер добровольческой армии. 459.
- Макаренко И. Л. — кубанский демократ, председатель Кубанской казачьей рады. 9, 18, 119, 121, 127, 128, 131.
- Макаренко П. Л. — член Кубанской казачьей рады. 125, 126, 127, 131.
- Макеев — генерал армии Врангеля. 379, 380, 381.
- Мак-Киндер — представитель Великобритании, командированный к Деникину для переговоров об условиях помощи со стороны Англии. 109, 110.
- Маклаков В. А. — один из крупнейших вождей кадетской партии, член Государственной думы; при Временном правительстве был назначен русским послом в Париже; в период гражданской войны входил в состав белогвардейского Русского политического совещания в Париже. 23, 47, 48, 52, 53, 55.
- Маляхов. 465.
- Малинин И. И. — член национального центра, член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством народного просвещения. 11, 12.
- Малыгин — офицер штаба армии Юденича: 345.
- Мамонов. 215.
- Мамонтов — генерал денкинской армии, командир конницы, прославившийся захватом Тамбова и налетом на тылы Красной армии, а также мародерством. 63, 240.
- Манжула С. Ф. — член Кубанской казачьей рады, 127, 128, 131.
- Марголин А. Д. — товарищ министра иностранных дел петлюровского украинского правительства; автор вышедшей за границей книги «Украина и политика Антанты». 50, 81.
- Маргулис М. С. — неизвестный общественный деятель, организатор «мертворожденной «радикальной партии» в 1905 году, видный деятель возникших в годы мировой войны Всероссийского союза городов и Центрального военно-промышленного комитета. После бегства из Советской республики в 1918 г. — активный белогвардеец, один из организаторов союзнической интервенции против советов; в конце 1919 г. — член северо-западного правительства. 50, 305, 306, 307, 308, 309, 311, 314, 315, 317, 321, 324, 326, 334, 338, 340.
- Мария Павловна, великая княгиня. 5.
- Марков, прозванный еще, с легкой руки Пуришкевича, «Марковым-Валей», — курский помещик, член Государственной думы (в списках которой значился как Марков П), крайний правый, «жидоед» и погромщик, истинный представитель черной сотни, вождем и вдохновителем реакционнейшей части монархического дворянства; по выражению Витте — один из «разбойников и негодяев реакционного боюла». В годы гражданской войны подвизался в армии Юденича. 303, 304, 352.
- Миркотун — член белогвардейского и Украинского национального комитета. 440, 441.
- Мартин — американский офицер. 336.
- Масленников А. М. — член Государственной думы, кадет; в годы гражданской войны — член белогвардейского «Совета государственного объединения России». 18.
- Маслов С. Н. — председатель Орловской губернской земской управы, член Особого совещания у Деникина, управлявший ведомством продовольствия, октябрист. 11.
- Марш — генерал, член английской миссии в Прибалтике, организатор белогвардейского северо-западного правительства. 298, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 316, 338.
- Махно Григорий — брат «батька» Махно. 239.
- Махно Нестор Иванович — знаменитый «батько»; вождем партизанско-бандитского отряда, оперировавшего на юге Украины, главным образом в районе Екатеринославской губ. Примыкал к анархистам. Партизанские выступления стал предпринимать еще в 1918 году против немцев и гетмана Скоропадского. Во время гражданской войны не раз переходил то на сторону Советской власти, то на сторону ее врагов. Не раз захватывал в свои руки крупные пункты, например, Екатеринбург, Александровск и др., где пребывание махновцев ознаменовывалось жесткими грабежами, погромами евреев и коммунистов. Окончательно ликвидирована его банда в 1921 году, а сам Махно бежал за границу. 38, 144, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 67, 368, 379, 395, 396, 424, 443, 454.
- Меркинг — полковник врангелевской армии. 428.
- Мизерникий — полковник денкинской армии, погромщик. 158.
- Миллер — генерал, главнокомандующий белыми войсками в Северной области, фактический диктатор области. 4.
- Милюв — английский генерал, главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке в 1919 г. 92, 95, 96, 101.
- Милюков Павел Николаевич — наиболее яркий и влиятельный из организаторов и вождей кадетской партии, ученый историк, автор ряда исследований и популярных работ по русской истории, талантливый журналист и публицист. В половине 90-х годов — политический эмигрант; перед революцией 1905 г. — один из организаторов и деятельных участников подпольной радикально-буржуазной организации «Союз освобождения». В революцию 1905 г. и в годы реакции — один из виднейших вдохновителей либеральной оппозиции правительству. В области внешней политики — неизменный сторонник империализма. В годы войны — упорный сторонник «борьбы до победного конца», т. е. до захвата Константинополя, проливов и Галиции. В первые дни Февральской революции старается спасти монархию, и только решительный напор революционных масс превращает на время его, а за ним и кадетскую партию — в республиканцев. В первом Временном правительстве М. занимает пост министра иностранных дел и, работая перед буржуазией Антанты, старается задержать ее в готовности России вести войну «до победы». Составленная в этом смысле нота, отправленная правительствам Ан-

танты 18 апреля 1917 года вызываает первую враждебную Эременному правительству демонстрацию рабочих и солдат, явно большевистского характера; демонстрация эта вызвала первый кризис Эременного правительства, после которого Милюков (вместе с Гучковым) вынужден был выйти из его состава. С этих пор М.—в лагере контрреволюции, интригует и ведет борьбу против правительства Керенского, ищет сближения с октябристами и монархистами, поддерживает Корнилова и Каледина. После Октября уезжает на юг и вдохновляет белогвардейское противосоветское движение, добиваясь интервенции со стороны монархической Германии, то со стороны держав победительницы. После победы Советской республики эмигрирует за границу и там неустанно проповедует интервенцию. В настоящее время—вождь левого крыла заграничных кадетов, так называемого «республиканско-демократического объединения», редактор их выходившего в Париже органа «Последние новости». 13, 17, 45.

Миной—эсер, белый эмигрант, 50.

Мирбах, граф.—германский посол в Советской России, убитый в Москве в июле 1918 г. левыми эсерами, поднявшими бунт против советской власти и желавшими вызвать этим убийством расторжение Брестского мира Германией с тем, чтобы снова вовлечь Россию в войну. После этого убийства Германия предъявила Советской республике требование ополуке в Москву батальона германских солдат. Требование это было отклонено Советским правительством, Германия же, ввиду неудач на западном фронте, не прибегла к репрессиям и ограничилась перенесением своего представительства в Псков, в полосу германской оккупации. 269.

Митрофан, архиепископ донской. 43.

Михаил Александрович, великий князь, брат Николая II, которому последний пытался передать престол 2-го марта 1917 года. Михаил, однако, счел более благоразумным отречься в свою очередь. После Октября был расстрелян летом 1918 года на Урале наряду с другими членами династии. 465, 466.

Михайлов, 220.

Михайлов—из отряда зеленых повстанцев Черноморья. 187.

Машевский—офицер денкинской армии, погромщик. 158.

Могилевский—член белогвардейского Украинского национального комитета. 440.

Молдавский. 62.

Морев, 126.

Муравьев Михаил Артемьевич,—офицер царской армии; в период Февральской революции сближается с левыми эсерами. После Октября сразу переходит на сторону Советской власти, участвует в защите Петрограда от наступающего отряда Керенского—Краснова, потом—в борьбе с Украинской центральной радой и Доном. В начале 1918 года был назначен главнокомандующим войсками действующими против Украинской рады, а затем—против чехословаков; в этой последней должности в июле 1918 года изменил Советской власти, пытался поддержать левых эсеров, поднявших мятеж в Москве, и двинуть на поддержку их войска с фронта, но был арестован и убит в Симбирске. 225.

Мякотин В. А.—старый литератор, публицист, сотрудник «Русского Богатства»; один из руководителей «народно-социалистической» партии. В период мировой войны—ярый оборонец; после Октября один из основателей «левой» белогвардейской организации—«Союз возрождения России», потом—белый эмигрант. 9.

Назаров—командир десантного отряда, высаженного Врангелем в Донской области летом 1920 года и уничтоженного Красной армией. 424, 437, 438.

Налбандов В. С.—крымский землевладелец и земек, министр белогвардейского крымского правительства ген. Сулькевича и правительства Врангеля, член врангелевской комиссии по земельной реформе. 386, 387, 398, 408, 409, 416, 458, 464.

Налетов—полковник армии Врангеля. 427.

Намиток—член Кубанской казачьей рады и ее парижской делегации, подписавшей договор с меджлисом горских народов. 46, 119, 132.

Науменко—генерал денкинской, потом—врангелевской армии. 120, 430, 437, 442, 445, Негодный. 453.

Немирович-Данченко Г. В.—заведывающий отделом печати у Врангеля. 354, 365, 368.

Ненарокомов—юрисконсульт министерства внутренних дел при Врангеле. 409.

Нератов А. А.—товарищ министра иностранных дел царского правительства, сохранивший ту же должность и в период Февральской революции. Правый. Во время гражданской войны—член Совета Государственного объединения, член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством иностранных дел. 11, 36, 46.

Неф—полковник, один из ко-

мандующих белой северо-западной армией. 258, 290.

Никифоров Д. И.—член Особого совещания при Деникине; правый. 12.

Николаев—инженер. 192.

Николай Николаевич—великий князь, верховный главнокомандующий русской армией в начале мировой войны; ныне—один из главарей монархической эмиграции, претендент на русский престол. 4, 369.

Новгородцев П. И.—профессор юрист; был близок к правительственным сферам Деникина и Врангеля; ныне—белый эмигрант. 12, 26, 46.

Новицкий—инженер, секретарь Карташева. 297, 304, 314.

Носович В. П.—сенатор, член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством внутренних дел. 12, 29, 31, 32.

Оболенин В., князь—председатель Симферопольской губернской земской управы в годы гражданской войны. 385, 409.

Ольга Александровна, великая княгиня. 5.

Ольденбургский А. П., князь. 175.

Омельченко Г. В. 31.

Остроухов—генерал денкинской армии. 216.

Пален, граф—офицер белой северо-западной армии. 293, 443.

Палеха—деникинский контрразведчик. 160.

Паличенко—петлюровский «агачман». 153.

Палицинов—генерал, состоявший во время гражданской войны на службе в организации ген. Шербачева в Париже. 49.

Пампушка-Бурлак—бандит, начальник стражи в м. Степанцах при добровольцах. 152, 160.

Парамонов Н. Е.—кадет, владелец известного издательства «Донская речь»; при Деникине некоторое время заведывал отделом пропаганды. 40.

Пекарь Фрума—еврейка, убитая добровольцами. 154.

Пелетич—председатель Черноморской губернской земской управы. 139.

Пепеляев Виктор Николаевич—последний премьер-министр Колчака, член IV Государственной думы, кадет. После Октября—активный белогвардеец, член «национального центра». Один из организаторов колчаковского переворота; у Колчака был сначала директором департамента милиции, потом—министром внутренних дел, а после ухода Вологодского—премьер-министром. Арестован вместе с Колчаком в вместе с последним расстрелян 7-го февраля 1920 года. 314.

Перлик—таврчский губернатор, член врангелевского правительства. 398.

Термыкин — сподвижник Булак-Балаховича, перебежчик из советской армии, авантюрист и насильник. После разгрома северо-западной армии поселился в Польше и занялся организацией бандитских отрядов для набегов на советскую территорию, продолжавшихся и после заключения мира с поляками. 286, 287, 288.

Петлюра С. В. — украинский социал-демократ, националист, член националистического украинского правительства, созданного Украинской национальной радой и провозгласившего после Октябрьской революции независимость Украины, а затем заключившего сепаратный мир с немцами и подавившего с помощью немецких штыков пролетарскую революцию на Украине весной 1918 года. Однако немцы, приведенные Петлюрой на Украину и ставшие фактическими хозяевами последней, недолго терпели власть «полубольшевистского» националистического правительства и уже в апреле 1918 г. заменили его гетманом. Последний после ноябрьской революции 1918 г. в Германии и ухода немецкого войска из Украины был сброшен народными силами, организован директорией (правительством, избранным Украинским национальным советом). В последней фактическим главою и командующим всеми вооруженными силами был Петлюра. Однако, несколько месяцев спустя директория и Петлюра были в свою очередь сброшены пролетарской революцией. Петлюра эмигрировал в Галицию, откуда организовал партизанскую борьбу и бандитские налеты на Украине. Весной 1920 года Петлюра вступил в союз с Польшей и вместе с нею вошел против Советской республики, вследствие чего утратил последние остатки влияния на крестьянство. После Рижского мира между Польшей и Советской Россией продолжал организовывать бандитские выступления на Украине, пока новая экономическая политика не подорвала почвы для бандитства среди крестьянства. Убит в Париже в 1926 году. 115, 144, 224, 226, 230, 239, 240, 253, 423, 440, 441, 444, 469.

Петриченко — прапорщик, махновец. 224, 226, 227, 245, 246.

Петров — полковник денкинской армии, начальник карательного отряда. 173, 174.

Петухонов А. В. — старый литератор, публицист, сотрудник народного журнала «Русское Богатство», один из руководителей «народно-социалистической» партии. Во время Февральской револю-

ции — министр в одном из коалиционных правительств Керенского. Ныне — за границей, сторонник возвращения эмигрантов в Советскую республику. 9.

Пешков А. В. — эсер, министр общественного призрения северо-западного правительства. 337, 338, 340, 341.

Пилленко А. А. — профессор, сотрудник «Нового Времени». 381.

Пилкин В. К. — контр-адмирал. 307, 338, 339, 340, 341.

Пилсудский — известный польский политик и фактический глава Польского государства. В 80-х годах прошлого века, будучи студентом Харьковского университета, принимает участие в студенческих беспорядках, вступает в социалистическую организацию, подвергается репрессиям и ссылке. С начала 90-х годов — член ППС, один из первых ее членов. Ярый сторонник независимости Польши и ее освобождения путем вооруженного восстания. Во время мировой войны помогает Австрии организовать польские отряды для борьбы с Россией. Первый учредительный сейм Польши в феврале 1919 г. единогласно избирает П. начальником Польского государства и верховным вождем всех вооруженных сил. На этом посту, опираясь на поддержку Антанты, П. ведет ярую противосоветскую политику, проповедует «федерализм», т. е. отторжение от Советской России ряда областей и объединения их с Польшей, и, пользуясь гражданской войной, предпринимает вооруженное наступление на советскую территорию, захватив значительные ее области еще до Польско-русской войны 1920 г. Во время этой войны руководит операциями польской армии. В конце 1922 г. официально уходит от политической деятельности, но в 1926 году, опираясь на преданную ему военищину, устраивает фашистский переворот и снова становится фактическим главою Польши, посадив в президенты и в правительство послушных себе марионеток. 110.

Пильц А. И. — иркутский генерал-губернатор при царском режиме, гражданский губернатор в Одессе при Деникине. 29.

Пирогордон — полковник, начальник английской политической миссии в Прибалтике в 1919 г. 309, 311, 317.

Писарев — генерал врангелевской армии, командир корпуса. 419, 455.

Питка — командир эстонской армии. 292.

Плющевский — Плющик — гене-

рал-квартирмейстер денкинской армии. 7.

Погуляев — адмирал, состоявший во время гражданской войны на службе в организации ген. Щербачева в Париже. 49.

Подшивалов — офицер денкинской армии, погромщик. 153.

Покровский — генерал, командовавший в начале 1918 года кубанским добровольческим отрядом в Екатеринодаре. После слияния этого отряда с корниловским (в апреле 1918 г.) — один из генералов добровольческой армии, Бандит в генеральском мундире. Уже на пороге изгнания добровольческой армии ознаменовал свою деятельность разгромом Кубанской рады и повышением члена парижской делегации этой рады Калабукова, обвиняемого Деникиным в измене (7 ноября 1919 года) за заключение договора с Горской республикой. 119, 120, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 165.

Поллок Г. — корреспондент английской газеты «Таймс». 314, 305, 306, 309.

Поляков — полковник, начальник снабжения армии и населения в Северо-западной армии. 204, 315.

Поска — министр эстонского правительства. 308.

Пржевальский — генерал, командир белогвардейского отряда в Баку в 1919 году. 103.

Приходко — полковник, член Кубанской краевой рады. 140.

Пронин — полковник, редактор врангелевской официальной газеты «Военный Голос». 364.

Прудой — эсаул денкинской армии. 132.

Прюссинг — офицер штаба северо-западной армии. 345.

Пугачев — знаменитый вождь крестьянского восстания в Поволжье в XVIII в. в царствование Екатерины II. 261.

Пуль — английский генерал, начальник британской военной миссии на юге России. 90, 94.

Пуришкевич В. М. — из среды бессарабских помещиков — наиболее черносотенной части русского дворянства, давшей целый ряд вождей монархического движения. Один из руководителей монархического крыла Государственной думы. Проповедовал беспощадную борьбу с революционерами и евреями. Организатор одной из черносотенных погромных клик, так называемого «Общества Михаила архангела». В эпоху разложения царизма перед Февральской революцией задумал спасти монархию и династию устранением Распутина и с этой целью организовал убийство последнего 17 декабря 1916 г. совместно с кн. Ф. Ф. Юсуповым и вел. кн. Дмитрием Павловичем.

При советской власти был арестован за контрреволюционную деятельность, но затем освобожден. Умер на Кавказе в 1919 году. 44.

Гяте К. — глава первого правительства независимой эстонской республики. 297.

Рагоза — генерал, военный министр Украины при гетмане. 223.

Развозов — адмирал. 342.

Разин Степан Тимофеевич, так называемый «Стенька Разин», вождь мощного казачко-крестьянского восстания в 1667—1671 гг. Начав с Дона, «мятежники» под предводительством Разина захватили Астрахань, Царицын, Саратов и все Поволжье вплоть до Нижнего и Пензы; но под Симбирском Разин был разбит царскими войсками, бежал на Дон, здесь был захвачен в плен и казнен в Москве после пыток 6 июня 1671 г. При усмирении восстания было перебито и казнено свыше 100.000 человек. 261.

Раковский Х. Г. — один из старейших русских социал-демократов, член ВКП(б), председатель Совнаркома Украины, потом — полпред в Лондоне, в настоящее время — полпред в Париже. 229, 230.

Распутин Григорий Ефимович — известный «старей» из тобольских крестьян, распутник, пользовавшийся неограниченным доверием Николая II и особенно жены его Александры Федоровны, через которую Р. влиял на решения важнейших государственных дел и на подбор министров. Своими гнусностями немало помог разоблачению истинной природы российского самодержавия в глазах широких масс. Сделавшись ненавистным для всех слоев, исключая ничтожной клики придворных, убит 16 декабря 1916 г. Пуришкевичем, вел. кн. Дмитрием Павловичем и кн. Сушковым. 41.

Рафалович — русский финансовый агент в Париже при царском правительстве, в период гражданской войны — член экономического совещания при Русском политическом совещании в Париже. 48, 49.

Ревинш — генерал, командир чеченской бригады врангелевской армии. 388.

Ригов — эстонский офицер, командир отряда, занявшего Псков в мае 1919 г. 267, 268.

Роговец — полковник, член Кубанской казачьей рады. 127, 128.

Рождественский З. Г. — вице-адмирал, начальник эскадры, посланной во время русско-японской войны 1904—1905 гг. из Балтийского моря на театр войны на Дальний Восток. В морской битве с японским флотом под Цусимой 27—28 мая 1905 г. потерял полное

поражение почти вся его эскадра погибла, сам он был ранен и захвачен в плен. Умер в 1909 г. в Петербурге. 355.

Родзянко А. П. — генерал, командовавший белой сепаратной армией в 1919 г. до вступления в должность командующего ген. Юденича, потом — в подчинении последнему; правый. 277, 380, 281, 282, 283, 284, 287, 288, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 298, 299, 300, 303, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 330, 333, 334.

Родзянко Михаил Владимирович — председатель IV (последней по счету) Государственной думы, один из крупнейших помещиков в России. В молодости — умеренно-либеральный земец, председатель Екатеринославской губернской земской управы. После революции 1905 года вступил в партию октябристов, где входил в центральную группу «земцев-октябристов». Председателем Государственной думы избран в 1912 году. Во время мировой войны стал одним из активнейших вождей так называемого «прогрессивного блока» — межпартийного объединения думской буржуазной оппозиции, и в этом качестве сыграл крупную роль в деле разложения царского режима перед революцией. После Февраля — один из застрельщиков правой оппозиции Временному правительству. После октябрьской революции появляется на Дону, при корниловской (затем — денкинкой) добровольческой армии, где, однако, остался непризнанным, так как был оставлен черносотенным офицерством, как «революционер». Вскоре эмигрировал за границу, где и умер в Сербии в 1924 г. 8 21.

Розенберг — ротмистр, начальник штаба северной армии. 288.

Романовский Иван Павлович — генерал, начальник штаба добровольческой армии и член Особого совещания при Деникине, возбуждавший сильнейшее негодование среди добровольческого офицерства своим интриганством. Убит русским офицером в Константинополе в 1920 году. 6, 7, 11, 12 15, 115, 352, 353.

Ромашко — главарь банды, оперировавшей на Украине в период гражданской войны. 146.

Ронжин — генерал, главный военно-морской прокурор в армии Врангеля. 360.

Рощенко — подпрапорщик, начальник одного из отрядов зеленых повстанцев Черноморья. 185, 186, 188, 189, 19.

Рубашкин — генерал врангелевской армии. 443.

Руднев В. В. — эсер; в дни Октябрьского восстания —

московский городской голова, один из организаторов вооруженных сил для подавления восстания; после Октября — член «Союза возрождения России». По окончании гражданской войны — эмигрант. 9.

Руницев — добровольческий командант в Фастове. 160.

Рябов И. И. — член Учредительного собрания. 209, 211.

Рябовол Н. С. — председатель Кубанской краевой рады, вождь казачьей автономистской оппозиции против централизма командования добровольческой армии, убитый из-за угла денкинскими офицерами 2 июня 1919 года в Ростове. 119.

Рябушинский П. П. — известный московский капиталист, банкир, председатель Московского военно-промышленного комитета, член Государственного совета, член Финансового совещания при Врангеле; по окончании гражданской войны — эмигрант. 463.

Саблин — известный представитель русской эмигрантской дипломатии, советчик английского консервативного правительства Болдуина. 48.

Савинков Б. В., — участник студенческого движения 1899 г. в 1901 г. — социал-демократ, работавший в спб. «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»; вскоре затем перешел к эсерам и в 1903 г. вошел в состав «Боевой организации» вместе с Азефом. Организатор ряда террористических актов этой партии. В период Февральской революции — крайний оборонец, некоторое время — управляющий военным министерством; на этом посту поддерживал Корнилова. После Октября — активнейший враг советской власти, организатор белогвардейских заговоров и восстаний, например, офицерского «Союза защиты родины и свободы», ярославского, муромского и рыбинского восстаний летом 1918 года и др. Помогал организации добровольческой армии, поддерживал Врангеля. Во время Польско-русской войны 1920 года организовал под начальством погромщика и головореза Булак-Балаховича русские белогвардейские отряды, сражавшиеся на стороне Польши. Продолжал и потом организовывать при содействии польского генерального штаба бандитские набеги на пограничные местности России. В 1924 г. арестован на советской территории, после чего объявил себя сторонником советской власти. Будучи приговорен к десятилетнему заключению, покончил с собой в тюрьме весной 1925 г. 47, 443.

Савицкий — член Кубанской ка-

рачей рады и ее парижской делегации. 46, 119, 132.

Савич Н. В. — октябрьск. член Государственной думы; в период гражданской войны — член Совета Государственного объединения, член Особого совещания при Деникине. 12, 409.

Савонов С. Д. — министр иностранных дел царского правительства перед мировой войной и в ее начале; слыл либералом, старался ладить с Государственной думой, удалялся от Антанты, избран Николаем 7-го июля 1916 года по провозам Рауткина и Штурмера. После Февральской революции был назначен Временным правительством послом в Лондон. После Октября активно поддерживал белогвардейское движение; состоял членом Особого совещания при Деникине; затем вошел в состав образовавшегося в Париже Русского политического совещания, которое присваивало себе роль русского представительства за границей, в действительности же старалось подкрепить державы Антанты к интервенции против Советской республики. 16, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 55.

Саламанов — полковник, гдовский комендант при власти белых. 327.

Салип — фельдшер. 159.

Самосенко — украинский «атаман», погромщик. 153.

Саянников А. С. — генерал, одесский городской голова, потом — член Особого совещания и главный начальник снабжения деникинской армии, в 1919 г. был назначен Деникиным на пост главнокомандующего в Одессу. 11, 12, 76, 78, 79, 82, 83.

Сахаров — полковник добровольческой армии. 148.

Светский — штабс-капитан деникинской армии, погромщик. 158, 161, 162.

Сеймур — английский адмирал, командовавший в 1919 г. английской черноморской эскадрой. 90.

Семенов Григорий — казачий есаулу; после Октябрьской революции стал «атаманом» забайкальского казачьего войска и, обосновавшись в Харбине, начал на деньги капиталистов и французского агента Буржуа формировать казачьи отряды для борьбы против советской власти. Отряды эти прославились своими грабежами бандализмом, дикими насилиями над населением и необузданным террором. С помощью японских оккупационных войск Семенову удалось захватить в свои руки всю дальневосточную окраину, начиная от Байкала, где и после окончания гражданской войны в евро-

пейской России и Западной Сибири еще продолжалась в 1921 — 1922 гг. борьба за власть советов. 444, 453.

Скоблин — генерал армии Врангеля. 457.

Скобцов Д. — член Кубанской казачьей рады, лидер линейцев. 114, 435, 452, 453, 469.

Славуцкий. 146.

Слашев — один из генералов деникинской, потом — врангелевской армии, прославившийся самодурством и бесчеловечными казнями политических противников контрреволюции. После разгрома Врангеля, находясь за границей, выразил раскаяние и, будучи поощрен советской властью, возвратился в Советскую республику; состоит преподавателем в одной из военных школ. 5, 240, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 251, 358, 371, 381, 382, 423, 456.

Смелков — член Павловской (Петроградской губ.) городской управы. 342.

Смелянский — еврей, подвергнутый пыткам добровольцами. 154.

Снясаренко — врач 2-й Терской властунской бригады добровольческой армии. 158.

Соколов К. Н. — профессор, кадет, член национального центра, член Особого совещания при Деникине, управлявший отделами законов и пропаганды. 8, 12, 40.

Соколов Н. Д. — петроградский присяжный поверенный, примыкавший к большевикам, защитник по политическим процессам. После Февральского переворота вошел в Исполнительный комитет Петроградского совета, где примкнул к меньшевикам. Считается автором знаменитого приказа № 1 Петроградского совета. 100.

Соколовский — один из украинских «атаманов»-бандитов в период гражданской войны. 153, 224.

Соотс — генерал, начальник штаба эстонской армии. 348.

Сорокин — член реввоенсовета армии, наступавшей в 1920 г. на Черноморье. 208, 209, 210, 211, 212.

Сорокин Ф. Д. — бывший матрос, организатор зеленых партизан в Социальном округе. 178, 209.

Спивак Еф. Б. — эсер, расстрелянный добровольцами. 170.

Степанов В. А. — кадет, член Государственной думы, товарищ министра торговли при Временном правительстве; во время гражданской войны — член национального центра, член Особого совещания при Деникине и государственный контролер. 12, 45.

Столыпин Петр Аркадьевич — знаменитейший усмиритель революции 1905—1907 гг. Помещик и дворянин. Саратовский губернатор с 1902 по

1906 г.; отличился усмирением крестьянского движения в этой губернии. В 1906 г. — министр внутренних дел в кабинете Горемыкина, а после разгрома Государственной думы — председатель Совета министров, на каком-то посту усмирят ряд вспыхнувших в разных местах восстаний и вводит военно-полевые суды для «политических преступников». В 1907 г. устраивает государственный переворот 3 июня, разогнав оппозиционную II Государственную думу и опубликовав с нарушением «основных законов» новый закон о выборах, сильно сокративший избирательные права рабочих и крестьян. Получив послушную Думу, становится, по выражению Ленина, «главой правительства контрреволюции»: душит политическое и профессиональное движение пролетариата, пулями и розгами усмирят крестьянские восстания, с помощью репрессий и чудовишной провокации почти уничтожает революционные организации и черносотенную прессу; подачками и поощрением старается привлечь на сторону царизма крупный капитал; с другой стороны своим аграрным законодательством и поддержкой «хозяйственного мужика» развивает кулацкое хозяйство в деревне. Не сумев разрешить неразрешимую задачу — дать устойчивое сочетание свободного развития капитализма с християнским самодержавием, пал на своем посту от руки полуохранника-полутеррориста Багрова. Последний выстрелом из револьвера 1 сентября 1911 г. в киевском театре нанес Столыпину смертельную рану от которой тот умер 5 сентября, 419, 454.

Стоякин — полковник, сподвижник Булак-Балаховича. 276, 284, 285.

Строве. 358, 359.

Струве Петр Бернгардович — один из выдающихся идеологов и политических вождей русской буржуазии. В начале 90-х годов — один из отцов легального марксизма, выпустивший в 1894 г. нашу первую книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Считая себя социал-демократом, в 1898 г. явился автором знаменитого манифеста, выпущенного II Съездом РСДРП. Непосредственно вслед за тем примыкает к ревизионизму, а затем становится лидером радикальной буржуазии, одним из организаторов «Союза освобождения» — предтечи октябрьской партии и редактором его нелегального органа

«Освобождение», пользовавшегося огромной популярностью среди буржуазии и интеллигенции в России. После революции 1905 г. эволюционировал еще более вправо и примыкает к октябристам, а после 1917 г. становится активным контрреволюционером, занимая, между прочим, один из министерских постов во врангелевском правительстве. В настоящее время скатился до монархизма и состоит редактором выходящей за границы монархической газеты «Возрождение», 1. 375, 393, 394, 398, 401, 405, 440, 444, 454.

Струк — один из украинских «атаманов»-бандитов. 224.

Суворин Б. А. — один из поколения «сувориных сынов», сын издателя «Нового Времени», издатель бульварной газеты «Вечернее Время» в Петрограде; после Октября перенес это издание к Деникину и Врангелю, а после крушения последнего — за границу, где и теперь выпускает черносотенно-монархический листок «Новое Время». 366.

Суворов М. Н. — генерал армий Юденича, член Политического совещания при Юдениче. 295, 297, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313.

Султан-Келеч-Гирей — генерал деникинской армии, черкес. 131.

Султан-Шахим-Гирей — горец, член Кубанской рады. 121, 131.

Сулькевич — генерал, председатель крымского правительства, существовавшего в период немецкой оккупации Крыма в 1918 г. 286.

Суходольский — еврей, задушенный добровольцами. 154.

Сущков Ф. С. — председатель кубанского казачьего правительства, угождавший деникинскому командованию, которое вело борьбу с казачьей автономией. 116, 119, 125, 129, 132, 133, 140.

Таганцев Н. Н. — председатель Петроградского окружного суда, министр юстиции в правительстве Врангеля. 398, 402, 403, 409.

Тверской — министр внутренних дел врангелевского правительства. 361, 363, 364, 365, 366, 409.

Тенисов — председатель эстонского правительства в 1918 г. 38.

Тер-Григорьян — прапорщик, председатель Сочинской городской думы и Исполкома советов. 169, 170, 195.

Тешер — инженер. 277.

Тимоновский — генерал, командовавший бригадой добровольческой армии в Одессе в 1919 г. 83.

Тимошенко И. П. — член, потом — председатель Кубан-

ской казачьей рады; демократ. «докатизмился», по словам Деникина, до большевизма. 31, 32, 122, 212, 213, 214, 215, 426, 427.

Титов А. А. — народный социалист, тов. министра продовольствия Временного правительства; во время гражданской войны — член «Союза возрождения России», член Русского политического совещания в Париже. 9, 47.

Тихменев — генерал, правый, член Совета государственного объединения, член Особого совещания при деникинском армии и главный начальник военных сообщений. 11.

Томашевский-Сергеев — участник крестьянского съезда Сочинского округа в 1920 г. в период «зеленых», большевик. 201, 205, 206, 207, 208.

Томсон — генерал, командовавший английскими войсками в Азербайджане в 1919 г. 100, 101, 102, 103, 104.

Топольянен — финский офицер, командовавший белогвардейским отрядом ижорцев в Северо-западной области. 291, 292.

Третьяков — генерал врангелевской армии, командир Марковской дивизии. 419, 455.

Третьяков — полковник, начальник военных сообщений в Северо-западной армии при Родзянко. 294, 333.

Третьяков С. Н. — председатель московского биржевого комитета; при последнем Временном правительстве Керенского — председатель Экономического совета; в последнем правительстве Колчака — министр торговли и заместитель председателя Совета министров; член Финансового совещания при Врангеле. 463.

Троцкий Лев Давыдович (Бронштейн). 61, 227, 235, 239, 259, 340, 383.

Трубецкой Г. Н., князь — правый, член Совета государственного объединения, член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством исповеданий. 12, 43, 46.

Трубецкой Евгений Николаевич, князь, — профессор Киевского, потом Московского университета, участник либерального движения 1904 — 1905 гг., умеренно-либеральный кадет, потом мирнообновленец. В годы гражданской войны — злостный враг Советской республики, подвизавшийся в деникинских газетах. Умер в 1919 г. 18.

Туркул — генерал армии Врангеля. 457.

Тхоржевский И. И. — бывший член совета Петроградского торгово-промышленного банка. 332.

Тюни — эстонец, магистр Пе-

тербургского университета. 292.

Тютюнник — один из украинских «атаманов»-петлюровцев; воевал против Советской республики в 1920 г. вместе с Польшей, прославился еврейскими погромами. В конце 1923 г. выразил раскаяние и был помилован ВЦИКом. 234.

Улагай — генерал деникинский, потом — врангелевской армии. 371, 372, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 452.

Унт — полковник эстонской армии. 292.

Уоккер — английский генерал, командовавший во время гражданской войны английскими военными силами в Закавказье. 57, 94.

Усов — начальник офицерской кружки в школе при добровольцах. 159.

Успенский — полковник, член Кубанской казачьей рады. 131.

Успенский Н. М. — генерал добровольческой армии. 123, 125, 129, 131, 140.

Утеман В. В. — директор банка, промышленник. 332.

Учадзе — «зеленый» повстанец Сочинского округа. 187, 188, 189, 207, 209.

Фейн — английский полковник. 174, 183, 203.

Федоров М. М. — управляющий министерством торговли при Литке, гласный Петроградской думы; во время гражданской войны — председатель национального центра, член Ясской делегации, член Особого совещания при Деникине. 9, 12, 18, 23, 32, 33.

Федюшкин. 453.

Фендриков. 452.

Фенин А. И. — член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством торговли и промышленности. 12, 109.

Филимонов А. П. — генерал; после Февральской революции — председатель кубанского войскового правительства, а с 11 октября 1917 г. — первый выборный атаман кубанского казачьего войска, занимавший этот пост до 10 ноября 1919 года. В борьбе между кубанским казачеством и командованием добровольческой армии, стремившимся лишить казаков автономии и вольностей, Ф. служил орудием в руках добровольцев. 115, 116, 117, 120, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 133, 140, 429, 430, 448, 453.

Филимонов Д. А. — член Кубанской казачьей рады. 46, 48, 135, 136.

Фидльпеек М. М. — инженер, министр Северо-западного правительства. 295, 297, 303, 304, 396, 397, 399, 311, 314, 338.

Филдковский В. Н. — эсер, председатель самарского белого правительства. 178, 181, 194, 202, 204, 205, 206, 209, 211.

Форесте Уоккер — английский

- ...командиром 1-й бригады казаков в Закавказье в 1919 г. 91, 96, 101, 102.
- Чайков — генерал добровольческой и врангелевской армий, организатор казачьего восстания на Кубани против советской власти в 1919 г. 33, 425, 426, 427, 428, 432.
- Чайковский Франсуа — французский генерал, командовавший в 1918—1919 гг. войсками Антанты на востоке, а также на русском южном фронте гражданской войны. 63, 67, 68, 69, 82, 84, 84, 85, 88, 374.
- Чайковск — полковник, начальник штаба французского генерала д'Анжелы, начальника французского оккупационного отряда в Одессе в 1919 г. 77, 80, 81.
- Чайковск, М. В. — старый большевик, занимавший во время гражданской войны ответственные командные посты в Красной армии. В 1925 г., после отставки Л. Д. Троцкого — Наркомвоен. Умер в 1925 г. после операции. 261.
- Чайковск — французский капитан, представитель ген. Франсе д'Эспере на Дону. 38, 69, 84.
- Чазаров — член меджлиса горских народов. 132.
- Чарламов В. А. — кадет, председатель «Круга спасения Дона» и «Большого войскового круга», глава объединенного правительства Юго-восточного союза. 120, 139, 371, 373.
- Частотин Григорий. 145.
- Черапат — полковник, начальник английской военной миссии при Юдениче. 311, 326.
- Чердаковский — генерал добровольческой армии. 235.
- Черемин — английский генерал, начальник британской военной миссии на юге России. 90, 97.
- Чермутов — полковник северозападной армии, начальник военно-гражданской части. 281, 282, 283, 284, 293, 294, 296, 298, 299, 300, 303.
- Чернин — есаул денкинской армии. 132.
- Чочолава — особополномоченный грузинского правительства в Сочинском округе. 168, 169, 170.
- Чрипунов А. С. — земец, член Совета государственного объединения России. 18.
- Хорстель — начальник французской военной миссии при Юдениче. 311.
- Цейдлер Г. Ф., профессор. 373.
- Цимбалест — член Реввоенсовета IX Советской армии в 1920 г. 208, 209, 212.
- Цитович — член белогвардейского «Украинского национального комитета». 440.
- Чаев. 422.
- Чайковской — полковник добровольческой армии. 172.
- Чайковский Николай Васильевич — один из первых русских революционеров, один из организаторов «кружка чайковцев», основанного в 1869 г. В 1877 г. эмигрировал за границу. Один из основателей «Фонда вольной русской прессы» в Лондоне в 1891 г. Впоследствии примкнул к эсерам. После революции 1905 г. вернулся в Россию, став кооператором. В дальнейшем примкнул к трудящим и стал членом ЦК объединенной трудовой народно-социалистической партии. Во время мировой войны — ярый оборонец. После Октября — активный враг пролетарской революции и участник белогвардейских организаций — «Комитета спасения родины и революции», «Союза возрождения России» и др. В 1918 году был главой белого правительства Северной области, потом — членом Русского политического совещания и «русской политической делегации» в Париже. В 1920 г. — член эфемерного денкинского «южно-русского правительства». После поражения вооруженной контрреволюции не отказался от активной борьбы с советской властью и явился одним из организаторов контрреволюционного «центра действий», действовавшего и на территории Советской России при ликвидированном киевским ГПУ в 1923 году. Умер белым эмигрантом в 1926 г. 47, 48, 50, 55.
- Чалый — атаман. 222.
- Чихотин — профессор, глава «исследовательского отделения» добровольческой армии до 1919 г. Потом — сменовеховец. 39, 40, 41, 42.
- Чебышев Н. Н. — правый, член «национального центра» и Совета государственного объединения; член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством внутренних дел. 11, 12, 28, 29, 37, 355, 366, 377, 378.
- Челышев В. И. — член национального центра, член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством юстиции. 11, 12, 34, 36, 37, 109.
- Черепов — генерал добровольческой, затем врангелевской армии. 371, 373, 430, 432, 434.
- Чермоев Топа — председатель Союза горцев Северного Кавказа. 119, 132.
- Чернецов — есаул, командовавший в начале гражданской войны казачьим партизанским отрядом, действовавшим против большевиков в Донской области в 1917—1918 годах, усмиритель донецких шахтеров, нанесил огромный вред советским отрядам смельными и быстрыми ударами. Попал в плен и убит 21 января 1918 г. 381.
- Черняков Лев — псевдоним Маркова (см.), члена Государственной думы. 303.
- Черячукин — донской генерал, при Краснове — представитель Донского войска в Киеве при гетмане и в Берлине. 81.
- Чириков, капитан. 202.
- Шавельский — протопресвитер при добровольческой армии. 43.
- Шатилов — генерал, помощник главнокомандующего при Врангеле. 358, 377, 380, 398, 428, 429, 452.
- Шварц — генерал, военный инженер, военный губернатор Одессы, назначенный французским командованием (в 1919 г.). 82, 83.
- Шевцов — советский командант Туапсе в 1920 г. 207, 208.
- Шейнблум. 146.
- Шенрон-де-Лоре — генерал-адъютант генерала Алексеева. 352.
- Шидлинг — генерал денкинской, потом — врангелевской армии. 144, 232, 235, 243, 401.
- Шинкарь — атаман повстанческого отряда на Украине при гетмане. 229, 230.
- Шипов И. П. — член Особого совещания при Деникине, правый. 12.
- Шиффер-Маркевич — генерал врангелевской армии. 371, 327, 429, 431.
- Шкуро — генерал денкинской армии, командир конницы, прославившийся своим бандализмом. 5, 212, 214, 215, 216, 217, 240, 243, 244, 245.
- Шлезберг — еврей, арестованный добровольцами. 144, 145.
- Шлейфер — член врангелевской комиссии по земельной реформе, из царских чиновников. 385.
- Шрейдер Г. И. — эсер, журналист; в период Февральской революции — петроградский городской голова. 8.
- Штейн — полковник северозападной армии, гдовский командант. 330, 331.
- Штрагман — министр-президент эстонского правительства в 1919 г. 397, 398, 315.
- Шуберский Э. П. — инженер, член «национального центра», член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством путей сообщения. 11, 12, 75.
- Шульгин В. В. — монархист, талантливый журналист; приобрел известность в качестве редактора краснотетеной юдофобской газеты «Киевлянин». Член IV Государственной думы из партии «националистов», член «прогрессивного блока». В первые дни Февральской революции вместе с Гучковым получил от Николая II акт об отречении, за которым ездил к нему в Псков. После Октября — в рядах активных белогвардейцев на юге; один из членов Особого совещания при денкинской армии. После разгрома Деникина и Врангеля — белый

эмигрант. Автор ряда ярко написанных белогвардейских произведений («Дни», «1920 г.» и др.). 10, 12, 26, 28, 45, 149.

Щерин — народник, известный сатирик 70-х и 80-х годов XIX в., осмеивавший царскую администрацию и старорежимные порядки. 402.

Щепетильников — полковник денikinской армии, погромщик. 158.

Щербачев — генерал царской армии, главнокомандующий армиями румынского фронта во время мировой войны. В годы гражданской войны был представителем Деникина в Париже. 49, 51, 66, 67, 68.

Щербачев — капитан 2-го ранга врангелевского флота.

Щербина — член Кубанской казачьей рады. 133.

Щетинин — екатеринославский губернатор при добровольцах. 243, 244, 245, 246.

Эйлинский Ф. Г. — инженер, псковский городской голова, министр продовольствия в северо-западном правительстве. 28, 304, 307, 3 4.

Эльгарт Л. — еврей, подвергну-

тый пыткам и убитый добровольцами. 154.

Энгельгардт — полковник, начальник контрразведки у Балаховича в Псковском районе в 1919 г., вымогатель, насильник и палач. 272, 276, 278, 282, 283, 315, 319.

Энно — французский консул в Киеве и в Одессе при белых. в 1918—1919 гг. 76 77.

Эрдели — генерал денikinской армии. 67, 91, 101, 104.

Эри — министр северо-западного правительства. 304, 307.

Юденич — генерал царской армии, главнокомандующий кавказским фронтом во время мировой войны, правый. После Октября эмигрировал в Финляндию и в 1919 г. получил соответствующее назначение от Колчака, стал во главе русской белогвардейской северо-западной армии, сформированной в Эстонии. Эта армия при поддержке белой Эстонии и союзников дважды предпринимала наступление на Петроград — в мае 1919 года под командой ген. Родзянко и в октябре того же года под командой самого

Ю. Оба эти похода закончились неудачей, и после второго из них северо-западная армия, загнанная Красной армией в Эстонию, вынуждена была ликвидироваться. 4, 21, 26, 49, 166, 277, 295, 298, 304, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 321, 324, 325, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 3-8, 339, 3-0 341, 342, 343.

Юзефович — генерал врангелевской армии. 444.

Юрченко В. П. — член Особого совещания при Деникине, управлявший ведомством путей сообщения. 12.

Якоб — полковник из штаба Балаховича. 276.

Яковлев — офицер денikinской армии. 158.

Ямпольский — еврей, подвергнутый пыткам добровольцами. 154.

Янов — генерал армии Юденича, главный начальник снабжения. 334, 335, 336, 337.

Ярославцев — генерал северо-западной армии. 292, 325, 340 342, 345.

Ященко — «атаман», подручный Махно. 253.